

IV ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО
ЗНАНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
Иркутск, 7–9 декабря 2020 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

IV ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
Иркутск, 7–9 декабря 2020 г.

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0
Г73

Печатается по решению ученого совета
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебрянникова, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.)
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук
Е. В. Кремнёв, канд. социол. наук
Е. В. Лесниковская, канд. социол. наук
С. В. Стефановская, канд. филол. наук
И. В. Шалина, канд. ист. наук
Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук
В. В. Ананьев
Ю. О. Корешкова
Е Хуэй (Цзянсийский финансово-экономический университет, КНР)

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 20-011-22047*

Г73

IV Готтлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение
Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинар-
ного знания : материалы Международной научной конференции.
Иркутск, 7–9 декабря 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред.
Е. Ф. Серебрянникова]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 487 с.
ISBN 978-5-9624-1867-4

Основной тематикой чтений, посвященных памяти и развитию научного наследия выдающегося российского китаеведа Олега Марковича Готлиба, стали фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР, разрабатываемые в рамках регионологии, языкознания, лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии, социологии и этнологии стран АТР.

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам, специализирующимся в области регионологии, регионоведения, восточного языкознания и лингводидактики, гуманитарных наук, связанных с комплексным изучением Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник включен в договор о размещении материалов в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0

ISBN 978-5-9624-1867-4

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода

Олега Марковича Готлиба

(20.10.1951–08.06.2016)

РАЗДЕЛ I

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

УДК 327.82

Н. А. Васильева, З. Шахуд

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Современный многоязычный мир народов нуждается в интерактивных диалоговых формах коммуникации как альтернативе враждебной отчужденности и противостоянию. В основе методологии политической герменевтики находятся проблемы объяснения и понимания политической реальности. Диалоговые формы коммуникации становятся основополагающими в современных международных отношениях, где интернет-пространство создает необходимые предпосылки для развития переводческих технологий и культуры политической интерпретации различных цивилизационных кодов.

Ключевые слова: политическая герменевтика, диалоговые формы коммуникации, международные отношения.

N. Vasilieva, Z. Shahoud

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

ON THE ROLE OF POLITICAL HERMENEUTICS IN INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract. The modern multilingual world of peoples needs interactive dialogue forms of communication, as an alternative to hostile alienation and confrontation. The methodology of political hermeneutics is based on the problems of explanation and understanding of political reality. Dialogue forms of communication are becoming fundamental in modern international relations, where the Internet space creates necessary prerequisites for the development of translation technologies and a culture of political interpretation of various civilization codes.

Keywords: political hermeneutics, dialogue forms of communication, international relations.

В условиях первой половины XXI в. процессы глобализации, информатизации и демократизации привели к тому, что многоязычный мир народов стал нуждаться в интерактивных диалоговых формах коммуникации как альтернативе враждебной отчужденности и противостоянию. Многообразии международных контактов государств, международных организаций и гражданского общества порождает огромное число различ-

ных международно-правовых, политических, экономических, культурных и прочих документов, которые необходимо идентифицировать в соответствии с цивилизационными и историческими нормами тех или иных народов. Поэтому столь актуально использовать методологию политической герменевтики в качестве способа формирования взаимопонимания народов в условиях современной международной жизни. По мысли Г. Гадамера, «мы понимаем язык постольку, поскольку мы в нем живем... Герменевтическая проблема состоит, таким образом, вовсе не в правильном пользовании языком, но в истинном взаимопонимании по тому или иному поводу, осуществляемом в среде языка» [Гадамер, 1998, с. 448]. Именно язык является той особой реальностью, внутри которой происходит понимание человека человеком, понимание другой цивилизации и культуры. Ввиду этого в современном мире так важно найти общий язык диалогового общения, что, например, легло в основу создания в рамках ООН форума «Диалог цивилизаций» по инициативе Турции и Испании.

Как отмечает Л. А. Липская, герменевтический подход, дополненный другими исследовательскими подходами, дает наиболее полное и глубокое представление о мире политики. Специфика современной политической герменевтики заключается в том, что процесс исследования осуществляется с учетом историчности и субъекта, и объекта познания, непрерывной рефлексии взаимосвязи и взаимообусловленности будущих, современных и прошедших событий [Липская, 2016, с. 45]. В этой связи важно проанализировать специфику понимания современных демократических принципов в различных культурах. Например, в соответствии с европейской традицией справедливость и законность суть тождественные понятия, поэтому регулируются законодателями. В то же время в арабско-мусульманской культуре справедливость не устанавливается, а восстанавливается как утраченное равновесие или гармония. Европейская традиция в политическом диалоге требует от партнеров достаточно жестких и однозначных ответов: да или нет. Но в традициях неевропейских политических культур не принято ставить партнера перед жестким однозначным выбором – формулировать вопросы, требующие однозначных ответов.

Именно политическая герменевтика призвана способствовать поиску общих смыслов в языке международного общения и выработке универсальных норм человеческого общежития. «Логика политической герменевтики основана на принципе дополнительности, на том, что истину не может познавать и быть ее носителем кто-то один. В процессе диалогового обсуждения исследуемых проблем происходит не навязывание мнения оппоненту, а уважительное к нему отношение, дополнение своего мнения мнением партнера по политической дискуссии» [Липская, 2016, с. 45].

Однако в современном мире международное право и базовый понятийный аппарат основан на европейских философских принципах антро-

поцентричного подхода к правам человека, что вызывает ряд негативных откликов в «незападном» мире. В своих мемуарах Элеонора Рузвельт вспоминает о первом заседании комиссии по разработке Всеобщей декларации прав человека (1948 г.): «Д-р Чан был плюралистом и восхитительно говорил о том, что существует не одна, а несколько форм конечной реальности. В Декларации, говорил он, должны быть отражены не одни западные идеи, и д-ру Хамфри следовало бы применять эклектический подход. <...> Я помню, что в какой-то момент д-р Чан сказал, что Секретариату не мешало бы посвятить несколько месяцев изучению основ конфуцианства!» [Всеобщая декларация ...]. Известно, что Саудовская Аравия воздержалась при утверждении данной декларации, поскольку мусульманская трактовка прав человека предполагает первенство божественного начала.

Важно подчеркнуть, что распространение основных положений прав и свобод человека на страны с неевропейскими правовыми культурами породило проблему их типологической совместимости. Как отмечает К. С. Гаджиев, знакомство японского общества с трудами Дж. С. Милля, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и других сопровождалось большими трудностями [Гаджиев, 1999]. Такие политические понятия, как гражданское общество, свобода, демократия, права человека, были изначально чужды японцам и китайцам. Возникли определенные проблемы при переводе слова «свобода» на японский и китайский языки. Дело в том, что китайский термин *tzuуu*, японский *jiуu*, которые были выбраны для наиболее адекватного перевода английского слова «свобода» (*freedom, liberty*), имели несколько другой смысловой оттенок – «эгоистический», «своевольный», что имеет скорее негативное значение [Ishida, 1983, p. 70–71].

По мнению Н. А. Гейбатовой, развитие языка в первую очередь обеспечивается лексиконом, мгновенно откликающимся на любые изменения в общественной жизни и являющимся особой формой накопления общественно-познавательного опыта и передачи его из поколения в поколение. Именно благодаря языку носитель языка функционирует в обществе, а жизнь общества оказывает влияние на язык через носителя языка. Общественно-политический лексикон включает в себя не только лингвистическую данность как материализованный продукт общественно-политической деятельности, но и является связующим пластом с эпохой [Гейбатова, 2016]. Поэтому так важен метод политической герменевтики, для которого характерно обсуждение, сравнение и сопряжение разных точек зрения и мнений, что необходимо для современных международных отношений, где очень востребовано умение преодолевать «точки разрыва», «конфликт интерпретаций» (Л. А. Липская), что в итоге приводит к целостности восприятия смысловых констант международного права.

В этой связи возникает еще одна важная проблема в современных международных отношениях, связанная с культурой перевода. Следует учитывать тот факт, что многие представители того или иного языка используют в своей речи специфичные культурные элементы, такие как поговорки, идиомы, фразеологизмы, а это значительно усложняет межкультурный перевод. Успех переводчика в данном случае зависит от понимания этих элементов через понимание культуры начального текста. По мнению А. М. Какичевой и Е. В. Красновой, задача переводчика заключается в подборе аналога, правильно передающего смысл данного высказывания. Слова могут меняться, значение может облекаться в различные формы, но перевод должен полностью сохранять смысл. Ярким примером является Нюрнбергский процесс, где перед судом предстали главные фашистские преступники. Впервые в истории мировой судебной практики юристы разных стран попытались гармонично объединить в рамках одного процесса юридические традиции и правовые системы совместно с переводчиками, которые впервые применили метод синхронного перевода [Какичева, Краснова, 2016].

Таким образом, метод политической герменевтики способствует развитию диалоговых методик в международных отношениях, поскольку основывается на принципе дополнительности, что снимает проблему навязывания мнения оппоненту, который рассматривается как равноправный партнер по политической дискуссии. Кроме того, без глубокого прочтения и интерпретации прошлого разных народов, их языковых культурных кодов невозможно строить современный общий цивилизационный дом.

Литература

Всеобщая декларация прав человека. История вопроса. URL: <https://www.un.org/ru/sections/universal-declaration/history-document/index.html> (дата обращения: 10.03.2020).

Гадамер Г. Истина и метод. М., 1998. 448 с.

Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1999. 544 с.

Гейбатова Н. А. Особенности перевода общественно-политического лексикона // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Свое изд-во, 2016. С. 76–79. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11373/> (дата обращения: 10.03.2020).

Ishida T. Japanese Political Culture: Change and Continuity. L., 1983. P. 70–71.

Какичева А. М., Краснова Е. В. Социально-коммуникативная роль перевода в дипломатических отношениях // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4–1. С. 149–152. URL: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=9759> (дата обращения: 10.03.2020).

Липская Л. А. Современная реальность в зеркале политической герменевтики // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 45–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-realnost-v-zerkale-politicheskoy-germenevtiki/viewer> (дата обращения: 10.03.2020).

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН КИТАЙСКОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Рассматриваются некоторые структурно-семантические особенности прецедентных имен китайскоязычного культурного пространства. Автор подчеркивает, что основным критерием отнесения того или иного индивидуального имени собственного к прецедентным именам является его способность функционировать в качестве культурного знака, т. е. способность актуализировать культурную информацию, литературные сюжеты и исторические факты.

Ключевые слова: китайский язык, прецедентные феномены, прецедентное имя, китайскоязычное культурное пространство.

N. Voropaev

Institute of Linguistics RAS, Moscow

STRUCTURE AND SEMANTICS OF PRECEDENT NAMES IN CHINESE-LANGUAGE CULTURAL SPACE

Abstract. The article discusses some structural and semantic features of the precedent names of the Chinese-language cultural space. The author emphasizes that the main criterion for classifying an individual proper name as a precedent name is its ability to function as a cultural sign, that is, the ability to actualize cultural information, literary plots and historical facts.

Keywords: Chinese language, precedent phenomena, precedent name, Chinese-language cultural space.

Так как основой возникновения прецедентных имен (ПИ) является имя собственное, то необходимо остановиться на понимании данной категории языка современными лингвистами. Исследованиям природы, статуса и семантики имен собственных посвящены работы многих исследователей.

В настоящей работе мы опираемся на традиционное определение имени собственного из словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой: «Имя собственное. Слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т. е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание» [Ахманова, 1969, с. 175].

В ментально-вербальной базе человека имена собственные воспринимаются как выделяющие предмет из круга ему подобных предметов (Н. Д. Арутюнова, В. И. Болотов, Д. И. Ермолович, А. В. Суперанская и др.).

В китайском языке имена собственные (专有名词) образуют особый лексико-грамматический разряд.

Следует отметить, что структура ПИ китайскоязычного культурного пространства (ККП), которые являются вымышленными авторскими именами персонажей литературных произведений, идентична структуре тради-

ционных китайских собственных имен. Например, придуманное в 1953 г. писателем Хэ Чи имя Ма Даха (马大哈) в китайских источниках записывается алфавитом пиньинь как Ma Daha, т. е. в имени вычленяются фамилия и имя в соответствии со структурой традиционных имен китайцев [Chen, 1999, с. 3]. Имя Ма Даха является искусственно созданным авторским сложносокращенным словом из трех слов: 马马虎虎 ‘небрежный; халатный; как попало, спустя рукава’, 大大咧咧 ‘поверхностный, несерьезный, легкомысленный’, 嘻嘻哈哈 ‘хи-хи, ха-ха!; хохотать; с громким смехом’. Часто китайцы Ма Дахой (позволим себе склонять это имя для удобства восприятия на русском языке, а также с целью сделать его более близким для нас, русскоязычных) называют тех, кто к работе относится спустя рукава, небрежно и невнимательно.

Интересно, что по аналогии с традицией наименования сыновей в китайской семье по старшинству на основе имени Ма Даха в народе возникло еще слово Ма Эрха (马二哈 Ma Erha; сравните: старший сын 老大 lao da, младший сын – второй по рождению 老二 lao er, младший сын – третий по старшинству 老三 lao san и т. д.). Ма Эрха – это младший брат Ма Дахи, он такой же небрежный и невнимательный. Например, китайцы могут сказать:

他们俩一样糊涂，一个马大哈，一个马二哈，下班的时候人走了，既不关灯也不关门。‘Эти двое оба бестолковые, один большой ротозей, а второй – его братец младший, когда уходят с работы, ни свет не выключат, ни двери не закроют’ [Chen, 1999, с. 3].

Таким образом, при записи этих и подобных имен традиционной русской транскрипцией мы принимаем принципы записи ПИ китайским фонетическим алфавитом ханьюй пиньинь, принятые в словаре [Chen, 1999]. Например, в ПИ Си Ши и Дун Ши также вычленяются традиционные компоненты китайского антропонима (фамилия и имя), которые согласно современным стандартным нормам традиционной русской транскрипции пишутся раздельно.

Исключение мы делаем для ПИ, содержащих компонент 公 «гун» ‘(уважаемый) господин’ и компонент 老 «лао» ‘старина, уважаемый, почтенный’ в любых позициях, и записываем такие имена в соответствии с традиционным написанием, принятым в российской китаистике, т. е. компоненты «гун» и «лао» пишем через дефис (например: Гуань-гун, Чжан Го-лао). Мы также сохраняем исторически принятое в русскоязычном дискурсе написание через дефис ПИ А-кью [Воропаев, 2012].

Заметим, что даже иностранные ПИ, в основном ПИ-референции, иногда принимают в ККП удобную для китайцев привычную форму китайского имени. Например, фамилия известнейшей теннисистки Марии Шараповой в ККП принимает форму 沙娃 Sha wa [Luxun sankao, 2008,

с. 2], которая представляет собой сокращение полной формы фамилии Шарапова на китайском языке 沙拉波娃 Shalabowa. Эта форма не только соответствует структуре традиционного китайского имени, но и несет ласкательную коннотацию, так как 沙娃 Sha wa дословно значит ‘песочная куколка’, хотя первую слогоморфему китайцы могут не воспринимать именно как «песочная», так как она постоянно используется для записи заимствованных слов и иностранных собственных имен и фамилий. Поэтому по забавному совпадению получается «куколка Ша» – ласкательное китайское имя (ср. родовое наименование пяти кукол-талисманов пекинской Олимпиады 2008 г. – 福娃 fu wa ‘куколка(-и) счастья’). Здесь задействован важнейший словообразовательный механизм китайского языка, который в российской синологии принято именовать морфемной контракцией. Во всех подобных случаях срабатывает также механизм адаптации иностранных имен собственных по правилам китайского языка.

Об этом же пишет К. В. Антонян: в Китае «большое внимание уделяется названиям фирм и товаров, в частности, проблеме подбора китайского названия иностранному товару. Например, для обозначения напитка «Спрайт» были подобраны иероглифы 雪 хуе ‘снег’ и 碧 bi ‘яшма’; звучание получившегося в итоге двусложного слова – 雪碧 хуеби – похоже на звучание исходного английского слова, а значение двух вышеупомянутых иероглифов вызывают ассоциации с приятной прохладой и ярко-зеленым цветом бутылок, в которые разливается напиток. Переводчики не пошли по пути прямого фонетического заимствования английского названия. Не пошли они и по пути перевода слова sprite ‘эльф’, ‘призрак’, ‘дух’ на китайский язык, так как в китайской культуре духи и призраки – это непременно что-то плохое, недружелюбное и опасное, «нечисть» [Антонян, 2006, с. 20–22]. Немало времени и средств было потрачено на перевод на китайский язык названия «Кока-кола» [Антонян, 2007, с. 65–69].

Существует также тенденция адаптации китайских брендов, названий китайских компаний, ориентирующихся на зарубежные рынки. Например, китайское издательство 汉语教学出版社 ‘Издательство учебной литературы по китайскому языку’ пользуется двумя вариантами названия, второе из которых Sinolingua («Синолингва») предназначено для зарубежных партнеров и клиентов. «Синолингва», конечно же, намного удобнее для запоминания и произнесения, чем китайский аналог «Ханьюй цзяосюэ чубаньшэ». Аналогично поступают и многие другие компании.

Такой же стратегии придерживаются обучающиеся или работающие за границей китайцы: они берут себе дополнительное местное имя и в зависимости от ситуации общения пользуются или «исконным» именем, или местным, или «объединенным» [Антонян, 2006, с. 8]. Например, ПИ ККП Джеки Чан и Брюс Ли широко известны за пределами китайскоязычного культурного пространства, в китайском же лингвокультурном сообществе

эти личности известны под именами Чэн Лун (成龙 букв. ‘стать драконом’) и Сяо Лун (小龙 букв. ‘маленький дракон’) соответственно.

Как пишут российские ученые, прецедентное имя имеет определенную структуру, ядро которой составляют его дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты. Дифференциальные признаки образуют некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных. Система дифференциальных признаков ПИ обладает определенной многоуровневой структурой, а не является лишь совокупностью некоторых признаков. В связи с этим не представляется возможным выявить и привести точный и полный «набор» элементов, составляющих дифференциальные признаки того или иного ПИ, однако можно выделить по крайней мере несколько групп характеристик, определяющих денотат прецедентного имени [Прецедентное имя ... , 1997, с. 82–103]. Дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета по внешности или по чертам характера или актуализироваться через прецедентную ситуацию.

В процессе коммуникации ПИ актуализируется посредством дифференциальных признаков данного ПИ. Отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета» [Красных 2003, с. 203].

Рассмотрим структуру ПИ на примере ПИ Чжугэ Лян.

Уникальный референт данного ПИ определяется в словарях следующим образом:

- политик царства Шу-Хань, канцлер при дворе императора Лю Бэя (三国蜀汉政治家。刘备称帝，为丞相。) [Li, 2005, с. 134];
- знаменитый политик, военный специалист, стратег периода Троецарствия (三国时期著名的政治家、军事家、谋略家) [He, 2007, с. 16];
- славился незаурядным умом и мудростью (智慧过人) [Chen, 1999, с. 88].

Именно эти элементарные концепты и формируют способность данного ПИ использоваться для характеристики. Для любого ПИ-описания эта способность основана на самом высоком уровне обобщения целостного образа референта-носителя ПИ. В словарях «Люди истории» [He, 2007], «Прецедентные персонажи и события в китайской культуре» [Chen, 1999] и в других энциклопедических изданиях инвариант восприятия соответствует первой вводной фразе, дающей общее представление о референте-носителе имени собственного, либо последней, заключительной ремарке, суммирующей и подытоживающей след, оставленный носителем имени собственного в истории, культуре либо другой области социальной практики.

Так, словарь «Прецедентные персонажи и события в китайской культуре» дает такую предваряющую информацию о Чжугэ Ляне: 诸葛亮的名字代表智慧超常的人 ‘имя Чжугэ Лян означает человека, который обладает мудростью и незаурядным умом’ [Chen, 1999, с. 88].

Приведенное определение совпадает с определением Чжугэ Ляна в оглавлении словаря Хэ Юэцина «Люди истории»: 聪明的化身 – 诸葛亮 ‘Воплощение ума – Чжугэ Лян’ [He, 2007, с. 1].

В Большом китайско-русском словаре под редакцией И. М. Ошанина данному ПИ дается определение как имени нарицательному и приводятся содержащие его фразеологизмы, что свидетельствует о высокой известности и прецедентности данного имени. Приведем часть статьи из этого словаря: 诸葛亮 zhūgé liàng – мудрец, гениальный стратег (политик; по имени Чжугэ Ляна, канцлера царства Шу эпохи Троецарствия) [Ошанин, 1984, с. 593].

Наше исследование показало, что инвариант восприятия ПИ Чжугэ Лян в ККП построен на оппозиции дифференциальных признаков «ум – глупость». Доказательством этому служат примеры употребления ПИ Чжугэ Лян в оппозиции с ПИ Адоу, которое является олицетворением глупости и никчемности:

他们把群众当成阿斗，把自己当成诸葛亮。 ‘Они рассматривают массы как дураков (букв. Адоу), а себя как мудрецов (букв. Чжугэ Лянов)’ [Han e yi li, 1976, с. 1].

В следующих примерах, содержащих прецедентные имена Пастух и Ткачиха (или Волопас и Ткачиха; Нюлан и Чжинюй), Богиня Запада Сиванму, Чжан Фэй, Дяо Чань, Чаньэ и Хуннян, также задействована способность данных ПИ к характеристике с одновременной актуализацией культурного фона:

(1) 宿舍名称

小磊正带着一个新同学参观学生宿舍，他指着两幢漂亮的楼房说：《左边那幢是女生宿舍，叫织女星；右边那幢是男生宿舍，叫牛郎星。》正在这时，宿舍女管理员昂首挺胸从他们身边走过，小磊悄悄地说：《这位是王母娘娘！》（金小琳）

‘Названия общежитий

Студент по фамилии Лэй показывает новому сокурснику общежитие и, указывая на два красивых здания, говорит: «То, которое слева, – женское общежитие и называется «Созвездие Веги», а которое справа – мужское общежитие и называется «Созвездие Волопаса». Как раз в этот момент, выпятив грудь, с высоко поднятой головой мимо них прошла комендант общежития. Тут Лэй тихонько сказал: «А это – Сиванму!»’ [Gushihui, 2002, с. 2].

(2) 听口气, 屋里的这人一定是个类似于猛张飞之类的角色, 要是被他逮住了, 那还了得?

值得庆幸的是, 那个“猛张飞”并没有我们想象的那么凶, 外貌也不像猛张飞, 倒像个文弱的知识分子。

‘По манере говорить можно было решить, что человек в комнате похож на Храброго Чжан Фэя, не хватало еще, чтобы он нас поймал...’

К нашему счастью, этот «Храбрый Чжан Фэй» оказался вовсе не таким уж свирепым, каким мы его себе представляли. Да и внешне он не был похож на Храброго Чжан Фэя. Наоборот, он походил скорее на мягкотелого интеллигента’ [Gushijia, 2007, p. 22].

Примечательно, что ПИ Чжан Фэй в ККП обрело постоянный эпитет 猛 ‘храбрый’. Это же подтверждает и словарь [Chen, 1999].

(3) 凡是见过她的人, 无不说她是貂蝉转世、嫦娥下凡。

‘Всякий, кто видел ее, говорил, что она переродившаяся Дяо Чань, спустившаяся с небес Чангэ’ [Gushijia, 2007, p. 44].

(Дяо Чань – знаменитая красавица древности; Чангэ – имя небожительницы феи Луны.)

(4) 盗贼是“红娘”

说起我与丈夫余华的相识知到相爱, 这当红娘的竟然是一个不知名姓的盗贼。

‘Грабитель-сват (букв. Грабитель-Хуннян)

Если рассказывать о том, как я и мой муж Юйхуа познакомились и полюбили друг друга, то надо сказать, что в роли свата (букв. Хуннян) у нас выступил неизвестный грабитель’ [Gushihui, 2004, p. 4].

Следует отметить, что инварианты восприятия многих ПИ ККП часто представляют собой многосоставные системы, в которых, помимо основных и наиболее частотных инвариантов восприятия, содержатся еще и менее частотные инварианты восприятия. Как правило, эти менее частотные инварианты восприятия нуждаются в эксплицирующих элементах контекста.

Проиллюстрируем данные наблюдения следующими примерами:

现在外语院校中女学生太多, 男学生简直像大观园里的贾宝玉, 是个别的。‘Сейчас в институтах иностранных языков слишком много девушек, юноши же там – как Цзя Баоюй в цветочном саду Дагуаньюань – в явном меньшинстве’ [Chen, 1999, p. 94].

В этом примере актуализируется и поддерживается элементами экспликации одно из значений менее частотного и четкого инварианта восприятия ПИ Цзя Баоюй, которое можно вербализовать как «один человек мужского пола среди большого количества людей женского пола».

Однако, как показывают наши наблюдения, не только значения менее частотных инвариантов восприятия сопровождаются элементами экспликации. Рассмотрим пример с ПИ У Далан:

一面坡村每年有两次庙会，一次在三月，一次在十月。在这次十月的庙会上，张武大的小卖部因为位置好，卖了很多东西。小卖部就他一个人，忙得团团转。白天劳累了一天，晚上又来了一帮喝小酒的，吵吵闹闹一直到深夜才散。张武大累得够戗，所以睡得很沉实。

就在这时候，有两个小偷进了屋，把刀架到了他的脖子上……

张武大是他的外号，因为他小时候得了小儿麻痹症，身体发育不良，光长年龄不长个儿，成了矮子，跟《水浒传》里卖烧饼的武大相比，有过之而无不及，于是人们就送给他这么个绰号。‘Два раза в год в деревне Имяньпо проводилась храмовая ярмарка. Один раз в марте и один раз в октябре. На этот раз на октябрьской храмовой ярмарке Чжан Коротышка (букв. Чжан У Да) много чего продал благодаря хорошему месторасположению своего буфета. В буфете он один, крутился как белка в колесе. За день так вымотался, а тут вечером опять явилась целая компания на молодое вино, потом давай скандалить, галдеть, и разошлись только глубокой ночью. Чжан Коротышка едва стоял на ногах, поэтому уснул как убитый.

И вот в этот самый момент в комнату пробрались воры и приставили ему к горлу ножик.

Чжан Коротышка – это его кличка. Дело в том, что в детстве он переболел полиомиелитом, и после этого развитие его организма шло плохо, он не рос и стал карликом. По сравнению с У Да из «Речных заводей», который торговал лепешками, он был еще меньшего роста. Вот люди и наградили его таким прозвищем’ [Gushihui, 2002, p. 36].

Хотя представление, выраженное лексемой «коротышка», является центральным для ПИ У Да (вариант ПИ У Далан), в этом примере тем не менее дается конкретная отсылка – пояснение причины возникновения прозвища героя рассказа.

Для китайского читателя это пояснение излишне, так как основной инвариант восприятия ПИ У Далан – именно «тщедушный человек маленького роста». Цель этого пояснения, видимо, в том, чтобы сообщить читателю и сделать акцент на информации, что герой рассказа был еще меньше У Далана.

Образование инвариантов восприятия ПИ способствует процессу апеллиативации. Под апеллиативацией подразумевается переход имени собственного в иные лексические подсистемы, а именно в разряд нарицательных имен существительных. Однако специфика ПИ (в основном здесь можно говорить о ПИ-дескрипциях), как мы полагаем, именно в том, что они не являются полностью перешедшими в разряд имен нарицательных. Иными словами, в лингвокультурном сообществе остается память о референтах, источниках или причинах происхождения ПИ. Еще раз подчеркиваем, что для нас основным критерием отнесения того или иного индиви-

дуального имени собственного к ПИ является его способность функционировать в качестве культурного знака, т. е. способность актуализировать культурную информацию, литературные сюжеты и исторические факты. И если, допустим, ПИ Адоу в ККП в какой-то момент для большинства социализированных членов китайского лингвокультурного сообщества утратит свою связь с первоначальным носителем данного имени, то данное ПИ уже нельзя будет относить к ПИ, это уже будет обычное имя нарицательное.

Поэтому, например, такие слова русского языка, как «макинтош» (переход имени изобретателя шотландца Mac Intosh на его изделие), «галифе» (по имени генерала Галифе, палача Парижской коммуны 1871 г., когда роялисты одевались в подобные брюки), или, например, такие слова китайского языка, как 欧姆 ‘ом’, 安培 ‘ампер’, 焦耳 ‘джоуль’, 伏特 ‘вольт’, 法拉 ‘фарада’, 居里 ‘кюри’ (имена физиков, открывших данные явления), которые большинство носителей языка не осознают в связи с референтами этих имен, мы к прецедентным именам не относим, так как они уже полностью апеллятивизировались (перешли в разряд нарицательных имен) и едва ли могут выступать в качестве культурного знака, актуализирующего в сознании носителя языка некую когнитивную информацию исторического, культурного, идеологического, эмоционального плана. К ПИ мы также не относим, например, такие антропонимы китайского языка, как 张三 или 李四 из фразеологизма 张三李四 ‘Чжан Третий и Ли Четвертый (образно в значении: какие-то двое; такие-то; любой, всякий)’, так как за ними не стоят определенные единичные референты.

ПИ и особенно ПИ-описания возникают в процессе обогащения знаний членов лингвокультурного сообщества о мире как попытка классификации явлений духовной жизни, культуры и общества через определенный набор типажей (в терминологии китайских лингвистов 典型人物 ‘типичных персонажей’), прецедентных моделей – воплощений ключевых черт данных явлений. По мере накопления такого социально-культурного знания наблюдается и рост арсенала ПИ-описаний.

Словарь «Люди истории» [He, 2007], иллюстрированный словарь «Знаменитые люди китайской истории» [Li, 2005], словарь «Прецедентные персонажи и события в китайской культуре» [Chen, 1999] знакомят с относительно полным перечнем ПИ ККП, ставших носителями символических смыслов. Многие ПИ служат выражением центральных сюжетных и тематических линий не только произведений художественной литературы, но и музыкальных сочинений и шедевров искусства (живописи и скульптуры), кинематографа и мультипликации.

Многоуровневая структура ПИ последовательно увеличивает дистанцию между означающим и означаемым, реализуя тем самым основные функции символа: экспрессивную, репрезентативную и смысловую,

посредством которых реализуется его роль в культуре. Образование символа основано на способности значимых слов, обладающих экспрессивно окрашенным значением, развивать ассоциативные связи, которые выступают средством реализации лингвокреативного мышления [Серебренников, 1977, с. 76–111].

Употребление имени нарицательного не создает той яркости, индивидуальности и наглядности, какую может создать использование ПИ. Например:

他简直就像是为我量身打造的，看见他的第一时间，丘比特的小弓箭就铆足了劲儿“嗖”地一下向我射来。‘Казалось, он просто создан для меня. Когда я увидела его в первый раз, стрела Купидона со свистом полетела в меня’ [Jiating, 2008, с. 61].

Если для выражения смысла «влюбилась с первого взгляда», переданного с помощью ПИ-дескрипции Купидон (по данным словаря [Lin, 2004, с. 266], инвариант данного ПИ в ККП – 爱情 *aiqing* ‘любовь’), в этом примере употребить традиционное китайское устойчивое выражение 一见钟情 ‘полюбить (любовь) с первого взгляда’, то яркость этого предложения наверняка поблекнет. ПИ Купидон несет большой коннотативный заряд. Более того, выражение «полюбить с первого взгляда» хотя и лаконичный, но достаточно традиционный инструмент обозначения возникновения романтических отношений, а Купидон был божеством, зажигающим сердца людей огнем любви, т. е. центральным активным субъектом романтических отношений. Сила воздействия ПИ Купидон также обусловлена в ККП еще и его иностранным происхождением. Однако здесь важно отметить, что многие ПИ иностранного происхождения доступны для понимания только образованным и начитанным китайцам.

ПИ несут потенциальную информацию о действии, субъектом или объектом которого являются их референты. Из этого следует, что в позицию предиката в норме попадают только «сигнифицированные» имена собственные, т. е. такие имена собственные, носители которых обладают набором характерных черт, и эти черты/свойства определенным образом концептуализируются в сознании говорящего.

Для ПИ характерна именно позиция предиката, где они часто выступают в сочетании со специальными квалификаторами. «Имена литературных героев или исторических лиц фигурируют в интеллигентской речи в качестве символов определенных человеческих свойств. При этом, поскольку такие имена служат своего рода эталонами указанных свойств, они часто употребляются в сочетании с квалификаторами настоящий, вылитый, классический, с модальными наречиями и частицами просто, прямо, прямо-таки и некоторыми другими. В эту позицию не могут попадать имена, референция которых не установлена, т. е. те, на которые у адресата не открыто «мысленное досье». Позиция предиката – место для известных

имен собственных. Как разновидность известных имен выступают общеизвестные, концептуализированные в сознании говорящих как носители определенных свойств – упомянутые выше прецедентные (ср. Плюшкин, Отелло, Шварценеггер)» [Васильева, 2005, с. 55–57].

Можно сказать, что стремление ПИ к предикации, к развертыванию информации о сопряженных с ними действиях более очевидно, чем в случаях с именами нарицательными. Здесь раскрывается социальная сущность человека, носителя ПИ, заключающаяся в деятельности и активности. Она противопоставлена инертности мира вещей, представленных именами нарицательными. По мнению Н. Б. Лебедевой, одушевленные имена придают описываемой ситуации динамизм в силу двух своих свойств: стратифицированности, многослойности семантики, а также реальной и потенциальной активности одушевленного участника [Лебедева, 1999, с. 12]. Оба фразеологизма, приведенные ниже, описывают одну ситуацию – никчемности человека, обладая, однако, разным потенциалом образности:

扶不起的刘阿斗 ‘никудышный Адоу’;

不三不四的人 ‘ни то ни сё; ни рыба ни мясо’.

Для получателя информации ПИ являются стимулом к выявлению скрытого смысла сообщения, так как характеризуются большей социальной значимостью, чем имена нарицательные и другие имена собственные. Использование ПИ для описания социальной практики человека способствует более глубокому познанию данной области, поскольку сочетается первичное значение (и обогащаются тем самым энциклопедические знания реципиента о реальном мире людей и судеб) с вторичной номинацией (цель которой – представить образное видение отрезка социальной действительности, основанное на анализе ключевых признаков этого отрезка).

ПИ, в отличие от имени нарицательного и других имен собственных, несут более многогранные смыслы в силу своей повышенной ассоциативности, основу которой составляет деятельность, активность субъекта. Как следствие, ПИ обладают большей множественностью интерпретаций, нежели имена нарицательные. ПИ содержит больший объем экстралингвистической информации. В своей семантической структуре ПИ имеет несколько зон инвариантов восприятия. Акцент в речевом употреблении может смещаться с одной зоны на другую. Рассмотрим это варьирование смысла ПИ на примере структуры представления, стоящего за ПИ А-кью, которая выведена в словаре [Chen, 1999, с. 57]:

Зона I – моральные победы.

Зона II – табуирование определенной лексики, намекающей на недостатки того или иного человека.

Зона III – желание совершать какое-либо действие, но невозможность делать это по причине запрета со стороны более сильного и, в свою очередь, непозволение делать это более слабому относительно себя самого.

Как видно, ситуации, символом которых является одно и то же ПИ, могут совершенно не пересекаться, что увеличивает вероятность неоднозначной интерпретации ПИ в дискурсе.

В своем смысловом содержании ПИ представляют культурно-историческую память, зафиксированную в именах лиц, объектов, связанных с основными вехами развития страны. Создание Нового и развитие современного Китая связано, например, с такими именами, как Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь. Подобные имена мы относим к прецедентным именам-референциям, которые имеют инварианты восприятия и связаны с прецедентными (памятными, важными для нации) событиями (ситуациями), аккредитованными в дискурсе в виде устойчивых словосочетаний, словесных клише.

Так, с ПИ Мао Цзэдун в ККП связаны такие прецедентные ситуации (ПС) и именующие их словесные клише (ПИ-эвентонимы/ПИ-идеонимы), как 长征 ‘Великий поход’ (Великий поход Китайской рабоче-крестьянской Красной армии 1934–1936 гг., т. е. переход коммунистов с юга на север, где, преодолев ужасные лишения и потеряв 90 % своего состава, Китайская рабоче-крестьянская Красная армия все же организовала новый Центральный советский район в провинции Шаньси), 大跃进 ‘Большой скачок’, 文化大革命 ‘Великая культурная революция’, а инвариант восприятия ПИ Мао Цзэдун, представленный нам одним из информантов-носителей языка, вербализуется как 新中国的创建者 ‘Создатель Нового Китая’. В предисловии к книге американского исследователя деятельности Мао Цзэдуна Росса Террилла, изданной в КНР на китайском языке, редакторы издания определяют Мао Цзэдуна следующим образом:

毛泽东是举世公认的 20 世纪最为重要的政治家、革命家和思想家之一，同时也是一位天才诗人 [Terrill, 2006, с. 1]. ‘Мао Цзэдун – один из общепризнанных во всем мире важных политиков, революционеров и мыслителей 20-го столетия. Он также является талантливым поэтом’.

ПИ Дэн Сяопин всегда актуализирует в дискурсе такие прецедентные ситуации и высказывания, как 无论是白猫黑猫，抓住老鼠就是好猫 ‘неважно, белая кошка или черная, лишь бы она мышей ловила’ (прецедентное высказывание-цитата), 一国两制 ‘одна страна – две системы’ (ПИ-идеоним/ПВ-цитата), а инвариант восприятия ПИ Дэн Сяопин в основном представлен устойчивым обозначением-дескрипцией 改革的奠基人 (вариант: 中国改革开放的总设计师) ‘главный архитектор китайских реформ’, которое, кстати, впервые прозвучало из уст бывшего секретаря ООН Кофи Аннана.

Стоит заметить, что существует явление, при котором ПИ-референции обретают символическое значение и способны употребляться в лингвокультурных сообществах других стран также и для характеристики, т. е. как ПИ-дескрипции. Например, в американском кинофильме «Запретное царство», действие которого происходит в США, в высказывании «Эй ты, Мао!» ПИ Мао Цзэдун в виде только фамилии Мао использовано в значении «китаец» [Запретное царство, 2007]. А ПИ Дэн Сяопин часто используется в России для обозначения прогрессивных лидеров. Рассмотрим примеры из российской прессы, приведенные в монографии Е. Н. Нахимовой.

В результате ошибок вождей Россия почти на сто лет сошла с магистрального пути европейского развития. Где наши Черчилли, де Голли, Рузвельты, Дэн Сяопины? Почему все наши вожди на исторической дистанции проиграли «забег» и оказались политическими банкротами? (Костиков В. Куда ведут амбиции лидеров). К несчастью, у нас не оказалось своего Дэн Сяопина, как и своего Людвига Эрхарда (Бурлацкий Ф. Сталин и Мао видят нас) [Нахимова, 2007, с. 30].

Есть три основных варианта решения проблемы-2008: сильный новый президент, при котором Путин уходит в тень (например, готовить Олимпийские игры), слабый президент (при нем Путин становится «Дэн Сяопином» и возглавляет неформальный центр решений) и, наконец, коллективное руководство... (Диалог: С. Марков, В. Жарихина и Д. Орешкина. Почему группа-91 держится за президентское кресло // Известия. 2007. 25 июля) [Нахимова, 2007, с. 26].

Во втором примере использован инвариант восприятия ПИ Дэн Сяопин, который сформировался большей частью в русскоязычном дискурсе и который можно вербализовать как «сильный лидер, который при управлении страной остается в тени, не занимает официального поста, но осуществляет фактический контроль над государством». Этот инвариант восприятия основан на историческом факте, который заключается в том, что в формальной иерархии власти Китая Дэн Сяопин никогда не занимал первых постов главы государства или главы правительства, но, по общему мнению руководства, именно ему была предоставлена ведущая роль в формировании политического курса страны.

Нам также встретился пример особого употребления ПИ-референции Мао Цзэдун. В рассказе современной китайской писательницы Чи Ли «Доброе утро, барышня», написанном в 1998 г., есть такое предложение:

李开玲说：“我的天，我向毛主席保证这是一个奇迹。” ‘Ли Кайлин сказала: Боже мой, ручаюсь перед Председателем Мао, это просто чудо’ [Chi, 2003, с. 46].

Употребление ПИ-референции Мао Цзэдун в данной вербализации ярко показывает специфику семантики ПИ. Если учитывать контекстные и экстралингвистические факторы, то можно прийти к выводу, что в данной вербализации это ПИ выступает уже в качестве ПИ-дескрипции. Дело в том, что автор этих слов – пожилая китайка, которая выросла в период правления Мао Цзэдуна. Таким образом, учитывая всю специфику общественной жизни Китая того времени, можно заключить, что для нее референт этого имени является какой-то высшей всемогущей великой силой. Исходя из этого, ее апелляцию к данному ПИ можно трактовать как своего рода попытку привлечь в свидетели некий высший авторитет, что напоминает русское «клянусь Богом». Поэтому здесь ПИ-референция Мао Цзэдун уже выступает с неким символическим значением, с задействованием инварианта восприятия данного ПИ этой пожилой женщиной, который можно передать в виде дескрипции «высший авторитет».

Таким образом, проанализированный материал показывает, что если переносное значение имен нарицательных, используемых в функции символов, непосредственно связано с прямым значением слова, выводится из него, то для ПИ вторичное значение более опосредовано, требует больших аналитических усилий для его понимания.

ПИ по сравнению с именами нарицательными обладают большей выразительностью для создания смысловой глубины высказывания. Они апеллируют к воображению читателя и слушателя и легче извлекаются из хранилищ его памяти, хотя и требуют достаточной эрудиции. Подтекст, возникающий под влиянием ПИ, отличается объемом и ярко выраженной коннотативностью.

Литература

Антонян К. В. Китайский язык на рубеже XX–XXI веков: самобытность в эпоху глобализации // Изменения в языке и коммуникации: XXI век : сб. науч. ст. / под ред. М. А. Кронгауза. М. : РГГУ Институт лингвистики, 2006. С. 5–24.

Антонян К. В. Китайский язык в эпоху глобализации // Языки в современном мире : материалы VI Междунар. конф. : сборник / отв. ред. Л. В. Полубиченко. М. : Книжный дом «Университет», 2007. С. 65–69.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста / РАН, Ин-т языкознания. М. : Акад. гуманитар. исслед., 2005.

Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 22. М., 2012. 315 с.

Запретное царство : [видеозапись] / реж. Коллин Чоу; в ролях Джеки Чан, Джет Ли. Компания «Фэнтэзи фильм», 2007.

Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Филология, 1997. Вып. 1. 192 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК Гнозис, 2003. 375 с.

Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики: (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 260 с.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с.

Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь. Т. 2. М., 1983–1984.

Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. 539 с.

Chen.中国文化中的典型人物与事件 / 陈贤纯编著. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年 (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая / сост. Чэнь Сяньчунь. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та языка и культуры, 1999).

Chi. 池莉精品文集. 小姐你早 // 池莉著. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2003 年 (Избранные произведения Чи Ли. Рассказ «Доброе утро, барышня». Харбин, 2003)

Gushihui 2002. 故事会杂志 (讲述老百姓喜爱的故事). 2002 年 3 月, 288 期 (Ежемесячный «Сборник рассказов» [излагает истории, которые нравятся простому народу]. 2002. Март, вып. 288).

Gushihui 2004. 故事会杂志 (讲述老百姓喜爱的故事). 2004 年 7 月 (Ежемесячный «Сборник рассказов» [излагает истории, которые нравятся простому народу]. 2014. Июль).

Gushijia. 故事家杂志, 2007 年 4 上半月. 总第 268 期. (Журнал «Сказитель». 2007. Апрель, вып. 268).

Han e yi li. 汉俄译例汇编[政治、新闻语汇] - 北京: 商务印书馆出版, 1976 年. (Сборник примеров китайско-русского перевода (политическая лексика и лексика средств массовой информации). Пекин, 1976).

He. 历史上的那些人 // 何跃青. 北京: 地震出版社, 2007 年. (Люди истории / сост. Хэ Юэцин. Пекин, 2007)

liating. 家庭. 2008 年第 01 期. 广州: 家庭杂志社, 2008 年. (Журнал «Семья». Гуанчжоу, 2008. Вып. 1).

Li. 中国历代名人图典 // 李典编著. 北京: 京华出版社, 2005 年. (Знаменитые люди китайской истории. Словарь с иллюстрациями / сост. Ли Дянь. Пекин, 2005)

Lin. 外国典故小词典 // 林书武主编. 上海: 上海辞书出版社, 2004 年. (Малый словарь зарубежных даянгу (классических прецедентов) / под ред. Линь Шуу. Шанхай, 2004).

Luxun sanpao. 鲁迅参考. 2008 年 1 月 28 日 (Газета «Лусюнь Цанькао» [газета для китайцев, проживающих в России]. 2008. 28 янв.).

Terrill 罗斯·特里尔 毛泽东传 (插图本) / (美) 特里尔著; 胡为雄, 郑玉臣译. 北京: 中国人民大学出版社, 2006 年. (Биография Мао Цзэдуна (издание с иллюстрациями) / (США) Росс Тэррилл; пер. на кит. яз. Ху Вэйсюна и Чжэн Юйчэня. Пекин, 2006).

A BRIEF OVERVIEW OF THE HISTORY OF LINGUISTICS IN CHINA

Abstract. In contrast to the study of language in other parts of the world like Europe, China's system of government as well as the nature of the language and writing system have culminated in a unique history of research that differs much in nature from that of other areas. This article looks at the ways that the study of language began and evolved specifically in a Chinese environment until the late Qing Dynasty, when research on language from around the world became much more reciprocally influential in a way that it was not prior to that.

Keywords: Chinese Linguistics, Yang Xiong, Xu Shen, Xiaoxue, Exegetics, Fangyan, Shuowen Jiezi.

Дж. Б. Гринфилд

Гуандунский университет иностранных языков, Гуанчжоу

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ В КИТАЕ

Аннотация. В отличие от изучения вопросов языка, например, в Европе, уникальность исторического развития лингвистики как науки и своеобразие понимания в Китае самого понятия «язык» были обусловлены политической системой Китая и особенностями китайского языка и письменности. В статье рассматривается возникновение и эволюция языкознания в Китае до поздней Цин, когда языковые исследования других стран стали иметь большее влияние на формирование лингвистического знания.

Ключевые слова: китайская лингвистика, Ян Сюн, Сюй Шэнь, Сюсюэ, экзегетика, Фаньянь, Шувэнь Цзецзы.

I. Introduction

Before getting into the breadth of this article, it is important here to note that, while the terms “Linguistics” and “Philology” tend to be related, especially in Chinese (语言学 *Yuyanxue* and 语文学 *Yuwenxue*, respectively), that there has been debate about what can be defined as “linguistics” or “linguistic” research. While it may be important in some circles to define the difference between periods of research regarding language, such debates can take away from what is to be the main theme of this article, which is to be an overview of the understanding of language in China leading up to recent history, regardless of the terms that were used then, thereafter, or now to define them. And whether it is to understand the works of Confucius, to reconstruct older variants of their language, or to define the parts of one's own language or others, it is, in the end, research on language, and has contributed ultimately to linguistic understanding in the field currently referred to as “Linguistics.”

II. First Musings on Language

Ultimately, some of the first names that contribute to the eventual research into language could be considered as having started with Confucius and Xunzi. Confucius has been known to have written on the “correctness” of a name, and he

referred to this idea as “正名,” *zhengming*, or the “rectification of names” [Sun & Wang, 2015, p. 3]. The below translation was used by N. Ostler [2005]:

“名不正，则言不训；言不训，则事不成；事不成，则礼乐不兴；礼乐不兴，则刑罚不中；刑罚不中，则民无所措手足。”

If statements are not correct then statements do not accord with facts. And when statements and facts do not accord, then business cannot be properly executed. When business is not properly executed, order and harmony¹ do not flourish. When order and harmony do not flourish, then justice becomes arbitrary. And when justice becomes arbitrary, people do not know how to move hand or foot [2005: 115].

This seems to be the first major reflection on language in China, at least from an influential author. As he sees the world, if names are used improperly and as a result lose meaning, then the improper usage will create a sort of “domino effect” that pervades society and causes confusion among its populace. Confucius’s words reflect an understanding of this time about the nature of language and how it relates to our understanding of the world, which seems to have begun as a theme of this time, and is one of the beginning stages of a much more widespread consciousness to develop here [Shen, 2010, p. 18]. Thereafter, the next influential figure in terms of language thought comes in the form of Xunzi (荀子) about two centuries later, around c. 312 BCE. He has been cited as writing the words that “mark the beginning of Chinese linguistics:” [Sun & Wang, 2015, p. 4].

“名无固宜，约之以命，约定俗成谓之宜，异于约则谓之不宜。”

Words have no intrinsic correctness. The correctness is established by convention. When the convention is established and the custom formed, the words are then correct. If they are different from convention, they are then incorrect [ibid.].

His reflection seems to be about the arbitrary nature of language, in that there is no inherent connection between the word a language uses to express a concept and the actual concept itself, and it is social convention that allows us to transmit and extract meaning from these sounds. What’s curious about his point is that, half the world away, around a similar time, Plato made a very similar point in his book, “Cratylus.”

III. More Widespread Research

a) Qin Dynasty

While these influential figures had spoken on the nature of language, and so had a similar origin of language thought to that of Ancient Greece, it has been suggested that much of that work before the Qin Dynasty was centered around language use in politics, not necessarily for the sake of understanding

¹ The term “order and harmony” here refers to “rites and music,” a form of regulating society that was suggested by Confucius.

the nature of language itself [Wang, 2006, pp. 1–4]. During this period, the Emperor Qin Shihuang famously mandated the use of a single set of characters throughout China, which could reflect the new widespread interest in language, and the need to control the discrepancies in character usage that pervaded the newly formed state at the time. This period saw a number of researchers of language that ultimately had some influence on some of the works and figures to be discussed further.

b) Yang Xiong

Yang Xiong (扬雄, 53 BCE – 19CE), among other achievements, is known for his work on what has been called “perhaps the first study in linguistic geography in the world,” [Sun & Wang, 2015, p. 4] called “Fangyan.” This is fairly significant as the area that is currently the People’s Republic of China has always and continues to be a fairly linguistically diverse location. While the diversity of languages found in China has not been the main object of research for a long period of time, this was a significant step and the first towards understanding some of the ways that language varied in that time as well as marking a first step towards more analytic research methods in studying language.

“Fangyan” (方言¹), the full name being “Youxuan Shizhe Juedaiyu Shi Bieguo Fangyan” (輶轩使者绝代语释别国方言), was written by Yang Xiong and is regarded as one of the first attempts at creating a multilingual dictionary, compiling lists of variants of words between different regions of the time, including those even from non-Sinitic origin. This, also, in contrast to some of the work done by earlier figures, is a milestone which begins more empirical research done on language in China [ibid.] [Pu, 2002, pp. 6–7]. “Fangyan” has also been described as being the first written work to bring up this idea of a “common language” and a “dialect,” and also highlights the complicated relationship and some of the changes that took place between the common language and the dialects of different surrounding regions leading up to its conception [Pu, 2002, p. 7]. It’s important here to recognize that people living in China have long been aware of the linguistic diversity there. Xunzi and even Mencius had even spoken on it previously [Pu, 2002, p. 49] [Wang, 2006, p. 1]; however, the reason that “Fangyan” is such a significant piece of research is because no one had compiled such a detailed list and dictionary before Yang Xiong, and even for a long time afterwards, this field of study didn’t receive as much attention as other aspects to be discussed further.

¹ Fangyan, today is a word for ‘dialect’ in Mandarin Chinese; however, upon its conception, it referred more to a distinct language rather than a dialect, the separate terms meaning *place* and *speech*, respectively, and being used not only for Chinese dialects, but also distinct languages spoken by their Turkic language-speaking neighbors to the North, for example.

c) Xu Shen

Possibly the next significant figure crucial to the development of what would eventually be Linguistics in China is Xu Shen (许慎, c. 58 – 147 CE). He is well-known for his creation of the “Shuowen Jiezi” (《说文解字》), a dictionary of over 9,000 Chinese characters [Sun & Wang, 2015, p. 4]. Although, this wasn’t the first such dictionary, an earlier one having been created by the name of “Erya” (《尔雅》). The reason that “Shuowen Jiezi” was more influential was that it examined more aspects of the characters beyond the meanings in a more empirical way, extending to their sounds and the rules that made up the forms of the characters [Pu, 2002, p. 7]. This included the first mention of ‘radicals’ (部首, *bushou*, the components that make up characters) in literature. Surprisingly, the amount of radicals that “Shuowen Jiezi” recorded is more than twice that of the 11th edition of the Xinhua Zidian with 540 in the former and 201 in the latter [Sun & Wang, 2015, p. 4].

Now, this description of the characters, referred to as *liushu* (六书) was an almost revolutionary new take on this writing system, in that characters were defined based off of the method of creation. To list just a few examples, there are characters that originally had intended to visually represent the idea that they signified (called pictograms, or 形象 *xingxiang*), such examples would be 火 *huo*, ‘fire,’ or 水 *shui*, ‘water.’¹ There are characters that visually represent abstract ideas (called simple ideograms, or 指事 *zhishi*), such as 中 *zhong*, ‘middle/center,’ or 上 *shang*, ‘on top of.’ Another such category conceived here for the first time is that which makes up currently the majority of Chinese characters, in which one part of the character gives some indication of the pronunciation, while the radical gives some indication of the meaning (referred to as phonograms, or 形声 *xingsheng*), for example 花 *hua*, ‘flower.’ Here, the bottom part of the character 化, *hua*, ‘change,’ combines with the radical 艹, *cao*, ‘grass,’ to make up the character for flower². While many people learned how to write before then, the classification of characters based off of their conception hadn’t existed before then, and a similar classification has become a sort of standard in elementary Chinese language education today. This was also a milestone and a major step that had led to more interest in and research on the origin of characters [Shen, 2010, p. 219], which resulted in much debate as many researchers had their own interpretations and definitions of these categories and therefore the method of conception of these characters.

¹ While today, it may be difficult to see that these characters originally depicted these concepts, the characters used today have changed much in appearance in the last several thousand years of existence. However, the full extent of these changes will not be discussed here.

² More details on the different classifications, not all of which are as easily understood as the aforementioned, are described in more detail in Sun & Wang [2015].

d) Background Works

While some of the more influential works are small in number, these didn't exist in a vacuum. The Qin Dynasty, for example, saw a large amount of research on Chinese characters that ultimately composed the basis for these major works to have been completed. While the entire set of works will not be described here, such figures include Li Si (李斯), a Qin dynasty prime minister who had worked on orthography standards which had eventually culminated into the work on “Cangjiepian” (《仓颉篇》), which was a major work that contributed to the creation of “Shuowen Jiezi” [Pu, 2002, p. 9]. Other such works at the time were Zhao Gao's “Yuanlipian” (赵高, 《爰历篇》), Hu Wujing's “Boxuepian” (胡毋敬, 《博学篇》), Yang Xiong's “Xunzuanpian” (扬雄, 《训纂篇》), Shi You's “Jijiupian” (史游, 《急就篇》), and Liu Xi's “Shiming” (刘熙, 《释名》) [ibid.], [Pu, 2002, p. 55]. In following with the interest in language out of the Qin Dynasty, several new areas of study had appeared, mostly dealing with the writing system, rhymes, and classic texts (called *Xiaoxue* 小学 [Shen, 2010, p. 49]), to which many of the aforementioned authors belong.

IV. Interactions with Foreign Cultures

a) India

The interactions with different cultures, but especially the civilizations in current-day India, were significant enough to have a profound effect on the culture, language, and understanding of language in China. This comes in large part from the translation of Buddhist Sutras from a Sanskrit-speaking culture¹. Apart from being one of the main birthplaces of large-scale translation, this also introduced many new words into Chinese. This has taken a few forms, such as direct transliterations from Sanskrit; however, not all of the new words were such. For example, some new words came about in the form of using elements that already existed in Chinese, but combining them in new ways in order to convey the novel concepts found in the Sanskrit (or Pali) texts. This can be seen in the Chinese terms for the concepts of ‘past’ (*guoqu*, or 过去), ‘present’ (*xianzai*, or 现在), and ‘future’ (*weilai*, or 未来), “... each built of two elements: *passing/go*, *appear/be-there*, *not-yet/come*. Each precisely reflects the metaphor of a corresponding Pali word...” [Ostler, 2005, p. 159]. While this reflects a unique way that China has dealt with foreign influence in history [ibid.], this also gave the people here an opportunity to reevaluate some aspects of their language, by evaluating the writing system and the language of the neighboring influential society [Ostler, 2005, p. 157].

¹ Very similar to today, India is, and seems to have long been, a very linguistically diverse place. The languages that had been the vehicles for the transmission of Buddhism were largely Sanskrit and Pali, a related, albeit separate, language [Ostler, 2005].

This fascination by the description of sounds brought by this foreign influence mainly culminated in a system referred to as *Fanqie* 反切, which splits syllables up into the initial (*Shengmu*, 声母), which is more often than not a consonant (otherwise it's a “zero-initial”) and the ending (*Yunmu*, 韵母). For example, if you don't know how to pronounce the character for ‘black,’ *hei*, 黑, then you can determine how that is pronounced using the initial from ‘harmony,’ *he*, 和, and the ending (but not necessarily its tone) from ‘to fly,’ *fei*, 飞. This method of determining the pronunciation of characters, along with the contribution of Shen Yue 沈约 (441–513 CE), who had defined the four tones in the official language of the time, were used in the rhyming dictionary “*Qieyun*” 切韵, written in 601 CE [Sun & Wang, 2015, p. 6], which was a major contribution to language research that had come about in this time period. *Fanqie* occasionally posed some problems, however, as a result of regional variation. For example, during the Three Kingdoms and Wei Dynasty periods, this produced different pronunciations as a result of different variations of the language being spoken in different locations [Shen, 2010, p. 100]. Other such works that have been suggested as coming about as a result of the influence from Sanskrit are things such as *Dengyun* (等韵), a method of meticulously describing sounds (including aspects such as voicing, place of articulation, and aspiration [Shen, 2010, p. 113]), *Sanshiliu Zimu* (三十六字母), a method of notating sounds in Chinese that came about during the Song Dynasty, and “*Zhongyuan Yinyun*” (《中原音韵》), a book about rhymes in opera written during the Yuan Dynasty [Pu, 2002, p. 7]. It can be deduced here that much of what came from the knowledge of Sanskrit and its writing system, and the ways in which they differed from the Chinese language and its writing system, was a much larger awareness of sounds in language in general.

b) Exerting Influence: Japan, Korea, and Northern Vietnam

Another factor that may contribute to China's cultural perspective on language may be affected by the regional power that they had on the surrounding civilizations, especially on Japan, Korea, and Northern Vietnam. Since, for a long time, these separate countries had received so much influence from China, that many aspects of their culture and language had evolved to be more similar to that of China. This outward sort of influence may have created for the Chinese an understanding of the world with themselves at the center and their language potentially largely factoring into that position. The royal examinations could have also been a factor here as well, as good scores required a fair understanding of the written language, and this was one of the customs that had spread to the surrounding areas [Ostler, 2005, pp. 162–3]. The influence of the requirements of the royal examination also allowed for these languages to retain a significant amount of remnants of Classical Chinese, so much so that entire works can be phonetically reconstructed using these different languages

referred to here as “Sinoxenic” [ibid.]. As a result of the outward influence to these different areas, there would be logically little reason to want to adopt much from these places during these times. Although these languages work in largely different ways with different sounds from Chinese, interactions with those cultures had not created a similar influx of research into the ways that these languages differ in a way that Sanskrit and Pali did.

V. A Focus on Sounds

a) Reevaluating Older Texts

One of the major themes of research done on language in China’s history has its focus on phonetics. This includes some reevaluations of the “Erya” and “Fangyan,” mostly focusing on the sounds mentioned within the two works and comparing them to the sounds of the modern day, and seeing that many sounds had changed. This had been puzzling scholars for a long time, as not only these major works, but also things like the Book of Songs, etc. didn’t rhyme as many readers had expected. Some of the major works in this area include “Erya Zhu” (Song Dynasty) and “Fangyan Zhu” (Eastern Jin Dynasty) [Pu, 2002, pp. 10–1], which both reexamine the works for which they’re named and note that many of the sounds changed since then and provide data from contemporary research to compare. Other notable work included Chen Di’s (陈第, 1540–1620) research on the Book of Songs, where he reconstructed ancient rhymes [Sun & Wang, 2015, p. 7]. This once again follows much in line with the trend of research set following the Qin Dynasty.

b) Artificial Larynx

While further discussion on the topic will not be held in this article, it is significant enough to show that an interest and an understanding of the way that sounds are produced were so developed, that it produced a fairly unique achievement in the form of an artificial larynx that was created by Shen Kuo (沈括, 1031 – 1095), made out of bamboo, ivory, wood, and bone [Sun & Wang, 2015, p. 6].

VI. Research in the Qing Dynasty

The Qing Dynasty saw a lot of advancements in this field, before and after the merging of this field in China and the rest of the world. Some prominent researchers include Gu Yanwu 顾炎武, who remarked on the out-dated nature of the literary language [Shen, 2010, p. 155], Dai Zhen 戴震, who made contributions to the understanding of phonetics with his comprehensive phonological theory, among other contributions [Shen, 2010, pp. 157–8], as well as researchers like Duan Yucai 段玉裁, Wang Niansun 王念孙, Wang Yinzhi 王引之, and Jiang Yougao 江有诰 [Pu, 2002, p. 7].

One of the major things that had happened during this time was that the official standard language of the country was advocated for by Wang Zhao (王照) as the dialect of Chinese spoken in Beijing, a standard that is maintained in

the modern day, as well as a form of writing to accompany the Chinese characters that describes their sounds [Pu, 2002, pp. 11–2], one of the first such systems that has evolved today into the pinyin writing system. This was advocated for among a series of language reforms, including reforms to, once again, standardize the writing system of the country in addition to determining a standard for the spoken language, referred to as Zhengzi 正字 and Zhengyin 正音 [ibid.].

Phonetics and Phonology research was especially abundant during this time period, especially when it came to understanding the sounds of the earlier forms of the language. It was during this time that many researchers had taken a much more analytical approach than before and started applying theories to systematically analyze rhymes and other sounds from ancient texts using the modern pronunciations of those characters [Shen, 2010, p. 156]. One of the researchers who had contributed much work to this field was Qian Daxin (钱大昕 1728 – 1804), who specifically made efforts to understand the evolution of specific sounds from Old Chinese to the variant of the language that he spoke in his time [Sun & Wang, 2015, p. 7].

One of the downsides to some of the fascination with sounds in this period, was that other areas of study hadn't developed as significantly. Although the first grammar of the Chinese language had been published during this time period by the name of “Mashi Wentong,” (《马氏文通》), it wasn't as influential an achievement as many in the fields of Phonetics and Phonology, especially around this period in history [Sun & Wang, 2015, p. 8].

VII. Conclusion

From the above, very simplified version of the history of language research here, a few things can be deduced about the main objects of research. Much time and effort across generations was spent reevaluating older variants of the language and how it interacted with the famous classics of the culture. For this reason, an understanding of Phonetics to at least some degree has existed within China for centuries, but specifically how it relates to earlier versions of the language. Despite the writing system largely based on non-phonetic components, there is a plethora of information to be found on the number of sounds that existed within the Chinese language during specific periods of history¹. This is one of the benefits of such an interest in sounds found throughout the history of China. One of the downsides, however, was that much information beyond that, for example information on some of the dialects, or even non-Sinitic languages spoken within China, as well as grammar, etc. were not very thoroughly researched on the whole.

Another factor that largely has been a part of the culture for a long period is the fact that a centralized government ruling over such a large and linguisti-

¹ Specific information can be found in Zhang & Fang [2004, pp. 107-24].

cally diverse area has required constant maintenance of the official language and the standards of writing. While there have been many advantages to having such unification in the language of the country for several thousand years, one of the drawbacks is that such needs would require more attention on implementation of the standards as well as research to determine what the standard should be, etc. Therefore, much of the research here has been developed significantly throughout China's history, albeit in only a few major areas of research.

References

- Ostler N. *Empires of the Word: A Language History of the World*. New York, HarperCollins Publishers, 2005.
- Pu Zhizhen. *Zhongguo Yuyanxue Shi*. Shanghai. Shanghai Classics Publishing House, 2002.
- Shen Xiaolong. *Zhongguo Gudai Yuyanxue Shi*. Shanghai, Fudan University Publishing House, 2010.
- Sun Chaofen & Wang William S-Y. *The Oxford Handbook of Chinese Linguistics*. New York, Oxford University Press, 2015.
- Wang Li. *Zhongguo Yuyanxue Shi*. Shanghai, Fudan University Publishing house, 2006.
- Zhang Dainian & Fang Keli. *Zhongguo Wenhua Gailun*. Beijing, Beijing Normal University Publishing House, 2004.

УДК 81

Д. М. Домашевская

Иркутский государственный университет, Иркутск

НА ПРАВАХ ПОСЛЕСЛОВИЯ К «СЛОВАРИЮ ЭТИМОЛОГИЙ БАЗОВЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ»¹

Аннотация. Представлены краткие итоги коллективной работы над словарем, включая анализ принципов организации 540 базовых знаков словаря по шестеричной парадигме Сюй Шэня. Описан подход к систематизации базовых знаков в контексте предложенной авторами проекта интерпретации системы знаков китайского письма с введением в понятийный аппарат семиотики и грамматики новой для мирового Китаеведения терминологии, отражающей современные подходы к осмыслению китайской письменности как системы. Затронут вопрос о явлении синкретизма, выраженного в том, что один знак отражает весь процесс семантического развертывания своего исходного значения как пиктограммы через идеограмматическое осмысление к символному функционалу.

Ключевые слова: грамматология, этимология, этимография, этимологический словарь, базовые знаки, идеографическая письменность, семантическое развертывание, синкретизм.

¹ Исследование по проекту «Этимологии базовых знаков китайской письменности» выполнялось при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00412.

ON THE RIGHTS OF THE AFTERWORD TO THE DICTIONARY OF ETHYMOLOGIES
OF BASIC SIGNS OF CHINESE WRITING

Abstract. The article presents the results of collective work on the dictionary, including an analysis of the principles of organizing 540 basic characters of the dictionary according to the hexadecimal paradigm proposed by Xu Shen. We also described our approach to the systematization of basic characters of the Chinese ideographic writing with the introduction of the terminology new to the sinology world. It reflects modern approaches to understanding Chinese writing as a system and spreads into the conceptual apparatus of semiotics and grammar. The question of the phenomenon of syncretism, as expressed in the fact that one sign represents the entire process of the semantic unfolding of its original meaning as a pictogram through an ideogrammatic understanding of the symbolic functional, is raised.

Keywords: grammatology, etymology, etymography, etymological dictionary, basic signs, ideographic writing, semantic unfolding, syncretism.

Графосемантическое поле базовых знаков в «Словаре этимологий базовых знаков китайской письменности» включает графику шести стилей: цзягувэнь 甲骨文 (XVI–XI вв. до н. э.); цзиньвэнь 金文 (XIV–III вв. до н. э.); чуские знаки и циньские знаки на шелке и бамбуке эпохи Воюющих царств 楚系简帛文字 и 秦系简牍文字 (V–III вв. до н. э.), дачжуань (V–III вв. до н. э.), сяочжуань 小篆 (III в. до н. э.).

Если сравнить более позднее унифицированное древнекитайское письмо сяочжуань 小篆 с письмом, представленным на гадательных костях – цзягувэнь 甲骨文 (XVI–XI вв. до н. э.) и на бронзовых сосудах – цзиньвэнь 金文 (XIV–III вв. до н. э.), то становится ясно, что признаки, свойственные первому типу письма, неприменимы для второго. В стилях цзягувэнь и цзиньвэнь указанного периода количество графических элементов практически неограниченно, каждый элемент имеет много вариантов написания, сложный по исполнению иероглиф может быть вообще неразложим на составные элементы. Наблюдается очень много вариантов одного и того же иероглифа, что вызывается как обилием реализаций графических элементов, так и их различным расположением внутри иероглифа и даже их различным количеством и набором. Постепенное упрощение изображения говорит об унификации видения объекта, о четком выделении этого объекта из всех прочих по определенным критериям [Карапетьянец, 2010, с. 57, 66]. Отмечаются отдельные случаи усиления признаков пиктографичности знаков при переходе от знаков цзягувэнь к знакам цзиньвэнь, что может указывать на их одновременное существование. Чуские и циньские знаки существенно отличаются от ранних знаков цзягувэнь и цзиньвэнь, являясь переходным стилем между ними и знаками чжуаньвэнь, с которыми они в большей степени сходны по набору графических элементов и стилистике.

Стоит подчеркнуть, что приводимые Сюй Шэнем написания знаков в стилях гувэнь и чжоувэнь отличаются от эпиграфических, приближаясь

к ханьским стилизациям под древность. Существенно также и то, что сопоставительная статистика по словарю, проведенная китайским лингвистом Ци Гуном, никак не позволяет расположить три вида письма (гувэнь, чжоувэнь и сяочжуань) в хронологической последовательности [Карпетьянц, 2010, с. 189].

540 базовых знаков, если их рассматривать в шестеричной парадигме Сюй Шэня, распределяются по четырем категориям: пиктограммы, указательные, идеограммы, фоноидеограммы. Наименьшее число из всех (4,4 %) составляют фоноидеограммы. Из общего количества проанализированных знаков 17 % не подчиняются классификации, предложенной Сюй Шэнем. Причин, по нашему мнению, несколько. Первая – совершенно естественная, обусловлена эволюционными процессами в письменных знаках. Сюй Шэнь на момент составления словаря имел дело с деформированными знаками сяочжуань, знаки же цзягувэнь и цзиньвэнь к тому времени не были известны, поэтому их пиктографический и указательный характер невозможно было увидеть. Вследствие этого у Сюй Шэня данная идеографическая категория на ранних этапах представляла собой пиктографическую или указательную, что, собственно, было логичным для первобытного мышления. Вторая причина кроется в нестабильности критериев, положенных в основу вычленения категорий, где особый интерес представляют фоноидеограммы (фонетические знаки). К таковым Сюй Шэнь относит знаки, один компонент которых указывает на прочтение знака, второй является грамматиком. Одновременно с этим рассуждения Сюй Шэня распространяются и на знаки, где грамматика два: например, знак 告, в котором части знака 口 *рот* и 牛 *бык* соединяются в идеограмму *нести весть*, и грамматик 口 также рассматривается фонетиком. Исходя из этого, можно утверждать, что по критериям выделения фоноидеограммы укладываются в общее понятие «идеограмма» и могут представлять ее подвид. Таким образом, в 540 базовых знаках выделяются фактически три категории: пиктограммы, указательные знаки и идеограммы, фоноидеограмма – вид идеограммы, а категории заимствованная и видоизмененная в базовых знаках не определяются. Скорее всего, они появились позже, когда процесс производства знаков зашел в тупик и потребовались знаки, образованные так называемым способом 用字法 – окказиональным способом образования знаков, при реализации которого не образуется новый знак, а используется уже имеющийся.

Ключи представляют собой систему знаков, построены по формальному и семантическому принципам, т. е. соплагаются знаки, в которых наличествует один и тот же или сходный графический элемент, а также прослеживается общая семантическая канва, зачастую вытекающая из семантики предшествующей группы знаков. Например, знаки словаря [Словарь этимологий ... , 2019] со 151-го по 157-й имеют общую сему

«воздух, выходящий из рта (со звуком или без)»: 曰 yuē – *излагать, формально выражать*; 㒃 nǎi – *формулировать мысли медленно и затрудненно. Словно есть препятствие для выхода воздуха*; 气 kǎo – *воздух* 气 желает свободно выйти, но натывается на преграду наверху; 可 kě – *подавать голос, соглашаться*; 兮 xī – *слово остановлено, задержано, воздуха еще более недостает*; 号 háo – *звук боли и страдания*; 于 yú – *воздух из рта выходит спокойно и ровно*¹. Знаки с 479-го по 489-й также обнаруживают связывающе-вытекающую логическую последовательность: 二 èr – *земной счет, два, поверхность земли*; 土 tǔ – *земля, поверхность, на которую блюют все живые существа*; 垚 yáo – *земля высоко вздымается*; 堇 qín – *глина (土 земля и сокращенный вариант 黄 желтый)*; 里 lǐ – *жилище, место жительства (田 поле и 土 земля)*; 田 tián – *пашня, поле*; 畺 jiāng – *смежные поля*; 黄 huáng – *цвет земли Центральной равнины (田 поле + 光 свет)*; 男 nán – *мужчина (田 поле, пашня и 力 сила)*; 力 lì – *мышца, сухожилие*; 彗 huì – *объединять силы*. Мы можем проследить семантическую деривацию в последовательности знаков: земля как противоположность небу → земля как поверхность → много земли → земля, смешанная с лессовыми почвами, → земля с пашней как место жительства человека → пашня → две пашни → цвет плодородной земли Центральной равнины → пашня, для обработки которой требуется физическая сила (в значении *мужчина*), → сила, мышца → объединять силы. Таким образом, в процессе анализа массива словаря мы выяснили, что доминирующим принципом организации бушоу в нем является принцип семантический и семантико-деривативный. Подобный процесс семантической деривации может быть экстраполирован и, шире, на процесс развертывания семантики самого первого бушоу-словаря: 一 yī – *праначало формы, дао основывается на нерасчлененном единстве, которое потом разделяет небо и землю, тем самым способствует появлению всего сущего (десяти тысячам вещей)*. Подобно тому, как из хаоса берет начало все сущее. Завершающий словарь знак, 540-й, 亥 hài – *корни трав, луковичы. Десятый месяц по лунному календарю, слабый ян поднимается, встречается со зрелой инь. Грамматик 二, в гувэнь 上 верх — мужчина, — женщина. Грамматик 乙, словно хранящая в себе смех ребенка. Этимологически знак 亥 указывает на соитие 媾 как на процесс слияния мужчины и женщины, слияния мужской и женской природы, вынашивание новой жизни с*

¹ Здесь и далее курсивом обозначены дефиниции, приведенные в «Словаре этимологий базовых знаков китайской письменности».

целью продолжения себя в потомках. Подобная архитектура словаря позволяет нам говорить не только о продуманном автором словаря развертывании графики и семантики, но и о развертывании глубоких фило-софских контекстов: все берет начало из хаоса, формирует все сущее и направляет свою интенцию на продолжение и повторение себя в новом состоянии системы.

В процессе работы со словарем была проведена систематизация базовых знаков в контексте предложенной авторами проекта интерпретации системы знаков китайского письма с введением в понятийный аппарат семиотики и грамматики новой для мирового Китаеведения терминологии, отражающей современные подходы к осмыслению китайской письменности как системы.

Впервые классификация знаков китайской письменности на основании семиотической теории Чарльза Сандерса Пирса была приведена в фундаментальном труде основателя нашей грамматологической школы профессора Олега Марковича Готлиба «Основы грамматики китайской письменности» [Готлиб, 2007]. Семиотическая теория Ч. Пирса, изложенная им в «Началах прагматизма», является на сегодняшний день самым стройным и непротиворечивым основанием для классификации знаков, поэтому именно она была избрана для того, чтобы положить конец теоретическим баталиям относительно правильности разнообразных авторских подходов к классификации китайских письменных знаков. Более того, она выступила своеобразным связующим звеном для лингвистической науки Востока и Запада, подводя имеющиеся теории к общему логическому знаменателю.

По Пирсу, «знак замещает собой нечто, придерживаясь некоторой идеи (stands / Or something to the idea), которую он производит или изменяет. Он представляет собой средство, передающее сознанию нечто извне» [Пирс, 2000, 14].

Так, Ч. Пирс выделяет *знак-икону* – знак, «отсылающий к объекту, который он обозначает, просто в силу своих свойств, которыми обладает независимо от того, существует ли вообще какой-нибудь Объект или нет» [Пирс, 2000, с. 201]; *знак-индекс* – знак, «репрезентативный характер которого состоит в том, что он является индивидуальным вторым» [Там же, с. 205], связанный по смежности в своем индивидуальном существовании со своим индивидуальным объектом, имеющий с этим объектом общее качество, в соответствии с которым он отсылает к объекту, а следовательно, способный содержать в своем составе «первичность, а значит, Икону» [Там же, с. 206]. *Знак-символ* – конвенциональный знак, «общий способ последовательности чего-либо, которое становится знаком только в силу того факта, что привычка или принятый закон заставляют интерпретировать его таким образом» [Там же, с. 213]. Составным элементом символа

может быть индекс и может быть икона. Ч. Пирс выделяет два вида символов: «подлинный» и «вырожденный». «Подлинный символ есть символ, имеющий общее значение», имеет характер закона. «Вырожденный символ» бывает двух типов: «сингулярный», объект которого есть некая индивидуальность, реализующийся в проявлении этой индивидуальности, и «абстрактный», единственным объектом которого является свойство [Там же, с. 214].

Пирс поясняет суть своей триадической семиотики, которую он иначе называет Firstness – Secondness – Thirdness (первичность – вторичность – третичность), следующим образом: «У Иконы нет динамической связи с представляемым ею объектом; просто так уж случается, что ее качества схожи с качествами самого объекта и возбуждают аналогичные чувствования в уме, для которого она является сходством. Но в действительности она остается не связанной с ними. Индекс физически связан со своим объектом; они составляют органичную пару, но интерпретирующий разум не имеет ничего общего с этой связью, кроме того, что он замечает ее после ее возникновения. Символ связан со своим объектом через идею пользующегося символом ума – идею, без которой не существовало бы никакой такой связи» [Пирс, 2000, с. 216].

Так, знаки пиктографической категории демонстрируют все признаки иконических знаков: они отсылают к объекту, который они денотируют просто посредством присущих им характеристик, при этом самое основное свойство знака-иконы – быть подобием «вещи» и использоваться в качестве ее знака. Для примера знака-иконы можно выделить ключ 虎 *hǔ* *тигр*, который представляет собой изображение тигра 𤝵 – хищного зверя с большой оскаленной пастью 𤝶, длинными лапами с острыми когтями 𤝷, поджарым высоким телом и хвостом 𤝸. 𤝹 *yà* – безобразная внешность. Изображение человека с горбом на спине. Цзя Шичжун¹ говорил: «Под 𤝹 я понимаю *второго по порядку ученика*». Этимология знака дает нам иную этимологию: по форме он напоминает *строение, соединенное проходами и выходящее на все четыре стороны света*. Архитектурная постройка, которая со всех сторон опоясывает общую площадь в центре, – 𤝺. Площадь эта символизирует социальные отношения внутри племени, а также место, где осуществляются ритуалы поклонения духам предков и проводятся праздники. Форма знака в целом означает *район компактного упорядоченного проживания древних племен*. Крупный поселок, имеющий каналное сопряжение для быстрой коммуникации с разными его районами с целью возможной защиты от нападения. Форма знака в цзягувэнь 𤝻

¹ Младший церемониймейстер, ведал экипажами и одеждой, дин. Цинь – Хань.

и цзиньвэнь подчеркивает крестообразный характер внутреннего сообщения. В чжуаньцзы форма практически не меняется, внутри знака добавляются указательные символы , подчеркивающие центральную площадь как важное место в жизни общины, используемое для поклонения духам предков.

Таким образом, даже на уровне пиктограмм, которые, казалось бы, носят универсальный характер сообразно универсальности когнитивных процессов человека, мы можем проследить этнокультурную «наполненность» семантики знака актуальными для некой общности людей ценностными аспектами. Пиктограммы представляют собой подавляющее большинство из 540 знаков словаря «Шо вэнь цзе цзы».

Идеограммы обладают всеми признаками знака-индекса: «Знак или репрезентация, отсылающая к своему объекту не столько в силу установленного между ними отношения подобия или аналогии и не по причине наличия ассоциативной связи с общей природы качествами, которыми данному объекту случается обладать, сколько в силу существования динамической (включая пространственную) связи с индивидуальным объектом, с одной стороны, и с чувственностью или памятью того, кому он служит знаком, – с другой» [Пирс, 2000, с. 94]. Это положение можно проиллюстрировать следующими бушоу:

喜 xǐ – *веселиться, смеяться*. 喜 рассматривается как исходный для знака *хихикать, смеяться*. Знак состоит из знаков *обтянутый кожей коровы барабан* и *смеющийся рот*, имеет значение *веселиться во время празднования, торжественной церемонии*. В некоторых вариантах цзягувэнь знак писался как , где вместо *барабан* использовался знак *звук удара, хлопок, чтобы подчеркнуть оглушительную музыку во время торжества*. Знаки цзиньвэнь и чжуаньвэнь сохранили преемственность графической формы знака эпохи цзягувэнь ;

弦 xián – *тетива, нить, привязанная к обоим концам арки лука*. Знак 玄 xuán (*нить, выходящая из тутового шелкопряда*) является и фонетиком, и грамматиком, имеет значение *скрученная нить* , *растянутая между двумя концами арки лука* = *тетива*. Наряду с шелковой нитью в качестве тетивы использовали сухожилие рогатого скота.

К знакам-индексам мы относим и идеофонограммы словаря, поскольку наличие фонетической составляющей не приводит к изменению или утрате семантики идеограммы. Например, 金 jīn – *металл, общее*

название для металлов пяти цветов (красный, зеленовато-синий, черный, белый, желтый). Желтое золото – главный из пяти металлов. Оно не дает ржавчины после длительного захоронения, не изнашивается, не выцветает, легко поддается изменению формы. В концепции пяти элементов у-син металл – атрибут Запада. Родается в земле, поэтому содержит грамматик 土, слева и справа знака точки изображают песчинки золота, сокрытые в земле. Фонетик – 今.

В процессе работы над словарем мы пришли к выводу, что указание на чтение бушоу в «Шо вэнь цзе цзы» носит спорадический характер. На наш взгляд, термин «фоноидеограмма» спорен, приводит к нарушению принципа бритвы Оккама, ненужному усложнению сущности, и поскольку фонетический компонент не играет классифицирующей роли, то постановка «фоно-» в препозицию к «-идео-» выглядит необоснованной. Вместо этого при необходимости обратить внимание на фонетическую составляющую знака логичнее вести речь об идеофонограммах, символафонограммах, поскольку первичным и привычным для знаков письма все же будет отсылка на их семиотический подвид, нежели на указание их приблизительного чтения.

Символ, по Пирсу, есть «знак, который конституирован как знак, просто или главным образом благодаря тому факту, что он используется и понимается как таковой, – имеет ли привычка его использования и понимания естественный или конвенциональный характер – безотносительно к мотивации, обусловившей его выбор» [Пирс, 2000, с. 96]. К знакам-символам среди бушоу «Шо вэнь цзе цзы» мы относим знаки указательной категории, поскольку их семантика носит характер договоренности или закона. Такими характеристиками обладает знак 四 sì – *четное число*, особый указательный знак, в цзягувэнь 肆 представлял собой изображение удвоенной двойки 二; 斗 dòu – *десять шэн*¹, который включает в себя икону – изображение измерительного предмета типа ковша, используемого для покупки вина; 高 (高) gāo – *высокий*. По форме напоминающий высокую башню типа книгохранилища, изображающий высокое здание в значении *высокий*. В знаках-символах мы можем наблюдать то, на что указывал Пирс: символ может включать в себя икону, большинство знаков-символов – пиктограммы по происхождению.

Заслуживает внимания, по нашему мнению, явление синкретизма, которое выражается в том, что один знак представляет собой весь процесс семантического разворачивания своего исходного значения как пикто-

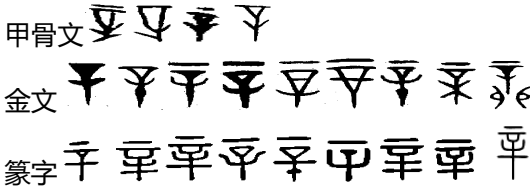
¹斗 – мера сыпучих и жидких тел, равная 10 шэн (около 1,35 литра).

граммы через идеограмматическое осмысление к символьному функционалу. В качестве одного из примеров такого знака возьмем

521. 辛 xīn

《说文解字》：辛，秋時萬物成而孰；金剛，味辛，辛痛即泣出。从一从辛。辛，臯也。辛承庚，象人股。凡辛之屬皆从辛。

«Шо вэнь цзе цзы» ^辛 (辛 xīn): в осеннюю пору все существующее в природе успешно завершается и созревает; твердый, как металл, вкус острый, горький, вызывающий слезы. Состоит из — и 辛. 辛 – это преступление, вина, проступок. 辛 продолжает собой 庚, подобен бедрам человека. Ключ 辛 входит в состав знаков со сходной семантикой.

Комментарий: 辛 в цзягувэнь и цзиньвэнь представляет собой   – изображение режущего инструмента, похожего на круглое зубило с острым концом , использующегося для пыток и наказаний. В знаке изображение инструмента дополняет изображение мужских яичек   как указание на то, что этот инструмент использовался и для оскопления рабов и преступников.

С периода чжуань знак изображает раба или преступника (средняя горизонтальная указывает на обязательную кастрацию), делается акцент на лоб, поскольку на нем вырезали и накалывали знаки, маркируя таким образом рабов и преступников.

Голова 甲 сменяется шеей 乙 , шея 乙 сменяется плечами 丙 , плечи 丙 сменяются сердцем человека 丁 , сердце сменяется 戊 поддерживающими человека боками, бока 戊 подпираются животом 己 , живот 己 подпирается брюшной полостью человека 庚 , брюшная полость 庚 продолжается зоной бедер 辛 .

Категория знака: пиктограмма 象形字 / идеограмма 会意字 / указательная 指事字

Разнопись знака 异体字: 辛 業

Базовая графическая форма знака бини 笔意: – изображение колюще-режущего инструмента, похожего на круглое зубило с острым концом .

Графический смыслообраз знака цзаои 造意: изображение инструмента пыток и оскопления в значении *горький, тяжелый, скорбный*.

Этимологическое значение бэньи 本义: колюще-режущий инструмент, похожий на круглое зубило с острым концом, использующийся для пыток и наказаний преступников и рабов. Эволюционировало в значение *преступник с маркированным лбом*.

Наблюдение за процессом эволюции значения *инструмент для оскопления – преступник – зона бедер и паха (как один из циклических знаков)* демонстрирует процесс семантического развертывания во всей его красе, когда икона из непосредственно воспринимаемого и чувственно ощущаемого развивается в индекс, взятый в отвлеченной связи с иконой, но содержащий ее как ключевой детерминирующий компонент новой семантики знака (оскопленный и маркированный на лбу, как *преступник*). Наряду с этим произошло и дальнейшее «вырастание» иконы/индекса в конвенциональный по природе символ – циклический знак, соотносимый с пахово-бедренной зоной человека. Подобные примеры имеют высокую ценность для лингвистики, поскольку позволяют дать более объемную картинку когнитивной деятельности человека в процессе онтогенеза.

В процессе этимографической работы с массивом бушоу «Шо вэнь» нами были получены неожиданные результаты: привычная уму китаиста этносемантика на этапе пиктограмм проявляет свой универсальный характер. Именно этимография применительно к анализу знаков китайской письменности на сегодняшний день позволяет нам говорить не только о культурной специфике, в которую до этого привычно «упиралась» этимология (поскольку конечным пунктом деконструкции традиционно был именно «Шо вэнь цзе цзы»), но и об универсальных механизмах означивания. Более того, этимография призвана «побаловать» лингвистику возможностью проникнуть в глубь веков и тысячелетий и взглянуть на первые зафиксированные в письменной памяти человечества результаты его когнитивной и категоризирующей деятельности, а также продемонстрировать, что предмет ее изучения не какая-то «китайская грамота», а вполне универсальный понятийный язык.

Мы рассматриваем систему идеографического письма как дополнительную к системе национального языка, как одну из разнородных естественных знаковых систем (семиотик), через внутреннюю организацию базовых компонентов которой (морфограмм и логограмм) можно попытаться смоделировать процессы когниции и мышления, присущие человеку в его познавательной активности [Теоретические основания подхода ... , 2019]. Таким образом, пространству китайского идеографического письма принадлежит *графическая метамодель китайской этнолингвокультуры*, дальнейшее изучение которой позволит добраться до опыта иного, нежели изучение лексики или грамматики языка, вскрыть механизмы моделирования при переходе от глубинных структур, находящихся в отношениях дополнительности к поверхностным, отражающихся в знаках китайского идеографического письма и являющихся вариантом графической репрезентации опыта любого человека. В процессе исследования этимологии знаков мы столкнулись с тем, что этнокультурные моменты, с учетом которых мы привыкли толковать знаки идеографического письма, зачастую сводятся к универсальным механизмам означивания, свойственным большинству этнокультур. Подобно тому, как этимология знака 黄 *желтый*, привычно трактуемая китаистами как *цвет желтых лессовых почв долины реки Хуанхэ*, выявила иную этимологию знака – изображение *человека с раздутым от паразитов животом* и, соответственно, отличную от признанной и лишенную любой этноспецифики этимологию *цвет кожи и склер человека, больного желтухой*. Таким образом, знак, трактуемый Сюй Шэнем в словаре как *цвет земли Центральной равнины* и относящийся им к категории идеофонограмм, на этапе письменности цзягувэнь оказывается знаком указательной категории, знаком-символом, в основе которого лежит пиктограмма, изображающая человека.

Наряду с вышеизложенным мы в полной мере признаем и существование этнокультурных архисем китайской цивилизации. Они возникают на этапе появления идеограмм, знаков-индексов как показателей усложняющихся когнитивных процессов человека, как результатов метафорического переосмысления изначально чувственно воспринимаемой пиктограммы, как итогов характеризующей предикации. В качестве примера можно привести знак 𠄎 (宁 zhù) *шкатулка-котилка для каких-либо предметов*. Образец пиктограммы: изображает короб на полозьях | | с двумя ручками | |, предназначенными для того, чтобы можно было его тянуть. В центре помещена 𠄎 – конструкция, позволяющая одинаково удобно с обоих концов вытягивать коробочку для хранения сокровищ. Этот же знак со временем, «наполненным» неизбежными процессами

усложнения когнитивных механизмов носителей китайской этнокультуры, развился в 宁 (zhù) *стоять, ждать: пространство между входной дверью и дверным экраном в императорском дворце. Место, где подданный долго ожидал высочайшей аудиенции при дворе, чтобы «накапливать» чувство долга и любви к господину. Подобно тому, как ларец сберегает драгоценности, сердце подданного накапливает и сохраняет любовь к государю.*

Литература

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. 284 с.

Теоретические основания подхода к идеографической письменности с позиции теории систем / Д. М. Домашевская, Т. Е. Шишмарева, Н. В. Терехова, Е. А. Хамаева // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 138–150.

Карапетьянц А. М. Китайское письмо до унификации 213 г. до н. э. // Карапетьянц А. М. У истоков китайской словесности М. : Вост. лит., 2010. С. 172–202.

Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2000. 228 с.

Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарева, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова, Д. М. Домашевская. Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. 669 с.

УДК 81–112

娅娜·耶夫列民科 (哈尔滨市)

黑龙江大学

俄罗斯人视角下的《文心雕龙·章句》研究与翻译

摘要: 《文心雕龙》是研究什么的书? 对于《文心雕龙》这一部著作不少研究者的看法不一, 有的学者认为它是一部篇章学或写作学性质的书, 而有的学者则认为它是文学理论, 甚至是文学史、文学批评或美学理论著作。《章句》属于《文心雕龙》的第三十四篇, 也是创作论的一部分。如果从对于篇章学的角度来看, 《章句》篇就可以算是该书阐述篇章构建理论的最重要、最有价值的一篇。目前, 《文心雕龙》这一著作, 在俄罗斯汉学界有很高的知名度, 但是在研究过程中他们具有各种不同的理解和争议。另外, 遗憾的是, 现在还没有对全书的全译, 就是单篇的完整译文, 至今也未见有人做出。笔者将要尝试对《章句》其中两个片段做出完整的译文以及做出相关的解释, 供同行们参考。

关键词: 文心雕龙; 章句; 汉俄翻译。

I. Efremento

Russian Institute of Heilongjiang University, Harbin

THE STUDY AND TRANSLATION OF WENXINDIAOLONG ZHANGJU FROM THE RUSSIAN PERSPECTIVE

Abstract. What is the study of Wenxindiaolong? Many researchers have different views on Wenxindiaolong. Some scholars think it is a book of textual or writing nature, while others think it is a book of literary theory, even literary history, literary criticism or aesthetic theory. Zhangju is the thirty fourth part of Wenxindiaolong,

which belongs to the theory of creation. If viewed from the perspective of text study, the chapter of Zhangju can be regarded as the most important and valuable one to elaborate the theory of text construction. At present, Wenxindiaolong, a great work, is well-known in Russian Sinology, but they have different understandings and controversies in the research process. In addition, unfortunately, there is no complete translation of the whole book, that is, the complete translation of a single article, and no one has made it so far. The author will try to make a complete translation of two parts of Zhangju and make relevant explanations for the reference of colleagues.

Keywords: Wenxindiaolong, chapters and sentences, Chinese Russian translation.

Я. Ю. Ефременко

Хейлунцзянский университет
Русский институт, Харбин

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ГЛАВЫ «ЧЖАН ЦЗЮЙ» ТРАКТАТА «ВЭНЬ СИНЬ ДЯО ЛУН» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Что изучается в трактате «Вэнь синь дяо лун»? Взгляды исследователей расходятся. Некоторые ученые считают, что это пособие по написанию литературных текстов, другие – что это книга по литературоведению и даже по истории литературы, литературной критике или теории эстетики. «Чжан цзюй» – это тридцать четвертый раздел трактата, в котором излагается теория творчества. Если рассматривать его с точки зрения изучения текста, то он является наиболее ценной для разработки теории построения текста. Трактат «Вэнь синь дяо лун» хорошо известен российским синологам, однако подходы к его изучению в настоящее время весьма противоречивы. Кроме того, на сегодня нет полного перевода как всего трактата, так и какого-либо из его отдельных разделов. Автор настоящего материала предпринимает попытку перевести на русский язык раздел «Чжан цзюй» и дать соответствующие комментарии по его содержанию.

Ключевые слова: «Вэнь синь дяо лун», «Чжан цзюй», китайско-русский перевод.

《文心雕龙》成于公元五、六世纪，其作者为刘勰。该书共计五十篇，但本文仅以《章句》篇为例。关于《文心雕龙》不少研究者提出了异议，有的以为它是一部篇章学或写作学性质的书，而有的则以为它是文学理论，甚至是文学史、文学批评或美学理论著作。一目了然，《文心雕龙》就是一部光辉的文艺理论著作，同时也是一部伟大的语言学巨著。近年来，对《文心雕龙》的研究逐步成为了中国古典文论研究中的一个热点，并且对其研究已取得了很大的成就。20世纪20年代《文心雕龙》开始进入俄罗斯汉学界的研究视野，许多有名的俄罗斯汉学家都对其作过一些片断的翻译与阐释。比如，В. М. Алексеев (阿列克谢耶夫)、В. А. Кривцов (克利夫佐夫)和 И. С. Лисевич (李谢维奇)是第一个研究《文心雕龙》的最杰出的汉学家之一，其他还有 Л. Д. Позднеева (波兹德涅耶娃)、К. И. Голыгина (戈雷金娜)、Л. В. Стеженская (斯捷任斯卡娅)、М. Е. Кравцова (克拉芙佐娃)等俄罗斯学者。

关于《文心雕龙》俄文译名

《文心雕龙》在俄罗斯汉学界有很高的知名度，但是，俄罗斯学者和翻译家在将《文心雕龙》译成俄语时，具有各种不同的理解和争议。显然，翻译《文心雕龙》并没有那么容易的，其翻译涉及到准确性问题，而翻译的准确有赖于理解的准确。这一方面，是在《文心雕龙》书名的翻译上最能体现出来的。

正俄罗斯克利夫佐夫院士在过去把《文心雕龙》翻译成“Резной дракон литературной мысли” [Кривцов, 1978, с. 160], 这个意思直接译成中文意为“文学思想的雕刻的龙”。有时干脆按照字面的意思把它翻译成“Вэнь Синь Дяо Лун”。苏联学者克利夫佐夫的两个译文来证明《文心雕龙》书名的“不通”，前一译文是：“Литературная мысль и резной дракон” 意思为“文学思想和雕刻的龙”。这个译文克利夫佐夫自称“不确切”。后一译文是根据他对原著内容的理解，提出自己对译名的意见，并认为应该译作“Литература, написанная сердцем и прекрасная, как резные драконы”。这个意思直译成中文是“以心写成的象雕龙一样优美的文学。”，也是克利夫佐夫较为满意的。张国光先生曾经对克利夫佐夫的译文作出了评价，说：“前一译法，不合原意，而后一译法也还是不够显豁。” [Лисевич, 1979, с. 135] 笔者认为，克利夫佐夫提出的这两个译名不太妥当。第一个译名的意思联系起来是很对的，但是其平列则不当。第二个译名因为刘勰是为探讨“为文之用心”而写的，他论的是“文心”，而不是“文学”。

后来，俄罗斯另一位著名的汉学家李谢维奇在论及《文心雕龙》时，首先对习惯的俄文译法“Резной дракон литературной мысли”（文学思想的雕刻的龙）表示了不满。他指出：“心不等于思想，‘文’也不是我们所理解的文学” [Лисевич, 1979, с. 18]。李谢维奇《文心雕龙》一书的书名翻译成“Дракон, изваянный в сердце письмен”（“在文的心中雕刻出来的龙”）。他解释说：“这里说的是优美的文章，在中国人看来是词语和文学的花纹。”因而他选择了俄语中的“письмена”（意为文字）一词来翻译中国的“文”字，而不是习惯上采用的“литература”（文学）。

李谢维奇指出：“письмена 这个词，既是文学作品的标志，同时又是文学的花纹” [Лисевич, 1979, с. 19]。换言之，“这种‘纹’具有某种形成它的中心，即‘文心’。”就刘勰本人所言 [施友忠, 1983]，取《文心雕龙》一名的主旨，是要讨论“为文之用心”之意，其重点在“心”而不在“文”，更与“龙”实际上没有关系。“雕龙”只不过是一种比喻的说法，而并非“在文的心中雕刻出龙”。可见《文心雕龙》的意思就是说“写作如同雕刻龙纹一样美丽的文章所运用的心思”。因此，对李谢维奇的这种译名还有商榷的必要。

《文心雕龙·章句》的俄译问题

苏联时期起，俄罗斯汉学家对于中国古代文化典籍都十分重视。过了 50 年代，大多数中国古典文学代表性的作品都已翻译成了俄文，比如儒家古籍四书五经和道家主要经典、中国四大名著：（《红楼梦》（1958）、《三国演义》（1954）、《水浒传》（1955）、《西游记》（1959））

等都已有了全译本，然而《文心雕龙》至今还没有俄文全译本。俄罗斯汉学家对《文心雕龙》的俄译与研究始于本世纪 20 年代。1920 年，现代俄罗斯新汉学的奠基人 В. М. Алексеев (阿列克谢耶夫) 院士曾全文翻译了《文心雕龙》中的《原道》篇。这些文字果然是《文心雕龙》最早的汉译俄文本 [Алексеев, 1978, с. 51 - 51]。1978 年，克利夫佐夫先生发表了第一篇专门研讨《文心雕龙》的论文，并对全书内容作了概括的介绍。1979 年李谢维奇博士在他的专著《古代与中世纪之交的中国文学思想》这本书中提到《文心雕龙》的地方超过 40 多个，所涉及的篇章有《风骨》、《时序》、《原道》、《诠赋》、《诸隐》等 [Лисевич, 1979, с. 128]。但是，有的原文作者参考英译本来翻译的，而有的向中国学家进行过咨询。无论如何，这些译文一大部分是准确的，容易用俄文读者理解。此后，戈雷金娜 [Гольгина, 1972, с. 3] 对《文心雕龙》中的《原道》篇做出了翻译。因为《文心雕龙》本身的艰深性，所以对它的完整翻译不少俄罗斯汉学家视为畏途。所以，不用说对该书的全译，就是单篇的逐字逐句的完整译文，也未见有人作出。

笔者认为，“翻译”不是科学，它就是一门艺术，在翻译的过程中需要达到将使译文如同刘勰的作品一样，文字优美、内容丰富的效果。这一事将翻译者需要下一大功夫，因为这不仅是翻译问题，而更是深刻的理解，就是怎么才可以把译文尽可能地接近原文的文学形式。我们不能简单地把上下文运用适当的话语联系起来翻译，也不能用一个词来含盖该专门术语的丰富含义，这样往往只能表达当时上下文环境里的意思而已。因此，我们有时候可以适当地采用翻译中通常的“音译”，但一定不能“习以为常”。李谢维奇博士指出：“译者要把《文心雕龙》翻译成俄文遇到的困难真不少，翻译《文心雕龙》的人还碰到不是来自时代的困难”。其主要难处在于刘勰及其前辈对于世界和文学的理解与整个俄罗斯文学的传统是不相同的。他说：“传统决定了完全不同的观点和态度。好比对另一种文化传统的读者来说，很难搞清楚‘青’和‘玄’的颜色差异；或者是‘黄钟’到底是什么音调。刘勰书中经常出现的现象，而它们属于很重要的文学和普通哲学的术语。”

以上笔者作了一些分析，下面将要尝试做出《章句》篇中的最有代表性片段的俄文翻译及其相关解释，比如：

原文：“夫设情有宅，置言有位；宅情曰章，位言曰句。”

译文：“К творчеству необходимо подходить с особым вниманием и умением расставить все в подходящих местах, располагая речь в соответствующих позициях; расположение чувственного содержания определенными частями называется разбивкой на абзацы, правильное расположение речи называется построением предложения”。

在这句话中，笔者把“夫”字翻译成“творчество”这一名词，虽然“夫”字是指代词（表示为这、那），但按这句话的整体意思来讲，它应该指的是“作品”、“创作”之意，因此译成俄语时，它就变成名词。据笔者了解，“宅情”就是分章，其中的“章”指的是“段落”，而译成把它“абзац”这一词较为妥当；把“宅情”看成“情意内容”之意，而把它译成“чувственное содержание”。

原文：“故章者，明也；句者，局也。”

译文：“А потому абзац – это некое ясное понятие, а предложение – это некая его граница”。

这句话中，把副词“故”运用“потому”来翻译，而不是运用“поэтому”。两者都是副词，其意为“因此”、“所以”，但是前者更符合俄罗斯人的逻辑，而后者一般用于组成复合连接，另外一般与“что”连用。“Потому”常与“а”连用，因此俄译中前面有“а”。句子中的“局”是“分界”的意思，是指把语言分化成多少句子的。无论如何，笔者认为把它应该翻译成“граница”比较合适。

原文：“局言者，联字以分疆；明情者，总义以包体。”

译文：“Языковое разграничение – это когда слова-иероглифы выстраиваются в ряд один за другим, образуя при этом самостоятельные дифференцируемые единицы; ясное изложение чувственного содержания – это слияние общего смысла в единое целое, умение скрыть его в избранном жанре”。

这里的“字”笔者理解为“字词”，所以把它翻译成“слова-иероглифы”，把“体”可以理解为“全体或整体”，就是说各句组成章的整体，译成“единое целое”。

原文：“区畛相异，而衢路交通矣。”

译文：“Несмотря на то что имеется граница взаимного различия абзацев и предложений, однако по своей сущности они тесно взаимосвязаны”。

句中的“交通”可以理解成互相通达之意，就是指句和章关系是密切相通的，因此运用“взаимосвязь”，其意为“相互联系”。

原文：“夫人之立言，因字而生句，积句而成章，积章而成篇。”

译文：“При создании произведения используются письменные знаки, складывающиеся в предложения, набор предложений преобразуется в абзац, совокупность этих абзацев формирует главу”。

这句话中解释“立言”时，我们能想到“著书立说”之说，实际上，就是写文章之意。所以，笔者把这句话的“立言”翻译成“создание произведения”。

“积句而成章”的“成章”，就是作“为章”。但是，这个“章”并不是我们上面所说的“章节”，它表明了某一内容的段落之意，所以这里笔者也把它翻译成“абзац”。

原文：“篇之彪炳，章无疵也；章之明靡，句无玷也；句之清英，字不妄也；振本而未从，知一而万毕矣。”

译文：“Написанное без всякого изъяна произведение – это творение. Каждый абзац должен быть тщательным и понятным, а предложения – без ошибок; предложения должны быть написаны с новизной, а каждый иероглиф обдуманно; основываясь на базовом принципе “вслед за трепетом корневища начинают трепетать и ветви дерева”, можно еще обобщить много разнообразных примеров”。

“振本而未从”指的是本、末，树根和树梢，这里为了比喻字句和篇章的关系。所以把它直接翻译成“вслед за трепетом корневища начинают трепетать и ветви дерева”更准确、更响亮、更有音乐性。

原文：“夫裁文匠笔，篇有大小；离章合句，调有缓急；随变适会，莫见定准。”

译文：“При создании рифмованного текста и прозы произведение по объему может быть как большое, так и маленькое; разбивка на разделы может быть изолированной, может быть единой, а их тональность может быть замедленной, может быть быстрой: все это должно размещаться вслед за изменением содержания главы, не имея определенного стандарта”。

在此句中“离章”为分章之意。笔者认为“разбивка”这一词比“разделение”更为合适。

原文：“句司数字，待相接以为用；章总一义，须意穷而成体。”

译文：“Не имеет значения, сколько имеется иероглифов-слов в одном предложении, лишь только взаимно объединившись, они могут сыграть значение; одна глава произведения может сводить воедино целый смысл; только если выражен полный смысл, может быть сформирован абзац”。

句子中的“体”意为“总义以包体”的“体”，即“段落”，因此，我们应该把它翻译成“абзац”这一词。

原文：“其控引情理，送迎际会，譬舞容回环，而有缀兆之位；歌声靡曼，而有抗坠之节也。”

译文：“Здесь необходимо контролировать выражаемые чувства, иногда отдавая, а иногда принимая, точно соответствуя основной мысли; это словно быть охваченным в танце, имея установленный строй и место; это подобно раздающемуся нежному пению, имеющему то низкие, то высокие ритмы”。

这里把“际会”可以理解成“遇合”，为取舍得当的含义。“际”就是“边际”，而“会”指的是“合”。

现代汉语中，把这句字的意思可译成“其中要掌握所表达的情意，有时放开，有时接住，要切合命意。”那么“缀”为“舞蹈时的行列”之意，而“兆”表示位置。其在俄语中为“строй”和“место”。“靡曼”在俄语中的直意是“расстилаться”或“распространяться”，但在句中笔者试着把它翻译成“раздающийся”，以达到他人容易理解的目的。

原文：“寻诗人拟喻，虽断章取义，然章句在篇，如茧之抽绪，原始要终，体必鳞次。”

译文：“Поэт с помощью стихов выражает метафору, при этом манипулируя цитатами в тексте, однако при этом каждая глава и каждое предложение имеют взаимосвязь подобно тому, как отыскать на коконе шелкопряда начало шелковой нити; произведение от начала и до конца должно быть подобно рыбьей чешуе, т. е. в строго выстроенном порядке”。

“断章取义”是现代汉语成语，文中的含义是“摘取全篇中的一章或几句借来表达自己的情意，不管它原来的意思”。就创作而言，需要考虑上下文相互联系。虽然在俄语中“断章取义”有“вырывать цитаты из текста”、“недобросовестно пользоваться цитатами”或者“передергивать цитаты”，但是笔者认为该把它翻译成“манипулировать (жонглировать) цитатами (в своих интересах)”。“原始要终”的原来的意思是探讨事物的始末，而这里表示写作的从头到尾。文中的“鳞次”是指在体制上应该像鱼鳞一样按秩序紧密排列似的。

原文：“启行之辞，逆萌中篇之意；绝笔之言，追媵前句之旨；故能外文绮交，内义脉注，跗萼相衔，首尾一体。”

译文：“Начальные слова стихотворения определяют сюжет; финальные слова должны перекликаться с вышеизложенным смыслом; взаимное переплетение иероглифов должно быть подобно резному узору и должно быть пронизано одной внутренней смысловой структурой подобно взаимосвязи цветоложа и чашелистика, объединяя в единое целое конец и начало”。

此文中“逆萌”是预先萌生的含义，即伏笔。俄语中可以说“развитие сюжета”。“追媵”指的是呼应，所以这里笔者把它翻译成“перекликаться”。对“外文”和“内义”的含义，龙学研究者阐释如下：“不但形式上要有适当的联络；并且意义上要能够贯串；是所谓‘外文绮交，内义脉注’了。”[朱恕之，с. 1262]“跗”（fū）字是指花萼下的房，其在俄语中为“цветоложе”。萼指的是花瓣外部下面的一圈绿色小片，俄语是“чашелистик”。

原文：“若辞失其朋，则羁旅无友；事乖其次，则飘寓而不安。”

译文：“Если речь скомбинирована неподходящим образом, то она подобна человеку, одиноко живущему на чужбине без друзей; если при описании нарушается последовательность, то это подобно человеку, скитающемуся на чужбине без пристанища”。

句子中的“羁旅”是滞留外乡的意思，为“пребывать на чужбине”。“寓”意为“寄居”，笔者把它翻译成“скитаться”而不是“проживать”。

原文：“是以搜句忌于颠倒，裁章贵于顺序，斯固情趣之指归，文笔之同致也。”

译文：“При построении предложений избегайте выстраивания с ног на голову. Продумывая подразделы, необходимо обратить внимание на последовательность написания произведения, по сути, требование к выражению чувственности. Это общее единое требование к написанию рифмованного текста и прозы”。这里的“文笔”，笔者理解为韵文和散文，所以把它翻译成“текст и проза”。

笔者希望这翻译对于研究汉语篇章学与古代汉语典籍的同行们有所贡献。尽管笔者的精力有限，请求专业学者们批评指正。

结语

笔者通过对《章句》篇的解读，深刻地了解了《文心雕龙》的篇章语言学理念与思想，从此受到了一些启发：第一，要重视对古代典籍研究，而在它的基础上，把传统的精华思想与现代的语言篇章学联系起来去了解与研究。第二，从篇章学的角度来进行汉俄对比的研究、分析及翻译。第三，对《章句》篇将要做出完整的全篇俄译。

苏联著名学者李谢维奇[Лисевич, 1979, с. 19]指出：“简而言之，译者要把《文心雕龙》翻译成俄文过程，遇到的困难真不少，我谈的仅为若干想法，而最重要的是看结果。可惜，人的精力有限，其他事务常常使人分心，以致不能专注于《文心雕龙》的翻译。不过我相信，这部译作不久总要完成的。”他又说：“《文心雕龙》译成俄文的过程中还遇到一项大难题，这就是译文必须尽量接近它原来的文学形式。我们要知道，《文心雕龙》不是简单的理论条文，它在我们面前出现的是一部优美的文学作品，而且还是“骕骝文”的作品。俄罗斯伟大诗人普希金曾提起过：“只有天才才能翻译天才的作品”。

笔者在本文中作了一些关于书名问题及俄文译名的探讨，另外从现代篇章语言学角度论述了《章句》篇的内容主旨，对《章句》篇中的经典的片段做出了完整的俄文翻译及相关的解释。希望不仅是对汉语的篇章学，而又是对俄语的语言学、修辞学、文学以及翻译学的研究做出有所贡献。

参考文献

- Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М. : Наука, 1978. С. 51–52.
- Голыгина К. И. Теория изящной словесности в Китае начала XIX–XX вв. Определение изящной словесности – взън в средневековой теории литературы // Историко-филологические исследования. М., 1972. Вып. 2. С. 3.
- Кривцов В. А. К вопросу об эстетических взглядах Лю Се // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 1. С. 160.
- Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М. : Наука, 1979. С. 18–19.
- 李谢维奇《古代与中世纪之交的中国文学思想》. 莫斯科: 科学出版社, 1979. 128 页.
- 施友忠. 《文心雕龙: 中国文学思想与模式(刘勰)》. 香港, 1983.
- 杨树. 《文心雕龙》的十大贡献 – 评张国光先生对《文心雕龙》的批判. 上海师范大学学报: 1985, 第 2 期. 135 页.
- 朱恕之. 《文心雕龙研究·创作论》第三节《论字句篇章》. 转引自詹瑛《文心雕龙义证·章句》. 1262 页.

УДК 1+82-1

Т. Ю. Жихарева

Тюменский государственный университет, Тюмень

СИМВОЛИКА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ ЭПОХИ ТАН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРООЩУЩЕНИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Аннотация. Рассматривается символическое выражение пространственно-временных моментов в китайской поэзии эпохи Тан, предпринимается попытка осмыслить мироощущение китайских поэтов этого времени. Для выявления особенностей мироощущения были взяты такие категории, как активность жизнечувствования, мотив странничества, рациональность, импрессионистичность, добродетель, нравственность. Прослеживается связь этих категорий с пространством и временем в восприятии некоторых китайских поэтов эпохи Тан: необходимо вычлнить символы, наиболее употребляемые китайскими поэтами данной поры, универсальные в своем роде.

Ключевые слова: картина мира, эпоха Тан, пространство, время, символика, странничество, активность жизнечувствования, добродетель, нравственность, импрессионистичность.

T. Zhikhareva

Tyumen State University, Tyumen

THE SYMBOLISM OF SPACE AND TIME IN THE CHINESE TANG POETRY AS AN ELEMENT OF CHINESE CULTURAL UNITY WORLD PERCEPTION

Abstract. In the present article we observe the symbolic expression of the Space and Time moments in the Chinese Tang poetry. We undertook an attempt to analyze the world perception of the Chinese poets of that époque. For this purpose we study such categories as activity of self-awareness, the motive of wandering, rationality, the impressionistic motive, virtue, morality. We trace the connection between these categories with Space and Time, how they are perceived by certain Chinese poets of Tang époque: it is necessary to single out the symbols which are preferred by the poets of this time and trace their universality.

Keywords: picture of the world, the Tang époque, space, time, wandering, activity of self-awareness, virtue, morality, impressionistic motives.

В нашей статье мы предприняли попытку рассмотреть, как выражала себя китайская культура в эпоху Тан, каким образом отразилось китайское переживание пространства и времени в представлении некоторых танских поэтов.

Достаточно удивительно заявление О. Шпенглера в «Закате Европы», где он пытается проследить существенные черты ряда культур, например древнегреческой, египетской, европейской и т. д. Он отмечает, что китайская культура в некоторых своих проявлениях (скажем, в импрессионистичности живописи) определенно близка европейской, хотя представляет собой совершенно особенное по духу явление. Автор говорит о «нежном китайском чувстве пространства и времени», которое чуждо европейскому стремлению покорить, подчинить себе пространство и время. Он также указывает на то, что в произведениях китайской живописи центр приложения силы находится не на горизонте, но *посередине*: это значит, что китайская душа странствует, блуждает в пространстве, не устремляясь за горизонт [Шпенглер, 1998, с. 433]. Китайская живопись обнаруживает такую точку зрения, которая позволяет зрителю свободно витать в глубине и вблизи, «не создавая пространства, а теряясь в нем, и отнюдь не перенося центра тяжести вдаль» [Там же, с. 464]. Человек воспринимает изображаемые предметы по отдельности, а не как некое единство, т. е. он не организует пространство, а проходит некий *путь*, перемещается в нем. Китайская душа, в отличие от западной, относится к дали достаточно *спокойно*, рационально. Она не отгораживается от пространства; она признает горизонт, даль, динамику, но нет того порыва, который характерен для европейского мироощущения, нет стремления господствовать над далью, над бесконечностью. Косвенным доказательством может служить тот факт, что литература Китая записана иероглифами. Понятие, объемлемое иероглифом, «многолико» и многословно [Эйдлин, 1977]; иероглиф предполагает свободные рамки трактовки стихотворения, допускает некоторую неточность, неопределенность. Таким образом осознается пространство. Душа блуждает где-то между небом и землей, растворяясь в воздухе. Отсюда впечатление мглы, дымки, печали от китайской живописи.

Эпоху Тан (唐) (618–907 гг.) мы выбрали для анализа в связи с тем, что именно в этот временной период наблюдается наивысший расцвет китайских поэзии и искусств, небывалый подъем государственной жизни, о чем свидетельствует ряд исследователей (В. М. Алексеев, Г. Б. Дагданов, Л. З. Эйдлин, и тд). Эта эпоха демонстрирует терпимость к философским и религиозным взглядам населения, поощряет литературное творчество, вовлекает образованное население в управление государством: существует система государственных экзаменов (科举 – кэцзюй), первые экзаменационные дворы появляются в Китае именно в эпоху Тан, система 科举 включает в себя экзамен на стихосложение. В этот период домини-

руют конфуцианские ценности и представления. Среди известных поэтов были чиновники, монахи, отшельники, императоры. Отмечается, что «каждый образованный китаец той поры, не претендуя на звание поэта, в той или иной степени владел искусством слагать стихи», блестяще знал и классическую поэзию, и поэзию, современную ему [Дагданов, 1995, с. 5]. Мы сосредоточили внимание на поэзии этой эпохи, а именно на том, как выражается пространственно-временной символ в стихах поэтов Ван Бо (王勃, 649–676), Чэнь Ци-ана (陈子昂, 661–702), Мэн Хао-жаня (孟浩然, 689–740), Ли Бо (李白, 701–761), Ван Вэй (王维, 698/701–759/761), Лю Юй-си (刘禹锡, 772–842).

Нельзя не отметить, что китайской культуре свойственно чувство исторической памяти, на что указывает конкретность имен поэтов, государственных деятелей, детальная точность дат и описанных событий. Историзм соединен с психологизмом: китайская живопись знала *портретное искусство*, до нас дошли портреты китайских поэтов разных эпох (например, портрет Тао Юань-мина, Се Лин-юня, Ду Фу, Ли Бо и др.). Чувство осознания себя в истории выражается в заботе о будущем, стремлении увековечить свои достижения. Об этом же свидетельствует внимание к *нравственности*, обусловленное приоритетом конфуцианских ценностей: для китайского поэта жизнь – это хотя и миг, но не сон, как, например, для индийского поэта. Жизнь воспринимается не как погоня за минутным наслаждением. Внимание к нравственности обнаруживает доминирование разума, заботу о будущем. Отмечается, что поэзия Китая проверена разумом, озарена им – с поэзией связаны и наука и философия [Китайская литература, 1983]. Китайская поэзия проникнута на удивление единым духом: можно сказать, что она не индивидуалистична, но коллективна. Несмотря на то что стихи слагались в основном чиновниками и отшельничество стало предметом воспевания, у китайцев нет поэзии для избранных и поэзии для толпы, как замечает Л. Эйдлин [1977, с. 198].

Один из мотивов, главенствующих в китайской поэзии эпохи Тан (и других эпох), – мотив *безбрежности, дали*. Этот мотив самым непосредственным образом соединен с символом *пространства и времени*. У многих поэтов повторяется мотив дали, одинокого *восхождения на башню* и мотив *странствования*. Фон мирового неограниченного пространства печален, эта же печаль сквозит и в китайской живописи: символична мгла, ветер¹. Этот мотив горизонта, края небес в сочетании с мотивом *путешествия*, преодоления пространства находим у Ван Бо (王勃), поэта, кото-

¹ Например, пейзажи эпохи Сун: «Горные пики», «Осень, река, одинокий челн...», «Путники в горах у реки», «Осенний лес, далекие вершины» (XIII–XIV вв.); Ван Вэй «Просвет после снегопада» (VIII в.), Ни Цзань «Пейзаж» (XIV в.) – здесь даль, перспектива, растворение в воздухе.

рый был государственным чиновником и пытался заботиться о благе народа [Дагданов, 1995, с. 7]:

Я сквозь ветер и дымку взираю на пять переправ.
Наши мысли теперь – о разлуке, о скором прощанье.
Нам положено странствовать – служба такая у нас!
Край небес, опустившийся наземь, нам кажется близким,
Мне близка твоя даль, и пойму я тебя, как себя...

Помощник начальника уезда Ду назначен в Шучуань, перевод В. Рогова [Классическая поэзия Индии ... , 1977, с. 238].

Непременные спутники странствующего человека – ветер и мгла. Кажущаяся близость края небес говорит о преодолении человеком большого пространства. Путешествие, перемещение в пространстве и во времени для человека – не развлечение, но долг, работа, служение. А. Н. Коробова отмечает, что наиболее яркие образцы пейзажной лирики Ван Бо созданы во время путешествия его по юго-западу империи с 669 г. Пейзажная лирика пронизана тоской по родине: в частности, стихотворения «Шань чжун» («В горах»), «Чунь ю» («Путешествую весной») [Коробова, с. 233–234].

У Чэнь Цзы-ана (陈子昂) – известного поэта и крупного государственного деятеля – можем наблюдать мотив одинокого путешествия к границе своей провинции. Человек преодолевает большие расстояния в течение дня и ночи, часто ему приходится видеть закат и встречать восход солнца на реке:

Родимый мой край не виден нигде вдали,
и к вечеру солнце, а я одиноко иду.
Рекою, долиною застлана старая родина,
путями-дорогами в город иду к рубежу.
Вот такова тоска в эти черные дни!

Вечером останавливаюсь в Лэсяне, перевод акад. В. М. Алексеева [Классическая поэзия Индии ... , 1977, с. 238]

Утро он рисует, будучи на переправе, актанты здесь – меркнущая луна и тусклое, быстро восходящее солнце – элементы космоса:

«Миг один – и восток круглым светом заполнен» («Потрясен встречей»), перевод В. Рогова [Там же, с. 238]. Свет воплощен в символе *круга*, который напрямую связан с вечностью, имеет сакральный смысл.

Грусть, тоска поэта по великому прошлому его страны соединена с безбрежностью, далью, обозрением территории с высоты. С точки зрения Чэнь Цзы-ана, современная ему жизнь общества идет вразрез с нравственными нормами, заложенными Конфуцием. Вполне возможно, что здесь примешивается чисто личное недовольство современным поэту общественным укладом в силу неуживчивого характера:

Не вижу былого достойных мужей.
Не вижу в грядущем наследников им;
Постиг я безбрежность небес и земли,
Скорблю одиноко, и слезы текут.

Песня о восхождении на Юйчжоускую башню, перевод В. Рогова
[Там же, с. 239].

Прошлое и будущее – категории времени – соединены у Чэнь Цзы-ана с безбрежностью небес и земли – с пространством, что порождает грусть, скорбь по утерянным моральным нормам, по забытому человеческому достоинству. Он обращается к трем священным началам, которым присущи расцвет и увяданье (Е. А. Торчинов дает ссылку на универсальную космическую Триаду, которая важна для китайского учения о гармонии всего сущего: Земля – Небо – Человек, в которой Человек занимает центральное место [Торчинов]. Также, возможно, имеются в виду начала *инь* – *ян* (阴阳 – yīnyáng) и энергия *ци* (气): именно взаимодействие этих трех основных начал дает импульс развитию жизни.

Углубляясь в сущность даосизма, противопоставляя его мирской жизни, мелочной и суетной, Чэнь Цзы-ан намекает на даосскую символику: великий предел (инь и янь – 阴阳 – yīnyáng), символические числа Три и Пять (三清 – sānqīng – три чистых – высших – мира (даос.), 三密 – sānmì – три таинства: тело, уста и разум Будды, как всеобщая истинная сущность, проявляющиеся в звуках и мыслях (буд.), 二五 – èrwǔ – в китайской космогонии две жизненные силы и пять стихий, 五岳 – wǔyùe – пять Священных пиков Китая, 五荤 – wǔhūn – пять овощей, не употребляемых буддийскими и даосскими монахами, 五行 – wǔxíng – пять первоэлементов в китайской космогонии: металл, дерево, земля, огонь, вода), сокровенную истину (нефрит) (玉 – yù), яшмовый чайник дао и т. д. В цикле из 38 стихотворений «Потрясен встречей» («Впечатления от встреченного») поэт сравнивает духовное начало с низким, мирским, с помощью метафоры утверждая нематериальность, тонкость, правильность, беспредельность. Людям рынка, занимающимся торговлей и обманывающим ближних своих, он противопоставляет созерцание, которое не понятно указанному типу людей. Эти люди лишены реального знания, в то время как жизнь есть *путь*, на котором мудрый человек это знание приобретает, идя к *пределу*:

Но жизни путь проходят словно в неведение детском:

К мошеничеству склонны и мотовством кичатся,

Ни разу не помыслят, чем жизнь их завершится...

Прагматическому восприятию времени, сосредоточению своего внимания на себе, на суете Чэнь Цзы-ан противопоставляет постижение бы-

тия в нефритовом (яшмовом) чайнике дао. Человек, постигший дао, может только разочароваться в земном, уйти от предела в беспредельность:

Им бытие узреть бы в яшмовом чайнике Дао
И, в разочарованье оставив небо и землю,
По правилам превращений в беспредельности кануть.

Потрясен встречей, перевод В. Рогова [Классическая поэзия Индии ... , 1977, с. 239].

Яшмовый чайник дао (玉壺 – yu hu) – воплощение духовной чистоты и добродетели – оказывается соотнесен с пространством: в соответствии с представлениями даосизма сознание человека может быть свернуто до размеров нефритового чайника [Смирнов, Рифтин, 1977, с. 845]. Сама даосская чайная практика имеет правило, касающееся соотнесения человека как микрокосма с макрокосмом (Вселенной): человек содержит всю Вселенную в себе самом. Один из основных принципов чайного действа – принцип внутреннего созерцания: «Не выходя из моего дома, я познаю все, существующее на Небе и на Земле». Дух человека объемлет Небо и Землю, он поистине преодолевает пространство. Чайное искусство становится прикладным методом дао (пути) (道), так как мироздание реализуется в акте чаепития. Внутреннее проявляется во внешнем и наоборот¹.

У Лю Юй-си (刘禹锡) также можно наблюдать мотив дали, горизонт, образ небес, а также мотив восхождения на башню, который соединен с некой грустью, поскольку поэт, провожая весну, свидетельствует о беге времени:

Ведь вчера еще только взошел на башню,
поздравляя весну с приходом,
А сегодня поднялся на башню снова,
чтобы с ней уже попрощаться.
И цветы орхидей в увядшем уборе
сбереженной росой плачут.

Провожая весну, перевод Л. Эйшлина [Классическая поэзия Индии ... , 1977, с. 318].

Можно наблюдать персонификацию и метафору, что говорит об отношении поэта к природе, как к человеку. Поэт грустит вместе с природой – деревьями, цветами, потому что невозможно замедлить бег времени. С другой стороны, нельзя не отметить положительное отношение поэта к осени, которая уравновешивает и вдохновляет, успокаивает и просветляет:

¹ Дао (道) – высший путь, истинный путь, высший принцип, совершенство; (даос.) истинно сущий путь (абсолют, источник всех явлений); (конф.) истинно верное и его отражение в человеке, высокая принципиальность, совершенное поведение; высокие этические нормы, высокая мораль (которой человек должен следовать) [БКРС]. Видим, что бестелесное, нематериальное превалирует над земным, телесным.

Я же скажу, что осени время
лучше поры весенней.
Светлая даль, журавль одинокий
в небе над облаками
Могут поднять мое вдохновенье
прямо к лазурным высям.

Осень, перевод Л. Эйдлина [Там же, с. 318].

Поэт признается, что осенний холод и ясность он предпочитает весеннему дурману, который препятствует работе мысли:

Это не то что дурман весенний
и от него безумье.

Осень, перевод Л. Эйдлина [Там же, с. 319].

Таким образом, категория времени реализуется у Ли Юй-си через «время года», «сезон». Кроме того, категория времени связана с вдохновением поэта, которое, в свою очередь, демонстрирует преодоление пространства ввысь и вширь.

Мотив *края небес*, символ *горизонта* можно наблюдать и здесь. Горизонт, край небес неотделим от ветра, который приводит в движение волны реки:

В девяти излучинах Хуанхэ
песку десять тысяч ли.
Ветер играющую волну
возносит до *края небес*.

Волны омывают песок, перевод А. Сергеева [Там же, с. 320].

Гиперболизация и персонафикация помогают воспринять пространство: даль и край небес обязательно присутствуют в пейзажных зарисовках. Категория времени отражена и здесь: поэт обращает внимание на оппозицию «настоящее – прошлое»:

Живешь в настоящем, а сам все время
кручинишься по былому.
Узоры горных вершин, как прежде
парят над холодной рекою.

В горах Сисай думаю о былом, перевод А. Сергеева [Там же, с. 321].

Метафорика в изображении гор связывает настоящее и прошлое, и горы выступают в качестве такого пространственно-временного символа.

«Внестолничные» поэты этой эпохи были чужды придворных условностей, гораздо более искренно выражали чувство. К таким поэтам Г. Дагданов относит Мэн Хао-жания, Ли Бо, Ду Фу. В поэзии Мэн Хао-жания (孟浩然) один из основных мотивов, которые можно ощущать, – мотив отшельничества, соединенный с мотивом природы и пространства, а также с мотивом дружбы (одинокий поэт-отшельник в ожидании друга): вос-

хождение на вершину и обозрение пространства сверху, наслаждение своим покоем:

Старый отшельник рад своему покою...
Высмотреть друга я всхожу на вершину.
Сердце летит, вслед за птицами исчезает.

Осенью поднимаюсь на Ланьшань, посылаю Чжану Пятому, перевод Л. Эйдлина [Классическая поэзия Индии ... , 1977, с. 242].

Он испытывает радость от того, что возникли *чистые дали*, аналогичная устремленность к горизонту:

Все время в нетерпенье смотрю я на край небес.
Которая из синих гор вершина Юэчжун?

Переправляюсь через реку, спрашиваю у лодочника [Там же, с. 247].

Ожидание в соединении с широким пространством, перспективой, некой открытостью безбрежности. Описание пейзажа непременно связано со временем суток и предполагает олицетворение:

«И в озере месяц неслышно поплыл к востоку».

«А в Лумэне месяц сияньем дерева открыл во мгле» [Там же, с. 242–243].

«Синяя, река убыстряет ночной свой бег» (перевод Л. Эйдлина) [Там же, с. 244].

Просторы бескрайни – и снизилось небо к деревьям.

А воды прозрачны – и месяц приблизился к людям.

Ночью на реке Цзяньдэ, перевод Л. Эйдлина [Там же, с. 246].

Пространство и время взаимосвязаны через олицетворение, через импрессионистичность пейзажа – стихотворения аналогичны картинам, в которых природа играет основную роль, участниками действия являются месяц, река, небо, солнце, деревья и т. д («Вечернее солнце ушло на запад, за гору» [Там же, с. 242], «Как-то грустно: склонилось к закату солнце...» [Там же, с. 242]), осень, вечер: «В скалах проходы, меж сосен тропы *в веках* берегут покой» («Ночью возвращаюсь в Лумэнь» [Там же, с. 243]).

Важный элемент природы, воплощенный в китайской поэзии, – *лотос*, символ чистоты, на который не оказывает влияния окружающая грязь жизни. Упоминая лотос на фоне вечернего пейзажа, Мэн Хао-жань призывает иметь душу, сердце, не подверженное житейской суетности, приводя в пример отшельника:

Ты посмотри, как чист и светел лотос,

И ты поймешь, как сердце не грязнится.

Пишу на стене кельи учителя И, перевод Л. Эйдлина [Там же, с. 243].

Не случайно образ *лотоса* упоминается поэтом в связи с кельей отшельника, мудреца, который удалился от суетной мирской жизни и слил свою жизнь с природой.

У Ли Бо (李白) об активности мироощущения говорит неизбежность *деятельности, движения, отсутствия покоя*:

И ясному солнцу, и светлой луне
В мире покоя нет.
И люди не могут жить в тишине,
А жить им – немного лет.

С одной стороны, желание раствориться в пространстве: «Хотел бы уйти я в небесный дым, / Измученный человек (Без названия, перевод акад. В. М. Алексеева [Там же, с. 267]), с другой – мужество и суровость. В этом стихотворении появляется даосский мифологический символ – гора Пэнлай (蓬萊 – penglai), сказочный остров бессмертных в заливе Бохай. Е. А. Серебряков отмечает, что Ли Бо, как и Чэнь Цзы-ан, мечтал «помочь народу», «упрочить мир в империи», являл собой образ последователя даосизма и странника, выражал грусть относительно падения нравов и деградации современного ему общества [Серебряков, с. 324]. Мы полагаем, что увлечение Ли Бо даосизмом не случайно: как и у Чэнь Цзы-ана, оно имеет основой моральный упадок в обществе, проникновение к власти людей прагматичных. Неприятие такими людьми, как Чэнь Цзы-ан, Ли Бо, расчетливых, мелких людей у власти находит выражение в стремлении к созерцанию, к одинокой отшельнической или страннической жизни, нематериальной беспредельности.

У Ли Бо ощущается *сила*, положенная в основу китайской картины мира: солнце воспринимается прежде всего как вечный двигатель, живой двигатель (оно «никогда не отдыхало»). Изначальная сила свойственна и человеку:

Человек без изначальной силы
Разве может вслед идти за солнцем?

Песня о восходе и заходе солнца, перевод А. Ахматовой [Классическая поэзия Индии ... , 1977, с. 273].

В строках «Я хочу смешать с землею небо, / Слить всю необъятную природу / С первозданным хаосом навеки» прослеживается аналогия с европейским мироощущением: человек – актант, центр мира. Солнце также выступает и символом времени: с одной стороны, оно всегда было и никогда не отдыхало, с другой стороны, оно реализуется в конкретных временах года, торопит их, «погоняя плетью» [Там же, с. 274].

Мотив сильной императорской власти, сильного государства предполагает активность, движение вперед. Сцена боя также связана с элементами пространства – далью, могильными холмами, небом, горами:

Мчатся кони, быстрые как ветер,
Мы несемся, сотни храбрецов...
Сигнальные огни пронзили даль,
И небо над дворцами засияло.

По ту сторону границы, перевод В. Алексеева [Там же, с. 270].

В «Прогулке во сне на горе Тяньму» Ли Бо – мужественность, образность, динамика; картина, рисуемая поэтом, сравнима с европейской мифологической картиной конца света:

Тучи темны-темны, вот-вот хлынут дождем,
И воды бурлят-бурлят, и рождают дым над собой.

И рвущиеся молнии, и торопящийся гром раскалывают, разбивают
высящиеся вершины... [Китайская литература, 1983, с. 122].

Гора Тяньму является одним из символов переживания пространства, отождествлена с непогодой, с грозой.

Частым спутником поэта в стихах Ли Бо является луна. Образ луны персонифицирован и связан с временем и вечностью: луна соединяет древнейшие времена и настоящее для поэта, вместе с тем она меняет свой облик под влиянием времени: «Мы не можем теперь увидеть, друзья, луну древнейших времен» («С вином в руке вопрошаю луну», перевод В. Алексеева) [Классическая поэзия Индии ... , 1977, с. 268]. Луна сопровождает как военные действия («Словно лук изогнулась плывущая в небе луна» [Там же, с. 270]), так и тоску женщины о муже («И тихо плывет луна»), и размышления поэта в одиночестве с кубком вина в руке:

Я хочу, чтобы в эти часы, когда я слагаю стихи за вином, –
Отражался сияющий свет луны в золоченом кубке моем.
С вином в руке вопрошаю луну [Там же, с. 269].

И мотив восхождения на башню тоже соединен с образом луны и с мотивом одиночества:

Роса, как зерна жемчужин,
Под осенней луной сверкает.
Под светлой луной грущу я
И долго не возвращаюсь.

На западной башне в городе Цзинлин читаю стихи под луной, перевод А. Ахматовой [Там же, с. 274].

Образ луны неотделим от символа башни, который, в свою очередь, прямым образом связан со сторонами света (западная башня в данном случае).

Активное, положительное жизнерадостное выражение в мотиве труда – индивидуального и коллективного, можно наблюдать у Ван Вэя (王维). Труд соединен с символикой открытого пространства: с ширью небосвода, с равниной. Зарисовки полей, гор демонстрируют импрессионистичность, ощущается цветовая гамма, аналогичная китайским полотнам.

Светлое поле, за ним белеют пруды.
Горы синеют из-за холмистой гряды.
Лодырей нет в разгаре общей страды.
Пусто в домах – все принялись за труды.

После ненастья гляжу на поля, перевод А. Штейнберга [Там же, с. 250].

Труд является неперенным элементом жизни Ван Вэя, он отмечает, что трудится вместе с простыми людьми, думая в это время о прошлом с благодарностью. Возделывание сада позволяет ему оживлять воспоминания, связанные с его прошлой государственной деятельностью. Таким образом, мотив труда соединяется с временем и с пространством. Пространство раскрывается и через упоминание сторон света (в данном случае юга):

Вместе с крестьянами, не покладая рук,
Сад на старом холме насаждаю чуть свет.
Взором гусей провожаю, летящих на юг:
Как бы возмочь переправить с ними привет!

Посылаю министру Чжану в Цзинчжоу, перевод А. Штейнберга
[Там же, с. 251]

Каждое стихотворение производит впечатление написанной картины, в которой непременно присутствуют облака, горы, небеса, поля, река, закат. Поэт является путником, преодолевающим пространство в одиночку, восходящим на вершину: «К белым стремлю облакам одинокий шаг» («Написал, возвращаясь на реку Ванчуань», перевод Арк. Штейнберга) [Там же, с. 252]. Белые облака понимаются как символ жилища отшельника [Смирнов, Рифтин, 1977, с. 847]. Опять же видим связь мотива отшельничества с элементами пространства – горой и облаками.

Облака являются одним из часто упоминаемых символов у Ван Вэя. Они сопровождают его везде и в разное время дня и года – в наблюдении охоты: «На тысячу ли гряда заревых облаков» («Любуюсь охотой», перевод Арк. Штейнберга) [Там же, с. 255]), в осеннем безлюдном лесу: «В безлюдном лесу со мной – одни облака» (перевод Арк. Штейнберга [Там же, с. 255]), в восхождении на вершину горы к храму («Посещаю обитель Сянцзи», перевод Арк. Штейнберга [Там же, с. 254]).

Свою любовь к одиночеству Ван Вэй объясняет через время – наступление середины жизни, зрелости, «поры седин». Именно время сообщает ему необходимость ухода от мирской суеты, любовь к отшельничеству, признание истины, отказ от материальных благ. Время оказывается у Ван Вэя связано с пространством и пейзажем, а также с радостью одиночества:

Радость вкусив, всегда гуляю один,
К лучшим местам наилучший ведаю путь.

Дом в горах Чжуннань, перевод Арк. Штейнберга [Там же, с. 248].

Путь у поэта имеет символическое значение, будучи связанным с временем: в экспромте он упоминает об уходе из суетного мира, от житейских тревог:

Посох возьми и возвратно, не торопясь,
Путь предприми к роднику, где персик цветет.

Сочинил экспромт и показал его Пэй Ди, перевод Арк. Штейнберга
[Там же, с. 259].

Таким образом, проанализировав ряд стихов некоторых поэтов эпохи Тан, наблюдаем следующие черты, присущие им всем почти в одинаковой степени: воспевание отшельничества, одиночества; мотив дружбы (встреча и проводы друга); странствование в пределах своей страны, выполнение государственной службы; мотив природы (деревья, лотос, река, луна и т. д.), непременно связанный с временем – с временем суток, временем года; открытость пространства в горизонтальной и вертикальной проекции, связь пространства со сторонами света; в контексте мотива пространства прослеживается мотив восхождения на башню, обозрения окрестностей; труд, созидательная деятельность, связанные с мотивом нравственности, добродетели; мотив чистоты, неприятия расчётливости, житейской суетности; мотив пути, один из самых значимых в даосизме. Все эти моменты самым прямым образом сопряжены с символами луны, гор (или одной горы), лотоса, облаков, башни, реки, пути.

Литература

Дагданов Г. Б. Мэн Хаожань в культуре ср.-век. Китая : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 26 с.

Китайская литература. История всемирной литературы / А. Н. Желоговцев, И. С. Лисевич, Б. Л. Рифтин, И. И. Соколова, В. Т. Сухоруков, Л. Е. Черкасский, Л. З. Эйдлин. М. : Наука, 1983. 672с. С. 96–146.

Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М. : Худож. лит. 1977. 926с.

Коробова А. Н. Ван Бо. Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Вост. лит., 2006. Т. 3 : Литература. Язык и письменность. М., 2008.

Серебряков Е. А. Ли Бо. Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Вост. Лит., 2006. Т. 3 : Литература. Язык и письменность. М., 2008.

Смирнов И. Рифтин Б. Примечания. Китай // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М. : Худож. лит., 1977. С. 840–861.

Торчинов Е. А. Даосизм. Гл. 2. Ч. 5. Даосим эпох Тан и Сун: синтез и трансформация. URL: http://ki-moscow.narod.ru/litra/zen/torchinov_dao/torchinov_dao2-5.htm#_edn14 (дата обращения: 09.03.2020).

Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 640 с.

Эйдлин Л. З. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М. : Худож. лит., 1977. С. 193–203.

大 = БКРС. URL: <https://bkrs.info>.

АНАЛИЗ ИНТЕРДИСКУРСИВНОЙ ПРИРОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация. Рассматривается феномен возникновения нового дискурсивного пространства как результата взаимодействия различных дискурсов на примерах, взятых из публикаций в англоязычных СМИ и на соответствующих форумах.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурс СМИ, бытийный политический дискурс, манипуляция, симулякризация.

O. Lazarevska

Canadian Centre for Language and Culture Studies, Toronto

ANALYSIS OF PHENOMENON OF INTERDISCURSIVITY OF POLITICAL DISCOURSE BASED ON EXAMPLES FROM ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

Abstract. This article provides analysis of the interaction between different types of discourse and considers a new discourse area emerging as a result of such interaction. The examples were taken from English-language media and respective forums.

Keywords: political discourse, media discourse, everyday political discourse, manipulation, simulacrization.

Необходимость изучения феномена возникновения нового дискурсивного пространства как результата взаимодействия различных дискурсов особенно остро осознается в момент мирового кризиса, когда интерпретация происходящего не позволяет лингвистам получить полную картину с одного ракурса, т. е. рассмотрения дискурса экспертного сообщества (ДЭС) обособленно от дискурса согласования (ДС) и дискурса различий (ДР) [Каплуненко, 2007 а, б]. Поскольку конфликт всегда сложен и неоднозначен в интерпретации, становится очевидным, что мнение мирового сообщества формируется под воздействием многочисленных факторов и их детальное изучение поможет в будущем избежать негативной реакции и формирования крайне отрицательного имиджа страны и нации в целом. Лингвистам-профессионалам следует обратить внимание на новое пространство, возникающее на столкновении и пересечении ДЭС, ДС и ДР, в данной статье представленных соответственно политическим дискурсом, дискурсом СМИ и бытийным политическим дискурсом. Такое пространство содержит в себе как послы политика-профессионала и их интерпретацию и чаще всего симулякризацию журналистом-профессионалом [Baudrillard, 1972], так и дискурс реагирования, реакцию на такие послы [Домышева, 2008]. Представляется ценным рассмотреть возникновение такого сложного дискурсивного пространства в ретроспективе на примере военного конфликта на Украине: послы политиков-профессионалов, их интерпретацию СМИ и реакцию населения – в данном случае граждан Канады.

В статьях, опубликованных в разгар военного конфликта на Украине в *The Globe and Mail*, *CBC News* и *The Daily Courier* под заголовками *Canada sending military supplies to Ukraine for border security*, *Ukraine to get helmets, vests from Canada to help protect border*, *Canada sending non-lethal military supplies to Ukraine*, обсуждалась поставка военного снаряжения украинским вооруженным силам для укрепления восточной границы. Заголовки позволяют интерпретировать такой шаг канадского премьер-министра как благотворительную помощь в целях сохранения территориальной целостности Украины. Желая избежать негативной реакции, возможной при применении номинаций *weapon* или *military supplies*, журналисты осознанно изначально настраивают реципиентов на необходимый им отклик при помощи эвфемизма *non-lethal military supply*, что обычно означает снаряжение для обороны или защиты, а не нападения. Данная замена – мощное средство манипулирования сознанием: существенная разница между поставкой снаряжения для ведения боевых действий и для защиты людей может повлиять на интерпретацию решения, принятого премьер-министром, и, как следствие, сказаться положительно на предстоящих выборах. Таким образом, можно изначально отметить явную поддержку властей перечисленными СМИ. Более того, как указано в заголовках статей, снаряжение необходимо для «защиты границы»: *for border security, to help protect border*. Коммуникативный потенциал глагола *protect* и существительного *security* становится очевидным при рассмотрении соответствующих словарных дефиниций:

security noun

the state of being protected or safe from harm

things done to make people or places safe

the area in a place (such as an airport) where people are checked to make sure they are not carrying weapons or other illegal materials

protect verb

to keep (someone or something) from being harmed, lost, etc.

to save (someone) from financial loss caused by fire, injury, damage, etc.

(<http://www.merriam-webster.com>)

Очевидна апелляция к ценностям, присущим большинству мирового населения: быть защищенным, охранять кого-то или что-то от вреда. В сочетании с номинацией *border* «граница» глагол *protect* и существительное *security* приобретают мощный манипулятивный потенциал, который позволяет получить положительную реакцию аудитории на отправку военного снаряжения на Украину «для защиты границ». Более того, исторически Канада как страна была создана иммигрантами при постоянном соперничестве за территории, которое привело к многократным военным конфликтам как друг с другом, так и с местными племенами индейцев. Сохранение целостности страны и защита ее границ – национальная цен-

ность канадцев, и апелляция к ней, без сомнения, позволит манипулятору получить положительную реакцию.

В статьях прослеживаются явные смысловые доминанты:

- Россия (в лице президента В. В. Путина) уже у восточных границ Украины и готова вторгнуться на ее территорию, а далее под угрозой все мировое сообщество;

- Украина просит помощи, и Канада поможет;

- Таким образом, Канада не провоцирует продолжение конфликта, а спасает мировое сообщество.

Статьи содержат цитаты из публичных выступлений министра национальной обороны Канады Роба Николсона и посла Украины в Канаде Вадима Пристайко.

Николсон:

(Russian President Vladimir) Putin's failure to end his support to armed rebel groups constitutes a real threat to international peace and security. Canada will not stand by in the face of this threat.

Ukraine has asked for this and once again we are delivering.

The Putin regime has not provided any indication they are prepared to respect Ukraine's territorial integrity or use their control over Russian-backed agents to end the violence in Ukraine.

Пристайко:

We will be able to save more lives, both troops and civilians, and even the separatists themselves.

Ukrainian foot soldiers are bearing heavy losses and this equipment will be able to save them, to bring more fathers back to their families and their kids and their sons.

Данные цитаты можно свести к пропозициям «Россия/Путин поддерживает сепаратистов, и это представляет угрозу всему мировому сообществу», «Украина нуждается в помощи». Коммуникативная установка авторов становится очевидной при более подробном лингвистическом анализе. К примеру, контекст, в который помещено имя российского президента (*Putin's failure* «неспособность/провал Путина», *The Putin regime* «путинский режим»), настраивает реципиента на негативное восприятие политика. Более того, люди, действующие на стороне ЛНР и ДНР, названы *armed rebel groups* «вооруженные бунтари/мятежники» и *Russian-backed agents* «поддерживаемые русскими агенты», тогда как украинские военные – *fathers* «отцы», которых новое канадское вооружение вернет живыми *back to their families* «обратно в семьи». Применение *Argumentum ad Misericordiam* может быть действенным средством манипуляции, особенно в том случае, когда совмещается с апелляцией к ценностям. Семья – важная ценность для большинства населения планеты, и апелляция к ней может помочь манипулятору достигнуть своей цели. Кроме того, действия

российского правительства представляют *threat to international peace and security* «угроза международному миру и безопасности», тогда как действия канадского правительства помогут *to save more lives* «спасти больше жизней».

Таким образом, можно увидеть тесное взаимодействие ДЭС и ДС, когда высказывания политиков-профессионалов служат базой для построения текста в ДС, точно отражающего коммуникативную установку ДЭС. При этом СМИ строят свою гиперреальность, симулякр, где существует режим Путина и его неспособность остановить мятежников, которым он оказывает поддержку, где мирные поставки канадцев спасают жизни отцов, где территориальная независимость и неделимость Украины напрямую связана с мировой безопасностью, оказавшейся под угрозой в связи с империалистическими планами «путинской России». Очевидно, что не всякий реципиент способен подвергнуть анализу такой симулякр и увидеть, что за знаком нет означаемого, а реальность утрируется и имитируется.

Однако нельзя не отметить, что, поддерживая политику либерального правительства в целом, некоторые СМИ, претендующие на независимую подачу новостей (CBC News), также приводят позицию представителя России Кирилла Калинина, который поясняет, что российские войска не стоят на границе Украины и было бы глупо полагать, что Россия будет вмешиваться в конфликт другого государства

Калинин: *This conflict in Ukraine is an internal conflict and there is no Russian involvement in this conflict. Period.*

Более того, названа и сумма военных отправок на Украину – 5 млн долл., приведена стоимость предыдущих поставок в феврале (200 тыс. долл. медицинской помощи и 220 млн – финансовой), что, без сомнения, отразится в ДР.

Проведем анализ нескольких высказываний из ДР, что позволит увидеть, насколько успешным было манипулятивное воздействие ДЭС и ДС:

... *Canada does not have decent military helicopters, just 50 year old Sea-kings, some on order, but no promised delivery, but funding is frozen.*

Canada does not have any decent fighter jets, just outdated CF18s, nothing on order, and funding is frozen.

We have fewer soldiers than we had in 2006, and no real incentive to get young people to join the military, and we are sending military equipment to other countries... ..

Absolutely crazy, this government needs to be kicked out A. S. A. P.

Можно отметить, что манипуляция прошла успешно. В целом автор не оспаривает, что украинский конфликт – угроза всему миру и что повстанцы поддерживаются Россией. Однако недовольство вызывает только тот факт, что правительство тратит деньги налогоплательщиков на нужды другой страны, в то время как необходимо укреплять оборону Канады.

Автор перечисляет современные проблемы в сфере обороны, и его недовольство направлено на канадские власти, которые, как он предполагает, *needs to be kicked out A. S. A. P.* «необходимо выгнать пинками как можно скорее».

Приведем еще один пример успешной манипуляции:

Keep this in mind: Canada's northern border is with Russia. Putin's Russia has made noises about claiming areas of the north that Canada has claimed. If Putin has no respect for Ukrainian territorial integrity, do you really think that he will respect Canada's claims in the north and the north's resources? Success in Ukraine will only make Putin bolder with any arctic ambitions he has. That will have an impact on Canada's economy going forward.

Автор почти дословно приводит фразу из ДС, не пытаясь подвергнуть ее анализу: *no respect for Ukrainian territorial integrity* (ДС: *respect Ukraine's territorial integrity*). Журналист-манипулятор достиг цели, и в ДР обсуждается созданная им гиперреальность, где путинская Россия угрожает территориальной целостности всего мира. Лингвист-профессионал сможет распознать *Argumentum in Terrorem* (не помогать Украине – значит, позволить России дальше захватывать территории), использованный в ДС и нашедший отклик в ДР. Однако население, не обладающее способностью/желанием анализировать установки ДС, принимает данные аргументы. Приведем ответ на предыдущий комментарий:

Thanks, excellent point; which I had not considered. I definitely don't support Russia, but I worry about the impact of US policy over the next few years. Definitely a complex situation...

Автор данного высказывания уже не сомневается, что в дальнейших планах России – захват территорий по всему миру, включая Канаду.

Анализ комментариев на статье позволил сделать следующие выводы:

- большинство адресатов в ДР принимают позицию ДЭС и ДС;
- в ДС успешно создана гиперреальность, которая принята в ДР без дополнительного анализа: авторы высказываний выражают опасения относительно падения демократии и водворения «путинского режима».

Пример:

Putin is a KGB criminal who must be stopped. Canada will do its part to help restore international law and order.

Ukraine is the only democracy standing between Western Europe and an imperialistic Russia intent on swallowing up Eastern Europe;

- ДЭС и ДС успешно применяют апелляции к ценностям и эмоциям, эвфемизмы и симулякры для создания необходимого манипулятивного эффекта: негативный имидж российской власти/страны/нации в целом, большинство реципиентов в ДР не обсуждают стоимость поставок и растущее налоговое бремя, а, запуганные созданной в ДС гиперреальностью, соглашаются с необходимостью военных поставок как меры сдерживания

российских империалистических планов на Восточную Европу. Таким образом, основная цель ДЭС и ДС (согласие граждан на отправку многомиллионной помощи другой стране) достигнута;

- необходимо искать новые пути и лингвистические средства борьбы с симулякрами, создаваемыми в ДЭС и ДС, ибо одна из особенностей ДР – открытость к манипуляции, которую важно изучать и учитывать, особенно в моменты мировых конфликтов.

Литература

Домышева С. А. Политический дискурс в пространстве дискурса реагирования (на материале современной англоязычной прессы) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2008. 187 с.

Каплуненко А. М. Концепт – Понятие – Термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : сб. науч. докл. Междунар. конф. (20–31 янв. 2007 г.) / сост. О. М. Готлиб. Иркутск : ИГЛУ, 2007а. С. 204–214.

Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Вестник ИГЛУ «Аргументация vs манипуляция». Сер. Коммуникативистика и коммуникатология. 2007б. № 5. С. 3–12.

Baudrillard J. Requiem Pour les Medias // Pour une Critique de l'Economie Politique du Signe. Paris : Editions Gallimard, 1972. P. 200–228.

Список использованных словарей

Merriam-Webster // An Encyclopedia Britannica Company. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 17.08.2019)

Список источников примеров

CBC News. URL: <http://www.cbc.ca/news/politics/ukraine-to-get-helmets-vests-from-canada-to-help-protect-border-1.2729999> (дата обращения: 15.08.2019).

The Globe and Mail. URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/politics/canada-sending-military-equipment-to-ukraine-for-border-security/article19952287/> (дата обращения: 15.08.2019).

The Daily Courier. URL: http://www.kelownadailycourier.ca/news/national_news/article_0e2cd2d4-8811-5537-bc4e-7dd5384677d2.html?mode=image (дата обращения: 15.08.2019).

《左传》“子之耻也大不列于诸侯矣”断句考

摘要.《左传·哀公十一年》“子之耻也大不列于诸侯矣”断句存在争议，竹添光鸿认为应当断句为“子之耻也大，不列于诸侯矣。”，杨伯峻依据清代阮元刻本断句为“子之耻也，大不列于诸侯矣。”，并认为竹添光鸿的说法“亦通”。我们认为语言事实只有一个，仅仅从情理上进行判断的做法不能解决问题，而必须从语言本体出发进行研究。研究中我们运用了现代语言学“分布”的相关理论，结合《左传》同时期的古籍例证，通过分析研究我们认为在《左传》时期“大”作形容词谓语且其主语为“子之耻也”是符合当时的语言特点的，从而证明了断句为“子之耻也大，不列于诸侯矣。”是成立的，这是从证实的角度进行的论证。在这之前，我们还对断句为“子之耻也，大不列于诸侯矣。”进行了证伪，也即“大”为副词做状语在《左传》时期未见否定句例证，我们不能强加给“大”新的分布特征。因此，从“大”的分布特征，我们最终确定了该句的断句应为“子之耻也大，不列于诸侯矣。”。这是运用现代语言学办法解决古籍争议词句的一个较为成功的案例。

关键词:《左传》；子之耻也大不列于诸侯矣；断句；争议；情理论证；现代语言学方法；分布理论；例证；子之耻也，大不列于诸侯；子之耻也大，不列于诸侯矣。

Li Rui

Nanjing Normal University of Special Education, Nanjing

SENTENCE SEGMENTATION OF“子之耻也大不列于诸侯矣” IN ZUOZHUAN

Abstract. How to divide the sentence “子之耻也大不列于诸侯矣, in Zuozhuan is controversial. The Japanese scholar Zhutianguanghong thought that the sentence should be divided into “子之耻也大，不列于诸侯矣。”. However, according to Ruan Yuan's inscription in Qing Dynasty, Yang Bojun made it “子之耻也，大不列于诸侯矣.”. And he thought that the saying of Zhutianguanghong is also true. We believe that there is only one linguistic fact, and that it is difficult to solve the problem according to the judgement only based on reason, and we must study it from the perspective of linguistic ontology. In the study, we use the relevant theory of modern linguistics "distribution", combined with the ancient books of the same period in Zuozhuan, we think that "大" as the adjective predicate in Zuozhuan and its subject is "子之耻也", which is in line with the language characteristics at that time, thus proving that the sentence should be "子之耻也大，不列于诸侯矣.". This is a demonstration from the perspective of confirmation. Before that, we also made a falsification that "子之耻也大，不列于诸侯矣.", of which we can see there is no example of negative sentence when "大" is adverbial, so we can't impose a new distribution feature of "大". Therefore, from the distribution characteristics of "大", we finally determined that the sentence should be divided into "子之耻也大，不列于诸侯矣.". This is a relatively successful case of using modern linguistics to solve controversial words and sentences in ancient books.

Keywords: Zuozhuan, 子之耻也大不列于诸侯矣, sentence segmentation, controversy, reason argument, modern linguistic methods, distribution theory, illustration, 子之耻也大,不列于诸侯矣., 子之耻也, 大不列于诸侯矣.

Ли Жуи

Нанкинский педагогический институт
коррекционного образования, НанкинЧЛЕНЕНИЕ ФРАЗЫ 子之耻也大不列于诸侯矣
В ПАМЯТНИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ «ЦЗО ЧЖУАНЬ»

Аннотация. Рассматривается спорный вопрос правильного членения фразы 子之耻也大不列于诸侯矣 из исторического произведения «Цзо чжуань». Автор проводит собственный анализ проблемы и предлагает свою точку зрения, основанную на последних достижениях лингвистики.

关键词: «Цзо чжуань», 子之耻也大不列于诸侯矣, 断句, controversy, аргумент, методы современной лингвистики, теория распределения, иллюстрация, 子之耻也大, 不列于诸侯矣。 , 子之耻也, 大不列于诸侯矣。

“子之耻也大不列于诸侯矣”见于《左传·哀公十一年》，其原文如下：

季孙告二子，二子不可。求曰：“若不可，则君无出。一子帅师，背城而战，不属者，非鲁人也。鲁之群室众于齐之兵车，一室敌车优矣，子何患焉？二子之不欲战也宜，政在季氏。当子之身，齐人伐鲁而不能战，子之耻也大不列于诸侯矣。”

这段话的背景是齐国将要攻打鲁国，鲁国季孙的家臣冉求劝说季孙、孟孙和叔孙应战遭到拒绝，而后专对季孙的说辞。其说辞大概意思为“如果（二子：孟孙、叔孙）不同意（应战），那么国君就不必出去应战了。您（季孙）一人带领军队，背城而战，如若有不跟从您的，那他就不是鲁国人。鲁国卿大夫各家的兵车比齐国的要多，仅您一家的就比齐军多，您害怕什么呢？孟孙、叔孙两家不愿应战很自然，因为政权在您季氏手里呀。您处于这个位置，齐国要攻打鲁国却不去应战，子之耻也大不列于诸侯矣。”我们在阅读翻译《左传》后世注本时发现，这段文字的最后一句在学界内却依然存有争议，这句话应当作何解释呢？

我们知道，读古书首先要做的就是“详训诂，明句读”，也就是要想解释某句话，首先要明确这句话的断句以及句中字词的意思。而我们看到关于这句话的断句和解释却有不同，比如日本学者竹添光鸿在《左传会笺》中写到：大字句。与上文“不欲战也宜”句法同。[竹添光鸿，1998，第1937页]意思是这句话应该在“大”这个字后进行断句，与上文“不战也宜”句式一样。也即竹添光鸿对这句话的断句为“……子之耻也大，不列于诸侯矣。”而我们在读《左传》流传最广的注本——杨伯峻《春秋左传注》时看到：《会笺》以“大”字属上读，亦通。季氏专鲁政，鲁被大耻，不能与诸侯并列，即季氏不能列于诸侯。[杨伯峻，2009，第1685页]而其断句依照的是清代阮元《十三经注疏》刻本，断句为：“……子之耻也，大不列于诸侯矣。”众所周知，阮刻本是十三经比较完善的注释本，但这句话其断句是否可以怀疑呢？

我们看到虽然杨伯峻采用了阮刻本的断句形式，但他认为竹添光鸿的断句“亦通”。对于古书训释中的“亦通”，我们认为是学者治学态度严谨的一个表现。而在事实上，语言文字是为了完成表达交际的需要而创造的，古人通常不会向我们表达一个模糊不清的概念，语言事实肯定只有一个，《左传》的这句话的语言事实肯定也只有一个，而这个事实是什么呢？

有的学者会依据文意解释，比如上文说“季氏身在其位却不敢去应战”，下文应当是讽刺季氏这样做简直就是“耻辱太大了，不能和诸侯相并列”（这里还有个背景就是季氏的野心，季氏是想和诸侯相提并论的），这种断句为“子之耻也大，不列于诸侯”的解释看起来非常合乎情理。在同样背景下，如果断句为“子之耻也，大不列于诸侯”，解释为季氏身在其位却不去应战，“这是季氏的耻辱呀，（这种行为）是绝对不能和诸侯能并列的”，这种解释就更强调了季氏野心的“欲罢不能”，作为劝说的技巧，不是也很合于情理吗？所以仅仅依据情理的解释是不能够解决这个问题的。

我们认为，科学的解释应当是值得推敲的，是能够验证的。对语言事实的证明，应当从语言内部寻找证据。在这里我们要运用的是语言学中的“分布”理论。所谓“分布”，指的是“某个单位或特征在话语里出现不同位置的总和，也就是它出现于其中的一切环境的总和。换句话说，分布就是看某个单位（或特征）能在哪儿出现和不能在哪儿出现。”[赵世开,2013,第82页]

这里我们需要注意“环境”一词，它指的是在具体语句中这个词所处的“环境”，是该词的语法特征，包含其组合能力和聚合能力，也即它在句子中与其他词语的结合能力等。在某句话中，一个词能修饰什么词或者能被什么词修饰都是明确的，因此每个词的意义也是确定的。在某个句法位置，因其意义的确定性，使得我们不能另外强加给它别的意义。而因时代的局限性等等，以往的校释者缺乏对现代语言学相关理论的运用，不能区分词语的若干分布特征，常常把词的某一意义强加给处于非同一句法位置上的这个词，于是就造成了词义解释等方面的错误，导致了断句的错误。

我们看到，“子之耻也大不列于诸侯”是断句为“子之耻也大，不列于诸侯”还是“子之耻也，大不列于诸侯”，其关键在于“大”这个词的解释。从分布的理论来看，前者把“大”释为形容词，在句中做“子之耻”的谓语，后者把“大”释为副词，在句中做“不列于诸侯”的状语。由上我们已经知道，“大”在该句中可能的两个分布形式，而哪个更符合当时的语言事实呢？据此我们做了相关探讨。

根根研究，我们认为“子之耻也大不列于诸侯”应当断为“子之耻也大，不列于诸侯”，而不当断句为“子之耻也，大不列于诸侯”，下面我们从证伪和证实两个角度来具体阐述：

我们先来看一下，如果断句为“子之耻也，大不列于诸侯”，“大”为副词做状语可有例证支撑？

根据研究，我们发现“大”字在先秦时期极为常见。而由于语言具有时代性的特点，我们选取了与《左传》同时期的《论语》《孟子》《左传》《国语》《荀子》《韩非子》等六部古籍中的例证作为支撑来源。根据研究，我们发现“大”在先秦可用为副词，在句中做状语，比如：

- (1) 景公说，大戒于国，出舍于郊。（《孟子·梁惠王下》）
- (2) 五月庚申，郑伯侵陈，大获。（《左传·隐公六年》）
- (3) 冬十月，郑伯以虢师伐宋。壬戌，大败宋师，以报其入郑也。（《左传·隐公十一年》）
- (4) 宋公闻之，曰：“臣也不唯其宗室是暴，大乱宋国之政，必逐之。”（《左·襄公十七年》）
- (5) 七月，郑子产为火故，大为社，袞禴于四方，振除火灾，礼也。（《左·昭公十八年》）
- (6) 己丑，盟桓子于稷门之内，庚寅，大诅。逐公父馯及秦遄，皆奔齐。（《左·定公五年》）
- (7) 吴师闻之，大骇，曰：“越人分为二师。（《国语·吴语》）
- (8) 故人知谨注错，慎习俗，大积靡，则为君子矣。（《荀子·儒效篇》）
- (9) 门户塞，大迷惑，悖乱昏莫不终极；是非反易，比周欺上恶正直。（《荀子·成相篇》）
- (10) 秦与荆人战，大破荆，袭郢，取洞（《韩非子·初见秦》）

我们看到，以上例证中“大”均为副词做状语，这也许会让支持“子之耻也，大不列于诸侯”断句的学者们欣喜。但是，通过仔细分析，我们发现以上例证中“大戒于国”“大败宋师”“大乱宋国之政”“大破荆”等中“大”所修饰的动词多和战事有关。更为重要的是，在我们看到的先秦时期所有“大”作副词状语的例子中，没有发现一例是用在否定句中的。因此，“大不列于诸侯”在先秦时期是可以成立的，而否定句“大不列于诸侯”就没有句式上的例证支撑了，因此从证伪的角度来看，“子之耻也，大不列于诸侯”断句不能成立。

那么，是否可以断句为“子之耻也大，不列于诸侯”呢？

对此，我们需要证明的是“大”可在句中做形容词谓语句，并且还要证明其主语可为“子之耻也”这种结构，我们把这种结构称之为“A之B也”充当主语的形容词谓语句。如果能够证实这两点，那么这种断句就是可以成立的。

首先，根据统计分析，我们发现“大”在先秦时期作形容词谓语的用例较为常见，在上述与《左传》同一时期的六部古籍中此种用法至少有四十余例，比如：

- (11) 长君之恶其罪小，逢君之恶其罪大。（《孟子·告子章句下》）
- (12) 而望之，欲以为君，齐楚虽大，何畏焉？（《孟子·滕文公章句下》）
- (13) 卜偃曰：毕万之后必大。（《左传·闵公元年》）

(14) 鲁，兄弟也，土地犹大，所命能具。（《左传·昭公十三年》）

(15) 略法先王而不知其统，然而犹材剧志大，闻见杂博。（《荀子·非十二子篇》）

(16) 山者大，故人顺之，垤微小，故人易之也。（《韩非子·六反第四十六》）

这些例证中的“大”均为形容词谓语句。

其次，根据研究，我们发现“A之B也 V/adj”在《左传》时期也是可以成立的，其主要例证如下：

(17) 能近取譬，可谓仁之方也已。”（《论语·雍也篇第六》）

(18) 子曰：“人之生也直，罔之生也幸而免。”（《论语·雍也篇第六》）

(19) 古之狂也肆，今之狂也荡；古之矜也廉，今之矜也忿戾；古之愚也直，今之愚也诈而已矣。（《论语·阳货篇第十七》）

(20) 豆、区、釜、钟之数，其取之公也薄，其施之民也厚。（《左传·昭公二十六年》）

(21) 魏子之举也义，其命也忠，其长有后于晋国乎！（《左·昭公二十八年》）

(22) 语及卫故，大宰嚭曰：“寡君愿事卫君，卫君之来也缓，寡君惧，故将止之。”（《左·哀公十二年》）

(23) 偃曰：“夫三季王之亡也宜。（《国语·晋语一》）

(24) 则小事之至也数，其县日也博，其为积也大；大事之至也希，其县日也浅，其为积也小。（《荀子·强国篇》）

(25) 仁者之思也恭，圣者之思也乐。（《荀子·解蔽篇》）

(26) 先后臣以言，欲臣之免也甚，而臣知。（《韩非子·外储说左下第三十三》）

在上述例证中，我们看到“仁之方也已”“人之生也直”“罔之生也幸”“古之狂也肆”“今之狂也荡”“古之矜也廉”“今之矜也忿戾”“古之愚也直”“今之愚也诈”“施之民也厚”“魏子之举也义”“卫君之来也缓”“三季王之亡也宜”“小事之至也数”“大事之至也希”“仁者之思也恭”“圣者之思也乐”“欲臣之免也甚”均符合“A之B也 V/adj”句式格式，因此“A之B也 V/adj”句式是可以成立的。

综上，我们看到“大”在先秦时期有自己的若干部分特征，这些分布特征决定了“大”这个词在句中可以作副词状语，也可以作形容词谓语句，但是不能在否定句中作副词状语。因此“大列于诸侯”或者“子之耻也大”是成立的，而“大不列于诸侯”不能成立。而如若忽略“大”的这个分布特征，把“大”作副词状语的用法强加到否定句中，就会造成“大”的错误使用，从

而导致断句的错误。再加上形容词谓语句中主语为“A 之 B”的情况十分常见。因此本句话的断句应为“子之耻也大，不列于诸侯。”

因此，在《左传·哀公十一年》中这一段最后一句再求表达的应当是“您（季氏）身在其位却不能去应战，这种耻辱太大了，（这种行为）是不能和诸侯并列的！”从而达到对季孙进行劝诫的目的。我们在解释古籍时应当遵循的就是这种“古人实际上说了什么”，而不是“古人应当说什么”的观念，这样才能真正还原古籍本来的面目。

参考文献

1. 杨伯峻. 春秋左传注 / 杨伯峻著. 北京: 中华书局, 2009. 1685 页.
2. 赵世开. 美国语言学简史 / 赵世开著. 上海: 上海外语教育出版社, 2013. 82 页.
3. 竹添光鸿 (日). 左传会笺 / 竹添光鸿著. 台湾: 天工书局, 1998. 1937 页.

【作者简介】李瑞，女，1988-，汉语言文字学博士，南京特殊教育师范学院讲师，现为伊尔库茨克国立大学国际经济语言学院汉语教师（公派），研究方向为古代汉语语法及汉语史。

УДК 811.581

Е. А. Хамаева

Московский государственный институт
международных отношений (университет), Москва

К ВОПРОСУ ОБ УКАЗАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ИЕРОГЛИФОВ В КЛАССИФИКАЦИИ СЮЙ ШЭНЯ¹

Аннотация. Рассматривается указательная категория иероглифов с точки зрения их отнесенности к простым (文) или сложным знакам (字). Несмотря на то что представители данной категории знаков обычно состоят из нескольких элементов – пиктограммы и дополнительного указательного компонента (точки или черты), представляется возможным признать их простыми далее неделимыми единицами.

Ключевые слова: шесть категорий иероглифов, Сюй Шэнь, Шовэньцзецы.

E. Khamaeva

MGIMO University, Moscow

THE INDICATIVE CATEGORY OF CHINESE CHARACTERS IN THE CLASSIFICATION OF XU SHEN

Abstract. The purpose of the article is to consider the index category of hieroglyphs in terms of their relevance to simple (文) or complex signs (字). Despite the fact that representatives of this category of signs usually consist of several elements – an icon and an additional pointing component (dots or dashes), it seems possible to recognize them as simple further indivisible units.

Keywords: six categories of Chinese characters, Xu Shen, Shuowenjiezi.

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «Этимологии базовых знаков китайской письменности» №18-012-00412.

Проблема шести категорий иероглифов, выделенных Сюй Шэнем, всегда вызывала много споров в научных кругах. Многие критикуют данную классификацию в связи с «отсутствием единства основания, и в связи с неясностью разграничений между разными категориями» [Готлиб, 2007, с. 42]. Представляется, что отчасти это может быть обусловлено и самим термином.

Слово «категория» в русском языке, вероятно, отражает суть явления 六书 не совсем корректно, выступая не совсем верным, адекватным переводом. По всей видимости, слово «категория» в обозначении категорий иероглифов Сюй Шэня пришло в русский язык из европейских языков – именно европейские миссионеры в данном контексте использовали слово *category*. Впрочем, распространенные в китайской лингвистике такие сочетания, как 六种结构 «шесть структур», 六种条例 «шесть правил», 六种类型 «шесть моделей», в описании категорий иероглифов также вызывают вопросы. Наиболее подходящим, на наш взгляд, является вариант 造字之本 «основания для создания знака».

Если интерпретировать 六书 как шесть механизмов образования знаков китайского письма, то классификация Сюй Шэня становится весьма логична.

Выделенные Сюй Шэнем шесть категорий иероглифов описывают все возможные **механизмы** образования новых знаков. Слово «механизм» мы выделили специально, чтобы подчеркнуть, что это не есть классификация готовых знаков, это механизмы образования новых знаков.

В данной статье будет рассмотрена указательная категория знаков.

Сюй Шэнь, на наш взгляд, неслучайно делит все знаки китайской письменности на простые 文 и сложные 字. Простые состоят из одного цельного, далее неделимого смыслового элемента. Сложные представляют собой сочетание двух и более простых. Это действительно единственное разграничение, которое реализуется на материале всех знаков «Шо вэнь цзе цзы».

О. М. Готлиб, например, относит знаки указательной категории к первичным идеограммам, которые представляют собой «пиктограмму с каким-то дополнительным элементом, выполняющим указательную функцию» [Готлиб, 2007, с. 54], а значит, к сложным знакам. Если 木 – это пиктограмма «дерево», то 朮 – знак указательной категории «верхушка дерева», в котором горизонтальная черта в верхней части акцентирует внимание именно на этой верхней части знака.

Рассмотрим несколько примеров знаков указательной категории.

Знак 刃 «лезвие (ножа, резака, меча)»: в цзягувэнь на передней части ножа, меча, резака дорисована короткая либо длинная вертикальная

черта , указывающая на лезвие   [Словарь этимологий ... , 2019, с. 191].

用 также является знаком указательной категории. В период цзягу-вэнь знак состоял из элемента *пальцы ног* 止 () с добавлением сверху *вертикальной черты* для обозначения *бочки, в которой люди моют ноги* [Там же, с. 126].

И так дело обстоит практически со всеми знаками данной категории.

Анализ базовых знаков китайской письменности (540 знаков словаря «Шо вэнь цзе цзы») позволил определить, что знаки указательной категории – это все же простые знаки. Несмотря на наличие дополнительного указательного компонента (обычно точки или черты), которые как бы делают акцент на определенной части пиктограммы, их невозможно признать идеограммами, т. е. сложными знаками, поскольку составные элементы не вступают в семантические отношения внутри знака и в их характеристике нельзя сказать, что «связь между формой и денотатом имеет косвенный характер» [Готлиб, 2007, с. 53]. Указательный элемент – точка или черта в составе знака – не участвует в процессе смыслообразования, что не делает знак сложным.

Знаки указательной категории представлены в составе 540 ключей Сюй Шэня довольно широко – их насчитывается около 48 единиц, что составляет 9 % от общего числа. Большая часть из них представляют собой пиктограммы с дополнительным указательным элементом. Поскольку данный указательный элемент практически не участвует в смыслообразовании получившегося знака, видится возможным признать знаки указательной категории простыми, далее неделимыми.

Литература

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 284 с.

Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарёва, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова, Д. М. Домашевская. Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. 669 с.

汉俄心理活动动词句型模式分析

摘要。笔者在学习汉语过程中发现，如果想要准确的掌握某种词语的含义，了解其用法等，那么就要跟母语的词语比较，才能认识和理解其特点，因此，这将更加有效提高汉语水平。为了揭示两种语言心理活动动词的异同点，笔者分析汉俄心理活动动词句型模式并进行对比研究。笔者希望这一成果有助于俄汉互译及汉俄对外语言教学。

关键词：汉俄语言；心理动词；句型模式；对比分析。

O. Kho

Sanya Foreign Language School Affiliated
to Shanghai International Studies University, Sanya

ANALYSIS OF THE SENTENCE PATTERNS OF CHINESE AND RUSSIAN PSYCHOLOGICAL VERBS

Abstract. In the process of learning the Chinese language, the author understood that if you want to accurately grasp the meaning of a word and understand its usage, you must compare it to the words in your native language to understand its characteristics. In order to reveal the similarities and differences of psychological verbs in two languages, the author analyzes and compares sentence patterns of Chinese and Russian psychological verbs. The author hopes that this result will help Russian-Chinese translation and Chinese-Russian foreign language teaching.

Keywords: Chinese-Russian language; psychological verbs; sentence pattern; comparative analysis.

O. A. Хо

Школа иностранных языков г. Санья
при Шанхайском университете иностранных языков, Санья

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Для более глубокого понимания иностранной лексики и правил ее употребления необходимо производить сравнение с лексикой и правилами родного языка, чтобы определить специфические особенности (сходства и различия), это позволяет повысить эффективность изучения иностранного языка, в данном случае китайского. Проводится сравнительный анализ структурных схем предложений с глаголами психологической деятельности русского и китайского языков. Автор надеется, что результаты, полученные в процессе анализа, могут быть использованы в сфере русско-китайского перевода и преподавания китайского языка.

Ключевые слова: русский и китайский языки, глаголы психологического действия, структура предложения, сравнительный анализ.

对比语言学（contrastive linguistics）在 20 世纪的语言研究领域形成，并且在西方国家得到快速发展。俄罗斯与中国也不例外，对比语言学成为语言研究一个重要的方向。通过语言对比能深刻透彻地认识一种语言的特点与所比较语言的相同与不同。语言比较的成果对于教学语言、翻译理论与实践有很大的应用价值。从科学语言的角度来说，“一个理论的语形和语义特征之间的相互关联所产生的意义，是任何哲学的优越性的主张所必需的” [Lawrence Sklar, 2000, p. 7]。这些相互关联所指称的是由普遍的完备论证所描述的对象。语言的对比也就是语言上的关联，清楚的表现了语言与科学，社会之间的相互影响。

目前语言学家们面临的任务是写出符合现代科学要求的汉语和俄语比较语法，汉俄语言各方面对比研究的文献比较多，不过涉及到汉俄心理活动动词对比研究方面尚有空缺。

一、汉语心理活动动词句型模式

为了揭示两种语言心理活动动词的异同点，本文从语义角度对汉语心理活动动词的句型模式进行分析。

一般心理活动动词（意愿类、状态类和态度类动词）构成的句型模式为“主体 + 动词 + 客体” $S + V + O$ ，若从与主体和客体的语义组合关系来看，汉语心理活动动词会表现在“当事（人）+ V + 客事”/“施事（人）+ V + 原因”，比如：他很怕蜘蛛。他[当事] + 怕 + 蜘蛛[客事]。她愁学费。她[施事] + 愁 + 学费[原因]。

上面的句子中动词后必须加上对象，怕什么/愁什么，如果没有对象，语义就不完整，因为心理活动除了自身内在的活动，还有外在的活动。心理活动动词的作用对象是外界的客观事物或者原因。

心理活动动词充当句子的中心词的句型模式主要有产生心理活动的人（施事/当事）。一般可以构成 $S + V + O$ 句型，从与主体/客体的语义组合关系的角度来看，其表现在施事/当事（人）+ V ，因为这类动词如：灰心、费心、发怒、暴怒、省心、吃惊、发呆、发慌等不涉及外界而止于自身的心理活动。比如：他失望了。他[当事] + 失望。父亲在怄气。父亲[施事] + 怄气。这些句子是自足的，不能说“他失望你/这件事，父亲怄气他/那件事”。

心理活动动词主要构成的句型模式如下：

1. $S + (\text{很}) + V + O$ 大部分心理活动动词可带或不带程度副词修饰都能进入这种模式（还有一些不能带对象的动词：发怒、沉醉、吃惊等 $S + V$ ）。比如：

- 1) 我很喜欢熊猫。
- 2) 他关心我。

2. $S + \text{为} + O + V$ 从句法角度来看，心理活动动词后经常用“为”介词加体词或体词性的词组作为状语，从语义关系角度来看，“为”借词后面是表示原因的对象。能进入这个格式的动词有吃惊、操心、发怒、生气、费心、感慨、后悔、灰心、忧虑、忧心、迷恋、感激、心醉、绝望、羡慕、担心等。比如：

- 3) 妈妈为孩子发愁。
- 4) 妻子为丈夫的工作担忧。

有时这个格式里“此”、“这”等代词也可以作 O 。比如：

- 5) 我父母为此费心。

3. $S + \text{对/对于} + O + \text{很} + V$ 这个格式里动词加程度副词后，其对象由介词来提前。比如：

6) 我不大放心孩子 → 我对孩子不大放心。

7) 我很尊重他的意见 → 我对于他的意见很尊重。

这样能转换的动词有爱、爱护、爱惜、担心、放心、关心、怀念、害怕、恨、尊敬、满足、看不起、不在乎等。这一格式的心理活动动词有如下特征：1) 单音节动词加程度副词后不能转成 $S + \text{对/对于} + O + \text{很} + V$ (想、迷、气等)，不可说“我对你很想”；2) 带有“很”类程度副词的动词同时，也可以带体词性的对象。受“很”的修饰，前面由“对”介词短语作状语构成为 $S + \text{对/对于} + O + \text{很} + V$ ，但是不能转换成 $S + \text{很} + V + O$ 格式。比如：

8) 我对你很失望。这样句子就正确，如果换作我失望你，这样是病句。

4. $N1 + \text{被} + N2 + V$ 这个格式里动词与对象之间的关系是一种被动关系。N2 多表示人与表物的词语。比如，他们瞧不起你 → 你被他们瞧不起。对接受者来说，“把字句”通常用于不如意事情的发生或引起不利的后果，比如：

9) 自行车被人偷走了。

10) 我被车撞了。

不过，“把字句”中心理活动动词一般不表达失去或不愉快的意思。比如：

11) 他被人爱过，也被人恨过。

有些心理活动动词不能进入“被字句”格式，如：表示情绪与情感心理活动动词（即表达害怕、遗憾、感激、担心的意义）。只有一部分表示情感与态度心理活动动词能进入“把字”句格式，比如：爱、沉醉、崇敬、宠、宠爱、关怀、关心、怀念、尊崇、尊重、看不起/看得起、宽容、迷醉、陶醉、赏识、讨厌、痛爱、同情、喜欢、羡慕、欣赏、原谅、在意、珍惜、钟爱、注重、尊重等。

5. $S + V + \text{在/于} + O$ 能加入这个格式的动词有迷恋、陶醉、醉心、沉迷、吃惊、同情、动心、感慨、关心、热爱、迷醉、无望、留念、思念、注重、操心、依恋、轻视等。比如：

12) 我更醉心于芭蕾。

13) 我姐姐很迷醉于金钱物质的生活。

14) 他热衷于看小说。

6. $N1 + \text{让/使/叫} + N2 (\text{人}) + V$ 这一格式的动词连接对象有着使动的关系。N*是表示外部世界的人/物/事件使 N (人) 产生心理状态的因素。能加入这种格式的动词有操心、后悔、放心、担忧、生气、中意、费神、发

愁、发呆、冒火、满意、满足、怀想、迷恋、依恋、想念、心爱、着迷、担心、关心、害怕、珍惜、轻视、羡慕、原谅、重视、小看、看不起、尊重、宽心、恨不得、绝望、愿意、无望等。比如：

- 15) 这里的环境使我欢喜。
- 16) 这个情况不能不叫我担心。
- 17) 中国文化令你着迷。

7. S_1 (人) + 比 + S_2 (人) + 副词 (更/还/都) + V + O 心理活动动词也有比较等级，因为两个人产生的情感、情绪等有程度的差异，但是能进入比较句子的心理活动动词不多，一般表达陶醉、担心、感激、遗憾、轻视、忍受的意义不能构成比较句。能够进入这种格式的少数动词有：爱、喜欢、欢喜、热爱、疼、嫌、讨厌、惦、惦记、想、怕、害怕、珍惜、看重、重视、讲究、尊重、体谅、妒忌、忌妒、羡慕、关心、体贴、愁、发愁、乐意、满足、盼、盼望等。比如：

- 18) 她丈夫比她更发愁那笔钱。
- 19) 这个孩子比谁都害怕演讲。
- 20) 老王比任何人都珍惜时间。

8. S + 把 + O (人) + V 能进入“把”字句的心理活动动词很有限，其大多数为单音节动词，也不像其他动词表示“处置”意义。这种格式的 V 只是主体的心理活动，不能对对象有什么影响。能加入这个格式的动词有爱、宠、迷、气、醉、疼等、看重、忍耐、小看等动词。比如：

- 21) 你把他气死了。
- 22) 父亲把女儿宠到天上。

一些能进入“被”字句的动词不能进入“把”字句，比如：“被她讨厌”，不可说“把她讨厌”；“被她轻视”，不可说“把她轻视”。

大多数心理活动动词，在其层次语义关系中有：1) 产生心理活动的人；2) 心理活动直接涉及到的人、事物或产生心理活动的原因（事）。汉语心理活动动词的最小语境是 S + V 的两个词语结构，典型的句型模式为 S+V+O。

二、俄语心理活动动词句型模式

笔者对俄语心理活动动词的语义特点与基本句型模式进行分析。

I. Глаголы эмоционального отношения (态度类心理活动动词)

一般说来，心理活动（情感行为）的主体是人，比如：

- 23) Я терпела его. (我忍受你的...)
- 24) Мы боготворим его. (我们崇拜他)。

不过一些动词的主体也可以表示无生命的或抽象的东西，比如：

25) Этот дом не любит гостей. (直译：这个房子不欢迎客人，解释：客止于屋)。

26) Глупая выходка оскорбила торжественность мероприятия. (愚蠢的诡计玷污了这一隆重活动)。这里主体表示引起某种情绪或情感的原因。

在研究心理动词语言学文献中指出所谓的“интерсубъективность” – “主体间性”。研究心理活动方法论问题的复杂性在于心理活动这种现象具有主观性和客观性，心理状态是由外部的某种东西造成的。潜在地存在主体间性就是一种语义的价位 [Клобуков, 1998, p. 110]。

心理动词这种特点表明分析心理动词时应该注意有或没有引起某种情绪原因的指示。因为这种原因确定心理动词的特点及其语义系统。

27) Люди уважают его. (人们都尊敬他)。

28) Мы все сопереживаем ей. (我们大家都同情她)。

有的时候引起某种情绪的原因会作为语义对象比如：

29) Все были вынуждены терпеть ее выходки. (我们不得不忍受她滑稽的表现)。

30) Он проникся ее бедой. (他同情她的遭遇)。

31) Он влюбился в нее. (他爱上了她)。

32) Я охладел к ней. (我对她变冷淡)。

这些动词相关的语义模型包括客观与主观的位置。主体的位置（主体语义）在俄语中由主格（第一格来表示，而对象位置（对象语义）由原因的宾格（第四格）来表示（对谁，为什么有某种感情）。

不过，也包括没有语义对象的格式，比如：

33) Она пылала от любви. (她满怀着无比热爱)。

34) Она перекипела. (她烦了)。

在研究心理动词的句型模式时，从动词语义搭配角度以及参与人与事件关系的角度来考察心理动词的结构和类别，可以发现心理动词的搭配特点，它的构成是将人（心理行为为主体）与事件结合起来。

35) Он воспылил к ней любовью. (他对她充满热爱)。

36) Она почувствовала к нему презрение. (她心里对他蔑视)。

37) Мы испытываем к ним уважение. (在内心深处我们很尊敬他)。

II. Глаголы эмоционального переживания (体验类心理活动动词)

• 俄语中情感体验动词的最小语境是 $S + V$ 的两个词语结构，是由它们的语义主体和动词本身组成的：

38) Я окаменел. (我发呆了)。

39) Мы отошли. (我们怒气已消)。

40) Они остыли. (他们冷静了)。

一些心理活动动词，如 отойти (прийти в нормальное, привычное состояние / 回到正常的状态)，окаменеть (потерять способность чувствовать, проявлять какие-либо чувства, стать безжалостным, жестоким / 失去感受能力，不能表现任何感情，变得无情、残忍)，вознегодовать (почувствовать негодование против кого-чего-н. / 对某人感到愤慨)，ликовать (торжествовать, восторженно радоваться / 凯旋，热情高兴) 一般没有对象。

● 这类动词也可以使用在三个词语结构，包括一个对象 $S + V + O$ ，比如：

41) Она переживает (1) за нас. (她很担心我们)。

42) Она переживает (1) настоящее чувство. (她正在体验一种真实的感觉)。

43) Он чувствует (1) своего ребенка. (他眷顾自己的孩子)。

44) Он чувствует (1) большую радость. (他感到非常高兴)。

● 这一类的心理活动动词也可以使用在四个词语结构 $S + V + O + O$ ，第一个对象一般指人（某个接收感情的人），第二个对象指某种感情或情绪，比如：

45) Он пылает (1) к ней (2) любовью. (他热爱她)。

46) Я преисполнился (1) к ней (2) уважением. (我尊敬他)。

● 一些心理活动动词也可以使用在五个词语结构 $S + V + O + O + O$ ，（即第一个和第二个对象表示体验感情的单词和确定感情种类的单词，第一个对象是这种感情接收的人。这种模式语言使用频率低，多用于书面语，比如：

47) Мы прониклись (1) к ним (2) чувством (3) нежности. (我们对他们很温柔)。

笔者将所可能构造的心理活动动词的句型模式以 obligatory (应有的) 为主来分析。为了显示 obligatory components (应有的成分)，在研究过程中，我们使用在语言学中被广泛接受的“elimination test” (G. Helbig)，即：省略句子成分的检测 [Helbig, Buscha, 1988, p. 737]。这种检测不仅能够揭示句子的结构，还能够揭示句子的交际最小值，即说话者的交际意图被考虑在内。在进行这种检测时，如果消除其中一个组成部分，陈述的内容（意思）发生变化，那么这个成分可以被认为是“交际情景所必须的部分”（不可省略的）。如果消除某成分句意不变，那么，这些成分可以被认为是“非必要的”（可省略的）。

在 $S + V + O + O + O$ 模式，第二个或第三个成分按照语句的含义被认为是非必要的：Мы прониклись (1) к ним (2) чувством (3) нежности

(我们对待他们很温柔) → Мы прониклись (1) к ним (2) чувством → Мы прониклись (1) к ним (3) нежностью。

III. Глаголы эмоционального отношения (心理态度动词)

• 在俄语中这类动词语境最小单位的结构是: $\boxed{S + V}$ 包括语义动词与语义主体。

48) Я ненавижу. (我恨)。

49) Мне плевать. (我不管了/我无所谓)。

比如心理态度动词 смягчиться (стать менее суровым / 变温和, 心变软了) 一般不加对象。

• 心理态度动词也会有一个语义对象, 使用在三个词语结构 $\boxed{S + V + O}$, 比如:

50) Мы презираем врагов. (我们蔑视敌人)。

51) Они насмеяются над слабыми. (他们嘲笑弱者)。

根据笔者在进行测验中获得的结果, 俄语中的心理态度动词只能有一个对象。

从动词的语义搭配角度来看, 俄语心理活动动词 (глаголы эмоционального действия) 有如下特点:

俄语心理活动动词的句型模式里的语义主体一般是人, 比如: Она оскорбила его. (她侮辱了他)。如果主体是无生命的, 那么它表示某种情感或情绪的原因, 比如: Нелепая шутка уязвила нас. (这一荒谬的笑话伤害了我们)。

俄语心理活动动词的句型模式里边的语义对象一般是人, 比如: Мы любили его. (我们曾爱过他)。如果语义对象是无生命的, 那么它表示出现某种感情的原因, 比如: Она почувствовала любовь. (她感受到了爱)。

俄语心理活动动词的最小语境是 $\boxed{S + V}$ 的两个词语结构。

心理活动动词 (心理体验动词与心理态度动词) 主要跟一个或两个对象搭配。一系列心理活动动词, 比如: отойти (消失, 来到正常的状态), окаменеть (失去感受能力, 不能表现任何感情, 变得无情、残忍) 等, 一般没有对象。

体验类动词的对象一般指人, 物 (或表示某种情绪或感情)。态度类动词的对象一般是人, 这里要指出心理态度类动词只能有一个对象。能加三个对象的动词主要是心理体验类动词。

结语

总之，本章首先分析了汉俄心理活动动词的句型模式，后来在动词语义搭配方面作汉俄对比研究，以便更好地揭示两种语言心理活动动词的语义特点和差异。

在句型模式方面：

汉语：

S + V

S + (很) V + O

S + 为 + O + V

S + 对/对于 + O + 很 + V

S + V + 在/于 + O

N1 + 让/使/叫 + N2 (人) + V

N1 + 被 + N2 + V

S1 (人) + 比 + S2 (人) + 副词 (更/还/都) + V + O

S + 把 + O (人) + V

俄语：

S + V

S + (очень) V + O

(S + V + O + O)

可见，如果从句法结构角度来比较，则汉俄心理活动动词的句法模式显然不同。这是因为不同的语言系统有着不同的内在规律。俄语词形变化丰富，所以句法模式不像汉语的组合结构排列，俄语要具体到词形的形式。由于汉语句子成分的位置是固定的，所以心理活动动词的句型模式也是固定的。在俄语中典型的句型 Он меня очаровал (S + O + V) 会变成：Меня он очаровал (O + S + V); Очаровал он меня (V + S + O); Очаровал меня он (V + O + S)，其句义不变，只不过句子成分位置不同其强调的作用有别。如果从语义角度来看，汉俄心理活动动词的语义表达逻辑基本上相同，因为在语义逻辑上都有主体和受体，所以，可以说汉俄动词在语义的搭配方面基本相同，两种语言典型的模式为 S + (很) V + O (比如：他羡慕我)。Мне нравится лето (我喜欢夏天) 这种俄语句子，如果从俄语句法角度来分析：мне 是宾语，нравится 是谓语，лето 是主语 (因为 лето 是主格，мне 是给与格)。如果从语义逻辑搭配来分析，мне 是主体，лето 是对象，这里有明显的语义与句法差异。

参考文献

Клобуков. П. Е. Эмоции, сознание, культура: (особенности и отражения эмоций в языке). Вып. 4. М.: Язык, сознание, коммуникация, 1998.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: e. Handbuch für d. Ausländerunterricht. Leipzig. Verlag Enzyklopedie, 1988.

Lawrence Sklar (ed.). The Nature of Scientific Theory. New York : Garland Publishers Inc., 2000.

胡盛仑. 语言学 and 汉语教学北京. 北京: 北京学院出版社, 1990.

自然语言处理的历史、现状与未来

摘要. 随着计算机和通信技术的不断发展，人工智能领域逐渐成为自然语言处理技术重要的研究方向之一。本文对自然语言处理发展的历史进行了简单的介绍，分析了国内外研究现状和难点，讲述了自然语言处理技术包含的领域内容，分析了自然语言处理研究领域将会面临的新的挑战 and 未来发展方向，自然语言处理未来必定会成为现代化学科与技术的焦点。

关键词: 机器翻译; 自然语言处理; 语义消歧; 语义分析; 人工智能; 单词边界界定; 语言学; 语义; 深度学习; 句法.

Zhang Li

Jiangxi Vocational College of Mechanical and Electrical, Nanchang

HISTORY, STATUS AND FUTURE OF NATURAL LANGUAGE PROCESSING

Abstract. With the continuous development of computer and communication technology, the field of artificial intelligence has gradually become one of the important research directions of natural language processing technology. This article briefly introduces the history of the development of natural language processing, analyzes the current status and difficulties of research at home and abroad, describes the content of the fields included in natural language processing technology, and analyzes the new challenges and future that the field of natural language processing will face. In the future, natural language processing will surely become the focus of modern science and technology.

Keywords: machine translation, natural language processing, semantic disambiguation, semantic analysis, artificial intelligence, word boundary definition, linguistics, semantics, deep learning, syntax.

Чжан Ли

Цзянсийский профессиональный колледж электромеханики, Наньчан

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. С постоянным развитием компьютерных и коммуникационных технологий область искусственного интеллекта постепенно стала одним из важнейших исследовательских направлений в технологии обработки естественного языка. В данной статье кратко приводится история развития обработки естественного языка, анализируется текущий статус и отмечаются сложности проведения исследования в родной стране и за границей, описывается содержание областей технологии обработки естественного языка, а также рассматриваются новые вызовы и будущее, которое ожидает эту сферу. В будущем обработка естественного языка обязательно станет предметом внимания современной науки и технологии.

Ключевые слова: машинный перевод, обработка естественного языка, устранение семантической неоднозначности, семантический анализ, искусственный интеллект, определение границы слова, лингвистика, семантика, глубокое обучение, синтаксис.

1、前言

自然语言的概念指的是一种自然地随文化演化的语言。汉语、英语、俄语、法语、日语等都是自然语言最常见的例子。如今互联网技术正在不断加速发展，自然语言也越来越广泛地应用到在计算机领域中，对现在人类的日常生活起着更为重要的影响。自然语言属于人类智慧的结晶，自然语言处理现如今也变成人工智能中最为困难的问题之一，这样一来对自然语言处理的研究也变得越来越充满魅力和挑战。

自然语言处理（NLP）是多领域交叉的，涉及到人工智能、计算机科学、语言学关注计算机和人类（自然）语言之间的关联作用。随着社会的进步与科技的加速发展，面对海量信息高效处理的需求，自然语言多方面、深层次的处理具有更加重要的地位。

2、自然语言处理的历史

（1）美国人威弗早在1949年最早提出了机器翻译设计方案。由于当时技术受限，所以只是简单的提出相应设计方案。

（2）国外在20世纪60年代耗费了巨额费用，科研工作者们对机器翻译进行了很多的研究工作。当时采用的主要做法是存储两种语言的单词、短语对应译法的大辞典，进行翻译时进行单词、短语的逐一对应，技术上并不完善。以汉语为例，口语中语言的翻译需结合语境予以剖析，旨在得出最优答案，并不那么简单，很多时候更需要参考某句话前面和后面语句，也就是我们说的上下文的意思。

（3）在20世纪60年代中到80年代末，由于多学科的不断发展和协同参与，自然语言处理研究取得了非常大的进步。科研工作者们根据大量应用实践发现，评判某个机器翻译系统的好与坏，应该看它能否把原语的语义在译语中准确地表达出来，也就是说机器翻译在语义上能否保持原语和译语的一致性是很重要的评判标准。从此以后，语义分析成为了自然语言处理的核心部分。

（4）1990年开始，自然语言处理领域才开始有质的飞跃。这时候开始出现了两方面的特点：第一是对系统的输入，要求开发出来的自然语言处理的系统能够识别大规模的真实文本，而不是以前那样只能识别比较少的词条和典型句子。研制的系统这样一来就有了实用性。第二是对系统的输出，针对实际理解自然语言是件不容易的事情，没有过多地要求系统可以对自然语言文本进行识别，只需抽取有用信息即可。

3、自然语言处理研究的现状

自然语言处理（Natural Language Processing, NLP）是一门研究人和计算机如何进行语言交互问题的学科。它需要完成自然语言理解和自然语言生成两个任务。所谓的自然语言理解，也就是说如何让机器识别人们所说的话，这里指的是基于日常生活中的语境；那么所谓的自然语言生成，也就是说如何让机器能像人一样说话。让二者完美地融合起来，这样一来人就能和机器无障碍沟通。

我们在对自然语言处理技术难点如下：

（1）单词边界界定。相对其它国家的自然语言，在汉语的口语中，每个词与词之间往往是连着的，我们可以通过上下文语境及口语交际情境针对单词边界进行界定，这样一来单词意思更为清晰，词义歧义也被消除，确保了单词组合准确无误。但是中国的汉语不像有的国家的自然语言一样在书写上有每个词与词之间的分隔。

(2) 句法模糊。自然语言处理技术中所用到的文法通常不明确，我们应一方面提高该技术应用灵活性，从另一方面对句子的解读较为多元，影响了语境稳定性。

(3) 语义消歧。汉语中许多字词通常具有多义性，我们可能需要选出最通顺的意思。

(4) 输入不够规范。信息化语言是在现实语言基础上延伸而来，语音识别时如果遇到比较难以理解的地方口音和外国口音，或者在文本的识别中遇到语法或者光学字符识别的错误，自然语言在录入时就会存在理解偏差，在文本拼写、处理过程中有所区别，出现光学字符识别错误。这就需要技术人员在应用自然语言处理技术前针对输入方式进行规范，提出更规范的输入要求，攻克相应的技术应用难点。

(5) 语言行为计划。以汉语为例，一个句子通常情况下由表层意思和深层意思构成，前者通过规范输入方式，理清句法及字词含义就可以被应用者理解，后者则需结合语境进行剖析，最后得出最优答案。

4、自然语言处理的现状与展望

现阶段自然语言处理将分为语言学、数据处理、人工智能和认知科学以及语言工程4个方向。进入大数据时代以来，数据处理的应用场景最为广泛。

在第三届中国人工智能大会上哈尔滨工业大学刘挺教授对自然语言处理的发展趋势做了一次精彩的归纳。他指出自然语言处理的发展趋势是语义表示将从符号表示过渡到分布表示、学习模式也将面临从浅层学习过渡到深度学习、NLP平台化将从封闭走向开放、语言知识将从人工构建走向自动构建、对话机器人将从通用走向场景化、文本理解与推理将从浅层分析走向深度理解、文本情感分析将从事实性文本走向情感文本、社交媒体处理将从传统媒体走向社交媒体、文本生成将从规范文本过渡到自由文本、NLP行业将与医疗、金融、教育和司法等多个领域深度结合，为各个行业创造价值。

5、结语

总之，为了提高自然语言处理技术应用的重要性，研究者需紧抓单词边界界定、句法模糊、词义的消歧、输入或不够规范、语言行为计划等技术难点，将其应用在数据整合、语音识别、检索等领域中，在应用这些技术基础上不断总结经验，加大研究力度。随着计算机和通信技术的不断发展，自然语言处理将对人类的进步做出伟大的贡献。

参考文献

- 冯志伟. 自然语言处理的历史与现状[J]. 中国外语, 2008(01):14-2.
宋一凡. 自然语言处理的发展历史与现状[J]. 中国高新科技, 2019(03):64-66.
赵京胜等. 自然语言处理发展及应用综述[J]. 信息技术与信息化, 2019(07):143-146.
方明之. 自然语言处理技术发展未来[J]. 科技传播, 2019(03 下):143-144.
Zeroual I., Lakhouaja A. Data science in light of natural language processing: An overview // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 127. P. 82-91.

Т. Е. Шишмарева

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О ШЕСТЕРИЧНОЙ ПАРАДИГМЕ БАЗОВЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с моделью шести категорий китайских иероглифических знаков. Анализируется терминология шести категорий Сюй Шэня в «Послесловии» к «Шо вэню» с переводом и комментариями А. Ф. Кондрашевского. Предлагаются критические замечания шестеричной парадигмы китайских знаков в приложении к этимологиям базовых знаков словаря «Шо вэнь».

Ключевые слова: базовый знак китайской письменности, модель шести категорий, грамматологическая традиция, словарь «Шо вэнь».

T. Shishmareva

Irkutsk State University, Irkutsk

ON SIXFOLD PARADIGM OF CHINESE WRITING BASIC CHARACTERS

Abstract. The article deals with some problems, connected with the model of “six categories” of Chinese characters. The author analyzes terminology of XuShen’s six categories in the first Chinese dictionary Shuowen Epilogue (concluding remarks) with A. F. Kondrashevskiy’s interpretations and comments. Some critical remarks on sixfold paradigm of Chinese characters concerning Shuowenbasic characters etymology are proposed.

Keywords: basic characters of Chinese writing, six categories model, grammatological tradition, the Chinese dictionary «Shuowen».

В традиционной синологии и китайской языковедческой традиции одной из наиболее древних и устойчивых классификаций иероглифических знаков считается модель шести категорий. Принято полагать, что Сюй Шэнь в своем труде «Шо вэнь цзе цзы» наиболее последовательно и полно описал вышеуказанную модель, которую назвал «лю шу» (六書) [Сюй Шэнь]. При этом нужно отметить, что существуют как минимум две работы, появившиеся до «Шо вэня», в которых приводился полный список шести категорий иероглифики, тем не менее в отличие от «Шо вэня» в этих работах дается фактически только номинация этих шести категорий без каких-либо пояснений. В книге «Ханьшу ивэньчжи» автора Бань Гу шесть категорий приводятся в следующей последовательности: пиктографическая, указательная, идеографическая, фоно-идеографическая, видоизмененная и заимствованная. В работе другого ханьского автора Чжэн Чжуня «Комментарии к “Чжоули”» выстроилась иная последовательность: пиктографическая, идеографическая, видоизмененная, указательная, заимствованная и фоноидеографическая. Скорее всего, изменение логики изложения связано с представлениями авторов об эволюционном развитии письменной традиции. В традиционной китайской грамматологиче-

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «Этимологии базовых знаков китайской письменности» №18-012-00412.

ской науке закрепились первая. Данная последовательность нередко приписывается и Сюй Шэню, что на самом деле не соответствует действительности. Если обратиться к «Послесловию» к «Шо вэню», то там предлагается следующая последовательность: указательная, пиктографическая, фоноидеографическая, идеографическая, видоизмененная и заимствованная. Кроме того, данная переводная терминология не совсем точно передает смысл, который в эти термины вкладывал Сюй Шэнь.

Наиболее аутентичный вариант перевода вышеозначенных терминов представлен в диссертационном исследовании А. Ф. Кондрашевского, которое, к сожалению, не получило должного распространения в научных кругах синологов. Между тем это единственная работа в отечественной синологии, предлагающая оригинальную интерпретацию «Послесловия» «Шо вэня» с переводом и комментариями. Мы при составлении «Словаря этимологий базовых знаков китайской письменности» переводили и комментировали основной текст «Шо вэня», где при толковании знаков Сюй Шэнь по большей части косвенно, но также указывает категорию знака [Словарь этимологий ... , 2019]. Поэтому нам представляется важным сравнить его определения в «Послесловии» с дефинициями, данными в основном тексте.

Ниже предлагается анализ шести категорий Сюй Шэня в переводе А. Ф. Кондрашевского с нашими комментариями.

一曰 指事指事者視 而可識察而可見上下是也

Первая категория называется /знаки/, «указывающие смысл». При указании смысла, глядя, можно узнать, наблюдая, можно «увидеть». Таковы 上 «верх» и 下 «низ» [Кондрашевский, 1982, с. 10]. Первая категория указывает на сущность изображаемого, о котором дают понять какие-либо условные графические элементы.

二曰 象形象形者畫成其物隨體詰詘日月是也

Вторая категория называется /знаки/, «обозначающие форму». При обозначении формы линии, искривляясь, как и то, что изображают, превращаются в тот предмет. Таковы иероглифы 日 «солнце» и 月 «луна» [Там же, с. 11]. Вторая категория знаков рисует форму соответствующих предметов, линии как бы идут вслед за внешним контуром предметов

三曰 形聲形聲者以事為名取聲相成江河是也

Третья категория называется /знаки/, «придающие форму звуку». При этом обозначение дается по смыслу, берется сходное и взаимно образуется. Таковы иероглифы 江 «река» и 河 «река» [Там же, с. 12]. Третья категория знаков обозначает предметы посредством семантического маркера, который указывает на их свойства, при этом сущности, так или иначе сходные по семантике, отличаются по звучанию, но имеют взаимно сходные обозначения.

四曰會意會意者比類合誼以見指揮武信是也

Четвертая категория называется /знаки/, «объединяющие идеи».

Совмещающая роды, объединяют их в значение, направляют, исходя из точки зрения. Таковы иероглифы 武 «военный» и 信 «письмо» [Там же, с. 12]. Четвертая категория знаков – идеограммы. Их значение обусловлено соединением в одном знаке нескольких простых, имеющих различные/сходные (в случае пликации) значения.

五曰轉注轉注者建類一首同意相受考老是也

Пятая категория называется /знаки/, «поясняющие изменение (поворот)». Такие знаки создают роды, имея единую голову и являясь одинаковыми идеями, взаимно примиряются. Таковы иероглифы 考 «экзаменовывать» и 老 «старик» [Там же, с. 12].

Пятая категория – видеоизменные знаки. Такого рода знаки, как правило, представлены парами. Это знаки, имеющие одинаковый грамматик (по традиционной терминологии бушоу 部首 или цзяньшоу 建首). Расхождение в значениях таких знаков обусловлено минимальным графическим варьированием в одном из знаков.

六曰假借假借者本無其字依聲託事令長是也

Шестая категория называется /знаки/, «ложно заимствованные».

Прежде не было их иероглифов, опираясь на звук, представляют (передают) смысл. Таковы иероглифы 令 «приказ» и 長 «старший». Шестая категория – заимствованные знаки. Иероглифы этой категории заимствуются для обозначения понятий, графического (иероглифического) представления которых по тем или иным причинам не существует. Основным мотивом при выборе знака является подобие звучания записывавшегося данным иероглифом исходного и нового слов (морфем) [Там же, с. 13].

Прежде чем мы перейдем к интерпретации модели шести категорий, представленной в основном тексте «Шо вэнь», необходимо, на наш взгляд уточнить вопрос определения «базового знака». Дело в том, что в китайской традиции существует термин *бэньцзы* 本字, который тоже можно трактовать как «базовый знак». Данное определение касается прежде всего базовой, или первоначальной, формы знака, которая несет в себе этимологическое значение *бэньи* 本义. В нашем исследовании под *базовым* понимается так называемый *ключевой знак* (部). Список базовых знаков представлен в словаре «Шо вэнь» в количестве 540 единиц, именно они стали объектом нашего анализа.

Первая категория «указывающая смысл» в основном тексте словаря «Шо вэнь» поясняется без указания на название категории. Рассмотрим способы представления данной категории на примерах из словаря:

《說文解字》：甘，美也。从口含一。一，道也。凡甘之屬皆从甘。

«Шо вэнь цзе цзы» 甘 (甘 gān): *вкусный, лакомый*. Знак состоит из графика 口 с помещенной внутри горизонтальной чертой 一. Черта 一 означает путь дао. Все знаки, семантически близкие к ключу 甘, включают его в свою структуру.

《說文解字》：一，有所絕止，一而識之也。凡一之屬皆从一。

«Шо вэнь цзе цзы» 丨 (丨 zhǐ): *все прерывается и останавливается, и точка говорит об этом*. Ключ 丨 входит в состав знаков со сходной семантикой.

Из примеров видно, что категория устанавливается из контекста, автор не разъясняет, но дает возможность увидеть.

Вторая категория «обозначающие форму» – единственная из шести категорий, которую Сюй Шэнь обозначает в тексте. Однако, если исходить из всего массива описанных пиктограмм, следует сказать, что автор словаря использует и контекстуальный способ представления данной категории знаков. Это проиллюстрировано примерами.

《說文解字》：ㄩ，相糾繚也。一曰瓜瓠結ㄩ起。象形。凡ㄩ之屬皆从ㄩ。

«Шо вэнь цзе цзы» ㄩ (ㄩ jiū): *завязываться (о плодах), принести плоды*. Знак изобразительной категории – завязи плодов бахчевых. Ключ входит в состав знаков со сходной семантикой.

《說文解字》：工，巧飾也。象人有規榘也。與巫同意。凡工之屬皆从工。

«Шо вэнь цзе цзы» 工 (工 gōng): *мастерство, умение обрабатывать, украшать что-либо*. Графика знака изображает образец, шаблон, трафарет, который использует человек в своем деле (метафорическое значение: норма, стандарт). Значение знака соотносится с семантикой иероглифа 巫 *шаман, колдун, знахарь, лекарь, врачеватель*. Все знаки, семантически близкие к ключу 工, включают его в свою структуру.

В первом примере Сюй Шэнь дает определение категории, прямо называя ее 象形. Во втором примере категория поясняется контекстуально через знак 象 *изображать*.

Третья категория знаков «придающие форму звуку», так же как и первая, поясняется из контекста, без указания на общее наименование категории. Рассмотрим примеры:

《說文解字》：句，曲也。从口ㄩ聲。凡ㄩ之屬皆从ㄩ。

«Шо вэнь цзе цзы» 句 (句 jù): *кривой, изогнутый*. Знак фоноидеографической категории, состоящий из грамматика 冫 и фонетика 勹. Ключ входит в состав знаков со сходной семантикой.

《說文解字》: 言, 直言曰言, 論難曰語。从口辛聲。凡言之屬皆从言。

«Шо вэнь цзе цзы» 言 (言 yán): *речь, говорить слова, вести беседу или спор*. Знак фоноидеографической категории, состоит из грамматика 冫 и фонетика 辛. Ключ входит в состав знаков со сходной семантикой.

Очевидно, что при пояснении знаков иероглифы этой категории толкуются через операторы 从.... 聲, что означает *грамматик такой-то, фонетик такой-то*.

Четвертая категория «объединяющие идеи» поясняется без указания на название категории. Рассмотрим примеры:

《說文解字》: 辵, 乍行乍止也。從彳從止。凡辵之屬皆從辵。讀若《春秋公羊傳》曰“辵階而走”。

«Шо вэнь цзе цзы» 辵 (辵 chuò): *идти с остановками*. Знак 辵 соединяет два знака 彳 *идти/бежать* + 止 *стоять*. Иероглифы, которые по семантике соотносятся со знаком 辵, включают его в свою структуру в качестве ключа. Читается так же, как знак 蹠 в «Чуньцзо гунян чжуань», когда говорят «шагать по ступеням».

《說文解字》: 亼, 三合也。从入一, 象三合之形。凡亼之屬皆从亼。讀若集。

«Шо вэнь цзе цзы» 亼 (亼 jí): *триединство*. Состоит из 入 и 一, *словно форма собранных вместе трех линий*. Ключ 亼 входит в состав знаков со сходной семантикой.

В обоих случаях обнаруживаем все то же контекстуальное толкование, где обозначаются семантические составляющие знака, дающие в совокупности значение.

Что касается категорий знаков, «поясняющих изменение (поворот)» и «ложно заимствованных», то среди 540 базовых в аутентичном тексте словаря таковые не встречаются, отнесение тех или иных знаков из базовых к данным двум категориям возможно лишь при сопоставлении разных точек зрения в сопутствующих комментариях либо в ходе поиска этимологического значения.

Комментируя характеристики шести категорий, представленных в «Послесловии», А. Ф. Кондрашевский указывает на одинаковость по размеру определений, членение на разные смысловые отрезки, лаконичность пояснений и нестремление Сюй Шэня фактически представить или более тщательно описать высказанные положения. Кроме того, в словаре отсут-

ствуют регулярные указания некоторых категорий (указательные и заимствованные знаки) [Кондрашевский, 1982, с. 14]. Скорее всего, ко времени написания словаря шестеричная парадигма иероглифических знаков уже была сформирована, о чем свидетельствуют и исторические данные. Сюй Шэнь, очевидно, придерживаясь сложившейся традиционной концепции, использовал ее как матрицу для представления развития структурной линии китайской письменности и, таким образом, не ставил цель внести ясность или дать критику подходу. 540 базовых знаков в шестеричной парадигме Сюй Шэня распределяются по четырем категориям: *обозначающие форму* (пиктограммы), *указывающие смысл* (указательные), *придающие форму звуку* (фоноидеогаммы), *объединяющие идею* (идеогаммы). Наименьшее число из всех (4,4 %) составляют фоноидеогаммы. Из общего количества проанализированных знаков 17 % не подчиняются классификации, предложенной Сюй Шэнем. Причин, по нашему мнению, несколько. Первая – совершенно естественная, обусловлена эволюционными процессами в письменных знаках. Сюй Шэнь на момент составления словаря имел дело с деформированными знаками сяочжуань, знаки же цзягувэнь и цзиньвэнь к тому времени не были известны, поэтому их пиктографический и указательный характер невозможно было увидеть. Вследствие этого у Сюй Шэня данная идеографическая категория на ранних этапах представляла собой пиктографическую или указательную, что, собственно, было логичным для первобытного мышления. Вторая причина кроется в нестабильности критериев, положенных в основу вычленения категорий, где особый интерес представляют фоноидеогаммы (фонетические знаки). К таковым Сюй Шэнь относит знаки, один компонент которых указывает на прочтение знака, второй является грамматиком. Одновременно с этим рассуждения Сюй Шэня распространяются и на знаки, где грамматика два: например, знак 告, в котором части знака 口 *рот* и 牛 *бык* соединяются в идеогамму *нести весть*, и грамматик 口 также рассматривается фонетиком. Более детально можно проиллюстрировать примером:

《說文解字》：奮，鳥張毛羽自奮也。从大从隹。凡奮之屬皆从奮。讀若睢。

«**Шо вэнь цзе цзы**» 奮 (奮 *xùn*): *птица расправляет перья перед полетом, хохлится*. Идеогамма. Знак состоит из грамматиков 大 *большой, великий* и 隹 *короткохвостая птица*. Все знаки, семантически близкие к ключу 奮, включают его в свою структуру. Читается так же, как знак 睢.

Комментарий: знак 奮 состоит из грамматика/фонетика 隹 *хищная птица с острым клювом, острыми когтями, длинными крыльями, хвостом, служила помощником на охоте; хищная птица, сидящая на руке*

у охотника, и грамматика 大 человек с широко раскинутыми руками и расставленными ногами. Данные элементы вместе дают значение, связанное с увеличивающейся в размерах птицей: скачущая птица, размахивающая крыльями, хохлящаяся, взлетающая. Знак 奮 впервые появился в Западной Чжоу на бронзовых сосудах. По другой версии, данный знак состоит из грамматиков 衣 верхняя одежда, две руки, просунутые в рукава нательной рубахи для того, чтобы надеть выходной костюм (основной костюм) и 隹. Знак 衣 в сяочжунь заменили на 大. Согласно традиционным толкованиям, птица выпорхнула из свертка [ткани] с взерошенными перьями и взлетела ввысь. Накрытая тканевой накидкой, колпаком, птица машет крыльями и пытается вырваться и взлететь. Данное толкование соотносится со значением иероглифа 奪 , захватывать, овладевать, его вариант цзиньвэнь выглядит так , в верхней части представлен знак 奮 , а в нижней – 又 правая рука, рука с пальцами, он же является первичным знаком 本字 для иероглифа 奪.

Категория знака: фоноидеограмма 形声字/идеограмма 会意字

Исходя из этого, можно утверждать, что по критериям выделения фоноидеограммы укладываются в общее понятие «идеограмма» и могут представлять ее подвид. Таким образом, в 540 базовых знаках фактически выделяются три категории: пиктограммы, указательные знаки и идеограммы, фоноидеограмма – вид идеограммы, а категории «заимствованная» и «видоизмененная» в базовых знаках не определяются. Скорее всего, они появились позже, когда процесс производства знаков зашел в тупик и потребовались знаки, образованные так называемым способом 用字法 – окказиональным способом образования знаков, при реализации которого не образуется новый знак, а используется уже имеющийся.

Литература

Кондрашевский А. Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «Шовэня» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. М., 1982. 116 с.

Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарева, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова, Д. М. Домашевская. Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. 669 с.

Стой Шэнь. 许慎. 说文解字 Xu Shen. Shuowenjiezi. URL: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi> (дата обращения: 12.03.2020).

ИЗ ОПЫТА ПОСТРОЕНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В РАМКАХ ПРОЕКТА «ЭТИМОЛОГИИ БАЗОВЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ»¹

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с моделью этимологического анализа базовых знаков китайской письменности. Кратко анализируются результаты проекта в сравнении с имеющимися в современной синологии двуязычными этимологическими моделями и изысканиями в рамках этимологического анализа китайской идеографической письменности. Обобщаются достоинства и недостатки исследований, представленных ранее по этой проблеме.

Ключевые слова: китайская идеографическая письменность, традиция, двуязычные словари, этимологическая модель, грамматологическая традиция, словарь «Шо вэнь».

T. Shishmareva

Irkutsk State University, Irkutsk

CREATING AN ETYMOLOGICAL MODEL WITHIN THE PROJECT «ETYMOLOGIES OF THE BASIC CHARACTERS OF CHINESE WRITING»: SHARING EXPERIENCE

Abstract. The article deals with some problems, connected with the model of etymological analysis of basic Chinese characters. The results of the project are analyzed in comparison with bilingual etymological models and studies existing in modern synology in the framework of etymological analysis of the Chinese ideographic writing. Some advantages and disadvantages of existing studies on the problem are summarized.

Keywords: Chinese ideographic writing, tradition, bilingual dictionary, etymological model, grammatical tradition, the Chinese dictionary "Shuowen".

В рамках работы над проектом «Этимологии базовых знаков китайской письменности» при построении этимологической модели в словаре двуязычного типа нужно было оценить имеющиеся в современной мировой науке исследования, напрямую или косвенно соотносящиеся с этим вопросом.

Говоря об исследованиях китайской идеографической письменности в европейской научной традиции, следует сказать, что проблема этимологии знаков не носила комплексного характера, в большей степени освещалась фрагментарно. Вопросы соотнесения этимологии и этимологии были затронуты авторами проекта впервые в теоретической современной науке.

В данной статье мы тезисно резюмируем результаты исследований, которые внесли значительный вклад в понимание статуса китайской идеографической письменности, ее особенностей в сравнении с фонетическим типом письма, этимологических характеристик китайских знаков. Попытаемся дать оценку существующим в мировой синологии трудам в области этимологического анализа.

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «Этимологии базовых знаков китайской письменности» №18-012-00412.

Во-первых, существуют работы общего характера, посвященные проблемам письменности и грамматики, в которых осуществляется комплексный подход к письму как к особенной сфере человеческой деятельности, отдельному направлению в науке, где разрабатываются важные положения и термины, рассматриваются процессы эволюции основных восточных и европейских письменных цивилизаций. Авторы работ [Деррида, 2000; Гельб, 1982; Фридрих, 1979], характеризующие письменные знаки разных языков, убедительно показывают универсальное и специфичное. Вместе с тем следует признать, что каждая из письменностей настолько уникальна, что заслуживает отдельного, еще более детального исследования.

Во-вторых, среди иностранных (европейских) работ, посвященных непосредственно китайской письменности, следует выделить книгу французского миссионера Леона Вигера (1856–1933) «Китайские иероглифы. Их происхождение, этимология, история, классификация и значение. Исследование, основанное на материалах китайских памятников», которая впервые была издана на французском языке в 1915 г. и впоследствии много раз переиздавалась на английском и других языках. Автор – один из первых познакомил европейского читателя с источником «Шо вэнь цзе цзы» [Сюй Шэнь], а также системно представил его основные положения. Необходимо отметить, что Л. Вигер писал учебники по китайскому языку, по которым осуществлялось преподавание в миссиях, поэтому и данная книга представляет собой не этимологический словарь в чистом виде, а некий дидактический материал – учебное пособие построено в виде уроков (Lessons), в каждом из которых происходит знакомство с новым «базовым» иероглифом [Хамаева, Шишмарева, 2018].

Большой вклад в изучение китайской иероглифической письменности внесли отечественные синологи. Анализ и систематизации идеографических знаков посвящены научные работы В. П. Васильева (1884, 1898), С. М. Георгиевского (1888), Ю. В. Бунакова (1940), И. М. Ошанина (1943), А. Я. Шера (1968), А. Ф. Кондрашевского [1982], О. М. Готлиба [2007; 2014], А. М. Карапетянца [2010].

Что касается изучения словаря «Шо вэнь», то в европейской науке существует лишь одна научная работа, строго посвященная его анализу, в которой рассматриваются вопросы организации, механизмов функционирования знаков (диссертация А. Ф. Кондрашевского). Содержательная же часть, вопросы семантики и этимологии знаков в исследовании не поднимаются.

В европейской лингвистике данный вопрос по-прежнему остается мало освещенным, в связи с чем отсутствуют какие-либо сложившиеся методики этимологического анализа. В России, как и в других европейских странах, до сих пор нет двуязычных этимологических словарей ки-

тайских иероглифов. Следует пояснить, что мы имеем в виду не фонетические этимологические словари, которые единично в определенное время создавались, например, на английском или японском языках (Etymological Dictionary of Han /Chinese Characters By Lawrence J. Howell, Research Collaborator Hikaru Morimoto, 2016; An Etymological Dictionary of Common Chinese Characters by William H. Baxter, 2000), а именно (идеографические) этимологические словари иероглифов. Впрочем, и указанные издания сложно в полной степени назвать этимологическими, поскольку этимология определенного знака определяется, как правило, одной строчкой и дает лишь структурно-грамматологический анализ, который является частью этимологического анализа «轄 (18) そり 雪 snow + 車 vehicle → *sleigh*; *sled*. Compare 橇 and 艦».

К значительным работам, заслуживающим внимания, относится сайт, разработанный американским исследователем Ричардом Сирсом в 2002 г. Chinese etymology 字源 [URL: <http://hanziyuan.net/#home>, 2004], данные с этого сайта мы использовали при составление словаря [Словарь этимологий ..., 2019]. Он, безусловно, интересен в плане предложенной графики и количества поясняемых знаков, дается перевод значений на английский язык. К минусам, на наш взгляд, относится неотработанная методика поиска этимологического значения и подачи материала, невозможность установить источники графики и отсутствие комментариев. Существенный вклад внес также китайский проект – онлайн-словарь «Пиктографический словарь китайских иероглифов» 象形字典 [<http://www.vividict.com/Public/index/page/details/updata.html>], которым мы также пользовались в процессе составления словаря. Словарь достаточно полный, с подробным комментарием на китайском языке. К минусам словаря можно отнести необходимость проверки достоверности комментариев, одноязычие и фрагментарное представление графических вариантов знака.

По нашему мнению, советская и русская синология в вопросе поиска этимологии китайских знаков, унификации терминологии структуры знака, категорий, описания грамматологии китайских знаков является лидером в мире. Но, к сожалению, комплексно проблема никогда не решалась. Наша работа впервые в мировой практике соединяет в себе три составляющих: основы китайской традиционной языковедческой науки, европейскую традицию и попытку представить идеографическое письмо не только с точки зрения его этноспецифики, но и с позиции общей семиотики знака. Полагаем, что наша авторская модель этимологического анализа может рассматриваться как первая и одна из возможных (при появлении иных) моделей организации словарной статьи в двуязычном этимологическом словаре китайского языка.

Литература

- Гельб И. Е. Опыт изучения письма. Основы грамматиологии. М. : Радуга, 1982. 366 с.
- Готлиб О. М., Кремнев Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматиологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. : В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.
- Готлиб О. М. Основы грамматиологии китайской письменности. М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. 284 с.
- Деррида Ж. О грамматиологии. М. : Ad MargiTem, 2000. 508 с.
- Карапетьянц А. М. Китайское письмо до унификации 213 г. до н. э. // У истоков китайской словесности. М. : Восточная литература, 2010 а. С. 172–202.
- Кондрашевский А. Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «Шовэня» : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 22. М., 1982. 116 с.
- Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарева, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова, Д. М. Домашевская. Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. 669 с.
- Сюй Шэнь. 许慎. 说文解字 XuShen. Shuowenjiezi. URL: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi> (дата обращения: 12.03.2020).
- Фридрих И. История письма. М. : Наука, 1979. 463 с.
- Хамаева Е. А., Шишмарева Т. Е. Этимологический vs. этимологический анализ знаков китайской идеографической письменности // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 136–140.
- 象形字典. URL: <http://vividict.com/> (дата обращения: 25.08.2020) (на кит. яз.)
- 字源. URL: <http://hanziyuan.net/#home> (дата обращения: 23.08.2020).

УДК 81

А. А. Шошин, Е. Ф. Серебrenникова
Иркутский государственный университет, Иркутск

ОСНОВАНИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ЭМПАТИИ: МЕХАНИЗМЫ, ЖАНРЫ, КОНТЕКСТЫ ПОРОЖДЕНИЯ

Аннотация. Предпринимается попытка установить базовые основания моделирования медийного дискурса эмпатии. На основе опыта разработки понятия эмпатии устанавливается, что значимыми когнитивными механизмами дискурса эмпатии являются децентрация в реагировании на референциальную ситуацию и самоидентификация в аттрактивного типа контексте; в качестве жанров дискурса эмпатии выступают мнение-поддержка, мнение-разубеждение, мнение-осуждение. На материале данных синхронного мониторинга медиатекстов производится разграничение внешней и внутренней эмпатии, мы-дискурса, дискурса антиэмпатии и дискурса эмпатии.

Ключевые слова: эмпатия, дискурс эмпатии, децентрация, дискурсивная самоидентификация, внешняя эмпатия, внутренняя эмпатия.

A. Shoshin, E. Serebrennikova
Irkutsk State University, Irkutsk

ANALYSIS OF EMPATHY DISCOURSE: MECHANISMS AND TYPES

Abstract. The article attempts to establish the basic foundations for modeling the media discourse of empathy. Based on the experience of developing the concept of empathy, it is established that the significant cognitive mechanisms of empathy discourse are decenteration in responding to a reference situation and self-

identification in an attractive type of context; as genres of empathy discourse are opinion – support, opinion-dissuasion, opinion-condemnation. Based on the data from the synchronous monitoring of media texts, a distinction is made between external and internal empathy, we-discourse, anti-empathy discourse and empathy discourse.

Keywords: empathy, empathy discourse, decentration, discursive self-identification, external empathy, internal empathy.

Для разработки векторов моделирования дискурса эмпатии в медийном коммуникативном пространстве важны как положения и выводы предшествующего этапа разработки проблемы эмпатии в философии, психологии, феноменологии, герменевтике, теории коммуникации, лингвистике, общей семиотике, представленные, в частности, в аналитических обзорных работах (Гаврилова, 1975; Тумина, 2005; Карягина, 2009; Пашукова, 2010; Николаева, 1998 и др.), так и теоретико-методологические основания когнитивно-коммуникативной парадигмы и лингвоаксиологии в качестве одного из ее направлений, ориентированных на моделирование процессов, категорий и механизмов реализации дискурса как высказывания, способа осмысления и чувствования говорящим в реальных контекстах коммуникации.

Первоначально знак «эмпатия» вводится в эстетической концепции воспитания эстетического чувства Т. Липса (1903), затем у Э. Титченера как способ познания произведения искусства и объекта природы – *Einführung* / «вчувствование». В психологии к эмпатии относят целый ряд психических явлений, таких как сопереживание, сочувствие, «проникновение» в мир переживаний людей, понимание человеком эмоций и чувств других людей, способность представить себя на месте другого и рефлексию понимания эмоциональных состояний и переживаний другого [Пашукова, 2010, с. 197]. Обосновываются положения о природе и существенных признаках эмпатии: «Видении ее как способности человека эмоционально отзываться на переживания других людей в отличие от апатии, равнодушия, чувства непричастности и отчуждения» [Гаврилова, 1977, с. 3], как модели «структурирования мира по образцу другого», как составления целостного образа Другого в ситуации общения: «воображения через проникновение во внутренний мир другого человека, будь то его эмоциональное переживание, личностные качества, потребности, стремления или оценочные суждения» [Сарджвеладзе, 1978, с. 485]. Кроме того, широкое изучение нейрофизиологических механизмов эмпатии началось в 90-е гг. после открытия итальянским ученым Rizzolatti и др. [Риццоллатти, Синигалья, 2004] так называемых зеркальных нейронов. Эти клетки активизируются не только когда выполняется определенное действие, но и когда индивид видит и слышит, как это действие выполняет другой. У человека такие нейроны, реагирующие на целенаправленное действие другого, были обнаружены в зоне Брока, связанной с речью. В дальнейшем зеркальные нейроны были найдены в других областях чело-

веческого мозга, связанных уже не с моторикой, а с ощущениями и эмоциями. Ученые заговорили о зеркальном принципе работы мозга в целом. В 2002 г. Preston и de Vaal обосновали модель нейрофизиологических механизмов эмпатии, согласно которой восприятие эмоций другого активирует в наблюдающем нейронные механизмы, ответственные за генерацию эмоций, как если бы это были его собственные эмоции. Это позволяет наблюдающему «резонировать» с наблюдаемыми состояниями. Причем, помимо моторных репрезентаций, происходит также активация соматических, аффективных, когнитивных и других откликов, связанных с соответствующей эмоцией. Кроме того, было отмечено, что нейронные сети активируются автоматически, когда бы мы ни становились свидетелями переживаний других людей [Preston, de Vaal, 2002].

Таким образом, психологические исследования свидетельствуют о приоритете целевой или функциональной спецификации феномена эмпатии. Говоря о роли эмоций в акте эмпатии, выделяют два аспекта: 1) эмпатия как реакция на эмоции другого; 2) эмпатия как эмоциональная реакция на другого [Карягина, 2009, с. 55].

Категория «интерсубъектности» в феноменологии (Г. Гуссерль, М. Хайдеггер), «понимающей социологии» А. Шюца, М. Вебера и социального конструктивизма П. Бергера и Н. Лукмана [Бергер, 1995] выявляет межперсональную интерактивную коммуникативную природу эмпатии, уточняет ее сущность конструктивной связующей нити между людьми в социуме в призме отражения себя в «зеркале» другого. В работах ученых обосновывается положение о том, что эмпатия порождается рядом механизмов, в ряду которых интегральными являются механизмы *децентрации и идентификации* [Т. И. Пашукова, Е. А. Троицкая, 2010, с. 208–209]. Под децентрацией понимается такое умственное действие, посредством которого человек способен встать на позицию другого, с которой раскрывается его система отношений. Для эмпатирующей личности децентрация – это механизм преодоления эгоцентризма, заключающийся в изменении точки зрения и позиции субъекта [Социальная психология, 2005, с. 42].

В целях дискурсивного моделирования эмпатии децентрацию дискурсивной личности целесообразно считать базовым когнитивным механизмом дискурсивизации, активизирующим такую структуру сопереживания/размышления/понимания, которая выявляет аксиологическое, шкалированное, концептуально-оценочное [Болдырев, 2010] переосмысление (рефреймирование) ситуации с позиции не себя, но Другого в процессах реагирования. Децентрация как переосмысление показывает не только и не столько способность увидеть ситуацию по-иному, с точки зрения Другого, сколько способность ее аксиологизировать, т. е. освоить ее в рамках собственного опыта оценивания мира, ценностного измерения картины мира, в представлениях об основаниях отношения и поведения, нормах,

моделях, идеалах взаимодействия и устройства мира. В этом плане децентрация в дискурсе проявляется в возведении фрейма высказывания к ценностному смыслу, прежде всего морально-этического плана, который и составляет сущность, вершину осмысления/переживания референтной ситуации. Маркеры децентрации могут служить показателями эмпатии говорящего в отличие от других эмотивно-когнитивных состояний говорящего.

Механизм идентификации, включающий в себя и способность к децентрации, является динамической константой, вокруг которой конструируется сам экзистенциальный способ социального бытия человека: «Способ, модус отношения с другим строится вокруг признания себя, своей субъектности и единственности при осознании того, что сфера публично-го, социального наполнена такими же, собственными идентичностями других» [Ricoeur, 1990, p. 33]. В ситуации, порождающей децентрацию/эмпатию как интенциональное когнитивно-эмотивное состояние говорящего в коммуникативном взаимодействии, дискурсивная самоидентификация реализуется в особой модусной аксиологической рамке реагирующего высказывания, проявляющейся в способах ее модализации, оценочных структурах, в самих речевых жанрах дискурса эмпатии с присутствующими им аксиологическими стратегиями: жанрах мнения-убеждения, мнения-разубеждения, мнения-обвинения, мнения-осуждения, мнения-поддержки, мнения-похвалы и т. д.

Для перехода анализа эмпатии на «макроуровень» опосредованной, дистанционной, публичной медийной коммуникации необходима конкретизация «вводных» данных и условий для создания функциональной модели медийного дискурса эмпатии. Для информационного общества медийное пространство, упорядоченное медиатизацией определенного контента, представляется важнейшим миром общения и источником «внешнего расширения» человека [Маклюэн, 2007], распространяющимся на установление интеракции в связке «Я – мир – другие» при условии того, что в экзистенциальном смысле человек воспринимает себя в пространстве «между»: между миром реального и миром желаемого, должного, необходимого. Глобализованная концептуальная рамка медийного пространства формирует вероятность реагирования на ситуации близкого и дальнего характера, далеко выходящие за личную сферу коммуниканта, и инициирует различного рода когнитивно-эмотивные интенциональные состояния, среди которых эмпатия является одним из вероятных способов реагирования. Одна из задач моделирования дискурса эмпатии – выделение и характеристика контекстов порождения эмпатии и ее отграничения, что связано с анализом фреймовой структуры референциальной ситуации в дискурсе реагирования в связи с репрезентацией маркеров когнитивного механизма эмпатии – децентрации.

Важной составляющей моделирования следует считать ее лингвоаксиологический характер: ориентацию медиатизации в публичном медийном коммуникативном пространстве, с одной стороны, на целеполагания, потребности и ценностные предпочтения медиаторов и их референтные группы, а с другой стороны, направленность на множественного целевого адресата с целью воздействия на его когнитивную систему и достижение событийности сообщения, что выявляет направления конструирования социальных смыслов в дискурсе эмпатии. В связи с этим осуществление дискурса эмпатии необходимо рассматривать с двух позиций: с точки зрения формы и содержания дискурсивной идентификации медиатора как эмпатизирующей дискурсивной личности и с точки зрения возможностей дискурса эмпатии в конструировании иного дискурсивного мира, альтернативного по отношению к ситуации, создающей эмпатию. Важно при этом, что анализ концептуально-оценочного шкалирования ситуации в дискурсе связан с двойственностью самого оценивания: концепт «добра» ограничен в ценностном сознании в оппозиции к «злу», подразумевает инференцию к негативному. Напротив, концепт «зла» и его функциональных аналогов инферирует в интерпретации к «добру» и его функциональным аналогам. Достижение цели исследования дискурса эмпатии как особого дискурсивного пространства в медийном коммуникативном пространстве, способствующем формированию общих солидарных социальных смыслов на основе самоидентификации дискурсивных личностей, предусматривает решение ряда общих и специальных задач. К ним относятся моделирование лингвоаксиологических оснований медийного дискурса эмпатии и его конструирующей роли в социальном пространстве, уточнение типов контекстов и условий дискурса эмпатии, жанров дискурса эмпатии и реализуемых аксиологических стратегий. Задачей данной статьи является отграничение дискурса эмпатии в аттрактивных контекстах его порождения и выявление основных параметров ее анализа. Используемые методы анализа – дискурсивный мониторинг, контент-анализ, метод интерпретативного анализа.

В результате синхронного дискурсивного мониторинга медиасообщений российского и китайского фрагментов интернета был сформирован корпус сообщений объемом 20 медиатекстов, анализ которых позволил составить основные характеристики дискурса эмпатии. Первый вывод касается градуальности в выражении эмпатии как константы синтаксического уровня высказывания. В этом плане следует выделить медиасообщения с внешней и внутренней эмпатией. Уточним, что разграничение «внешней» и «внутренней» точек зрения на ситуацию предложено Б. А. Успенским при анализе организации произведений живописи и литературы: «Автор в повествовании может занимать либо внешнюю по отношению к изображаемым событиям позицию, либо внутреннюю, при-

нимая точку зрения того или иного участника события – становится участником события» [Успенский, 1970, с. 172]. В этом плане понимание эмпатии соответствует ее трактовке как коммуникативно-прагматической категории, отражающей ориентацию говорящего на ситуацию путем выделения в ней коммуникативного фокуса [Арутюнова, 1990, с. 397]

Сообщения с «внешней» эмпатией составляют собственно контент медиатизации и потенциальный источник для когнитивно-эмотивного реагирования социального адресата. Эмпатия в данном случае имеет синтаксическую структурно-функциональную и коммуникативно-информационную нагрузку, отражает точку зрения в ориентации медиатора в его отношении к референтной ситуации. Эмпатия репрезентирована в тема-рематическом членении высказывания и его коммуникативном фокусе, при этом выделенным может быть любой элемент высказывания, значимый для медиатора, а не только люди или другие живые существа.

(1) *Озеро Байкал заволочло дымом от лесных пожаров* [Озеро Байкал...]

(2) *Дым над Улан-Удэ не связан с лесными пожарами в Бурятии* [Дым над Улан-Удэ...]

Уже на уровне «внешней эмпатии» медиасообщение имеет потенциал порождения «вчувствования» и когнитивно-эмотивных интерпретаций социального адресата. Передавая наиболее значимое для экспликации аттрактивной ситуации, медиатор использует прежде всего эвалюацию – оценивание события-пожара по вектору от его внешних, объективных проявлений в количественной стратегии, оперируя датами и числительными; устанавливая масштаб реального действия пожара, «глобализирует» актанты ситуации, оперирует названиями озер и городов. Однако даже в данных, весьма типичных новостных сообщениях эмпатия как дискурсивная синтаксическая константа проявляется на уровне дискурсивизации – эмергентности смысла, что проявляется, например, в композиционном значении составляющих структуры «*Дым над Улан-Удэ*». Улан-Удэ в коллективном сознании – это не столько город как географическое понятие, но люди, образующие город; дым в причинно-следственной индексальной связи – это пожар, беда, горе, страдание. Означивание тематической константы медиатизации контента события пожаров в Бурятии, в частности *пожара степного*, как темы (2), безусловно, активизирует «интроверсию», перенос на себя, подключая к задаваемой таким образом «прототипической» оценке человека, животных, которые могут оказаться в огне. «Одушевление» и особенно «вчувствование» и эмоциональное «заражение» в данном случае имеют минимальное проявление, но ориентируют восприятие публичного адресата на реагирование [Серебренникова, 2019].

При этом именно высказывания с «внутренней» эмпатией, которые переходят границу выделения информационно-коммуникативной точки зрения, являются сферой дискурса эмпатии, предназначенного по своей интенциональности и дестинации на высказывание переживания эмпатии и, как следствие, репрезентацию когнитивного механизма порождения эмпатии – децентрацию.

(3) *Путин провел совещание по пожарам в Забайкалье. Глава государства отметил, что по сравнению с ЧП, происходившими в прошлые годы, «удалось избежать жертв человеческих. **Народ небогато здесь живет, взять им [деньги], по сути, неоткуда, если по-честному сказать.** Также Владимир Путин отметил, что необходимо на федеральном уровне поддерживать тех граждан, которые потеряли жилье и хотят остаться на своей земле. [Путин провел совещание...].*

Данное высказывание реализуется в жанре мнения-поддержки жителей Забайкалья, переживших большие пожары в регионе. Децентрация как механизм эмпатии репрезентирована в «вершине» структуры понимания ситуации в высказывании: ситуация представлена в концептуальной рамке сопереживания, понимания реального состояния, уважения достоинства граждан, которые живут на этой земле и потеряли жилье (*Народ небогато здесь живет*). Целевая аксиологическая нагрузка выражена в стягивании высказывания к ценностному смыслу «честность» (*если по-честному сказать*). Эмпатия носит когнитивный характер высказывания понимания реального состояния народа в оценочной предикации. В качестве инструмента валидации дискурсивной идентификации и регулятора перцептивной стороны общения выступает персонализация – перевод общения в личную сферу аргументирования позиции (*если по-честному сказать*); **маркеры выражения сострадания** (*удалось избежать жертв человеческих*); **маркеры «вчувствования»**, понимания пострадавшей стороны; **маркеры объединения и ободрения граждан** (*поддерживать тех граждан, которые потеряли жилье и хотят остаться на своей земле*). Тем самым в данном дискурсе реагирования проецируется дискурсивный мир, видение ситуации в координатах понимания и солидарности в преодолении ситуации.

Анализ ситуаций, мотивирующих дискурс эмпатии, по критерию характера аттракции для реагирования позволяет выделить две ядерные группы медиасобытий проблемного плана:

1) ситуации чрезвычайного характера, прежде всего инклюзивного характера, вовлекающие говорящего в переживание личной сопричастности к опасности и вызову как входящие в его личную сферу (ситуация с зарождением и распространением коронавируса, ситуации угрозы войны, сферы преступности и т. д.);

2) ситуации проявления аномальности, нарушения социальных норм, конвенций, прежде всего социального характера (справедливости – несправедливости, вызова нормам в социальном поведении и т. д.).

Реагирование на аттракторы – доминантные способы экспликации данных ситуаций – порождает множественное, поляризованное интерпретативное «эхо». В ситуациях инклюзивного плана (Я >мир>другие), как это можно проследить по данным мониторинга ситуации с коронавирусом, выделяются три полюса интерпретативного реагирования.

1. Дискурсы антиэмпатии, в которых происходит не децентрация, но, напротив, усиление эгоцентризма; выделяется сторона участника события, Другого, во враждебном образе чужого и чуждого. Высказывание приобретает характер речевой агрессии, нетерпимости, даже ненависти.

(4) В комментариях на пост китайца Ван Юньбиня в соцсетях об условиях его госпитализации в г. Чите последовали комментари, в ряду которых отметим как дискурс эмпатии, подчеркнув его, так и дискурс анти-эмпатии:

1. *Вначале прутся нам с вирусами, потом жалобы строчат... знать их в шею...*

2. *Не зря переживает.*

3. *Он прав, что наши больницы и работники не соответствуют для поставленных задач и целей.*

4. *Хоть пореже к нам будут потом ездить.*

5. *Выслать всю семью... [Китаец на карантине...]*

Количественный подсчет в контент-анализе комментариев к информационным текстам данной тематической области в нашем корпусе позволил установить, что процентное содержание дискурса антиэмпатии и ее функциональных аналогов составляет около 40 %.

2. «Мы-дискурс», в котором сам говорящий включен на уровне presupпозиции в «страдающую» сторону участника ситуации, высказывая единение с данной стороной:

(5) *希望我们可以早一天打赢这场战役，早日恢复正常的工作与生活。武汉加油！中国加油！’ Надеюсь, мы в скором времени сможем победить в этом сражении, скоро сможем вернуться к нормальной жизни и работе. Ухань, держись! Китай, держись! [武汉加油...];*

(6) *我们心里牵挂着你们，只能默默祈祷 – В душе так сильно беспокоюсь за вас, можем только молча молиться [作为武汉人...].*

3. Собственно дискурс эмпатии, при которой Я – говорящий, занимая изначально внешнюю по отношению к ситуации позицию наблюдателя и интерпретатора, в коммуникации конструирует видение ситуации с точки зрения Иного, проявляя не только понимание его ситуации (когнитивная эмпатия), но и вхождение в эмоциональный мир другого человека и сопереживание, конструируя тем самым аксиологически иной дискурс-

сивный мир, возводимый к знакам-аксиологемам, как это видно в следующих текстах:

(7) Российский политический обозреватель: «Мы стали свидетелями героизма Китая. Мужество, стойкость, ответственность, дисциплинированность, проявляемые китайским народом в критической, опаснейшей ситуации с коронавирусом вызывает и сострадание, и восхищение [Число жертв...];

(8) Китаец, не житель города Уханя: 看得我泪流满面, 武汉加油, 中国加油, 辛苦你啦, 你声音好美, 为你点赞 Мое лицо залито слезами, Ухань, держись! Так тяжело тебе, у тебя такой мелодичный голос, ставлю лайк [武汉封城...].

Выделенные в результате анализа отличительные сущностные черты медийного дискурса эмпатии составляют искомые вводные данные для более углубленного дискурсивного моделирования. Установленные характеристики выявляют парадигму дискурсов на основе когнитивных механизмов децентрации и дискурсивной идентификации. Перспективу исследования составляет разработка конструктивного потенциала дискурса эмпатии в лингвоаксиологическом плане в корреляции с дискурсами антиэмпатии и «мы-дискурсом» в контекстах проблемных аттрактивных ситуаций, порождающих такого рода дискурсы.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 437 с.
- Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Болдырев Н. Н. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. Вып. 8. С. 24–38.
- Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. 2-е изд. М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. 464 с.
- Пашукова Т. И., Троцкая Е. А. Механизмы и функции эмпатии // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 7(586). С. 197–209
- Социальная психология: словарь / под ред. М. Ю. Кондратьева. М.: ПЕР СЭ, 2005. 176 с.
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 285 с.
- Гаврилова Т. П. Социальная децентрация и ее роль в развитии эмпатии // Теоретические и прикладные проблемы познания людьми друг друга. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979. С. 10–11.
- Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и соперничания / пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.
- Карягина Т. Д. Философские и научные контексты проблемы эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Т. 17, № 4. С. 50–74.

Сарджвеладзе Н. И. О балансе проекции и интроекции в процессе эмпатического взаимодействия // Бессознательное: Природа, функции, методы исследования. В 3 т. Т. 3. Тбилиси : Мецниереба, 1978. С. 485–489.

Серебренникова Е. Ф. Эмпатия в медиадискурсе // Язык в различных сферах коммуникации: материалы III Междунар. науч. конф. / сост. Т. Ю. Игнатович, Ю. В. Биктимирова. Чита : ЗабГУ, 2019. С. 11–114

Ricoeur P. *Soi-même comme un autre*. Paris : Édition du seuil, 1990. 424 p.

Preston S. D., & de Waal, F.B.M. (2002). Empathy: Its ultimate and proximate bases // *Behavioral and Brain Sciences*. 2002. Vol. 25. P. 1–72.

Озеро Байкал заволокло дымом от лесных пожаров. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-08-14/13289-ozero_baykal_zavoloklo_dymom_ot_lesnyh_pozharov

Дым над Улан-Удэ не связан с лесными пожарами в Бурятии. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/society/357390/> (дата обращения: 26.02.2020).

Путин провел совещание по пожарам в Забайкалье. URL: <https://news.ru/obshchestvo/putin-provyl-soveshanie-po-pozharam-v-zabajkale> (дата обращения: 29.01.2020).

Китаец на карантине в России. URL: <https://www.instagram.com/p/B8IXTF2AvyQWf0LLgBKnXJygESnz51Ot1PzZ> (дата обращения: 29.01.2020).

武汉加油! 90后小伙北京街头发放千只口罩. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1657491681986904498&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 01.02.2020).

作为武汉人我支持这一次封城. URL: <https://www.weibo.com/tv/v/IqPYI0nVX?fid=1034:4463959705845768> (дата обращения: 11.02.2020).

Число жертв смертельного «китайского» коронавируса увеличилось до 304 человек. URL: https://life.ru/p/1305400?utm_source=odnoklassniki.ru&utm_medium=social&utm_campaign=chislo-zhertv-smertelnogo-kitayskogo-ko (дата обращения: 12.02.2020)

武汉封城. URL: <https://www.weibo.com/tv/v/IqPYI0nVX> (дата обращения: 14.02.2020).

РАЗДЕЛ II

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УДК 94(470+571)

Ю. Г. Благодер

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О КИТАЕ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

Аннотация. Представлен анализ статей, опубликованных в 1851–1860 гг. в журнале «Вестник Императорского Русского географического общества». Основное внимание уделено публикациям, содержащим информацию о Китае, его истории и современном развитии. Анализ статей позволил выявить объем знаний о Китае, которыми располагало российское образованное сообщество XIX в. Отмечена просветительская деятельность российской интеллигенции.

Ключевые слова: Китай, Императорское Русское географическое общество, китаеведение, российская периодическая печать, журнал «Вестник Императорского Русского географического общества».

Y. Blagoder

Kuban State Technological University, Krasnodar

FIRST PUBLICATIONS ABOUT CHINA ON PAGES OF “VESTNIK OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY”

Abstract. The article presents an analysis of articles published in 1851–1860 in the journal «Vestnik of the Imperial Russian Geographical Society». The focus is on publications containing information about China, its history and contemporary development. The analysis of the articles revealed the amount of knowledge about China that the Russian educated community of the 19th century had at its disposal. The educational activities of the Russian intelligentsia are noted.

Keywords: China, Imperial Russian Geographical Society, Sinology, Russian periodicals, the journal «Vestnik of the Imperial Russian Geographical Society».

Путь изучения Китая, осознания его роли в развитии не только Дальневосточного региона, но и мирового сообщества был долг и труден. В России по крупицам собиралась информация о приграничном государстве, формировались первые коллекции китайских предметов бытового уклада, произведений искусства [Благодер, 2011, с. 5–8; Благодер, 2009, с. 35–38].

В первой половине XIX в. информации о Китае было мало, объем печатной литературы китайской тематики был весьма скуден. В середине столетия активное развитие разнообразных отраслей знания напрямую связано с формированием разветвленной системы просветительских организаций. Члены научных общественных объединений оказали серьезнейшую помощь как в изучении Азиатского материка, так и популяризации знаний о восточных государствах и народах.

Основанное по инициативе адмирала Ф. П. Литке в 1845 г. с целью изучения России и сопредельных стран Императорское русское географическое общество и появившиеся в последующие десятилетия его отделы: Кавказский (Тифлис), Восточно-Сибирский (Иркутск), Северо-Западный (Вильно), Оренбургский (Оренбург), Юго-Западный (Киев), Западно-Сибирский (Омск), Приамурский (Хабаровск) – внесли крупный вклад в исследование земель многих государств, в том числе и Китая.

Первоначально Императорское Русское географическое общество, не имея материальной возможности организовывать экспедиции, занималось публикацией найденных ранее источников и переводов с европейских языков. В частности, выходит в свет трактат иеромонаха Палладия о торговых путях в Китай, предпринимается попытка составления карты Азиатского региона, издается труд немецкого географа, почетного члена Петербургской академии наук К. Риттера «Землеведение: география стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией (Восточный или Китайский Туркестан)» [Риттер, 1869]. Эта работа упоминается не случайно: она выделяется из круга востоковедных публикаций того периода тем, что в описании развернутой картины жизни Поднебесной автор избегает резких оценок европоцентристского подхода. Для характеристики географических факторов, климатических условий, почвенного покрова, освещения вопросов социально-экономической и политической тематики были использованы различные источники (описания результатов наблюдений арабских и европейских путешественников, рассказы туркестанских паломников, побывавших в Китае, китайские хроники). В этом издании можно было почерпнуть информацию о культуре и быте местных жителей, их нравах и обычаях. Необходимо учитывать, что данный труд, безусловно способствующий формированию разносторонних представлений о Дальневосточном регионе, был рассчитан на достаточно эрудированного читателя.

С Императорским Русским географическим обществом сотрудничали выдающиеся путешественники П. П. Семенов, Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, Г. Е. Грумм-Гржимайло, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, С. Н. Алфераки и др. Некоторое улучшение материального положения со временем позволило Обществу не только публиковать результаты научных изысканий, но и оказывать поддержку исследователям в снаряжении экспедиций¹.

¹ АРГО. Ф. 1–1858. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 3–3 об.; Ф. 1–1883. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 40; Ф. 1–1888. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 8–8 об.; Ф. 1–1891. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6

Императорское Русское географическое общество в различные периоды своей деятельности издавало повременные и периодические издания («Вестник», «Труды», «Записки», «Известия») с информацией, полученной от очевидцев событий, происходивших в Китае.

Одним из первых выходит в свет номер «Вестника Императорского Русского географического общества». Информации о Поднебесной по-прежнему было немного, поэтому за десятилетний период работы (1851–1860 гг.) редакционная комиссия приняла к публикации лишь немногим более десятка статей китаеведной тематики. Среди них можно назвать переводы китайских исторических сочинений о Востоке [Китайское сочинение, 1852; Пещуров, 1860], не перестававшим удивлять чужеземцев на протяжении многих столетий. Невероятные, с точки зрения европейца, сюжеты китайской истории пробуждали в среде просвещенной интеллигенции потребность найти подтверждение или опровержение прочитанного.

В первые же годы выхода в свет журнала в нем изредка стали появляться небольшие по объему (около пяти страниц) статьи о современной жизни империи Цин, занятиях населения, успешной сельскохозяйственной и торговой деятельности, местных достопримечательностях [О торговле с Китаем, 1859]. Технические достижения (протоки и рукава каналов, плавающие в их водах деревни, многочисленные шлюзы, мосты) приводили путешественников в изумление [Императорский канал в Китае, 1858]. Описания, сделанные ими, не могли не заинтересовать читателей, большинство из которых считало Китай полудикой, отсталой в экономическом отношении страной.

«Вестник Императорского Русского географического общества» формировал читателей о тех исследованиях, которые планировалось провести. Так, архимандрит Гурий уведомил о получении Русской духовной миссией в Пекине от Сибирского отдела Императорского Русского географического общества «различных хлебных и огородных семян для опыта посева оных на широте пекинской» [Частное заседание Сибирского отдела, 1858, с. 42]. Просветительская и научная деятельность российских священников – славная страница истории Русской православной церкви [Беликова, 2013, с. 36–41].

Благодаря научной периодике Китай предстал этнически многообразным [О народонаселении Китая, 1859]. Европейцы, посещавшие эту страну, отмечали многолюдность не только его столицы, но и провинциальных городков, особенно в интенсивно развивающихся южных районах. В XVIII в. в российском обществе китайцами именовали всех подданных Сына Неба вне зависимости от их этнической принадлежности. Спустя столетие в научной литературе, в том числе и периодических изданиях Императорского Русского географического общества, авторы повествовали о специфике хозяйственных укладов разных народов, проживающих в

различных частях Китая, их культурном своеобразии. Отвечая на вопрос о том, какие факторы способствовали объединению столь непохожих друг на друга этнических сообществ в единое целое, российские исследователи называли мощную централизацию бюрократического аппарата императорской власти и единую для всего государства письменную традицию. Описание этнической неоднородности жителей Поднебесной существенно изменяло представления о дальневосточных соседях в сознании русского православного человека.

Несмотря на сложность тематики, в «Вестнике Императорского Русского географического общества» можно найти статью о загадочных китайских иероглифах [Опыт заменить китайские письма латинскими, 1852], которые долгое время виделись россиянам магическими знаками. Труды сотрудников Русской духовной миссии в Пекине, изучавших китайский язык, позволили просвещенной российской общественности ознакомиться с природой и особенностями китайской письменности. Тем не менее для малообразованного обывателя иероглифы еще не одно десятилетие будут восприниматься громоздкой, практически недоступной для запоминания системой замысловатых рисунков. В русском языке не случайно появилось выражение «китайская грамота» для выделения трудного, непонятного написания.

Если китайская страна в середине XIX в. все еще виделась россиянам далекой и таинственной, то для соотечественников, осевших в Приамурье, и военных, служивших на Дальнем Востоке и Средней Азии, посещение китайских приграничных городов, общение с китайскими чиновниками и торговцами постепенно становилось привычным. Их заметки с указанием климатических, гидрографических и иных географических факторов рисовали образ Китая как земли постижимой, но опасной для привыкших к комфорту европейцев, желающих совершить путешествия в экзотические уголки мира. Те, кто ранее побывал в Китае, предупреждали путешественников и коммерсантов о трудностях, которые они могли встретить на своем пути, и давали советы о способах их преодоления [Некоторые указания по путешествию по Китаю, 1858; Песчаные дожди в Китае, 1852; Венюков, 1859].

Подводя итог, отметим, что «Вестник Императорского Русского географического общества» является бесценным историческим источником, который позволяет выявить: во-первых, степень изученности Китая российскими учеными середины XIX в., объем знаний, которыми располагало российское образованное сообщество; во-вторых, характеристики Китая, вызывавшие наибольший интерес; в-третьих, информацию о просветительской деятельности российской интеллигенции.

Литература

Беликова Н. Ю. Влияние модернизационных процессов на религиозную жизнь общества в начале XX века (на материалах Юга России) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (174). С. 36–41.

Благодер Ю. Г. Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры (XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 35–38.

Благодер Ю. Г. Произведения китайского искусства в дворцовых резиденциях российских правителей XVIII века // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 5–8.

Венюков М. Обзорение р. Усури и земель к востоку от нея до моря // Вестник ИРГО. 1859. Ч. 25.

Императорский канал в Китае // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 23. С. 86–90.

Китайское сочинение. История жизни Гиуэн-Тсанга и его странствований по Индии, между 629 и 645 гг. (перевод с фр. В. И. Класовского) // Вестник ИРГО. 1852.

Некоторые указания по путешествию по Китаю // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 24.

О народонаселении Китая // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 22.

О торговле с Китаем // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 24.

Опыт заменить китайские письма латинскими // Вестник ИРГО. 1852.

Песчаные дожди в Китае // Вестник ИРГО. 1852.

Пещуров Д. Землетрясения, бывшие в Китае во времена Минской династии (извлечения из истории Мин-ши) // Вестник ИРГО. 1860. Ч. 29.

Риттер К. Землеведение: география стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией (Восточный или Китайский Туркестан). СПб., 1869. 568 с.

Частное заседание Сибирского отдела. 12 марта 1858 г. // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 23. С. 42–48.

УДК 327

А. В. Бояркина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

ВЗАИМОСВЯЗЬ МАРКСИЗМА И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Аннотация. Проанализирована взаимосвязь марксистской теории с традиционной культурой Китая, основанной на историко-культурных ценностях. Целью статьи является определение взаимосвязи марксистской теории и традиционной культуры Китая. Идеи марксизма привели к развитию традиционной китайской культуры, сформировали уникальную культуру марксизма в Китае. Она модернизирует традиционную культуру и творчески развивает марксизм. Изучение связи развития марксизма и традиционной китайской культуры имеет важное теоретическое и практическое значение. Китайский марксизм обогащает современные дипломатические и внешнеполитические концепции. Взаимосвязь марксизма в Китае и традиционной культуры проанализированы в шести аспектах. Автор показывает, что стабильность и устойчивость политической системы, социально ориентированный подход к обществу гарантированы применением марксистской теории в сочетании с элементами китайской традиционной культуры.

Ключевые слова: Китай, марксизм, традиционная культура Китая, китаизация марксизма, концепция «сообщества единой судьбы человечества».

RELATIONSHIP OF MARXISM AND CHINESE TRADITIONAL CULTURE

Abstract. The relationship of Marxist theory with Chinese traditional culture, based on historical and cultural values, is analyzed. The purpose of the article is to determine the relationship of Marxist theory and Chinese traditional culture. The ideas of Marxism led to the development of Chinese traditional culture, shaped a unique culture of Marxism in China. It modernizes the traditional culture and creatively develops Marxism. The study of Marxism in China and Chinese traditional culture has important theoretical significance and practical significance. The relationship of Marxism in China and Chinese traditional culture is analyzed in six aspects. The author shows that stability of the political system, “people-oriented” approach to society are guaranteed by Marxist theory in addition to elements of Chinese traditional culture.

Keywords: China, marxism, chinese traditional culture, sinicization of marxism, concept of “a community with a shared future for mankind”.

Введение. Марксистская система научных взглядов, основанная на философии, политической экономике и научном социализме, представляет собой теорию рабочего класса о полном освобождении человечества во всем мире [Маркс, Энгельс, 1974, с. 358]. К. Маркс и Ф. Энгельс исследуют и объясняют место и роль человека в естествознании, мышлении и социологии на основе выдающихся достижений 1840-х гг. В своих работах ученые-марксисты Запада поднимают острые проблемы классовой борьбы и на практике показывают, как развивается и совершенствуется научная система мыслей рабочего класса.

Китай после Опиумных войн критически переосмыслил западный опыт и обратился к национальной модернизации. Китайское руководство и общество, впитывая в себя разнообразные западные социально-политические течения, выбрали наиболее прогрессивное направление – марксизм [Tian Chenshan, 2019; Сун Лэй, 2017, с. 153].

Одновременно марксизм стал частью и традиционной культуры Китая. По мнению некоторых китайских исследователей марксизма, китайское общество трансформировало идеи марксизма с учетом национальных характеристик, обогатив его китайской культурой и превратив их в органическую часть этой культуры [Chen Lixin, 2016; Tian Chenshan, 2019, Сун Лэй, 2017]. Марксистская философия применяется к практике китайского общества и является неотъемлемой частью теории социализма с китайской спецификой [Сун Лэй, 2017].

Российские исследователи считают, что марксизм актуален как классическая методология и теория, «работающая» в той мере, в какой не изменились за последние сто с небольшим лет основы общественной жизни человека [Бузгалин, 2010]. Технологический и технический прогресс играют центральную роль в концепции К. Маркса. Его экономическая теория оказала огромное влияние практически на все школы и направления экономической науки в XX в. А в XXI в. историческая и экономическая стороны марксистской системы, или исторический материализм, оказался тесно связан с политической экономией и экономическим развитием общества [Клисторин, 2014, с. 140, 147].

Западные эксперты называют «парадоксом современной китайской истории» появление идеологии К. Маркса в стране, охваченной культурной революцией в 1960–1970-х гг. Однако сегодня китайские лидеры придерживаются прежде всего марксистское видение, которое отражает прогрессивное будущее страны. Профессор Браун объясняет успех и устойчивость политической системы Китая применением именно марксистской теории [Brown, 2014].

Китайский марксизм наделен отличительными чертами, этническими и хронологическими особенностями. По мнению некоторых китайских ученых, марксистская философия отличается от китайской традиционной, их интеграция трудна. Так, профессор Тянь Чэньшань определяет пять отличительных позиций западного марксизма от китайского [Tian Chenshan, 2019, p. 14–15]:

- 1) особый философский стиль мышления китайских интеллектуалов;
- 2) существует форма китайского марксизма, которая опирается на китайские традиции;

- 3) данная форма китайского марксизма встречается у многих философов и политиков, например у Мао Цзэдуна. Она представляет уникальное направление китайской философии;

- 4) основная тенденция западного марксизма берет свое начало в идеях Ф. Энгельса, который сформулировал их отличными от китайского феномена;

- 5) хотя китайские марксисты по-разному трактуют философию Маркса и Энгельса, марксистское учение в Китае имеет сходные позиции с западным марксизмом. В то же время некоторые китайские ученые отводят отдельное место китайскому марксизму – между классическим его вариантом, с одной стороны, и традиционным китайским мышлением, с другой.

Политическое руководство Китайской Народной Республики использует марксистскую теорию с целью решения проблем страны и обращают теоретический опыт Китая в практический. Китайские лидеры сочетают марксистские взгляды с богатой историей и традиционной культурой Китая.

Марксистские взгляды стали близки китайским лидерам, политикам, общественным деятелям, интеллектуалам и писателям в начале XX в. Впервые научное обоснование марксизма представил Мао Цзэдун в 1925 г. В 1936 г. Великий кормчий в работе «Проблемы стратегии революционной войны в Китае» отметил различия между Советской Россией и Китаем и подчеркнул первенство китайской модели. Позже он основывался на собственном принципе «взаимосвязи и неразделимом единстве общего и частного» и заложил его в фундамент концепции, согласно которой общие принципы марксизма всегда существуют в конкретных национальных формах [Цырендоржиева, Бальчиндоржиева и др, 2018, с. 261].

В 1941 г. Мао Цзэдун связал древнекитайское высказывание «стремление к реальности – стремление к делу» с пониманием теории марксизма

ма. Он использовал главный принцип марксизма в качестве метода исследования китайского общества и китайской революции. Мао Цзэдун призвал преодолеть догматичное понимание марксизма, превратив его в новую действительность [Там же, с. 261–262].

Этические основания политики и государственной службы в Древнем и современном Китае определяют этнокультурный характер и особенности китайской традиционной культуры. С конца XX в. для реализации внутри- и внешнеполитического курса руководство КНР опирается на конфуцианскую этику и ценности традиционной культуры [Слобожанин, Хоу Цзюэ, 2017, с. 67]. В этой связи профессор Ли Синьчэнь выделяет следующие характеристики и особенности китайской традиционной культуры.

Во-первых, она отличается устойчивой преемственностью, выражая связь времен и поколений и распространяется от поколения к поколению. В целом в процессе наследования почти непрерывна во времени и хранит память о прошлом, отражая действительность.

Во-вторых, культура обладает этническими особенностями и представляет собой национальную идеологическую культуру. Она многоэтнична и смешанна, но в качестве ядра традиционной культуры опирается на народность Хуа Ся, проживавшую в плодородных долинах рек Хуанхэ и Янцзы, постепенно объединившую вокруг себя другие этнические культуры. Культура Китая отражает национальные особенности и национальный стиль.

В-третьих, китайская культура обладает длительной династийной хронологией. Из четырех основных древних цивилизаций мира традиционная китайская культура является единственной самой жизнеспособной и устойчивой культурной системой.

В-четвертых, в процессе долгосрочного исторического развития китайская традиционная культура впитала достижения культуры разных национальностей, сохранив собственные генокоды. Китайское общество вырабатывает в диалоге с другими культурами свои собственные идеи и создает уникальную форму духовной культуры.

Позицию возрождения традиционной политической культуры в управлении современным государством разделяет исследователь марксизма Лю Шижэнь. Он определяет марксистскую теорию как основу национальной идеологии КНР. Профессор Лю Шижэнь называет марксистскую теорию «философией с традиционными китайскими ценностями в условиях сложной и меняющейся глобальной окружающей среды в XXI веке» [Liu, 2019, p. 2].

Китайские исследователи понимают марксистскую теорию по-китайски как процесс интеграции взглядов классического марксизма и традиционной культуры Китая. Китайская традиционная культура заимствует марксистское учение, в то же время марксизм модернизирует китайскую традиционную культуру. Взаимодействие марксизма с китайской традиционной культурой выражается в следующих шести аспектах.

Первый аспект: уникальная традиционная культура способствует популяризации марксизма в Китае. Китаизация марксизма (马克思主义中国化) выдвинута еще при Мао Цзэдуне. Она опирается на опыт революционной практики на основе социализма с китайской спецификой. Одной из важнейших особенностей марксизма в Китае является то, что он впитал черты традиционной китайской культуры. Китайские традиционные культурные ценности укрепляют полиэтничное общество и являются ядром национального единства. Традиционная концепция «социального идеала» усиливает сущность «коммунизма». Традиционная идея «управления» способствует «поиску истины из фактов». Традиционный «национальный дух» отражает природу человека и выступает точкой опоры китайского общества. Он гарантирует практическое применение марксистской теории.

Второй аспект: марксизм создает новую модель китайской культуры. Она воплощает дух эпохи высокоразвитой социалистической культуры нового Китая. Ее фундаментом являются классические взгляды марксизма в сочетании с национальными особенностями, традиционными и современными, китайскими и иностранными культурными элементами, а также политическое решение руководства КНР, основанное на необходимости строительства социализма с китайской спецификой. Новая модель китайской культуры закладывает творческую основу для развития социалистической культуры. Китайские ученые считают, что для ускорения формирования новой модели культуры Китая необходимо, проанализировав западный подход к культуре, обогатить и развивать собственную марксистскую теорию культуры.

Третий аспект рассматривает марксизм как фактор развития китайской традиционной культуры. Система политических теорий социализма с китайской спецификой – это новейшие теоретические достижения в адаптации марксизма для реализации теоретических и практических инноваций. Строительство «двух цивилизаций» – высокоматериальной и социалистической духовной – трансформирует традиционную китайскую культуру и повышает научный и культурный уровень всей нации. Концепция «трех представительств», выдвинутая Цзян Цзэмином на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.), составляет комплекс направляющих идей, которыми партия должна руководствоваться на протяжении длительного времени. Она является основным требованием современного китайского культурного строительства и одним из важных руководящих принципов укрепления партийного строительства и социалистической духовной цивилизации. Развитие социалистической культуры с китайскими характеристиками опирается на основные социалистические ценности «мировой гармонии» и «единства в различии», а также на научную концепцию развития, предлагающую разработку инновационных технологий.

Четвертый фактор основан на уникальной китайской культуре марксизма. Она представляет собой одну из государственных задач по интеграции марксистского учения с целью комплексной интеграции традиционной китайской культуры в теорию марксизма. Это приведет к зарождению новой демократической и социалистической культуры с китайской спецификой. Она сочетает в себе этническую, научную и народную культуры и основана на культуре широких народных масс. Такая новая демократическая культурная платформа воплощает руководящие принципы Коммунистической партии Китая на этапе новой демократической революции. Культурное построение социализма с китайской спецификой, ориентируясь на марксистскую теорию, способствует воспитанию идеала, нравственности и дисциплины у граждан. Строительство новой демократической и социалистической культуры основано на китайской действительности. Демократическая культура с китайской спецификой наследует исторические и культурные традиции, впитывает иную культуру и разделяет ценности социалистической духовной цивилизации.

Пятый фактор представляет марксизм в Китае как требование модернизации традиционной культуры. Китайские лидеры используют марксистский подход для интеграции китайской национальной культуры в мировое пространство. Ключевым условием построения китайской культуры является сохранение жизненной силы марксистского учения, оно должно оставаться руководящей идеологией. Совершенствование марксистской теории с помощью новых практик поддерживает эту силу и энергию. Трансформация китайской культуры, как и полное возвращение к традиционной культуре, не может быть чистым заимствованием западной культуры. Для формирования новой культуры руководство применяет марксистскую теорию, культурные достижения всех стран на основе богатого практического опыта Китая.

Наконец, шестым аспектом выступает гармоничное развитие китайской традиционной культуры и марксистского подхода. Культура – это прочное соединение человеческого труда и мудрости, представляющее собой феномен, противоположный тому, что порождает противоречия и конфликты между двумя культурами. Культура Китая уходит своими истоками в глубокую древность и является составной частью мировой культуры. Если игнорировать диалог «плавильного котла», созданного из различных культур в определенный исторический период, появляются культурные предрассудки, которые становятся препятствием, мешающим развитию человеческой цивилизации. Каждая мировая культура наделена общим и особенным. Марксизм и китайская традиционная культура, по мнению руководства страны, являются фундаментом, на котором стоит Коммунистическая партия Китая. Это также идеологический инструмент в китайской революции и государственном строительстве и реформировании.

нии. В реализации государственного управления китайские лидеры опираются на единство человека и природы и национальный дух китайской традиционной культуры. По сути, марксистская теория, теория революции и китайская традиционная культура способствуют исследованию социальных проблем и выявлению недостатков и противоречий в китайском обществе. Марксизм и традиционная китайская культура обладают открытостью и оригинальностью. Китаизация марксистской философии и политических идей пронизана идеями традиционной культуры. Процесс творческого развития марксистского учения в Китае имеет решающее значение для традиционной культуры Китая и модернизации в целом.

Теория Маркса, как подчеркивает Си Цзиньпин, «освещает путь исследования человечеством закона истории и поиска человечеством своего собственного освобождения». Китайский лидер критически переосмыслил марксистскую теорию, представил новый взгляд на историю, положив его в основу таких фундаментальных концепций, как «сообщество единой судьбы человечества» и «китайская мечта». Примером служит период II–III вв., описанный в литературном эпосе «Троецарствие», в котором объединенная империя Хань распадается на царства, но затем возвращается к единству [Brown, 2014].

Рассуждения Си Цзиньпина о том, что среда обитания человека – это дом для всего человечества, во многом созвучны с мыслями К. Маркса о единстве противоположностей и мирном сосуществовании с природой. Люди не могут наносить ущерб окружающей среде ради своих собственных интересов. Население нашей планеты должно нести ответственность не только за себя, но и за следующее поколение [Си Цзиньпин, 2018]. Теория марксизма рассматривает мир с точки зрения диалектики и считает, что развитие мира в конечном счете обусловлено противоречиями, которые содержат два аспекта противоположности и единства. Единство и конфликт противоречий, а также противоположности и единство обеих сторон способствуют развитию всего человечества. Современный мир – это единство противоречий. В нем страны как противоположны, так и зависят друг от друга. Они конкурируют в сотрудничестве и взаимодействуют в конкуренции. Концепция как раз подчеркивает конкуренцию в условиях диалога цивилизаций, что и отражает единство противоположностей.

Китайский лидер отмечает, что задача КНР состоит в том, чтобы обновить традиционные идеи и морально-этические нормы, унаследованные еще со времен великого Конфуция, которые должны соблюдаться в наше время [金佳绪, 2017]. Си Цзиньпин подчеркивает, что традиционная китайская культура интегрируется в современную инновационную культуру и развивает дух времени, способствуя укреплению китайского государства [Сун Лэй, 2017, с. 154].

Политическое руководство Китая опирается на учение традиционной китайской философии, теорию марксизма, применяет научную концепцию развития. В новой эпохе марксистское учение в Китае инкорпорировано в современные концепции развития КНР. Марксизм направлен на решение политических, социальных, культурных проблем. Вместе с традиционной культурой он обогащает современные дипломатические и внешнеполитические концепции КНР.

Председатель Си Цзиньпин прилагает особые усилия для углубления взаимосвязанности и сближения со своим народом. Его политический курс в «новой эпохе» глобальных отношений основан на древнекитайской концепции *тянься* (天下), или «все под небесами», династии Чжоу (III в. до н. э.). Идея этой стратегии состоит в гармоничном сосуществовании *датун* (大同) и «общей судьбы» народов. Профессор Тянь Чэньшань обнаруживает связь коммунистической идеи марксизма и китайского философской концепции *тунбянь* (通变), которая упоминается еще в «Ицзин» (ок. 700 г. до н. э.). *Тунбянь* содержит понимание преемственности поколений и единения народов. Тянь Чэньшань полагает, что философия *тунбянь* имеет важное значение в дискурсе о диалектическом материализме [Tian Chenshan, 2019, p. 15–35].

Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» – одна из ключевых дипломатических стратегий XXI в., в которой научно обоснованы три элемента отношений между целым и частями реального мира. Это отношения мира и человечества; отношения между странами всего мира и отношения правительства и населения. «Земля, – говорится в этой концепции, – это целое, и человек как часть целого существует в этой системе, все страны взаимосвязаны и образуют единство» [Liu, 2019, p. 2–3]. Это не только дает миру новый формат развития, но и новую форму цивилизации [Сун Лэй, 2017, с. 156].

Заключение. Итак, политическое руководство КНР использует марксистский подход, точку зрения и методы для решения политических, социальных, культурных проблем в новых исторических условиях. Китайский марксизм наделен отличительными чертами, этническими и хронологическими особенностями. Наряду с историей и традиционной культурой марксизм обогащает современные дипломатические и внешнеполитические концепции КНР. Взаимосвязь марксизма и традиционной культуры Китая показывает: во-первых, китайский подход к марксизму доказывает эффективность в практической реализации государственной власти и управлении социально-экономическими и культурными процессами. Кроме того, важной задачей для модернизации и популяризации марксизма в Китае является фиксация этого учения в научных исследованиях; во-вторых, компоненты традиционной культуры дополняют и обогащают современный марксизм в Китае; в-третьих, политическое руководство

Китай намерено развивать новые идеи марксизма, проводить его углубленное изучение с целью решения важных практических задач, осуществления реформ и развития. Это придает отличительные черты марксизму в современном Китае; в-четвертых, китайская национальная культура и марксизм развиваются при соблюдении руководящей роли марксизма в сочетании с элементами традиционной культуры. Таким образом, стабильность и устойчивость политической системы, социально ориентированный подход к обществу гарантированы применением марксистской теории в дополнение к элементам китайской традиционной культуры.

Литература

Бузгалин А. Марксизм: к критическому возрождению (к 190-летию Карла Маркса) // Интеллектуальная Россия. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/aleksandr-vladimirovich-buzgalin/7178-marksizm-k-kriticheskomu-vozrozhdeniyu-k-190-letiyu-karla-marksa.html> (дата обращения: 21.03.2020).

Клисторин В. И. Карл Маркс и марксистская политическая экономия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки, 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 138–149.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит., 1974. 512 с.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. II. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2018. 802 с.

Слобожанин А. В., Хоу Цзюэ. Место конфуцианской этики в развитии современного Китая: негативные аспекты // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7 (16). С. 68–71.

Сун Лэй. «Китайский путь» – путь социализма с китайской спецификой // Власть. 2017. № 11. С. 152–157.

Цырендоржиева Д. Ш. Бальчиндоржиева О. Б. Китаизация марксизма и модернизация Китая // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2013. Т. 323, № 6. С. 261–265.

Brown K. What has Karl Marx ever done for China? // The Diplomat. 2014.05.14. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/what-has-karl-marx-ever-done-for-china> (дата обращения: 09.03.2020).

Chen Lixin. Relationship of Marxism in China and Chinese traditional culture // 3rd International Conference on Education, Management, Arts, Economics and Social Science (ICEMAESS 2015), 2016. P. 1133–1139.

Liu S. R. The philosophic interpretation of a community of shared future for mankind from the perspective of the Marxist philosophy // Open Access Library Journal. Vol. 6. P. 1–6.

Tian Chenshan. Mao Zedong, Sinicization of Marxism, and traditional Chinese thought culture, 2019. Vol 7, N 1 / Hegel to Mao and Beyond: the Long March of Sinicizing Marxism. P. 13–36.

金佳绪. 十八大以来, 习近平这样为传统文化“代言” //新华网. 2017年05月29日。 URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-05/29/c_1121054808.htm (дата обращения: 22.03.2020).

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация. Подводятся итоги исследований автора в области монгольской имперской идеологии, как она отразилась в европейских источниках XIII в. Доктрина «универсальной монархии» монголов получила на Западе всестороннее, хотя не вполне адекватное освещение. Сочинения европейцев демонстрируют различные аспекты этой доктрины, позволяя современным историкам не только детализировать монголо-европейские взаимоотношения, но и реконструировать образ монголов в сознании европейцев той эпохи.

Ключевые слова: монголы, имперская идеология, европейские источники, понятие «всего мира», Чингисхан.

Yu. Drobyshev

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow

REFLECTION OF MONGOL IMPERIAL IDEAS IN MEDIEVAL EUROPEAN SOURCES

Abstract. The article summarizes the author's research in the field of Mongol Imperial ideology, as it was reflected in European sources of the XIII century. The doctrine of "universal monarchy" of the Mongols received a comprehensive, though not quite adequate coverage in the West. The writings of Europeans demonstrate various aspects of this doctrine, allowing modern historians not only to detail Mongol-European relationships, but also to reconstruct an image of the Mongols in the minds of Europeans of that era.

Keywords: Mongols, Imperial ideology, European sources, the concept of "the whole world", Genghis Khan.

Европейская литература сохранила чрезвычайно обильную информацию об имперских претензиях монголов¹. Она дополняет и проясняет многие моменты, содержащиеся в важнейших восточных источниках: анонимном «Сокровенном сказании монголов», «Истории покорителя мира» Джувейни, «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, династийной истории «Юань ши» и других. Западный взгляд на монгольскую экспансию открывает новую грань в освещении как событий XIII в., так и их идеологической подоплеки.

Подобно другим средневековым источникам, европейские предоставляют исследователям сведения двоякого рода: с одной стороны, они содержат фактический материал о европейско-монгольских взаимоотно-

¹ Это обилие не может быть освещено в рамках лишь одной журнальной статьи. Мы расцениваем настоящую публикацию как итоговую в нашем рассмотрении европейских источников о монголах сквозь призму идеологии. Тема раскрыта в серии статей, подготовленных к печати в 2020 г. и содержащих необходимый ссылочный аппарат: 1) «Образ монгольских завоевателей в западных и восточных источниках (опыт сравнительного анализа)»; 2) «Образ Чингисхана в средневековых европейских источниках»; 3) «Монгольский хаган как сын Бога»; 4) «Власть монгольского хана в представлениях европейцев в XIII в.»; 5) «Пределы монгольской экспансии в представлениях европейцев в XIII в.»; 6) «Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в.».

шениях, с другой – демонстрируют особенности восприятия и осмысления кочевников латинской Европой, их реальных и воображаемых целей.

Образ монголов на Западе обсуждается в ряде работ, уже ставших классическими [Bezzola, 1974; Klopprogge, 1993; Schmieder, 1994; Ruotsala, 2001]. Вопросы имперской идеологии Чингисидов затрагиваются многими исследователями, но, как правило, не становятся предметом специального изучения. Крупным шагом вперед оказалась появившаяся в 1941 г., ровно 700 лет спустя монгольской инвазии в Европу, статья Э. Фёгелина, базирующаяся на скрупулезном анализе ультимативных писем, посылавшихся туда от имени великих ханов. Его труд содержит много глубоких мыслей о путях трансформации потенциальной империи монголов в реальную [Voegelin, 1941, p. 378–413]. Монография Т. Оллсена с характерным названием «Монгольский империализм» в большей мере освещает политические и экономические аспекты этого явления, но касается и идеологии [Allsen, 1987]. Необходимо также упомянуть труды Ж. -П. Ру, Ш. Биры, Х. Франке, И. де Рахевилца, М. Биран, Т. Д. Скрынниковой.

Прежде чем Европа испытала на себе силу монгольского натиска, сведения о новом непобедимом народе, идущем из глубин Азии, почти одновременно проникли в нее двумя путями – с Ближнего Востока и Руси. Ранние европейские сообщения о деяниях «царя Давида» или «пресвитера Иоанна» (1220-е гг.), принесенные в европейские страны крестоносцами, не имеют прямого отношения к проблеме реконструкции имперской идеологии монголов и нами здесь не рассматриваются. Первые сведения о монголах столь сильно искажены и затемнены легендами об этих мифических христианских монархах Востока и о «запертых» Александром Македонским диких народах, что для наших целей не годятся. Во внимание принимается та информация, которая идентифицирует появившихся у границ христианского мира захватчиков как вполне конкретный народ, даже если она по-прежнему легендарна в указаниях на его происхождение и способ выхода на евразийские просторы. Надо заметить, что и более поздняя европейская литература отнюдь не свободна от воображаемых характеристик монголов, где они предстают безбожными людоедами, не имеющими в себе ничего человеческого.

Источники разнообразны по географии и языку, хотя подавляющее их большинство написано на универсальной для средневековой Европы латыни. Среди них можно выделить принадлежащие перу непосредственных свидетелей монгольского нашествия или людей, побывавших у монголов с дипломатическими либо религиозными целями, и вторичные, созданные в тиши монастырских келий и при королевских дворах. Наблюдается большое жанровое разнообразие: частные и официальные письма, папские буллы, отчеты посольств, исторические произведения, научные трактаты. Соответственно, авторство принадлежит грамотным представи-

телям разных страт средневекового европейского общества: клирикам, включая папу римского, светским правителям, схоластам, коммерсантам. Каждый из них видел монгольскую угрозу глазами своего круга и обращал внимание на различные ее аспекты, хотя практически все сходились в том, что она несла гибель христианской цивилизации. К числу источников первостепенной важности следует отнести отчет Платона Карпини (с дополняющим его текстом Ц. де Бридиа), сочинения Гильома де Рубрука, магистра Рогерия, архидиакона Фомы Сплитского, Винсента из Бове, Матфея Парижского и ряда других авторов или компиляторов, а также более поздние труды Марко Поло и Гайтона. Вполне очевидно, что точность изображения характеристик монголов и особенностей их верховной власти резко различается в зависимости от того, кто о них пишет. Однако даже такой непревзойденный наблюдатель, как Платон Карпини, допустил ряд ошибок и неточностей.

Ценный объективный источник информации как для европейцев середины XIII в., так и для современных исследователей – письма великих ханов, доставлявшиеся европейским монархам и папе римскому. В первых же строках этих посланий, по сути ультиматумов, четко демонстрируются претензии монголов на мировое господство, оправданные ссылками на волю Вечного Синего Неба. Хаган Гуюк в своем знаменитом письме папе Иннокентию IV заявил, что монголы опустошили землю силой Господней и по воле Господа, т. е. он фактически подтвердил опасения европейцев, что монголы – кара Божья за их грехи. Эту идею единодушно разделяет подавляющее большинство европейских авторов XIII в., но делает из нее иные практические выводы, нежели были сделаны их современниками на Руси. Конечно, требование морального очищения доминирует в обоих случаях, но «франки» вовсе не ограничились этим, и папа римский провозгласил прощение грехов тому, кто выступит против новых «врагов Христа» с оружием в руках. Подобную активную позицию Русская православная церковь заняла только в конце XV в., когда ордынское «иго» начало рушиться скорее по внутренним причинам, чем благодаря сопротивлению русского народа.

Поведение монгольских послов, военачальников и рядовых воинов подкрепляло имперский тон хаганских писем: монголы смотрели на другие народы как на своих холопов – уже реальных или только в недалекой перспективе, но в любом случае свысока. «Имперскость» пропитывала все монгольское общество, и вряд ли являются преувеличениями многократно прозвучавшие европейские оценки кочевников как людей исключительной гордыни, ни во что не ставивших даже королей.

Европейские источники довольно единодушны в формулировке генеральной, но на практике недостижимой цели монголов – захвата всего мира, хотя, скорее всего, это в большей степени эмоциональная оценка,

чем объективное знание: страхи европейцев просто совпали с действительными намерениями кочевников. Верно показана властная иерархия монголов (беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим, хаган как абсолютный авторитет и божественный ставленник, механизмы наследования верховной власти), их военное искусство, дипломатия.

Внешняя политика монголов базировалась на их своеобразном понимании мира и своего в нем положения, т. е. на феномене, который мы определяем как имперскую идеологию [Дробышев, 2019, с. 28–31]. Этот аспект хорошо освещен в средневековой европейской литературе, причем разные авторы сообщают сходную информацию, которая, кроме того, вполне согласуется с данными других источников (китайских, персидских, армянских и др.). На Западе хорошо понимали, что кочевые вожди претендуют на власть над всей землей. Монгольская имперская пирамида власти нашла в европейских анналах адекватное отражение, адаптированное к христианскому мировоззрению: «Бог и сын его – на небе, Чиярхан (Чингисхан. – Ю. Д.) – на земле» [Матузова, 1979, с. 152]. Европейцы имели представление не только о реальной структуре монгольской власти, но и о ее идеологических устоях. В частности, им была известна идея кочевников о том, что хаганская власть простирается не только на человечество, но и вообще на всех земных тварей.

Разнообразие и во многих случаях независимость источников друг от друга позволяют полагать, что содержащиеся в них сведения о целях монголов относительно адекватно отражают эти цели, следовательно, мы можем на них полагаться в процессе реконструкции менталитета средневековых монголов. Взятые в совокупности, европейские источники доносят достаточно полную и многогранную картину воплощения монгольских имперских идей. Вместе с тем из восемнадцати (!) выявленных нами в средневековой европейской литературе целей, якобы стоявших перед монголами, лишь три нашли полное подтверждение (нападение на Русь, Венгрию и Польшу), а остальные либо были теоретически возможными, но по тем или иным причинам оказались не воплощены, либо просто являлись вымыслом самих жителей Запада.

Слабость этих источников заключается в следующем. Как правило, авторы убеждены (или стараются убедить свою аудиторию) в том, что монголы (=тартары) – это однородная масса дикарей, способных лишь убивать, грабить и разрушать, начисто лишенных культуры и погрязших в суевериях. Одна из главных их задач, порой позиционируемая как цель, – уничтожить христианство (главным образом посредством истребления христиан и разрушения храмов), а всех оставшихся в живых людей поработить не только физически, но и, что еще хуже, духовно. Подобные опасения высказывали и мусульмане. Однако такой сценарий, во-первых, совершенно не соответствовал религиозной ситуации среди самих монго-

лов и противоречил религиозной политике их элиты (см. установления на этот счет Великой Ясы), и, во-вторых, иное показал опыт подпавших под монгольскую власть русских княжеств (а также христиан Южного Кавказа и Ближнего Востока), где новые хозяева нисколько не заботились о вероисповедании своих данников и не преследовали кого-либо по религиозным мотивам.

Большинство авторов повторяет мысль, согласно которой Чингисхан сначала подчинился «попу Иоанну», которого современная наука идентифицирует с кереитским Ван-ханом Тоорилом, а потом восстал и разбил его, и лишь после этого им овладела идея мирового господства. Следует заметить, что эта мысль верна если не по форме, то по сути. Пожалуй, положение Ван-хана в кочевом мире будет корректно уподобить позиции чжоуского вана в китайском мире эпохи «Весен и осеней» (722–481 гг. до н. э.). Это во многом символическая фигура, формальный глава Поднебесной, хотя на практике он нередко не обладал влиянием за пределами своего собственного домена и не определял политику ни внутри Китая, ни вне его. Однако, сочетая сакральную власть с властью светской, он мог рассчитывать на достижение достаточно серьезных целей. Поэтому Тэмучжин едва ли случайно метил попасть в наследники кереитского ханства, что ему удалось сделать лишь путем розыгрыша хитроумной военной операции осенью 1203 г.

Разбираемые здесь источники были составлены по преимуществу в атмосфере апокалипсических ожиданий, вызванных к жизни приравниванием монголов к «нечистым» народам «Гог и Магог», которые после долгого заточения вырвались из-за гор для уничтожения человечества. Монголы расценивались в качестве «кары Господней», в чем европейцы были солидарны с мусульманами. Хуже того, их появление могло означать скорое приближение конца света, о чем имелось пророчество псевдо-Мефодия, широко известное во всей христианской ойкумене. Соответственно, европейские сочинения полны библейских аллюзий и негативных стереотипов и порой содержат сравнительно немного рациональных сведений. Источники встраивают монголов в библейскую «систему координат», где для них оказываются «зарезервированы» исключительно отрицательные роли и характеристики. В отличие от подавляющего большинства сочинений, созданных в лоне других культур (мусульманской, китайской и т. д.), они довольно часто сообщают о желании монголов перебить всех людей, чего на самом деле, конечно, не планировалось.

Некоторые европейские авторы знают титул Чингисхана и в исключительных случаях даже его детское имя Тэмучжин, хотя описывают его ранние годы очень неточно. Для большинства он – выходец из низов, ремесленник (кузнец, как следует из его имени), сумевший узурпировать власть, но изредка европейцы сообщают легенды о наделении его высшей

властью самим Богом, услышанные ими на Востоке. Иногда они передают те или иные установления Великой Ясы, отчасти перекликающиеся с известными из восточных источников, отчасти оригинальные. Авторство этих законов также приписывается Чингисхану. Гайтон даже назвал их «конституцией», что в каком-то смысле верно. По меньшей мере в изложении западных наблюдателей Яса не выглядит кодексом норм обычного права диких кочевых орд, это имперское законодательство.

Сохранившееся в архиве Ватикана письмо хагана Гуюка папе Иннокентию IV, перевод его же послания своему нойону Байджу, слова монгольского ультиматума русским князьям, озвученные на Западе архиепископом Петром, и грамота хагана Мункэ на имя Людовика IX, переданная через Рубрука, содержат ссылки на Чингисхана как на тот момент живого, хотя он скончался за десять лет до вторжения монголов на Русь. В рассказе о перипетиях посольства Асцелина к монголам на Южный Кавказ Симон де Сент-Квентин как очевидец неоднократно говорит о том, что монголы называли Чингисхана сыном Бога. Наряду с наличием в ханской орде статуи основателя Монгольской империи, которую видели члены миссии Платона Карпини, это, по всей видимости, говорит о его деификации в монгольском обществе уже к 1240-м гг. По сравнению с другими европейские источники в этом отношении особенно информативны, а позиция их авторов по понятным причинам резко отрицательная.

Передвижения монгольских отрядов по Европе освещаются с разной степенью детальности и достоверности. Чем дальше от субконтинента происходят описываемые события, тем меньше в их описании географической и исторической точности. Первые известия отчасти фрагментарны, отчасти легендарны. Положение изменилось в результате деятельности францисканских и доминиканских миссий, но только в конце XIII – начале XIV в. Марко Поло, Рикольдо де Монте Кроче, Гайтон доставляют на Запад более или менее полные и объективные сведения о монгольских завоеваниях на Востоке. Симптоматично, что лишь в виде исключения авторы говорят о покорении монголами «всего мира». Для европейцев большую и лучшую часть земли составляла Европа, которая выстояла в критический период монгольского нашествия в 1241–1242 гг. и, за исключением Болгарии и Сербии, не подчинилась захватчикам. Возможно, венгерский король Бела IV выплачивал монголам какую-то дань – что-то вроде откупа, но политически он от них не зависел. Уже в силу этих обстоятельств говорить о реальном воплощении монгольского замысла «мироустроительной монархии» было нельзя. Однако угроза этого существовала в течение нескольких десятилетий, держа в напряжении страны Восточной и Центральной Европы.

Сообщения европейских дипломатов демонстрируют дворцовые ритуалы и имперскую символику монголов. Столкновение Востока и Запада

произошло уже после того, как в 1229 г. знаменитый киданьский советник Елюй Чуцай внедрил их при дворе великого хана Угэдэя, ввиду чего эмиссары европейских монархов и Рима могли наблюдать смешение степных и китайских церемоний. Пожалуй, самой показательной из них, нередко становившейся для визитеров причиной опаснейших конфликтов, было преклонение на оба колена перед хаганом, его полномочным представителем или перед фигурой Чингисхана в ханской ставке. Это требование касалось всех облеченных властью персон и официальных послов, т. е. имело тотальный, имперский характер: каждый должен был продемонстрировать свою покорность великому хану. Отказ от его выполнения мог привести к тяжелым последствиям, даже к казни, как это имело место в случае с Михаилом Черниговским и его боярином Феодором в 1246 г.

Вопреки представлениям о монголах как о «всадниках апокалипсиса» европейские источники активно проповедуют идеологию сопротивления, которому просто нет никакой альтернативы. При всей кажущейся безнадежности ситуации в 1241–1242 гг. никто не призывает сдаваться на милость победителей. Монгольская власть изображается как царство ничем не сдерживаемого насилия и жесточайшего рабства, а сами монголы предстают в виде безжалостных убийц и грабителей, побеждающих исключительно «коварством», а не численным превосходством и тем более не доблестью. Благородные идеалы рыцарства от них бесконечно далеки. Русские летописи подтверждают, что главное оружие монголов – «коварство» и «лесть». Приводятся ссылки на слова самих монголов, что те якобы должны воевать определенное число лет (цифры несколько разнятся), а потом потерпеть поражение от какого-то неизвестного им народа. Ввиду отсутствия аналогичной информации в восточных источниках можно думать, что это был утешительный вымысел: «тартары» недолго будут терзать набегами Европу.

Европейские источники отразили практически все грани монгольской верховной идеи и методы ее реализации. Они демонстрируют основу легитимации высшей власти в кочевом социуме – Вечное Небо, завуалированное под образ христианского Господа Бога, позицию монгольского хана ханов в качестве единственного на земле законного представителя Бога, получившего от него право распоряжаться всеми людьми и живыми тварями, награждать покорных и карать «взбунтовавшихся», т. е. не пожелавших склонить перед ним голову.

Монголы, выражаясь современным языком, «переформатировали» существовавший до них мировой порядок. Они навязывали всем народам, включая европейцев, свое понимание устройства Вселенной, в которой они были «избранным народом». Разумеется, это не было чем-то сродни насильственному внедрению новой религии, подчас именуемой «чингизизмом»: для монголов XIII в. все верования существовали как бы внут-

при этого монгольского Универсума на равных правах и не требовали какой-то замены или модернизации, но нуждались в серьезной политической корректировке. Так, словив Аббасидский халифат, монголы не ликвидировали ислам, а уничтожили институт халифской власти. То же самое имело все шансы произойти с католической церковью: конкуренты в лице папы римского были кочевникам не нужны. По самому оптимистическому сценарию в случае победы они поставили бы в Риме полностью подконтрольного им священнослужителя, и не факт, что этим новым папой был бы вообще католик, а не, скажем, несторианец.

Итак, анализ сведений, содержащихся в европейских средневековых источниках, синхронных периоду максимального могущества монголов на мировой арене, позволяет совершенно четко квалифицировать Монгольскую империю как мощное государственное образование с врожденным импульсом экспансионизма, обусловленным как экономическими, так и идеологическими факторами. В европейских материалах монгольская имперская идея приобрела очень ясное звучание. Соперничать с ними в этом плане может, пожалуй, лишь арабо-персидская историография. Картина реализации этой идеи Хубилаем и его потомками, обнаруживаемая в юаньской и ранней минской историографии, очень выразительна, но выходит за географические и хронологические рамки нашего исследования.

Литература

Дробышев Ю. И. Монгольская имперская идеология: понятийный аппарат исследования // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований : сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию рос. акад. археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Кн. 2 / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 28–31.

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М. : Наука, 1979. 268 с.

Allsen T. T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley etc. : Univ. of California press, 1987. XVII+278 p.

Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Beitrag zur Frage der Volkerbegegnungen. Bern ; Munich : Francke, 1974. 251 s.

Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden : Otto Harrassowitz Verlag, 1993. 445 p.

Ruotsala A. Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001. 161 p.

Schmieder F. Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen : Thorbecke, 1994. 396 p.

Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // Byzantion. Boston, 1941. Vol. XV. P. 378–413.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОЙ ОНТОЛОГИИ

Аннотация. Несколько непрерывных теоретических «трагедий» (неприятие самостоятельной ценности типологии изолирующих языков, невнимание философов к теоретическому языкознанию, нелюбовь лингвистов к онтологии) до настоящего времени не позволяли выстроить научно обоснованное восхождение от типологического описания китайского языка к общим процессам порождения и восприятия и далее – к онтологии языка и бытия. Представляется возможным связать воедино три области, показать, как научное описание изолирующего языка может спровоцировать создание целостной онтологии во взаимосвязи с экзистенциальной философией второго периода творчества М. Хайдеггера, а также «снять противоречия» интерпретаций Хайдеггера, где бытие противопоставляется языку, а тезис «язык – дом бытия» рассматривается не более как симпатичная метафора.

Ключевые слова: китайский язык, топик-комментарий, экзистенциальная философия Хайдеггера, бытие, порождение-восприятие, экзистенция, трансценденция.

V. Kurdyumov

Moscow City Pedagogical University, Moscow

CHINESE LANGUAGE AND PHILOSOPHICAL ONTOLOGY

Abstract. Continuous theoretical “tragedies” (rejection of the value of the isolating languages’ typology, philosophers’ lack of attention to linguistics, linguists’ dislike for ontology) had so far not allowed to build a theory based ascent from the typological description to the general processes of generation and perception and further – to the ontology of Language & Being. It seems possible to connect three areas and to show how the description of an isolating language can provoke the creation of a holistic ontology in conjunction with the existential Heidegger’s second period of philosophy, and also – “to overcome the contradictions” of his exegeses, by whom Being is opposed to Language, and “Language – the house of being” is considered no more than a nice phrase.

Keywords: chinese language, topic-comment, Heidegger’s existential philosophy, Being, generation-perception, existence, transcendence.

1. Предпосылки

Представленная здесь концепция впервые подробно описана в трудах 90-х гг. и позже [Курдюмов, 2019; 1999]. Вместе с тем необходимость ее воспроизведения и более подробного разъяснения диктуется текущей ситуацией: формальным всплеском числа отечественных и мировых публикаций, в том числе по теоретической лингвистике и китайскому языку. Язык нужно описывать с теоретических позиций, при этом большинство начинающих авторов не испытывает интереса к «высокому» языкознанию, предпочитая эмпирические сферы. Следовательно, неизбежно повторяется риторика 50-х гг., когда основной пафос отечественной науки был направлен на преодоление марризма, в рамках стадийных представлений которого китайский язык считался бы «первобытным». Как правило, подобные авторы цитируют Фердинанда де Соссюра и требуют почтительно изучать достаточно простые положения трудов отечественных китаистов указанного периода.

Кроме того, серьезную «антитеоретическую» роль играет общий крен в сторону мелкоэмпирических исследований, оптимально отвечающий запросам вузовской наукометрии, рейтингов и слепо копирующий тенденции в области практико-ориентированных естественно-научных исследований.

Вместе с тем и в советской, и в зарубежной лингвистике 1960–1980 гг. были периодом расцвета теорий, эмпирически и по-новому объяснявших отдельные сферы функционирования языка: психолингвистики, лингвистики текста, синтаксической типологии.

Языки «других» типологий (условно «восточные» – де-факто изолирующие и агглютинирующие, не говоря уже о полисинтетических) опять же не стали новыми эталонами лингвистического описания. Хотя, казалось бы, если язык абсолютно не согласуется с категориями «европейского» языкознания, то эти категории и постулаты, порожденные латинскими и греческими грамматиками, необходимо пересмотреть, расширив до подлинно универсальных, как это многократно происходило с физикой или математикой.

2. Трагедия китайского и других нефлективных языков

Основой современных грамматик «школьного» и «вузовского» типов является предложенная в XVII столетии «Грамматика Пор-Рояля». Несмотря на постоянно приписываемую ей (интерпретаторами) философскую глубину, большую часть этой книги занимает перечисление и схематическое описание морфологических (в современном понимании) категорий французского языка. Традиционные же члены предложения, видимо, приобретают относительно завершенную трактовку в трудах мыслителя XVI в. Пьера де ла Раме (Рамуса).

Чтобы избежать теоретических противоречий, в настоящее время в ряде стран вместо теоретической грамматики используется парсинг – построение деревьев зависимостей, где сняты вопросы о природе тех или иных категорий.

С самого начала научного осмысления китайского языка (под которым долгое время понимался *вэньянь*) стал возникать вопрос о «нестандартности его категорий». Центральная, «божественная» категория европейской лингвистики – «слово», категории частей речи и членов предложения не находили соответствий в китайском, где односложные лексические единицы легко переходили в зависимые морфемы или соединялись в более сложные образования того же лексического уровня, части речи было невозможно зафиксировать в словаре, поскольку они «гуляли» в реальной речи, а попытка искать подлежащее и сказуемое приводила к постоянным натяжкам.

Все основные отечественные труды 1950–1970-х гг., собственно, и были посвящены борьбе с этой «нестандартностью» и поиску доказательств «нормальности» китайского языка. Это, видимо, сыграло позитивную роль в 1950-х гг., в ходе преодоления марристской яфетидологии, где китайскому отводилась роль «первобытного», но уже с 1960-х гг. подобные представления стали инерционной догмой, которая мешала дальнейшему осмыслению.

3. «Авангардные» труды 1960–1980-х

Под авангардными имеются в виду труды, в которых пересматриваются устоявшиеся представления о характере и сущности китайского языка и языка вообще, при этом долгое время изложенные в них теоретические взгляды либо замалчивались, либо демонстративно отрицались.

Прежде всего это грамматика Чжао Юань-жэня 1968 г. [Chao, 1968], где впервые обоснована концепция топикового (а не «традиционного» подлежащего) характера китайского языка. В 1976 и 1981 гг. топиковая концепция получила новое развитие в трудах Ч. Ли и С. Томпсон [Ли, Томпсон, 1982; Li, Tompson, 1981], которые показали не только антагонизм топика и комментария по отношению к подлежащему и сказуемому (обрисовав явные формальные признаки двух пар), но и универсальность топиковых структур: и переходные, и типичные агентивные структуры (*Книга лежит на столе*) могут рассматриваться как производные от топиковых [Коцик, 2019].

Топиковая концепция испытала этап массового неприятия: «обычные» лингвисты видели в топике и комментарии повторение банальных темы и ремы, а китайцы, прежде всего в СССР, всячески отрицали саму возможность постановки проблемы [Там же].

В 1960–90-х гг. активно развивалась семиодинамика – учение, подразумевавшие пересмотр диалектического метода с заменой дихотомий/антиномий триадами, тетрадами и т. п. С этим направлением на начальном этапе своей лингвистической научной деятельности частично ассоциировался Г. П. Мельников [1990; 2000], предложивший триадичные понятия *предиканда*, *предикатора* и *предикации*, а речепорождение осмысливавший как акт предикирования, ведущего к новой когнитивной реальности – новому/уточненному образу ситуации.

Советские лингвисты А. Ф. Тарасов [1987] и Е. В. Сидоров [1987] предложили трактовку языкознания как теории речевой деятельности, полагая, что нужно изучать не гумбольдтовский «продукт» («эргон»), а «энергейю» – процесс, который обладает системной организацией. Тогда в центр рассмотрения ставится текст как сопряженная модель речевого акта, учитывающая коммуникантов.

Авангардную методику перевода китайской поэтической речи предложил Ю. А. Сорокин [1979], по сути, вскрыв неустойчивый морфемный

характер китайских лексических единиц («поморфемный перевод» – направление, де-факто со скандалом «закрытое» благодаря усилиям известных китаеведов-переводчиков, исходивших из того, что «слова» необходимо переводить «как слова»).

С 1960-х гг. вплоть до начала 1990-х бурно развивалась лингвистика текста, прошедшая этап от абсолютного неприятия текста как единицы до фактической интеграции в общее языкознание в виде уровневой отрасли типа морфологии или фонологии (затем наступил провал, с последующим ныне странным осознанием лингвистики текста как чего-то нового и необычного). Текст играет огромную роль как персонифицированная целостная единица акта порождения, предназначенная для целостного же восприятия. Наряду с трудами Т. ван Дейка в советском языкознании выдающимся явлением стала книга Ю. В. Попова и Т. П. Трегубович [1984] и чуть раньше – диссертация Т. П. Трегубович [1978]. Они предложили: а) динамическую концепцию порождения и восприятия как процесса актуализации в рамках и по законам актуализационной нормы, б) конкретный алгоритм анализа газетных новостных текстов. Частично методика такого анализа была разработана в ГДР, где наряду с Румынией это направление плодотворно развивалось, но именно эта книга познакомила отечественного читателя с переходом от абстрактных рассуждений о природе текста к совершенно ясным и последовательным принципам анализа. Безусловно, как показали современные труды, предложенные этими авторами, алгоритмы совершенно блестяще могут быть апробированы на материале китайского языка [Курдюмов, 2019; Симатова, 2012]. Опять же, книга «Текст: структура и семантика» почти не известна современному массовому лингвисту.

Н. Хомский в 1960-х гг. усовершенствовал порождающую грамматику [Хомский, 1962], и вплоть до начала 1990-х гг. предлагал все более новые ее модели. Однако «динамической революции» не произошло: теория о переходе единственной/базовой глубинной структуры к структуре поверхностной, описываемая как серия формализованных процедур, заменив в США и многих странах Азии лингвистику в целом, не решила проблем теории, Хомский не перешел от описания уникального акта к описанию системного процесса.

Отечественные психолингвисты, в частности А. А. Леонтьев [1963; 1997] и Т. В. Ахутина [1989], описывая результаты экспериментов, отмечали роль топика в порождении и восприятии, хотя не придавали этому решающего значения, поскольку предпочитали говорить не о «структурах», а об «операциях».

В философии, особенно европейской, период после Второй мировой войны стал периодом осознания роли языка, понимания того, что мы имеем дело не с реальностью, а с ее мыслительными/языковыми конструкта-

ми. Первые шаги в этом направлении сделал Л. фон Витгенштейн [1958], затем с 1946 г. стали появляться фундаментальные работы М. Хайдеггера. Де-факто М. Хайдеггер перешел к пониманию Бытия как выводного по отношению к Языку, а язык стал описывать как процесс (в идеале, преодолевающий частичность индивидуального бытия) [Хайдеггер, 1991 а, б; 1993; 1998]. Но М. Хайдеггер, преобразовавший современную западную философию, не понимал и не любил лингвистов.

То есть к началу 1990-х гг. были созданы предпосылки для:

- интеграции китайского языка в систему универсального языкознания,
- построения на основе новейших данных типологии (Г. П. Мельников, Ч. Ли и С. Томпсон) «расширенного», «пересмотренного», «максимально универсального» языкознания,
- осознания языкознания как наивысшей степени абстрактной философии («суть языка – суть бытия»).

Но, к сожалению, в 1990-х гг. мировое языкознание испытало сначала «разрыв», а в России – откровенный провал, а потом стало восстанавливаться как нечто и приземленно эмпирическое, и местами избыточно спекулятивное.

4. Топик в порождении-восприятии

В наших трудах мы подробно рассматривали универсальность категорий топика и комментария (выделенных Чжао Юань-жэнем [1968] и Ли и Томпсон [1982; 1981] как специфических для китайского языка и доминирующих в нем): фактически не только синтаксис, но и абсолютно все сферы можно истолковать как производные от первичного предикативного отношения. Текст – целостное личное послание, производное от первичной *идеи*: пары «топик и комментарий». Дискурс – бесконечное порождение текстов с общим топиком. Части речи – «морфологическая» (причем в разной степени в разной типологии языков) адаптация топика и комментария. Типология логично объясняется в зависимости от преобладающего типа предикативных отношений в том или ином языке.

Напомним, что при порождении-восприятии речи могут быть выделены (представленные структурами) следующие этапы.

Порождение. «Дотопиковый этап»:

- визуальный образ исходной ситуации,
- расчленение ситуации,
- осознание связей между элементами «картинки»,
- выделение главной связи,
- преобразование связи в предикат, а элементов в актанты и формирование полиактантной теньеровской структуры.

Порождение. «Топиковый этап»:

- выделение одного из актантов в качестве топика, перевод остальных актантов в состав предиката: формирование исходной идеи текста,

- формирование текста: серия изоморфных преобразований топиковых структур – в себе подобные, в свернутые до оборотов и лексем, до междометий и частиц, развернутые до СФЕ, «синусоида скачков по уровням»,
- перестройки синтаксических структур до дополежащих,
- формирование образа текста (и предложения) как знака,
- «выход на поверхность» в виде несубъектного физического («материального») знака.

Отражение – восприятие – познание:

- отражение знака в сознании,
- осознание «что о чем», выделение идеи предложения и текста,
- воспроизведение (в идеале – зеркальное, но невозможное) предикационной цепи говорящего в обратном порядке,
- формирование уточненного образа ситуации,
- провоцирование последующей коммуникации.

5. Предикационная цепь как техника языка/коммуникации

Поскольку на основном «структурном» этапе речь идет о преобразованиях изоморфных бинарных структур типа «топик – комментарий», то весь процесс может быть охарактеризован как предикационная цепь – переход от одной предикативной пары к следующей. Предикация, таким образом, становится техникой коммуникации, а язык осознается именно как совокупность бесконечных процессов порождения и восприятия, а не «система» знаков, «выпадающая в осадок» при регуляризации «материальных» этапов цепи.

Языкознание становится «динамическим структурализмом»:

- изучается и моделируется процесс,
- процесс закономерен, системен и бесконечно воспроизводим,
- этапы процесса воплощаются в верифицируемых структурах,
- базовой структурой является элементарная предикативная пара «топик – комментарий», изначально предложенная в ходе анализа китайского языка,
- базовой операцией становится элементарный шаг трансформации «топик – комментарий».

6. Многомерная универсальная модель языка

Модель языка как процесса (двухмерная, «плоскостная» как минимум) может быть получена путем сведения (условно «горизонтальной») оси порождения-восприятия с нулем в области внесубъектного материального знака и (условно «вертикальной») оси уровней языка, включающей бесконечное число уровней. «Нулем по вертикали» будет как раз воплощающее идею элементарное монопредикативное предложение. Уровни выше будут развертываться по принципу распространения идеи за счет включения подчиненных, но не утверждаемых идей, уровни ниже – свертываться до подчиненных идей, которые потенциально могут быть развернуты и утверждены.

7. Экзистенциальность Хайдеггера и уровни коммуникации

Фраза Хайдеггера «язык – дом бытия» постоянно воспроизводится и при этом отчего-то считается красивой метафорой. Между тем Хайдеггер пытался объяснить, что индивидуальное бытие «обрисовывается» лишь в коммуникации. Максимально радикальное осознание коммуникации подразумевает тотальность языка и ничтожность человека как лишь знака, подлежащего становлению как Бытия в процессе.

«Низший» уровень коммуникации – повседневность, бытовой язык, «и празднословный, и лукавый» (А. С. Пушкин), обслуживающий лишь взаимную координацию общающихся (функция языка в понимании Е. В. Сидорова – А. Ф. Тарасова – координативная, интерактивная).

Познание человека, создание знания – суть коммуникация «внутри», следствие бесконечного (пере-)осознания образа ситуации (функция языка в понимании Г. П. Мельникова – когнитивная). Знание – суть «уточнение» мира, движение к достижению его прозрачности в языке.

Фрагментарная «прозрачность» – редкое состояние «полного понимания», единства мира и его сущности в языке (полагая, что именно об этом писал М. Хайдеггер, мы можем данный тип функции назвать экзистенциальным и при этом высшим, абсолютным – применительно к нашему бытию). Экзистенция – суть движение к трансценденции, трансценденция в том языке, в котором живем мы, не нуждается. Именно поэтому в нашем постижении ось уровней языка завершается «отрицанием языка», идущим вслед за языком как высшим уровнем самого себя.

8. Единство функций языка

Описанные три варианта функции языка, предложенные тремя разными направлениями (*обыденный язык, познающий язык, язык, ведущий к прозрачности*), позволяют говорить об онтологическом единстве функции на всех трех этапах: *язык всегда экзистенциален, что следует из его когнитивности, что вытекает из его интерактивности.*

Таким образом, в данной краткой статье описана вполне реальная связь между введением в лингвистический оборот подлинного типологического облика китайского языка и приведением этой отрасли знания в ее наиболее естественное состояние – осознание лингвистики как финальной философии, того же способа достижения прозрачности бытия и сущности коммуникации.

Литература

Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М. : Изд-во МГУ, 1989. 215 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Добронравова и Лахути Д. ; общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. М. : Наука, 1958 (2009). 133 с.

Коцк К. Э. Топиковые структуры в современных лингвистических парадигмах : дис. ... канд. филол. наук. М. : Воен. ун-т, 2019 а. 308 с.

Курдюмов В. А. Динамический подход к научному изучению китайского языка // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 285–291.

Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Воен. ин-т, 1999. 194 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : Наука, 1969. 307 с.

Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М. : Прогресс, 1982. С. 193–235.

Мельников Г. П. Принципы и методы системной типологии языков : дис. ... д-ра филол. наук. М. : ВКИ, 1990. 406 с.

Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной : курс лекций. М. : Изд-во РУДН, 2000. 90 с.

Попов Ю. В., Трегубович Т. П. Текст: структура и семантика. Минск : Высшая школа, 1984. 189 с.

Симатова С. А. Способы выражения модальности в языке // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2012. № 7–8 (27–28). С. 128–134.

Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М. : Наука, 1987. 140 с.

Сорокин Ю. А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М. : Наука, 1979. 327 с.

Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики / отв. ред. Ю. А. Сорокин ; АН СССР, ин-т языкознания. М. : Наука, 1987. 168 с.

Трегубович Т. П. Опыт анализа семантико-синтаксической структуры текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1978. 28 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.

Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991а. Вып. 1. С. 37–47.

Хайдеггер М. Мысли. Постулаты. Афоризмы. Философские интерпретации. Тезисы. Минск : Современное слово, 1998. 384 с.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М. : Высшая школа, 1991 б. 191 с.

Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1962. Вып. 2. С. 412–527.

Chao Y. R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley : Univ. of California Press, 1968. XXXI, 848 p.

Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley : Univ. of California Press, 1981. XVIII, 691 p.

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА И ТОЛКОВАНИЯ ТЕКСТОВ
В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ****(Доклад на «Ш Готлибовских чтениях»,
г. Иркутск, 15 сентября 2019 г.)**

В таких выступлениях я стараюсь говорить о том, что еще только надвигается, созревает, о чем-то таком, что мне самому непонятно. Меня однажды спросили: «Почему ты с таким драматизмом выступаешь?» Отвечаю: «Потому что я всегда говорю о том, чего сам не знаю». И, чувствуя предел своего знания, я начинаю заводиться, кипеть, отчасти осознавая свою беспомощность. Начинаю искать собеседника, который может мне помочь понять это. С этим я совершенно серьезно обращаюсь к вам, чтобы было понятно, как нужно воспринимать то, что я говорю.

Я буду говорить не о том, что я знаю (кому нужны прошлые достижения?), а о том, что может быть. А в пределе не может не быть как раз того, чего не может быть. Подумайте об этом. Не может не быть только того, чего еще – и всегда! – нет. Вот о чем пойдет речь.

А между тем не такова ли сама Россия? Часто говорят, что Россия всегда осваивала, колонизовала себя. Россия вечно «колонизируется». Она, прямо как Дао в китайской мысли, «сама из себя», «сама по себе такова». Она делает себя, чтобы быть собой, и значит, ей нечего делать, а остается просто спонтанно быть. А чтобы быть спонтанно, надо не быть чем-либо. Таков же, думаю, смысл очеловечивания человека. Человек может быть, только сознавая свою причастность к вселенскому строю вещей и, значит, сознавая свою ничтожность перед ним. Мы понимаем свое величие, лишь умаляясь перед «вечностью бескрайних пространств». Хитрая получается ситуация. Чем больше я умаляюсь, тем более я приобщен к великому. Я почти цитирую, кажется, концовку пятой главы «Чжуан-цзы»: «Велик, потому что он приобщен к миру. Ничтожен, потому что он таков перед миром». Так что прошу пытаться меня понимать именно в таком ключе.

Тема у нас заявлена «Проблема перевода и толкования текстов в культурологической перспективе». Сегодня я буду говорить, может быть, минут пятьдесят и выскажу только одну мысль – центральную, я надеюсь, что мне удастся внедрить ее в ваше сознание и вы будете с ней дальше жить. Поэтому я не буду много распространяться о том, как надо переводить. Но кое-что о практике перевода я все-таки хочу сказать, с этого я хочу начать, чтобы было понятно, в каких рамках пойдет разговор. У меня есть свое представление о том, что такое перевод, и оно чисто практиче-

ское. Это только ноу-хау, больше ничего. Практическое знание, потому что я все-таки перевел немало книг за свою жизнь, штук двадцать-тридцать. Значит, у меня есть опыт, а без опыта говорить не о чем в этих областях. Переводил с разных языков, но в основном с китайского. О том, что сложилось у меня в уме на основании этого опыта, я и хочу вам поведать.

Я считаю крайне малоценными издаваемые у нас книги по теории перевода. Потому что они, как и большая часть учебной литературы, основаны на наивных, подростковых представлениях. Прочитанные мной книги о переводе, ничего мне не дали. Допустим, как переводить поговорки? Вот русская поговорка: «Назвался груздем – полезай в кузов». Ее предлагают как эквивалент французскому выражению *noblesse oblige*, т. е. «знатность обязывает». Но разве крестьянская поговорка в России может соответствовать аристократической идиоме во Франции? Говоря словами советского вождя, по форме правильно, а по существу издевательство.

Я предлагаю увидеть перевод как процесс из нескольких ступеней. В любом ремесле существует последовательность операций, которые вы должны выполнять. Через год, если вы хорошо учитесь, вы уже забудете эти этапы. Так осваивается любое искусство. И наконец, если вы виртуоз, то вообще не помните, чем вы занимаетесь. Виртуоз-скрипач не помнит ни скрипку, ни смычок, он не знает себя, даже музыки он, наверное, не знает, не помнит ее. Но ведь не скажешь, что он не имеет сознания. Он имеет какое-то особое, высшее сознание. Я бы сказал, что он чувствует алгоритм своего действия. И это сознание относится к обычному предметному сознанию примерно так же, как пилот самолета, который взлетает над землей и опускается в другом месте. Один русский писатель сказал: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». По-моему, это сказано о переводчике.

Здесь нужно сделать небольшое отступление о том, почему именно таким образом китайцы учат как написанию текстов, так и их переводу, а заодно и всему остальному. То, о чем я сказал выше, – чисто китайская вещь. Китайцы именно так обучают и именно так требуют делать, потому что для них учение совпадает с жизнью. Это, на мой взгляд, главный тезис китайской культуры, и вы не думайте, что это близко Европе. Иммануил Кант утверждал, что мы учимся, чтобы иметь знание. Как только мы получаем знание, мы заканчиваем учение и дальше применяем знание соответственно ситуации. Но чтобы с уверенностью сказать, что учение – совершенно самодостаточное, само себя оправдывающее занятие и оно выше знания, надо быть китайцем. Потому что европеец в первую очередь спросит: для чего учиться? Ответ китайца – для учебы! Если ты не учишься, ты не человек. Есть в нашей жизни некие абсолютные величины, которые сами себя оправдывают, например: «Я учусь, чтобы практиковать

учение, это ли не радость?». 学而时习之, 不亦说乎. Это первая фраза «Лунь юй», с нее китайцы всегда начинают, чтобы познать и больше не забывать: «учиться во всякое время, ко времени прикладывать или использовать, применять то, что вы выучили». Если вы хотите посмотреть на более древние толкования этой фразы в самом Китае (что такое 学 и 习), то для этого можно обратиться, например, к «Бай ху тун» («Всепроницающие суждения из Зала белого тигра»), компендиуму эпохи Хань, I в. н. э. Там объясняется, что 学 означает «учение», т. е. 解, «понимать, разъяснять для себя», и 悟, то самое, которое вошло в наш лексикон под японским именем «сатори» – «прозрение». Это, конечно, очень простое толкование, в стиле стандартного рассказа про какого-нибудь чаньбуддийского наставника: «приходит молодой монах: “Хочу узнать, что такое Будда”. “Садись медитируй”. Три часа помедитировал. Наставник: “Понял?” – “Понял”. “Иди”». Это пример экстремальной ситуации, даже маргинальной, если сравнивать со всей китайской традицией (но без такого тоже дело не обходится), в ней сквозит явная литературность, вот и наше толкование 学 именно таково. Но давайте все же оттолкнемся от него и вернемся к процессу обучения.

学而时习之 – это самая сердцевина китайского духа. Что имеется в виду? Конфуций говорит: «Если будешь *пря́м*, будут слушаться без приказаний». «Прямой» это 正. Но ведь 正 в древнекитайском языке – это поза человека, сидящего прямо в ритуальной позе. Он представляет предков. Какова же эта поза? Она могла быть разной. В древности говорили «сидит как колокол», в современных текстах чаще пишут «как гора». А перед ним все стоят как стебель – младшие стоят перед сидящим старшим. Кстати сказать, в «Чжуан-цзы» мы читаем: «Мудрый есть человек, который, сидя как труп, являет драконий образ (то есть апофеоз жизненности), а, храня глубокое безмолвие, издает громовой глас». На мой взгляд, это и есть квинтэссенция китайской мудрости: сидит как труп, а являет образ жизни, апофеоз жизни. Молчит, но издает громоподобный звук. Как это? Молчит, но говорит; сидит как труп, но живой, «живее всех живых», так сказать. Таков китайский мудрец: он живет невозможным и как раз поэтому возвещает неизбежное.

Давайте задумаемся, почему сказано именно так? И почему для учения нужно выпрямить себя? Потому что, если вы выпрямите себя, все пойдет как по маслу. Весь смысл вашего учения – выпрямить себя, а тот, кто себя выпрямляет, входит в гармонические отношения с другими людьми, а это очень важно, ведь мы социальные существа. Если человек не прям, он отталкивает от себя других: о чем и как с ним говорить? Такой человек может быть клоуном в цирке, над ним даже будут смеяться, но это не норма. А если я себя выпрямляю, то я поступаю так не только по

отношению к самому себе. И для самого себя я есть 正人君子, как говорят китайцы, «прямой человек – благородный муж». Благородный муж не может ходить, скривившись, иначе какой же он благородный?

А стоять прямо нужно следующим образом: копчик центрирован и прям, 尾闾中正. Далее, согласно принципам цигун, ци будет протекать свободно, а значит, дух проникает макушку 神貫頂, а ноги как бы врастают в землю. Что нам это дает, если дух проникает макушку? Это необходимо, чтобы он наполнил вас до конца, а сделать это можно, только если вы прямые. Легко ли это сделать? Может, и нелегко, зато это уж точно можно сделать в любое время, как говорил Конфуций. В лифте, например: вошел и вместо того, чтобы глазеть по сторонам, тренируешься, пока едешь до десятого этажа и обратно.

Вот что нам необходимо для того, чтобы понять, из чего растет вся китайщина и китайские тексты, которые необходимо переводить и толковать. Потому что они порождены именно этим движением – *выпрямлением*, поиском точности жеста. Как в каллиграфии, которая по-китайски и есть подлинная жизнь. Китайские тексты буквально написаны каллиграфами и притом в самом широком смысле: каллиграфами души, так сказать. Были, конечно, и другие люди: кто-то занимался торговлей, кто-то войной и т. д. Но тексты, о которых мы рассуждаем, – даже если их авторы имели какую-то ограниченность, присущую каждому отдельному человеку, – именно из этих мотивов написаны.

Итак, нужно понимать, что ты можешь в любой момент выпрямляться. Дальше – сложнее. Нужно не только понять идею – я вам их сколько угодно могу назвать. Скажу, например, что китайская мысль стоит на идее превращения, ну хорошо, а что из этого следует? Вот это гораздо труднее понять. Да еще и связать это все в единую паутину. Или могу сказать, что китайцы все создали на ритуале. Как к этому относиться – как к анекдоту или всерьез, как к большому обещанию, выдуманному человеком? Здесь кроется настоящая проблема перевода, но мы к этому еще вернемся.

Давайте теперь поглядим, что все вышеизложенное означает для нашей техники перевода.

Для начала напомним два важных момента. Первое: вы переводите постоянно, в собственной голове, и делаете это бессознательно. В этом смысле мы все переводчики милостью божьей. «А что он хотел сказать?» – спрашиваете вы себя и в этот момент уже переводите. Наша задача – перейти от поверхности, от того, что нам понятно, и войти в глубину душевного состояния. Второе: что есть предмет перевода, что конкретно мы переводим? Есть слова, есть предложения, но вы знаете, что мы переводим смысл. А где находится смысл? И вообще, есть смысл или его нет в данном предложении, пассаже или целом произведении? Известна история про академика Алексева: студенты хотели над ним подшутить, выре-

зали наугад иероглифы из газет, перемешали и наклеили в произвольном порядке. «Василий Михайлович, вот что-то не можем понять. Понаписали тут». Он посмотрел: «Тут все ясно!» – и перевел. Этим велик китайский язык: перевести можно решительно все. Теперь обратный пример, случилось это со мной. Я хоть и Наполеон в деле перевода, но у каждого Наполеона, как известно, есть свое Ватерлоо. Случилось это в одной старинной школе на севере Фуцзяни. Во дворе школы в углу были свалены каменные плиты, эпитафии разным примечательным людям. Среди них была эпитафия какой-то добродетельной вдове. Меня попросили перевести, а я не смог, потому что там не было ничего, что, по нашему мнению, даже отдаленно имеет отношение к женщине, к вдове, к добродетели. Вообще ни единого слова об этом. Были птицы, были какие-то исторические персонажи и прочее. Текст был целиком иносказательный, один тонкий намек. И я не смог перевести. Так что мы в итоге переводим? Где искать этот смысл? Это задача номер два.

А теперь к самому процессу перевода. У него, как мы договорились в самом начале, есть последовательность и определенные этапы. И сначала это уровни не самого перевода, а пока еще понимания текста, поиска смысла.

Первый уровень – это лексика и морфология. Эта схема может быть обращена как к китайцам, изучающим русский язык, так и к нам. Какая особая морфология там у них в китайском языке, это отдельный разговор, но тем не менее слово имеет структуру, так же как и иероглиф, только у него она, естественно, совсем иная. В русском же языке мы имеем префиксы, корни, суффиксы, окончания. И если мы говорим *книга*, *книжка*, *книжонка* или *книжища*, то мы сходу определяем какой-то важный ракурс вещи в нашей оценке. Тот самый «смысл» состоит из двух моментов: объективное корневое значение этого понятия (*книга* как родовой элемент) и субъективный элемент или чувство, наша оценка этого явления. Тут проявляется важное различие между языками. Русский язык очень гибок, податлив для индивидуального вкуса, поэтому русский человек обязательно выкажет вам свое отношение к обсуждаемому предмету: нравится, не нравится. Азиаты этого никогда не сделают. А русский морщится, вставляет вместо *книга* что-то иное: *книжонка*, *книжища*. И так, выбор слова определяет ваше отношение, это крайне важно. Это зависит от суффикса или от префикса, например, в глаголах. Как бы там ни было, именно морфология сразу же дает нам сигнал. На этом же уровне у нас находится лексика, если говорить о слове. Почему именно это слово выбрано, а не другое? Если мы владеем русским языком, мы тут же смекаем с первой фразы: ага, вот что, значит, удумал, наш автор. Мы сходу можем определить, что он имел в виду. *Вот мой домик*, хотел бы сказать китаец, да не может: у него нет этого суффикса. Если ему надо сказать *собачонка*,

то что у него есть? 小狗, да? Он по-другому это выразить не может. Значит, когда мы переводим 小狗 на русский язык, мы не знаем, то ли это собачка, то ли маленькая собака, а может, собачонка. Ведь китайцам надо объяснить разницу между собачкой и собачонкой. Уменьшительно-ласкательное наименование – да, но совсем уменьшать – значит сделать вещь презренной, неценной. Собачонка – это когда так мало, что уже плохо, ведь «мало» тоже должно быть в меру, только тогда это будет хорошо. И русский язык весь на этом: чайку, кофейку. Вам же могут сказать чай, но в поездах я слышу только чаек, кофеек.

Морфология китайского иероглифа, т. е. совокупность его составных частей, – это отдельный разговор. Новички, изучающие поэзию, любят вокруг этого разводить всякие разговоры: «Ух, какое там сочетание!» И действительно, возьмем, к примеру, иероглиф 女 «женщина». Что он изображает? Существо человеческое, сидящее на коленях, сложив руки сбоку или на груди. Вот так китайцы понимали суть женщины. Перед кем же она сидит? Прислуживает мужчине, скорее всего. Получается, что из всего того, что относится к женщине, был выбран этот элемент: он социальный, он очень китайский. Другой пример: иероглиф 東 «восток», изображение того, как из-за дерева встает солнце. А как еще отметить восток? Как я пиктографически покажу, что это восток?

И все же, насколько это важно в категории *смысла*, это вопрос. Может, и важно, но вы сами отлично знаете, что китайцы не придают этому значения, а смысл – это все-таки трансформация значения: когда оно превращается, переносится куда-то еще, тогда возникает смысл. Потому что смысл – это со-мысль. Да, в том, что солнце и дерево вместе, тоже есть смысл, но ведь иероглиф «восток» может употребляться где угодно, порой совсем в другой системе координат. Это просто знак, а в качестве условного значка для востока вы можете взять что угодно. Как это и делается в гадательных системах – там же нет какого-то реального востока, например, в фэншуй. Точнее он есть, но относится одновременно к целому вееру понятий, их там десятки. Он имеет коннотации с другими понятиями: организм, космос, социальная организация и т. д. Такая же картина с иероглифами 阴 и 阳, все это вам известно. Другими словами, значение иероглифа – это отдельный вопрос. И насколько надо увлекаться семантикой иероглифов при переводе – тоже.

Это мое предостережение, кстати, относится и к китайцам тоже. Например, на Тайване была написана диссертация о русских и китайских фамилиях. Там все было замешано на том, что фамилии у русских так или иначе с чем-то связаны: с топонимом, частями тела, характером и т. п.: Сухоруков, Слепцов, например, это все имеет отношение к индивидуальным особенностям человека. У китайцев так только отчасти, поскольку в китайском языке фамилия никогда так не воспринимается. Она вообще

подобно мандату Неба, падает как снег на голову. Например, никто не станет думать, что Мао Цзэдун – это Волосов. Или, скажем, моя фамилия на китайском – Ма, т. е. лошадь, и я очень люблю на эту тему шутить. А для китайцев ничего смешного в этом нет. Не зная этого, можно очень далеко зайти с китайскими фамилиями, что совершенно не свойственно китайскому восприятию. Это немножко обижает иностранцев: ну как же так, такая бездна смысла могла бы быть в этом Мао, сколько смысловых ассоциаций можно из этого извлечь. Все потому, что мы очень любим балагурить, балагурство – исконно русское занятие. И тут нам тоже хочется все обыграть. Китайцы, впрочем, тоже любят, только они не балагурят, у них это настолько серьезно, насколько возможно.

Итак, лексика и морфология – это первое. И мы пока сделали только первый шаг к смыслу.

Второй уровень – это **синтаксис**. Мы переходим к предложению и смотрим его структуру. Опять-таки в русском языке все очень многообразно и разнообразно, а в китайском особо не разгуляешься: строгий, неизменяемый порядок. Смысловый акцент во фразе китайцам не понятен, приходится очень долго объяснять им разницу между фразами «*ты пойдешь в кино?*», «*ты пойдешь в кино?*» и «*ты пойдешь в кино?*». Понять им это удастся только со временем. У китайцев есть только однорядовые единицы смысла и нет иерархии, подобно той, что заложена в русской разговорной речи, в синтаксисе, в соподчиненности членов предложения. Китайское предложение отличает параллелизм: члены предложения отражаются друг в друге, и таким образом получается, что перед нами проходит лента жизни, как галерея зеркал, в которой все равноценно. В этом тоже есть свои достоинства. Как это отражается на восприятии мира?

Первое, что приходит в голову: такой подход требует от нас развития чувствительности, умения замечать все детали. Тогда как русский человек и европеец бежит за идеей, которая вытекает из дискурса, он стремится выхватить идею из вот этой соподчиненности фраз, вывести смысл фразы, абзаца, главы, целой книги. Этим он отличается от китайца. Что такое китайская энциклопедия? Это просто цитаты, вырванные из контекста, а иногда просто примеры того, где употребляется этот иероглиф, и на этом все. Это не имеет никакого отношения к смыслу в нашем понимании. Вы будете искать, что такое «человечность», а найдете просто двадцать выписок из разных произведений с вариантами применения этого иероглифа, подход формальный. Ну и, конечно, в трех четвертях случаев эти примеры вообще не имеют отношения к истолкованию понятия «человечность» в нашем понимании. Просто кто-то из мудрых употребил его вот так, ну, значит, будет так. Чистый филологизм, я бы сказал. Вот он, параллелизм, т. е. равноценность, сосуществование всех вариантов. В той же мере это касается синтаксиса.

Третий уровень – это **стилистика и тропология**. Стиль вырастает из соединения субъективного и объективного факторов, а на его поверхности – морфология и синтаксис. Он является центральным пунктом для понимания смысла, он генерирует смысл, поскольку удостоверяет внутреннюю преемственность речи или текста. Стало быть, он создает при чтении некий коммуникативный – и кумулятивный! – эффект. *Над вымыслом слезами обольюсь*: почему литература на нас так действует? Потому что она имеет стиль, мы верим стилю в тексте, как и в человеческом поведении. Кстати, истоком стиля является именно человеческое тело, динамизм телесного опыта, который подспудно определяет и личность, и характер человека. *Le style c'est l'homme*, «Стиль – это человек», – говорят французы. Мерло-Понти назвал человеческое тело «чудом стиля». Облик, манеры, голос, взгляд – всем этим вместе создается личность. Поэтому произведение должно быть стилистически определенным, оно несет на себе печать личностного стиля. А современная литература стоит на *ломке стиля*, она бесстильна по определению. Почему? Потому что стиль заставляет нас верить в то, что мы говорим, стиль – это истина. Однако в условиях кризиса идеологии на Западе (а именно соответствия определенных посылок выводам, т. е. логическим рассуждениям, лежащим в основе идеологии) мы перестаем верить во все то, что нам говорят. Как верно подмечено, мы живем в век опошленных истин. Все вроде правильно, а мы не верим или нам неинтересно. Таким образом в человеке рождается внутренний протест, как у «человека из подполья» Достоевского. Розанов еще в 1911 г. метко заметил: «*Венцом революции, если она удастся, будет великое желание – уснуть*». И дальше он цитирует фразу из пьесы Горького: «*Ой, не хочу чаю, уберите вадку!*» Вот он, тот современный нигилизм, литературный образ которого проявляется через бесстилье или *слом* стиля, здесь же всякие стилистические симулякры, претензия на стиль там, где его нет, и т. д. Тут масса возможностей для игры. Мне кажется, что на этом стоит современная литература, но мне это почему-то неинтересно. Оплевать великий стиль в принципе каждый может. И это качество нашего времени, когда господствует низкопробное. А причина – капитализм. Ибо то, что продается и покупается, а нынче это все, есть пошлость и вызывает недоверие и раздражение.

Возвращаясь к стилю, обозначим, что он имеет свою структуру, свой гомологический ряд – от телесного переживания до мировоззрения. На этой основе создается образ мира как таковой. В Китае это особенно важно. Стиль важен в Китае как иносказание, он соответствует эпическому моменту в китайской литературе и основывается на иносказательности. Говоря стильно в китайской традиции, я говорю *всегда иное и всегда об ином*. Я говорю об ином и *вечно иное*. Помните, мы говорили о добродетельной вдове: в ее эпитафии нет ни вдовы, ни добродетели, но все знают,

что речь идет о ней. Такова вежливая, церемонная речь, т. е. речь церемонно обходительная и предупредительная. Таким образом, стиль определяет, удостоверяет себя через словесные тропы, всевозможные фигуры речи: метафоры, аллегории, аналогии, а также особые модусы: иронию, комизм, сарказм. Но где в тексте ирония? Можете ли вы сказать точно? Тропология в китайском тексте не видна. Например, цитаты там скрытые, а явные встречаются довольно редко. Ибо смысл в «высоком стиле» не может быть легкодоступным. Его поймет тот, кто образован, а необразованному и знать не нужно, Интересно, что в переводе русский язык позволяет без больших проблем обойти эту трудность. Вот один пример. Много лет назад я переводил повесть китайского писателя, который описывал голод в Китае во время «Большого скачка», когда люди массово умирали от голода. Дело в одной из повестей было в глухой деревне в провинции Хунань, люди там могли выжить только за счет того, что выращивали тыквы. И вот автор, он же герой повести, неправильно посеял тыквы, они засохли. И дедушка, который потом реально умер от голода, говорит этому автору-внуку: «你做了好事儿». По-русски очень легко это перевести: «Хорошенькое дельце ты сделал». По-китайски сарказм можно выразить в речи интонацией, но в записи это все равно означает просто «хорошее дело», хотя таковым не является, верно? Получается, что грамматически мы не можем узнать, о чем тут сказано: о «хорошем деле» или «хорошеньком дельце»? Я долго спрашивал про это у лингвистов, но внятного ответа так и не получил. Вывод прост и суров: смысл понятен только из контекста.

Итак, мы добрались до еще одного уровня. Здесь мы должны охватить все – морфологию, лексику, синтаксис и стиль – и в какой-то темной глубине сознания проникнуть к искомому смыслу, уловить его некоей духовной интуицией. Здесь можно изобразить своего рода **черный ящик**, в котором происходит мистическая операция переплавки смысла с китайского на русский (или любой другой язык), она совершенно неопишима. Потому что она сама есть воплощенное превращение. Автомобиль не есть сумма его частей, так же как наша искусность, какая бы то ни было, не есть сумма наших навыков, она включает в себя какой-то дополнительный элемент, избыточный, но в нем-то все и совершается. Автомобиль есть езда на нем, а она не имеет отношения к поршням, шестеренкам и т. д. Каким образом набор шестеренок превращается в ездy – лично я не могу это объяснить. Вот я взял ручку, стал писать: нет ни ручки, ни меня, ни бумаги, но есть акт письма, в котором я сообщаю с неведомыми глубинами бытия, и это мой смысл. Смысл моего действия составляет не ручка, не бумага и не я. Может быть, мое намерение, а может, и нет. Это не важно. Мой ответ прост: у вас это появляется тогда, когда накапливается опыт перевода. Я лично где-то только на шестой-девятой книге научился разли-

чать стиль, улавливать его. Как только вы для себя это внутренне определяете, то ум начинает работать, как компьютер с программами: номер один, номер два, стиль номер тридцать пять, и дальше все движется по заданной колее. Как только вы стиль ухватили, вы сможете легко переводить, у вас не будет никаких трудностей, кроме, может быть, технических.

Стиль, вообще говоря, ломать легко, о чем я скажу чуть позже, но традиционная литература потому и традиционна, что стиль в ней держится очень прочно. И недаром, ведь стиль – атрибут власти. Были, правда, пародии и иронические опусы, но это отдельный разговор. Кстати сказать, именно появление пародийной низовой культуры в эпоху поздних империй придало китайской традиции огромный запас жизнечности. Когда в XI–XII вв. в Китае разразился острый кризис традиционных ценностей (об этом я пишу в книге «Китайский этос, или Дар покоя», в ней этой теме посвящена отдельная глава), китайцы вышли из положения именно благодаря тому, что сознательно ввели – точнее выявили – пародийный, чисто зрелищный момент в классическом наследии. Они замкнули традиционные ценности на самих себя, поставили зеркало перед своим «драконом», и он... развеселился! Таким образом, удалось избежать ситуации, при которой в Европе во время городских революций разнесли вдребезги семиотическую систему патриархального уклада. В Европе это случилось, а в Китае нет, почему? Зеркало подставляли. Зеркало спасительно. Выходит вампир, василиск и как только видит себя в зеркале, бах! Зеркальность его убивает. А китайского дракона это веселит, потому что он изначально есть превращение и умеет видеть в каждой вещи *иное*.

Что такое китайские классические романы? Это пародия на классическую словесность (на самом деле я немного утрирую, и китайцы так в открытую не думают, и не надо им так думать, а то они с ума сойдут). Ну, «Троецарствие» еще худо-бедно, хотя и там уже есть пародия. Но «Путешествие на Запад» – это чистейшей воды пародия, которая одновременно является метафорой духовного просветления даосов. Мы об этом сейчас не говорим почему-то, а читаем с умным видом, как Сунь Укун с товарищами на Запад шел. Никуда он не шел, а если бы шел, то, в китайском понимании, грош цена этому автору. Я уже не говорю про «Сон в красном тереме», там такие слои аллегорий, что вообще трудно понять, о чем речь идет. На поверхности, может, и понятно, но ведь мы знаем, что в китайских романах ничего не описывается и не ради сюжета их писали (хотя сюжет и полезен, чтобы скрывать правду). Теперь эти романы переделали в комиксы, и их комическое измерение проявилось воочию.

Итак, мы прошли этап черного ящика, вычленили смысл и нащупали стиль. А дальше мы излагаем по-русски, только этапы проходим в обратном порядке: от стиля к лексике и морфологии, как показано на схеме.

Этапы / уровни перевода

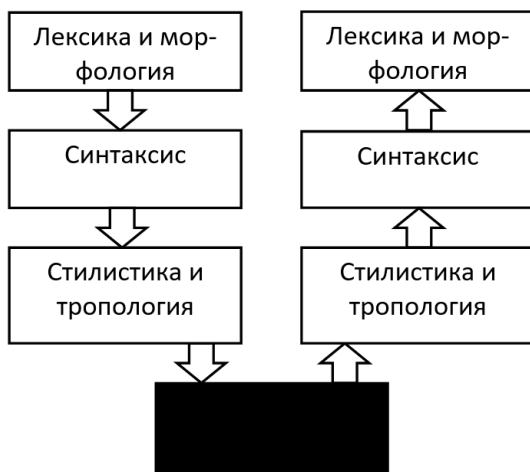

Схема. Процесс перевода и его этапы / уровни

Образ стиля, я напоминаю, в нас формируется интуитивно, он сам легко выговаривается, просто позвольте ему выговориться. Попытка залезть в «черный ящик» перевода не поможет. Позвольте этому таинственному трансформатору, то бишь непроглядной глубине сознания, самому делать свою работу. Дайте смыслу свободно вытечь из вашего просветленного внутреннего состояния. Когда есть интуиция стиля, вы подбираете в согласии с ней синтаксис, дальше лексику, морфологию, вот и все. И словарь вам в этом смысле почти не поможет. На словарь при переводе приходится, пожалуй, не более четверти всего объема работы. А если вы переводите «Чжуан-цзы» или «Дао дэ цзин», то словарь вообще ничем не поможет, только замутит вам голову. Вы, конечно, в него заглядываете, но все, что следует сделать для перевода, – это дать смыслу и стилю проречь из себя.

Здесь в качестве вывода уместно дать общую оценку стилю и его истории в Китае. Дело в том, что стиль, как наше живое тело, – реальность сложная, текучая, или, как пишут в популярных очерках, «внутренне противоречивая». В нем есть своя диалектика. Если сущность стиля – превращение, то все сущее в нем сращено с несущим, всякое утверждение несет в себе отрицание. Отсюда неизбежность и даже легкость, с которыми стиль срывается в самоотрицание, выделяет из себя начало пародии и комизма и... спасается ими! Это отчетливо видно уже на примере «Чжуан-цзы», этой великой книги юмора. А ведь перед нами классическая книга даосизма. Таким образом, стиль формируется как синтез утверждения и

отрицания, присутствия и отсутствия, и этот синтез дан в акте типизации, в котором и воплощается собственно отношение и поиск соотносительности, т. е. именно усилие выправления себя ради схождения частного и всеобщего. Именно так складывался – если взять наиболее очевидный пример – «большой стиль» китайской живописи. Последняя имела своей основой репертуар типовых форм вещей или, точнее, целых ситуаций, моментов опыта, в которых запечатлевались вечносущие качества бытия. Усвоение типовых форм составляло процесс учения и одновременно нравственно-духовного совершенствования, ибо оно требовало повышения духовной чувствительности. Проблема большого стиля заключалась в трудности совмещения символических и эмпирических, субъективных и объективных измерений опыта. Достичь их синтеза было делом чрезвычайно трудным, требовавшим непрестанного усилия «выправления себя», самопреодоления. Периодически большой стиль разлагался на чистую экспрессию (выражение самоотрицательной природы творческой жизни) и натуралистическую манеру, подчиненную ценностям эмпиризма, которые в свою очередь были освящены государственной властью. Элементы гротеска, непрерывно усиливавшиеся на протяжении последних столетий, были способом отстоять автономию символической глубины образов, но гротеск имел и свои допустимые границы, он не мог возрастать бесконечно. Пародийное начало в изобразительном искусстве, доходившее до откровенной карикатурности образов высших авторитетов традиции (см. гравюры о жизни Конфуция или позднюю иконографию Лао-цзы), тоже было симптомом нараставшего дисбаланса в классическом мирозерцании. В эпоху Цин величественный синтез классической живописи окончательно распался. Надо заметить, что пародия, вообще говоря, – симптом жизненности классических норм. Она разрушает искусство, только когда чувство стиля замещено привязанностью к букве традиционного наследия.

А теперь вопрос: о чем я вам рассказал на самом деле? На самом деле я описал процесс **духовного просветления**. Вы отвлекаетесь от предметности, воспаряете в эмпирии (подобно тому, как монах смысл учения Будды постигал), а потом даете себе спокойно опуститься в предметный мир. Но мир-то уже другой! Воспарили вы в Иркутске, а сели, допустим, в Анадыре. И спрашиваете себя: я ли это? Конечно вы, потому что есть *внутренняя преемственность*. Но «вы» в каком смысле? Что есть «вы», что есть «ты», в этом состоянии непонятно. И не нужно понимать. Вопрос не в понимании, а в другом: вы хорошо себя чувствуете в этом состоянии или нет. Где-то жмет? Если да, значит, вы не до конца *выправили себя*. И что касается перевода, то это ваша проблема, а совсем не текста.

На этом я заканчиваю техническую часть и собираюсь перейти к теоретической. Здесь будет вывод, только он теоретический. Я могу долго говорить о конкретных текстах, поскольку задача переводчика состоит в

переводе и толковании каких-то текстов (переходя от перевода к герменевтике). Но если у вас не будет мировоззренческого инструментария, то говорить об этом бесполезно. Чтобы совершить нашу алхимическую операцию, нужно иметь хотя бы тигель, куда можно залить все эти вещества. Помните, как Сун Укун варился, а Конфуций с Лао-цзы обсуждали его жизнь снаружи, и он это слышал? Так вот, если вы не сможете что-то туда залить, то ничего не получится. А что такое этот тигель? Он есть мировоззренческие посылки, которыми вы должны руководствоваться. Я вам их даю слегка драматически, как выжимку того, что сам понимаю из этих текстов.

Все, что я буду сейчас говорить, легко подкрепить текстами, которые я переводил. Речь, конечно, о классических и древних текстах. Если вы возьмете «Жэньминь жибао», то она сама по себе является калькой западных дел, переложённых на китайщину там, где это возможно. Это некая смесь и того и другого, но образ мысли там западный, как и современный китайский язык. Однако то, что создано классическим наследием, там все равно существует в виде этакой «черной дыры», которая все поглощает. Ядро, как стиль, невозможно расщепить, оно все равно преследует китайцев, потому что их язык, иероглифику и все истинно китайское невозможно устранить, оно никуда не уйдет. Оно настолько последовательно и настолько приближено к жизни именно потому, что это все очень жизненные вещи, это история жизни каждого человека. Оно не взято из каких-то концепций, придуманных на Западе и переложённых на корявый китайский язык. И это ядро воздействует на них. На поверхности все может быть очень западным, в кавычках, но стоит глубже копнуть – и находишь Китай. Любая западная фраза, как и любая концепция, будучи переложённой на китайский, тут же становится китайской. Почитайте любого западного философа в китайском переводе. Там все иное. Остается успокоиться, выпить чаю (или валерьянки) и жить дальше. Ведь что, собственно, произошло? В чем трагедия?

А произошло *превращение*, и никакой трагедии в нем нет. Помните, мы говорили о смысле и об игре смыслов? Смысл – это *со-мыслие*, он дается там, где есть соположенность предметов или сил. Просто так его нет. Но если возникает соположенность и мы предположим, что все это имеет отношение к смыслу, то идея китайской цивилизации (и она заключена во всех письменных источниках), ее главный принцип – это *перемена, превращение*. 易, или 化, или в меньшей степени 变, это и есть для китайцев предельная реальность. Реальность есть превращение. Что это означает? Это значит, что вещь одновременно есть и не есть, она в той мере есть, в какой она не есть. Она в равной мере существует и не существует. Стало быть, она в равной мере реальна и нереальна, она левая и правая одновременно. Как сказал Лао-цзы, «великий путь – море разлитое, в нем что

влево плыть, что вправо – все едино». Мы бесконечно превращаемся – превращение не имеет идеи, формы, субстанции, сущности. Мы по определению не можем его увидеть, понять, пощупать.

Более того, превращение не терпит рефлексии. Скажем, вы проснулись – а теперь попробуйте объяснить, что вы пережили пробуждение. Пойдите к родителям, к мужу или жене и скажите: «Вы знаете, я пробудился». «Ну объясни, пожалуйста, что случилось?» «В каком смысле? Я пробудился! Я вижу мир новым взором!» «Ха. Я тоже. А в чем отличие? Вон там дом, я вижу дом, ты тоже, ну и какая разница?» Все, на этом диалоге рефлекслирующего с миром заканчивается.

Если мы принимаем это наблюдение, то получается, что у нас есть *внутренняя преемственность*. Она сокровенна, неопределима и невыразима. Это преемственность полярных величин, которые сходятся разве что по своему пределу. Мне приснилось, что я бабочка, я проснулся *другим человеком*. Ну и что? Получается, что эта преемственность спонтанна, произвольна, стихийна – по-другому она не может выражаться. Любой быстрый танец может быть выражен в одной позе: встал вот так и могу стоять так довольно долго. Как там мясник быка разделявал в 3-й главе «Чжуан-цзы»? Он ведь встал потом, довольный собой, и это есть лишь точка эстетизации, как в кино. Но истинное при этом скрыто: та длинная цепь превращений, которая за этим стоит.

Таким образом, во время превращения у нас всегда происходит сопряжение с реальностью, которая себя скрывает и никак не проявляется. В этом смысле у китайцев есть только *феномено-не-логия*: у них нет феноменов, только *не-феномены*, только невидимое. Кто-то видел *пустоту*? Но хотя пустота себя скрывает: у нее есть противоположность, она имеет тень, отблеск, свет, которые не являются ее выражением. Это – только ее след, который есть везде. Таков универсальный для китайского мировоззрения принцип совместности вещей. Здесь все существует только в превращенном виде. Речь идет о преемственности между качеством движения и качеством состояния, которая пронизывает разные планы бытия. К примеру, если я попрошу вас описать летний день, что вы напишете? Журчание ручейка, звон мошкары, лучи солнца. И где тут лето? Но мы-то с вами знаем, что именно это и есть летний день. Можно усилить это так, что в тексте вообще ничего напоминающего лето не останется. Вот вам литература как развитие *неименуемой* темы: эта тема развивается в тот самый момент, когда вы ее скрываете, Но это не значит, что ее нет, потому что она дает тот самый отблеск.

Подобное есть в «Чжуан-цзы» и комментариях к нему. Что есть реальность? *Сокрытие единого* или *сокрытие вещей в едином*. Один американец, кстати, недавно написал книгу о китайском знании под названием *Vanishing into Things* («Исчезновение в вещах»). Но вообще-то в фолькло-

ре многих народов есть эта тема – *духи, исчезнувшие в камне*. Был какой-нибудь демон, его преследовали, он шмыг в этот камень. Что осталось? След на камне. Вам в Тибете его будут показывать (это нормальное явление на наших евразийских просторах): вот сюда вошел дух. Не говоря уже о том, что письменность, по мнению азиатов, вообще произошла от естественных царапин – вот она, полная преемственность природы и культуры. И когда мы начинаем смотреть эти петроглифы, что часто трудно понять, где петроглиф, а где естественная трещина на камне. Они продолжают друг в друге. Таким образом, выходит, что мир у нас живой, он способен на удивительные вещи: такие как, например, «саморождающаяся пагода», как это называют в Китае. Архитектура, письменность, лики богов проявляются сами, ничего не нужно делать. Человек их открывает и приукрашивает, он их только орнаментирует, так делают в Тибете. Их не «нарисовали», их «подрисовали». Таков смысл технической деятельности человека, и письма в том числе. Нам это кажется странным, но с таким мировосприятием по-прежнему живут миллионы людей и всегда будут жить. Техника может уйти, но никуда не денется 生生, *самопорождение живого*, это как принцип истины, так и элемент животворения живого. Здесь все зависит только от степени вашей духовной чувствительности, т. е. степени прозрения. Невежда видит только камни; мудрые видят богов, но камни-то одни и те же! Стоит вспомнить знаменитое чань-буддийское изречение Цин-юаня: «Когда я был молод, до занятий чань-буддизмом, я думал, что горы – это горы, а воды – это воды; потом я пережил прозрение и понял, что горы – не горы, а воды – не воды; но теперь я совсем успокоился, потому что я знаю, что горы – только горы, а воды – только воды». В западных переводах, кстати, утеряно (это к вопросу о том, что надо внимательно переводить) слово «только», потому что западным переводчикам было не понятно, что значит *горы – только горы*. Оказывается, горы могут быть *более горы и менее горы и только горы*. Именно в этой преемственности, о которой я говорю, *внутренней преемственности* или внутреннем единстве выявляется другой порядок вещей. Китайцы называли его небесным, он открывается только просветленному взору и связывает вещи, никак между собой не связанные.

Китайцы настаивали на ритуале, а что такое *ритуал*? «Танцую и твою облака». Где облака? «Белый аист расправляет крылья». Где там аист, где крылья? «Черный дракон выползает из пещеры», «Носорог смотрит на луну». Вся китайская мудрость стоит на умении увидеть в одном другое. Это означает, что я могу сплести вещи, не только отдаленные по времени и пространству, а вообще из разных планов бытия взятые. И определить то, что у даосов звалось *небесным порядком*. Есть два порядка: эмпирический, т. е. человеческий, и небесный. И небесный – это *провал* в человеческом понятии, эта самая глубина опыта. И между прочим, Ду Вэймин зря

переводит идеальный образ человека в конфуцианстве как profound person, потому что profound person в китайской традиции соответствует, строго говоря, термину 幽人 – вот он, «глубинный» или «темный человек». Человек, который занимает провалы в нашем сознании, т. е. негативный слепок нашего земного человечка с ушками, глазками и т. д. Или в контексте *единотелесности* он может быть 大人 или 正人. Во всяком случае, это единотелесность мироздания, которая, конечно же, пустотна. Но она составляет ту самую небесную сеть, про которую у Лао-цзы сказано: «Небесная сеть неощутимо редка, а из нее ничего не ускользает». Эта небесная сеть охватывает все, а тот, кто ее имеет, находится в особом положении по отношению к миру. В положении мудрого, правителя.

Чем же такой человек занимается? Он позволяет *свершаться всем превращениям*. Освободите сознание, и вы получите превращение смысла, того самого, который вы переводите. Мудрый *пред-оставляет* всему пространство превращения. Он все оставляет – 天放, *небесное оставление*, так это называется у Чжуан-цзы. А у буддистов – 放下一切, «оставить все». Что же случится, когда мы все *оставим*? Все *остается*. Чем больше оставишь, тем больше остается. Значит, тогда в этом оставлении выходит родовая полнота всех вещей, это у Лао-цзы называется 辅自然, а у конфуцианцев есть 辅仁. Позднее эти термины использовались в самых неожиданных сферах. Скажем, в названии Католического университета в Тайбэе, по-китайски 辅仁大学. Я не перестаю удивляться глубине понимания католических миссионеров, которые дали своему университету это название «поддерживающий/укрепляющий человечность» (я это перевожу как «человечность», а не как «гуманность», потому что в Китае нет европейского «гуманизма»: какая гуманность, если письмо не отличается от трещины на камнях, а культура – проявление природы, саморождающийся лик богов).

У Лао-цзы написано 辅物之自感, *поддерживать таковость всех вещей*. Что это означает? Это означает, что они просто устанавливают тот же порядок, что устанавливаете вы. Именно это вы усваиваете в тех самых текстах, ничего иного. Ведь что значит учиться плавать? Войдя в море, для начала оставьте себя. Если вы будете пытаться управлять руками и ногами сознательно, вы никуда не поплывете, потому что вы будете думать только о себе, как бы не утонуть. Это глупо. Оставьте все – и поплыли. Как? Я все оставил и перешел в небесный план бытия. Я нашел точки соприкосновения с этой стихией воды, бесчисленные точки. И теперь я, как цельное существо, растворился и стал *всечеловеком*. Ну примерно как тот мясник, что разделал быка, и тот *обрел полноту бытия*, чему и был рад. Бык радовался его разделке, ибо разделить, раз-делать означает здесь *сделать*, заново собрать, взойти к полноте жизненности жизни. Что делал этот мясник на самом деле? *Питал жизнь*. И хотя он убивал и разделывал

быков, он в то же время питал жизнь – именно такие полярности здесь сосуществуют. И если вы хотите понять Китай, вот то самое, что вы должны принять.

Помните мое замечание о перспективе небесного порядка, которая, как небесная сеть, ложится на нашу грешную землю и таким образом устанавливает новое? Так вот, на самом деле это мы творим мир. Человек – творец мира. Но не в том смысле, что он подошел и жажнул молотом по чему-то, а в ином – в автопоэзисе, *самотворении*. Из него мир выходит как бездонная будущность: он вот-вот наступит, и человек дает этому быть, ибо он – поручитель цельности бытия. Мудрый *предвосхищает* мир. Вот так мы знаем, что сейчас начнется гроза: в природе тишина полная – откуда же мы знаем, что сейчас начнется ливень? Ну вот есть такая чувствительность. И необходимо развивать в себе эту чувствительность грядущего. Не пожалеете – хотя бы потому, что тот, кто стоит прежде мира, находится в полной безопасности. Китайцы, в отличие от, например, соседей-японцев, как раз занимались этим: возвращаясь к изначальному, в точку творения мира. Вы спросите: как же мы можем участвовать в творении мира, там же космос и все такое? Космос есть человеком созданная структура, закрепленная текстом в источниках и литературе. Есть космос на самом деле или нет – неважно. Важно другое: хорошо ли вам в этом космосе? Есть ли смысл существования в этом космосе?

Понять текст – значит постичь состояние, которое породило его. Это не так просто. Лао-цзы говорит: «*Я как нерожденный младенец*». Как это – быть нерожденным младенцем? Каким смелым надо быть, чтобы попытаться это представить. Но вот оно, легкое течение образов на стене пещеры, как у Платона. Можно было позаимствовать его пещеру, но Платон дал ей неправильное толкование: у него на тени в пещере смотрят несчастные люди, а китайцы счастливы – вот и вся разница. Вам что больше нравится: быть несчастным или наоборот? Некоторым нравится быть несчастным, это их право, но мне кажется, что естественно быть счастливым. Вот то самое состояние, о котором я пытаюсь вам сказать. Какое оно, конфуцианское или даосское, – не имеет значения. Главное, оно позволяет вернуть себе смысл существования, как автопоэзиса, *самотворения мира* через *оставление* себя, которое способствует повышению *духовной чувствительности*, выявляющей *небесный порядок мира*, а тот обеспечивает *эффективность* нашего *общения* и мою способность влиять на других даже через века и континенты.

И это не шутки – на этом месте всякий европеец умолкает. Он думает: взять и на кого-то подействовать немедленно силой – мышц, оружия, денег, интеллекта. По этой причине даосский словесный ряд вообще не учитывается западными переводчиками. Надо изменить видение, но непонятно, как это сделать, – никаких инструкций не прилагается. Потому что

если вы живете в субъектно-объектной оппозиции, то ничего у вас быть не может; если вы делаете ставку на рефлексию, вы ничего в Китае не поймете. Сложно общаться с большинством отечественных и зарубежных китаеведов, бравирующих своей академической рефлексией, но не сделавших ничего, чтобы *понять*. А для этого, как говорил академик Алексеев, надо не просто изучать Китай, но и хотеть учиться у него. Когда Алексеев это сказал, его призыв звучал эпатажно: чему европейцы могут научиться у Китая? А на днях я его вспомнил и удивился, каким актуальным он стал. И теперь его можно произносить совершенно серьезно.

УДК 811.58

А. А. Пруцких, Т. А. Пруцких

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

СТЕРЕОТИПЫ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Представлены некоторые этнокультурные стереотипы о китайском этносе, сформированные на основе этических категорий конфуцианской школы и системы древних и современных национальных ценностей. Целый ряд факторов – исторических, социальных, культурных, экономических, географических – влияет на создание и развитие этностереотипов в китайской лингвокультуре.

Ключевые слова: стереотип, китайский этнос, китайский язык, лингвокультура, конфуцианские ценности.

A. A. Prutskikh, T. Prutckikh

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

STEREOTYPES IN CHINESE LINGUOCULTURE

Abstract. The article presents some ethnocultural stereotypes about the Chinese ethnosc, formed on the basis of Confucian ethical categories and the system of ancient and modern national values. A number of factors – historical, social, cultural, economic, geographical – affect the creation and development of ethnic stereotypes in Chinese linguistic culture.

Keywords: stereotype, Chinese ethnosc, Chinese language, linguoculture, Confucian values.

Характерной чертой современных научных исследований можно считать их междисциплинарный характер, что позволяет изучать явления с разных точек зрения и добиваться максимально достоверных результатов. В этой связи актуальным выглядит изучение стереотипов, которые с момента своего появления как предмета социологии (социальной психологии) и дальнейшего развития дефиниции как философского, культурологического и лингвистического феномена постоянно расширяют свои границы. Мы согласны с С. М. Толстой, что «первоначально стереотип понимался как некоторая “субъективная” добавка к “объективному” образу объекта, а языковой стереотип – как коннотативная (оценочная) добавка к лексическому значению слова, отражающая коллективное мнение о

соответствующем денотате, то впоследствии стереотип стал трактоваться как целостная “наивная теория” объекта (предмета, лица или явления), включающая не только оценочные (коннотативные, интегральные), но и категориальные (идентифицирующие) признаки, т. е. в соответствии с широко понимаемым лексическим значением (когнитивной дефиницией слова) [Толстая, 2009, с. 262].

Происхождение слова «стереотип» греческое: στερεός – твердый + τύπος – отпечаток, stereotype – зафиксированный вариант печатной формы. Американский социолог У. Липпман впервые использовал слово «стереотип» как термин социальной психологии в 1922 г., дав ему определение как «картинкам» в голове человека, которые формируют значения, причем «проблема усвоения значения вещей или, иначе говоря, формирования навыка понимания является проблемой привнесения (а) *определенности и различия* и (б) *непротиворечивости или стабильности* значения в то, что первоначально представляется смутным и изменчивым» [Липпман, 2004, с. 15].

В национальном корпусе китайского языка «ВСС» найдено 172 перевода слова stereotype 刻板印象, которое носит социально-психологическое значение [Чжан Жуньмэй, 2017, с. 219]. Начнем с определения стереотипа, которое дал китайский ученый Ху Вэньцзун в своей работе «Введение в межкультурную коммуникацию»: «刻板印象是对某些个人或群体的属性的一套信念, 可能是正面的, 可能是负面的; 我们在认识事物时主要是从个别到一般的过程». «Стереотипы – это определенный набор убеждений отдельных людей или групп, которые могут быть позитивными или негативными; когда мы знаем вещи, тогда это в основном процесс перехода от индивидуального к общему убеждению» (перевод Т. Пруцких) [胡文仲, 1999].

В данной статье мы хотим сосредоточить внимание на этнокультурном стереотипе. Этнокультурный стереотип представляет собой обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ [Маслова, 2001, с. 18]. Этнические стереотипы принимают активное участие в формировании «облика» национальных культур, выступают в качестве этнокультурных идентификаторов и неразрывно связаны с традиционной культурой народа.

Материалом для нашего исследования выбраны языковые стереотипы в китайской лингвокультуре. Чтобы понять происхождение и причину появления некоторых китайских стереотипов, следует обратиться к этической модели традиционного Китая, наиболее полно представленной системой 五伦 wǔ lún «пяти этических норм» 四书 sishū Четверокнижия («Да сюе» 大学 Dà xué, «Чжун юн» 中庸 Zhōng yōng, «Лунь юй» 论语 Lún Yǔ, «Мэн-цзы» 孟子 Mèngzǐ), которая лежит в основе конфуцианских

идеалов государства, семьи и человека. Эти нормы, определяющие поведение и обязанности людей, упорядочены по иерархическим признакам возраста 长/幼 zhǎng/yòu (старший/младший) и субординации 尊/卑 zūn/bēi (почтение/унижение). Соблюдение/нарушение норм обусловлено наличием/отсутствием в отношениях между

- 1) государем и подданным – 义 yì «справедливости»;
- 2) отцом и сыном – 亲 qīn «родственной близости»;
- 3) мужем и женой – 别 bié «различения»;
- 4) старшим и младшим братьями – 序 xù «последовательности»;
- 5) друзьями – 信 xìn «доверия» [Тань Аошуан, 2000, с. 31].

Система этических норм составляет основу конфуцианской концепции управления государством по принципу 礼 lǐ Ли «церемония, ритуал», что также включает в себя такие понятия, как «норма», «благопристойность», «правила этикета», «обряды». Эти правила переносятся и на семейные и общественные отношения, поэтому весь образ жизни древних китайцев для иностранцев часто ассоциируется с церемониями. А вот что говорят сами китайцы о значении слова 礼 lǐ Ли: «Церемонии составляют связь Неба с Землей; они утверждают порядок между людьми. Даже средства к образованию себя, устройению дома, управлению государством, устройству вселенной не могут обойтись без церемоний» [Конфуций, цит. по Семененко, 1995, с. 238].

Основу системы древних ценностей, отраженных в этических категориях конфуцианской школы, составляют 五常 wǔcháng «пять постоянств»: 仁 rén гуманность, человеколюбие; 义 yì справедливость, чувство долга; 礼 lǐ этикет, благопристойность; 智 zhī мудрость, разумность; 信 xìn доверие, правдивость. Почитание древних традиций является национальной особенностью Китая, до сих пор жители Поднебесной в повседневной жизни руководствуются такими принципами конфуцианства, как опора на семейные ценности, единство и сплоченность народа, уважение к старшим и любовь к младшим, трудолюбие и патриотизм. Универсальность и актуальность этических норм Китая основываются на особенностях менталитета китайцев, суть которых – этнокультурные стереотипы поведения и сознания, базирующиеся на передающихся из поколения в поколение конфуцианских принципах.

В современной интерпретации лексические единицы, обозначающие традиционные этические категории, приобретают более универсальные значения. Например, понятие 忠 zhōng «верность (лояльность)» распространяется не только на отношения между правителем и подданными, но и на отношения между друзьями и супругами. Нравственная категория 孝 xiào «сыновья почтительность» представляется не только почтительным отношением к родителям и членам семьи, но и воспитанием законопо-

слушных граждан. Уважение к старшим и соблюдение семейной и административно-государственной иерархии все еще прочно укоренены в общественном сознании современных китайцев. Молодое поколение не всегда может позволить себе «спор на равных» со старшими по возрасту. В семье и в обществе необходимо соблюдать субординацию, которая распространяется на многие аспекты жизнедеятельности от рассадки за столом до выполнения служебных распоряжений и государственных приказов. Применение понятия 信 *xìn* «доверие» – исключительно важного критерия взаимоотношений между людьми, особенно в условиях рыночной экономики, – уже не ограничено сферой отношений между друзьями. Выражение 守信用 *shǒu xìnyòng*/不守信用 *bù shǒu xìnyòng* «пользуется доверием / не пользуется доверием» стало этическим клише современного общества [Тань Аошун, 2004, с. 96].

Предлагаем проанализировать факторы, под влиянием которых сформировались определенные этностереотипы в китайской лингвокультуре.

Исторические факторы. Китай – одна из древнейших цивилизаций мира, родина великих открытий и изобретений, сыгравших значительную роль в истории всего человечества. В основе исторического развития Китая лежало стремление к консервативной стабильности. Медленное, эволюционное, циклическое развитие общества проявлялось прежде всего в развитии науки, философских учений, культуры и ремесел. Конфуцианство способствовало усилению корпоративного коллективизма и подавлению индивидуалистических тенденций [Булдыгерова, 2016, с. 153]. Кроме того, длительный период самоизоляции сформировал мнение о китайцах как о мирном народе, способном отстоять свою национальную независимость. В XIX–XX вв. агрессивные действия со стороны Японии, Англии, Франции и других стран требовали от Китая объединения всеобщих усилий для защиты своих границ и интересов.

Географические факторы. Возникновение и становление китайской цивилизации сопровождалось серьезными проблемами, связанными с природной средой. На территории Китая большое количество пустынь и горных территорий, непригодных для проживания и возделывания сельскохозяйственных культур. Тем не менее Китай с древних времен был крупной сельскохозяйственной страной, жители которой сообща умели преодолевать трудности, связанные и с высокотемпературными засухами, и низкотемпературными заболачиваниями, резко континентальным климатом с очень жарким летом и очень холодной зимой.

Экономические факторы. Основу китайской экономики всегда составляло сельское хозяйство, а главной агрокультурой здесь считается рис. Рис – растение очень специфическое; возделывание рисового поля невозможно вести индивидуально, силами одной или нескольких крестьянских семей. Рисовая плантация существует как часть сложной гид-

ротехнической системы, состоящей из десятков и даже сотен небольших полей, разделенных дамбами и соединенных специальными каналами; вода в эту систему подается из реки или водохранилища по водотокам длиной в десятки километров. Сооружение такой системы и обеспечение ее функционирования в доиндустриальном обществе требовало объединенных усилий большого количества человек. В такой ситуации значение коллектива, трудовой дисциплины и воспитание привычки к организованному, упорному труду становятся исключительно важными.

Социальные факторы. Современный общественный строй в Китае носит название «социализм с китайской спецификой», это говорит о том, что страна идет по своему собственному пути развития, никому не подражая и никого не копируя, а адаптирует чужой опыт к своим условиям и своевременно переосмысляет и поддерживает конфуцианские традиции и мировоззрение китайского народа. «Не делай другим того, чего не желаешь себе. И тогда не будет обиженных ни в государстве, ни в семье» [Цит. по: Мартынов, 2001]. Так сформулирован один из основных конфуцианских критериев отношения к людям. Поэтому семейные отношения и традиции послушания переносятся и на отношения в обществе – между руководителем и подчиненными, учителем и учениками, большинством и меньшинством.

Культурные факторы. Идея 中庸之道 Zhōngyōng zhī dào «Срединного пути» определяет китайскую национальную специфику в области психологии и культуры. «Середина является наиважнейшей основой (действия людей) в Поднебесной, гармония – это путь, которому должны следовать (люди) в Поднебесной. Когда удастся достигнуть (состояния) середины и гармонии, в природе устанавливается порядок и все сущее расцветает» [Древнекитайская философия, 1972, с. 119]. Сдержанность в эмоциях и поступках, беспристрастность, умеренность и компромисс по отношению к людям и вещам – основные правила учения о «золотой середине», которые формируют базовые нравственно-психологические ценности китайской нации.

Теперь представим лексические единицы китайского языка – фразеологические обороты, общеупотребительные фразы и словосочетания, которые воздействуют на этические представления современного китайца и формируют массив этностереотипов.

不偏不倚 bùpiān bù yǐ «не наклоняться и не подпирать», беспристрастность. Необходимо сдерживать проявление эмоций, не провоцировать, не воздействовать – не нарушать гармонию в мире.

过之不及 guò zhī bùjí «уравновешенность, равноудаленность». Важно не переусердствовать, но делать то, что нужно и должно. Жить спокойно, без суеты, без избыточных желаний, слишком хорошо – тоже не хорошо.

温故知新 wēngù zhīxīn «учиться у прошлого». Повторять ранее изученное, чтобы познать новое; оглядываясь на прошлое, постигать настоящее – уважение своей истории и почитание предков, стремление к совершенствованию и развитию, гармония и цикличность.

文质彬彬 wénzhìbīnbīn «хорошие манеры». Воспитание/образование и естественная природная суть должны быть сбалансированы. Ценить свои врожденные задатки и способности, развивать и совершенствовать их с помощью обучения и воспитания.

明哲保身 míngzhé bǎoshēn «избегать рискованных моментов». Ориентироваться по ситуации, соблюдать безопасность, проявлять осторожность, внимательность, бдительность, уметь довольствоваться малым.

无声无臭 wúshēng wúxiù «ни звука, ни запаха». Недеяние как высшее проявление действия; сдержанность в проявлении гнева, радости, удовольствия, печали и других эмоций; скрытность, публичная эмоциональная скупость, умение выжидать и маскироваться.

丢面子 diū miànzǐ «потерять лицо». Опозориться, не соблюдать общепринятые нормы и правила, отличаться от коллектива. При выполнении любой социальной роли – на работе, в семье, в обществе друзей и др. – китаец стремится добросовестно выполнять свои обязанности и демонстрировать набор добродетелей. В этом случае его авторитет сохраняется, он пользуется уважением, является образцом добропорядочного гражданина – сохраняет лицо.

求同存异 qiú tóng cún yì «искать точки соприкосновения (общее), сохраняя различия». Поиск взаимопонимания при наличии разных мнений: это доброжелательность в межличностном общении и толерантность в межгосударственных отношениях, поиск совпадения интересов, компромисса и взаимовыгодной ситуации.

入乡随俗 rùxiāng suísú «приехал в определенную местность (деревню), соблюдай местные обычаи». Это правило позволяет китайцу быстро интегрироваться в новые жизненные условия, скорректировать свое поведение в соответствии с местными привычками и традициями, не выделяться, влиться в коллектив, приспособиться к незнакомой ситуации.

标准答案 biāozhǔn dá'àn «стандартный ответ». В образовательной системе Китая до сих пор активно применяется метод зубрежки. Выученный наизусть текст позволяет минимизировать вероятность ошибки, ссылаясь на конкретный источник. Работа по образцу, по шаблону, в определенных ограничениях – так проще, быстрее и понятнее. Игра по заданным правилам, соответствие стандарту – не выделяться, поступать правильно, сохранять авторитет.

随波逐流 suíbō zhúliú «следуй за волной, плыви по течению». Групповое поведение людей, собрания, собрания – довольно распространенное

социальное поведение в Китае. В густонаселенной стране с исторически сложившимися устоями коллективизма сложно уединяться, иметь собственное мнение, проявлять индивидуальность; более типичным и безопасным считается проявить солидарность, выразить общее мнение, подчиниться большинству.

赶时髦 gǎn shímáo «гнаться за модой». Это тоже значение не отличаться от других людей / от толпы, быть в тренде, демонстрировать свою осведомленность и обеспеченность, причем не задумываясь, подходит это человеку или нет, есть ли необходимость и потребность в этих модных вещах. Это показатель принадлежности к потребительским массам, желание сравнить себя с другими, чтобы подтвердить определенную степень одинаковости.

看热闹 kàn rènao «смотреть на оживление», толпиться, тусоваться, развлекаться. Как и все люди, китайцы очень любопытны: если происходит неожиданная нестандартная яркая ситуация – народ проявляет интерес, стремится поглазеть, разузнать, поучаствовать. В китайском варианте это еще и шумно/громко, тесно/переполненно, энергично и иногда беспорядочно.

管闲事 guǎn xiánshì «вмешиваться в чужие дела, совать нос не в свое дело». Это тоже проявление чрезмерного любопытства: например, в Китае считается обычным делом спросить у незнакомого или малознакомого человека о размере заработной платы, обсудить чужие семейные отношения, посплетничать на любом уровне. Даже в научной дискуссии можно дойти до обсуждения личных качеств и материального достатка. Это в очередной раз подтверждает традиционный китайский коллективизм – все общее, ничего личного, «едим из общего котла».

关系 guānxi «связи, отношения». Взаимоотношения между людьми всегда стоят на первом месте, самое главное – уметь общаться и договариваться, уметь решать вопросы, обращаясь за помощью к нужным людям. Когда люди переходят в категорию знакомых и друзей, это значит, что их можно о чем-то попросить, причем это двусторонний процесс – обращаясь за помощью, будь готов сам ее оказать.

走后门儿 zǒu hòuméngr «идти через заднюю дверь». Это тоже часть современной китайской жизни – уметь решать сложные проблемы неофициальным путем. Предприимчивость, хитрость, житейская мудрость – это характерные черты типичного китайца. Проблема коррупции не решена во всем мире: несмотря на серьезные уголовные наказания, люди пытаются решать свои проблемы с помощью взяток и особых договоренностей.

多喝热水 duō hē rèshuǐ «больше пить горячей воды». В Китае, когда вы устали, больны, работа идет плохо или у вас плохое настроение, китайцы часто говорят: «Больше пейте горячей воды!» Родители с раннего детства приучают детей пить кипяток, у каждого с собой есть бутылка или

термос, а во многих общественных местах есть емкости с горячей водой. Концепция китайской медицины – горячая вода является источником жизненной энергии и может лечить многие заболевания, поэтому китайские врачи обычно рекомендуют «питье горячей воды» в дополнение к лекарствам. Возможно, это один из секретов китайского долголетия и жизнерадостности.

На этом перечень китайских этностереотипов, конечно, не исчерпывается, создание, развитие и изменение стереотипов происходит постоянно. Эффективным считается рассмотрение лингвистических явлений в синхронии и диахронии, это в полной мере относится и к изучению стереотипов. В продолжение темы весьма интересными можно считать результаты пилотажного психолингвистического исследования методом анкетирования, которое провел китаец Чжан Жуньмэй с целью выявления содержания этнокультурных стереотипов о китайцах, существующих в обыденном сознании носителей русского языка [Чжан Жуньмэй, 2017, с. 222–223]. Самые многочисленные ответы представлены в табл.

Таблица

Этнокультурные стереотипы о китайцах

Китайцы такие:	трудолюбивые (50 %), добрые (28 %), дисциплинированные (20 %), дружелюбные (18 %), общительные (18 %), шумные (18 %), вежливые (16 %), целеустремленные (16 %), маленькие (16 %), непредсказуемые (16 %)
Китайцы любят:	кушать (56 %), путешествовать (42 %), рис (22 %), семью (22 %), работать (20 %), фотографировать (16 %), традиции (14 %), чай (12 %)
Китайцы всегда:	едят палочками (20 %), улыбаются (20 %), работают (16 %), учатся (12 %)

В опросе приняло участие всего 50 русских информантов в возрасте от 17 до 40 лет. Судя по ответам, отношение россиян к китайцам положительное, но очень внешнее и поверхностное; только 8 человек из числа опрошенных побывали в Китае. В анкете также были вопросы о том, что китайцы не любят, что они делают иногда и не делают совсем, но частота реакций менее 10 % не позволяет формулировать серьезные выводы.

Перспективным, на наш взгляд, является дальнейшее проведение экспериментальных исследований мнений китайских респондентов и представителей других национальностей об этнических особенностях китайцев. Сочетание внешних (гетеростереотипов) и собственных (автостереотипов) представлений о складе ума, менталитете и стандартном поведении китайцев позволит сформировать максимально объективную картину. Уверены, что это будет способствовать лучшему пониманию студентами, изучающими китайский язык, китайской культуры и менталитета, поможет представителям западной культуры научиться уважать и успешно взаимодействовать с загадочным восточным государством, облегчит взаимопонимание в межкультурных контактах.

Литература

- Булдыгерова Л. Н. История Китая : учеб. пособие. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 168 с.
- Древнекитайская философия. Т. 1–2. М., 1972. 361 с.
- Конфуций. Я верю в древность / сост., пер. и коммент. И. И. Семенов. М. : Республика, 1995. 384 с.
- Липпман М. У. Общественное мнение. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- Мартынов А. С. Лунь юй // Конфуцианство. Лунь юй : в 2 т. СПб. : Петербург. востоковедение, 2001. Т. 2. С. 209–370.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.
- Тань Аошуан. Модель этического идеала конфуцианцев // Логический анализ языка: Языки этики / под ред. Н. Д. Арутюновой [и др.]. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 31–46.
- Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М. : Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
- Толстая С. М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. конф., Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 262–264.
- Чжан Жуньмэй. Языковая репрезентация этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3 (33). С. 218–229. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-etnokulturnyh-steretipov-nositel-y-russkogo-yazyka-o-kitaytсах> (дата обращения: 18.03.2020).
- 胡文仲. 跨文化交际学概论. URL: <http://www.wendangku.net/doc/4bb5bddc763231126fdb114a.html> (дата обращения: 18.03.2020).

УДК 81-2

Н. В. Терехова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЯЗЫК ОПИСАНИЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ «ШО ВЭНЬ ЦЗЕ ЦЗЫ»¹

Аннотация. Системно рассматривается микроструктура древнекитайского толкового словаря Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы» с учетом теоретических моделей, концепций, принципов, терминологии китайского традиционного филологического учения сюньгусюэ. Выделяются ключевые характеристики и особенности реализации данных концепций, моделей и принципов в толкованиях знаков.

Ключевые слова: «Шо вэнь цзе цзы», сюньгусюэ 训诂学, концепция шести категорий лощу 六书, принцип синсюнь 形训, ключевой принцип классификации знаков 部首原则.

N. Terekhova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE LANGUAGE OF DESCRIBING THE GLOSSES IN THE ANCIENT CHINESE EXPLANATORY DICTIONARY “SHO WEN JIE ZI”

Abstract. The article on the systematical basis examines the microstructure of the ancient Chinese explanatory dictionary “Sho wen jie zi” by Xu Shen, considering the theoretical models, principles, terminology of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «Этимологии базовых знаков китайской письменности» № 18-012-00412.

Chinese traditional philological science xunguxue. The author reveals the key characteristics and features of the realization of these models, concepts, principles in the interpretation of characters.

Keywords: “Sho wen jie zi”, xunguxue 训诂学, concept of six categories liushu 六书, xingxun 形训 principle, radical principle of classification of characters 部首原则

В рамках древнекитайской филологической науки *сюньгусюэ* 訓詁學 (схолиастика, герменевтика) сложилась китайская лексикографическая традиция со своими подходами и методами описания значений лексических единиц. В отличие от европейской лингвистики, в которой первоначально в большей степени развивались грамматические описания языка, в древнекитайской филологической традиции *сюньгусюэ* сложилось и активно развивалось лексикографическое направление. Сборники глосс к отдельным произведениям были известны в Древней Греции еще в V в. до н. э., однако первые лексиконы древнегреческого языка появились только в X в. н. э. В Китае же толковые словари были известны уже в III в. до н. э. Отметим также, что толкованием слов занимались сами авторы классических китайских текстов задолго до появления словарей. Их толкования послужили ценной основой для последующего создания словарей и методов описания семантики иероглифов [Терехова, 2018, с. 180].

Древнекитайский толковый словарь *Сюй Шэня* «Шо вэнь цзе цзы» «Объяснение простых и толкование сложных знаков» 《说文解字》 (был завершен в 100 г. н. э.) является первым системным лексикографическим источником в Древнем Китае, в котором рассмотрен весь массив лексики эпохи Хань на основе следующих теоретических положений.

1. Концепция *люшу* 六書. Структурный анализ знаков в словарных глоссах «Шо вэня» основан на модели «шести категорий письма» *люшу*, известной уже в эпоху Воюющих царств *Чжань-го* 戰國. В самом раннем варианте эта модель появилась в трактате «*Чжоу ли*» 周禮, составление которой приписывается *Лю Синю* 劉歆, и в комментариях *Чжэн Чжуня* 鄭衆 на данный трактат [Готлиб, 2007, с. 41]. В разном порядке и необязательно под теми же названиями *люшу* встречаются также у других ханьских авторов, например в «*Хань шу*» 漢書 «Истории династии Хань», составленной *Бань Гу* (I в. н. э.), но описание шести категорий и примеры иероглифов, относящихся к каждой, впервые в истории китайского языка представил *Сюй Шэнь* в послесловии к словарю [Завьялова, 2008а, с. 735].

Сюй Шэнь выделил простые знаки *вэнь* 文 (состоят из одного минимального значимого элемента – графемы) и сложные *цзы* 字 (состоят из одной и более графем). Простые знаки представлены в основном двумя категориями: пиктограммами *сянсин* 象形 (восходят к рисункам, форма знака непосредственно связана с денотатом) и указательными знаками *чжиши* 指事 (знаки, в состав которых входят уточняющие элементы,

указывающие на фрагмент обозначаемого объекта либо на его состояние). Сложные знаки: идеограммы *хуйи* 会意 (состоят из нескольких простых знаков, образующих целостное значение всего знака), фоноидеограммы *синшэн* 形声 (состоят из детерминатива – части, указывающей на значение, и фонетической части, прямо или косвенно указывающей на чтение). Следующие две категории демонстрируют процессы логограммообразования как некой морфологии внутри базовых процессов номинации: к видоизмененным знакам *чжуаньчжу* 转注 относятся связанные между собой по форме и значению знаки, имеется в виду частичная графическая схожесть знаков и семантическая ассоциативная связь; заимствованные знаки *цзяцзе* 假借 – омографы, которые иллюстрируют процесс эволюции значения знака (знаки, которые использовались для записи редкой или вышедшей из употребления морфемы, а затем в тех же графике и чтении приобрели новое значение) [Готлиб, 2007, с. 42–62; Завьялова, 2008 а, с. 735].

2. Принцип грамматологических штудий *синсюнь* 形训 – толкование значения через форму (структуру) знака. Описание значений строится на основе концепции *люшу* с учетом принципа единства графической формы и значения *син и тун и* 形义统一. Данный принцип опирается на особенности исторического развития китайских иероглифов – первыми иероглифами были знаки, внешняя форма которых находилась в непосредственной связи с их значением, когда по внешней форме толковалось значение. Данный принцип впервые был представлен *Сюй Шэнем* в предисловии к словарю «*Шо вэнь*» [王宁, 2002, 页 39; 尹黎云, 1998, 页 8–11]. Толкование знака представляет собой единство трех его аспектов: графической формы, значения и чтения. Известный китайский канонист эпохи *Цин*, автор комментария к «*Шо вэню*» *Дуань Юйцай* 段玉裁 пишет: «*Сюй Шэнь* осуществил толкования значений знаков на основе их структуры, знаки словаря представлены в стиле *чжуаньвэнь* 篆文. Толкования построены по следующей форме: сначала указывалось значение знака, затем рассматривалась его структура и потом – чтение». «许君之书就形而为之说解，其篆文则形也；其说解则先释其义，〈。。。〉次释其形，〈。。。〉次说其音».

3. Ключевой принцип классификации знаков. В основу организации словаря *Сюй Шэнь* положил ключевой принцип поиска и классификации иероглифов. Ключ *бушоу* 部首 – графический элемент, общий для иероглифов, объединенных в раздел *бу* 部. Автор словаря после анализа всего массива иероглифики эпохи Хань выделил 540 ключей, на основе которых были последовательно упорядочены китайские знаки по тематическим группам, сформированы большие семантические кластеры китайской иероглифики. Кроме того, данные ключи образовали

поисковую систему словаря. Среди данных ключей были представлены как простые знаки, так и сложные. Для ключей была характерна разная степень продуктивности: определенные ключи входили в состав разного количества иероглифов. Например, в группе ключа «короткохвостая птица» 隹 в словаре представлено 38 знаков, в группе ключа «пристальный взгляд» 瞿 – только один.

Последовательность ключей (порядок расположения в словарном списке) определялась комплексно: посредством структурно-семантических и гиперо-гипонимических связей:

Пример 1. 《说文·卷五》: 𠂇、目、眦、眉、盾 | 白、白、鼻、𠂇...

Пример 2. 《说文·卷十》: ... 豸、𠂇、易、象、馬、廌、鹿、麤、
毳、兔、菟...

Каждому иероглифу в словаре посвящена отдельная статья. В своей типичной форме словарная статья состоит из двух частей: объясняемого (левая часть: гнездовой иероглиф, вокабула, заглавное слово) и объясняющего (правая часть: толкование, комментарий). «Шо вэнь» содержит 9353 словарные статьи в записи нормативным письмом эпохи Цинь Ань (221–207 до н. э.) – сяочжуань 小篆 знаки малой печати. Для некоторых иероглифов указаны древние варианты написания, существовавшие до унификации письменности императором Цинь Шихуаном в 213 до н. э.: чжоувэнь 周文 письмо [историографа] Чжоу, или дачжуань 大篆 знаки большой печати, употреблявшиеся в государстве Цинь, и гувэнь 古文 древние знаки, которые получили распространение в шести восточных государствах периода Чжань-го (475–221 до н. э.). Общее число вариантов составляет 1163 знака, из них около 500 знаков гувэнь [Завьялова, 2008 б, с. 656].

Самыми ранними китайскими знаками являются знаки цзягувэнь 甲骨文 знаки на черепаших панцирях и лопаточных костях животных (большая часть иньского периода XVII–XI вв. до н. э.). Вторая группа древнекитайских письменных памятников – надписи на бронзе цзиньвэнь 金文 (другое название чжун дин вэнь 钟鼎文 надписи на колоколах и треножниках, самые ранние из которых также датируются эпохой Шан-Инь (ок. XIII в. до н. э.)). Период расцвета ритуальной бронзы – эпоха Западная Чжоу (XI в. – 771 г. до н. э.). В традиционной историографии иероглифы этого периода получили название дачжуань, или чжоувэнь. При династии Восточная Чжоу на смену единой иероглифической письменности предшествующего периода пришли региональные варианты. Расхождения наметились уже с середины эпохи Чунь-цю (770–476 до н. э.) и стали особенно заметными в период Чжань-го (475–221 до н. э.). Письменность периода Чунь-цю – Чжань-го представлена

надписями на бронзе и другими памятниками. На западе страны, в крупном государстве *Цинь*, сохранялась архаичная разновидность иероглифов *чжоувэнь* (*дачжуань*), зафиксирована в виде «надписей на каменных барабанах» *ши гу вэнь* 石鼓文, кроме того, были обнаружены надписи на бамбуке и шелке. В восточных государствах появилась более простая иероглифическая система, которая в послесловии к словарю «*Шо вэнь*» названа «древним письмом» *гувэнь*. Особые варианты иероглифов имелись в крупнейшем южном государстве *Чу*, восточном *Ци*, а также в государствах Центральной равнины и Северного Китая. В *Чу* также были обнаружены надписи на шелке и бамбуковых планках. Важнейший этап в развитии китайской письменности – ее унификация и реформа после объединения Китая империей *Цинь* (221–207 гг. до н. э.). На смену региональным вариантам в качестве стандартного был повсеместно введен циньский вариант *сяочжуань*, который сохранился на бронзовых и керамических сосудах, бамбуковых планках, монетах [Завьялова, 2008б, с. 656–657].

С разработкой словарной статьи связана проблема языка описания. В лексикографии каждого языка формируется метаязык словаря, одной из составляющих которого является набор типичных формул при описании значений слов [Гак, 1998, с. 462–463]

Согласно Ван Ли, китайская научная традиция располагала более чем 60 «терминами комментаторского характера» или своего рода «операционными словами/операторами», с помощью которых толковались и объяснялись лексические единицы [Солнцева, Солнцев, 1995, с. 118]. Для их толкования также использовались устойчивые конструкции. На основе изучения материалов китайской традиционной филологической науки *сюньгуэ* рассмотрим формулы записи глосс, получившие наиболее широкое применение в словаре «*Шо вэнь*» [冯浩菲, 2004; 劳宝荣, 武建宇, 2004].

I. Операторы пиктографической категории: 象形; 象某某之形; 从某, 象某之形; 象...

Данные конструкции использовались в словарных толкованиях для указания на пиктографическую категорию знака. Внутри фразы может быть один знак либо целая синтагма, поясняющие графический образ пиктограммы. Оператор 从 указывает на детерминатив/грамматик в структуре знака.

Пример 3. 《说文解字》: 盾 盾, 蔽也。所以扞身蔽目。象形。凡盾之属皆从盾。

«*Шо вэнь*»: 盾 盾, *щит*. Используется для защиты тела от нападения, оружие в виде пластины, прикрывающее глаза. Пиктограмма. Все знаки, семантически близкие к ключу, включают его в свою структуру [Словарь этимологий ... , 2019, с. 102].

Пример 4. 《说文解字》: 羊, 祥也。从𦍋, 象頭角足尾之形。《。。。》

«Шо вэнь»: 羊, баран, использовался в качестве жертвоприношения для привлечения удачи и благополучия. Пиктограмма. В состав знака входит грамматик бараньи рога, графическая форма знака напоминает голову, рога, четыре ноги и хвост барана. <...>

Пример 5. 《说文解字》: 𦍋, 艸蔡也。象艸生之散亂也。《。。。》

«Шо вэнь»: 𦍋, дикие травы, сорняки. Графика знака изображает беспорядочно, врассыпную выросшую траву. Пиктограмма. <...> [Там же, с. 102, 153, 193].

Пример 6. 《说文解字》: 𦍋, 交積材也。象對交之形。《。。。》

«Шо вэнь»: 𦍋, древесный материал для плетения, скрепления, сооружения чего-либо; перекрестное плетение из дерева. Пиктограмма. Графическая форма знака изображает перекрестное плетение. <...>

Отмечаем, что в ряде случаев знаки-пиктограммы (по версии Сюй Шэня) также могут быть рассмотрены как знаки указательной категории, особенно при формировании абстрактного значения. Так, в знаке в значении приспособление многократного использования для вылова рыбы начиная с эпохи цзиньвэнь на садках вместо кольца (знак цзягувэнь) стали изображать две горизонтальные линии 𦍋, которые выражали идею повтора, приспособления многократного использования для вылова рыбы. Знак сяочжуань сохранил графику цзиньвэнь [Там же, с. 167–168].

Приведем пример знака указательной категории с конкретным значением, который также описан у Сюй Шэня как пиктограмма:

Пример 7. 《说文解字》: 刃, 刀堅也。象刀有刃之形。《。。。》

«Шо вэнь»: 刃, лезвие (ножа, резака, меча). Пиктограмма. Графика знака изображает лезвие ножа.

В знаке на передней (фронтальной) части ножа, меча, резака дорисована короткая либо длинная вертикальная черта , указывающая на лезвие .

Вероятно, *Сыма Цянь* рассматривал данную категорию знака как пиктограмму с элементами указательного знака или знак указательной категории, сформированный на основе пиктографического знака. Наличие в эволюционной парадигме графики *цзягувэнь* иероглифа 刃 варианта знака 𠂆 刃 нож указывает на то, что иероглиф нож 𠂆 刃 (пиктограмма) является первичным знаком 本字 для иероглифа лезвие 刃 [Словарь этимологий ... , 2019, с. 189–190].

Графические элементы (горизонтальная черта, точка и др.), которые используются в указательных знаках, имеют разные значения в зависимости от позиции в знаке и семантики самого знака. Так горизонтальная черта может означать *шпильку для волос, поток воздуха изо рта, небо, землю и др.*, точка может означать *лезвие, каплю, осколки костей и т. д.*

II. Оператор указательной категории знаков: 指事 *чжishi*
указательная категория

Пример 8. 《说文解字》: 上 上, 高也。此古文上, 指事也。《。》。

«*Шо вэнь*»: 上 означает *высокий, находящийся наверху*, вариант знака гувэнь 上 [Там же, с. 37]. Отметим, что в словаре данный оператор используется только дважды (знаки 上 *высокий*, 下 *низкий*), однако системные рассмотрения иероглифики, учитывающие мнения китайских комментаторов словаря, обнаруживают намного больше примеров.

III. Операторы идеографической категории: 从某、从某; 从某某

Оператор 从 вводит детерминативы (семантические элементы), которые входят в состав идеограммы.

Пример 9: 《说文解字》: 習 習 (习 xí), 數飛也。从羽从白。《。》。

«*Шо вэнь*»: 習 習, *неоднократно взлетать*. Идеограмма. Знак состоит из двух грамматиков 羽 *длинное оперение птицы* и 白 *звук* zì *во время говорения воздух выходит из носа, при помощи рта* [Там же, с. 142–143].

Для данного знака в своем «*Комментарии к словарю Шо вэнь*» 《说文解字注》 *Дуань Юйцай* 段玉裁 (канонист, 1735–1815 гг.) указал фоноидеографическую категорию: 從羽白聲. Также *Ли Сюэцин* 李学勤 в своем этимологическом словаре 《字源》 отметил пограничный статус данного знака: 会意兼形声.

Итак, с данными операторами могут быть описаны знаки, которые, по мнению китайских комментаторов и грамматологов, также можно считать фоноидеограммами, т. е. состоящими из двух грамматиков, один из которых, как они полагают, является фонетиком. На этот факт также косвенно указывает фонетический образ знаков в современном языке.

IV. Операторы фоноидеограммы: 从某, 某亦声; 从某, 某声

Данные операторы использовались для указания на фоноидеограмму, состоящую из двух грамматиков, один из которых одновременно является фонетиком, либо для указания на фоноидеограмму, состоящую из грамматика и фонетика.

Пример 10. 《说文解字》: 瞿, 鷹隼之視也。从隹从目, 目亦聲。《。。。》讀若章句之句。

«Шо вэнь»: 瞿, *настороженный, пристальный взгляд как у хищной птицы [коришуна, ястреба, орла, сокола].* Фоноидеограмма, состоит из грамматика 隹 *короткохвостая птица* и грамматика/фонетика 目 *смотреть по сторонам, озираться.* <...> Читается так же, как знак 句 в сочетании 章句.

Пример 11. 《说文解字》: 放, 逐也。从支方聲。《。。。》

«Шо вэнь»: 放, *изгнать, прогонять, высылать.* Фоноидеограмма. Состоит из грамматика 支 *бить, ударять* и фонетика 方. <...> [Там же, с. 177–178].

V. Операторы усеченных вариантов графем: 从某省 (для усеченного грамматика), 从省声 (для усеченного фонетика)

Пример 12. 《说文解字》: 鹵, 西方鹹地也。从西省, 象鹽形。安定有鹵縣。東方謂之庌, 西方謂之鹵。《。。。》

«Шо вэнь»: 鹵, *западные солончаки, залежи соли.* Пиктограмма. Знак состоит из сокращенного варианта разнописи знака *птицы в гнезде, запад* 西 鹵, в графике нижней части знака изображены кристаллы соли . Было установлено, что в некоей области есть залежи соли. Солончаки, расположенные на востоке, называются с использованием знака 庌 *засоленный, солончаковый*, солончаки на западе называются с использованием знака 鹵. <...>

Пример 13. 《说文解字》: 𧈧, 獸似豕。山居, 冬蟄。从能, 炎省聲。

«Шо взнь»: 熊, дикое животное, похожее на свинью, кабана. Обитает в горах. Зимой находится в спячке. Фоноидеограмма. Знак состоит из грамматика 能 медведь и части фонетика 炎 [Словарь этимологий ... , 2019, с. 455–456].

Данный пример, как и другие примеры с фоноидеографической категорией, указывает на то, что существовали списки знаков-фонетиков, которые в структуре сложных знаков отмечались в данном статусе, даже если речь шла о графике и соответствующей ей семантике. Этот знак вполне может рассматриваться как идеограмма, состоящая из двух грамматиков: медведь (является первичным знаком бэньцзы 本字 для иероглифа 熊) 能 и огонь 火, второй элемент указывает на теплокровность медведя.

VI. Оператор заимствованной категории знаков: 以为 принимать за, считать за...

Дуань Юйцай: «В толкованиях с оператором 以为 Сюй Шэнь указывает на заимствованную категорию знака, из концепции шести категорий знаков *люшу*». 凡言以为者, 皆许君发明六书假借之法。

Пример 14. 《说文解字》: 西, 鳥在巢上。象形。日在西方而鳥棲, 故因以為東西之西。《。》。》

«Шо взнь»: 西, птицы в гнезде. Пиктограмма. Солнце садится за западные холмы, птицы разлетаются по гнездам. Поэтому в системе названий направлений света для запада был избран знак 西. Знак в значении «запад» является заимствованным. <...> [Там же, с. 522–523].

Отметим, что отнесенность к категории заимствованного знака цзяцзе сопрягается с его маркировкой как пиктограммы.

VII. Оператор фонетического образа знака: 读若 читается как...

Данный оператор используется для указания на другой знак с таким же или близким чтением, что и гнездовой иероглиф. В словарных статьях может быть представлено сочетание иероглифов или синтагма, с одним иероглифом из которых сравнивается чтение гнездового иероглифа.

Пример 15. 《说文解字》: 受 《。》。》讀若《詩》「標有梅」。

«Шо взнь»: <...> Читается так же, как знак 標 из выражения 標有梅 *опадает слива* из «Книги стихов» («Ши цзин»).

Чтения для знаков в словаре представлены не в каждой статье, а только для отдельных знаков.

VIII. Операторы для указания на вариации трактовки значения, структуры, чтения знака: 一曰; 或曰/说; 又曰

Дуань Юйцай: «Оператор 一曰 применяется для указания на другой вариант значения знака, другое имя (слово для обозначения)» 许书之一曰, 有谓别一义者, 有谓别名者. Также данный оператор указывает на другой вариант чтения знака, другой вариант описания структуры знака, другой вариант трактовки категории знака, варианты разнописей.

Пример 16. 《说文解字》: 幸, 所以驚人也。从大从羊。一曰大聲也。凡幸之屬皆从幸。一曰讀若瓠。一曰俗語以盜不止為幸, 幸讀若籛。

«Шо вэнь»: 幸, *использовать ручные оковы, кандалы для наказания людей*. Идеограмма. Знак состоит из двух грамматиков: 大 *большой, великий* и 羊 *колоть, протыкать, обличать, осуждать*. По другой версии, грамматик 大 также выполняет функцию фонетика. Все знаки, семантически близкие к ключу 幸, включают его в свою структуру. По одной из версий, знак читается так же, как знак 瓠. Считается, что *похищение, кражу, воровство* в пословицах и поговорках передавали знаком 幸. Знак 幸 читается так же, как 籛.

Пример 17. 《说文解字》: 我, 《。》牙, 或說古垂字。一曰古殺字。

«Шо вэнь»: <...> По одной версии, знак 牙 является вариантом гувэнь иероглифа 垂 *висеть*, по другой версии, является вариантом гувэнь иероглифа 殺 *убивать, уничтожать*.

Пример 18. «說文解字»: 裘, 皮衣也。从衣, 求聲。一曰象形, 與衰同意。

«Шо вэнь»: 裘, *меховая, кожаная одежда*. Знак фоноидеографической категории, состоит из грамматика 衣 и фонетика 求. Согласно другой версии, является знаком изобразительной категории и имеет значение *хиреть, слабеть*. <...> [Там же, с. 369].

IX. Оператор туньи 同意 соотносится в значении

Данный оператор указывает на два иероглифа, значения которых соотносятся по одной из семантических характеристик, по одному из аспектов семантики, но никоим образом не являются синонимами. Эти два знака находятся в ассоциативных, тезаурусных семантических связях.

Пример 19. 《说文解字》: 工, 巧飾也。象人有規榘也。與巫同意。凡工之屬皆从工。

«Шо взнь»: 工, *мастерство, умение обрабатывать, украшать что-либо*. Пиктограмма. Графика знака изображает образец, шаблон, трафарет, который использует человек в своем деле (метафорическое значение: *норма, стандарт*). Значение знака соотносится с семантикой иероглифа *шаман, колдун, знахарь, лекарь, врачеватель*. Все знаки, семантически близкие к ключу , включают его в свою структуру.

В толковании знака   также указано, что его значение соотносится с семантикой иероглифа 工.

Согласно версии комментаторов Циньской эпохи *Дуань Юйцяя* и *Дай Чжэня*, знаки видоизмененной категории *чжуаньчжу* толкуются посредством перекрестного объяснения значения *хусюнь* 互训, по формуле $A = B, B = A$. В нашем примере указывается на соотнесенность значений знаков и в каждой из глосс. Кроме того, в данных знаках отмечается частичное изменение графической формы, что также является признаком данной категории. Отсюда мы предполагаем, что оператор 同意 может выступать маркером видоизмененной категории. Отметим, что в нашем примере оба знака маркированы Сюй Шэнем как пиктограммы и одновременно в их толкованиях представлен оператор 同意.

Так как видоизменная категория знаков относится к структурному несистемному логограммообразованию и данные знаки соотносятся по семантике, то, по нашему мнению, данный вид знаков, возможно, представлен в общем списке знаков в его условных тематических разделах без специальной маркировки. Например, мы полагаем, что к видоизмененной категории относятся знаки *бескрайняя [река]* 永 и *отдельный водоток, впадающий в реку, течет по диагонали (приток реки)* 辰, графически один из знаков является перевернутой версией другого. Данные знаки представлены в общем списке ключей в условно выделенной нами тематической группе «водных объектов» в следующей последовательности: <...> 水、洑、瀕、く、く、川、泉、巖、永、辰、谷、欠、雨、雲 <...> Оба знака маркированы Сюй Шэнем как пиктограммы.

Отсутствие специальных маркеров для знаков 老 и 考 (данные примеры были указаны Сюй Шэнем в предисловии к словарю), по нашему мнению, может указывать на несистемный или неоднозначный способ маркировки, что мы уже наблюдали в маркировке знаков других категорий.

Х. Оператор цюэ 阙 оставлено без рассмотрения

Используется для тех аспектов или позиций в толкованиях, в отношении которых не хватает подтвержденных данных. 《说文》：“其所不知，盖阙如也” *Сомнительные места в толкованиях оставлены пустыми, без рассмотрения.* Данный оператор может указывать на отсутствие толкования для чтения, структуры или значения знака.

Пример 20. 《说文解字》：泉 𣶒，三泉也。阙。《。》。

«Шо вэнь»: 泉 𣶒, множество источников, родников. Чтение данного знака неизвестно. <...>

XI. 《凡某之屬皆从某》 *Все знаки, семантически близкие к данному ключу, включают его в свою структуру.*

Согласно комментарию Дуань Юйцяя 段玉裁, данная фраза означает *различные ключи распределяют знаки по соответствующим разделам, которые взаимно не смешиваются.* Эта устойчивая конструкция указывается во всех толкованиях знаков-ключей 部首, определяет соответствующий статус данного знака как поискового (по которому осуществляется поиск иероглифов в словаре) и семантического классификатора в рамках словаря и шире – в рамках всего массива китайской иероглифики. См. пример 19.

XII. В словаре широко представлены интертекстуальные связи с текстами китайской традиции: цитаты из классических философских и литературных текстов следующих авторов (выдающихся мудрецов и интеллектуалов Древнего Китая *чжуцзы* 诸子 / *тунжэнь* 通人) для уточнения толкований Сюй Шэня: *дицинский период – Конфуций* 孔子, *Хань Фэй-цзы* 韩非子; эпоха *Хань – Сыма Сянжу* 司马相如, *Дун Чжуншунь* 董仲舒, *Ду Линь* 杜林, *Вэй Хун* 卫宏.

Рассмотренная терминология относительно системно представлена на уровне микроструктуры словаря Сюй Шэня, что подтверждает заявленный автором словаря последовательный анализ китайских знаков на основе перечисленных моделей и концептуальных положений (концепции *синсюнь* 形训, *лишу* 六书, *бушоу юаньцзе* 部首原则). Отметим, что грамматологический (структурно-семантический) подход используется и на уровне макроструктуры словаря, в способе расположения общего списка знаков (ключей). Анализ авторских терминов или операторов, указывающих на категории знаков, и соответствующих примеров показал, что среди них довольно много неоднозначных или несистемных обозначений: знаки, маркированные как пиктограммы, могут оцениваться и как указательные категории, при этом и для первой и для второй категорий существуют специальные операторы;

знаки, маркированные как идеограммы, могут рассматриваться как фоноидеограммы. Статус заимствованных знаков должен быть подтвержден тщательным этимологическим анализом. Мы полагаем, что указательную категорию знаков *Сюй Шэнь* обоснованно оценивал как усложненную пиктограмму или пиктограмму с указательным элементом, однако смешение маркировок для данной категории создает впечатление неясности критериев разделения пиктограмм и указательных знаков. Неоднозначность разделения идеограмм и фоноидеограмм обусловлена неясностью и спорностью фонетических характеристик древних знаков.

Соотнесенность маркировок знаков (пример 14: знак обозначен как пиктограмма и одновременно как заимствованный; пример 19: знак обозначен как пиктограмма и, по нашему мнению, как видоизмененный знак) указывает на то, что *Сюй Шэнь* учитывал разнопорядковость критериев для первых четырех категорий знаков (пиктограмма, указательная категория, идеограмма, фоноидеограмма) и двух последних (заимствованная и видоизмененная).

Использование в словаре отдельных примеров знаков в их более ранних графических формах (*чжоувэнь* (*дачжуань*) и *гуэнь*), широкие интертекстуальные связи толкований с классическими текстами китайской традиции свидетельствуют о стремлении автора дополнительно обосновать свои данные и вписать материалы словаря в широкий контекст китайской культуры, истории письменности.

Ключевыми характеристиками описания глосс древнекитайского толкового словаря «Шо вэнь» являются: относительная системность и последовательность применяемых теоретических моделей и концепций *сюньгусюэ*, неустойчивость и неоднозначность маркировки категорий знаков, введение автором разнопорядковых критериев категориальной идентификации знаков, интертекстуальность толкований, намеченная связь с историей развития ранней графики знаков.

Литература

Гак В. Г. Словарь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая рос. энцикл., 1998. С. 462–464.

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 284 с.

Завьялова О. И. «Шо вэнь цзе цзы» // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2008а. Т. 3 : Литература. Язык и письменность. С. 734–735

Завьялова О. И. Иероглифическая письменность // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. // гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2008б. Т. 3 : Литература. Язык и письменность. С. 656–664.

Солцева Н. В., Солнцев В. М. О смене научных парадигм в китайском языкознании // Актуальные проблемы китайского языкознания : материалы VII Всерос. конф. М., 1995. С. 115–123.

Терехова Н. В. Характеристики лексикографического комментария Чжао Ци к трактату «Мэн-цзы» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, вып. 1. С. 180–187.

Словарь этимологий базовых знаков китайской письменности / Т. Е. Шишмарева, Е. А. Хамаева, Н. В. Терехова, Д. М. Домашевская. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 669 с.

冯浩菲. 中国训诂学. 济南: 山东大学出版社, 2004. 613 页

劳宝荣, 武建宇. 训诂学. 北京: 语文出版社, 2004. 253 页

许慎. 说文解字. URL: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi> (дата обращения: 12.09.2019).

尹黎云. 汉字字源系统研究. 北京: 中国人民大学出版社, 1998. 424 页

王宁. 训诂学概念. 上海: 上海教育出版社, 2002. 200 页.

УДК 930.85

Н. В. Терехова, Т. А. Терехова, Т. Г. Озерникова

Иркутский государственный университет, Иркутск

СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ БОГАТСТВА В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ¹

Аннотация. Предпринимается попытка, используя историко-культурологический и герменевтический подходы, на основе древнекитайских классических исторических текстов выявить некоторые особенности отношения к богатству, стратегии его достижения в древнекитайском обществе. С этой целью была проанализирована глава «Повествование о приумножении богатства» в «Исторических записках» древнекитайского историка, литератора, мыслителя эпохи Хань Сыма Цяня и выделены шестнадцать экономических стратегий достижения богатства. Также рассмотрена оппозиционная модель экономического развития в Древнем Китае Бань Гу.

Ключевые слова: ценность богатства, отношение к богатству, стратегии достижения богатства, древнекитайское общество.

N. Terekhova, T. Terekhova, T. Ozernikova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE STRATEGIES OF ACHIEVING WEALTH IN TRADITIONAL CHINA

Abstract. The authors of the article, using historical and cultural and hermeneutical approaches, attempt to reveal some features of attitude to wealth and strategies for achieving it in ancient Chinese society on the basis of ancient Chinese classical historical texts. For this purpose, the Chapter “The Story of Increasing Wealth” in the “Records of the Grand Historian” by the ancient Chinese historian, writer, and thinker of the Han era Sima Qian has been analyzed. The authors have distinguished sixteen economic strategies for achieving wealth. Also, the opposite models of economical development in ancient China by Ban Gu have been examined.

Keywords: the value of wealth, attitude to wealth, strategies for achieving wealth, ancient Chinese society.

Система ценностей во многом определяет своеобразие той или иной культуры. Ценности выступают неким кодексом индивидуальной и общественной жизни, который регулирует экономические, политические взгляды, нравственные, мировоззренческие убеждения и устремления лю-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ «Этно-психологические характеристики экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса», проект № 19-013-00430 А.

дей. На основе древнекитайской письменной традиции мы рассмотрим одну из важнейших прагматических ценностей – богатство (в значении благосостояние, материальные блага, совокупность материальных (преимущественно денежных) ресурсов). Используя историко-культурологический и герменевтический подходы, мы попытаемся на основе древнекитайских классических исторических текстов выявить некоторые особенности отношения к богатству, стратегии его достижения в древнекитайском обществе.

Источниковую базу исследования составили: «Исторические записки» 史记 (109–91 гг. до н. э.) Сыма Цяня, «История династии ранняя Хань» (36–111 гг.) Бань Гу.

Древнекитайский историк, литератор, мыслитель эпохи Хань Сыма Цянь 司馬遷 (145–86 гг. до н. э.) в 20-летнем возрасте начал путешествовать по стране для сбора исторических сведений, преданий, изучения народных обычаев. Служил при дворе, в 99 г. до н. э. вступился за военачальника Ли Лина, потерпевшего поражение от *сюнну* (гуннов) и сдавшегося в плен, навлек на себя гнев императора, был заключен в тюрьму и подвергнут оскотлению. После освобождения занял должность главного секретаря государственной канцелярии (*чжун шу лин*) и продолжил работу над первым в Китае историко-биографическим трудом «Ши цзи» 史记, материалы для которого начал собирать его отец. Текст Сыма Цяня не был официально заказанным историческим произведением, Сыма Цянь его писал по собственной инициативе [Кроль, 2006, с. 401–403].

Мы рассмотрим главу «Повествование о приумножении богатства», «*Хо чжи ле чжуань*» 《货殖列传》. Сыма Цянь следующим образом обосновал включение данной главы в «Исторические записки»: «*Эти люди [коммерсанты, торговцы] из простых, [они] не наносят вреда управлению, не чинят препятствий народу; берут и отдают вовремя, наращают богатства. Умный 智者 [всегда] будет с прибылью...*».

Сыма Цянь считал, что развитие страны основано на росте четырех равноценных секторов: сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, ремесленничество, торговля. В «Чжоу шу» 《周书》 сказано: *если земледельцы не производят [зерна], то возникает нехватка продовольствия 乏其食, если ремесленники не производят [изделий], то страдают любые дела 乏其事; если торговцы не поставляют [товары], то прерывается [снабжение] тремя драгоценностями 三宝; если промысловики не добывают [сырья], то количество денег сокращается 财匱少*¹. Три драгоценности *саньбао* 三寶 – это продукты земледелия, изделия ремесел и

¹ Здесь и далее по тексту курсивом будут представлены фрагменты из «Книги истории», том 9, главы «Повествование о приумножении богатства» Сыма Цяня в переводе Р. В. Вяткина и В. С. Таскина [Сыма Цянь, 2010, с. 295–312], также будут использованы фрагменты из оригинального издания «Исторических записок» Сыма Цяня на китайском языке [司马迁].

продукты природы (рек, озер, гор и лесов). По версии «Мэн-цзы» означали землю, народ и управление, развал торговли может ударить по интересам народа и правящей элиты, а также по состоянию земель. Чэнь Хуаньчжан видел здесь монетаристский аспект, считая, что речь шла о золоте, серебре и меди [Сыма Цянь, 2010, с. 495].

Во времена жизни Сыма Цяня (дин. Хань, 145–86 гг. до н. э.) развивалось предпринимательство, в основном в области торговли, и хотя оно полностью было подконтрольно государству, Сыма Цянь был убежден, что такая централизация наносит ущерб росту предпринимательского сектора и тормозит развитие страны. Он считал, что производство и взаимобмен всех товаров и услуг в стране должно быть самоорганизующимся и саморегулирующимся, что на современном языке называется свободными рыночными отношениями. *Как потоки воды стремятся вниз, как день обязательно сменяет ночь, [так и вещи] – их не призывают, а они появляются, [власти] их не требуют, а народ их производит. Разве все это не соответствует истинному Дао и естественному ходу [жизни]? 若水之趋下, 日夜无休时, 不召而自来, 不求而民出之. 岂非道之所符, 而自然之验邪?*

Сыма Цянь поддерживает мысль Конфуция об общности природы людей, об их естественном и понятном стремлении к богатству и достатку. *Уши и глаза [людей] стремятся насладиться звуками и красками, уста жаждут вкушать [мясо] домашних животных, тела находят удовольствие в покое и радостях, а сердца преисполнены гордостью от почетных назначений. Эти привычки издавна распространены в народе, и, даже если бы удалось в каждом дворе рассказать о Сокровенном мьяолунь 眇论 («глубокие и изысканные мысли из китайских философских канонов»), [людей] все равно изменить было бы невозможно. И поэтому наилучший [правитель] не стремится что-либо изменить 善者因之; тот, что похуже, – привлекает [народ] выгодой 利道, еще хуже – склонен его поучать 教诲, еще худший – принуждает к порядку 整齐, а самый плохой – вступает [с народом] в борьбу 最下者与之争. [Желание] быть богатым – в натуре человека, это то, чему не учатся, но к чему все стремятся. 富者, 人之情性, 所不学而俱欲者也.*

Сыма Цянь определяет богатство как значимую ценность, обеспечивающую статус, уважаемое положение человека в обществе. Неслучайно и в «Лунь юе» иероглиф «богатый» фу 富 в большинстве примеров представлен в сочетании с иероглифом «знатный» гуй 贵. *Постыдно, не принадлежа к выдающимся мужам, живущим в пещерах, прозябать в бедности и незнатности [и при этом] любить порассуждать о человеколюбии и чувстве долга. 无岩处奇士之行, 而长贫贱, 好语仁义, 亦足羞也. Богатые обладают влиянием 富者得势. Всякий человек из народа, внесенный в подворные списки, ниже того, кто в десять раз богаче; боится*

того, кто в сто раз [богаче]; работает на того, кто в тысячу раз богаче; прислуживает тому, кто в десять тысяч раз богаче. Таковы законы общества. 凡编户之民, 富相什则卑下之, 伯则畏惮之, 千则役, 万则仆, 物之理也. К умелым [богатство] само плывет (сходится в его руках как спицы колес на ступице), а неумелье терпят крах (рассыпается как черепица вдребезги). Обладающий тысячью цзиней [золота] сравним с хозяином владения; а тот, у кого много раз по десять тысяч, наслаждается [жизнью] подобно вану. Разве не правильно называть их нетитулованной знатью? 能者辐凑, 不肖者瓦解. 千金之家比一都之君, 巨万者乃与王者同乐. 岂所谓“素封”者邪? 非也?

Сыма Цянь устанавливает непосредственную логическую связь между достатком и этикой, моралью. Когда амбары и хранилища наполнены, то [народ] понимает ритуал и правила 礼节; когда одежды и пищи в достатке, то [народ] понимает [разницу между] славой и позором 荣辱». Ритуал рождается при достатке и исчезает в бедности. 礼生于有而废于无. Согласно Сыма Цяню, богатство и достаток является необходимым основанием для гуманности и благородства. Когда благородный человек богат, он с легкостью совершает добродетельные поступки, 君子富, 好行其德... гуманность и справедливость остаются уделом богатых 人富而仁义附焉 (пример: В течение девятнадцати лет [Фань Ли] трижды достигал [богатства] в тысячи цзиней, но вновь и вновь раздавал его бедным друзьям, отдаленным родственникам и братьям. Его можно назвать богачом, который любил проявлять свою добродетель. Позднее, когда он состарился, он передал все сыновьям и внукам. Его сыновья и внуки продолжили его дело и сильно приумножили его состояние).

Однако богатый человек может не быть благородным, и тогда он является богатым низким человеком. Когда низкий человек богат, он склонен применять силу. 小人富, 以适其力.

По мнению Сыма Цяня, существует преемственность навыков, воспитания, человеческой природы между поколениями у богатых. Сыновья из богатых семей не умирают на базарной площади.

Сыма Цянь выделяет торговлю, коммерческую деятельность как самый выгодный способ зарабатывания денег. Если кто-то стремится найти путь из бедности к богатству, то для этого земледелие хуже ремесла, а ремесло хуже торговли; вышивание узоров хуже, чем торговать у рыночных ворот. Все это говорит о том, что торговля и ремесло – это [наилучший способ] получения средств к существованию для бедных. 夫用贫求富, 农不如工, 工不如商, 刺绣文不如倚市门, 此言末业, 贫者之资也.

В результате анализа описанных Сыма Цянем биографий торговцев и коммерсантов, повествований о социально-экономической ситуации в стране и ее оценок мы выделили следующие экономические стратегии достижения богатства.

1. Смекалка, ловкость, уместность 巧. *Бедность или богатство – это не то, что может быть дано или отнято, ибо искусные всегда имеют прибыль, а неумелым всегда недостает. 贫富之道，莫之夺予，而巧者有馀，拙者不足.* Пример: *Тай-гун Вану пожаловали владение в Инцю, где было [много] приморских солончаков, а народу – мало. Он поощрял женские занятия, [требующие] большого искусства, наладил рыболовство и добычу соли, и туда стали непрерывным потоком прибывать люди и товары. 太公望封于营丘，地瀉鹵，人民寡，于是太公劝其女功，极技巧，通鱼盐，则人物归之，繯至而辐凑.*

2. Маневр 奇胜, целеустремленность 诚壹. *Однако тот, кто [хочет] достичь богатства, непременно использует для успеха оригинальные приемы. 夫纤啬筋力，治生之正道也，而富者必用奇胜. Торговля напитками – скромное дельце, но род Чжан [заработал на нем] десятки миллионов. Точить [ножи] – искусство небольшое, но род Чжи [благодаря ему] трапезничал наравне со знатью. 卖浆，小业也，而张氏千万. 酒削，薄技也，而郢氏鼎食. Все эти люди отличались исключительной целеустремленностью. 此皆诚壹之所致.*

3. Баланс спроса и предложения, управление товарами 物之理. *Если [знать, в чем у людей] потребности, то можно понять, что им понадобится. Когда это выяснено, можно понять, какие из множества товаров необходимы. 时用则知物，二者形则万货之情可得而观已. Когда наступает засуха, то [торговцы] запасают лодки; когда приходит наводнение, то [они] запасают повозки. Так управляют товарами. 旱则资舟，水则资车，物之理也. Правила заготовки товаров таковы: нужно приложить все усилия, чтобы сохранить их в целостности и не прекращать их оборот. Все делается быстро, особенно опасно надеяться на подорожание скоропортящихся продуктов питания. 积著之理，务完物，无息币. 以物相贸易，腐败而食之货勿留，无敢居贵.*

4. Изучение ценообразования. *Если следить за избытком или недостатком [товаров], то можно понять, насколько низка или высока [их цена]. Если цена повысилась до предела, она [непрерывно] упадет; если упала до предела – начнет расти. [Вот почему] дорогое [может] стать мусором, а дешевое – сравниться с жемчугом и яшмой. 论其有馀不足，则知贵贱. 贵上极则反贱，贱下极则反贵. 贵出如粪土，贱取如珠玉.*

5. Оборот денег 财币行. *Деньги должны обращаться, как [свободно] текущая вода 财币欲其行如流水.*

6. Отбор людей 择人 и использование времени 任时. Если человек умеет добывать средства к существованию 治生, значит, он умеет отбирать людей и использовать время. 善治生者, 能择人而.

7. Отложенная прибыль. Долгосрочный анализ спроса. Не стремиться к максимальной прибыли в настоящем, а спокойно наблюдать за экономической ситуаций. Пример 1. Ли Кэ думал только о том, как выжать из земли урожай побольше, а Бо Гуй с интересом наблюдал за изменениями [в экономической] ситуации, действуя так: люди отказываются, я беру; люди берут, я даю. 李克务尽地力, 而白圭乐观时变, 故人弃我取, 人取我与。В урожайные годы [он] скупал зерно, а распродал шелк и лак; когда нарождалось [много] коконов шелкопряда, он скупал и шелковые ткани, и отходы шелкового производства, а распродал продукты питания. 夫岁孰取谷, 予之丝漆; 茧出取帛絮, 予之食。Пример 2. Все сильные и влиятельные люди схватились в борьбе за обладание золотом и драгоценностями, и только род Жэнь стал накапливать зерно на складах. 豪杰皆争取金玉, 而任氏独窖仓粟。Когда [армии] Чу и Хань противостояли друг другу в Инъяне и народ не мог пахать и сеять, цена даян риса достигла десяти тысяч [монет], и тогда все золото и драгоценности сильных и влиятельных людей перешли к роду Жэнь, и он разбогател. 楚汉相拒荜阳也, 民不得耕种, 米石至万, 而豪杰金玉尽归任氏, 任氏以此起富。

8. Осторожное отношение к нововведениям. Следование любым новшествам он [Бо Гуй] приравнивал к поведению диких зверей и хищных птиц. 能薄饮食, 忍嗜欲, 节衣服, 与用事僮仆同苦乐, 趋时若猛兽挚鸟之发。

9. Дружба с властью. У-ши Ло разводил скот, и, [когда поголовье] увеличивалось, он [часть] продавал и приобретал диковинные изделия из шелка, которые подносил правителю жунов, преследуя вполне корыстные цели. [И тот] отдаривал его в десятикратном размере, присылая скот: табуны коней и стада коров. 乌氏倮牧, 及众, 斥卖, 求奇缯物, 闲献遗戎王。戎王什倍其偿, 与之畜, 畜至用谷量马牛。

10. На дальние расстояния не торговать. Далее чем за сто ли дрова не продают, далее чем за тысячу ли зерно не продают. 百里不贩樵, 千里不贩余

11. Дела – прежде всего. Пока не кончены общие дела, не пить вина и не есть мяса. 公事不毕则身不得饮酒食肉。

12. Мудрость 智, смелость 勇, человеколюбие 仁, твердость 强. Тот, кому недостает мудрости приспособиться к обстоятельствам, смелости принимать решения, человеколюбия, чтобы взysкивать и одаривать, сил, чтобы требовать, то, даже пожелай он изучить мое искус-

ство [ведения дел], его никогда не научишь. 是故其智不足与权变, 勇不足以决断, 仁不能以取予, 强不能有所守, 虽欲学吾术, 终不告之矣。

13. Приобретать дорогое и лучшее 取贵善. *Другие люди, которые обрабатывали поля и выращивали скот, боролись за дешевые товары, и только род Жэнь старался приобрести дорогое и самое лучшее. [Этот род] был богат в течение нескольких поколений. 田畜人争取贱贾, 任氏独取贵善. 富者数世.*

14. Пользоваться товарами своего производства. *Однако Жэнь Гун установил в семье правило: не использовать для еды и одежды то, что не было произведено на своих полях и фермах. 然任公家约, 非田畜所出弗衣食 《。。。》.*

15. Законность, защита своих интересов, мера. *Отказавшись от несправедливого пути ведения дел, они использовали любую возможность для получения прибыли и в результате добились богатства. Оно сделалось главным в их жизни, [они] защищали его во что бы то ни стало, [даже] с помощью оружия, [но, как правило], пользовались законом. Становясь богаче, знали меру, потому что были талантливы в своем деле. 皆非有爵邑奉禄弄法犯奸而富, 尽椎埋去就, 与时俯仰, 获其赢利, 以未致财, 用本守之, 以武一切, 用文持之, 变化有概, 故足术也.*

16. Бережливость, упорный труд – это основной путь для добывания средств к существованию. *[Бо Гуй] мог обходиться обычной едой и питьем, был сдержан в своих желаниях, скромно одевался, вместе с работавшими на него слугами и рабами делил и трудности, и радости. Богачи соперничали в роскоши и мотовстве, а род Жэнь, в отличие от них, обрабатывал поля и выращивал скот. 富人争奢侈, 而任氏折节为俭, 力田畜.*

Взгляды Сыма Цяня подверглись критике на страницах другой известной древнекитайской исторической книги 《汉书》《Историческая хроника династии Хань», составленной по официальному заказу власти известным придворным историографом и мыслителем Бань Гу 班固 (32–92 гг.).

Официальная точка зрения в эпоху Хань по поводу социально-экономического развития страны была основана на принципах социальной стабильности и равномерного распределения богатств, экономического контроля и регулирования со стороны государства. Бань Гу цитирует Конфуция: «Я слышал, что те, кто управляют государством или большим родом, озабочены не тем, что богатств недостаточно, а тем, что распределены они неравномерно; озабочены не тем, что народ малочислен, а тем, что [в стране] неспокойно. Когда богатства распределены равномерно, то не будет бедности; если в стране спокойно, то исчезнет и опасность [для правителя]» (Лунь-юй, XVI, 1) [Лунь-юй, 2004 с. 220]. В своей хронике он делает акцент на развитии сельского хозяйства как залого государственного процветания и благосостояния: *если мужчины не пахут, то наступа-*

ет голод, если женщины не ткут, то люди замерзнут. 一夫不耕，或受之饥；一女不织，或受之寒。

Бань Гу иерархически распределяет четыре класса общества: самым значимым, высшим классом он называет ученых (советников правителя в вопросах управления государством), на второй позиции – крестьяне (считалось, что они способствовали государственной стабильности, так как обеспечивали продовольствием страну), на третьей – ремесленники, на последней – торговцы (вызывают нестабильность в государстве, неудобны в управлении). Данный принцип социальной иерархии просуществовал на протяжении всей истории Китая, до Нового и Новейшего времени. При династии Хань торговцы подвергались целому ряду ограничений: например, они не могли одеваться в шелк или ездить на лошадях в общественных местах, они не могли участвовать в официальных экзаменах на получение государственной должности, практически не обладали социально-политическими правами и т. д.

Бань Гу, так же как и Сыма Цянь, представил в своей хронике биографии известных коммерсантов и торговцев эпохи Хань, описал социально-экономические реалии и дал им свою оценку. Бань Гу назвал всех торговцев преступниками, незаконно нажившими свое богатство, «<...> они хитростью завоевали доверие, вторглись в интересы Правителя и простых людей. Это стало причиной ухудшения ритуалов и традиций, и как следствие, падения царства». Бань Гу называл торговцев безнравственными преступниками, ворами, укравшими деньги Правителя. По мнению Бань Гу, «торговцы не занимаются выращиванием урожая и содержанием пастбищ», они ищут возможности для развития коммерции, которая на самом деле означает «одурачивание» и «обман» людей. Однако при этом Бань Гу перечислил имена коммерсантов, которые заработали свои деньги, в том числе работой в поле, вяленьем мяса и т. д. Главный тезис Бань Гу: «Вся земля, доходы от перемещения и продажи товаров, ресурсы, найденные полезные ископаемые – все принадлежит Правителю. А те, кто зарабатывает торговлей, добычей на своей земле полезных ископаемых, – воруют из кармана Правителя». Необходимость в местной торговле большая, коммерческая и торговая деятельность была важна для развивающегося Китая. Торговля между разными частями Китая могла приносить хорошие деньги.

Кроме того, начиная с эпохи Хань стала развиваться торговля с иностранными государствами. Для контроля над торговой прибылью внутри страны и между государствами в Китае были установлены специальные официальные должностные лица, назначаемые центральным правительством. Вплоть до конца правления последней династии Цин в Китае была строго запрещена прямая торговля с иностранными и местными компаниями, вся торговля осуществлялась при посредничестве правительства.

Правительство ввело ограничения на торговую деятельность, беспокоясь, что успешные коммерсанты станут богатыми и влиятельными в государстве людьми. Крестьяне считались более покорными и послушными подданными правителя, чем успешные торговцы [班固, 汉书].

В Восточной Хань именно Бань Гу было поручено создание исторической летописи эпохи Хань, в которой должны были отражены стратегии и идеология сдерживания частной торговли и коммерции. Данная политика была направлена на подавление предпринимательского сектора, в ее рамках многие богатые купцы стали покупать землю и становились землевладельцами, что определило тип китайской социально-экономической системы и управления в стране вплоть до Нового времени. Позже другим придворным историографом Фань Е 范晔 была написана следующая часть исторических хроник династии Хань «История династии Поздняя Хань» «Хоу Ханьшу» 后汉书, охватывающая период с 25 по 200 г. н. э. В своей работе Фань Е высоко оценил труд Бань Гу, а текст Сыма Цяня был назван пристрастным, вульгарным, фрагментарным, искажающим исторические реалии.

Стоит отметить, что, несмотря на оппозиционность взглядов, ни первый, ни второй варианты интерпретации социально-экономических реалий, в том числе деятельности коммерсантов и торговцев в Древнем Китае эпохи Хань, не отменяют, а наоборот, доказывают наш основной тезис о высокой значимости ценности богатства, важности стратегий его достижения в системе традиционных китайских ценностей. По сути концепции древнекитайских мыслителей свидетельствуют о развитости экономического сознания и поведения уже в эпоху Хань. Если Сыма Цянь выступал за институт частной собственности, свободные рыночные отношения, то его оппонент Бань Гу отстаивал централизованную управляемую экономику и подчиненность всех секторов экономики правителю. Постепенно вторая модель (Бань Гу) одержала победу, однако в современном Китае произошел синтез данных концепций, что косвенно указывает на сохранение обеих традиций на протяжении истории Китая.

Выделенные в результате анализа описанных Сыма Цянем биографий торговцев и коммерсантов, экономические стратегии достижения богатства можно представить в виде следующей комплексной классификации личностных качеств, умений и экономических инструментов:

- **личностные качества, указывающие на отношение коммерсантов Древнего Китая к делу:** смекалка, ловкость, уместность, маневренность в принятии решений, умение использовать время, терпение, осторожность, дальновидность мышления, целеустремленность, бережливость, трудолюбие, законность, защита своих интересов, мера, смелость в принятии решений, мудрость приспособиться к обстоятельствам; осторожное отношение к нововведениям;

● **личностные качества и умения, указывающие на отношение коммерсантов Древнего Китая к людям:** дружба с властью, умение осуществлять отбор людей для работы, человеколюбие (гуманность), чтобы взыскивать и одаривать), мудрость приспособиться к обстоятельствам, твердость, чтобы требовать;

● **актуальные экономические инструменты:** учет баланса спроса и предложения, изучение ценообразования, оборот денег, отложенная прибыль, долгосрочный анализ спроса, избегание торговли на дальние расстояния, стремление к приобретению дорогих и лучших товаров, преимущественное использование товаров своего производства.

Литература

Кроль Ю. В. Сыма Цянь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1: Философия; Ин-т Дальнего Востока. С. 401–403.

Лунь юй. Суждения и беседы: пер. с кит. Л. С. Переломова / Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. 431 с.

Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: [в 9 т.] / пер. с кит. и коммент. под ред. А. Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2010. 623 с.

司马迁. 史记 URL: <https://ctext.org/shiji> (дата обращения: 12.09.2020).

班固. 汉书 URL: <https://ctext.org/han-shu> (дата обращения: 12.09.2020).

УДК 39

М. А. Титова

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

ОПЫТ АТРИБУЦИИ СТАТУЭТКИ КУЙ-СИНА ИЗ ФОНДА НАСЛЕДИЯ РЕРИХОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА

Аннотация. Доклад посвящен атрибуции бронзовой статуэтки Куй-сина из фондов Государственного музея Востока. Этот предмет входит в состав коллекции семьи Рерихов. Куй-син – даосское божество, помощник бога литературы Вэньчана. В докладе рассматриваются генезис божеств в даосском пантеоне, особенности иконографии Куй-сина, а также вопрос датировки статуэтки.

Ключевые слова: даосизм, даосское искусство, даосская иконография, китайская мифология, атрибуция, Рерихи, скульптура.

M. Titova

The State Museum of Oriental Art, Moscow

THE ATTRIBUTION EXPERIENCE OF KUI-XING STATUETTE FROM THE HERITAGE OF ROERICH FAMILY IN THE STATE MUSEUM OF ORIENTAL ART

Abstract. The report addresses the attribution of a bronze figurine of Kui-Xing from the State Museum of Oriental Art. This item is part of the Roerich family collection. Kui-Xing is a Taoist deity, assistant to the god of literature Wenchang. The report discusses the genesis of deities in the Taoist pantheon, the features of Kui-Xing iconography as well as the issue of dating the statuette.

Keywords: Taoism, Taoist iconography, Chinese mythology, attribution, Roerich, metallic sculpture.

Доклад посвящен атрибуции бронзовой статуэтки из наследия семьи Рерихов, которая хранится в фондах Государственного музея Востока в Москве. Предмет поступил в 1977 г. в составе коллекции предметов декоративно-прикладного искусства и этнографии, принадлежавшей семье Рерихов. Это был дар Государственному музею Востока от гражданки США Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе. Госпожа Кэмпбелл-Стиббе являлась доверенным лицом семьи Рерихов и в конце 1940-х гг. была вице-президентом Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Статуэтка занесена в Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации под № 4435327. В 2014 г. ее изображение было опубликовано в каталоге О. В. Румянцевой «Щедрый дар. Коллекция Рерихов из собрания К. Кэмпбелл в Государственном музее Востока». Первоначальная атрибуция выглядела следующим образом: «Скульптура божества. Центральная Азия, XVIII в. (?)» [Румянцева, 2014, с. 219].

При атрибуции культовой металлической скульптуры различных регионов Азии необходимо принимать во внимание ряд факторов. Существуют технологические, стилистические, иконографические признаки, по которым можно отнести произведение к тому или иному региону, религиозной традиции, художественной школе. Обращаясь к иконографическому анализу, во внимание принимают такие детали, как определяющие атрибуты.

Фигурка божества представляет собой образец мелкой металлической пластики, она выполнена из бронзы, размеры – 13×7 см. У статуэтки отсутствует пьедестал, утрачены ступня правой ноги и атрибут в правой руке. В левой руке персонаж держит предмет, идентифицируемый как чаша или ковш. Среди других особенностей отмечены динамическая поза, лента возле плеч и лик, напоминающий гневные формы буддийских божеств. Персонаж, наделенный сходными иконографическими признаками, был обнаружен в пантеоне даосских божеств.

Даосизм – китайское религиозно-философское учение. В основе даосизма лежит представление о дао как об источнике всего сущего. Это понятие сопоставимо как с индуистскими и буддийскими представлениями о дхарме, т. е. универсальных законах Вселенной, так и с индуистским брахманом, который в Упанишадах является первоосновой всего сущего. В даосизме высший уровень духовного совершенства выражается в бессмертии, соответственно, существуют представления о том, как этого достичь. Идея бессмертия подкреплялась многочисленными мифологическими сюжетами и легендами [Васильев, 1982, с. 136; Токарев, 1980, с. 539].

Для понимания особенностей даосского пантеона в применении к предмету данного исследования необходимо отметить некоторые эпизоды истории даосизма. Древнейшая форма даосизма связана с магическими практиками, направленными на взаимодействие с духами и силами природных стихий [Вонг, 2001, с. 8].

В эпоху Чжоу (ок. 1045–221 гг. до н. э.) правители нанимали шаманов в качестве советников, предсказателей и целителей. То есть в древнекитайском обществе человек, обладавший в глазах большинства сверхъестественными способностями, использовал свой дар на службе государства [Титаренко, 2007, с. 202].

Период Весен и Осеней (ок. 722–481 гг. до н. э.) ознаменован возвышением феодальных государств, конкурировавших между собой. Дипломатия и искусство управления становятся актуальными дисциплинами для феодальных правителей, каждый из которых стремился создать сильное централизованное государство. Так возникает спрос на советников, который породил новый социальный класс, – наемных государственных деятелей. Странствующие советники переезжали из одного царства в другое и предлагали свои услуги правителям. Именно эту социальную роль приписывают Лао-цзы.

Эти примеры в глазах представителей древнекитайского общества означали возможность для человека любого происхождения возвыситься за счет своего интеллекта, уровня образованности и других качеств.

В древнекитайской мифологии существуют персонажи, которые подверглись историзации – со временем их стали истолковывать в качестве реально существовавших деятелей глубокой древности [Токарев, 1980, с. 536–537]. Так, Лао-цзы считается основателем даосизма, хотя достоверные сведения об этом человеке отсутствуют [Титаренко, 2007, с. 213]. Согласно представлениям даосов, учение Лао-цзы было записано в виде трактата «Дао-Дэ цзин» в III в. до н. э.

После объединения страны под властью династии Цинь (ок. 221–207 гг. до н. э.), а затем династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) необходимость в странствующих советниках исчезла. Однако этот социальный слой продолжал существовать в виде гадателей, врачевателей и т. д. [Титаренко, 2007, с. 210]

В китайской культуре существуют два типа алтарей – алтари предков и алтари, посвященные высшим силам. В сер. II в. н. э. ханьский император Хуань-ди приказал воздвигнуть алтарь Лао-цзы и провел официальную церемонию в его честь. Лао-цзы не был предком императора, и поэтому даосский мыслитель удостоился почитания в качестве представителя высших сил. Таким образом, произошла трансформация исторического персонажа в божество.

В первые века нашей эры даосизм превращается в организованную религию со своей системой ритуалов, институтом священства и пантеоном божеств [Вонг, 2001, с. 8; Токарев, 1980, с. 538]. В XI в. в эпоху Сун в китайской культуре происходит синтез даосизма, буддизма и конфуцианства, и в этот период к даосскому пантеону присоединяются буддийские бодхисаттвы и конфуцианские мудрецы [Вонг, 2001, с. 10; Непомнин,

2005, с. 623]. Многообразие религиозно-философских представлений, догматов и образов придавало особую пластичность религиозным убеждениям жителей различных регионов Китая. Даосизм, в частности, представляет собой феноменальный сплав религиозных, философских и магических представлений.

Иконография даосских божеств развивалась в связи с расширением даосского пантеона. Иконография призвана закреплять систему изображения того или иного божества. Причем изображение должно быть узнаваемым, для того чтобы даже малообразованные представители самих низких социальных слоев могли идентифицировать персонажа по совокупности атрибутов и других характерных особенностей.

Обращаясь к предмету исследования, мы отмечаем наличие атрибутов и иных иконографических признаков, характерных для изображений Куй-сина. Культ Куй-сина известен с XII–XIII вв., т. е. с того периода, когда даосский пантеон активно развивается, пополняется персонажами и связанными с ними мифологическими сюжетами.

Куй-син отождествляется с первой звездой Большой Медведицы. В даосских космологических представлениях большое значение придается Полярной звезде и звездам Северного ковша (Большой Медведицы). Считается, что именно там живут божества, которые заведуют судьбой и долголетием [Титаренко, 2007, с. 206].

Имя божества можно перевести с китайского языка как «первая звезда». Словом «куй» обозначают первую звезду созвездия Большая Медведица. Также иероглиф «куй» может обозначать «чашу», «черпак» или «ковш».

В иерархии даосских божеств Куй-син играет второстепенную роль, являясь помощником покровителя искусств и литературы Вэньчана, который обитает на небесах на группе звезд по соседству с Северным ковшом. В ведении Вэньчана также находятся экзамены, сдача которых давала право на чиновничий пост. Вэньчан изображается в одежде чиновника и в сопровождении двух помощников, Куй-сина и Чжу-и – земного представителя Вэньчана [Там же, с. 412].

Куй-син отождествляется с китайским государственным деятелем и литератором XI–XII вв. Су Ши, который также известен как Су Дунпо. Су Ши дважды подвергался ссылкам – в провинции Хэбэй (на востоке Китая) и Гуандун (на юге Китая). Природа этих мест вдохновляла его на литературное творчество, и Су Ши прославился как мастер поэтических эссе жанра фу, который также называют пейзажной лирикой [Семанов, Бежин, 1984, с. 144].

Позднее Куй-сина начинают отождествлять с еще одним государственным деятелем эпохи Сун (ок. 960–1279 гг.) – Бао Чжэном, который прославился своей неподкупностью и успехами в борьбе с коррупцией при императорском дворе [Титаренко, 2007, 374].

Куй-син, с одной стороны, входит в сферу космогонических представлений даосов, с другой стороны – это пример того, как исторические персонажи становятся бессмертными за счет своих добродетелей и присоединяются к пантеону божеств. Таким образом, прослеживается древняя традиция, согласно которой даосские божества не только олицетворяют собой успех в духовных практиках, но и являются ролевыми моделями, показывающими то, как человек может достичь высот в своем деле и обрести бессмертие за счет усердного труда на благо государства и добропорядочного образа жизни.

Образ Куй-сина, несмотря на отождествление с реально существовавшими историческими личностями, обрел также мифологическую сторону из области фольклорных представлений. В самом распространенном варианте народного мифа у Куй-сина было безобразное лицо. Когда он первым выдержал экзамены на ученую степень, ему полагалась аудиенция у верховного правителя, но, увидев его, император отказал ему в этой чести. В отчаянии Куй-син бросился в море, но рыба ао вынесла его на поверхность и спасла [Токарев, 1980, с. 564].

Иконография Куй-сина отражает этот миф, иллюстрируя его запоминающуюся концовку, которая, в отличие от всей истории, носит сказочный характер. Куй-син изображается стоящим на правой ноге, его левая нога согнута в колене, отведена назад и приподнята. В правой руке он держит кисть для каллиграфии. Предмет в левой руке интерпретируется исследователями как чаша, символизирующая ковш Большой Медведицы, или же как казенная печать. Его одежда – это повязка вокруг бедер и шарф [Титаренко, 2007, с. 483]. Лик с торчащими зубами, наростами и другими символами непривлекательности и развевающиеся волосы также являются традиционными чертами, однако не всегда воспроизводятся в скульптурных изображениях. Представленная бронзовая статуэтка из фондов Государственного музея Востока соответствует всем иконографическим признакам, свойственным этому даосскому божеству.

Таким образом, утраченным атрибутом в правой руке, вероятнее всего, является кисть для каллиграфии, а пьедестал статуэтки мог быть как в форме лotosового пьедестала, так и в виде рыбы ао.

Присутствие рыбы ао в изображениях Куй-сина является символически обоснованным – в средневековой китайской литературе ао стала символом достижения высших ученых степеней.

Итак, иконографические признаки в культовой металлической скульптуре Индии, Тибета, Китая всегда имеют свое символическое обоснование, и каждая деталь может указать на событие или свойство, связанное с изображаемым персонажем. Каждое изображение божества, таким образом, можно сравнить с шифром, разгадку которого необходимо искать в скульптурных традициях того или иного региона.

В отношении датировки данного предмета исследования целесообразно опираться на стилистику и технологические особенности произведения, применимость к тому или иному историческому периоду, а также – на провенанс.

Аналоги статуэтки были обнаружены среди образцов китайской металлической скульптуры, относящейся к XVI–XVII вв., т. е. к периоду правления династии Мин (1368–1644 гг.), а также к XIX в., т. е. к позднему периоду правления династии Цин (1644–1912 гг.).

Наиболее высокий уровень художественного исполнения отмечен в металлических статуэтках Куй-сина, относящихся к периоду правления династии Мин.

В период правления династии Мин некоторые направления и практики даосизма переживали свой расцвет. Минские императоры организовывали даосские церемонии и принимали в них участие. В аристократической среде особой популярностью пользовались представления об эликсире бессмертия, и это способствовало развитию такого направления, как даосская алхимия. В период правления династии Мин переиздавалась даосская литература [Титаренко, 2007, с. 248–249]. Благожелательное отношение к даосизму со стороны властей отражалось на создаваемых в этот период даосских произведениях искусства. Облик божеств в даосизме является объектом визуализации и медитации, и внешний вид божества в произведении искусства имеет большое значение – это показатель состояния самого владельца предмета. Поэтому для поддержания долготы и здоровья, а также сохранения хороших отношений с высшими силами предмет культа должен был выглядеть как можно лучше [Вонг, 2001, с. 11–12].

В ранний период правления династии Цин основным направлением интеллектуальной деятельности была критика литературных, художественных и духовных тенденций минского периода. Первые маньчжурские императоры династии Цин ввели курс на упрочение конфуцианских норм [Юэ, 1959, с. 526; Непомнин, 2005, с. 338–339; Титаренко, 2007, с. 250]. В то же время это породило новые формы даосизма, в которых большое значение придавалось медитации и работе над сознанием.

После падения цинской монархии и установления республики (1912–1949 гг.) народная культура и народные верования продолжали существовать, несмотря на антирелигиозную пропаганду [Непомнин, 2005, с. 623; Титаренко, 2007, с. 251]. Начиная с 1949 г., после прихода к власти коммунистов, даосизм оказался под запретом, и в результате даосская практика в ее публичном проявлении практически исчезла в континентальном Китае. В 1980 г. даосизм был вновь разрешен на территории Китая, и с тех пор является широко распространенной религией.

Рассматривая предмет исследования, очевидно, что данное произведение не отличается высоким уровнем художественного исполнения. Все детали облика даосского божества воспроизведены весьма условно со слабо выраженной проработкой металла. Однако мастер полностью соблюдал традиционные для Куй-сина иконографические признаки.

При атрибуции произведений искусства необходимо рассматривать заказчика и цель создания предмета. Культовая металлическая скульптура императорского Китая в принципе представлена в двух видах – дворцовой и храмовой [Непомнин, 2005, с. 622–623]. В данном случае предмет не отвечает высочайшим эстетическим стандартам дворцовой скульптуры.

Металлические статуэтки Куй-сина находятся в собраниях музеев (Британский музей / The British Museum, Метрополитен-музей / The Metropolitan Museum of Art, Миннеаполисский институт искусства / Minneapolis Institute of Art, Художественный музей Цюаньчжоу / Quanzhou Art Museum и др.) и частных коллекционеров, фигурируют на аукционах (Сотбис / Sotheby's, Лемперт / Lempertz и др.).

Минских аналогов идентичного уровня художественного исполнения обнаружено не было. Среди цинских аналогов были обнаружены металлические статуэтки Куй-сина со сходным уровнем художественного исполнения, и датированы они XIX в., т. е. поздним периодом правления династии Цин.

Несмотря на то что в эпоху Цин даосизм переживал упадок, в этот период сохранялась система государственных экзаменов на получение ученых званий, и статуя Куй-сина ставилась в особой башне на экзаменационном дворе [Токарев, 1980, с. 564]. То есть в период правления династии Цин отдельные культы даосских божеств оставались актуальными и поддерживались со стороны властей, соответственно, спрос на изображение этих божеств также сохранялся.

Провенанс является одним из наиболее важных факторов для определения датировки. Напомним, что предмет является частью коллекции семьи Рерихов, которая поступила в Государственный музей Востока в 1977 г. Ранее эта коллекция пополнялась на протяжении десятилетий во время научно-исследовательских экспедиций в Центральную и Восточную Азию, а также путешествий по Индии. Наследие семьи Рерихов, таким образом, представлено не только живописными, графическими и литературными произведениями. Н. К. Рерих, его супруга Е. И. Рерих, их сыновья Ю. Н. Рерих и С. Н. Рерих проявили себя как коллекционеры произведений декоративно-прикладного искусства и предметов этнографии различных регионов Азии.

К сожалению, в эпистолярном наследии семьи Рерихов содержится немного упоминаний о конкретных находках. Тем не менее видится возможным сделать предположение о том, как этот предмет, относящийся к даосской религиозной традиции, мог оказаться в коллекции. Рерихи осу-

ществовали Маньчжурскую экспедицию в 1934–1935 гг., и маршрут этой экспедиции включал в себя Маньчжурию и северный Китай. Рерихи имели возможность обнаружить статуэтку Куй-сина во время этой экспедиции. Ю. Н. Рерих, старший сын художника Н. К. Рериха, был выдающимся востоковедом и зарекомендовал себя как знаток предметов материальной культуры Южной, Центральной и Восточной Азии. Подобная статуэтка в республиканском Китае могла привлечь внимание ученого.

Следовательно, мы можем допустить наиболее позднюю датировку – это начало 30-х гг. XX в., а самой ранней границей, опираясь на уровень художественного исполнения аналогов и исторические сведения, мы можем признать поздний период правления династии Цин.

Пантеон даосизма чрезвычайно разнообразен. Он складывался на протяжении тысячелетий и, помимо образов даосских бессмертных, впитывал в себя элементы древнекитайской мифологии, местных народных культов, а также буддийской иерархии просветленных существ и конфуцианских представлений о совершенном управлении [Титаренко, 2007, с. 205].

Большинство даосских божеств имеют ограниченный функционал. Данная статуэтка изображает Куй-сина, в зону ответственности которого входили экзамены на ученую степень. Успех в этом деле позволял соискателю занять свое место в государственном аппарате страны.

Даосское искусство носит преимущественно народный характер. Наиболее выдающиеся образцы даосской мелкой металлической пластики относятся к периоду правления династии Мин, когда даосизм получал широкую поддержку властей. Большая часть даосских произведений искусства создавалась в условиях китайских деревень и представлена народными картинами, деревянной и металлической скульптурой.

Подобный предмет в собраниях отечественных коллекционеров восточного искусства XIX – первой половины XX вв. является редкостью. Присутствие данной статуэтки в коллекции семьи Рерихов отражает исключительную широту интересов этой семьи.

Литература

Васильев Л. С. Дао и брахман: феномен изначальной верховной всеобщности // Дао и даосизм в Китае. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 136.

Вонг Е. Даосизм. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 8–12.

Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин XVII – начало XX века. М. : Вост. лит. РАН, 2005. С. 338–339, 622–623.

Румянцева О. В. Щедрый дар. Коллекция Рерихов из собрания К. Кэмпбелл в Государственном музее Востока. М. : Государственный музей Востока, 2014. С. 219

Семанов В. И., Бежин Л. Е. Китайская пейзажная лирика III–XIV вв. (Стихи, поэмы, романсы, арии). М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1984. С. 144.

Духовная культура Китая / М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Анисеева // Энциклопедия. В 5 т. Т. 2. Мифология. Религия. М. : Вост. лит. РАН, 2007. С. 202, 205–206, 210–213, 248–251, 412, 483.

Токарев С. А. Мифы народов мира : энциклопедия. Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1980. С. 536–538, 564.

Юэ Ш. Очерки истории Китая. М. : Изд-во вост. лит., 1959. 526 с.

曾献飞, 陈晓梅 (南昌)

江西财经大学

《长恨歌》中的两个字音考

摘要:《长恨歌》是中国诗歌史上的名篇, 被选入多种中学和大学语文教材。各家对文本中一些容易产生歧义的多音字的读音有不同观点。“云髻半偏新睡觉”的“觉”当读为“jiào”, 不读“jué”, 指“睡醒”的意思。“临别殷勤重寄词”中的“重”当读为“chóng”, 不读“zhòng”, 指“再, 又”的意思。

关键词:长恨歌; 读音; 考证; 觉; 重; 再; 又; 诗歌; 文本; 歧义。

Zeng Xianfei, Chen Xiaomei

Jiangxi University of Finance and Economics, NanChang

RESEARCH ON TWO PRONUNCIATIONS IN A SONG OF EVERLASTING REGRET

Abstract. A song of Everlasting Regret is a famous Chinese poetry and it was elected by a variety of Chinese Language Textbooks in secondary schools and universities. There are different views on the pronunciations of the homographs in the textbook. The character of 觉 in «云髻半偏新睡觉» which means «awakened» should pronounced as jiào not jué. The character of 重 which means «again» in «临别殷勤重寄词» should pronounced as chóng not zhòng.

Keywords: A Song of Everlasting Regret; pronunciations; research; sleeping; again; also; poetry; text; ambiguity.

Цзэн Сяньфэй, Чэнь Сяомэй

Цзянси́йский финансово-экономический университет, Наньчан

К ВОПРОСУ О ДВОЙНОМ ЧТЕНИИ ИЕРОГЛИФОВ В ПОЭМЕ «ВЕЧНАЯ ПЕЧАЛЬ»

Аннотация. Рассматривается поэма «Вечная печаль» – знаменитое китайское произведение стихотворного жанра, оно подробно разбирается в учебниках по литературе в средних школах и университетах. Отмечаются разные взгляды на произношение омографов в разных учебниках. Знак 觉 со значением «пробудиться» во фразе 云髻半偏新睡觉 должен читаться как jiào, а не jué. Знак 重 со значением «опять, снова» во фразе 临别殷勤重寄 должен читаться как chóng, а не zhòng.

Ключевые слова: «Вечная печаль», чтение/произношение, исследование, сон, снова, опять, поэзия, текст, многозначность.

《长恨歌》是唐代著名诗人白居易所创作的一篇长篇叙事诗。《长恨歌》与白居易的另一篇长篇叙事诗《琵琶行》在当时号称“千字律诗”, 流传极广、影响很大。唐宣宗李忱在《吊白居易》诗中说:“童子解吟长恨曲, 胡儿能唱琵琶篇。”[1]《长恨歌》因其独特的艺术魅力位居唐诗百首名篇第13名[2]。

现在的中学课本(人教版高二选修)、大学语文课本大多选有《长恨歌》。一些诗歌赏析之类的著作, 特别是唐诗赏析方面的著作, 也大多选入了《长恨歌》。诗中有些字是多音字, 且存在一字多义的现象, 各本对《长恨歌》中这些字的理解并不完全一致, 因此给这些多音字的注音和解释并不相同。也有的选本可能认为这些字不存在歧义或回避问题而没有给这些多音字注音和解释。在没有读音和注释情况下, 人们在朗诵《长恨

歌》时对这些多音字只能凭自己的理解来朗读。本文就《长恨歌》中的两个多音字读音问题进行了详细考证，望大方之家教正。

一、云髻半偏新睡觉，衣冠不整下堂来

现在几乎所有的选本对“云髻半偏新睡觉”中的“觉”都没有注音。选本对“觉”的解释大多是“睡醒”的意思¹。这个解释没有错，但“觉”在这里可以有二个读音：“jué”和“jiào”，到底哪一个是正确的呢？各本均未注音。因而朗诵者只能根据自己的理解来选择读音。例如，中央电视台《科教频道》（央视十台）《子午书简》节目（《唐诗十家—白居易》）由著名朗诵家高峰朗诵的《长恨歌》把“觉”读为“jué”。丁帆主编的《大学语文》（外语教学与研究出版社2005年版）教材配套的光盘中，朗诵者把“觉”也读为“jué”[3]。我们认为，应当读为“jiào”。

要确定“觉”的正确读音，首先我们就必须了解文中“睡觉”一词的真正含义。诗中的“睡觉”是一个偏义复词。据杨吉春考证[4]，“睡觉”一词有“睡醒”和“进入睡眠状态”两个义位。隋唐五代时期共出现93例，其中90例的意思表示“睡醒”。本文表示的也是“睡醒”的意思。“睡觉”就是指“从睡眠中醒过来”的意思。据《辞源》，“觉”读为“jué”时有6个义项：醒悟，明白；启发使人觉悟；知觉，感觉；发觉；表明；高大，正直。这6个义项都没有“睡醒”的意思，而“觉”读为“jiào”则有“睡醒”的意思。也就是说“觉”应当读为“jiào”。

此外，我们还可以从诗歌的用韵来考察“觉”的读音。“觉”在《广韵》中有二个反切：一个是古岳切，属于入声，觉韵，今读“jué”。一个是古孝切，属于去声、效韵，今读“jiào”。不管是入声，还是去声，“觉”的古声调都属于仄声。因此我们无法从诗歌的平仄格律来考证“觉”的读音。

但是，我们可以从唐代其他诗词的用韵情况来考察“觉”的读音。我们发现唐代把“睡觉”的“觉”作为诗歌用韵的有一首，即张泌的《柳枝》[5]：

腻粉琼妆透碧纱，雪休夸。金凤搔头坠鬓斜，发交加。倚着云屏新睡觉，思梦笑。红腮隐出枕函花，有些些。

这首词是《杨柳枝》词的变体。《杨柳枝》为七言绝句，而《杨柳》词在每句后加三字以和该句。《钦定词谱》卷三“添声杨柳枝”条云：“按《碧鸡漫志》云，黄钟商有《杨柳枝》曲，仍是七言四句诗，与刘、白及五代诸子所制并同，但每句下各添三字一句，乃唐时和声，如《竹枝》、《渔父》，今皆有和声也……今名为《添字杨柳枝》。”[6]因此，该词中“觉”与“笑”押韵。“笑”属诗韵“十八啸”。唐宋诗词，平上去都可能通押，但平上去绝不可能与入声通押。因此，“觉”只可能是读为去声效

韵，不可能是读为入声的觉韵。去声效韵今读为“ao”，也就是说“觉”今当读为“jiào”，不读“jué”。

另外，宋词中也有两首词把“睡觉”的“觉”作为词韵的。一首欧阳修的《渔家傲》[6]：

四月芳林何悄悄。绿阴满地青梅小。南陌采桑何窈窕。争语笑。乱丝满腹吴蚕老。宿酒半醒新睡觉。皱莺相语匆匆晓。惹得此情萦寸抱。休临眺。楼头一望皆芳草。

另一首是毛滂《踏莎行·正月五日定空寺观梅》[7]：

景泮冰檐，情回瑶草。副能守得春来到。管曾独自索春怜，而今觑著东风笑。粉凝酥寒，云房睡觉。胭脂也不添些小。天真要与此花争，是伊占得春多少。

欧阳修的《渔家傲》下阕“觉”与“晓、抱、眺、草”押韵。毛滂的《踏莎行》下阕“觉”与“小”押韵。从这两首词可知，宋代“睡觉”的“觉”也应当读为去声的效韵，而非入声的觉韵。

因此，《长恨歌》中“觉”字今当读为“jiào”。有些人把“觉”读为“jué”可能是没有把“睡觉”看成偏义复词，而是看成了两个词，即理解为“睡眠”和“觉醒”两个义项。

二、临别殷勤重寄词，词中有誓两心知

“重”字今有两个读音：“chóng”和“zhòng”。

“重”读为“chóng”表“又、再、反复”的意思。徐中玉、齐森华主编的《大学语文》[8]；龚克昌、彭重光选注的《白居易诗文选注》[9]；张碧波、邹尊兴的《新编唐诗三百首译释》[10]；杨德民主编的《唐诗三百首鉴赏词典》[11]等持这种观点。靳极苍也认为：“重寄词，‘重’读平声。”[12]

“重”读为“zhòng”，表示“郑重”的意思。中国社会科学院文学所编的《唐诗选注（下）》[13]、郁贤皓主编的《中国古代文学作品选（第三卷）》[14]、谢卫平主编的《大学语文》[15]等持这种观点。

东南大学王步高主编的《大学语文》配套的视频资料，朗诵者把“重”读为“zhòng”[16]。中央电视台《科教频道》（央视十台）《子午书简》节目（《唐诗十家—白居易》）由高峰朗诵的《长恨歌》把“重”读为“chóng”。丁帆主编的《大学语文》配套的光盘，朗诵者把“重”也读为“chóng”[3]。

从语义上看，两种读法都可通。但哪一种读法较为合适呢？

首先，我们从律诗的格律来考察。“重”读“chóng”时，中古属于平声韵；“重”读“zhòng”中古属于仄声韵。就《长恨歌》来看，该诗受格律的

影响很大，王力先生把它归入入律的古体诗[17]。《长恨歌》中这一节律诗是：

临别殷勤重寄词，词中有誓两心知。

七月七日长生殿，夜半无人私语时。

在天愿作比翼鸟，在地愿为连理知。

天长地久有时尽，此恨绵绵无绝期。

在这节律诗中，“词、知、时、知、期”属于诗韵中的“支韵”。“临、别”属于仄声。因此，如果说本节诗属于入律的律诗的话，那么该诗属于首句入韵的仄起式的七言律诗，其格律当为[17]：

○,仄仄平平○,仄仄平, ○,平平○,仄仄仄平平。

○,平平○,仄仄○,平平仄, ○,仄仄平平○,仄仄平。

○,仄仄○,平平○,平仄仄, ○,平平○,仄仄仄平平。

○,平平○,仄仄○,平平仄, ○,仄仄平平○,仄仄平。

但《长恨歌》属于古体诗，不属于严格意义上的近体诗。因此有些句子会出律。仔细分析上面的这节律诗的用韵，可以看出该节诗歌的颌联和颈联出律，首联和尾联合律。“重”在首联中属于第五个字，也就是说“重”既可以读平声，也可以读仄声。因此从格律的角度无法确定“重”字的读音。

现在我们从其他文献和上下文内容来考察。

要全面了解《长恨歌》就不得不提《长恨歌传》。《长恨歌传》是唐代传奇作家陈鸿为白居易的《长恨歌》所作的一篇序文。陈寅恪认为：“陈氏之长恨歌传与白氏之长恨歌非通常序文与本诗之关系，而为一不可分离之共同机构。”[18]《长恨歌传》记载，白居易、王质夫和陈鸿于元和元年冬十二月游仙游寺，话及李杨之事，相与感叹。王质夫恐此事“与时消没，不闻于世”，建议白居易用诗歌写下来。白居易于是写了《长恨歌》。《长恨歌》完成之后，白居易又让陈鸿作了《长恨歌传》，并行于世。《长恨歌》和《长恨歌传》所记载李杨故事的情节大致相同，只不过形式不同：一用诗歌，一用传记。现在我们看看对于诗歌中的这个情节，陈鸿《长恨歌传》是如何记载的：

指碧衣，取金钗钿合，各析其半，授使者曰：“为谢太上皇，谨献是物，寻旧好也。”方土受辞与信，将行，色有不足。玉妃固征其意。复前跪致词：“请当时一事，不为他人闻者，验于太上皇。不然，恐钿合金钗，负新垣平之诈也。”玉妃茫然退立，若有所思，徐而言曰：“昔天宝十载，侍辇避暑于骊山宫。秋七月，牵牛织女相见之夕，秦人风俗，是夜张锦绣，陈饮食，树瓜华，焚香于庭，号为‘乞巧’。宫掖间尤尚之。夜殆

半，休侍卫于东西厢，独侍上。上凭肩而立，因仰天感牛女事，密相誓心：愿世世为夫妇。言毕，执手各呜咽。此独君王知之耳。”[19]

上面这段话的大致意思是：杨贵妃把金钗钿合各析一半交与方士，并嘱咐方士捎话给太上皇要与其寻旧好。但方士拿到信物和接受捎话后脸色仍有不满足的样子。杨贵妃问其原因，方士说，请告诉我一件当时别人都不知道你和太上皇的秘事，让太上皇信任我，我只有钿合和金钗，我恐怕也会像新垣平那样担当欺君的罪名。杨贵妃于是就告诉方士一件秘事：天宝十载乞巧节，她和太上皇曾秘密相誓：“愿世世为夫妇”。

“殷勤”指情谊恳切的意思²；“寄词”是寄语，捎话的意思。结合《长恨歌传》的记载，《长恨歌》中的“临别殷勤重寄词，词中有誓两心知”中的“重寄词”指再捎话的意思。为什么要再捎话呢？《长恨歌传》记载，方士临别之前，杨贵妃已经托物（“取金钗钿合，各析其半，授使者”）、托言（“为谢太上皇，谨献是物，寻旧好也”）了。正因为“恐钿合金钗，负新垣平之诈也”，方士才要杨贵妃“重寄词”。《长恨歌》也描写方士临别之前，杨贵妃已经托物（“唯将旧物表深情，钿合金钗寄将去。钗留一股合一扇，钗擘黄金合分钿”）、托言（“但教心似金钿坚，天上人间会相见”）了。因此，诗歌后面的“词中有誓言两心知……在地愿为连理枝”都属于要方士再捎的话。

因此，我们认为，“重”应当作“再，又”的意思理解。

如果“重”理解为“郑重”的话，“临别殷勤重寄词”是指临别之际，杨贵妃恳切而郑重地捎话。从语义上讲是行得通的，但从上下文看让人产生突兀之感，况且这与陈鸿《长恨歌传》的记载是不符的。

[注释]

1. 例如，徐中玉、齐森华主编的《大学语文》（国家高等教育“十五”国家级重点教材，华东师范大学出版社2006年版，第181页）的注释：“新睡觉：刚睡醒。觉：睡醒。”

2. 对诗中“殷勤”二字的含义有两种解释：一是指情谊恳切，真城的意思；一指频繁的意思。张福清《白居易〈长恨歌〉“殷勤”一词解释之我见》（《湘潭大学学报》2005年第s2期）一文经详细考证后认为，此处“殷勤”当作“恳切”理解。

参考文献

1. 曹寅、彭定求等. 全唐诗[M]北京:中华书局, 1960.
2. 王兆鹏、孙凯云. 寻找经典—唐诗百首名篇的定量分析[J]. 文学遗产. 2008(2):40-52
3. 丁帆主编. 大学语文[M]北京: 外语教学与研究出版社, 2005.
4. 杨吉春. 偏义复词“睡觉”意义的嬗变. 西北师大学报. 2004(2):25-29
5. 张璋、黄畬. 全唐五代词[M]上海:上海古籍出版社, 1986:607
6. 陈廷敬、王奕清. 钦定词谱[M]上海:上海书店(据康熙五十四年内府刻本影印), 1983

7. 唐圭璋编撰. 全宋词[M]北京:中华书局, 1999:176
8. 徐中玉、齐森华主编. 大学语文[M]上海:华东师范大学出版社, 2006:181
9. 龚克昌、彭重光主编. 白居易诗文选注[M]上海:上海古籍出版, 1984:15
10. 张碧波、邹尊兴. 新编唐诗三百首译释[M]哈尔滨:黑龙江人民出版社, 1984:650
11. 杨德民主编. 唐诗三百首鉴赏[M]武汉:崇文书局, 2005:101
12. 靳极苍. 长恨歌及同题材诗详解[M]太原:山西古籍出版社, 2002:30
13. 中国社会科学院文学所编. 唐诗选注(下)[M]北京:北京出版, 1978:507
14. 郁贤皓主编. 中国古代文学作品选(第三卷)[M]北京:高等教育出版社, 2003:164
15. 谢卫平主编. 大学语文[M]上海:华东师范大学出版社, 2006:181
16. 王步高主编. 大学语文[M]南京:南京大学出版社, 2007
17. 王力主编. 古代汉语(校定重排本)[M]北京:中华书局, 1999: 1527-1532
18. 陈寅恪. 元白诗笺证稿[M]上海:上海古籍出版社, 1978
19. 李昉等编. 文苑英华(卷七九四)[M]北京:中华书局, 1966: 4201
20. 李昌舒. 论白居易的庭中山水及其美学意蕴. 江西社会科学. 2008(8):118-124

УДК 821.581

朱佑伦(南昌)

江西财经大学

萧衍清商曲辞创作对吴声西曲的学习与发展

摘要: 萧衍作为第一个大规模创作清商曲辞的文人充分吸取了吴声西曲中民歌类和文雅类两种曲辞的特点, 形成了以文雅为主, 雅中带俗, 雅俗协调的整体风格。萧衍清商曲辞创作的这一特点对梁代清商曲辞的发展产生了重点大的影响。

关键词: 萧衍; 清商曲辞; 文雅; 俚俗; 吴声; 西曲; 梁代; 学习; 发展; 特点。

Zhu Youlun

Jiangxi University of Finance and Economics, Nanchang

THE STUDYING AND DEVELOPMENT OF WUSHENGXIQU MADE BY XIAO YAN IN HIS COMPOSITION OF QINGSHANGQUCI

Abstract. Xiao Yan, the literati who composed Qingshangquci on a large scale for the first time, fully synthesized the features of both folk songs and scholars' lyrics from Wushengxiqiu, forming an overall style which was majorly characterized by elegance that was in accord with folkness. This feature makes a significant influence on the development of Qingshangquci in Liang Dynasty.

Keywords: Xiao Yan, Qingshangquci, Elegance, Folkness, Wusheng, Xiqu, studying, development; feature.

Чжу Юлунь

Цзянси́йский финансово-экономический университет, Наньчан

«ПЕСНИ НА МЕЛОДИИ ЦИН И ШАН» СЯО ЯНЯ И ВКЛАД ИХ АВТОРА В ИЗУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «ПЕСЕН МЕСТНОСТИ У» И «ЗАПАДНЫХ ПЕСЕН»

Аннотация. Исследуется вклад Сяо Яня, императора династии Лян и литературного деятеля, автора произведения «Песни на мелодии цин и шан», который первым объединил характерные черты народных песен и стихов изысканных стилей из «Песен местности У» и «Западных песен», сформировав

общий стиль, с одной стороны, отличавшийся эlegantностью, с другой – близкий к народному. Отмечается большое влияние этого факта на дальнейшее развитие песен на мелодии цин и шан при династии Лян.

Ключевые слова: Сяо Янь, «Песни на мелодии цин и шан», эlegantность, народность, «Песни местности У», «Западные песни», изучение, развитие, характерные черты.

梁武帝萧衍对清商曲辞这种当时流行于江南的通俗乐曲非常感兴趣，据逯钦立《先秦汉魏晋南北朝诗》，萧衍共创作清商曲辞二十二题（《子夜四时歌》算一题）四十一首，占其总诗歌数的百分之四十三。同时，从现存资料来看，他还是第一个大规模创作清商曲辞的文人，无论是涉及的曲题数还是写作的诗歌数都是南朝文人中最多的。因此探讨萧衍的清商曲辞创作及其对前代清商曲辞的继承与发展无论是对于萧衍的研究还是对于南朝清商曲辞发展的研究都有着重要意义。

萧衍创作的二十二题清商曲辞中，既有对当时流传曲题的拟作；又有自己新创制的曲题；还有改制西曲而创制的新音乐。

一、

首先来看对流传曲题的拟作的情况。《宋书·乐志》曰：“《子夜歌》者，有女子名子夜造此声。晋孝武太元中，琅琊王轲之家，有鬼歌《子夜》。殷允为豫章时，豫章侨人庾僧虔家，亦有鬼歌《子夜》。殷允为豫章，亦是太元中，则子夜是此时以前人也。”[1]由此可见《子夜歌》起源很早且出于民间。《太子夜歌》称赞《子夜歌》“慷慨吐清音，明转出天然。”[2]这也很明显是民歌的特点。在《乐府诗集》所收的四十二首《子夜歌》中，大部分都是民歌类的清商曲辞。

萧衍共创作了两首《子夜歌》，其面貌与《乐府诗集》所收的晋宋齐辞有着明显的不同[2]：

朝日照绮窗，光风动纨罗。巧笑茜两犀，美目扬双蛾。

恃爱如欲进，含羞未肯前。朱口发艳歌，玉指弄娇弦。

这两首诗均侧重于对女子形象的描写刻画，并无任何直接的抒情叙事：前者前两句是对环境的描写，以之作为衬托女子形象的背景。后两句通过描写女子微笑时牙齿和眉目的细部特征，将这位女子的动人神态和美好形象呈现在读者眼前。后者四句都是对女子体态行动的描写，且这种娇羞的形象与民歌类曲辞中感情直率热烈的女子形象完全不同，而与文人诗中刻画的不少女性形象类似①。此外这两首诗都对仗工整，句式整齐，也并无任何民歌风味的修辞技巧与常见的结构。可见萧衍《子夜歌》的创作，并非对当时流行的《子夜歌》曲辞风格的模仿，而更多的是以文人化的笔触对原本俚俗的曲辞的雅化，使之趋近文人诗的风格体式。其与当时流行的《子夜歌》的相同之处恐怕仅仅表现在音乐曲调、五言四句的体式

以及多写女子的内容上。这一类曲辞中的《碧玉歌》、《上声歌》与《杨叛儿》的情况亦与之类似，这里不再赘述。

而《子夜四时歌》的情况却与此不同。《子夜四时歌》是《子夜歌》的变曲。《乐府诗集》在《子夜歌》题解中引《乐府解题》曰：“后人更为四时行乐之辞，谓之《子夜四时歌》。”[2]虽然《子夜歌》大部分属于民歌类清商曲辞，但其变曲《子夜四时歌》却是以文雅类曲辞为主。大约改造《子夜歌》的这位“后人”是位文士，将《子夜歌》的歌辞改造的更为文雅。如[2]：

鲜云媚朱景，芳风散林花。佳人步春苑，绣带飞纷葩。（《子夜春歌》）

叠扇放床上，企想远风来。轻袖拂华妆，窈窕登高台。（《子夜夏歌》）

清露凝如玉，凉风中夜发。情人不还卧，冶游步明月。（《子夜秋歌》）

寒云浮天凝，积雪冰川波。连山结玉岩，修庭振琼柯。（《子夜冬歌》）

旁观者的视角；对外物细腻精致的刻画描写；含蓄的情感表达；整饬的句式；没有任何民歌风味的修辞技巧与结构模式；这些都说明了这四首诗与前引的那些民歌类曲辞有着明显不同的风貌。尤其是景物描写之细腻曲折，对仗之精致工整，几乎与当时的文人诗无二。而在萧衍的《子夜四时歌》中，却在保持整体文雅风格的同时，更多加入了一些民歌的因素[2]：

阶上香入怀，庭中花照眼。春心一如此，情来不可限。（《子夜春歌》）

江南莲花开，红光覆碧水。色同心复同，藕异心无异。（《子夜夏歌》）

当信抱梁期，莫听回风音。镜中两入髻，分明无两心。（《子夜秋歌》）

果欲结金兰，但看松柏林。经霜不堕地，岁寒无异心。（《子夜冬歌》）

这四首诗在整体风格上还是偏于文雅，但其中运用了不少民歌风味的修辞手法：第二首运用了反复的修辞手法，其余三首都用到了谐音双关的修辞手法。其中第三首在结构上也基本符合民歌类清商曲辞特有的结构模式。在语言上，像“一如”、“当”、“果欲”、“但看”等虚词也得到了比较充分的运用，对外物的描写也不似无名氏歌辞那么精细。从中我们可以看出，萧衍似乎对《子夜四时歌》过于文雅的歌辞有些不满，从而

有意识的往其中注入一些俚俗的元素，以调和雅俗。由此可见，萧衍在模拟当时流行曲题时追求的是一种雅中有俗的风格：如果原辞过于俚俗时，则将之文人化；如果原辞过于文雅，则注入一些俚俗因素。

二、

接下来看萧衍创制的新西曲曲题《襄阳蹋铜蹄歌》的情况。在这种完全脱离了旧有曲题束缚的创作中，更能体现萧衍清商曲辞的创作特点[2]：

 领头征人去， 闺中女下机。含情不能言， 送别沾罗衣。

 草树非一香， 花叶百种色。寄语故情人， 知我心相忆。

 龙马紫金鞍， 翠眊白玉羈。照耀双阙下， 知是襄阳儿。

这三首诗都偏向于文雅，且没有用到任何民歌风味的修辞手法。但除了第三首外，其余两首都没有对外物的精心描写，其语言也通俗平易，不似《子夜四时歌》那样精致雕琢。而且第二首在结构上也体现出了一定的与民歌类曲辞的相似性。此外，曾智安在《清商曲辞研究》中指出了西曲舞曲曲辞在结构上的一个独有的特点——场景联章叙事的结构特征。即以多首曲辞组成组诗，每一首表现一个情境，这些情境组合起来构成一个叙事整体，分开来则各自构成一个独立的场景。[3]萧衍的这三首《襄阳蹋铜蹄歌》也正符合这一特点。这也正是萧衍对民歌因素的吸取。由此可见，萧衍在创制新西曲曲题《襄阳蹋铜蹄歌》时表现出了与模拟流传曲题一致的特点。那就是在保持整体风格文雅的同时在其中加入一些民歌因素，使其在典雅之中有一些轻快活泼，含蓄之中又有一些真率自然。

三、

在萧衍改制西曲所创制的新乐中，这一点体现得更加明显。王运熙先生指出，萧衍的《江南弄》、《上云乐》是根据改制过的《三洲歌》的“韵和”制成。[4]而萧衍改制《三洲歌》的原因就在于“古辞过质”[2]。由此可以看出萧衍创制《江南弄》、《上云乐》的基本态度。这里略举一例以作简要的分析[2]：

 众花杂色满上林， 舒芳耀绿垂轻阴。连手躑躅舞春心。舞春心， 临岁腴。中人望， 独踟蹰。（《江南弄》）

这首诗独特的体式体现出与民歌类曲辞不同的审美观念。这首诗是杂言体，体式与吴声、西曲大不相同。其句法为七、七、七、三、三、三、三言的固定格式，且其中第三句末三字与第四句全同，递结复叠以为转折。这里的转折既是句式、音节的变化，同时也是诗意的转折：前两句描写了上林苑中繁华美丽的景色，第三句写众宫女携手游春的热闹景象。从第四句起，诗歌由七言转入三言，诗歌的感情基调也由欢快转入忧伤。

后四句刻画了一个在这欢快热闹的情景中独自忧伤的宫女形象，使诗意完成了一个转折。这种精致而独特的体式自然是出自萧衍苦心的构思，与民歌类曲辞的“明转出天然”是截然不同的。这种精致而独特的体式带来了音节上的曲折婉媚。而达成这一效果的一个重要手段就颇具民歌意味的顶真格的使用：诗中第四句在句式、音节转折之时，完全重复第三句末三字，其起到的作用在于制造一个声音上的复叠回环，从而将之前较为急促的七言句的音节拖长，以转入较为舒缓的三言句的音节。由此可见萧衍的清商曲辞创作呈现出以雅为主，雅俗协调的风格特点。

综上所述，萧衍作为第一个大规模创作清商曲辞的文人，在整体风格上以文雅为主，但又其中加入一些俚俗的因素，以达到雅俗的协调。这些俚俗因素或为带有民歌风味的修辞技巧，或为多用虚字、灵活多变的句式，或为相对直率的抒情与质朴的语言。其中以带有民歌风味的修辞技巧最为常见。萧衍的清商曲辞创作对整个清商曲辞的发展也有着很大的影响。自萧衍之后，民歌类的清商曲辞近乎绝迹，而上层文士开始主动作曲辞，风格上更加趋向于精致华丽的文人诗。清商曲辞从此在雅化道路上得到了进一步的发展。

[注释]

①如萧纲《戏赠丽人诗》：“含羞未上砌，微笑出长廊。”《美人晨妆诗》：“娇羞不肯出，犹言妆未成。”刘孝绰《同武陵王看妓诗》：“回羞出曼脸，送态表嚬蛾”等描绘的女性形象均娇羞矜持，与萧衍此诗相同。

参考文献

1. 沈约. 宋书[M]北京:中华书局, 1974.
2. 郭茂倩. 乐府诗集[M]. 北京:中华书局, 1979.
3. 曾智安. 清商曲辞研究 [D] 北京:首都师范大学, 2006: 77, 78.
4. 王运熙. 《乐府诗述论》 [M] 上海:上海古籍出版社, 2006: 116.

РАЗДЕЛ III

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 327.3

A. Abbas

Central China Normal University, Pakistan

DIFFUSION OF CULTURE IN THE 21st CENTURY CULTURAL RELATIONS BETWEEN CHINA AND PAKISTAN

Abstract. Culture plays an important role in formulating foreign policy of any state. In the globalized world every nation has been affected by the waves of global powerful forces. This study is an attempt to illustrate cultural relations between China and Pakistan. Both countries have cooperated in economic and security dimensions but there is a need for cultural communication. Culture usually refers the norms and the values of the society, way of life, living, marriage. Cultural communication between nations is very important. President Xi Jinping initiated the revival of the ancient silk route, and he emphasized the need for cultural exchange among nations. The China Pakistan Economic Corridor (CPEC) is one of the most important projects of the Belt and Road Initiative (BRI), and both nations have once again an opportunity for colorful cultural exchange.

Keywords: Culture, Globalization, intercultural communication, One belt and road initiative

A. Abbas

Центральный китайский университет, Пакистан

ДИФФУЗИЯ КУЛЬТУРЫ В XXI в.: КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И ПАКИСТАНОМ

Аннотация. Культура играет важную роль в формировании внешней политики государства. В глобализованном мире на каждую нацию повлияли мощные глобальные силы. В данной статье предпринимается попытка проиллюстрировать культурные отношения между Китаем и Пакистаном. Эти страны сотрудничают в экономике и сфере безопасности, однако существует необходимость культурной коммуникации. Культура, как правило, сообщает о нормах и ценностях конкретного общества, образе жизни, семейном укладе. Отмечается важность культурной коммуникации между нациями. Президент Си Цзиньпин инициировал возрождение древнего Шелкового пути и подчеркнул необходимость культурного обмена между нациями. Подчеркивается, что Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) является одним из важнейших проектов инициативы «Один пояс, один путь» и у обеих наций снова есть возможность насыщенного культурного обмена.

Ключевые слова: культура, глобализация, межкультурная коммуникация, «Один пояс, один путь».

Today the world has been globalized and become a global village. The advancement of technology and the development of human intellect growing fast every day. In this flow of information, the world has experienced many

devastating and also positive changes in society. Still, ongoing innovations in technology every passing moment bring a new path for societal change. In such a globalized world, many underdeveloped nations have a fear that their identity will be marginalized or even disappear due to the expansion of the world developed civilizations. Such fear of identity may create a sense of hopelessness in under developing societies, possibly, this fear can lead to conflict and instability in the globalized world society.

Intercultural communication is very important in the contemporary era. Likewise, many scholars also believe in cross-cultural communication among individuals and social groups because it is the only hope for underdeveloping nations to introduce their cultural identity with other nations of the world. Intercultural communication basically discusses a wide range of processes and issues that emerge within the organization or society made up of individuals from different groups with different backgrounds. In these conditions, it seeks to understand how people from different backgrounds, different countries, and cultures act, and how they communicate with people around them. Today's need for communication among people of the world from different backgrounds has increased. So, language is a way of communication among people but it is also an obstacle for people from different backgrounds.

The article focuses on intercultural communication between China and Pakistan. China is the world's most developing nation and second-largest economy. Indeed, China is an ancient civilization with strong cultural values. As an immediate neighbor, Pakistan has been affected by its neighboring country. With this flow of cultural values from the neighboring nation, Pakistani society seeks for intercultural communication. Definitely, without dialogue, without knowing other cultural values the region cannot be called a developed region. The Chinese project "one belt and road" brings cultural flow from China to the rest of the world, and this project considers a tool for cultural dialogue among nations as well. The China Pakistan economic corridor also considers a project for both nations' economic development. But I consider this project is also a tool for the projection of cultural values, identity, and ideology of both nations.

The cultural diversity of Pakistan and China should be studied because of the rapidly increasing China's involvement in the Pakistan business market and also in the context of rich and high cultural values of China. The Chinese culture is highly comprehended and rich as compared to Pakistan, therefore, the study and also an intercultural dialogue between these two nations is necessary now. The initiatives taken by the Chinese government have been appreciated, they opened doors for students of different backgrounds to higher education. This opportunity makes it possible for individuals from various countries to come to China and introduce Chinese cultural norms and values. Like others, many Pakistani students are coming to China every year for higher education. This is the best opportunity for students to learn the Chinese language, norms,

values, and culture. So these initiatives bring hope in the society, a positive perception towards other nations, and also for their own cultural values. The diversity of cultural values is deeply understood in the course of different projects of China in Pakistan. So they can manage teams by observing the cultural diversification and enhance their own learning from the societal environment.

The cultural relations between China and Pakistan were established in ancient times form Silk Road. After the establishment of PRC, both countries have taken more steps to enhance cultural tides. The most important step was on 25 March 1965 when both countries signed “The Cultural Cooperation Agreement” as hope for cultural exchange – due to this agreement cultural exchanges and cooperation have been implemented.

Some high-level delegations have taken place in history. In 1983, Chinese cultural delegation headed by Mr. Zhu Muzhi, ex-minister for Culture in China, visited Pakistan. In 1991, another Chinese cultural delegation headed by Mr. Xu Wenbo, ex-minister for the culture of China, visited Pakistan. In 1981, Pakistan's government cultural delegation headed by Mr. Niaz Muhammad Arbab visited China. In June 1982, a Pakistani government Cultural delegation headed by Mr. Masood Nabi's, ex-secretary ministry of culture, visited China. In 1999, Pakistani government cultural delegation headed by Mr. Shaheed Hussain, ex-minister of Information and culture, visited China¹.

Further, Pakistan and China have conducted many productive exchanges and cooperation in art, literature, information, education, sports, youth affairs, women's affairs, cultural affairs, and health. Chinese artists made visits to different Pakistani cities and performed cultural dance, folk songs etc. According to the government sources, two-way communication has also taken place in areas like handicraft, paintings, literature; a few writings from both sides have been translated into each other's language throughout the year. A special agreement was also signed in the field of tv and film in order to promote cultural relations, in the mid-1980s several TV programs were jointly produced by two countries' TV channels including Regard on the Highway which captured the affection from the people of both countries [Ibid].²

The national languages of both countries are more popular in both countries. During 1950 China established the Urdu department at Peking University in order to facilitate the students of China to study of the Pakistani culture and language. The department has translated important books and literature from Urdu to the Chinese language and also has published comprehensive Chinese-Urdu dictionary. Currently, five universities in China offer Urdu literature course at different levels. Graduates from these universities work in different

¹ Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Pakistan, 17 January 2017, accessed on 15 November 2018. URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbqx/cultureservice/t179992.htm>

² Ibid

government departments and also offer services to business companies. The Chinese language is far more popular in Pakistan. Pakistan has introduced Chinese at a very basic level, more schools across the country start teaching the Chinese language. The trend is mostly in private sectors but now the government is also planning to introduce compulsory Chinese in the public sector. Simultaneously, **China Study Centers** were created at different universities in Pakistan. Confucius Institutes have been established with the help of the Chinese government, and they have been playing a significant role in Chinese language and culture.

Under the project of CPEC, it is very important to take solid efforts and measures to develop cultural exchanges. It will empower the general public and individuals to understand and enlighten the cultural values, sensitives and important aspects of societies. It will also help in the growth of two-way communication and relationship. Pakistan is a developing nation, and it needs better relations with other developed nations in order to maintain balance in the culture diffusion from different nations. China as a friend and a neighboring nation can assist the Pakistani nation in both the cultural sector and economic sector. First, it is important to establish the most essential and effective mechanism of cooperation and cultural exchange. The current running mechanism of China-Pakistan cultural exchanges and cooperation is mostly confined to an official level between the two countries. There is a need for cooperation and exchanges at the non-governmental level. Due to the leading role of governments in bilateral cultural communication and cooperation, governments should also play a certain role in new mechanisms.

Intellectuals and students, organizations, business communities should be involved and take part in cultural events, delegations, and the mechanism. In order to promote the values, culture, literature and communication new institutions should be established and become part of a new mechanism and then the mechanism should be responsible for setting the targets of the bilateral cultural exchange and cooperation projects, supervising and solving the problems in the implementation of different projects, evaluating, checking, and accepting the effectiveness of the projects. The close contact of people to people, government to government, business communities, economic cooperation is necessary now. It is very important to allow more participants in the bilateral cultural delegations and cooperation because there are huge opportunities under the umbrella of CPEC. The participants can include cultural celebrities and famous artists from both countries, researchers of respective cultures, or they can be excellent people from different universities, educational institutions, cultural enterprises, media, film and television, entertainment, museums, and tourism etc. Both nations can build large projects by using cultural industry, jointly create cultural industry and cooperation in the forms of films and television programs [Wan Jiqiong et al., 2017]. Then, they can also create some new cultural products,

which can be consumed not only by people from China and Pakistan but also by people from other countries or regions. In order to promote these ties and relations, the following industries can be used: radio and television as the modern source of communication, arts industry, cultural festivals, advertising industry, cultural education, digital technology, information technology, business field, social activists, voluntarism manufacture industries, all other related fields.

The cultural relations and cooperation between the two nations – Pakistan and China – are very important for both countries. To maintain smooth and cordial relations is their national interest. The gap between the people of both countries will reduce more and more from this communication. The peaceful and stable region leads towards tolerance and cultural harmony as well as the world society. Cultural development is a more powerful piece of equipment for nations.

Many scholars, intellectuals and also government authorities consider this project a game-changer for Pakistan. Indeed, this project has mainly focused on economic interaction and creates business opportunities for the people. The cooperation between China and Pakistan under the project of CPEC has already created a huge impact on Pakistan's economic development and also further deepened the bilateral trade and economic relations of both countries. This project has created positive impacts, the importance of Pakistan has increased in world politics. The annual growth of economic and trade relations between China and Pakistan has been increasing.

Indeed, this project has increased economic development and trade relations as well. It plays a very important role in cultural communication and cooperation between these two nations. Areas of cultural communication have not been significantly covered by CPEC even having the potential for cross-cultural opportunities. Both countries have a long history of cultural communication because they are neighboring countries. The history traces back to the very ancient Silk Road. Gradually the process of cultural exchanges has increased. After the establishment of the People's Republic of China, the volume of cultural consumption was very low. Even after the establishment of CPEC cultural relations are too low as compared to economic projects. Despite this, still, there is hope for cultural cooperation and exchanges, people to people contact and cooperation between groups and communities. This is the right time, and the best opportunity for China and Pakistan to implement more desirable needs for regional cultural development and cooperation.

Since 1951, China has always been the most supportive friend and neighbor of Pakistan. This relationship passed through many troubles, hurdles but both nations maintain mutual trust and never compromise on their national interest and their societal values. China has built a lot of infrastructure in Pakistan, energy projects and roads and other communications means, and also has

provided social, economic and financial assistance that Pakistan needed. China is always there to help. In the recent past, numerous megaprojects have been successfully implemented by Chinese companies in Pakistan, which were the result of mutual teamwork and understanding. Considerably, Pakistan and China have recently agreed to implement CPEC projects, which can be called regional economic cooperation beyond the geographical route, it represents the domestic institutional arrangements between Pakistan and China. The CPEC will be a network of 3,000 KM roads, railways and pipelines for transportation of oil and gas from Gawadar to Kashgar City, Northwestern China.

The CPEC is a chance for the people of Pakistan to understand and enlighten about the Chinese culture. The relations between these two countries go stronger day by day, by increasing people to people contact. The Chinese rich culture promotes mutual relationships and people to people connection. Protection and promotion of the cultural heritage of both nations is the need of time. It is the pride and acknowledgment of both of the great nations. Pakistan National Council of the Arts (PNCA) under the dynamic visionary leadership of its Director-General and great Sculptor Syed Jamal Shah and the Cultural Section of the Chinese Embassy in Pakistan, knowing the importance of cultural heritage, are doing a lot for the promotion and protection of the cultural heritage of Pakistan and China [Khan, 2017]. Pakistan and China are embarking upon Cultural Caravan two weeks-long journey, crossing the China-Pakistan Economic Corridor with an objective to showcase soft image, rich culture, and trade potential of the region. Cultural Caravan will play a key role in promoting regional and cultural connectivity. Director General Pakistan National Council of the Arts Jamal Shah is continuously highlighting the importance of the Caravan in exploring the cultural diversity of the two friendly countries. He believes that the game-changer CPEC would not only unleash economic and cultural dividends but also help discover and foster cultural heritage ancient Silk route has been preserving for centuries [Ibid].

The culture is like a lifeline for both China and Pakistan. Indeed, Pakistan is also a culturally rich country with historical roots. It needs time to preserve the culture from the diffusion of different cultural effects on Pakistan. This is the age of globalization, the most powerful cultural values and their identities may challenge local and domestic cultural values. For the preservation of culture, Pakistan needs to introduce its culture to the whole world. CPEC is an infrastructure and connection of roads to entire Pakistan with other countries. The people of Pakistan can build markets, hotels, products, shops, and routes just as other countries do. Due to this hope for better education, better cultural cooperation, and enhancement and cultural activities, both Chinese and Pakistani nations are coming close. This combination of two great nations will benefit both diversified societies. A new culture in the region is in creation. The new era in this region will be seen with new colors. The route of CPEC will not

only provide a means of business and products but also for the transfer and introduction of new social customs, values, languages, and beliefs from different backgrounds. The connection increases the people to people's communication and relationship.

The Silk Road in the ancient world led to the transmission of Buddhism, Christianity, Manichaeism, and Islam. Buddhism itself reached China through the Silk Road. The travelers experienced different religions and then carried them back to their own native lands. Diverse societies were formed throughout Eurasia. The present era Silk Road is the revival of the ancient Silk Route. At the same time, the positive aspect of the collaborations could be the impending transmission of knowledge and new innovations which is undoubtedly a source of development. Inter-cultural communication results in increased commerce, technological growth, and cooperation. Chinese have made remarkable development in the past few years. Hence, they stand as the best example for the Pakistani nation [Niazi Zahra, 2017].

The CPEC, junction of economic and cultural values in the region will provide Pakistan nation to promote its own values and cultural norms to the world. This will introduce the culture of Pakistan regionally as well as globally. Besides this, CPEC also facilitates bridging the gap between the different societies of the region, it is regional connectivity which can lead to world connectivity. The most constructive side of these joint programs could be the expansion of information, research and development, and technological advancements. This is a significant symbol of progress and evolution. Intercultural communication brings outgrowth in trade relations, new innovations in technical field, expansion, and assistance.

This knowledge-based approach is further promoted through educational institutes both in Pakistan and in China. According to an estimate, there is a total of 15,625 students registered in different universities of China out of which 2,700 students are being funded by various Chinese scholarship programs provided by the government of China. Moreover, thousands of students are enrolled in other scholarships given by Chinese universities [Hafeez, 2018]. The development in underdeveloped areas like Baluchistan province in Pakistan can change the entire structure of the region. By facilitating students to study and learn the Chinese language and culture within Pakistan definitely hope for a positive and optimistic future. . Moreover, the student's exchange program will also provide those students with the opportunities to study abroad and share their culture and values in the other way. Although this is a gradual process and will take time, Pakistani students abroad are a source of presenting Pakistani culture abroad. So the cultural convergence under CPEC will promote Pakistani traditions and hasten the economic development at large [Ibid].

Intercultural communication, the identity of the nations helps to analyze how globalization influences the behavior, thinking of the nations, beliefs, and

values among many cultural environments. Cultures can share the universal characteristics, and scholars believe that culture and communication shift along with societal changes.

Cultural cooperation and communication should be seen as the main tool in order to promote better relations between China and Pakistan, the nation-building, institution building, bridging the gap between the people of both countries. Furthermore, the progress of the cultural industry is fruitful to promote people's needs and their living standards in this century. The promotion of cultural exchange groups and delegations will provide hope to understand other values so that they can easily accommodate cultural diversity and accept the differences, tolerate others as well. The project CPEC is the best example in order to maintain smooth relations and this projects will bring the living standards of the people from low towards high. Therefore, new and considerable measures and methods used in cultural exchange will change the destiny of both nations as well as the entire region.

References

Jiqiong Wan et al. Thinking on the Ways of Cultural Exchanges and Cooperation between China and Pakistan under Belt and Road Initiative. *Journal of the Punjab University Historical Society*, 2017, vol. 03, iss. 2.

Khan Naveed Aman. CPEC and Cultural heritage. *Pakistan Observer*, 2017, 8 November 2017. Accessed 15 November 2018. Available at: <https://pakobserver.net/cpec-cultural-heritage/>

Niazi Zahra. CPEC and Socio-cultural impact. *The Nation*, 2017, June 12. Accessed 15 November 2018. Available at: <https://nation.com.pk/12-Jun-2017/cpec-socio-cultural-impact>

Quratul ain Hafeez. CPEC and Cultural convergence. *Foreign Policy News*, 2018, 31 October. Accessed 16 November 2018. Available at: <http://foreignpolicynews.org/2018/10/31/cpec-and-cultural-convergence/>

Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Pakistan. 17 January 2017. Accessed on 15 November 2018. Available at: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbqx/cultureservice/t179992.htm>

УДК 339

Я. А. Бурляй

Московский государственный лингвистический университет, Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЛАЖИВАНИЯ ТРАНСТИХООКЕАНСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ

Аннотация. Рассматриваются перспективы налаживания транстихоокеанских связей между Россией и Латинской Америкой. В связи с этим определяются такие основные аспекты взаимодействия, как участие в региональной интеграции, инновационном развитии, диверсификации торговли, на материале позитивного опыта, накопленного в результате деятельности Российско-американского тихоокеанского партнерства.

Ключевые слова: региональные интеграционные процессы, высокотехнологичная экономика, природоохранные проблемы, тихоокеанское партнерство.

SOME ASPECTS OF ESTABLISHING TRANSPACIFIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA
AND LATIN AMERICA

Abstract. The purpose of this article is to consider perspectives of establishing Russian and Latin America transpacific relations. In this connection the main key aspects of cooperation, such as participation in regional integration, innovation development, diversification of trade, are established on the material of Russian American Transpacific Partnership activities.

Keywords: regional integration processes, high technology economy, ecological problems, transpacific partnership.

В настоящее время Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из ведущих центров влияния в мире. Он характеризуется бурным ростом интеграционных процессов и активизацией финансово-экономических потоков. Это вызвано неуклонным увеличением экономического могущества находящихся там стран.

Первым учрежденным в 1967 г. интеграционным объединением стал Тихоокеанский экономический совет, объединивший крупнейшие компании и корпорации государств региона. В 1968 г. была создана Тихоокеанская конференция по торговле и развитию, а в 1980 г. – Совет Тихоокеанского экономического сотрудничества. Наибольшим влиянием в экономической сфере деятельности пользуется форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, возникший в ноябре 1989 г. Он объединяет 21 страну, в том числе Россию, а из числа латиноамериканских государств – Мексику, Чили и Перу.

В начале 1990-х гг. Россия предприняла ряд шагов по сближению с интеграционными объединениями АТР: в сентябре 1992 г. вошла в состав Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, а в мае 1994 г. – в состав Тихоокеанского экономического совета [Андреева, Головина, Ратнер, 2015, с. 109]

АТР имеет для России особое значение. С ним тесно связана реализация стратегического курса на крупномасштабное освоение районов Сибири и Дальнего Востока, создание инновационной, высокотехнологичной экономики. С подавляющим большинством стран региона Россия поддерживает тесные дружественные отношения, и этот факт имеет принципиально важное значение.

Россия стремится активно взаимодействовать с государствами АТР в сфере торговли, инвестиций путем участия в процессах региональной интеграции. Природные ресурсы восточных регионов РФ открывают благоприятные возможности для решения энергетических, транспортных, научно-технических и природоохранных проблем, межцивилизационного диалога и взаимодействия в сфере борьбы с международным терроризмом.

Сотрудничество России со странами АТР особенно перспективно в сфере совершенствования транспортно-логистических систем с целью

обеспечения совместимости производственно-сбытовых цепочек между экономиками региона.

Общность интересов государств АТР четко проявляется в их стремлении ориентироваться на инновационное развитие. В регионе, где проживает более половины человечества, не хотят больше принимать как должное монополию США на наукоемкую ступень производственного цикла и претензии на роль финансового регулятора глобальных экономических процессов. У ученых и инженеров региона есть все необходимые условия для выхода на передовые рубежи в микроэлектронике, геномной инженерии, робототехнике и других передовых отраслях промышленности. Участие российских исследовательских центров, компаний, технопарков и университетов в сотрудничестве со своими коллегами из региона может в значительной мере способствовать успеху этого процесса.

АТР входит в число зон мира, весьма уязвимых с точки зрения природных катастроф и техногенных рисков. В этой связи мощная материально-техническая база в сфере предупреждения и ликвидации последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, развитая в России, может иметь большое значение для налаживания взаимодействия государств региона в этой важной области.

Профессиональные политики и представители научного сообщества России отдают себе отчет в том, что военно-политический и экономический вес АТР в мире постоянно нарастает. В Концепции внешней политики Российской Федерации указано, что укрепление позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе приобретает «возрастающее значение». Это обусловлено принадлежностью нашей страны к этому динамично развивающемуся геополитическому пространству, куда последовательно смещается центр тяжести мировой экономики и политики.

Присутствие России в АТР увеличивается по нарастающей во всех сферах. Однако это относится ко всем странам региона, кроме Латинской Америки. Торговля с 11 латиноамериканскими государствами, имеющими выход в Тихий океан, ведется Россией только через Панамский канал.

А ведь в последние годы правительство Панамы увеличило транзитные сборы для судов, проходящих через Панамский канал. При расчете суммы сбора за проход судна через Панамский канал принимается во внимание тип судна, его размер и загрузка. Для судна вместимостью 9 тыс. TEU транзит в одну сторону обходится в 677,5 тыс. долл. Тарифы за транзит танкеров-газовозов, которые составляют около 40 % трафика, также увеличатся. Администрация канала считает, что это решение позволит оптимизировать доходы, сохраняя конкурентоспособность водного пути по отношению к альтернативным маршрутам доставки грузов, включая интермодальную доставку через порты западного побережья США. Кроме того, планируется увеличить сборы за проход судов-автомобилевозов, RoRo и танкеров. Максимально поднимут тарифы для небольших судов. Для

самых маленьких судов ставка будет увеличена вдвое. Администрация канала рассчитывает, что новые тарифы позволят компенсировать затраты на организацию транзита через канал, в том числе покрыть убытки от операций по размещению небольших судов в шлюзовых камерах [Kogabel].

Товарооборот России со странами Латинской Америки достиг 15 млрд долл. Существует потенциал для его дальнейшего роста. Государства региона прочно заняли свое место в системе внешнеэкономических отношений Российской Федерации. В наших интересах диверсификация номенклатуры товарооборота, поиск новых сфер и форм сотрудничества, переход на долгосрочные модели взаимодействия. Необходимо максимально использовать конкурентные преимущества экономик России и стран Латинской Америки, их взаимодополняемость.

Как представляется, развитие трансокеанских связей между Россией и Латинской Америкой способствовало бы достижению этих целей. В интересах налаживания первоначальных контактов на тихоокеанском направлении удалось добиться в период работы автора в качестве Посла России в Эквадоре заключения Соглашения о сотрудничестве между мэрией Владивостока и мэрией эквадорского тихоокеанского города Манта. Соответствующий документ был подписан в Кремле мэрами обоих городов в присутствии президентов России и Эквадора в ходе первого в истории наших отношений визита главы эквадорского государства в Москву. Позже по инициативе посла Эквадора в России П. Чавеса во Владивостоке был открыт Иberoамериканский дом, учреждена должность почетного консула Эквадора, организовано посещение мэром Владивостока г. Манты. Однако этих мер было, конечно, недостаточно. Необходимы новые формы, которые придали бы импульс установлению взаимовыгодного сотрудничества.

На мой взгляд, роль катализатора трансрегиональных связей могло бы сыграть Российско-латиноамериканское тихоокеанское партнерство (РОЛАТОП) – двусторонний форум, который объединил бы частных предпринимателей и государственных служащих в деле устранения барьеров между Дальним Востоком России и тихоокеанскими регионами государств Латинской Америки в бизнесе и торговле. Его целью должно стать содействие налаживанию транс тихоокеанского сотрудничества между дальневосточными субъектами Российской Федерации и тихоокеанскими регионами Латинской Америки путем вовлечения государственного и частного секторов во взаимовыгодное партнерство.

Подобный позитивный опыт накоплен в результате деятельности Российско-американского тихоокеанского партнерства (РАТОП). Сотрудничество России с США в настоящее время по многим вопросам заморожено. Но есть площадка, где взаимодействие двух стран не прерывается уже на протяжении 25 лет, – это форум РАТОП. Его создание в 1995 г. обеспечило активизацию российско-американских связей на региональном уровне. Результат деятельности РАТОП выразился не только в росте

торговли между востоком России и США, но и в реальном сближении народов двух стран. На заседаниях форума обсуждаются вопросы совершенствования таможенной и административной политики, расширения возможностей для финансирования совместных проектов, меры по снижению барьеров на пути торгового и инвестиционного сотрудничества. Среди активных участников партнерства восемь штатов США и 11 дальневосточных субъектов Российской Федерации.

РАТОП – это катализатор сотрудничества и торговли. Благодаря ему был завершен пилотный проект с российской таможней, сокращающий время таможенного оформления морских грузов в среднем с девяти до полутора дней. Организовано изучение нового торгового маршрута между Северным Китаем и Северо-Западом США через российские порты в Приморье. РАТОП заслужил репутацию ведущего двустороннего делового форума между Россией и США с уникальной региональной перспективой. Благодаря ему обеспечивается необходимый контакт между партнерами высокого уровня и законодателями с обеих сторон диалога [Council ...].

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным внести в Правительство России предложение о создании Российско-латиноамериканского тихоокеанского партнерства. Думается, что создание РОЛАТОП отвечало бы национальным интересам как России, так и Латинской Америки.

Литература

Андреева Е. Л., Головина А. Н., Ратнер А. В. Межрегиональное сотрудничество России как инструмент реализации национальных приоритетов экономического развития страны // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 108–116.

Korabel. URL: www.korabel.ru.

Council for US-Russian Relations. URL: www.usrussia.org.

УДК 81

J. C. Van Boom

Irkutsk State University, Irkutsk
Tartu University, Tartu

YURI LOTMAN'S SEMIOSPHERE AND ASIA-PACIFIC STUDIES

Abstract. This paper proposes the application of semiotics as a unifying perspective for Asian-Pacific studies. It focuses on using Yuri Lotman's idea of the semiosphere to see the Asia-Pacific region as a semiotic space, consisting of interacting semiospheres. It explores this application through three comparative modes, taking as examples Russian Orthodox icons and Chinese Buddhist siddham, Russian and Chinese perspectives on the Second world war, and ideological interactions between the USSR and the People's Republic of China.

Keywords: semiosphere, Yuri Lotman, icon, siddham, the Second world war, market socialism, translation.

**СЕМИОСФЕРА ЮРИЯ ЛОТМАНА И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА**

Аннотация. Предлагается применение семиотики в качестве объединяющей перспективы для исследований Азиатско-Тихоокеанского региона. Делается акцент на использовании идеи Юрия Лотмана о семиосфере с целью рассмотрения Азиатско-Тихоокеанского региона как семиотического пространства, состоящего из взаимодействующих семиосфер. Исследуется такое применение в трех сравнительных режимах, приводятся в качестве примеров русские православные иконы и китайский буддистский сиддхам, русское и китайское видение Второй мировой войны и идеологические взаимодействия между СССР и КНР.

Ключевые слова: семиосфера, Юрий Лотман, икона, сиддхам, Вторая мировая война, рыночный социализм, перевод.

The discipline of Asia-Pacific studies is potentially as vast and heterogeneous as the continental-maritime region itself. Although economic and political concerns served as the primary catalyst for the formation of the concept of the Asia-Pacific, the full study of the interactions of the world's most populous and economically important region requires contributions from all social sciences, such as political science, anthropology, and sociology, as well as the humanities and historical sciences. However, the Asia-Pacific as an object of study is complex not only because of the array of disciplines required for its full analysis, but even more so because of its diverse array of cultures and communities, interacting with each other without clear conceptual boundaries. As Rob Wilson and Arif Dirlik express it,

However inchoate this cognitive mapping of political location and cultural identity, the Asia-Pacific region comprises, at this point of hyper-capitalist fluidity, a terra incognita of staggering complexity, discrepant hybridity, and nomadic flux that fascinates and, more strategically, undoes arboreal formations of the post-Cold War geopolitical imaginary... [Wilson and Dirlik, 1994].

This raises the question of how one might suitably organize disciplinary perspectives to enhance their mutual communication and bring some conceptual unity to this immense field.

This paper proposes the application of a semiotic perspective for Asia-Pacific studies. Semiotics, which studies systems of signification and communication, provides a common medium for comparing analyses from different disciplines on various aspects, regions and countries in the Asia-Pacific. In the words of Fabio Rambelli:

I see semiotics as an open field of problematics, a network of approaches and theories that can shed light on basic issues concerning signification and discursive formations. I agree with James Boon, who considers semiotics "less an integral theory than a clearinghouse of issues in the complexity of communicational issues". To me, semiotics is essentially a conceptual arena to discuss issues related to the production, storage, transmission, and transformation of

meaning; of course, operations on meaning also require sensory, material entities (signifiers) to convey it, and rules (codes) to associate these entities with their meanings. [Rambelli, 2013, p. 15; Boon, 1982, p. 116]

Umberto Eco had earlier characterized semiotics precisely in this functional sense, declaring that “semiotics, more than a science, is an interdisciplinary approach ... it may be a sort of unified metatheoretical point of view governing a new encyclopedia of unified science” [Eco, 1978, p. 83, quoted in Semenenko, 2012, p. 13]. Aleksei Semenenko says that Yuri Lotman, whose idea of the semiosphere we will discuss later in this paper, held to the same conception of semiotics [Semenenko, 2012, p. 13]. Building on the general consensus of semioticians that semiotics is interdisciplinary in nature, Youzheng Li proposes a General Semiotics (GS) as an “all-round functional organizer” integrating various disciplines in both sciences and humanities to deal with three types of current globalizing tendencies in the humanities: “the global expansion of the horizon of geographic-historic-cultural territory, the comprehensive widening of the scholarly-theoretical perspective from different semiotic traditions, and the deeper reexamination of the all-round relationship among society, culture, knowledge in the real world” [Li, 2017]. Because the Asia-Pacific is a large microcosm of all varieties of globalization (not simply economic, but also cultural), it is worth examining to see how we might apply semiotics to Asia-Pacific studies.

What is semiotics? Semiotics as a discipline studies signs, processes of signification and interpretation, and sign-systems.¹ Signs are entities that convey meaning beyond themselves. A sign conveys knowledge of a third thing by virtue of itself becoming known. As Charles Sanders Peirce put it, “A sign is a thing which serves to convey knowledge of some other thing, which it is said to stand for or represent” [Peirce, 1998, p. 13]. Signs include words but also pictures and other visual, images, gestures and facial expressions, symbols such as flags and branding logos, sounds (such as a leitmotiv in an opera or the ringing of a telephone), or even scents (such as the acrid smell of smoke indicating a fire or the emotional evocation of a perfume). In all these cases, a sign functions as an instrument of mediated knowledge. Semiotics classifies and analyzes signs of all types and scales, from relatively simple and small signs, such as a single word or an individual visual image, to complex arrangements and compositions, such as literary texts and full paintings. Semiotics, however, does not confine itself to individual sign-entities. It also considers their relationships

¹ Semioticians differ on how to define semiotics, both as to how to delimit in the abstract semiotics’ conceptual boundaries and even as to whether it is a discipline, method, viewpoint, or something else. However, in practice semioticians agree about the kinds of cultural phenomena covered by semiotics, and largely also to the natural phenomena semiotics studies, such as animal communications. The definition given here is a functional one that captures this practical unity. For a discussion of definitions of semiotics and, in connection with this, semiotics’ complex history, see [Coley, 2009, p. 3–12].

to minds and objects through relationships of signification and interpretation. How do signs convey knowledge? They do so through the interrelated processes of signification (how signs potentially stand for mental and physical objects), communication (the conveying of a message in a certain time and place), and interpretation (the process of decoding a message, or extracting the content from its sign-vehicle). At the highest level, semiotics considers sign-systems, or the complexes of signs in a given domain. The paradigmatic example of sign-systems are human languages. However, sign-systems also encompass computer programming languages, legal and ethical codes, symbolic systems such as heraldry, numismatics, systems of animal communications, and literary, musical, poetic, or other artistic genres. In short, semiotics covers the whole of human culture and endeavor, as well as communication processes among all organisms (biosemiotics in general and zoosemiotics in particular). No one theory or school dominates semiotics. Rather, semioticians can avail themselves of a range of concepts, tools, and methods. What unifies semiotics, and what makes it a valuable complement to other disciplines, is the making explicit or unveiling of deep processes of signification that otherwise would have remained unknown¹.

Among the various methodological tools furnished by semiotics, Juri Lotman's idea of the semiosphere possesses special utility for area studies, such as that of the Asia-Pacific. Most semiotic concepts are designed for analyzing smaller scale semiotic phenomena, such as individual signs, discrete messages, whole texts, ritual performances, or architectural structures. The semiosphere, on the other hand, at its greatest extent is civilizational in scope, embracing multiple cultures and realms of discourse. Lotman's semiosphere, inspired by Vladimir Vernadsky's conception of the biosphere, provides the context and existential grounding of semiotic activity. The semiosphere is scalable at different levels. At the highest level, the semiosphere is literally global, encompassing all human activities of signification, communication, and interpretation. The semiosphere in this sense also encompasses various subsystems, which function as lower order semiospheres. For example, the social environment of a university provides a localized context for semiotic activities in classrooms, libraries, research centers, bulletin boards, or cafes. At all of these different levels, we see the functions of semiotic space. When a person transmits or interprets a message, they do so through the context of accumulated signs, tropes, and codes through which an individual sign becomes meaningful. Lotman, however, stresses that the semiosphere is not a homogeneous entity or medium. Rather, it encompasses many different parts, most especially with subsystems structured in relations of center and periphery. The parts of the semiosphere relate to each other in a dynamic way, always undergoing change, whether of

¹ For overviews of semiotics, see Sebeok, 2001 and Deely, 2009.

continuous development or explosive (and creative) disruption. In fact, both continuous and disruptive movements are always simultaneously present, but alternating in relative prominence. The restless aspects of the heterogenous semiosphere provide the force and energy for cultural change. The semiosphere has a history¹.

How can we apply Lotman's idea of the semiosphere to Asia-Pacific studies? We can do so by envisioning the Asia-Pacific as a semiotic space, i. e., a social context in which actors (individual or collective) draw upon shifting repertoires of signs, symbols, tropes, images, narratives, languages, codes, and genres in order to formulate, transmit, and interpret messages. These messages may be fleeting, such as casual conversations quickly forgotten, or enjoying various modes of durability by being embodied in written, virtual, or even monumental or architectural media. In any case, the Asia-Pacific is an arena of communications – but not only of communications. Semiotic space does not exclude other kinds of spaces. Perhaps the central message of semiotics is that all human events have a dual nature, as things and as signs. For example, the Asia-Pacific is a physical space (occupying a portion of the surface of the planet), a geological space (tectonic plates, soil and oceans, mountains, valleys, and islands), an environmental space comprising various ecosystems, as well as various economic or commercial spaces, technological spaces, and political, diplomatic, and military spaces. All of the activities occurring with these varied spaces have meaning through their translation by cultural codes, i. e., by occurring within semiospheres. The Asia-Pacific is not itself a semiosphere. A semiosphere is constituted by its semiotic boundary, which serves to translate materials (events, texts, etc.) nature or a different culture into information intelligible in the terms of that semiosphere's languages and modelling structures. No such semiotic boundary encompasses the Asia-Pacific as a region. Hence, we cannot speak of an Asia-Pacific semiosphere as such. Rather, the Asia-Pacific contains many semiospheres. Some of these are political-national, such as the semiospheres corresponding with different Asia-Pacific political communities or states (e. g., the semiospheres of the former Soviet Union, of Japan, or of the People's Republic of China). However, there are also Asia-Pacific semiospheres that do not fit within political boundaries, primarily cultural ones (such as the Korean semiosphere common to both halves of the Korean Peninsula, the Russophone semiosphere existing in most states that emerged from the Soviet Union, and perhaps an Indo-Pacific semiosphere encompassing the many religious and artistic forms originating from the Indian subcontinent and undergoing adaptation in various parts of southeast Asia). We can even speak of a Communist semiosphere to the extent that Communist

¹ For more details about the semiosphere, its functions, and structures, see Lotman, 2005 (1992, 1984), Lotman, 1990, pp. 123–214; as well as Nöth, 2014. For the historical dimensions of Lotman's thought, see Lotman and Tamm, 2019.

parties in the Asia-Pacific have shared a common discourse, sets of political “languages” or codes, canonical texts and practices, and so forth. In short, the Asia-Pacific as a semiotic space consists of the interaction of numerous semiospheres (national, cultural, religious, ideological, etc.)¹.

With the concept of the semiosphere in mind, we will now give an illustrative outline for a comparative semiotic analysis of two leading Asia-Pacific powers: Russia and China. That is, we will neither do a comprehensive semiotic analysis of this whole region nor perform an in-depth study of these two countries. Rather, we will use them to indicate three different ways or modes of doing comparative semiotics of the Asia-Pacific. One mode is to compare semiotic analysis of comparable phenomena in Russia and China, e. g., Orthodox Christianity and esoteric Buddhism as spiritual practices. Another way is to compare Chinese and Russian semiotic representations not of two comparable phenomena but of the same historical event, e. g., World War II. The final mode is to study their direct interactions within an historical period, e. g., relations between the Soviet Union and the People’s Republic of China from the Second Chinese Civil War to the dissolution of Soviet Communism. In all of these modes, although the objects of study are as varied as sacred images, military maneuvers, or political ideologies, the perspective of analysis is still semiotic to the extent that we study these objects in terms of semiotic elements such as signification and communication.

In the first mode, we compare semiotic analyses of similar cultural processes or other social phenomena in Russia and China. We prescind from any assertions about mutual interactions or influences. This is simply a matter of parallel comparison. Comparative religious studies readily provide examples in this vein. In Russia, the dominant religious tradition is Orthodox Christianity. Although Orthodox Christian religious practices employ a wide array of aesthetic media (such as music, poetry, incense, vestments, and architecture), Russian Orthodox icons have attracted not attention from semioticians. A pioneer in this field, whose work is still foundational for the semiotic study of icons, is Boris Uspensky [1976]. He approaches icons as communication media. They transmit content by structuring visual elements (color, shape, relative size, foreground and background, and so forth) according to what he calls semantic syntax. The iconographer arranges visual elements according to a semantic hierarchy. Visual elements signify components of a message. The relative importance of the message’s components determines the relative prominence of their visual presentation. This interacts with such iconic features such as inverted perspective, highlighting the variance between spiritual and worldly values. In contrast to Russia, no one religious tradition has exerted a comparably dominant influence in China, at least not for the same length of time, as in Russia.

¹ For a discussion of the role of semiotic boundaries in regulating activities between semiospheres, see Lotman, 2005 (1992, 1984), pp. 208–213 and Lotman, 1990, pp. 131–142.

Rather, since the rise of the Tang dynasty, three religious traditions have vied for the first rank: Confucianism, Taoism, and Buddhism. Rambelli [2013] discusses the semantics of visualization in Chinese Esoteric Buddhism as part of his discussion of Esoteric Buddhism in Japan. *Siddham*, the written expression of Buddhist mantras, plays a key role in Esoteric Buddhism. *Siddham* characters have meaning not through denoting concepts but solely through pronunciation – their semantics rest wholly in their pragmatics. In India, *siddham* was an alphabet. Buddhists in Tang China, however, treated them as ideographs. As such, *siddham* characters through their graphic shapes began to function as visual icons, conducive to esoteric visualization practices. If we compare Uspensky's and Rambelli's studies, we see that Orthodox Christian and Esoteric Buddhist religious art forms do not function solely on the basis of aesthetics but in terms of broader principles of signification and coding in Russian and Chinese religious cultures, i. e., in China and Russia as semiospheres.

The second mode compares how different parts of the Asia-Pacific interpret the same historical event through semiotic means (discursive strategies, images, etc.) The Second World War offers a convenient example. This global conflict was cataclysmic for both China and Russia (the latter as part of the Soviet Union), shaping fundamental political attitudes and national identity through the succeeding decades to the present day. For both countries, the Second World War was an existential conflict with imperialist aggressors motivated by racist ideologies, resulting in the deaths of millions (up to 20 million in China and about 27 million in the USSR). Nevertheless, within the Russian and Chinese semiospheres, this same event has been represented in strikingly different ways by authorities, media, and educational institutions. Both the Soviet Union and the Russian Federation remember it as the Great Patriotic War, a name evoking Russian heroic resistance against Napoleon and previous invasions from the West. The dates for the Great Patriotic War are 1941 through 1945. Although the Soviet Union declared war on Japan in August 1945, thereby helping to bring the war in the Pacific to a conclusion, Soviet and Russian narratives focus on the capture of Berlin in May 1945 as the consummation of the story. While Siberia and the Pacific were part of the conflict, representations of the Great Patriotic War show it almost exclusively as a European-based conflict. In contrast, for China World War Two starts in 1937 (or earlier) with Japanese invasions. Chinese narratives show the Second World War primarily as an Asian-Pacific conflict. Although Stalin and Mao play parallel roles as commanders of ultimately victorious forces, the Second World War did not end with a relatively simple narrative climax for China. Rather, it opened the start of the Second Chinese Civil War (1945–1949), a continuation of Chinese sacrifice and suffering. [Marples, 2012, Youngblood, 2001, and Mitter, 2011 and 2013].

The third mode differs from the previous two because it considers direct interactions between regions, states, societies, or other component parts of the

Asia-Pacific. This is a situation of exchange, whether cultural, political, economic, or technological. An idea, theory, technology, art form or any other kind of practice passes borders, migrating from one social or political group to another. What kinds of transformations does it undergo, semiotically? That is, in the course of its travels, how does its representation and meaning change? What are the conditions that facilitate, hinder, or in any other way affect its reception? This can be especially instructive in cases of reverse exchange, when the idea, practice, technology, etc. crosses the border back to its original source, but with a transformed meaning. To give a concrete illustration, we shall summarize the exchange of socialist ideas between the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) and the Chinese Communist Party (CCP) from the 1920's to the 1980's. We can regard this as an exchange from center to periphery within the Communist semiosphere, with Moscow as the center and Beijing as the periphery.

We can roughly divide this process of exchange into four periods. The first period, extending from the foundation of the CCP in Shanghai in 1921 to Khrushchev's denunciation in 1956, is one of discipleship to Soviet Communism. The leaders and cadres of the CCP consciously looked to the USSR as the authoritative model for establishing a revolutionary socialist state. Moscow was a political center to the extent that it gave organizational directives (such as concerning the CCP's first alliance with the Kuomintang), but even more as a semiotic center by providing ideological, symbolic, and textual models. Some CCP activists became literal disciples by studying in Moscow. In the 1920's, these Chinese students in Moscow studied the whole range of Bolshevik theorists, such as Bukharin, Trotsky, and Stalin. As Stalin consolidated his leadership and steered the USSR from market-friendly to state socialist policies, the CCP adopted Stalinist ideology. Mao Zedong made Stalin's *History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks): Short Course* into a canonical text for the CCP and the People's Republic of China (PRC), regarding it as an encyclopedia of Marxist-Leninist doctrine and a blueprint for the building of socialism in China. [Bernstein, 2010 and Heinzig, 2004]. After Khrushchev's launch of de-Stalinization in 1956, the USSR and the PRC increasingly moved in divergent paths, to the point that Beijing posited itself as a rival center in the Communist semiosphere. In this second period, lasting through Mao's death in 1976, the CCP generally followed Mao's development of Stalinism, with Maoist features such as cultural revolution and three worlds theory. After Mao's death, Deng Xiaoping and other victorious reformists capitalized on widespread resentment and disillusionment with Mao's policies. In this third period, China again learned from the Soviet Communism, but from an alternate version. Deng and the reformists, in large measure, turned to Nikolai Bukharin's advocacy of a market economy under state socialist guidance. They translated and promoted his works [Pantsov and Levine, 2015]. In the fourth period, we see a reverse exchange; namely, of the Soviet Union learning from the People's

Republic of China. This illustrates Lotman's principle that the periphery of a semiosphere, because it is not so rigidly bound by canonical structures, can undergo more rapid semiotic changes, sometimes eventually displacing the original center, so that center and periphery exchange roles. In the 1980's, Mikhail Gorbachev and other Soviet reformers looked to East Asian economic models, not only to capitalist "Asian tigers" such as Japan and South Korea but especially to Deng's successful implementation of market socialism. The latter exercised an important inspiration for Gorbachev's policy of *perestroika*. [Miller, 2016].

Our journey only gives an overview of how a semiotic approach to Asia-Pacific studies might work. We have explored using just one methodological tool (Juri Lotman's idea of the semiosphere) and applied to three different ways of doing comparative case studies with only two subjects (Russia and China). Furthermore, our discussion was only summary, with length constraints preventing a deeper analysis. Nevertheless, this sketch indicates the role that semiotics can play in Asia-Pacific studies as a common medium for interdisciplinary integration, connecting the social sciences, history, and the humanities with each other. It also provides us with a structure for doing comparative Asia-Pacific studies. We have given three modes (comparing parallel processes in different semiospheres, how different semiospheres interpret the same event, and exchanges between semiospheres), but undoubtedly there are more.

References

- Wilson R., Dirlik A. Introduction: Asia/Pacific as a space of cultural production. *Boundary 2*, 1994, no. 1 (21). pp. 1–2.
- Rambelli F. A. *Buddhist Theory of Semiotics: Signs, Ontology, and Salvation in Japanese Esoteric Buddhism*. London, New Delhi, New York, Sydney, Bloomsbury, 2013. P. 15, 15–16, 98–100, 159–160, 181.
- Boon J. A. *Other Tribes, Other Scribes*. Cambridge University Press, 1982. 116 p.
- Eco U. Semiotics: A Discipline or an Interdisciplinary Method? *Sight, Sound, and Sense*. Ed. by T. A. Sebeok. Indiana University Press, 1978, pp. 73–83.
- Semenenko A. *The Texture of Culture: An Introduction to Yuri Lotman's Semiotic Theory*. New York, Palgrave Macmillan US, 2012.
- Li Y. General Semiotics' as the All-Round Interdisciplinary Organizer – General Semiotics (GS) vs. Philosophical Fundamentalism. *Semiotics and Its Masters*. Eds. by K. Bankov and P. Cogley. Vol. 1. Berlin and New York, De Gruyter, 2017, pp. 66–76.
- Peirce C. S. *The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings*. Ed. by N. Houser et al. Vol. 2. Indiana University Press, 1998.
- Cogley Paul. *The Routledge Companion to Semiotics*. London: Taylor & Francis Routledge, 2009.
- Sebeok T. A. *Signs: An Introduction to Semiotics*. 2nd ed. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press, 2001.
- Deely J. *Basics of Semiotics*. 5th ed. Tartu, Tartu University Press, 2009.
- Lotman Y. M. Translated by Clark W. On the semiosphere. *Sign System Studies*, 2005, no. 1 (33), pp. 205–229. Original text Lotman Y. M. О семиосфере in Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Tallinn: Aleksandra 1992. P. 11–24; first published in Lotman Y. M. О семиосфере // *Труды по знаковым системам (Sign Systems Studies)*, 1984, № 17. P. 5–23.

Lotman Y. M. Translated by Shukman A. *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. Bloomington and Indianapolis: Indian University Press, 1990. P. 123–214.

Nöth W. The topography of Yuri Lotman's Semiosphere. *International Journal of Cultural Studies*, January 2014, no. 1 (18), pp. 11–26.

Lotman, Juri. *Culture, Memory and History: Essays in Cultural Semiotics*. Edited by M. Tamm. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.

Uspensky B. Edited by Stephen R. *The Semiotics of the Russian Icon*. Lisse: The Peter De Ridder Press, 1976.

Marples D. R. Introduction: Historical memory and the Great Patriotic War. // *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*. September-December 2012. N 3/4 (54). P. 285–294.

Youngblood D. J. A war remembered: Soviet films of the Great Patriotic War // *The American Historical Review*. June 2001. № 3 (106). P. 839–856.

Mitter R. and Moore A. W. China in World War II, 1937–1945: Experience, memory, and legacy // *Modern Asian Studies*. March 2011. № 2 (45). P. 225–240.

Mitter R. *Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

Bernstein T. P. and Li H. -y. *China Learns from the Soviet Union*. New York: Lexington Books, 2010.

Heinzig D. *The Soviet Union and Communist China, 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance*. Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 2004.

Pantsov A. V. and Levine S. I. *Deng Xiaoping: A Revolutionary Life*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 35–44, 370–373.

Miller C. *The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR*. University of North Carolina Press, 2016. P. 31–54.

УДК 94

А. Л. Верченко

Институт Дальнего Востока РАН, Москва

ПОДДЕРЖКА СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ АНТИЯПОНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ В 1931–1945 ГГ. И ПОБЕДА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Рассматриваются каналы взаимодействия СССР с китайским партизанским движением на Северо-Востоке Китая в 1931–1945 гг., формы оказания Советским Союзом помощи китайскому народу в борьбе против японской агрессии и вклад сложившегося в годы войны военного сотрудничества, успешное проведение Маньчжурской наступательной операции, общую победу над милитаристской Японией.

Ключевые слова: СССР, Китай, Маньчжурия, антияпонская война, партизанское движение, советско-китайское военное сотрудничество.

A. Verchenko

Institute of Far Eastern Studies RAS, Moscow

USSR'S SUPPORT OF THE ANTI-JAPANESE RESISTANCE IN THE NORTH-EAST OF CHINA (1931–37) AND THE VICTORY IN THE SECOND WORLD WAR

Abstract. The article discusses the channels of interaction between the USSR and the Chinese partisan movement in the North-East of China in 1931–1945, the forms of assistance by the Soviet Union to the Chinese people in the fight against Japanese aggression and the contribution of military cooperation that developed during the war to the success of the Manchurian Strategic Offensive Operation and the final victory over militaristic Japan.

Keywords: USSR, China, Manchu, anti-Japanese war, guerrilla movement, Soviet-Chinese military cooperation.

После «Мукденского¹ инцидента 18 сентября» Япония открыто приступила к вооруженной реализации своих захватнических устремлений на Северо-Востоке Китая². Оккупировав регион и объявив 18 февраля 1932 г. об его отделении от центрального китайского (нанкинского) правительства, Япония создала псевдосударство Маньчжоу-го и установила новый политический и экономический порядок, ущемлявший интересы всех слоев общества [Захват Японией Северо-Востока Китая, 268]. Как отмечалось в «Воззвании Рабоче-крестьянской Красной армии Китая», 40 млн соотечественников «находятся под пятой японских захватчиков, их имущество реквизируется, земли конфискуются, оружие отбирается, продовольствие разграбляется, в учебных заведениях насаждается рабская идеология, китайская культура подавляется» [ВКП(б), Коминтерн ... , 2003, с. 924]. Такое положение вызвало протест местного населения, выразившийся в стихийном создании добровольческих сил сопротивления, по существу партизанского движения. В массовую кампанию включились крестьяне, рабочие, интеллигенция, молодежь, студенты и школьники, национальная буржуазия, коммерсанты, члены различных охранных отрядов, местных армий и даже тайных обществ и банд хунхузов. Отдельно следует сказать о профессиональных военных. Армия получила приказ не оказывать сопротивления, однако ему подчинились не все. Большая часть войск Чжан Сюэяна ушла на территорию внутреннего Китая, некоторые военные дезертировали в СССР, другие присоединились к добровольческим армиям и войскам самообороны, вступили в противоборство с японскими захватчиками. Основную часть сил сопротивления составляли плохо организованные, не имевшие надлежащего вооружения и опыта планирования военных действий, не знавшие особенностей ведения партизанской войны патриоты, пытавшиеся защищать свою землю. Они объединялись в небольшие отряды, нападали на японские военные и гражданские объекты. Широкое партизанское движение на первых порах затруднило темпы завоевания Маньчжурии.

Однако подготовка и экипировка (ножи, мечи, копья, резе винтовки) таких отрядов не позволяла вести длительную успешную борьбу с профессиональными японскими войсками. Активной боевой деятельности, кроме всего прочего, мешала борьба между отдельными командирами за овладение лучшими с точки зрения материального обеспечения и логистики районами. На мобильность и боеспособность отрядов влияло также присутствие в них членов семей, скрывавшихся от преследования японцев за принадлежность к сопротивлению. В 1932 г. в партизанском движении на пике его развития участвовало около 250 тыс. чел. из 30-миллионного

¹ Мукден в наст. вр. Шэньян, пров. Ляонин.

² Северо-Восток: по-китайски Дунбэй, в советских документах и публикациях этого времени – Маньчжурия.

населения Дунбэя, состоявшего, по японской статистике, из ханьцев (25 млн), маньчжуров (2,5 млн), корейцев (1 млн) и «монгольских племен» (остальные)¹. Огромный размах антияпонского движения в первые годы войны создавал серьезную угрозу японской власти, вынуждал ее руководство организовывать «карательные походы» против партизан. К лету 1933 г. большинство антияпонских сил на Северо-Востоке были уничтожены, численность партизан сократилась до 60 тыс. чел.² Воевавшие вблизи от советско-китайской границы армии таких командиров, как Ли Ду, Су Биншань, Ма Чжаньшань, Ван Дэлинь, и отдельные китайские граждане под ударами японцев хаотично переходили на советскую территорию. По сводкам советской военной разведки, к 1933 г. на советскую территорию перешло до 10 тыс. чел.³ Именно с этого времени, т. е. практически с самого начала оккупации Японией Дунбэя, Советский Союз начал оказывать помощь китайцам, прежде всего тем, что предоставлял им возможность укрыться на советской территории. Стоит напомнить, что СССР и Китайская Республика только что, в 1932 г., восстановили разорванные в 1927 г. дипломатические отношения. Любое обострение было нежелательно и могло повлечь серьезные последствия. Советское руководство проводило осторожную политику, заняв позицию невмешательства в японо-китайский конфликт. Тем не менее администрации и военные органы приграничных районов СССР пошли на прием китайских граждан на советской территории и оказание им помощи и отвергли все требования властей Маньчжурии выдавать беженцев.

Среди пересекавших границу были не только партизаны и кадровые военные, но и гражданские лица, по отношению к которым ослабление пограничного режима было актом сочувствия людям, переживавшим гуманитарную катастрофу. Лишенные средств к существованию китайские граждане искали помощь на соседней территории. Для властей пограничных районов было нелегко обеспечить хотя бы самым необходимым огромную массу людей, которых приходилось размещать во временных жилищах: в вагонах, палатках, даже под открытым небом, так как домов не хватало. Не меньшие трудности возникли при обеспечении питанием, медицинским обслуживанием. Многие партизаны, отдохнув и подлечившись, возвращались на родину для продолжения борьбы, кто-то, особенно из гражданского населения, оставался в СССР и устраивался на работу.

Помощь китайцам шла по линии ЦК ВКП(б), Коминтерна и Наркомата обороны. Командование Дальневосточного фронта (ДВФ) в середине 1930-х гг. определило места, ставшие позже учебно-тренировочными лагерями для партизан: северным лагерем «А» и южным лагерем «Б» [Ива-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 528. Л. 22–23.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 22.

нов, 2009, с. 6] , а с 1939 г. получило разрешение принимать партизан, предоставлять им оружие и боеприпасы иностранного происхождения или без маркировки, помогать продовольствием и медикаментами, а также содействовать в разработке тактики партизанской войны. Переход на советскую территорию для партизан оставался эффективным способом сохранить личный состав сил сопротивления.

В 1933–34 гг. намечаются изменения в директивах Коминтерна, тесно связанного с ВКП(б), партийным организациям Дунбэя. Указание на проведение антиимпериалистической борьбы сменяется тезисом об организации антияпонского единого фронта для борьбы с захватчиками, о проведении переформирования добровольческих отрядов. В «Директиве 6 марта» 1933 г. от имени делегации КПК в Коминтерне содержалась рекомендация приступить к объединению на антияпонской платформе патриотических сил разной политической направленности, т. е. к созданию широкого единого антияпонского фронта [戴茂林, с. 176–177]. 27 октября 1933 г. ЦК КПК от имени подготовительной конференции Китайского комитета национальной обороны принял и переслал в Дунбэй Основные положения программы антияпонской войны китайского народа [中国人民], который подписали 1779 чел., в том числе известные коммунистические и демократические деятели. В документе подчеркивалась необходимость объединить нацию, поднять на борьбу против Японии регулярную армию, народ, народные вооруженные силы, всех, кого можно объединить, привлекая на свою сторону даже бывших врагов, усилить пропагандистско-разъяснительную работу. Это была в корне новая трактовка единого фронта, в который предполагалось вовлекать участников на всех уровнях, невзирая на партийную, социальную или национальную принадлежность, вплоть до не совсем надежных или враждебных коммунистам групп и отдельных лиц. Для разъяснения указаний в Маньчжурию был направлен член делегации КПК в Коминтерне Ян Сун [ВКП(б), Коминтерн ... , 2003, с. 60].

Разрозненные партизанские и добровольческие отряды в мае 1933 г. объединились в Дунбэйскую народно-революционную армию (ДНРА). Антияпонская борьба начала приобретать более организованный характер, руководство брали на себя коммунисты. На этом этапе в условиях потери связи с внутренним Китаем и ЦК КПК укрепляются связи парторганизаций Дунбэя с ВКП(б) и Коминтерном (КИ). Ее осуществляет пункт связи Коминтерна во Владивостоке, куда для связи с маньчжурскими партийными организациями и передачи им директив КИ направляют Ян Суна (русское имя Васильев) и Чэн Даонаня (Стаканов, Рюмкин) [Там же, с. 60, 299]. Об этом свидетельствуют архивные документы и мемуары в частности воспоминания Ким Ир Сена о встрече с представителем Коминтерна У Пинем (псевдоним Ян Суна) в 1934 г. в Дунбэе [Ким Ир Сен, 1993]. До 1936 г. во Владивостоке работали два пункта связи КИ с Харбинской и

Восточно-Цзилиньской партийными организациями. Работа проводилась также через связных, которых отбирали из надежных местных жителей, хорошо ориентировавшихся в регионе. Чаще всего это были крестьяне, имевшие там знакомых или родственников, чтобы в любой момент назваться местными жителями. После прекращения деятельности Восточно-Цзилиньского комитета в Муданьцзяне новый пункт связи с СССР образовали в Линькоу. После 1937 г. связь прервалась, однако до этого времени данный канал позволил Дунбэйскому сопротивлению поддерживать контакты с координирующим центром, роль которого взяла на себя делегация КПК в КИ во главе с Ван Мином.

3 июня 1935 г. Коминтерн в письме в Восточно-Цзилиньский особый комитет КПК снова поясняет, что в данный момент необходимо собирать силы, поднимать массы, готовить военные кадры, собирать всех, кто желает участвовать в антиимпериалистической борьбе, вновь подчеркивая важность использования тактики единого фронта «сверху» и «снизу».

О помощи КИ в разработке стратегии антияпонской борьбы в Маньчжурии свидетельствует факт создания в октябре 1935 г. в рамках делегации КПК в КИ комитета по делам Маньчжурии, куда вошли Чэнь Юнь, Вэй Чжэнминь, Ян Сун, Чжао Иминь и др. Комитет стал главным руководящим органом для комитетов КПК Дунбэя и Дунбэйской антияпонской объединенной армии. Секретарь Восточно-Цзилиньского особого комитета КПК Вэй Чжэнминь в 1935 г. участвовал в работе VII конгресса КИ и привез в Маньчжурию решение конгресса об организации объединенной антияпонской армии. Об этом речь шла на проведенных Вэй Чжэнминем в начале февраля 1936 г. специальных заседаниях партийных комитетов в Ниньянь (Хэйлунцзян) и Эму (Цзилинь) [魏拯民]. Представляется, что принятое конгрессом решение о создании единого антифашистского фронта с участием коммунистов, социал-демократов и либералов, предусматривавшее объединение рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, служащих, интеллигенции и даже антифашистов из буржуазии, было экстраполировано на китайскую действительность в виде образования расширенного единого антияпонского фронта и Дунбэйской объединенной армии сопротивления Японии (ДОАСЯ) под руководством КПК с вовлечением в них широких народных масс. Для усиления коммунистического руководства исполком Коминтерна в декабре 1935 г. принял решение довести численность студентов Маньчжурской группы Китайской школы при КУТК с 50 до 150 чел., чтобы в ускоренном порядке готовить новые кадры для руководства движением сопротивления.

Влияние Москвы и КИ иллюстрирует также принятое 10 марта 1936 г. решение делегации КПК в КИ от имени ЦК КПК об образовании главного командования Дунбэйской объединенной антияпонской армии, что стало документальным основанием для реорганизации армии. Мани-

фест о преобразовании Народно-революционной армии в Дунбэйскую объединенную армию сопротивления Японии был опубликован 20 февраля 1936 г. Главкомандующим стал коммунист Ян Цзинъюй (настоящее имя Ма Шандэ, 1905–1940) [东北抗联]. Объединенная армия численностью 21,1 тыс. чел. состояла из 11 армейских корпусов, семью из которых командовали коммунисты, во главе четырех стояли беспартийные командиры. Если японские власти проводили политику разъединения населения по национальному признаку (по-разному относились к китайцам, корейцам, монголам), то КПК, следуя принципам Коминтерна, в рядах армии объединяла народы разных национальностей. Представляется уместным напомнить, что известные командиры Чжао Шанчжи, Ли Чжаолинь и Чэнь Ханьчжан – маньчжуры, Чжоу Баочжун – бай, Цзинь Цэ, Цзинь (Ким Чхэк), Цуй Юнцзянь (Чхве Ён Гон), Цзинь Жичэн (Ким Ир Сен) – корейцы.

В этот период существовала и обратная связь Северо-Востока с Москвой, что подтверждает направленный в Коминтерн 20 февраля 1936 г. доклад о результатах унификации структуры ДНРА за подписью группы командиров (Ян Цзинъюй, Ван Дэтая, Чжао Шанчжи, Ли Яньлу, Чжоу Баочжуна, Се Вэньдуна).

К 1937 г. партизанское движение было оттеснено японцами в горные и лесные районы Маньчжурии, прилегающие не севере к границам СССР, на юго-востоке – к границе с Кореей. Японцы последовательно выполняли план, по которому партизан надлежало уничтожить в течение трех лет. В 1938 г. они удвоили численность оккупационной армии по сравнению с 1937 г. и продолжали наращивать военную мощь [经盛鸿, 经姗姗. 抗战往事]. Партизанские отряды находились в исключительно трудных условиях из-за непрерывных атак частей Квантунской армии, испытывали проблемы со снабжением продовольствием и боеприпасами, вынуждены были часто менять места дислокации и предпринимать длительные переходы, укрываясь от противника. Личному составу был нанесен значительный урон. Участились случаи направления раненых бойцов и членов семей партизан в СССР.

К концу 1939 г. партизанское движение на Северо-Востоке, по признанию китайских командиров, потерпело поражение¹. В этот период в состав ДОАСЯ входили три корпуса (армии): 1-й под командованием Ян Цзинъюй, 2-й под командованием Чжоу Баочжуна, 3-й под командованием Ли Чжаолиня. По характеру военных операций корпуса представляли собой партизанские отряды, имевшие опорные базы и наносившие спорадические удары по противнику, что становилось делать все сложнее.

Партизаны стали оборонявшейся стороной, они избегали столкновений с превосходящими силами противника и совершали нападения только

¹ РГВО. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 146. Л. 18/об.

с целью пополнить запасы еды, одежды и оружия. Партизаны несли огромные потери: например, в одном из отрядов численностью 1000 чел. к 1940 г. осталось 50 бойцов. И так было повсеместно. Случаи перехода на советскую территорию участились. Например, в конце 1940 или в начале 1941 г. границу пересек отряд корейских партизан под командованием Ким Ир Сена. Зимой 1940 г. (в других источниках в 1941 г.) более тысячи партизан в составе 2-й армии привел Чжоу Баочжун. В конце декабря 1940 г. по льду Амура на советскую сторону переместился отряд Ван Мингуя, бойцы которого за два с лишним месяца отдохнули, подлечились и, получив полную экипировку, на боевых конях вернулись на родину [Почтарев, 2005].

Обсуждению ситуации и поискам выхода из тяжелого положения были посвящены два Хабаровских совещания (1940 и 1941 гг.), на которых собрались китайские командиры и представители советского военного командования на Дальнем Востоке. Речь шла об организационном и боевом укреплении китайских отрядов, установлении прочной связи с советской стороной, координации действий между отрядами, контактах с местными партийными группами и населением, подборе кадров, организации партийных групп в отрядах, боевом и военном сплочении партизан, военной и политико-воспитательной работе. Китайские командиры были согласны, что в целях продолжения антияпонской войны нужно было повысить военно-организационный уровень отрядов, взять на вооружение советский военный опыт и уроки политической агитации, чтобы подготовить контрнаступление, которое, с их точки зрения, должно было начаться в Маньчжурии¹. Значительную работу по объединению партизанских сил провел Чжоу Баочжун².

Представители ДВФ с большим вниманием отнеслись к выступлениям командиров Чжоу Баочжуна, Чжао Шанчжи, Фэн Чжуньюаня, Ли Чжаолиня, мнения которых сыграли решающую роль в определении дальнейшей судьбы китайских партизан и решении оставить так называемую учебную бригаду на территории СССР, готовить ее к грядущим боям за освобождение Северо-Востока. Наша страна, с одной стороны, оказывала помощь китайским партизанам, с другой – выполняла задачу пополнения численного состава ДВФ, который осенью 1941 г. – зимой 1942 г. отправил несколько дивизий на фронт. Одной из дополнительных воинских частей стала 88-я стрелковая бригада ДВФ, сформированная в 1942 г. из ханьцев, корейцев, представителей других национальностей ДОАСЯ и советских корейцев, нанайцев, эвенков и, конечно, русских. Командирами назначали китайцев, заместителями были корейские и советские офицеры.

¹ РГВО. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 146. Л. 22, 52–53

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 138. Л. 48

За короткое время численность бригады достигла почти 1,5 тыс. чел. [Алепко, 2017, с. 188].

Органы НКВД Хабаровского и Приморского краев, Читинской области провели большую работу по проверке перешедших на советскую территорию партизан, чем помогли китайскому командованию освободиться от ненадежных элементов и предателей. Эта проблема остро стояла в партизанском движении.

Командование ДВФ сосредоточило усилия на оказании помощи по сохранению и укреплению китайских соединений, их политического, организационного и боевого сплочения, проведению занятий по огневой, строевой, физической и политической подготовке.

Советские кадровые офицеры вели занятия по Программе боевой подготовки пехоты Красной армии с учетом китайской специфики, обучали принципам партизанского движения и тактике боя в специфических китайских условиях, умению вести разведку в тылу врага, взаимодействию с регулярной армией, ведению антияпонской пропаганды, а также владению огнестрельным оружием, средствами радиосвязи, парашютного десантирования. Китайских военнослужащих на теоретических и практических занятиях обучали ведению разведывательно-диверсионной деятельности, сбору разведанных, чтению и составлению карт; хождению на лыжах, скалолазанию, плаванию, прыжкам с парашютом, переправе через реку, ведению штыкового боя, метанию гранат и т. д. Китайские подразделения жили и тренировались по уставу Советской армии, а политические занятия проходили под руководством существовавших в китайских частях организаций КПК и комсомола, проводивших политическую линию КПК и работавших в тесном контакте с организациями ВКП(б). Например, бойцы одновременно изучали «Историю Коммунистической партии Советского Союза» и «Историю Великого похода китайской Красной армии». Чжоу Баочжун как командир бригады в Хабаровске встречался с представителями ЦК КПК и делегации КПК в КИ, которые привозили нужную для занятий учебную и политическую литературу и проводили инструктирование руководства бригады [Иванов, 2009, с. 12]. Бригада не теряла связь с родиной, благодаря установившемуся взаимопониманию и деловым контактам с советскими офицерами получала актуальную информацию о положении в Маньчжурии и в Китае в целом, что было необходимо для выполнения разведывательных заданий и поддержания связи с оставшимися в Китае партизанами, планирования совместных операций. Советская страна в этот период помогла сохранить личный состав учебной бригады и жизнь членов семей партизан, взяла на себя полное материальное обеспечение личного состава бригады (экипировка, довольствие, проживание). Своими силами военнослужащие строили жилые и служебные помещения, осваивали профессию строителей.

Члены семей получили и другие гражданские специальности. К 1944 г., времени полного укомплектования бригады, были подготовлены четыре стрелковых батальона, батальон автоматчиков, радиобатальон, роты: минометная, саперная, противотанковых ружей, хозяйственная, пулеметный взвод и большая группа военных переводчиков [Алепко, 2017, с. 190]. Обучение проходило с использованием современных военной техники и оружия. Советское военное руководство уделяло внимание подготовке офицерских кадров из числа наиболее опытных партизан. Многие из прибывших прошли ускоренные командные курсы при советских военных училищах или окружные курсы младших лейтенантов и получили звания командиров Красной армии. Так, к примеру, в 1943 г. в бригаду были направлены выпускники академии им. М. В. Фрунзе Лю Яньлу, Ян Чжичэн. Все бывшие партизаны изучали русский язык, который пригодился им после образования КНР, когда в 1950-е гг. в ходе восстановления народного хозяйства, проходившего при содействии Советского Союза, потребовалось много переводчиков для работы с советскими специалистами.

К началу Маньчжурской операции 88-я бригада представляла собой прекрасно обученное и вооруженное подразделение, была готова принять участие в совместном с Советской армией наступлении на Северо-Востоке и ожидала приказа. Однако правительство СССР было связано обязательством оказывать «моральную поддержку и материальную помощь военным снаряжением и другими материальными ресурсами»¹ нанкинскому правительству как центральному правительству Китая и должно было содействовать передаче власти на освобожденных территориях гоминьдановской администрации, что исключало участие 88-й бригады в совместной операции. Тем не менее ее участники (до 400 чел.) оказали большую помощь Советской армии как проводники, разведчики, переводчики в Маньчжурской операции [薩芬, 2015]. Например, они помогли Советской армии установить все 17 японских укрепрайонов на границе, определить их точное местоположение, передали Советской армии сведения о внутренней структуре, численности гарнизонов, наличии вооружения и др. В последней декаде июля почти 300 бойцов были десантированы в 57 стратегических пунктов в разведывательных целях [Там же]. Получившие в СССР отличную боевую подготовку китайские бойцы собрали бесценные для планирования наступления и определения целей атак сведения.

Летом 1945 г. по согласованию с китайскими командирами в учебные программы были включены занятия по административно-хозяйственной деятельности. Таким образом, еще в военное время советское руководство думало о том, как будут жить китайские бойцы после

¹ АВП РФ. Ф. 3-ф. Китай. Д. 83

окончания войны, которая на 14 лет вырвала их из мирной жизни и лишила возможности получения гражданских специальностей. Наиболее подготовленных в политическом отношении коммунистов планировалось после капитуляции Японии использовать для помощи советским войскам, которые по межправительственным договоренностям временно оставались на территории Китая. На основании приказа командующего Дальневосточным военным округом от 12.09.1945 88-я бригада была расформирована, и в течение сентября домой несколькими группами вернулась основная часть бойцов и командиров. Кадровые работники из бригады были направлены в 57 городов и уездов, где помогали в налаживании послевоенной жизни.

В большинстве мест они занимали должности заместителей советских комендантов, были переводчиками, а также работали в партийных, государственных, полицейских органах разного уровня, в общественных организациях, учреждениях связи, в газетах, на радио. Чжоу Баочжун стал первым губернатором провинции Цзилинь, Ли Чжаолинь – вице-губернатором провинции Суйюань, первым председателем Общества китаяско-советской дружбы в Харбине. Получившие знания и умения в Советском Союзе люди в послевоенный период и в первое десятилетие КНР имели большие по сравнению с другими возможности для карьерного роста. Бывшие военнослужащие бригады заняли важные посты в КНР. Ли Минь стала заместителем председателя комитета НПКСК провинции Хэйлуцзян. Продолжившие военную карьеру Ван Мингуй, Ван Сяомин, Пэн Шилу дослужились до звания генерал-майора, генерал Лю Ялоу стал первым командующим ВВС КНР, Чэнь Лэй в Хэйлуцзяне возглавлял Новодемократический союз молодежи, федерацию профсоюзов. Фэн Чжуньюн на посту ректора Харбинского политехнического университета готовил кадры для народной республики. Бывшие бойцы бригады работали в обществах дружбы, распространяли правдивую информацию о Советском Союзе, укрепляли дружбу между народами.

В годы антияпонской войны Советский Союз оказал военно-политическую, материальную и моральную помощь китайскому народу не только на Северо-Востоке, но и в других частях страны. Победа в антияпонской войне стала первой в истории Китая полной и безоговорочной победой над агрессорами, покушавшимися на независимость, суверенитет и территориальную целостность Китая. Благодаря помощи Советского Союза была одержана общая победа в японо-китайской войне, завершившей Вторую мировую войну.

Литература

Алепко А. В. Подготовка военных кадров для китайской Объединенной армии на Дальнем Востоке СССР в годы второй мировой войны // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ,

22–23 мая 2017 г.). Вып. 7 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов, Н. В. Киреева. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2017.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы и материалы. Т. 4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 : в 2 ч. М. : РОССПЭН, 2003. 1232 с.

Захват Японией Северо-Востока Китая. Образование Маньчжоу-го // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. 7. Китайская Республика (1912–1949). М. : Наука ; Вост. лит., 2013. 880 с.

Иванов В. И. В тылах Квантунской армии. М. : ИДВ РАН. 2009. 336 с.

Ким Ир Сен. В водовороте века. Мемуары. В 8 т. Т. 3. 1993. URL: <https://www.libfox.ru/448387-kim-sen-v-vodovorote-veka-memuary-tom-3.html> (дата обращения: 12.10.2019).

Почтарев А. Тайный советник «солнца нации». URL: http://nvo.ng.ru/history/2005-01-14/5_kim_ir_sen.html (дата обращения: 10.01.2020).

戴茂林. 王明与莫斯科. 沈阳: 辽宁出版社. 2013. 323 页.

东北抗联大事记. 1936. URL: <http://news.12371.cn/2016/01/15/ARTI1452850655390897.shtml> (дата обращения: 20.11.2019).

萨苏. 东北抗日联军教导旅: 黑土地诞生的“中国雪豹”// 党的生活. 2015. 10 期. 17–21 页.

经盛鸿, 经姗姗. 抗战往事: 1931–1945. URL: <https://books.google.ru> (дата обращения: 10.03.2020).

魏拯民—为拯救人民于水火而斗争. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-12/20/c_1123880320.htm (дата обращения: 10.03.2020).

中国人民对日作战的基本纲领. URL: http://www.chnmuseum.cn/zp/zpml/201812/t20181218_28885.shtml (дата обращения: 20.12.2019).

УДК 327

B. Gurdov

Sarakhs, Turkmenistan; Wuhan, China

N. Karacheva

Central China Normal University, Wuhan, China

TOWARDS CHINA'S FOREIGN POLICY PECULIARITIES FROM 1978 TILL NOWADAYS IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE ASIAN-PACIFIC REGION¹

Abstract. The article is an attempt to analyze the foreign policy, management, and strategy and approved actions aimed at achieving planned goals. The modern stage of human development demonstrates an increasingly complex nature of the interaction between states. States are obliged to respond to the changing nature of the international environment. In order to ensure its progressive development, the state should strive to a balanced foreign policy course aimed at interaction with a wide range of international actors. This study considers the foreign policy stages of the People's Republic of China (PRC) starting from the reformation in 1978 until President Xi Jinping. This research aims to analyze the stages of China's foreign policy during the mentioned period from a purely analytical angle and as objectively as possible.

Keywords: foreign policy, globalization, intercultural communication, China, strategy

¹ *The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00040 "The history and methodology of Asia Pacific Area Studies in the framework of modern transdisciplinary regionology".*

Б. Гурдов
г. Сарахс, Туркменистан; г. Ухань, КНР)

Н. С. Карачева
Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ С 1978 г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА¹

Аннотация. Предпринимается попытка проанализировать внешнюю политику, управление, стратегию и действия, направленные на достижение намеченных целей. Современный этап развития человечества демонстрирует все более сложный характер взаимодействия между государствами. Государства обязаны реагировать на изменение международной обстановки. Для обеспечения поступательного развития государство должно стремиться к сбалансированному внешнеполитическому курсу, направленному на взаимодействие с широким кругом участников. В настоящем исследовании рассматриваются этапы внешней политики Китайской Народной Республики с Реформации 1978 г. и до наших дней. Обозреваются этапы внешней политики Китая в указанный период с чисто аналитической точки зрения и как можно более объективно.

Ключевые слова: внешняя политика, глобализация, межкультурная коммуникация, Китай, стратегия.

Foreign policy is an integral part of the state's general policy and a subsequence of its domestic policy. Any state builds a certain foreign policy course based on its interests and on other objective and subjective factors. It is also necessary to remember that the development of the state foreign policy depends on a specific historical events and characteristics of the domestic political process in the country and the parameters of the international system. Therefore, the specific foreign policy of the state closely connected to the features of the international relations system.

Starting from 1978, there were significant changes in Chinese foreign policy, from specific steps of Beijing to the changing language of Chinese officials and analysts responsible for developing China's foreign policy. In the spirit of the "doctrinal succession" tradition, they are a logical continuation of the evolution of Chinese foreign policy theory and practice, which began with Deng Xiaoping's reforms [Malyshev]. This process as a whole can be divided into three stages.

The first stage (1978–1989) showed an increasing pragmatism in China's international behavior. In those years, the doctrine of providing external sources of economic modernization of the country has emerged. The «policy of reform and openness» started a radical review of the PRC development strategy. The XII Congress of the Communist Party of China (CPC) in 1982 decided that Beijing would pursue an «independent foreign policy» of China [Mgaloblishvili]. At that moment, Deng Xiaoping's thesis declared that the main issues of international politics are ensuring peace (East-West relations)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

and development (North-South relations) [<https://caa-network.org/archives/18142>].

The second stage (1989–1999) became a “shock” period. The collapse of the USSR made the PRC adapt to radical changes in the world order. Beijing’s foreign policy doctrine of that time was the doctrine of consolidation of the strategic periphery of China – that encircling part of the world near the Chinese borders, which Beijing was primarily afraid of destabilization due to the general destruction of the former power balance in Eurasia.

The preservation of the dominant role of the United States in the world and the Asia-Pacific region, as well as the wary attitude to the PRC from the neighboring states, convinced the Chinese leadership of the need to adjust their foreign policy. The new doctrine aimed at solving three groups of problems: creating a “good neighborhood belt” around its borders; normalizing relations with the countries of Southeast Asia, conducting multi-vector flexible diplomacy; and intensifying actions within the global and regional multilateral institutions framework [Mgaloblishvili].

The third stage of the modification of China’s foreign policy doctrines took place in 1999–2007. Beijing’s international course has come to a set of measures aimed at “realizing the task of a country acquiring the status of a great power, which does not just respond to the processes taking place in the international system, but participates in its formation” [Izimov].

By that time, Chinese diplomacy already had some success. Beijing’s responsible economic behavior during the 1997–1998 Asian financial crisis improved China’s reputation in the eyes of neighboring states, which simplified the task of building a “good neighborhood belt”. The PRC accession to the “global anti-terrorist front” strengthened the interaction with the great powers as a whole.

Finally, the invasion of the US-British coalition in Iraq in 2003 provoked the discontent of many states, politically and psychologically simplified the turn to more actively promoting the alternative views on the “new world order” and the “new concept of security” prospects. All this significantly expanded the space of China’s foreign policy maneuver and stimulated conceptual innovations.

Since the beginning of the 2000s, influential Chinese analysts began to introduce into the public consciousness the idea of the “great power psychology”. Since just at this time the “fourth generation” of leaders began to come to power (official change of generations of 2003), the moment of clarification of foreign policy guidelines was favorable [<https://carnegie.ru/2018/01/23/ru-pub-75325>]. In such situation, China developed the idea of a “global good neighborhood”, which clearly indicated the growing circle of global interests. China has virtually ceased to consider itself, as before, only a regional power. The old concept of the “belt of good neighborhood”, relatively speaking, and with corresponding amendments, extended to the whole world.

In 2000s the PRC's priorities began to include such tasks as the formation of a network of bilateral partnerships not only in the Asia-Pacific and Central Asia but in more remote parts of the world (Africa, Latin America), as well as a significant increase in the role of Chinese multilateral diplomacy (within the UN, APEC, institutions of interaction with ASEAN, WTO). Of particular importance during this period was the cooperation with the SCO, the “six” mediators to resolve the situation on the Korean Peninsula and the “East Asian Community” for the PRC, given that China was among the founders of these mechanisms, and not just one of its participants. The PRC leadership worked to strengthen its influence potential within the existing international order.

The growth of China's economic power has helped strengthen its international position. The range and scope of foreign policy tasks expanded, the tools for solving them were enriched. The XVII Congress officially declared the concept of a “harmonious peace” as the intellectual contribution of the fourth generation of leaders to the theory of “socialism with Chinese characteristics”. The concept of “great responsible power” connected to this conceptual innovation, which the Chinese leadership began to apply, emphasized (unlike Western politicians and political scientists) the restrictive, or rather self-limiting nature of the term “responsible” in this phrase [http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zhuayaozhize_russ/].

In the Chinese interpretation, the term “responsible power” – clearly in agreement with the well-known maxim of G. Kissinger – meant a great power that can limit its ambitions [Malyshev]. Of course, it was the indirect criticism of the United States as “a great power, obviously incapable of such self-restraint” [Ibid].

However, even in a restrained interpretation, the new concept focused on a significant increase in China's international role. It seems that the Chinese leadership began to think in terms of responsibility for the development of not only China itself but also the world as a whole. In this case, of course, it was obvious that the expansion of responsibility entails the expansion of the rights and opportunities for China to participate in shaping the image of the modern international system. The PRC leadership realized that remaining a power advocating only for maintaining the status quo in conditions of high dynamic changes in the international relations system is inefficient.

In 2012, Xi Jinping said that the priority of the foreign policy of the Communist Party of China is to create a peaceful and favorable international climate for the development of the country [Izimov]. At the 90th anniversary of the CPC foreign policy activities conference and the 60th anniversary of the CPC Central Committee's international relations Department Xi Jinping noted that “the first and foremost task is to secure and successfully exploit important strategic opportunities for China. The CPC should always adhere to the princi-

ples of independence and autonomy, full equality, mutual respect and non-interference in each other's Internal Affairs" [Izimov].

Xi Jinping, with his bright personality, administrative experience, and biography, personified the determination of the party-state elite to bring the country to a new level of development, without changing the leadership role of the CCP in society and the ideals of "socialism with Chinese characteristics". One of the key events in the definition of new foreign policy principles was the central workshop on foreign policy issues, which was chaired by Xi Jinping in November 2014. At this event, several basic principles of the PRC foreign policy were put forward:

- Chinese diplomacy is the diplomacy of a large state;
- Foreign policy should be distinguished by a clear Chinese identity, Chinese style, and Chinese position;
- In no case should China's legitimate interests be denied;
- The sovereignty, territorial integrity and maritime rights of the country must be firmly protected, and territorial disputes around the islands duly resolved [Gordon].

Analyzing characteristics of Jinping's program Russian sinologist I. Denisov says: "Contemporary Chinese political discourse can clearly be seen as the desire to make China's diplomacy more proactive. The peaceful development, the protection of key interests, the policy of "soft power" in the future should lead China to the number of States enacting rules in accordance with its increased interests. Such intentions are clearly visible on the example of the ambitious program of turning China into a Maritime power; they manifest themselves in the sphere of military diplomacy – adjustment of approaches to the use of Chinese military units abroad)" [Denisov].

Thus, it could be said that today's China and its leadership intend to combine both "hard" and "soft power" in their foreign policy. Today, China initiates and leads to various multilateral security mechanisms. A vivid example is the creation in 2017 of the quadripartite mechanism "China-Pakistan-Tajikistan-Afghanistan" to promote security in Afghanistan. In addition, Chinese authorities are increasingly promoting the idea of "protecting their own investments and citizens outside the country."

Besides that, Beijing is investing to spread Chinese culture and language abroad. As before, pursuing their foreign policy, the Chinese authorities pay great attention to their image. They try to ensure that over the years a positive image that has been formed is not spoiled by local, minor troubles.

One of the most important components of Chinese foreign policy is, of course, the economy of the country. After the reformation in 1978 during about 40 years, China has practiced meteoric rise in terms of economy, established bilateral relations with many countries most of which are concerned with economic-trade relations. All of these served as an impressive influence of China

on the entire world and promoted the phenomenal economic growth that brought China to second place in the world in GDP.

In addition, China has never had such an impact on the development of the world economy. Under Xi Jinping, Beijing initiated the creation of the Asian Infrastructure Investment Bank, the Silk Road Fund and the New Development Bank, three international financial institutions with a combined registered capital of more than \$200 billion. At the same time, China began the implementation of the “One Belt, One Road” initiative – an unprecedented in scale plan which involves infrastructure development and investments in Europe, Asia, and Africa [Borokh].

Currently, China is a powerful state, which plays a significant role not only in the Asia-Pacific region but also in the world politics. China is one of the few states that claim to be a global superpower. China is a country in which integration processes have taken place fairly quickly in the last twenty years.

In general, the role and the effectiveness of China at the present stage is increasing. The successful spread of China's “soft power” beyond its borders conditioned by the rich experience of its use throughout the history of the PRC. The evolution of the “soft power” idea in various strategies and foreign policy concepts contributed to its modernization and meaningful application in many directions. In the future, due to the “soft power”, China will be able to achieve significant results in its foreign policy.

References

- Borokh O. N., Lomanov A. V. From Soft power to Cultural cooperation. *Russia in Global Politics*. 2012. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Otmyagkoi-sily-k-kulturnomumoguschestvu-15643>
- Denisov I. Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation. *Outlines of global transformation*, 2017, vol. 10, p. 83–89.
- Gordon A. V China under Xi Jinping: Problems and Prospects. *The Cambridge History of China*. Vol. 6, Alien Regimes and Border States, edited by Denis C. Twitchett. Herbert Franke and John King Fairbank, 2013, pp. 710–1368.
- Izimov R. *China's soft power is on the sights of Central Asia*. 2014. Available at: <https://regnum.ru/news/1759411.html>
- Izimov R. *The First Five-Year Plan of Xi Jinping: The Specificity of the Political Process in Modern China*. Available at: <https://isp.eu/publication/new-chinese-foreign-policy-xi-jinping-implications-european-policy-making/>
- Malyshev N. *China's foreign policy and its priorities under Xi Jinping*. 2015. Available at: https://revolution.allbest.ru/international/00833082_0.html
- Mgaloblishvili V. Foreign policy of the state as a category of modern political science. *International Scientific Journal Innovative Science*, 2015. Available at: <https://edition.cnn.com/2019/03/04/asia/china-intl>
- 36 *Strategies in China's Foreign Policy Strategy*. Available at: <https://caa-network.org/archives/18142>
- China's foreign policy according to Xi Jinping* / Carnegie Moscow Center, 2018. Available at: <https://carnegie.ru/2018/01/23/ru-pub-75325>
- Functions and responsibilities of the Ministry of Foreign Affairs of the PRC*. Available at: http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjzb/zhuyaozhize_russ/

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1980-е гг. ¹

Аннотация. Работа посвящена проблеме региона в межгосударственных отношениях. В 1980-х гг., когда началось восстановление отношений между СССР и КНР, российские приграничные регионы стали локомотивами развития двухсторонних отношений. При этом Восточная Сибирь имела не только сходство в этой части с Дальним Востоком, но и отличия. Так же как и Дальний Восток, Восточная Сибирь сначала установила прямые связи в рамках приграничного сотрудничества, но Читинская область со станцией Забайкальск являлись воротами не только в индустриально развитую Сибирь, но и в Центральную Россию. С 1983 г. Читинская область становится одним из центров развития приграничной торговли, а в 1988 г. первой в СССР оформила прямые межрегиональные связи с КНР. На следующем этапе развития межрегиональных связей именно сибирские территории, в первую очередь Бурятия, Иркутская область и Красноярский край, стали лидерами среди советских регионов. Таким образом, Восточная Сибирь явилась примером системного развития приграничного и межрегионального сотрудничества, ставшего важнейшей составляющей советско-китайских отношений в 1980-х гг.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Забайкалье, нормализация советско-китайских отношений, приграничное и межрегиональное сотрудничество.

V. Datsyshen

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

EASTERN SIBERIA IN USSR-PRC RELATIONS IN 1980^s

Abstract. The article is devoted to the problem of a region in interstate relations. In 1980-s, when the relations between the USSR and PRC started to restore, Russian frontier regions became engines of development of bilateral relations. In the meantime, Eastern Siberia had both similarities and differences as compared to the Far East in this sense. Just like in the Far East, Eastern Siberia first of all established direct links in the framework of frontier cooperation, but Chita region with Zabaikalsk station were the gates not only to industrially developed Siberia but also to Central Russia. Since 1983, Chita region has become one of the centers of development of frontier trade, and in 1988 it was the first region in the USSR to establish direct interregional links with PRC. At the next stage of the development of interregional links, Siberian territories, first of all, Buryatia, Irkutsk region and Krasnoyarsk region became leaders among Soviet regions. In such a way, Eastern Siberia was an example of system development of frontier and interregional relations, which became an important part of USSR-PRC relations in 1980-s.

Keywords: Eastern Siberia, Trans-Baikal region, normalization of USSR-PRC relations, frontier and interregional cooperation.

Важнейшей составляющей российско-китайских отношений на этапе их нормализации в 1980-х гг. было развитие приграничных и межрегиональных связей как в торгово-экономической сфере, так и в медицине, науке, культуре и образовании. С расширением приграничной торговли в первой половине 1980-х гг. начался необратимый процесс восстановления

¹ *Статья выполнена по проекту РФФИ 20-014-00010 А «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование».*

советско-китайских отношений. Межрегиональные связи в Центральной и Восточной Азии стали основой ускоренного развития советско-китайских отношений и привели к полной нормализации межгосударственных отношений в кратчайшие сроки.

Оформление Восточной Сибири в качестве целостного региона в единую административно-территориальную единицу исторически было обусловлено пограничным с Китаем положением. С присоединением Приамурья к России и выделением Дальневосточного региона место и значение Восточной Сибири в традиционных ее границах изменилось мало. Восточная Сибирь объединяет территориально-административные образования, находящиеся в бассейне реки Енисей, куда входят и впадающие в Байкал реки, а также и Восточное Забайкалье, вошедшее в состав России в XVII в.

Актуальность изучения межрегиональных связей в системе российско-китайских отношений обусловлена тем, что в условиях развития процессов глобализации и ослабления самодостаточности национальных экономик особое место в системе международных отношений занимает межрегиональное сотрудничество. Развитие прямых связей между Восточной Сибирью и Китаем детерминировано историческими предпосылками, геополитическим положением, логистически-инфраструктурными особенностями этого отдаленного от Центральной России большого региона. Новое содержание проблема Восточной Сибири в системе российско-китайских отношений получила после провозглашения Си Цзиньпином инициативы «Один пояс, один путь».

В современной России немало внимания уделяется проблемам приграничного и межрегионального сотрудничества с Китаем. В силу ряда причин большинство работ принадлежит дальневосточным исследователям и посвящено сотрудничеству дальневосточных территорий с сопредельными провинциями Северо-Восточного Китая. В трудах лидера дальневосточных китаеведов В. Л. Ларина обычно выделяются специальные разделы, такие как «Приграничные и региональные связи» [Ларин, с. 22–34]. В Восточной Сибири также изучают проблемы русско-китайских отношений на региональном уровне. В 2002 г. в Иркутске вышла книга ведущих бурятских исследователей «Российско-китайские отношения и роль регионов Восточной Сибири в их развитии (1989–1999 гг.)» [Базаров], которая вносит большой вклад в изучение проблемы, но авторы оставляют за рамками своего исследования период нормализации советско-китайских отношений.

Особое внимание изучаемой проблеме традиционно уделяют читинские ученые. В 2003 г. обобщающее исследование по истории русско-китайских отношений в Читинской области выполнил китаевед А. П. Тарасов. Но как участник событий этот сибирский китаевед применительно

к событиям 1980-х гг. отразил собственный опыт, описывая развитие приграничного и межрегионального сотрудничества только с 1988 г. Правда, в приведенных на страницах книги таблицах хорошо показан ускоренный рост «товарооборота в рамках межрегионального приграничного сотрудничества», начиная с 1983 г. [Тарасов, 2003, с. 58]. В последние годы проблемам отношений с соседями неизменно много внимания уделяют историки Забайкалья. Вопросы отношений с Китаем затрагиваются во многих работах по истории Читинской области или Восточного Забайкалья. В вышедших в 2009 г. «Очерках истории Забайкальского края» [2009] был выделен последний параграф «Внешнеэкономические связи Забайкалья». Авторы пишут: «Постепенно прямое приграничное сотрудничество Забайкалья с провинциями КНР приобретало устойчивый характер... Оно было естественным, отвечало коренным интересам обеих сторон. Уже к середине 1980-х годов двухсторонние связи почти в 3 раза превысили их уровень 1960 г. Характерно, что развитие двухсторонних отношений Забайкалья с соседними территориями Китая происходило более динамично, чем других граничащих с КНР регионов СССР» [Там же, с. 406]. В 2015 г. вторым изданием в Чите вышла обобщающая работа «Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения». В главе «“Закрыть прошлое – открыть будущее”». Трудный путь восстановления советско-китайских отношений в 1980-е годы» выделены два параграфа: «Нормализация приграничных и межрегиональных связей Забайкалья и КНР» и «Восстановление и развитие делового партнерства Забайкалья с провинциями и территориями Китая» [Забайкалье – КНР ... , 2015, с. 130–172]. Говоря о нормализации двухсторонних отношений, начавшейся с 1983 г., авторы предлагают спорный тезис о том, что «процесс размораживания и нормализации прямых двухсторонних связей Забайкалья с сопредельными территориями КНР в меняющихся условиях протекал сложнее, чем в целом по линии межгосударственного сотрудничества» [Забайкалье – КНР ... , с. 133], подтверждая его почему-то примерами задержания китайских разведчиков в начале 1981 г.

Таким образом, при наличии интереса к проблемам истории советско-китайских отношений на уровне региона Восточной Сибири эта проблема до настоящего времени изучена недостаточно. Первоочередной задачей, стоящей перед историками-регионоведами, является восстановление исторической картины развития приграничных и межрегиональных торгово-экономических связей, сотрудничества в сфере науки, образования, медицины, культуры между российскими и китайскими регионами в период нормализации советско-китайских отношений.

Отправной точкой начала нормализации советско-китайских отношений традиционно считается выступление Л. И. Брежнева в Ташкенте в марте 1982 г. Известный дальневосточный китаевед Н. П. Рябченко пи-

шет: «1982 г. оказался наиболее урожайным на советские инициативы по нормализации отношений с великим соседом» [Рябченко, 2006, с. 126].

Отправной точкой нормализации приграничных торгово-экономических отношений считается событие, произошедшее весной 1982 г. В советской научно-справочной литературе было зафиксировано: «16 апреля в Пекине было подписано соглашение о товарообороте и платежах между СССР и КНР на 1982 г. Стороны обсудили возможности увеличения приграничной торговли и обменялись нотами по этому вопросу...» [Китайская Народная Республика ... , 1986, с. 194]. В. Л. Ларин пишет: «Экономические связи между соседними территориями Китая и СССР были восстановлены в мае 1983 г., основой для этого послужило Советско-китайское соглашение о возобновлении приграничной торговли, достигнутое в апреле 1982 г. посредством обмена письмами между министерствами внешнеэкономических связей двух стран... Стороны договорились вести торговлю в форме бартера через уполномоченные на то правительствами двух стран организации. С китайской стороны такой структурой стала Хэйлуунцзянская внешнеторговая компания, с российской стороны – «Дальинторг». Расчеты по причине неконвертируемости валют обоих государств было решено производить в швейцарских франках» [Ларин, 2006, с. 24].

Реализация соглашения о приграничных связях опережала процесс нормализации советско-китайских отношений на других уровнях. Советские Китаеведы писали, что уже в ноябре 1982 г. «завершились советско-китайские переговоры по приграничной торговле между Всесоюзным внешнеторговым объединением «Дальинторг» и торговой делегацией пров. Хэйлуунцзян. Была подтверждена взаимная заинтересованность в развитии торгового сотрудничества приграничных областей и подписан соответствующий протокол» [Китайская Народная Республика ... , 1986, с. 194]. В работе бурятских историков отмечено: «После 16-летнего перерыва советско-китайская приграничная торговля была возобновлена 10 апреля 1983 г. с подписанием соглашения о восстановлении экономических связей между приграничными регионами двух стран... автономным районом Внутренняя Монголия и Восточной Сибирью» [Базаров, Ганджуров, 2001, с. 59].

Первым из сибирских регионов восстановила торгово-экономические отношения с Китаем Читинская область. В докладе ответственного секретаря Читинского областного отделения Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) Ю. Аршинского говорилось: «В 1983 г. наша область установила торговые отношения с автономным районом Внутренняя Монголия. Объемы ее с каждым годом растут. Если в 1983 г. область поставила товаров в АРВМ на 581 тыс. рублей, то в 1985 году – уже на 4 млн 633 тыс. руб. Соответственно росли и поставки из АРВМ: 1983 год –

1 млн 724 тыс. руб., 1985 год – 10 млн 347 тыс. руб.»¹. В 1986 г. общий объем приграничной торговли составил около 28 млн руб.².

Согласно установленному порядку, все операции по приграничной торговле могли совершаться лишь через Всесоюзное объединение «Дальинторг» с центром в г. Находке. Официальными пунктами торговли были выбраны соседние приграничные города Маньчжурия и Забайкальск в СССР. Торговля была в значительной мере бартерной, и расчет объемов шел на швейцарские франки. Такая система сохранялась до 1991 г., когда торговля, согласно советско-китайскому соглашению от 2 октября 1990 г., была переведена на валютную основу и стала рассчитываться в долларах США.

Восточная Сибирь по приграничной торговле направляла в КНР как продукцию собственного производства, так и товары из других регионов. В докладе Ю. Аршинского говорилось: «Читинская область поставляет минеральные удобрения, мотоциклы, холодильники, кровельную сталь, фотоаппараты, другие товары. Из Внутренней Монголии мы получаем трикотаж, швейные и меховые изделия, ткани, полотенца, обувь, хозяйственные и продовольственные товары. <...> Существующая приграничная торговля показывает, что она выгодна обеим сторонам»³. Следует отметить, что номенклатура товаров в приграничной торговле Читинской области отличалась от таковой на Дальнем Востоке, где «по линии приграничной торговли Советский Союз экспортировал древесину, цемент, стиральные машины, холодильники, другие товары. В свою очередь Китай поставлял в нашу страну зерно, соевые бобы, кукурузу, пищевые продукты»⁴.

Приграничное сотрудничество отдаленного сибирского региона с Китаем позволяло знакомиться не только с китайским опытом, но и западными технологиями. В докладе ответственного секретаря Читинского областного отделения ОСКД Ю. Аршинского говорилось: «На Баотоуском пищекомбинате советских гостей познакомили с итальянской линией по производству мороженого и с технологическим оборудованием по производству хлебобулочных изделий, закупленным в Великобритании»⁵.

Важнейшей составляющей процесса восстановления советско-китайских отношений стало взаимодействие по линии Общества советско-китайской дружбы, в том числе и его региональных организаций. Новый этап развития ОСКД начался с 1982 г., когда отмечалось его 25-летие. На этом юбилейном собрании выступил посол КНР Ян Шоучжэн, огласивший приветствие Общества китайско-советской дружбы (ОКСД) в адрес ОСКД. Это было первое после почти 20-летнего перерыва офици-

¹ ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 1553. Л. 42.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 147. Д. 40с. Л. 15.

³ ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 1553. Л. 42.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 44.

альное поздравление со стороны ОКСД. В июле 1983 г. Москву, Ленинград и Киев посетила делегация Китайского народного общества дружбы с границей. В октябре 1983 г. делегация ОКСД впервые после 18-летнего перерыва съездила в Китай.

В первой половине 1980-х гг. восстановили свою работу региональные отделения ОСКД. В постановлении секретариата Читинского обкома КПС говорилось: «В соответствии с постановлением ЦК КПСС "О местных отделениях Общества советско-китайской дружбы" (ОСКД). Возобновить с февраля 1984 г. деятельность Читинского отделения Общества советско-китайской дружбы»¹. Решение о возобновлении деятельности Читинского областного отделения ОСКД и создании Забайкальского районного отделения ОСКД было принято в Москве 6 февраля 1984 г. На тот момент это были единственные отделения ОСКД в Сибири, остальные отделения открывались на Дальнем Востоке.

Коллективными членами Читинского областного отделения ОСКД стали более 20 предприятий, учреждений и учебных заведений. Наиболее активно действовало отделение ОСКД в г. Забайкальске. В материалах Читинского отделения ОСКД отмечалось: «В Читинской области с 1984 года первым начало обмениваться делегациями по случаю национальных праздников с отделением Общества китайско-советской дружбы (ОКСД) г. Маньчжурия КНР Забайкальское районное отделение Общества советско-китайской дружбы»². Стороны обменялись делегациями на празднование годовщины образования КНР и Великой Октябрьской социалистической революции. В 1984 г. делегация ОСКД ст. Забайкальск в составе трех человек выезжала в г. Маньчжурию, а в Забайкальск приехала делегация из Маньчжурии в составе пяти человек.

Затем появились отделения ОСКД в других приграничных районах Читинской области. Вскоре региональные отделения ОСКД возобновили свою работу в некоторых других сибирских регионах. На IV Всесоюзной конференции ОСКД в ноябре 1986 г. были представлены отделения общества из Москвы, Ленинграда, девяти союзных республик и российских регионов, в том числе Читинской, Иркутской и Новосибирской областей, а также ряда городов РСФСР. С 1983 по 1986 г. по линии ОСКД – ОКСД 200 представителей советской общественности ездили в Китай и 200 китайцев посетили СССР³.

Развитие приграничного сотрудничества и установление прямых связей между соседними регионами подготовили почву для качественных изменений в приграничной и межрегиональной торговле. В 1985 г. местные китайские власти предложили советским партнерам открыть прямую

¹ ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 1301. Л. 8.

² Там же. Д. 1553. Л. 42.

³ Там же. Д. 1975. Л. 5.

торговлю на границе. В Отчете о поездке делегации Забайкальского отделения ОСКД в г. Маньчжурию (КНР) на празднование 36-й годовщины образования КНР говорилось: «Ба Инга подчеркнул, что руководители Маньчжурии охотно бы вступили в торговые отношения с Забайкальском и готовы торговать хотя бы кирпичом, излишки которого у них имеются, кроме того, китайская сторона может предложить мясные и рыбные консервы, изделия из кожи. Для китайцев интерес представляют лес, стекло, цемент, металл, машины и различное оборудование»¹.

С приходом в 1985 г. к власти М. С. Горбачева в Советском Союзе началась политика перестройки, направленная на либерализацию всех сфер жизни, в том числе в международных отношениях. 28 июля 1986 г. новый советский лидер во Владивостоке заявил, что СССР готов обсудить все вопросы, необходимые для нормализации отношений с Китаем.

Знаковым событием в советско-китайских отношениях для Сибири стало успешное разрешение инцидента, связанного с угоном советским летчиком пассажирского самолета в Китай. В декабре 1985 г. летевший в Читу Ан-24 был посажен недалеко от Хайлара, но китайская сторона арестовала угонщика и тепло приняла советских пассажиров, которые по возвращении на родину привезли самые хорошие впечатления о Китае и китайцах. С 1985 г. в практику межрегионального сотрудничества вошла отправка на стажировку в Китай преподавателей китайского языка из читинских пединститута и средней школы № 4, а также лучших студентов пединститута.

Уникальность Читинской области среди регионов СССР заключалась в том, что это была единственная вообще в России территория, где в местном пединституте функционировало китайское отделение, а китайский язык преподавался в двух средних школах – в самой Чите и в пос. Забайкальск. И местные пропагандисты постоянно указывали, что используют имеющийся в области краеведческий потенциал: «Мы стараемся использовать также это обстоятельство ... Преподаватели и учителя школы активно участвуют в пропагандистской работе по китайской тематике»². На самом деле кафедра китайского языка Читинского пединститута составляла планы работы «с целью развития и укрепления советско-китайских отношений, дружбы между советским и китайским народами» еще в 1984 г.³, в то время как перед партийными пропагандистскими организациями еще ставились задачи «борьбы с маоизмом».

Развитие торгово-экономических связей и взаимодействие по линии ОСКД опережали политико-пропагандистскую основу советско-китайских отношений. В документах Читинского обкома КПСС отмечается: «В 1985

¹ ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 1553. Л. 57.

² Там же. Д. 7990. Л. 29.

³ Там же. Д. 1301. Л. 16.

году в лекциях по проблемам Китая разоблачалась реакционная сущность маоизма...»¹. В 1986 г. в Забайкальске состоялась научно-практическая конференция «Пути совершенствования содержания и методики контрпропаганды в идейно-воспитательной работе»². В течение 1986 г. в приграничных с Китаем районах пропагандистская работа была направлена на «воспитание у жителей района высокой политической бдительности в свете требований Постановления ЦК КПСС от 23 мая и 28 июня 1977 г. и Закона о Государственной границе СССР»³. Однако общественность в приграничных районах требовала другой информации. В подготовленной Читинским обкомом КПСС Справке о лекционной пропаганде по вопросам Китая от 23 сентября 1986 г. говорилось: «Наиболее характерные вопросы, поступающие от слушателей: почему Китай не идет на восстановление международных связей с СССР. Назовите товарооборот с Китаем. Какие товары продает Советский Союз Китаю...»⁴. В 1986 г. население массово задавало партийным пропагандистам вопросы: «Означает ли подвижка в торговых, экономических и культурных связях СССР – КНР улучшение отношений и в политических вопросах»⁵. И, как отмечено в документах: «В октябре 1986 г. в Отделе пропаганды Читинского обкома КПСС состоялось заседание, на котором рассматривался вопрос о перестройке устной пропаганды, в том числе и лекционной пропаганды, в связи с новыми подходами к китайской проблеме»⁶.

С 1986 г. начался активный обмен делегациями между советскими и китайскими регионами. Празднование в 1987 г. 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции в СССР и КНР стало поводом для активизации поездок делегаций, представлявших региональные партийные и советские органы. Читинскую область с 1986 по 1989 г. посетило около 40 делегаций, не считая железнодорожников в Забайкальске, столько же делегаций из Читинской области выезжали в КНР.

Приграничная торговля через государственные внешнеторговые компании и сотрудничество на уровне местных отделений ОСКД подготовила почву для открытия прямого товарообмена между регионами. Уже в 1985 г. местные китайские власти предложили советским партнерам открыть прямую торговлю на границе.

Осенью 1986 г. в Чите состоялась первая торгово-промышленная выставка Автономного района Внутренняя Монголия, на которой было представлено более 2 тыс. китайских товаров [Забайкальск – КНР ... ,

¹ ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 7990. Л. 9.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 3.

2015, с. 133]. В течение 1988–1989 гг. в Читинской области было подписано 120 контрактов и зарегистрировано 96 участников внешнеэкономических связей. На 1 февраля 1989 г. более 40 предприятий и организаций Читинской области установили прямые контакты с партнерами из КНР.

При установлении межрегиональных приграничных отношений в середине 1980-х гг. вновь актуализировалась старая проблема в истории русско-китайских отношений. В направленном в Москву отчете ответственного секретаря Читинского областного отделения ОСКД Ю. Аршинского «О поездке делегации Забайкальского отделения ОСКД в г. Маньчжурию (КНР) на празднование 36-й годовщины образования КНР» говорилось: «В беседе выявилось различное понимание административного статуса пограничных районов. Если советская сторона приравнивает Забайкальский район Хулунбуирскому аймаку, то китайская сторона – городу Маньчжурия, руководствуясь при этом количеством населения и объемом промышленного производства»¹.

Во второй половине 1980-х гг. приграничные и межрегиональные отношения между СССР и КНР вышли на качественно новый уровень. Был расширен круг регионов, открытых для приграничной торговли, территориям предоставлены дополнительные права выхода с собственной продукцией на внешний рынок. Заместитель председателя Госплана РСФСР А. М. Зайчиков в августе 1988 г. озвучил следующие данные по приграничной торговле: «Товарооборот по приграничной торговле с Китаем в 1987 г. составил 44,4 млн руб. (увеличился почти в 7 раз по сравнению с 1983 г. и в 1,5 раза по сравнению с 1986 г.). На 1988 г. заключено экспортно-импортных контрактов с китайскими компаниями на сумму около 102 млн руб. без учета местной торговли, что превышает объемы 1987 г. в 2,3 раза»².

Если в первой половине 1980-х гг. право на пограничную торговлю с Китаем получили четыре российских региона, три из которых были дальневосточными и лишь один – сибирским, то в 1986 г., как пишет В. Л. Ларин, «в приграничную торговлю с Хэйлунцзяном и Внутренней Монголией включились Бурятия, Красноярский край, Иркутская и Сахалинская области» [Ларин, 2006, с. 24]. Таким образом, среди новых четырех регионов уже три представляли Восточную Сибирь. Кроме того, Алтайский край и Кемеровская область получили право приграничной торговли с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) КНР, которую должны были осуществлять через Всесоюзное внешнеторговое объединение «Востокгосинторг» [Кольцова, 2009, с. 161].

В июне 1988 г. состоялось третье заседание Советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудни-

¹ ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 66. Д. 1553. Л. 48.

² Там же. Д. 5135. Л. 14.

честву, на котором были подписаны новые соглашения, выведившие межрегиональное сотрудничество на качественно новый уровень. В документах отмечается: «На третьем заседании Советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству принято решение о создании Постоянной рабочей группы по местному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству. Деятельность указанной рабочей группы будет способствовать дальнейшему развитию приграничных связей и контактов между СССР и КНР на основе разработки мероприятий и рекомендаций для внешнеэкономических и хозяйственных организаций сторон по вовлечению в товарооборот новых товаров за счет местных ресурсов»¹. 4 августа 1988 г. состоялось «региональное совещание по вопросам развития экспортного потенциала прибрежной и приграничной торговли, взаимного сотрудничества автономных республик, краев и областей Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья с государствами АТР»². В 1988 г. при республиканских, областных и краевых исполкомах начали создаваться отделы внешнеэкономических связей. В феврале 1989 г. было образовано Министерство внешнеэкономических связей СССР, но все подведомственные ему организации и учреждения работали на основе полного хозрасчета.

Межрегиональное сотрудничество в годы перестройки было локомотивом развития советско-китайских отношений. И здесь лидером оказалась Читинская область. На переговорах между делегациями Исполнительного комитета Совета народных депутатов Забайкальского района Читинской области СССР и города Маньчжурии Автономного района Внутренняя Монголия КНР в апреле 1988 г. был подписан Протокол об учреждении приграничной торговли и организации экономического и технического сотрудничества между Забайкальским районом Читинской области СССР и городом Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Это соглашение о межрегиональном сотрудничестве, во многом состоявшееся благодаря личным качествам получившего разрешение на поездку в Китай, минуя областные структуры, председателя Забайкальского райисполкома В. И. Колесникова, было подписано за два месяца до подписания межправительственного соглашения о межрегиональном сотрудничестве. Здесь следует отметить, что Соглашение между Правительством СССР и Правительством КНР об установлении и развитии торгово-экономических связей между союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинциями, автономными районами, городами КНР было подписано лишь в июне 1988 г. [Тарасов, 2003, с. 73].

¹ ГААО. Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 5135. Л. 14.

² Там же. Л. 10.

Ведущий специалист по данной проблеме В. Л. Ларин пишет: «Первое советско-китайское соглашение приграничного уровня – Протокол об учреждении приграничной торговли и организации экономического и технического сотрудничества между Забайкальским районом Читинской области СССР и городом Маньчжурия (Маньчжоули) Автономного района Внутренняя Монголия – было подписано в Маньчжоули 15 апреля 1988 г., за два месяца до заключения межгосударственного соглашения о развитии торгово-экономических отношений между территориями, предприятиями и организациями двух стран... Тогда же Забайкальское районное потребительское общество и внешнеторговая компания г. Маньчжоули заключили первый контракт о разовой бартерной сделке» [Ларин, 2006, с. 31].

Уже при подписании своего первого соглашения с партнерами читинцы конкретизировали содержание межрегионального сотрудничества. В Протоколе переговоров между делегациями исполнительного комитета Совета народных депутатов Забайкальского района Читинской области СССР и города Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия КНР от 15 апреля 1988 г. говорилось: «По вопросам экономического и технического сотрудничества, представляющим взаимный интерес, стороны широко обсудили: в сфере предоставления трудовых ресурсов поставку городом Маньчжурия строительных материалов и рабочей силы для строительства в Забайкальском районе школы, детского сада, дворца культуры, маслозавода, кожевенной фабрики и др. В сфере производственной кооперации некоторые программы переработки в г. Маньчжурия сырья, поставляемого Забайкальским районом, и производства продукции по образцам Забайкальского района / представление древесины для производства мебели, макулатуры для производства туалетной бумаги, овечьей шерсти для производства готовых изделий, тканей для пошива одежды, цемента и арматуры для производства строительных конструкций и др.» [Тарасов, 2003, с. 390–391].

Регионы Восточной Сибири, получившие право приграничной торговли с Китаем в 1986 г., смогли развернуть полномасштабное сотрудничество лишь в 1988 г., когда в региональных исполкомах были созданы отделы внешнеэкономических связей (ОВЭС). В интервью заведующего отделом внешнеэкономических связей планово-финансового управления Иркутского облисполкома А. А. Белякова, данном в начале января 1989 г. корреспонденту газеты «Восточно-Сибирская правда», говорилось: «Если говорить о нашем отделе, он призван координировать развитие внешнеэкономических связей. Раньше Иркутская область замыкалась на прибрежной и приграничной торговле с Японией, Монголией, реже – с Китаем и КНДР. Осуществлять операции мы могли только через посредника – «Дальинторг». А сейчас самостоятельно выходим на контакты... В 1988 г. мы только в Японии и Китае купили различных товаров народного по-

требления, деревообрабатывающих станков, другой техники... на 55 млн рублей»¹.

Несмотря на все успехи торгово-экономических отношений, общепринятой остается та точка зрения, согласно которой китайская сторона успешнее работала и извлекла для себя гораздо больше выгоды, чем советская. Советские специалисты указывали на такие проблемы: «Слабость экспортной базы Сибири и Дальнего Востока обуславливает и крайне нерациональную отраслевую структуру экспорта. Преобладающее значение имеют те же товары, которые поставляются в Китай в рамках межправительственных протоколов о товарообороте и платежах... удельный вес машиностроительной продукции – падает. Введенная с 1 апреля 1989 г. в СССР система лицензирования экспорта, конечно, сократила утечку остродефицитного сырья и материалов. Однако она больно ударила по развитию местной и приграничной торговли» [Спрогис, 1990, с. 19]. В экспорте Читинской области в Китай в 1989 г. 56 % составляли минеральные удобрения [Ларин, 2006, с. 28].

В это время регионы Восточной Сибири, а не только приграничная с КНР Читинская область, включились в межрегиональные отношения. В 1988 г. делегация из Иркутской области обсуждала в Харбине вопросы создания совместных советско-китайских предприятий в области медицины и бытового обслуживания, «сдачу в аренду китайским специалистам отделений колхозов для выращивания овощей, о создании совместных предприятий по выпуску кирпича... О создании в Иркутске совместного центра бытового обслуживания, об открытии в Иркутске и Шэньяне секций по продаже китайских и советских товаров, об использовании китайских рабочих в Иркутской области на объектах строительства и производстве строительных материалов ... в легкой и пищевой промышленности, в машиностроении. <...> Поставка оборудования для деревообработки... открытие совместных производств по выпуску шоколадных конфет...»². Всего к началу 1989 г. Иркутск получил предложения о прямом сотрудничестве от 50 китайских фирм.

С 1988 г. началась история совместных советско-китайских предприятий. Говоря о правовой основе совместных предприятий, отметим, что 8 июня 1988 г. правительства двух стран подписали Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах создания и деятельности совместных предприятий. В Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР) говорилось: «Особенно большой потенциал заложен в области создания совместных пред-

¹ Восточно-Сибирская правда. 1989. 12 янв.

² Там же. 1989. 12 янв.

приятый, производственной кооперации, сельском хозяйстве, перерабатывающих производствах, инженерном подряде, отделочных работах в строительстве, использовании трудовых ресурсов и других сферах» [Тарасов, 2003, с. 399–400].

В числе первых совместных предприятий в Восточной Сибири был китайский ресторан в Иркутске. 4 октября 1989 г. «Восточно-Сибирская правда» сообщила: «На улице 5-й Армии в Иркутске в минувшее воскресенье было ознаменовано долгожданным событием. Здесь состоялась официальная церемония открытия ресторана «Нэйменгу»... Это первенец среди советско-китайских предприятий в области»¹. На важность этого события указывал факт прибытия на открытие китайской делегации во главе с заместителем начальника управления торгово-экономических связей АРВМ КНР. В церемонии открытия приняли участие председатель облисполкома Ю. А. Ножиков, первый секретарь Иркутского горкома КПСС В. Н. Ковшаров и др. Здесь следует отметить, что китайские повара начали работать в Иркутске задолго до официального открытия совместного предприятия. В интервью заведующего отделом внешнеэкономических связей планово-финансового управления Иркутского облисполкома А. А. Белякова, напечатанном в газете еще в январе 1989 г., говорилось: «Подписано соглашение о создании в Иркутске ресторана китайской кухни, недавно к нам приехали 16 специалистов, чтобы начать работу»². В конце 1989 г. газета «Советская молодежь» писала: «В городе Иркутске давно ждали открытия китайского ресторана «Нэйменгу». И открытие ресторана стало приятным событием... опыт перенимается, вместе с китайскими поварами работают и наши специалисты»³. С китайской стороны на этом предприятии работали повара, как было написано в газете, Ду Вэйчэн, Чжан Ияхуа, Хань Личжен, Су Яошэн, а также متردوتель-переводчик Лю Доньи⁴. Примерно по такому же сценарию заработали первые китайские рестораны в других региональных центрах.

Почти сразу в Иркутске стало действовать совместное предприятие «Здоровье» при областной клинической больнице, возглавлялось Ван Жунбанем и Ю. Л. Птиченко. В этом хозрасчетном предприятии, кроме советских специалистов, работали 20 китайцев – специалистов в области традиционной китайской медицины⁵. Сотрудничество в сфере медицины было налажено и в других регионах. Например, 10 мая 1990 г. в Шэньян приехала делегация из Красноярского мединститута (гинеколог Е. Н. Наумова, отоларинголог Л. Б. Шевченко и переводчик Н. Ф. Ивано-

¹ Восточно-Сибирская правда. 1989. 4 окт.

² Там же. 12 янв.

³ Советская молодежь. 1989. 4 нояб.

⁴ Восточно-Сибирская правда. 1989. 4 окт.

⁵ Советская молодежь. 1989. 4 нояб.

ва). Советские специалисты работали в местной больнице и поликлинике до 27 октября 1990 г. [Поездка за опытом ... , 2010, с. 30–35].

Показательным примером межрегионального сотрудничества в конце 1980-х гг. является выход на китайский рынок Красноярского комбайнового завода. Этот пример был описан уже в 1991 г. : «В 1989 г. продукцией Красноярского комбайнового завода заинтересовались китайские механизаторы. Приглашение на предварительные переговоры было прислано из ... провинции Внутренняя Монголия. В феврале комбайностроители направили в Китай небольшую делегацию во главе с генеральным директором Л. Н. Логиновым ... 15 марта уже красноярцы встречали делегацию из Китая, прибывшую для заключения договора. Гости побывали в цехах... посетили заводы, филиалы объединения в Назарово. Договор о сотрудничестве был подписан. По его условиям комбайностроители обязались поставить во Внутреннюю Монголию первые 100 комбайнов и три тысячи тонн литья, получив взамен товары народного потребления... » [Рожденный на Енисее ... , 1991, с. 123–144].

В статье о бывшем начальнике Департамента иностранных дел провинции Хэйлунцзян Ван Яочжэнь говорится: «В 80-х годах был построен Харбинский выставочный комплекс. Постоянными экспонентами на нем стали представители красноярских предприятий. Там в павильоне Красноярского края он познакомился с нашим комбайновым заводом, с возможностями его производства и генеральным директором Л. Н. Логиновым. Там же они подписали первое соглашение о поставках комбайнов в Китай» [Kraschina, 2010, с. 12].

Сотрудничество развивалось очень быстро. Первая партия китайских товаров поступила на Красноярский комбайновый завод уже в апреле. В начале июня в заводском дворце культуры «Комбайностроитель» открылась выставка китайских товаров народного потребления. Менее полугода прошло с начала переговоров между китайской и советской сторонами до того времени, как красноярские комбайны вышли на поля китайских земледельцев. 5 августа 1989 г. первые 10 комбайнов в сопровождении 17 советских специалистов были отправлены по железной дороге в Китай, а 30 августа они вышли на поля госхоза Сертала Хулунбуирского аймака АРВМ. В 1990 г. красноярские машиностроители по линии прямых торгово-экономических связей отправили в Китай 241 комбайн. Бывший начальник Департамента иностранных дел провинции Хэйлунцзян вспоминал: «Несколько лет красноярские комбайны работали на китайских полях. Убирали зерно, чечевицу, горох, сою. Китайские специалисты вместе с нашими конструкторами хорошо приспособили их под многие свои нужды» [Kraschina, 2010, с. 12].

В воспоминаниях о сотрудничестве Красноярска с Хэйлунцзяном отмечается: «Ван Яочжэнь не раз приезжал в наш город. Решал проблемы

торгово-экономических взаимоотношений, подписывал новые соглашения, корректировал старые. Время было непростое, все расчеты проходили только через бартер, а предприятиям были нужны только финансы. Вот и решались тысячи головоломок помимо прямых торгово-экономических задач» [Там же, с. 12].

С 1989 г. началось массовое привлечение китайских рабочих рук в приграничные регионы России. В 1990 г. в СССР работало уже около 15 тыс. китайцев, более половины из которых приехали из приграничного Хэйлунцзяна. Читинские историки пишут: «В целях более ускоренного развития производственного потенциала и инфраструктуры Забайкалья впервые стала использоваться иностранная рабочая сила, прежде всего из КНР. Китайские специалисты и рабочие трудились на возведении народнохозяйственных объектов, в лесной промышленности и сельскохозяйственном производстве в Чите, Агинском округе, в Карымском, Улетовском, Читинском, Приаргунском и других районах, в поселке Забайкальск» [Очерки истории ... , 2009, с. 408]. Следует отметить, в это время привлечение китайских трудовых ресурсов обычно осуществлялось на паритетных началах. Русские рабочие также использовались в строительстве, промышленности и сельском хозяйстве приграничных регионов, в частности во Внутренней Монголии.

Важнейшей составляющей советско-китайского межрегионального сотрудничества стало взаимодействие в сфере науки и образования. 7 ноября 1988 г. в Пекине состоялась выставка «Наука и техника СССР». В ее работе приняли участие научные и учебные учреждения из Сибири. В частности, на выставке среди прочих был представлен и стенд Красноярского края. В это время устанавливались прямые связи между институтами Сибирского отделения АН СССР с аналогичными учреждениями КНР. Например, с 1989 г. началось сотрудничество Института вычислительного моделирования Красноярского научного центра СО РАН с Институтом оптоэлектроники Харбинского технологического института. Красноярцы наладили связи в сфере изучения леса. В 1989 г. в Красноярский край приезжала делегация лесников из Хайлара, а затем состоялся ответный визит. В августе 1990 г. в Красноярске для «знакомства с разработками ВНИИПОМлесхоза» побывала делегация ученых из КНР.

В конце 1980-х гг. продолжилось сотрудничество с КНР Читинского пединститута. В 1989 г. в Хух-Хото было подписано Соглашение об установлении межвузовских связей между Читинским педагогическим институтом /СССР/ и педагогическим университетом АРВМ /КНР/. В конце 1980-х гг. многие вузы Восточной Сибири наладили сотрудничество с Китаем. Например, Красноярский политехнический институт в 1988 г. получил из КНР факс, ксерокс, видеокамеру, цифровые приборы. С 1989 г. возобновил сотрудничество с КНР и старейший университет Во-

сточной Сибири. Газета «Иркутский университет» писала: «Между Иркутским и Хэйлунцзянским университетами ... в январе 1989 г. был заключен договор о сотрудничестве на безвалютной основе. В Хэйлунцзянском университете побывала делегация нашего ректората. Ответный визит состоялся в сентябре. С жизнью наших факультетов, научно-исследовательских институтов, подразделений познакомились: проректор по учебной части профессор Шан Хэсян, руководитель группы Цюй Шомэй, профессор, декан факультета китайского языка Янь Дэсян...»¹.

Студенты ИГУ начали изучать китайский язык. Первыми преподавателями стали заместитель декана факультета русского языка Хэйлунцзянского университета Чень Готин и старший преподаватель Пекинского института иностранных языков Ли Вэньфан. В опубликованном в газете «Иркутский университет» интервью с начальником международного отдела Н. А. Богатовой говорилось: «В настоящее время 10 студентов двух факультетов, физического и исторического, изучающих китайский язык под руководством преподавателей доцентов Диогенова А. В. и Единарховой Н. Е., проходят учебную производственную практику в КНР, а мы в свою очередь с 1 сентября приняли 5 студентов и 1 преподавателя Хэйлунцзянского университета, изучающих русский язык»². Что касается первого визита делегации Хэйлунцзянского университета газета сообщала: «После визита на Байкал и в Б. Коты (биостанция) делегация Хэйлунцзянского университета направилась в Красноярский университет, после – в Дальневосточный. В конце октября в Харбин отправиться делегация ИГУ».

Таким образом, Восточная Сибирь в 1980-х гг. была вовлечена в приграничное и межрегиональное сотрудничество между СССР и КНР. Активное участие региона в этих процессах было обусловлено его геополитическими особенностями. Локомотивом развития приграничных и межрегиональных отношений не только в Восточной Сибири, но и во всем Советском Союзе была Читинская область. Развитие приграничной торговли во многом обеспечило устойчивость и необратимость процесса нормализации советско-китайских отношений. В середине 1980-х гг. в приграничную торговлю с Северо-Востоком КНР были вовлечены Бурятия, Иркутская область и Красноярский край. К концу 1980-х гг. эти территории уже наладили взаимодействие с Китаем в сфере производства, торговли, науки, медицины, образования и культуры. Ускоренное развитие приграничных и межрегиональных торгово-экономических отношений соответствовало не только курсу реформ, проводившихся в КНР и СССР, но и общим тенденциям мировых процессов глобализации. Восстановление сотрудничества между соседями отвечало интересам двух

¹ Иркутский университет. 1989. 27 сент.

² Иркутский университет. 1989. 10 окт.

стран и народов, оно стало фундаментом будущего стратегического партнерства России и КНР.

Литература

- Рекламно-информационный журнал. 2010. № 9 (15). URL: kraschina.ru.
- Базаров Б. В., Ганжуров Д. В. Российско-китайские отношения и роль регионов Восточной Сибири в их развитии (1989–1999 гг.). Иркутск : Отгиск, 2002. 132 с.
- Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения 1945–2012 / Н. В. Гордеев, С. Н. Грибова, Н. Н. Жданова, А. А. Котельников. 2-е изд. Чита : Экспресс-изд-во, 2015. 360 с.
- Поездка за опытом (из дневников переводчицы Н. Ф. Ивановой) // Рекламно-информационный журнал. 2010. № 09 (15). С. 30–35. URL: kraschina.ru.
- Китайская Народная Республика в 1982 году. Политика, экономика, идеология. М. : Вост. лит. РАН, 1986. 374 с.
- Кольцова Н. В. Диверсификация внешнеэкономических связей Алтайского края со странами Востока в 1980-е гг. (по материалам местной печати) // Востокведные исследования на Алтае : сб. науч. ст. / под ред. А. В. Старцева. Барнаул : Азбука, 2009. Вып. 6. С. 159–173.
- Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток : Дальнаука, 2006. 424 с.
- Очерки истории Забайкальского края. Т. 1–2 / под ред. Н. В. Гордеева. Чита : Экспресс-изд-во, 2009. 440 с.
- Рожденный на Енисее. Красноярскому комбайновому – 50! Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1991. 208 с.
- Рябченко Н. П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969–1982). Владивосток : Дальнаука, 2006. 160 с.
- Спрогис Е. В. Как сотрудничаем с Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 17–24.
- Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита : РИС ЗабГПУ, 2003. 432 с.

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет (ЛЭТИ), Санкт-Петербург

Е. В. Кремнёв

Иркутский государственный университет, Иркутск

Е. А. Камышина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет (ЛЭТИ), Санкт-Петербург

О. В. Ярмак

Севастопольский государственный университет, Севастополь

СТРАТЕГИИ ДИАГНОСТИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЦЕННОСТЕЙ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ¹

Аннотация. Раскрываются основные подходы к диагностике человеческого капитала, которые выявлены в результате анализа материалов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных вопросам разработок методологии и конструирования методик диагностики. Сделан вывод о том, что большинство методических процедур диагностики человеческого капитала нацеливаются на «вход» или «выход» человеческого капитала, собственно внутриличностные факторы активности человека – его ценности – чаще всего остаются вне исследовательского поля. Показан ряд вариантов стратегий диагностики человеческого капитала, которые выявлены в результате анализа исследовательских процедур – методик исследований. Впервые представлены три варианта социологической диагностики ценностей – как основы человеческого капитала – и возможностей сетевого подхода к диагностике ценностей. Сделаны выводы о перспективности применения таких подходов к анализу процесса формирования человеческого капитала студентов в процессе обучения в университетах в рамках единой диагностической процедуры.

Ключевые слова: человеческий капитал, ценности, стратегии диагностики, виды стратегий диагностики.

P. P. Deryugin

St. Petersburg State University,
St. Petersburg State Electrotechnical
University, St. Petersburg

E. V. Kremnyov

Irkutsk State University, Irkutsk

E. A. Kamyshina

St. Petersburg State Electrotechnical University, St. Petersburg

O. V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”».

STRATEGIES OF HUMAN CAPITAL DIAGNOSTIC: BASED ON VALUE ANALYSIS (PRESENTATION OF EMPIRICAL RESULTS)¹

Abstract. The article reveals the main approaches to the diagnosis of human capital, which are identified on the basis of the analysis of materials of domestic and foreign researchers on the development of methodology and design of diagnostic methods. It is concluded that most of the methodological procedures for diagnosing human capital are aimed at the “input” or “output” of human capital, the intrapersonal factors of human activity – its values – most often remain outside the research field. A number of options for strategies for diagnosing human capital are shown, which are identified as a result of the analysis of research procedures – research methods. For the first time, three variants of the sociological diagnosis of values are presented – as the basis of human capital – and the possibilities of a network approach to the diagnosis of values. Conclusions are drawn on the prospects of applying such approaches to the analysis of the process of formation of human capital of students in the process of learning at universities as part of a single diagnostic procedure.

Keywords: human capital, values, diagnostic strategies, types of diagnostic strategies.

Сравнительный анализ стратегий социологической диагностики человеческого капитала является одним из важных направлений разработок методологии и методик изучения человеческого капитала отдельных личностей, групп и организаций, а также в общенациональном масштабе, которые особенно актуальны для прикладной и эмпирической социологии. Проблемность ситуации заключается в том, что в зависимости от того, какие объекты включаются в процедуру исследования, далее формируется вся система эталонов, критериев и признаков, на основании которых операционализируется вся последующая совокупность конкретных показателей-индикаторов, позволяющих адекватно изучать человеческий капитал [Кузьменко, 2015].

Одновременно с этим можно констатировать, что значительная часть методик прикладных и эмпирических исследований человеческого капитала применяется непоследовательно: в теоретико-методологической части замысла могут определять одни объекты как важные для изучения и анализа человеческого капитала, но конкретные показатели и индикаторы подчас обращены к таким индикаторами и показателям, которые фактически не отражают уникальных свойств человеческого капитала, заявляемых в теоретической части.

Другая часть проблемы заключена в излишнем теоретизировании вокруг концептуальных принципов диагностирования человеческого капитала, которые не всегда находят свою эмпирическую реализацию и прикладное значение. Наряду с этим анализ зарубежной литературы показывает, что методики изучения человеческого капитала приобретают все более практический, даже можно говорить, прагматический крен, который

¹ The study was supported by the RFFR in the framework of the scientific project No. 19-29-07443/19 “Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers according to the Presidential Decree “On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the period until 2024””

характерен как для европейских, так и для восточных школ социологии [Дерюгин, Лебединцева, Веселова, 2018].

Пожалуй, основным направлением формирования стратегий диагностики становится индикативный путь, т. е. путь, нацеливающий исследователей на выявление и обобщение совокупности индикаторов, которые характеризуют состояние человеческого капитала. По данным ряда исследований, таких индикаторов насчитывается более пятидесяти [Коротков, Онишко, Редченко, 2010]. Естественно, что определение индикативного направления разработки методик диагностики человеческого капитала в свою очередь предполагает конструирование множества статистических инструментов как основных средств изучения и анализа [Алетдинова, 2012]. При этом наиболее распространенные методы измерения человеческого капитала не просто количественные, но стоимостные [Современные подходы ... , 2015, с. 157].

Проведенный нашей исследовательской группой анализ показал, что в зависимости от индикаторов, к которым обращены непосредственно методики исследования и диагностики человеческого капитала, стратегии изучения могут быть классифицированы на несколько видов: *инвестиционный; объективистский, или факторный; субъективистский подход и его относительно самостоятельный вариант – индивидуальностный, результативный, или результатный, и наконец комплексный подход* (рис. 1). Особенности этих исследовательских стратегий ранее были освещены в ряде публикаций.

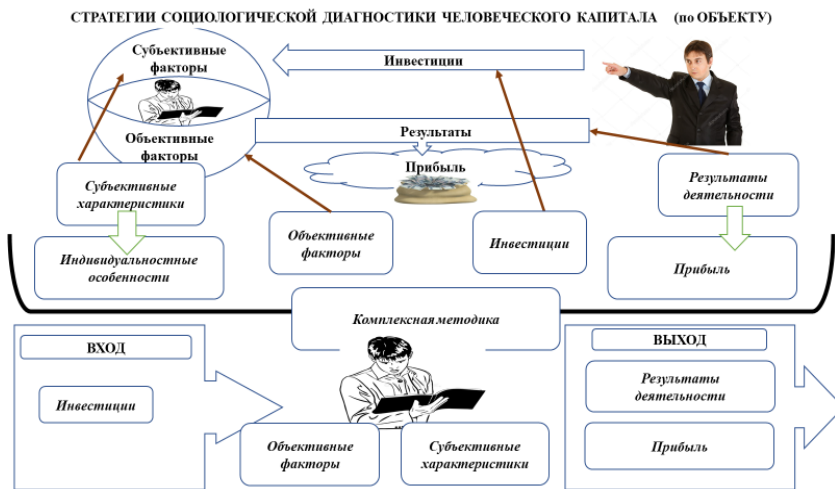

Рис. 1. Стратегии социологической диагностики человеческого капитала в зависимости от непосредственного объекта изучения

В специальных исследованиях говорится, что наибольшим исследовательским потенциалом обладает комплексная методика, которая могла бы объединить достоинства ряда других стратегий диагностики [Хромцова, 2011]. Однако такой вариант организации диагностики пока остается только как перспективная теоретическая конструкция. Здесь важно не просто измерить-изучить, например, объективные и субъективные факторы, влияющие на человеческий капитал, или стимулы и результаты, которые характеризуют его состояние, но также выявить и охарактеризовать многочисленные связи и зависимости между множеством элементов системы человеческого капитала. По существу речь идет о создании универсальной концепции, системно рассматривающей человеческий капитал в совокупности всего своеобразия социальных связей. Сегодня такая задача может рассматриваться только как перспективная и выстраиваться на междисциплинарном методологическом подходе [Бураншина, 2011].

Важно отметить и еще одну особенность Представленные исследовательские стратегии, при всех своих достоинствах, не затрагивают, т. е. оставляют в стороне, в них не анализируются, такие важные характеристики человека (личности), как ценности, которые выступают источником деятельностной активности, а также многочисленные социальные и психологические отношения, возникающие в процессе формирования и реализации человеческого капитала.

Наш анализ публикаций в журналах ВАК за последние 10 лет в «КиберЛенинке» показал, что ценности и отношения крайне редко рассматриваются как необходимые составляющие человеческого капитала. Традиционно и, более того, преимущественно человеческий капитал связывается с представлениями о знаниях, навыках и способностях как основных структурных элементах человеческого капитала (рис. 2).

Наряду с этим теоретический анализ демонстрирует, что ценности следует представлять в качестве важнейшего «пускового механизма» активности человека и одним из центральных элементов в структуре человеческого капитала. По меньшей мере ценности выполняют две основополагающие функции в формировании и реализации человеческого капитала: как источник активности человека в той или иной деятельности, а также как начало, которое позволяет интегрировать и раскрывать роль всех иных факторов, влияющих на формирование человеческого капитала.

Обобщая идеи, которые характеризуют роль ценностей в формировании и развитии человеческого капитала, следует подчеркнуть:

– ценности выступают тем мериллом, основываясь на котором человек (группа, сообщество) определяет важность и значимость тех или иных объектов взаимодействия и отношений и в соответствии с этими представлениями приступает или нет к капитализации своих потенциалов;

– ценности формируют социальный климат заинтересованности, сплочения и ответственности людей (или нет) в процессе индивидуальной и групповой деятельности, из чего впоследствии формируется качество человеческого капитала;

– в условиях групповой деятельности ценности выступают основой монолитности человеческого капитала группы (фирмы, организации) и ее способности противостоять кризисам, а также рыночным колебаниям, конфликтам и организационным изменениям;

– на основе ценностей выстраивается общая стратегия формирования и развития человеческого капитала;

– системные ценности способствуют снижению уровня противоречий в структуре человеческого капитала, противоречий, которые характеризуют различные отношения к трудовой деятельности, к организации и ее сотрудникам и пр.

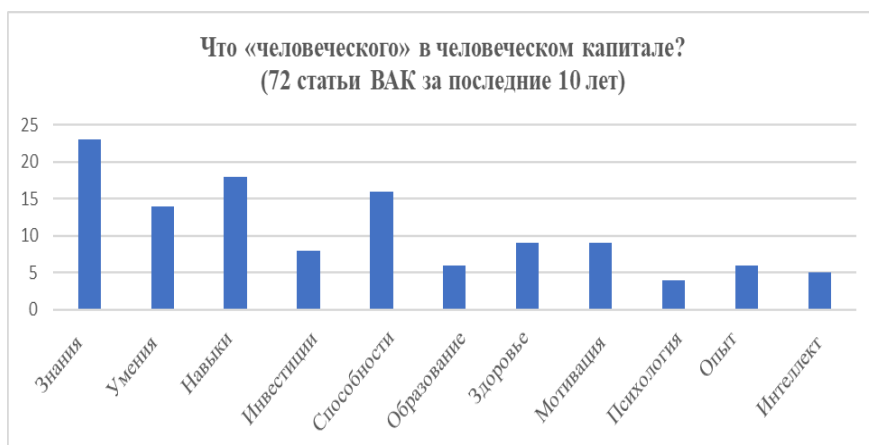

Рис. 2. Представления о человеческом капитале в публикациях ВАК

В научном плане идея о важной роли ценностей в западной социологии высказывалась неоднократно. Однако, как считают многие авторы, фактическое воплощение она получила только в «посткапиталистическом» обществе (1997 г., Донал и Гарсия), когда человеческий капитал стал признаваться реальным потенциалом общества, корпорации. В практике работы российских исследователей проблемы управления человеческим капиталом на основе анализа ценностей относятся к вопросам, которые только предстоит изучить.

В процессе изучения человеческого капитала нашей исследовательской группой эмпирически апробированы три варианта построения стра-

тегий диагностики, основанных на сетевом подходе к изучению ценностей. Условно эти стратегии могут быть определены как:

- исследования ценностей как *интегральных (надындивидуальных) показателей* человеческого капитала;
- исследования ценностей как *дифференцированных (индивидуальных) показателей*, раскрывающих социальную динамику процесса формирования человеческого капитала;
- исследования ценностей как *иерархизированных показателей, раскрывающих* связи между социальными группами.

Последовательно представим обозначенные варианты диагностики ценностей как основания человеческого капитала.

1. Изучение ценностей как *интегральных показателей* человеческого капитала выстраивается на концептуальной основе о социальных ценностях как об надындивидуальных образованиях, в которых обобщенно выражаются их разнообразие, важность и значимость. В данном случае исследователь формирует шкалы-ориентиры (будущие узлы сетей), в рамках которых осуществляется изучение ценностей. Узлами сетей выступают отдельные ценности вне связи с конкретной личностью, как абстрагированные обобщения ценностных ориентаций всей социальной группы. Благодаря этому диагностика человеческого капитала раскрывается через обобщенные характеристики ценностей.

Например, такая процедура исследования применялась при диагностике ряда университетов, корпоративных организаций и регионов, что позволило осуществить сравнительный анализ содержания ценностей человеческого капитала в различных социальных группах. Данный вариант моделирования ценностей в двух университетах представлен на рис. 3. Здесь видны четыре группы ценностей и связи между ними (цельными линиями показаны положительные связи, пунктирами – отрицательные). Сети ценностей в университете А значительно менее плотные, что раскрывает их конфликтность и противоречивость. Сети ценностей в университете Б значительно более плотные и связанные.

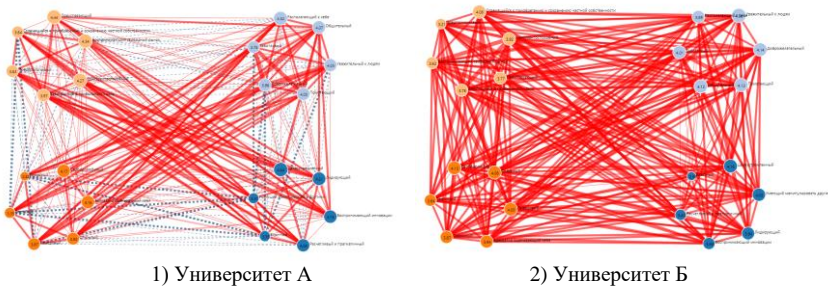

Рис. 3. Сети ценностей двух университетов. Интегральный подход

Такая связь ценностей является основанием высокого уровня человеческого капитала, что и проявляется в практической деятельности этих вузов.

2. Изучение ценностей как *дифференцированных (индивидуальных)* показателей позволяет раскрывать социальную динамику процесса становления человеческого капитала отдельных личностей, а также его формирование и развитие во временны рамках [Ценностно-целевая рефлексия ... , 2016]. В данном случае корпоративные ценности измеряются в привязке к индивидуальным данным респондентов, например сотрудников корпорации или студентов университета. Процедура обработки предполагает сравнение ценностей респондентов (сотрудников или студентов) с ценностями лидера или руководителя (менеджера) организации или подразделения, а также с ценностями респондентов – участников опроса.

На рисунке 4 представлены сети ценностей студентов на первом и последнем курсах обучения относительно руководителя обучающей организации (положение руководителя обозначено звездочкой).

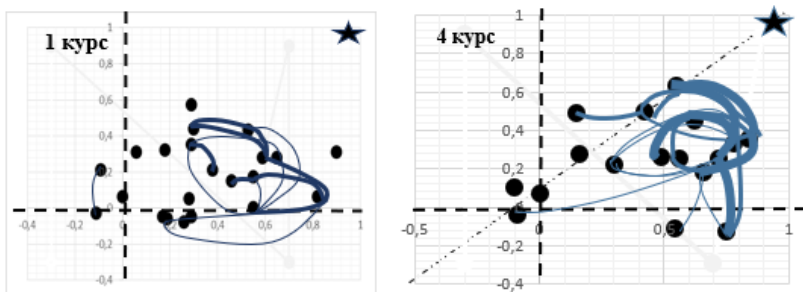

Рис. 4. Сети ценностей студентов факультета на 1-х и 4-х курсах.
Дифференциальный подход

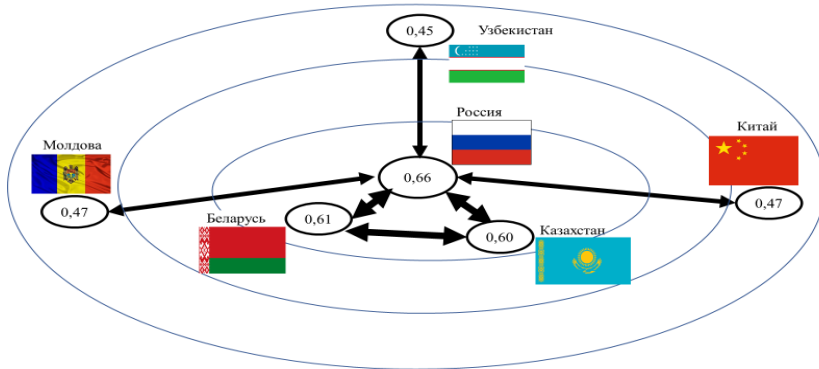
Показанный вариант диагностики позволяет анализировать успешность формирования ценностей относительно эталона (в данном случае ценности руководителя образовательного учреждения принимаются за эталонные). Очевидно, что за время обучения сети ценностей студентов укрепились и приблизились к эталонным значениям. На 4-м курсе сложились сильные ценностные связи между выпускниками.

Такая динамика позволяет говорить о позитивных трендах формирования человеческого капитала в настоящем случае.

3. Исследования ценностей как *иерархизированных* связей между социальными группами показано на рис. 5. В данном случае проводится корреляционный анализ ценностей у респондентов различных сообществ, позволяющий выявлять единство – удаленность ценностей у представителей различных социальных групп.

Например, проведение подобной диагностики ценностей среди респондентов стран Шелкового пути показал, что ценности человеческого капитала, которые присущи россиянам, максимально приближены к ценностям респондентов ряда других стран.

Такой вариант диагностики перспективен, например, ввиду расширяющихся образовательных связей в глобализирующемся мире [Макеева, Кремнёв, 2017].

О-стей является возможность анализа сетей на основе фиксированных показателей – коэффициентов, которыми описываются общие характеристики сетей. К таким показателям отнесены *сила связей, центральность, размерность, плотность* сети. Это позволяет проводить количественный сравнительный анализ по результатам диагностики различных объектов.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что сетевая диагностика ценностей как социальная технология выявления особенностей человеческого капитала требует определенного уровня профессиональной подготовки исследователей и может рассматриваться как вариант специальной диагностики [Дудина, Дерюгин, Дубровская, 2008]. Это во-первых. Во-вторых, показанные варианты стратегий диагностики ценностей как основания человеческого капитала могут быть объединены в одну диагностическую процедуру, что позволит исследовать человеческий капитал с нескольких граней, системно – его надындивидуальную природу, индивидуально-личностные особенности, а также иерархию ценностей, что может рассматриваться как реальная перспектива новых разработок методик диагностики.

Литература

Кузьменко Ю. В. Эволюция взглядов на понятие «Человеческий капитал» в научных исследованиях // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 2. С. 32–45.

Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Веселова Л. С. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 124–134.

Коротков А. В., Онишко Е. В., Редченко А. И. Индикативный анализ в исследованиях человеческого капитала // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 26–37

Алетдинова А. А. Методология статистического исследования человеческого капитала в организации // Статистика и экономика. 2012. № 2. С. 96–100.

Шикова Е. И., Дроздова Е. В. Современные подходы к исследованию человеческого капитала // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 19. С. 154–160.

Хромцова К. И. Исследование человеческого капитала: комплексный подход // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 20. С. 47–52.

Бураншина Н. А. Человеческий капитал в современных междисциплинарных исследованиях // КЭ. 2011. № 10. С. 74–79.

Ценностно-целевая рефлексия как основание диагностики организационной культуры в стратегии сетевого подхода / П. П. Дерюгин, А. С. Шилева, М. В. Сивоконь, С. В. Рассказов // Дискурс. 2016. № 3. С. 99–110

Макеева С. Б., Кремнёв Е. В. Развитие магистратуры регионоведческого направления в России в условиях расширяющегося межрегионального российско-китайского сотрудничества (на примере магистратуры «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР») // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. № 1. С. 19–24.

Дудина В. И., Дерюгин П. П., Дубровская С. Е. Прикладная социология: социальное моделирование и программирование : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 171 с.

УДК 30

К. А. Иванов, Е. В. Кремнёв, С. В. Стефановская

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ АВСТРАЛИЙСКО-НОВОЗЕЛАНДСКОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ (ANZRSAI)¹

Аннотация. Австралийско-новозеландская секция (ANZRSAI) Международной ассоциации региональной науки появилась в 70-х гг. и в 1976 г. уже провела свою первую международную научно-практическую конференцию. Как и заложено в основе устройства данной организации, ее южнотихоокеанское ответвление объединяет в себе исследователей, занимающихся проблематикой регионального развития и влияния на национальные и глобальные процессы в области экономики и социальных изменений. Рассматриваются основные вопросы, исследуемые учеными – членами ANZRSAI в последние десятилетия, а также методологические подходы, используемые ими при анализе регионов. Корпусом источников послужили информационные бюллетени ANZRSAI «Устойчивые регионы» (Sustaining Regions) за 2007–2019 гг. и статьи журнала «Австралийский журнал региональных исследований» (Australasian Journal of Regional Studies – журнал, издаваемый ANZRSAI) за 2001–2019 гг.

Ключевые слова: региональные исследования, региональная наука, Австралия, Международная ассоциация региональной науки, методология региональных исследований, проблематика региональных исследований.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

MAIN ISSUES AND METODOLOGICAL APPROACHES OF THE AUSTRALIAN-NEW ZEALAND
SECTION OF THE REGIONAL SCIENCE ASSOCIATION INTERNATIONAL

Abstract. The Australian-New Zealand Section (ANZRSAI) of the Regional Science Association International (RSAI) appeared in the 70-s and in 1976 already held its first international scientific conference. As is the basis for the organization, its South Pacific branch brings together researchers working on issues of regional influence and development on national and global processes in the field of economics and social change. This article will review the main issues researched by ANZRSAI member scientists in recent decades and the methodological approaches they use in analyzing the regions. The sources include ANZRSAI's newsletters "Sustaining Regions" from 2007 to 2019 and articles from the Australasian Journal of Regional Studies (published by ANZRSAI) from 2001 to 2019.

Keywords: regional studies, regional science, Australia, Regional Science Association International, regional studies methodology, issues.

Австралийско-новозеландская секция (ANZRSAI) Международной ассоциации региональной науки (Regional Science Association International, RSAI) представляет собой отделение организации, которая на международном уровне разрабатывает научные идеи У. Айзарда, его коллег и учеников [Кузнецова, Карачева, 2019]. Проблематику исследований ее членов можно классифицировать в широком и узком смысле. В широком смысле наблюдается полная корреляция с целями и задачами как RSAI, так и региональной науки (regional science) в принципе. Их можно определить как исследование процессов роста и развития городских, региональных и международных систем; изучение в рамках меняющегося глобального ландшафта роли, которую играют регионы и процессы в них, влияя на экономический рост; распространение и применение инноваций; повышение качества жизни в попытке как решить сегодняшние проблемы, так и выстроить логику разрешения стратегических долгосрочных целей. В узком смысле проблематика детерминирована задачами своего региона или отдельных его частей, будь то штаты и города Австралии либо инновационные районы Новой Зеландии. Остановимся на актуальных для членов ANZRSAI вопросах более подробно.

Анализируя корпус источников, можно условно выделить следующую основную проблематику, стоящую на повестке исследований: региональное и городское развитие; влияние бизнеса на региональные процессы и влияние региональных аспектов на коммерческую деятельность; корреляции региональных процессов и глобального изменения климата; вопросы региональной безработицы и рынков занятости; развитие и устойчивость сельскохозяйственных районов.

Проблема *регионального развития* представляет собой широкое поле для исследования, в центре которого стоят вопросы о неравномерном развитии регионов в составе более крупных интегрированных структур и о функциональном и институциональном влиянии данных элементов на эти структуры, а также степени и характере их развитости. Несмотря на

существование целого ряда теоретических подходов к осмыслению и разработке данного поля, в рамках исследований ANZRSАI это направление ориентировано на понимание регионального развития в рамках региональной науки и в большей степени «теории местоположения» (location theory). Однако, в отличие от классической трактовки данной теории как платформы для выявления математически и пространственно оптимизированной модели функционирования региональной экономики [Dawkins, 2003], в подходе исследователей наблюдается более широкая интерпретация проблемы, подключаются аспекты, изучаемые другими науками, такие как демография региона, влияние инноваций, роль образования [Gerritsen, 2016] и телекоммуникационных технологий [Vambergy, 2009] в региональном развитии.

Для разработки проблематики используется широкий методологический инструментарий, включающий как классические общие методы экономической и региональной науки – пространственный анализ (spatial analysis), кластерный анализ (cluster analysis), анализ временных рядов (time series analysis), так и более узкие синтетические подходы, как, например, анализ сетей инноваций (innovation network analysis) [Grant, 2004], метод кейсов, триангуальный метод (triangulation method – совмещающий опросы, интервью и дескриптивную статистику) [Gatfield, Yang, 2006]. Также встречаются методы других наук, например микроисторический подход [Watts, Smark, 2011] или использование психологических теорий [Sorensen, 2010].

Отдельным вопросом для исследователей стоит *бизнес как фактор регионального развития*. Коммерческая деятельность в регионах, помимо своего непосредственного влияния на экономическую стабильность и развитость, а следовательно, на качество жизни населения и инфраструктуру, также тесно связана с естественно-географическим ландшафтом, вопросами эффективного и безопасного взаимодействия с окружающей средой. В связи с этим исследование проблематики в работах членов ANZRSАI ведется не только в рамках экономической и социально-экономической теории, но привлекает и области естественных наук. При этом работа осуществляется как в рамках парадигмы оптимизации коммерческой деятельности с целью минимизации урона для природы, в том числе исследования «ответственности бизнеса» [Sawyer, Evans, 2010], так и в целях анализа влияния природных факторов на коммерческую среду, как, например, зависимость формирования ценовой политики производителей чая от степени эрозии почв [Herath, 2001].

Для региональных исследований бизнес-процессов в основном используется экономическая методология – статистика с разными подходами к выборке (convenience sampling, purposeful sampling и др.), кластерный анализ, корреляционный анализ, пространственный анализ. Однако,

как отмечено выше, привлекаются и естественно-научные методы, например, широко распространен мониторинг и сбор данных о состоянии окружающей среды [Barrett, Billington, Neeson, 2004].

Следующей важной темой в исследованиях ANZRSАI является *изменение климата*. Так как в контексте данной проблематики очевидна связь антропогенной среды с природной, данный вопрос рассматривается в первую очередь в рамках поиска путей адаптации «второй» и «первой» природы друг к другу. Экономическая, социальная и транспортная инфраструктура анализируются на предмет минимизации эффектов от своей деятельности на естественный ландшафт и атмосферу, с возможностями сохранения темпов экономического роста, ориентируясь на концепции «умного роста» (smart growth) и «зеленой экономики» (green economy). Однако имеются и исследования, формулирующие оценки влияния процессов изменения климата на социальный ландшафт, в том числе на его психологическое состояние, как, например, на ментальное здоровье аборигенного населения [Cut from «country» ... , 2015].

Методология данных исследований строится на базе экономической и физической географии – пространственном анализе, сборе и статистической обработке данных, в том числе результатов наблюдений региональных бюро по мониторингу использования ресурсов, как, например, «Балларатское общество возобновляемых источников энергии и нулевых выбросов» (Ballarat Renewable Energy and Zero Emissions community – BREAZE) [Braun, McEachern, 2010].

Еще одной важной темой исследований является проблема региональной *безработицы и рынков занятости*. Данные элементы функционирования экономической системы выступают репрезентативным фактором региональной развитости и как испытывают на себе влияние структуры региона, так и влияют на архитектуру местной, государственной и глобальной экономики. В основном исследования посвящены анализу дисперсности уровня безработицы и занятости в региональном [Trendle, 2001] и в общенациональном [Dixon, 2006] масштабе.

Основные методы исследований в рамках указанной проблематики – пространственный анализ, сбор и статистическая обработка данных, а также применение методов математического и смешанного моделирования, как, например, «дата-куб» (Australian geoscience data cube) [Dixon, 2006] или «пространственная микросимуляция» (spatial microsimulation) [Spatial microsimulation ... , 2005].

В корпусе исследований ANZRSАI также выделяются работы, посвященные *сельскохозяйственным регионам* и процессам в них. Из широкого спектра рассматриваемых проблем основными можно выделить такие как сельская депопуляция [Rochford, 2017] и миграции в города

[Kettlewell, 2010], внедрение инноваций в сельской местности [Kotey, Sorensen, 2014] и сельская преступность [Rural crime ... , 2001].

Методология варьируется в зависимости от исследуемой проблематики, основными в рамках вышеуказанных вопросов можно назвать такие методы, как пространственный анализ, методы статистики, корреляционный анализ, анализ сетей инноваций и аналитический инструментарий социологии права.

Рассмотрев и проанализировав корпус исследований, проводимых учеными – членами ANZRSAL, можно прийти к некоторым выводам. Первый заключается в том, что исследования детерминируются в первую очередь процессами и особенностями регионов стран, в которых живут и работают исследователи, и, соответственно, проводятся на материалах этих регионов. Второй состоит в том, что, несмотря на экономико-географическую основу региональной науки как теоретического базиса ассоциации, в рамках своих исследований авторы привлекают самый широкий инструментарий из девелопментологии, информатики, психологии и культурной антропологии, социологии и других общественных наук. Третий вытекает из характера применимости данных исследований, которые имеют как прикладную сиюминутную значимость, так и стратегическое свойство, формируя особую стратегико-прикладную среду, отвечая парадигмальным вызовам концепций «устойчивого развития», «умного роста» и «зеленой экономики».

Литература

- Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 10–16 сент. 2019 г.). Иркутск : ИГУ, 2019. С. 275–280.
- Bamberry G., Dale P. Telecommunications and regional development // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2009. Vol. 15, N 2. P. 135–152.
- Barrett R., Billington L., Neeson R. Evaluating hands-on small business assistance in the Latrobe valley // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2004. Vol. 10, N 2. P. 181–194.
- Braun P., McEachern S. Climate change and regional communities: towards sustainable community behaviour in Ballarat // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2010. Vol. 16, N 1. P. 3–22.
- Spatial microsimulation using synthetic small-area estimates of income, tax and social security benefits / S. Chin, A. Harding, R. Lloyd, J. Mc. Namara // *Australasian Journal of Regional Studies*, 2005. Vol. 11, N 3. P. 303–335.
- Dawkins C. J. Regional Development Theory: Conceptual Foundations, Classic Works, and Recent Developments // *Journal of Planning Literature*. 2003. Vol. 18, N 2. P. 131–172.
- Dixon R. State differences in the equilibrium employment-population ratio // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2006. Vol. 12, N 1. P. 63–74.
- Gatfield T., Yang C. New Industrial space theory – a case study and empirical analysis of factors effecting newly emerging key industries in Queensland // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2006. Vol. 12, N 1. P. 47–61.
- Gerritsen R. A test of the role of universities in regional development: the case of international education students in the northern territory // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2016. Vol. 22, N 1. P. 125–157.

Grant J. Gippsland's regional development agencies: the triumph of tribalism over regionalism // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2004. Vol. 10, N 1. P. 49–75.

Herath G. Estimating the user cost of soil erosion in tea smallholdings in Sri Lanka // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2001. Vol. 7, N 1. P. 97–111.

Jobes P. C., Barclay E., Donnermeyer J. F., Graycar A. Rural crime in Australia: contemporary concerns, recent research and future directions // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2001. Vol. 7, N 1. P. 3–21.

Kettlewell N. The impact of rural to urban migration on wellbeing in Australia // *Australasian Journal of Regional Studies*, 2010. Vol. 16, N 3. P. 187–213.

Kotey B., Sorensen A. Barriers to small business innovation in rural Australia // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2014. Vol. 20, N 3. P. 405–429.

Cut from "country": the impact of climate change on the mental health of aboriginal pastoralists / M. Pearce, L. Eagle, D. Low, A. Schumann // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2015. Vol. 21, N 1. P. 50–79.

Rochford F. Failure to thrive: water policy and rural depopulation // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2017. Vol. 23, N 2. P. 261–294.

Sawyer J., Evans N. An investigation into the social and environmental responsibility behaviours of regional small businesses in relation to their impact on the local community and immediate environment // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2010. Vol. 16, N 2. P. 253–265.

Sorensen T. The psychology of regional development // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2010. Vol. 16, N 1. P. 85–98.

Trendle B. The dispersion and persistence of Queensland regional unemployment // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2001. Vol. 7, N 2. P. 189–208.

Watts T., Smark C. A doctor's contribution to regional development in Katoomba, New South Wales, 1887–1907 // *Australasian Journal of Regional Studies*, 2011. Vol. 17, N 3. P. 246–263.

УДК 911.2

А. Д. Калихман

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», Иркутск

Т. П. Калихман

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Представления о регионоведении как учебной дисциплине, области научных и прикладных исследований рассматриваются с точки зрения концептуальных и парадигмальных оснований этого раздела знаний. В статье определяются возможности использования двух подходов, анализируется обоснованность их применения для получения новых научных сведений по результатам выполненных авторами исследований за два последних десятилетия. По доминирующим концептуальным основаниям выделены Байкальский регион, остров Ольхон, Южный Байкал, Хакусы, Саянский перекресток, Горная Ока, а по парадигмальным основаниям определены бассейн озера Байкал, «Озеро Байкал» – объект всемирного наследия ЮНЕСКО, Байкальская природная территория, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ, Тункинский национальный парк.

Ключевые слова: регионоведение, концептуальные основания, парадигмальные основания, регион, граница.

A. A. Kalikhman

Federal State Budgetary Institution "Zapovednoe Pribaikalye", Irkutsk

T. Kalikhman

CONCEPTUAL AND PARADIGM FOUNDATIONS OF REGIONAL STUDIES

Abstract. The concept of regional studies as an academic discipline, the field of scientific and applied research is considered from the point of view of the conceptual and paradigm foundations of this knowledge. The article defines the possibilities of using two approaches and analyzes the validity of their application for obtaining new scientific information based on the results of the research carried out by the authors over the past two decades. In the dominant conceptual foundations highlighted in the Baikal region, Olkhon Island, South Baikal, Khakusy, Sayan Cross, Oka Mountain, and on paradigmatic foundations selected the Lake Baikal basin, Lake Baikal – a UNESCO world heritage site, Baikal natural territory, Siberian Federal district, Far Eastern Federal district, Tunkinsky national park.

Keywords: regional studies, conceptual foundations, paradigm foundations, region, border.

Введение. Регионоведение как учебная дисциплина и вузовская специализация являются востребованными в России уже около трех десятков лет. Примерно столько же времени существует разделение на отечественное и зарубежное регионоведение. В одном из первых и многократно переиздаваемых учебников авторы сразу определяют регионоведение как «область научного и образовательного знания, имеющую своей целью изучение специфики социально-экономического, политического, культурного, этноконфессионального, природного, экологического развития относительно целостных территориальных образований, именуемых регионами», оговаривая при этом, что «именовать регионоведение полностью самостоятельной наукой было бы опрометчиво – оно является неотъемлемой частью географической науки» [Гладкий, Чистобаев, 2003, с. 5]. Тем не менее принято считать основателем региональной науки (регионалистики) американского экономиста и географа Уолтера Айзарда (Изард), который в вышедшей в 1960 г. книге «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах» дал формальное начало регионоведения, закрепив его авторство в одном из первых, вышедших в 1975 г. учебников «Введение в регионоведение» (Introduction to Regional Science) [Изард, 1966]. Региональную науку он определял следующим образом: это «область социальных дисциплин, включающая теории и методы других общественных наук, акцентированная на изучении пространственного аспекта человеческой деятельности с целью выявления пространственных взаимосвязей как между людьми и их деятельностью, так и связи людей с естественной или преобразованной географической средой; теоретические построения в региональной науке базируются на использовании математических моделей» [Там же]. Названия ключевых глав этой книги, например «Прогнозирование численности населения», «Методы исследования межрайонных и внутрирайонных связей по схеме затраты-выпуск», «Линейное программирование межрайонных связей», дают представление об использовании Айзардом новейших методов регионального анализа, следовавших из недавних открытий в экономико-математических исследованиях. Можно вспомнить, например, что американский экономист

В. В. Леонтьев за открытие метода «затраты-выпуск», и советский экономист Л. В. Канторович за создание теории линейного программирования были удостоены Нобелевских премий по экономике соответственно в 1973 и 1975 гг.

Возвращаясь к учебным дисциплинам, следует сказать, что почти одновременно с дисциплиной «Регионоведение» появилась и дисциплина «Региональная экономика», которые отсутствовали в советском высшем образовании, но для той и другой подчеркивалась тесная связь с экономической географией, а также разделами социальной и политической географии. Кроме того, обе дисциплины в перечислении используемых знаний о регионах позиционировались также относительно таких обобщенных направлений, как «Регионология» и «Регионалистика» [Кремнёв, Лесниковская, 2019]. Особняком стоит дисциплина «Страноведение», как и «Регионоведение», относящаяся географами к комплексным географическим дисциплинам. Дифференциация подходов в пределах относимых к страноведению знаний привела к появлению таких дисциплин, как «Комплексное страноведение», «Проблемное страноведение», «Туристское страноведение». Иерархию дисциплин регионоведения и страноведения иногда пытались определить парадоксом: любая страна является регионом, но далеко не каждый регион является страной [Гладкий, Чистобаев, 2003, с. 43]. В таком парадоксе возможны исключения, хотя в основе его лежит представление об отсутствии у региона однозначно определяемых и институционально закреплённых границ, в отличие, например, от страны.

Регионоведение оперирует территориальным понятием «регион», поэтому обращение в исследованиях к какому-либо типу региона обязательно должно сопровождаться указанием его места в общей классификации, географического местоположения и размеров. В упоминавшемся учебнике в самом начале главы «Рубежная коммуникативность» констатируется, что «одной из наименее изученных сфер регионоведения остается область границ (или рубежей) между различными типами регионов в географическом, историческом, социокультурном, экономическом, информационном и других пространствах» [Там же, с. 50]. Да и в справочной литературе даются примеры многозначного определения термина «регион», но только в одном из них можно предположить косвенно подразумевающиеся границы: «Для обозначения любых территорий, по своим признакам не «подходящих» к принятой системе территориального членения и не позволяющих обозначить их другими терминами» [Алаев, 1983, с. 69].

Сохраняющаяся многозначность и неопределенность фундаментального для всех формирующих регионоведение областей знания термина «регион» должна учитываться в каждом из исследований, тем более в учебной литературе, при исходном обращении к выделяемому объекту, именуемому

«регионом». В тех случаях, когда выделение региона определяется начальной целью проводимого исследования, а для самого региона еще предстоит найти обоснования его обособления, соответствующие поставленной задаче, методологически требуется формулировка концепций и концептуальных положений. Без подобного концептуального подхода последующие выводы научных исследований как эмпирического, так и теоретического характера будут иметь ограничения, связанные с недостаточно полным обоснованием границ выбранного региона как объекта изучения.

Не претендующими на получение принципиально новых результатов являются исследования, для цели и решаемых задач которых используется так называемый парадигмальный подход. Такой подход прослеживается в ряде декларативных работ по регионоведению, в учебниках по регионоведению и, особенно, в страноведении [Регионоведение, 2019; Барыгин, 2005]. Обычно полагаются на трактовку и определение парадигмы Томасом Куном как устоявшуюся систему научных взглядов, в рамках которых ведутся исследования, предполагающих строгое определение области исследования [Кун, 2003]. Признание научным сообществом в какой-либо области знаний своих достижений в качестве парадигмы позволяет считать ее основой для дальнейшего развития, излагать, например, в учебниках. Именно поэтому практически любой учебник по регионоведению более половины объема посвящает описаниям физико-географических областей и страноведческим характеристикам территорий в пределах сложившегося на данный момент административного деления, закрепленного законодательно и учитываемого научным сообществом.

В настоящей статье предпринята попытка провести анализ более десятка регионов, которые изучались авторами в исследованиях регионоведческой направленности, были отражены в их книгах и статьях, где выделение территорий, не обязательно именуемых регионами, базировалось на концептуальных и парадигмальных подходах. Очевидно, что подобное разделение можно считать условным, а предполагаемое доминирование либо концептуальных, либо парадигмальных оснований достаточно дискуссионным. Поэтому целью статьи является определение пределов использования двух подходов, обоснованности их применения для получения новых научных результатов на примерах выполненных авторами исследований, позволяющих выяснить ограничения и возможности в постановке будущих регионоведческих задач.

Концептуальные основания. Результаты изучения территорий, которые вполне могут именоваться регионами, выполненного, по мнению авторов, с учетом оговоренных концептуальных положений, даются с кратким обзором целей и задач исследования, их региональной значимости и возможных путей институализации (устойчивого развития). В каче-

стве примеров приводятся регионы России, которые включены в пределы и относятся непосредственно к самым крупным по площади регионам страны, в настоящее время именуемым Сибирским федеральным округом (более 25,5 % площади РФ) и Дальневосточным федеральным округом (около 40,6 %). Ряд оговорок будет сделан по так называемым трансграничным регионам. Концептуальные представления о Сибири и Дальнем Востоке также не будут рассматриваться, поскольку их институциональный статус в виде Сибирского и Дальневосточного федеральных округов со времени создания так и не избавился от противоречий и несуразностей в «географической логике».

Выбранные по доминирующим концептуальным основаниям примеры регионов представлены в последовательности: Байкальский регион, остров Ольхон, Южный Байкал, Хакусы, Саянский перекресток, Горная Ока.

1. *Байкальский регион*. Известное с 1960-х гг. определение региона с весьма отличающимися по выбору территории вариантами. Основной идеей Байкальского региона является представление о так называемом байкалоцентризме, когда в качестве главной цели выделения региона выступает решение задачи охраны озера Байкал, но при этом всегда присутствует противовес, именуемый рациональным природопользованием. В концепции так называемого бассейнового подхода регион трактуется как территория относящегося к России водосборного бассейна Байкала, составляющая 56,6 % от общей площади бассейна, где, например, на Иркутскую область приходится 4,8 % [Калихман, 2011]. В концепции так называемого административного подхода регион формируют территории Иркутской области, Забайкальского края (ранее Читинской области) и Республики Бурятия, где также в качестве их единства выступает связь с озером Байкал [Калихман, 2007]. В последнем издании учебника «Байкаловедение» просто сказано «... само озеро и его окружение (Байкальский регион)» [Байкаловедение, 2012, с. 13].

Впервые концепция Байкальского региона, где доминантой выступала охрана природы, а истощительное природопользование ставилось в зависимость от решения основной задачи, появилась в «Территориальной комплексной схеме охраны природы бассейна озера Байкал» в 1990 г., перед самым концом коммунистического правления и образования нового государства. Впервые были получены оценки затрат на охрану природы, которые оказались сравнимыми с самой экономикой региона, когда примерно треть доходов от производства в регионе должна была направляться на сохранение окружающей среды [Калихман, 2011]. Стало понятно также, почему эффективная охрана природы возможна исключительно в промышленно развитых странах, имеющих финансовые ресурсы и общественный консенсус на бюджетные расходы внеэкономической сущности. Схема, предусматривавшая экологическое зонирование с тремя зонами

охраны, регламентацией в границах каждой из них режима природопользования и хозяйственной деятельности, стала концептуальной и методической основой, реализованной позже при создании закона «Об охране озера Байкал» и определения Байкальской природной территории.

2. *Остров Ольхон*. Выполненные авторами исследования по нескольким проектам 2013–2017 гг. привели к выводу о возможности рассмотрения территории острова Ольхон как региона, выделенного не только очевидным водным окружением, но и упомянутыми Айзардом региональными особенностями «пространственных взаимосвязей, связи людей с естественной или преобразованной географической средой» [Калихман, Калихман, 2015 а, б; Калихман, Бенчарова, Калихман 2017; Калихман, 2018]. Два последних столетия документированных данных освоения острова позволяют определить неизменность таких концептуальных положений, присутствующих в результатах его прикладных и научных исследований, как природная обособленность, островная психология жителей, так называемое ресурсное проклятие (от рыбы до рекреации), сохранение уникальных природных объектов.

Колонизация Сибири превратила остров Ольхон в место занятий рыболовством, хотя и не приносившим заметных доходов, причем спад уловов омуля в конце XIX и начале XX в. привел к тому, что число жителей острова снизилось в три раза, составив в 1921 г. всего 580 человек. Очередной подъем уловов пришелся на приход к власти большевиков, продолживших прежнюю колониальную политику теперь уже с коммунистической идеологией. Вместо введенного в 1822 г. М. М. Сперанским для подданных неславянского происхождения ярлыка «инородец», большевики ввели статус «колхозник» с обязательной трудовой повинностью. Позже нехватку рабочей силы компенсировали привлечением людей по вербовке и устройством с 1937 г. концентрационного лагеря (официально так и не признанного), задуманного здесь царскими властями еще в 1910 г., но тогда не сложилось [Калихман, Бенчарова, Калихман, 2017, с. 62]. Следующий спад уловов рыбы пришелся на 1970-е гг., время политической оттепели, когда колхозники впервые могли получить паспорта, а молодежь уехать в город на учебу, что привело к спаду численности населения с почти 3,3 тыс. до менее чем 2 тыс.

Включение острова Ольхон с 1986 г. в состав Прибайкальского национального парка позволило расширить концепцию сохранения природной обособленности, добавив к ней положения о рекреационной доступности природных территорий. Практически с того времени раздаются алармистские призывы к ограничению туристского посещения острова из-за необратимых воздействий на природную среду. При этом мало кто анализирует и даже обращает внимание на постепенное восстановление растительности и почв на обширных, многочисленных участках бывшей экс-

тенсивной хозяйственной деятельности рыбзавода, сельхозугодий, лесных вырубок и выгоревшего леса, береговых бригад рыбзавода, баз горючесмазочных материалов. Установление границ национального парка позволяет перевести остров в регион практически полного контроля за состоянием природных территорий и их восстановлением после советского периода «ольхонской индустриализации» [Там же, с. 86].

3. **Южный Байкал.** Так впервые авторы назвали регион, окружающий южную впадину озера Байкал, к которому частично применимы такие географические понятия, как Прибайкалье и Забайкалье, и который сопоставим с чаще употребляемым термином «Северный Байкал» [Калихман, Калихман, Сугула, 2019]. Горные пространства хребта Хамар-Дабан с его почти первозданными природными территориями соседствуют с промышленно освоенными зонами побережья Байкала и долины Селенги. Поэтому для Южного Байкала подобная поляризация территорий не оставляет в концептуальных положениях места таким общепринятым характеристикам региона, как его единство, однородность, целостность, автономность. К концептуальным здесь следует отнести цивилизационные представления о расположении региона на пути исторического коридора взаимодействия культур народов центральноазиатских степей и сибирской тайги, где можно вспомнить часто упоминаемый Чайный путь, второй по значимости после Шелкового пути. Природным аспектом коридора, или так называемой контактной зоны, являлась лесостепь, создававшая условия как для хозяйственного развития внутри одной культуры, так и сосуществования различных культурно-хозяйственных типов. Вторым доминантным природным аспектом является озеро Байкал и его южное окружение, со следующим концептуальным положением: требование его охраны в тренде бесспорного глобального императива охраны природы и необходимости ведения хозяйственной деятельности на региональном уровне.

В период советской индустриализации Южный Байкал избежал реализации плана строительства плотины ГЭС на Селенге с исчезновением в водах водохранилища нижнего течения рек Чикой, Хилок, Джиды, Темник и озера Гусиное. Но удар пришелся на Ангару и экосистему Байкала после строительства плотины Иркутской ГЭС и подъема уровня воды в озере. Байкал мог избежать размещения на его берегу и рядом сначала Байкальского, а затем Селенгинского целлюлозного комбинатов с учетом запуска чуть позже комбинатов гораздо большей мощности в Братске и Усть-Илимске. Теперь у берега озера наследие из 6,2–6,5 млн т опасных отходов в 14 картах-накопителях, поддающееся удалению только в безответственных проектах и обещаниях политических и экологических властей страны и Иркутской области. В работе авторов по Южному Байкалу были выявлены последствия индустриализации в виде утраченных земель

в местах добычи слюды и цементного мрамора у Слюдянки, карьеров открытой добычи бурого угля у Гусиноозерска, брошенных карьеров добычи вольфрамовой и молибденовой руды у Закаменска [Калихман, Калихман, Сутула, 2019].

Создание Байкальского заповедника в 1969 г. явилось первой уступкой властей на рост общественных возмущений в связи с размещением на берегу вредного производства, загрязняющего водную и воздушную среду. Со времени появления заповедник стал центром природоохранного направления в развитии Южного Байкала, к которому добавились Иркутский и Снежинский заказники, участки Прибайкальского и Тункинского национальных парков. Приобретение статуса биосферного заповедника потребовало взаимодействия с местным населением, активизации экологического просвещения и рекреационной деятельности. Более чем 50-летняя успешная работа заповедника позволяет надеяться на превращение природоохранной концепции в главное и определяющее направление развития Южного Байкала.

4. *Хакусы*. Регион с таким условным названием на северо-восточном берегу озера Байкала допуская, по мнению авторов, его выделение в природоохранных, рекреационных и оздоровительных целях [Природный парк ... , 2002; Калихман, Калихман, 2012а, б]. Ключевыми объектами региона являются озеро Фролиха, входящее во Фролихинский заказник, и термальный источник Хакусы с водолечебницей и несколькими базами отдыха. К ним добавляются не менее десятка уникальных памятников природы. Автономность, единство и целостность региона могла быть обеспечена созданием природного парка «Хакусы» с относившейся к центральной больнице Северобайкальского района водолечебницей в урочище Хакусы, заказником федерального значения «Фролихинский» и участком в устье Ширильды эвенкийской родовой общины. Создание рекреационной местности «Северо-Байкальская» в границах Северо-Байкальского района привело к усугублению проблем землепользования, связанным с институциональными наложениями в земельной принадлежности и прямыми нарушениями законодательства при сдаче в аренду лесных участков. Устойчивое развитие региона до настоящего времени сдерживается отсутствием у властей всех уровней мотивации к правовому разрешению конфликтных ситуаций и снятию территориальных и институциональных противоречий землепользователей.

5. *Саянский перекресток*. Подобное название было дано авторами региону современного проживания коренных малочисленных тюркских народов: тоджинцев (Тоджинский кожуун Республики Тыва), тофаларов (Нижнеудинский район Иркутской области), сойотов (Окинский район Республики Бурятия) и духа или цаатанов (Хубсугульский аймак Монголии) [Иванов, Калихман, Калихман, 2008; Калихман, Калихман, 2009; Ка-

лихман, Калихман, 2010; Калихман, Калихман, 2011; Калихман, Калихман, 2015 а, б; Калихман, 2019]. Целью исследования являлось определение этого региона с основой в виде этноприродной территории «Саянский перекресток», актуальной для проектирования и организации трансграничной охраняемой территории в целях поддержания традиционного природопользования и уклада жизни этносов, возрождения культуры и языка, достойной включения в список объектов всемирного природно-культурного значения ЮНЕСКО.

Основное концептуальное положение формулировалось как поиск путей переноса акцентов с реализации этнических прав коренных малочисленных народов (КМН) на сохранение природной среды их обитания. Практически во всех нормативных актах о правах КМН используется понятие «территория традиционного природопользования», представляющая единый комплекс природной и ресурсной базы их традиционного жизнеобеспечения. Упоминается это понятие и в Конвенции № 169 Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, поэтому места проживания тофаларов, сойотов, тоджинцев и духа могли бы быть отнесены к территории традиционного природопользования, формальное создание которых возможно в рамках природоохранного законодательства России и Монголии. Здесь, с одной стороны, существуют и развиваются оленеводство, охота и собирательство, а с другой – запрещаются развитие промышленности, интенсивного сельского хозяйства, добыча полезных ископаемых и другая нехарактерная для местного населения деятельность. Предпосылки объединения разделенных в настоящее время народов на базе природоохранных инициатив не исключают возможности восстановления хозяйственных связей и расширения культурного взаимодействия, что в прежние века являлось консолидирующим для единого тюркского восточносаянского этноса. При этом исходное противоречие глобальных и региональных проблем сохранения природы в случае КМН сглаживается общепринятой декларацией устойчивости их среды обитания.

Последний вариант проектирования региона «Саянский перекресток» приведен на рис. 1 [Калихман, 2019]. На картосхеме обозначены примерные границы региона с указанием действующих и планируемых особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и территорий традиционного природопользования (ТТПП). Обычно их создание сопровождается долгими согласованиями с администрациями всех уровней, в то же время любые экономически мотивированные запросы на разведку, добычу и вывоз ресурса удовлетворяются очень быстро. Показано, что после длительного периода борьбы за создание в Окинском районе сойотской ТТПП она была организована в 2017 г.

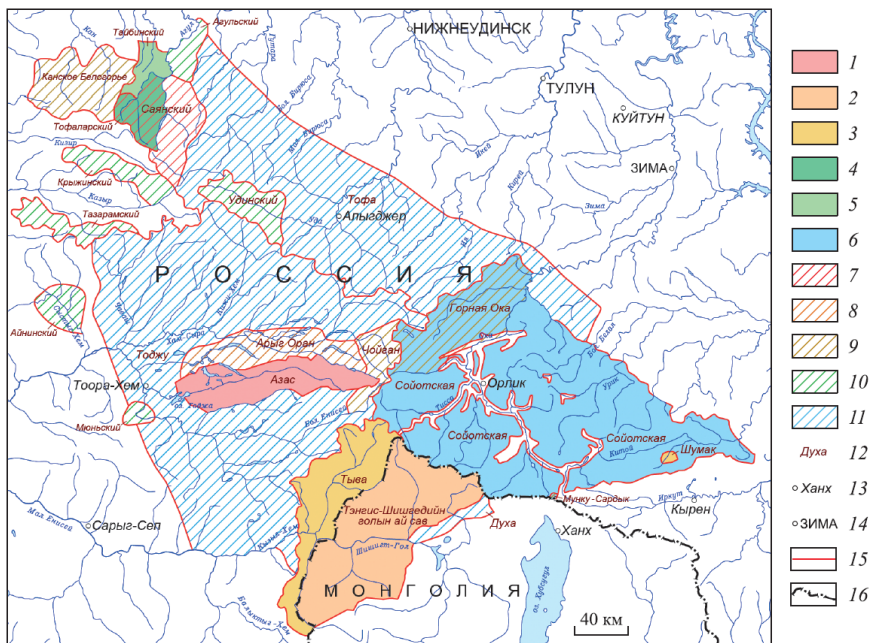

Рис. 1. Структура планируемого региона «Саянский перекресток» по состоянию на 2019 г.

Действующие ООПТ и ТТПШ: 1 – заповедник; 2 – национальный парк, 3 – природный парк, 4 – заказник федерального значения, 5 – заказник регионального значения, 6 – территория традиционного природопользования. Планируемые ООПТ и ТТПШ: 7 – заповедник; 8 – национальный парк, 9 – природный парк, 10 – заказник регионального значения; 11 – территория традиционного природопользования, 12 – наименование ООПТ и ТТПШ. Населенные пункты: 13 – поселок, 14 – город; границы: 15 – ООПТ и ТТПШ, 16 – государственная

6. Горная Ока. Регион находится в Окинском районе Республики Бурятия, в самой западной ее части, сравнительно удаленной и изолированной. Экспедиционные работы авторов в 2002–2010 гг. позволили сделать заключение о реализации в этот период на территории Горной Оки концепции устойчивого экологического туризма, обеспечившей стабильный рост числа посетителей, сравнимый с числом жителей всего района, вовлеченность жителей в обслуживание туристов и стабильный доход от туристической деятельности, отсутствие на природных территориях в местах посещения и пребывания туристов заметных следов угнетения и деградации ландшафтов и биоты [Калихман, Калихман, Шарастепанов, 2011; Калихман, Калихман, 2015 а, б]. Посещение региона осуществляется либо с целью рекреации и оздоровления на многочисленных минеральных

источниках, либо туристами на спортивных и познавательных маршрутах, зачастую транзитных, из-за чего поток въезжающих посетителей более чем в два раза превышает поток выезжающих.

Экономические показатели Окинского района заметно превосходят показатели остальных районов республики, где, например, при числе жителей около 5,5 тыс. поголовье домашнего скота составляет около 25 тыс., занятость в экономике района около 3,5 тыс. человек, занятость в туристской сфере, приходящейся на регион Горной Оки, около 350 человек. Факторами устойчивости экологического туризма стали туристическая специализация ряда частных предприятий и домохозяйств, а также диверсификация хозяйственной деятельности части местного населения, которая прямо или косвенно связана с обслуживанием отдыхающих и туристов.

Связующим звеном между сохранением природной среды и развитием туризма и рекреации мог бы стать природный парк «Горная Ока», проект создания которого был предложен авторами [Калихман, Калихман, Шарастепанов, 2011]. Исходными при проектировании являются цели: охват наиболее посещаемых объектов, учет интересов землепользователей и проведение границ парка вне используемых в сельскохозяйственной деятельности участков и населенных пунктов, сохранение наиболее ценных с точки зрения биотического и ландшафтного разнообразия мест, а также территорий для традиционного природопользования сойотов – горного отгонного оленеводства на равнинных возвышенностях в верховьях рек Сенца и Тисса с тундровыми ландшафтами.

Парадигмальные основания. Результаты изучения территорий, которые вполне могут именоваться регионами, располагающимися в пределах границ, утвержденных на разных законодательных уровнях, обладающих административным и институциональным статусом, выполнены авторами с учетом общепризнанных научных парадигм, где к наиболее значимым чаще всего относятся природоохранные. Для рассматриваемых регионов такого характера приводится краткий обзор целей и задач их изучения, институциональная основа, прикладная и научная новизна исследования.

1. **Бассейн озера Байкал.** Как всякий водный бассейн, он обладает объективными границами, идущими по водоразделам, слабо изменяющимся в результате природных явлений. Площадь трансграничного бассейна озера Байкал составляет 571 829 км², из них почти 80 % приходится на бассейн реки Селенги (447 060 км²), на Россию – 275 035 км², а на Монголию – 297 794 км² бассейна озера. Рассмотрение бассейна как региона является по сути концептуальным, однако представленность понятий о бассейне в современных нормативных правовых документах федерального уровня позволяет считать его скорее парадигмальным, касающимся охраны природы и экологического состояния.

Исследования авторов в регионе, ограниченном площадью бассейна Байкала, предполагали изучение территориального распределения биотического разнообразия, антропогенной нарушенности экосистем, путей сохранения биоразнообразия, развития сети охраняемых природных территорий и их атласного картографирования [Савенкова, 2001; Савенкова, 2002; Калихман, 2011; Калихман, Калихман, 2012]. Были выявлены неоднородность в размещении охраняемых территорий, недостаток охвата лесостепных экосистем. Получены свидетельства недостаточности бассейнового подхода при учете институциональных и экономических параметров, важных для охраны природы и в случаях выхода за границы бассейна периферийных охраняемых территорий.

2. *Байкал – объект всемирного наследия.* Появление в декабре 1996 г. в перечне всемирного природного наследия ЮНЕСКО нового объекта, названного «Озеро Байкал», с учетом четырех критериев природной уникальности, позволило отнести его к регионам международного уровня, законодательно признанного в России [Савенкова, 2002; Калихман, 2007; Калихман, 2011; Калихман, Калихман, 2012 а, б]. Примерная площадь около 90 тыс. км² в документах по номинации и отсутствие точных границ объекта связывались с требованиями последующего принятия федерального закона об озере Байкал, перепрофилирования комбината в Байкальске, увеличения ресурса деятельности прилегающих к озеру особо охраняемых природных территорий. Через три года был принят закон «Об охране озера Байкал». В преамбуле первого его издания был упомянут Байкал как объект всемирного наследия, но не как субъект международного права. Поэтому до сих пор остается актуальной задача принятия закона о правовых аспектах охраны и механизмах управления для него и других российских объектов всемирного наследия [Калихман, Калихман, Сугула, 2019].

В силу очевидного скептического отношения власти России к нормативным документам международного уровня вполне понятна слабая реакция на озабоченность Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, высказанная на сессии в 2017 г. по вопросам необходимости воздерживаться от регулирования уровня озера Байкал без точного знания эффектов такого регулирования, деятельности особых экономических зон без оценок воздействий на окружающую среду, связанных с их развитием, необходимости рекультивации территорий целлюлозного комбината в Байкальске и удаления карт-накопителей с отходами [Там же].

3. *Байкальская природная территория.* В принятом в 1999 г. Федеральном законе «Об охране озера Байкал» ключевой стала статья, определяющая понятие Байкальской природной территории (БПТ). В случае с БПТ авторами рассматривался интегральный подход или новая природоохранная парадигма, преодолевающая административные границы при планировании управления территориями, ограничения естественных границ бассейна озера Байкал [Калихман, 2007; Калихман, 2008а, б; Калих-

ман, 2011; Калихман, Калихман, 2012]. Регион, выделяемый БПТ, по тексту закона составляют «озеро Байкал, водоохранная зона, прилегающая к озеру Байкал, его водосборная площадь в пределах РФ, ООПТ, прилегающие к озеру Байкал, а также прилегающая к озеру Байкал территория шириной до 200 км на запад и северо-запад от него». Кроме того, предусмотренное законом зонирование выделяет три участка: центральную экологическую зону (ЦЭЗ), буферную экологическую зону (БЭЗ), экологическую зону атмосферного влияния (ЭЗАВ). На рисунке 2 показано: слева вверху структура БПТ с экологическими зонами, крупнее – ЦЭЗ с ООПТ всех категорий [Калихман, 2011; Калихман, Калихман, 2017; Калихман и др., 2019]. На приведенной структуре БПТ можно проследить трансформацию упомянутой выше схемы территориальной охраны природы 1990 г. по режимам природопользования.

Принятие первого и пока единственного федерального закона о природном объекте как следствие включения Байкала в перечень всемирного природного наследия ЮНЕСКО, введение понятия БПТ обозначило переход к новой системе территориальной охраны природы. Результаты проведенных авторами исследований показали, что находящаяся в пределах БПТ природная территория и требующие сохранения ключевые участки биотического и ландшафтного разнообразия получили единые законодательные установления, а также возможность единого или сходного управления. В природной части «ядрами» стали ООПТ – заповедники, национальные парки, заказники, памятники природы и рекреационные местности с окружающими их охранными зонами, землями государственного лесного фонда и территориями неинтенсивного сельскохозяйственного использования (пастбища, сенокосы). В антропогенной части центрами стали города, поселки, связывающие их коммуникационные структуры или существенно измененные сельскохозяйственные угодья (пашни, огороды, садовые участки). Принцип зонального разделения БПТ, а в ЦЭЗ деления на участки с различным уровнем заповедания и использования природных ресурсов или зональной дифференциации территории, привел к формированию экологического каркаса БПТ, который поляризует территории сохранения, поддержания и восстановления биотического разнообразия и участки с заметно измененными экосистемами, используемыми для оптимального социально-экономического развития региона [Калихман, Калихман, 2017].

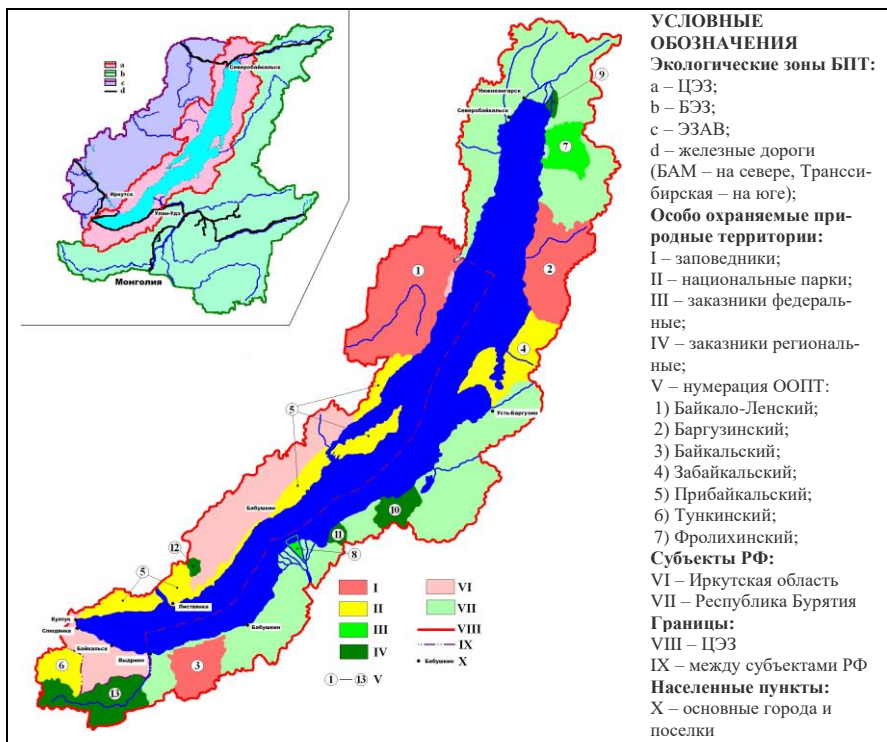

Рис. 2. Байкальская природная территория и ООПТ в пределах ЦЭЗ

4. *Сибирский федеральный округ.* Рассмотрение парадигмальных оснований для региона с таким названием, как и других федеральных округов, опирается на правовой статус, исходно определяемый президентским указом о деятельности его представителя на территории 12, а с прошлого года 10 субъектов РФ. Округ не является государственно-территориальным образованием и не предусмотрен в Конституции РФ, однако он наделен специальными федеральными управленческими полномочиями, реализуемыми на условно укрупненном регионе. В случае Сибирского федерального округа заметны его явные территориальные ограничения в сравнении с традиционными географическими представлениями о Сибири.

Округ представлял интерес для изучения состояния и развития системы ООПТ в каждом из составляющих его субъектов. Авторами анализировалась ландшафтная представленность охраняемых территорий и было выполнено их атласное картографирование, позволяющее оценивать

характер размещения, достаточность и эффективность ООПТ с точки зрения охвата ландшафтного разнообразия [Калихман, 2012; Калихман, Богданов, Огородникова, 2012].

5. *Дальневосточный федеральный округ*. Самый большой по территории из 11 субъектов РФ, включая Республику Саха (Якутия) размером в шестую часть площади страны. Если отвлечься от сугубо специальных управленческих функций округа, то кажется весьма показательным отношение федерального центра к территории площадью более 40 % страны как к Дальнему Востоку. Например, в самом западном Окинском районе Республики Бурятия жители могут претендовать на так называемый дальневосточный гектар. Азиатская часть России, в привычных пространственных представлениях о регионах Сибири и Дальнего Востока, осваивалась по долинам больших рек и на крупных месторождениях полезных ископаемых, что обусловило высокую сохранность и даже первозданность значительных по площади территорий. Для Дальнего Востока сохраняется опасность освоения новых и прежде труднодоступных участков.

Поэтому выполненное картографирование ландшафтной структуры ООПТ для субъектов РФ, составляющих Дальневосточный федеральный округ, позволило оценить результативность сложившейся системы территориальной охраны природы, определить необходимость и достаточность включенности ландшафтов в границы действующих ООПТ [Калихман, 2017; Особо охраняемые природные ... , 2018].

6. *Тункинский национальный парк*. Единственный в России регион, где в границах административного района в 1991 г. был создан национальный парк. Возникли земли двойного подчинения, так как часть земель включалась в состав парка без изъятия из хозяйственного использования, и очевидные институциональные противоречия, которые ограничивали законодательно предусмотренную деятельность двух административных субъектов землепользования и природопользования на общей территории. Характерным примером является расположенный рядом с пос. Жемчуг участок, именуемый Вышкой, с курортным поселком и лечебно-профилактическими предприятиями с использованием термальных вод из пробуренных скважин. До настоящего времени продолжается процесс развития рекреационной деятельности на территории парка с самовольным захватом его земель как местными жителями, так и приезжими. Объективные условия для конфликта интересов двух администраций далеки от разрешения, что снижает результативность работы парка и ограничивает развитие района, повышение уровня жизни населения, как это происходит в соседнем Окинском районе.

На протяжении многих лет авторами предлагаются варианты изменения границ парка с исключением земель, вовлеченных в сельскохозяйственное производство, а также земель крупных поселений в центральной

и восточной частях Тункинского района. На этих участках необходимо развитие инфраструктуры жизнедеятельности местного населения и долговременного пребывания отдыхающих и туристов, что ограничивается в законе об ООПТ. Принятие предложений по новым границам парка способствовало бы более эффективной природоохранной и туристской деятельности, позволило бы расширить его природоохранное ядро и возможности рекреационного обслуживания посетителей на сопредельных территориях Окинского и Закаменского районов Республики Бурятия [Калихман, 2007; Калихман, 2008; Калихман, Калихман, 2012].

Заключение. Проведение исследований, направленных, по словам Уолтера Айзарда, на «изучение пространственного аспекта человеческой деятельности», должно определяться ясным пониманием примерных или строгих территориальных границ рассматриваемого объекта, именуемого регионом, в представлении о его целостности и обособленности. Но выделение региона связано также с анализом отдельных аспектов территориальной системы, когда их взаимодействие приводит к появлению новых качеств, называемых в синергетике эффектами самоорганизации. Поиск подобных эффектов составляет обычно постановку и последующее решение регионоведческих задач.

Приведенные выше примеры показывают возможности и ограничения в решении задач, где регион либо определяется авторами самостоятельно, либо дается авторское исследование уже ранее известного региона. Основным критерием выступает вынесенное в название статьи разделение на концептуальные и парадигмальные основания, которые подразумевают обязательную характеристику границ анализируемого региона. Различить их просто, сравнив границы регионов, например, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Приангарья, Прибайкалья, Забайкалья, с охватывающими площадь всей страны субъектами РФ (республика, край, область, автономная область, автономный округ), называемыми регионами в нормативных актах и Конституции РФ. Актуальной становится проблема возможного ограничения прав местного самоуправления муниципальных образований в связи с президентскими инициативами по изменению Конституции, где регионы этого уровня будут загнаны во «властную вертикаль».

Предлагаемый в настоящей статье подход с обращением к любому из изучаемых регионов с точки зрения концептуальных и парадигмальных оснований кажется вполне допустимым в сравнении с подходами расширительного толкования регионоведения как синтезирующего научные знания в виде междисциплинарного конгломерата, а также выделения теоретического, конструктивного, познавательного (учебного) регионоведения [Гладкий, Чистобаев, 2003, с. 6]. Упомянутая междисциплинарность регионоведения, как и направление трансдисциплинарной регионологии, пока только декларируют «ответ на вызовы современного состоя-

ния науки о регионе» [Кремнёв, Лесниковская, 2019, с. 70]. Следует ждать выполнения исследований по конкретным регионам в рамках нового направления для оценки его перспективности. Кажется преждевременным судить о том, что «изучение региона при помощи таких отдельных научных дисциплин, как регионалистика, страноведение, регионоведение создает условия для неадекватного восприятия географического, природного, культурно-исторического, экономического и социально-политического своеобразия регионов», или «исследование регионов в рамках трансдисциплинарности происходит через использование научно-прагматического подхода при изучении региональных процессов, опираясь на теоретико-методологические достижения различных наук и обеспечивая взаимный диалог между политическими лидерами и учеными-исследователями для выработки оптимальных сценариев регионального развития», но при этом не обозначить и не привести ни одного из условий «неадекватности», смысла и сути «научно-прагматического подхода» [Макеева, 2018, с. 9–10].

Обращение в статье к примерам концепций и парадигм для природоохранных сторон развития регионов, возможно, связано с мнением о том, что «университетские кафедры регионоведения в своей деятельности фактически игнорируют природную среду как мощный фактор регионализма (о чем со всей очевидностью свидетельствует содержание учебных программ), как будто физическая среда обитания людей вовсе не играет никакой роли в регионализации экономической, социальной и других сред» [Гладкий, 2009, с. 4]. В любом случае, определение границ регионов не только в природном, но и экономическом, историческом, социокультурном плане всегда будет составлять основу пространственной дифференциации регионов.

Литература

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М. : Мысль, 1983. 350 с.
2. Байкаловедение : в 2 кн. Новосибирск : Наука, 2012. Кн. 1. 468 с. ; Кн. 2. 644 с.
3. Барыгин И. Н. Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1, № 3. С. 114–123.
4. Природный парк «Хакусы» / А. В. Винобер, А. Д. Калихман, В. Н. Моложников, Т. П. Савенкова. Иркутск : Оттиск, 2002. 40 с.
5. Гладкий Ю. Н. Регион как научная категория: реальный конструкт или «мусорный ящик» // Псковский регионологический журнал, 2009. № 8. С. 3–10.
6. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение : учебник. М. : Гардарики, 2003. 384 с.
7. Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П. Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка. Иркутск : Оттиск, 2008. 260 с.
8. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М. : Прогресс, 1966. 660 с.
9. Калихман А. Д. Ольхон – наш дом : дополнение к учебнику «Окружающий мир» – остров Ольхон. Иркутск, 2018. 55 с.
10. Калихман А. Д., Бенчарова Н. В., Калихман Т. П. Ольхон: природа и люди. Иркутск : Институт географии СО РАН, 2017. 138 с.

11. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Проектирование трансграничной этно-природной охраняемой территории «Саянский перекресток». Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. 160 с.
12. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Трансграничный объект всемирного природно-культурного наследия «Саянский перекресток» // Известия Русского географического общества. 2010. № 6. Т. 143, вып. 1. С. 72–81.
13. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Проектирование экскурсионных экологических троп у Байкала. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012а. 172 с.
14. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Предпосылки сохранения этноприродной территории «Саянский перекресток» // География и природные ресурсы. 2015б. № 1. 62–71.
15. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Проектирование особо охраняемых природных территорий Иркутской области. Иркутск: ИГ СО РАН, 2015 б. 226 с.
16. Калихман А. Д., Калихман Т. П., Сутула В. И. Южный Байкал: природа и люди. Иркутск : Оттиск, 2019. 270 с.
17. Калихман А. Д., Калихман Т. П., Шарастепанов Б. Д. Формирование структуры экологического туризма на территории планируемого природного парка «Горная Ока» // География и природные ресурсы. 2011. № 2. С. 129–136.
18. Калихман Т. П. Особо охраняемые природные территории в границах Байкальского региона // Известия РАН. Серия географическая, 2007. № 3. С. 75–86.
19. Калихман Т. П. Тункинский национальный парк: люди или природа // Заповедное дело (науч.-метод. записки Секции заповедного дела Комиссии РАН по сохранению биологического разнообразия). 2007. Вып. 12. С. 92–111
20. Калихман Т. П. Байкальская природная территория в институциональной модели охраны природы // География и природные ресурсы, 2008а. № 3. С. 65–74
21. Калихман Т. П. Байкальская природная территория в экономической модели охраны природы // География и природные ресурсы, 2008б. № 4. С. 42–51.
22. Калихман Т. П. Оптимизация территории Тункинского национального парка // Природа Байкальской Сибири / Тр. заповедников и национальных парков Байкальской Сибири, 2008в. Вып. 1. С. 105–120.
23. Калихман Т. П. Территориальная охрана природы в Байкальском регионе. Иркутск : Изд-во ИГ СО РАН, 2011. 318 с.
24. Калихман Т. П. Система особо охраняемых природных территорий Сибирского федерального округа в атласном картографировании // Известия РГО. 2012. Т. 146, № 5. С. 58–70.
25. Калихман Т. П. Система особо охраняемых природных территорий Дальневосточного федерального округа в атласном картографировании // География и природные ресурсы. 2017. № 3. С. 22–35.
26. Калихман Т. П. Проектирование трансграничного объекта всемирного природно-культурного наследия «Саянский перекресток» // География и природные ресурсы, 2019. № 5. С. 45–51.
27. Особо охраняемые природные территории Дальневосточного федерального округа. Атлас / Т. П. Калихман, А. В. Бардаш, В. Н. Богданов Л. Ю., Огородникова, Е. М. Климина, В. Н. Бочарников. Иркутск : Институт географии СО РАН, 2018. 588 с.
28. Калихман Т. П., Богданов В. Н., Огородникова Л. Ю. Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа. Атлас. Иркутск : ИГ СО РАН : Оттиск, 2012. 380 с.
29. Калихман Т. П., Калихман А. Д. Трансграничная этноприродная территория «Саянский перекресток». Возможен ли статус объекта всемирного природно-культурного наследия ЮНЕСКО // Экология и жизнь. 2011. № 2. С. 64–69.
30. Калихман Т. П., Калихман А. Д. Пути развития Тункинского национального парка // Природоохранная деятельность в современном обществе. Иркутск : Изд-во ИГ СО РАН, 2012. С. 31–40.
31. Калихман Т. П., Калихман А. Д. Объект всемирного природного наследия «Озеро Байкал» // Мировое наследие. 2012. № 64. С. 114–119
32. Калихман Т. П., Калихман А. Д. Охраняемые природные территории Байкальского региона. Новая природоохранная парадигма, интегральный подход. Саарбрюкен (Saarbrücken, Germany) : PALMARIUM academic publishing, 2012. 333 с.

33. Калихман Т. П., Калихман А. Д. Озеро Байкал в природоохранной парадигме // Известия Алтайского отделения РГО. 2017. № 2 (45). С. 24–46.
34. Кремнёв Е. В., Лесникова Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75.
35. Кун Т. Структура научных революций. М. : Изд-во АСТ, 2003. 605 с.
36. Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2. СПб., 2018. С. 6–14.
37. Регионоведение : учебник для среднего профессионального образования / под ред. И. Н. Барыгина. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. 391 с.
38. Савенкова Т. П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2001. 186 с.
39. Савенкова Т. П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. Атлас. Иркутск : Оттиск, 2002. 96 с.
40. Isard W. Introduction to Regional Science. Prentice-Hall, Inc. Englewood Cliffs, New Jersey, 1975. 506 p.

УДК 316.4

Е. А. Камышина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

В. Е. Ярмак

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

К. Э. Кеворкян

АНО «Крымский центр истории и культуры», Алушта
Научный руководитель: П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РОЛЬ СЕМЬИ¹

Аннотация. Рассматривается воздействие социального института семьи на формирование человеческого капитала. Семья является одним из основных социальных институтов, влияющих на становление человеческого потенциала. В свою очередь человеческий потенциал определяется как база, на которой формируется человеческий капитал. Для анализа влияния социального института семьи на формирование человеческого капитала были использованы вторичные данные, изложенные в статьях (представлены в списке источников) российских социологов. Статьи посвящены формированию человеческого капитала, исследование которого осуществлялось в последние 10 лет.

Ключевые слова: человеческий капитал, семья, формирование личности, роль семьи.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”».

E. Kamyshina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», Saint Petersburg

V. Yarmak

Saint Petersburg University, Saint Petersburg

K. E. Kevorkyan

Crimean Center for History and Culture, Alushta

Research supervisor: P. Deryugin

Saint Petersburg University, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: THE ROLE OF FAMILY

Abstract. The purpose of the article is to consider the influence of the social institution of the family on the formation of human capital. The family is one of the main social institutions that influence the development of human potential. In turn, human potential is considered as the basis on which human capital is formed. To analyze the influence of the social institution of the family on the formation of human capital, secondary data, presented in the articles (presented in the list of sources) of Russian sociologists were used. Articles are devoted to the formation of human capital over the past 10 years.

Keywords: human capital, family, personality formation, the role of the family.

Начиная с исследований Э. Дюркгейма, М. Вебера, Л. Моргана, П. Сорокина и других классиков, социологическая наука трактует семью как важнейший социальный институт, влияющий на структурные и функциональные изменения общества [Шиняева, Ушакова, 2018, с. 122]. При этом роль семьи играет все большее значение в формировании человеческого капитала в современном обществе, при этом такое влияние нельзя оценивать однозначно.

Развитие человеческого капитала в современном обществе воздействует на развитие не только производства, но и всех сфер жизнедеятельности общества. Качеством человеческого капитала определяется эффективность цифровой экономики, социальное развитие информационного общества, развитие науки. В том числе качество человеческого капитала россиян способствует развитию инновационной экономики России. Развивая человеческая личность представляет собой важнейший ресурс и средство последующего развития страны [Быченко, Логинова, 2008, с. 48]. Поэтому качество человеческого капитала имеет определенное значение. По данным аналитического отчета «Особенности развития человеческого капитала в субъектах Российской Федерации», представленного Л. М. Григорьевым 11 июня 2019 г., Россия занимает 49-е место (значение индекса человеческого развития 0,816) среди стран мира по индексу человеческого развития на 2017 г. [Григорьев, 2019, с. 4]. Важно отметить, что прирост индекса человеческого развития в России с 1990-го к 2017 г. составил 11 %. Это хороший показатель, поскольку, например, в Норвегии, где самый высокий уровень человеческого развития (значение индекса человеческого развития 0,953), прирост составил 12 %. Поскольку в России за последние 30 лет наблюдался сложный период развития общества (например, перестройка 90-х гг., переход от индустриального к постиндустриальному обществу), данный показатель свидетельствует о том, что

Россия инвестирует достаточно большие ресурсы (экономические, социальные, культурные) в развитие современного человеческого капитала. Большое внимание уделяется формированию здоровой семьи.

На формирование человеческого капитала влияет ряд факторов – как объективных, так и субъективных. К объективным факторам можно отнести географические, демографические, технико-технологические, экономические, этнокультурные, политические, социальные и некоторые другие. К субъективным факторам – личностно-психологические, профессиональные, биологические и другие. Отдельно следует выделить социальный институт семьи, который является важным мотивирующим фактором для детей и молодежи при определении будущей профессии, самоопределении личности в целом, формировании ценностной системы.

По оценкам ряда исследователей, роль семьи имеет важное значение в формировании человеческого капитала, и поэтому проблема анализа роли семьи в формировании и развитии человеческого капитала все чаще становится объектом научного интереса. В современных исследованиях [Антоненко, Антонов, 2015; Быченко, Логинова, 2008; Григорьев, 2019; Коновалова, 2011; Ниворожкина, 2015; Савченко, 2012; Судова, Торосян, 2017; Сысоев, 2010] рассмотрены теоретические подходы к изучению роли семьи в формировании человеческого капитала, в частности:

- выявление специфической роли семьи в формировании человеческого капитала в условиях инновационной экономики;
- исследование социального капитала семьи как стимула инвестиций в человеческий капитал;
- анализ роли инвестиций семьи в образование российской молодежи как элемент человеческого капитала;
- изучение неравенства ресурсов инвестирования семьи в развитие человеческого капитала в современной России;
- воздействие потребительского кредитования на условия формирования человеческого капитала у детей из малообеспеченных семей; роль инвестирования в детей как фактора производства и производительности человеческого капитала;
- разработка методик оценки суммарного объема семейных инвестиций в ключевые элементы человеческого капитала молодежи современной России.

Очевидно, что спектр рассмотрения влияния семьи на формирование человеческого капитала чрезвычайно обширен.

Как показывает анализ исследований, все более актуальным становится изучение изменений в структуре семейных отношений, в отношении к институту семьи в целом в условиях трансформирующегося общества. Семья – это в том числе «микромир», где формируется гражданская культура и ответственность человека, представления о правах и обязанностях, чести и достоинстве [Яковлева, 2012, с. 3097]. Обобщая предыдущие

рассуждения, можно выделить роль семьи как фактор развития человеческого капитала, который заключается в следующем.

Семья играет роль связующего звена между молодым человеком и объективными реалиями социальной среды; она является проводником ценностей и практик, господствующих в социуме... Образуются новые социально-отраслевые сегменты, в которых традиционные «лифты» не могут обеспечить мобильность; необходимы особые личностные качества, которые формируются в семье [Шиняева, Ушакова, 2018, с. 121–122].

Семья, являясь основным звеном воспроизводства человеческого капитала, накапливает и развивает способности, которые в дальнейшем проявляются в форме реализации человеческого капитала в экономической системе... В рамках семьи зарождается и формируется способность к труду [Савченко, 2012, с. 41].

Семья является важной институциональной единицей общества. В ней происходит рождение человека, его социализация, воспитание, передача ценностей и традиций культуры [Сысоев, 2010, с. 42].

Согласно данным современных исследований, именно семья занимает первое место в системе базовых ценностей россиян. Возможности семьи сегодня определяют качество здоровья и образования молодого поколения [Яковлева, 2012, с. 3096–3097].

Осознавая положительное влияние семьи на формирование и развитие человеческого капитала и личности в целом, часть социологов одновременно, фиксируют наличие определенных кризисных явлений, выражающихся в снижении интереса к созданию семьи, изменении во внутрисемейных отношениях и другие. Изменения в структуре и функциях семьи также влекут за собой изменения в понимании роли семьи и в отношении к социальному институту семьи в целом. Наряду с этим стоит отметить следующее. Семья формирует необходимые ценности и нормы, при этом в исследованиях фиксируется низкий уровень реализации семейных ценностей (не реализованы у 27 %) [Яковлева, 2012, с. 3096]. Это один из многочисленных примеров снижения значения социального института семьи в формировании человеческого капитала.

Таким образом, исследование влияния семьи на формирование человеческого капитала остается актуальным направлением социологических исследований. Институт семьи продолжает играть важную роль в формировании человеческого капитала. Но в связи с изменением социально-экономических условий в современном обществе роль и влияние семьи трансформируется вместе с изменениями, происходящими в российском обществе.

Литература

Антоненко В. В., Антонов Г. В. Оценка суммарного объема семейных инвестиций в ключевые элементы человеческого капитала молодежи современной России // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 25 (424).

Быченко Ю. Г., Логинова Л. В. Модернизация общества и качество человеческого капитала // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2008. Т. 8, № 2.

Григорьев Л. М. Особенности развития человеческого капитала в субъектах Российской Федерации / Аналит. центр при правительстве Российской Федерации. Москва, 11.06.2019.

Коновалова Е. В. Роль семьи в формировании человеческого капитала инновационной экономики // Вестник КГУ. 2011. № 2.

Ниворожкина Л. И. Воздействие потребительского кредитования на условия формирования человеческого капитала у детей из малообеспеченных семей // Учет и статистика. 2015. № 1 (37).

Савченко В. В. Проблема неравенства ресурсов инвестирования семьи в развитие человеческого капитала в современной России // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 21.

Судова Т. Л., Торосян Е. К. Инвестирование в детей: производство и производительность человеческого капитала // Петербургский экономический журнал. 2017. №2.

Сысоев С. А. Внутрисемейный социальный капитал как стимул инвестиций в человеческий капитал // JER. 2010. № 4.

Шиняева О. В., Ушкова Ю. В. Семейный капитал и его зависимость от социальных характеристик семей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (45).

Яковлева М. Н. Семья как основа формирования человеческого капитала в условиях современной российской инновационно-модернизационной стратегии // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное : материалы IV Очеред. всерос. социол. конгр. М. : РОС, 2012. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part19.pdf>. С. 3095–3100.

УДК 001

Н. С. Карачева

Иркутский государственный университет, Иркутск

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ У. АЙЗАРДА: НЕДОСТАТОК ИЛИ ДОСТОИНСТВО?¹

Аннотация. Анализируются критические замечания британского географа и профессора Т. Барнса в адрес основных идей американского регионоведа, основателя американской школы регионального анализа У. Айзарда. В своей критике Барнс использовал представления о структуре науки французского социолога и философа Латура.

Ключевые слова: регионоведческая наука, критика, американская регионоведческая школа, У. Айзард.

N. Karacheva

Irkutsk State University, Irkutsk

W. ISARD'S REGIONAL SCIENCE MULTIDISCIPLINARY APPROACH: DRAWBACKS OR ADVANTAGES?

Abstract. The article presents an analysis of the British geographer and Professor T. Barnes' critical comments on the W. Izard's main ideas. Barnes used the French sociologist and philosopher Latour's idea of the science structure.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионоведческой науки».

Keywords: regional studies, criticism, American school of regional studies, W. Izard.

В течение последних нескольких десятилетий во всей международной системе наблюдается подъем регионализма. Это в значительной мере обусловлено продолжающейся глобализацией, растущими международными контактами и распространением региональных институтов. Исследователи проявляют живой интерес к анализу международной безопасности и глобальной экономической системы с региональной точки зрения. Некоторые недавние исследования регионализма, иногда называемые «новым регионализмом», стали основой для понимания современной международной политики [Hettne, Soderbaum, 2005].

В настоящее время распространенным убеждением в научных исследованиях является то, что научное знание, образуя междисциплинарный корпус литературы, формируется локальным контекстом. Универсальных знаний нет, есть только локальные знания [Barnes, 2003]. Наука – это набор условных практик, тесно связанных с ее более широким социальным контекстом. Иногда эти практики становятся утверждениями научной истины, иногда нет. «Совокупность всех этих факторов обусловила острую необходимость проведения городских и региональных исследований, для которых ни одна из существующих тогда научных областей не могла предложить методологическую базу» [Кузнецова, Карачева, 2019, с. 277].

Тревор Барнс, британский географ и профессор экономической географии в Университете Британской Колумбии, изучив работы американской научной регионоведческой школы, выступил с критикой некоторых идей Айзарда и его последователей. Для выявления ряда слабых сторон исследований американских регионоведов он использовал представление о структуре науки французского социолога и философа Латура. Латур пишет: «Понятие науки, изолированной от остального общества, так же бессмысленно, как идея системы артерий, отделенных от системы вен» [Латур, 1999, с. 80].

То же самое относится и к региональной науке. «Даже если Айзард смог бы заставить уравнения Ньютона, демографические данные переписи 1940 года, логарифмические правила и вычислительные машины работать вместе, чтобы создать карту в книге, это только начало. Существует гораздо больше компонентов, необходимых для создания региональной науки. Хорошей идеи недостаточно. Например, некоторые географы скажут, что региональная наука ничего нового не представляет и география или экономика уже обладают необходимыми инструментами для решения региональных проблем» [Там же]. Именно таким было первое критическое замечание еще у истоков регионоведческой науки, с которым пришлось бороться Айзарду и его единомышленникам.

В «Надежде Пандоры» Латур предлагает метафору васкуляризации: четыре контура – инструменты, коллеги, союзники и общественность – объединяются в пятый в виде звеньев или узлов. Это своеобразная карта, содержащая словарь и концептуальную сетку для связи науки и общества. Как подразумевает сам термин «васкуляризация», потоки людей, книг, учреждений, машин и объектов помогают научным дисциплинам оставаться «живыми». Это, безусловно, характерно для региональной науки на раннем этапе, и она обладала именно таким импульсом, который связывал общество и науку.

Первый контур Латура – это мобилизация мира, под которой он подразумевает серию актов, приводящих объекты исследования в устойчивую сеть. «Вместо того чтобы двигаться вокруг объектов, ученые заставляют объекты двигаться вокруг себя» [Латур, 1999, с. 101]. В науке такая цель достигается прежде всего за счет различных таблиц, диаграмм, карт и фотографий. Благодаря этому объекты исследования дисциплинируются и упорядочиваются. Как говорит Латур, однажды записанные на странице явления и события обладают «оптической последовательностью и семиотической однородностью» [Там же, с. 46]. Здесь необходимо уточнить, что подход Латура, который применил Барнс для анализа результатов деятельности американской регионоведческой школы, в какой-то степени является универсальной теоретико-методологической рамкой, позволяющей выявить силу связности и систематизированности практически любой науки, в частности, это полезно и для развивающейся регионоведческой науки. Наблюдения Айзарда о распределении населения в Соединенных Штатах в 1940 г. (иммиграция и эмиграция, рождение и смерть, браки и разводы) – это то, как ученый мобилизует мир, позволяя ему перемещаться вокруг этих объектов, а не наоборот. Заставляя мир работать на них, региональные исследователи также участвуют в географическом движении, перемещаясь с мест, где происходят события, которые они изучают, на места, где происходит представление и презентация. Например, в 1960-х гг. Айзард работал над проектами в Пуэрто-Рико, Колорадо, Нью-Йорке и Нью-Джерси, а также в своем родном городе Филадельфии. Но сама наука создавалась не в этих местах, а в кабинете Айзарда в здании Мак-Нейла в Пенн-кампусе. Именно там собирались и анализировались данные, рисовались фигуры, выводились уравнения и писались выводы. Другими словами, полевые объекты были менее важны, чем то, что Латур называет «центром вычислений».

Второй контур, возможно, ведет к большему успеху региональной науки – ее институционализации. Это касается того, как дисциплина или профессия становятся независимыми и формируют свои собственные критерии оценки. Первоначально ключом к институционализации региональной науки была энергия Айзарда. Благодаря поездкам на различные

национальные конференции по социальным наукам и огромному количеству корреспонденции он создал связи, необходимые для развития региональной науки как институциональной структуры. Конференции, а позднее летние институты функционировали аналогичным образом, укрепляя через образование региональную науку как институт, а также расширяя ее географический горизонт.

Третий контур вращается вокруг альянсов. Под этим подразумевается необходимость привлечения новых сторонников к проекту с целью его укрепления. Количественная и теоретическая революция географии началась в конце 1950-х гг., и ранние революционеры видели в региональной науке союзное движение, предлагавшее влияние и престиж, интеллектуальную пищу и площадку для дискуссий [Barnes, 2001]. С этой точки зрения региональная наука не могла появиться в лучшее время. Некоторые из этих революционеров преподавали в Пенсильванском университете (Майкл Дейси, Дуэйн Марбл, Джулиан Уолперт и Аллен Скотт), создавая связь между географией и региональными науками.

Четвертый контур – это отношения между региональной наукой и миром, лежащим за пределами академии, в данном случае более широкий социально-политический контекст Америки 1950-х и 1960-х гг., в котором возникает региональная наука. Он включает в себя холодную войну, а также реальные войны в Корее и Вьетнаме, богатое общество Гэлбрейта и борьбу с нищетой, фордистов и субурбанизацию, космическую программу и военно-промышленный комплекс и так далее. Ф. Мировский утверждает, что ключом к развитию послевоенной экономической теории является формирование военно-промышленного комплекса США и сопутствующая роль компьютеризации [Мировский, 2002, с. 117]. Возросшая роль военных потребовала разработки методов и стратегий для военных целей, включая распределение ресурсов в нерыночных условиях. Такая задача была поставлена, в частности, перед экономистами, которые должны были разработать соответствующие теории и методы. Региональные ученые были частью этого широкого научного подхода. Айзард изначально был заинтересован в применении теории общего равновесия к многорегиональной экономике. Первый аспирант Айзарда, Бен Стивенс, разработал пространственную версию линейного программирования, которая затем использовалась для столичного и регионального планирования. Аналогичным образом: хотя региональная наука не развивает компьютеризацию по новым направлениям, она широко использует возможности таких машин для проведения численных расчетов и статистического анализа больших географических наборов данных.

Второй момент заключается в том, что методы и компьютерные программы, используемые региональной наукой, идеально подходили для послевоенной Америки, характеризующейся региональной и городской

экспансией и связанными с ней вопросами транспорта, энергетики и базового промышленного обеспечения, которые были тесно сопряжены с городским обществом.

Последний контур объединяет четыре предшествующих узлами и звеньями, оставаясь полностью зависимым от них. Региональная наука обладала столь впечатляющей и быстрорастущей сетью в ранние годы, потому что циркуляция исследований, профессоров и студентов, денег, союзов и взаимодействий с большим миром была яркой и мощной.

Где-то в конце 1970-х гг. из-за изменений, произошедших как на местах, так и в интеллектуальном плане, прежняя сильная циркуляция и течение, которыми отличалась региональная наука, стали ослабевать. Из виду упускали глубокую васкуляризацию между наукой и обществом. Возникшие изменения обнаруживаются во всех пяти контурах.

Во-первых, региональная наука казалась менее способной вовлечь и мобилизовать мир. Это стало очевидным к 1983 г., когда Айзард вместе с Кристин Смит, профессором Университета Гриффита, работающей над решением экономических вопросов развития регионов, на региональном научном совещании показали интегрированную мультирегиональную модель [Isard, Smith, 1983, p. 8–9]. Эта модель может обеспечить оптическую согласованность и семиотическую однородность, но не может претендовать на абсолютную истинность и универсальность. В то время как демографический потенциал США в 1940 г. может быть репрезентативным, универсальную модель конфликта, экономики, населения и транспорта невозможно интегрировать в одну модель. Неудивительно, что Эндрю Иссерман использовал для своей региональной научной речи название «Потерянные в космосе», говоря, что Айзард, кажется, «потерялся» [Иссерман, 1993]. Вместо того чтобы усилить свое влияние на мир, результаты труда Айзарда теряют свою власть над ним, становясь источником слабости, а не силы.

Во-вторых, начала страдать институциональная структура региональной науки в США. Ключевым моментом стало закрытие регионального научного отдела в Пенне в 1993 г. деканом Розмари Стивенс. Она считала, что региональная наука как институт больше не нужна в университетах Лиги Плюща. Интересно, что такая же судьба постигла географическую дисциплину, которая с конца 1940-х гг. была исключена из коллежджей Лиги Плюща. В частности, потеря научного отдела повлекла более ощутимые последствия, которые повлияли на институциональную жизнеспособность региональной науки: аспиранты больше не обучались традициям, не стало рабочих мест для региональных ученых (или для географов, привлеченных к региональной науке), а также финансирования из университета, от исследовательских грантов и от контрактов. Течение и циркуляция, которые имели решающее значение для институционализации, замедлились, а кое-где и вовсе прекратились.

Третий цикл (альянсы) также пострадал. В частности, традиционные союзники по планированию и географии в США практически покинули регионоведение. Партнерство региональной науки и современной географии потерпело серьезный разрыв. Даже те географы, которые были привержены региональной науке, обладая аналитической проницательностью, например присутствовавшие на региональном научном совещании 1978 г. в Чикаго, более не относили себя к региональным ученым.

Четвертый контур (общественное представительство) вызывал опасения даже самих региональных ученых [Иссерман, 1993, с. 24; Polese, 1999, р. 315]. Их озабоченность заключалась в том, что теории, модели и предположения региональной науки не продвинулись далеко за пределы своего происхождения в Америке 1950-х гг. и ее контекста промышленного роста, кейнсианской интервенционистской политики и крупномасштабных столичных и региональных моделей планирования. Но мир изменился. Фордистское производство, подобное тем металлургическим комплексам, которые Айзард изучал в Нью-Йорке и Нью-Джерси в 1950-х гг., уступило место гибким мини-мельницам и, что более важно, постиндустриальной экономике услуг. Кейнсианский интервенционизм вступил в свои предсмертные муки в конце 1970-х гг., сменившись неолиберальным, невмешательским государством (наиболее широко представленным тэтчеризмом в Великобритании и рейганизмом в США). А крупномасштабные, нисходящие модели столичного и регионального планирования, а также теоретический и технический аппарат, которые они подразумевали, были заменены с начала 80-х гг. новым движением, основанным на рыночном предпринимательстве [Polèse, 1999].

В контексте глобализационно-фрагментационных процессов регион как объект исследовательского интереса обретает новое звучание, а динамика этих процессов в настоящее время определяет концептуальную направленность науки о регионе [Кремнёв, Лесниковская, 2019, с. 299; Кузнецова, Карачева, 2018]. Таким образом, можно заключить, что существует также еще одно изменение, интеллектуальное, которое помещает региональную науку вне времени. В последние двадцать пять лет наблюдается переход от рационалистических, формальных и универсальных объяснений к релятивистским, эклектичным и локальным (что видно в движении многих социальных и гуманитарных наук к постструктурализму, феминизму, постмарксизму и постколониализму) [Barnes, 2001]. Излишне говорить, что эти более поздние подходы еще не до конца вошли в региональную науку, тем самым отодвигая ее дальше от современных оживленных каналов социологического дискурса и дебатов. Это систематически отнимало власть у региональной науки, смещая ее представления, подрывая ее институциональную базу, разрывая ее союзников и делая ее модель мира менее функциональной. Следовательно, несмотря на широ-

кий интерес к регионализму и большой объем проделанной работы, отсутствие единого понимания по-прежнему является и предметом дискуссий и одной из основных проблем и причиной для критики.

Литература

Иссерман И. О. Управление социально-экономическим потенциалом региона. М. : Книга по Требованию. 1993. 240 с.

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 297–304.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 275–280.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 19–22.

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 1999. 532 с.

Мировский Д. В. Стратегия социально-экономического развития регионов. М. : МАИ, 2002. 216 с.

Barnes T. J. What's Wrong with American Regional Science? A View from Science Studies // Canadian Journal of Regional Science. 2003. Vol. 36, N 1. P. 3–26.

Hettne B., Soderbaum F. Intervening in Complex Humanitarian Emergencies: The Role of Regional Cooperation // The European Journal of Development Research. 2005. Vol. 17, N 3. P. 449–461.

Isard W., Smith T. E. General Theory: Social, Political, Economic and Regional. Cambridge, MA : MIT Press, 1969. 539 p.

Polese L. Spatial Econometric Analysis of International Conflict. New York : New York University Press, 1999. 357 p.

В. О. Коробко, О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ВКЛАД РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИСТОВ В СТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. ХОТЕЛЛИНГА)¹

Аннотация. Предпринимается попытка показать многообразие подходов, использованных региональными экономистами, в частности Г. Хотеллингом, для решения региональных проблем. Соотношение «региональной науки» и «региональной экономики» также меняется в работах разных исследователей и требует изучения. В связи с этим предлагается перейти от отграничения дисциплин к междисциплинарности. Уточняется методология и некоторые ключевые понятия, отражающие актуальность данного исследования.

Ключевые слова: региональная наука, региональная экономика, региональные исследования, теория размещения, междисциплинарный, Гарольд Хотеллинг.

V. Korobko, O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE CONTRIBUTION OF REGIONAL ECONOMISTS TO THE FORMATION OF AMERICAN REGIONAL SCIENCE (BY THE EXAMPLE OF THE ACTIVITY OF G. HOTELLING)

Abstract. The writing of this article is dictated by the desire to show the diversity of approaches used by regional economists, in particular G. Hotelling, to solve regional problems. The correlation of “regional science” and “regional economy” also changes in the works of various researchers and requires scrutiny. In this regard, it is proposed to move from the delimitation of disciplines to interdisciplinarity. The methodology and some key concepts reflecting the relevance of this study are clarified in the article.

Keywords: regional science, regional economy, regional studies, location theory, interdisciplinary, Harold Hotelling.

На протяжении многих лет региональные исследования продолжают оставаться приоритетным направлением для многих ученых. Это, в частности, обусловлено тем, что анализ определенных регионов и их изучение ведут к эффективному решению политических, экономических и социальных проблем региона. Многие специалисты заслуженно считают США флагманом региональной науки. Как известно, региональная наука зародилась в этой стране в середине 50-х гг. XX в., и с тех пор американские специалисты в области региональных исследований во многом продолжают определять вектор развития данной области научного знания. Самыми известными представителями региональной науки в США являются У. Айзард, Р. Вернон, М. Сторпер, Р. Уолкер, Л. Мозес, Д. Хьюингс. Отметим, что значительная часть региональных исследований во многих странах посвящена экономике и географии.

Региональная экономика является субдисциплиной экономики и часто рассматривается как одна из областей общественных наук, которая

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

изучает экономические аспекты региональных проблем. Региональная экономика имеет много общих традиций с региональной наукой У. Айзарда, ведь экономический подход к региональным проблемам был и остается наиболее значимым на протяжении всего развития региональной науки. Однако региональная экономика выработала и свои независимые традиции и подходы [Региональная экономика, 2016].

Теория размещения – важнейшая часть региональной экономики, которая зародилась в XX в. В Великобритании теорией размещения занимался А. Маршалл, экономист и автор книги «Принципы экономической науки». В Германии данную деятельность осуществлял экономист и географ А. Лёш, книга которого под названием «Пространственная организация хозяйства» являлась достижением не только для региональной экономики, но и для региональной науки в целом [Ars administrandi, 2015].

Кроме того, немецкая школа пространственного анализа, постулирующая географическое положение основным фактором экономического развития, оказала влияние и на формирование научных взглядов самого Уолтера Айзарда, основателя региональной науки. Именно после знакомства с научными трудами представителей немецкой школы, в частности А. Лёша, Айзард начал разрабатывать междисциплинарный подход на стыке положений географии и экономики к явлениям региональных экономик¹.

Другие американские ученые также внесли свой вклад в создание теории регионально-экономических проблем. В целом американская региональная теория коренится в трех основных дисциплинах, которые начали расцветать в 50-е гг. XX в. Этими дисциплинами выступали: региональная наука, региональная экономика и география. В то время каждая из дисциплин являлась важной для изучения и продвигалась определенными учеными. Так, одним из ярких представителей региональной науки становится Гарольд Хотеллинг.

Американский экономист и статистик родился 29 сентября 1895 г. в Фулде (штат Миннесота), однако его детство прошло в городе Сизтл штата Вашингтон. Там же он получил степень бакалавра по журналистике. В возрасте 26 лет, обучаясь в Вашингтонском университете, Г. Хотеллинг получил степень магистра по математике. Впоследствии ученый переехал в штат Нью-Джерси, где поступил в Принстонский университет, став в 1924 г. доктором философии [Social Networks and Archival Context, 2019].

Хотеллинг был по-настоящему заинтересован математической экономикой и статистикой. На протяжении своего обучения в университете он выработал стратегию, с помощью которой планировал использовать методы точных наук в политологии и экономике. Успех этой стратегии не был возможен без математики. Региональный экономист считал, что такие

¹ Подробнее о деятельности У. Айзарда можно прочесть в статьях: [Кремнёв, Лесниковская, 2019; Kremnyov, Lesnikovskaya, Kuznetsova, 2019; Кузнецова, Карачева, 2019; 2018].

явления, как математический поток и диффузия, найдут свое применение при решении проблем, связанных с миграциями людей и товаров [Галерея экономистов, 2019].

Получив степень магистра по математике, ученый был убежден, что математика и экономика неотделимы друг от друга, поэтому он искал всяческие возможности для совершенствования своих экономических навыков. Для достижения своей цели Г. Хотеллинг переехал в штат Нью-Джерси, где поступил в Принстонский университет, поначалу разочаровавший его из-за того, что статистика и математическая экономика, которые так хотел изучать ученый, в нем не преподавались.

Тем не менее в 1924 г. Г. Хотеллинг стал доктором наук, защитив диссертацию по топологии под руководством О. Веблена, племянника знаменитого американского экономиста Т. Веблена. Хотя ученый был огорчен, что не смог получить глубоких знаний в математической экономике, он все равно ставил перед собой задачу как можно более активного участия в деятельности Американского математического общества (American Mathematical Society), образованного в XIX в. и объединившего под своим началом многих экономистов и математиков [National academy of sciences, 2005].

Однако Американское математическое общество было скорее форумом для математиков и экономистов по сравнению, например, с такими организациями, как Американская экономическая ассоциация (American Economic Association). Впервые статистик посетил организацию в апреле 1923 г. вместе со своим наставником О. Вебленом. Встреча состоялась в Колумбийском университете. Впоследствии Хотеллинг осуществлял визиты в университет в октябре и декабре, а вскоре стал посещать и другие встречи общества на региональном и национальном уровнях [American mathematical ... , 2020].

После получения докторской степени региональный экономист начал работать в качестве математического консультанта для персонала в одном из институтов Стэнфорда. До этого за математической помощью обращались непосредственно на математический факультет. Г. Хотеллинг был идеальным работником для этого поста, ведь он был не только человеком, разбирающимся в точных науках, в частности, конечно, в математике, но и заинтересованным в экономике. О. Веблен высоко отзывался о возможностях своего ученика.

Первой задачей для ученого в Научно-исследовательском институте питания (Food research institute) являлась оценка урожайности культур (прежде всего пшеницы) и потребности в продовольствии. Эта задача требовала статистической экспертизы, и по совету американского биохимика К. Олсберга Гарольд Хотеллинг начал исследовать труды английского статистика Р. Фишера. Исследование его работ оказало большое влияние

на ученого и на его деятельность в математической статистике [MacTutor History of Mathematics archive, 2010].

Региональный экономист работал в Стэнфорде около 7 лет, сначала в Институте питания, а затем на математическом факультете, где в феврале 1926 года получил постоянную должность. Хотеллинг преподавал топологию, статистику, геометрию, а также выступал математическим консультантом для работников экономического факультета Стэнфорда. Карьера ученого в Стэнфорде была весьма успешной, и другие университеты не упускали шанса заполучить такого работника. Особенно настойчивыми в этом плане были Мичиганский и Брауновский университеты [Stanford University, 2020].

В 1931 г. статистик все же принял предложение одного из университетов – Колумбийского. В 1932 г. после переезда и получения должности профессора математической экономики скончалась жена Г. Хотеллинга. Впрочем, эта невозможная утрата ознаменовала собой начало очень продуктивного этапа в жизни ученого. Он писал научные статьи, преподавал статистику и экономику, а также выступал консультантом. В 1943 г. Хотеллинг стал операционным директором группы статистических исследований.

В 1946 г. региональный экономист переехал в город Чапел-Хилл (штат Северная Каролина), чтобы работать в должности профессора математической статистики. Во время работы в Чапел-Хилле Г. Хотеллинг писал мало научных работ, несмотря на то что активно занимался математическими и экономическими исследованиями. Первоначальной целью ученого было привлечение в университет как можно большего количества одаренных студентов и преподавателей. Он вышел на пенсию в 1960 г., но продолжал преподавать еще несколько лет. Гарольд Хотеллинг умер 26 декабря 1973 г. от инсульта [University of North ... , 2020].

Теперь перейдем непосредственно к анализу трудов регионального экономиста и статистика и рассмотрим его основные научные работы. Мы не можем не подчеркнуть, что интересовался Хотеллинг в основном региональной экономикой и ее составной частью – теорией размещения. Была написана статья *Stability in Competition* («Стабильность конкуренции»), в которой пространство было рассмотрено не как барьер для перемещения товаров, но как поле для конкуренции. На ученого оказывали влияние взгляды Г. Джорджа, американского политэконома и основателя журнала по экономике и социологии. Так, Г. Хотеллинг полагал, что необходимо финансировать инвестиции в общественные блага, такие как дороги и поезда, ведь они постоянно «перегружаются» [Hotelling, 1929].

Тема «невыпуклости экономики» также находит свое отражение в работах ученого. В экономике невыпуклость связана с потребителями, имеющими определенные предпочтения. Иными словами, невыпуклость – это состояние рынка, при котором не существует равновесия между спро-

сом и предложением, отсюда возникают вопросы с ценообразованием. При олигополии и монополии невыпуклость является важнейшей проблемой. Так, в 1938 году была написана статья о рыночной власти производителей без конкурентов. Многие сходятся во мнении, что статья демонстрирует четкую склонность Хотеллинга к рыночному социализму [Hotelling, 1938].

В своей статье *The economics of exhaustible resources* («Экономическая теория исчерпаемых ресурсов») региональный экономист рассматривает несколько аспектов: проблемы минерального богатства, свободная конкуренция, государственное вмешательство, значение монополии и др. Г. Хотеллинг доносит свое послание как президент Эконометрического общества (*Econometric Society*) и призывает к стимулированию и развитию экономики. Автор говорит о том, что истощение запасов полезных ископаемых привело к необходимости их регламентации, а также созданию движения за сохранение природы. Обычно в этом случае экономисты предлагают запретить производство в определенном месте на определенное время, в так называемые «закрытые сезоны». Однако Хотеллинг предполагает, что налогообложение было бы более эффективным методом [Hotelling, 1931].

В работе *Edgeworth's taxation paradox and the nature of demand and supply functions* («Налоговый парадокс Эджворта и природа функций спроса и предложения») ученый исследует несколько экономических кейсов, один из них – ситуация, когда введенный налог приводит к тому, что покупатели платят за товар или услугу меньшее количество денежных средств, чем до введения налога. В качестве примера Гарольд Хотеллинг приводит так называемый «парадокс Ф. Эджворта», в котором британский экономист рассматривал похожую экономическую ситуацию, используя в качестве примера железнодорожные перевозки для двух классов пассажиров [Hotelling, 1932].

В исследовании *Demand functions with limited budgets* («Функции спроса с ограниченным бюджетом») ученый статистически рассматривает не только функции спроса индивидов, но и функции совокупного спроса, т. е. спроса на товары и услуги в определенный промежуток времени и при текущем уровне цен. Региональный экономист утверждает, например, что при изучении определенных товаров необходимо учитывать спрос, цену и количество товара. Полученные результаты применимы не только к покупкам физических лиц и товарам для фактического потребления, но и к департаментам корпораций или правительств, которые часто имеют свои бюджеты, фиксированные заранее [Hotelling, 1935].

Работа Г. Хотеллинга как экономиста осуществлялась с 1920-х по 1960-е гг., а публикация статей, число которых – 11, и вовсе с 1925 по 1943 г. Более того, ученый не издал ни одной книги по экономике, являясь

прежде всего статистиком и математиком. Тем не менее мы убеждены, что Гарольд Хотеллинг сыграл серьезную роль в развитии региональных экономических исследований. Он получил множество признаний и наград, среди которых, например, звание почетного члена Американского экономического сообщества в 1965 г.

Коллеги ученого в сфере региональной экономики также отмечают его немалый вклад в экономику. Так, Джон Говард Браун, доцент кафедры финансов и экономики Южного университета Джорджии, говорил, что такие статьи, как *Stability in competition* и *The economics of exhaustible resources*, принесли ему славу не только как статистику, но и как экономисту. Ведь он доказал, что дифференциация товаров, вызванная поиском выгоды, ведет к большому разнообразию. В то время как перевозка товаров, не требующая затрат, ведет к процессу, обратному дифференциации товаров. Таким образом, автор приходит к выводу о необходимости анализа не только разнообразия товара, но и местоположения [The Independent Institute, 2020].

Один из учеников Хотеллинга, американский экономист Кеннет Эрроу, считал, что Хотеллинг был человеком многих интересов и талантов. «В своей статье (1929) он утверждал, что когда предприятия расположены не на одной территории, стоимость для потребителя включает в себя не только цену, но и транспортные расходы. Его метод анализа состоял в том, чтобы найти точку равновесия: сначала предприятия выбирают место (чаще всего в центре региона), а затем определяют цену. Это было, конечно, задолго до того, как была определена теория игр. Также этот метод был применим к процессу конкурентной борьбы политических партий» [Эрроу Кеннет Джозеф, 2017].

Хотя многие полагали, что математическо-статистическое прошлое мешало Хотеллингу, Джон Каннинг, заведующий кафедрой экономики в Стэнфорде, говорил: «Статистические проблемы в поле экономики могут быть решены только настоящим математиком, который по совместительству является и экономистом. Мы знаем, что люди, владеющие этими смежными специализациями, встречаются крайне редко» [Accounting Information, 1974].

Американский экономист Эдвард Чемберлин содействовал получению Хотеллингом награды от Американского экономического сообщества. Ведь, несмотря на то что Хотеллинг не становился членом сообщества продолжительное время, у руководства были причины, чтобы исправить ситуацию. Чемберлин и сообщество отмечали: «Хотеллинг был интересен тем, что использовал математические методы в экономике (что в то время делали лишь немногие). Тем не менее Хотеллинг понимал, что использование математического подхода в экономике было чем-то инновационным и пугающим» [Encyclopedia Britannica, 2020].

Российские исследователи также подчеркивают значимость деятельности Хотеллинга в региональной науке. Кандидат экономических наук В. Ю. Кулькова указывает, что ученый разработал динамическую теорию регионального развития. Модель дуального развития Хотеллинга (1920) аргументирует принципы целесообразного поведения соперничающих компаний при локализации. Автор также пишет, что Хотеллинг проводил свои исследования на микроэкономическом уровне, используя в качестве подхода конкурентный [Кулькова, 2006].

Кандидат экономических наук С. С. Решиев считает, что школа региональных исследований Соединенных Штатов представленная в том числе Хотеллингом, внесла свою лепту в региональную экономику, в частности теорию размещения. Целью его работ являлось нахождение подходящего пространства для работы компании. Таксоны, использованные в работе, – город, регион, страна. Однако труды американских ученых не смогли создать аналогичный европейскому базис готовой научной доктрины [Решиев, 2010].

Вклад Хотеллинга в экономику был бы невозможен без использования математических инструментов анализа, ведь экономисты в то время применяли менее формальные способы. Его работы, посвященные различным темам (спрос и предложение, двойственность и интегрируемость, снижение стоимости и др.), в свое время сформировали базис для более современных исследований. Можно выделить несколько тем, которые находились в центре исследований Хотеллинга в разные периоды его научной деятельности: снижение стоимости (1925, 1931), конкурентоспособность (1929), спрос и предложение (1932, 1933, 1935), экономика благосостояния (1936, 1938, 1939, 1943).

Региональная наука за последние полвека лишь усилила свою междисциплинарность. Она по-прежнему объединяет в себе следующие дисциплины: социально-экономическую географию, экологию, политологию, теорию планирования, региональную экономику. В развитие последней дисциплины немалый вклад внес Г. Хотеллинг. Так, статья *The economics of exhaustible resources* рассматривается многими как одна из лучших работ для понимания экономики исчерпаемых ресурсов. Модель дуального развития Хотеллинга также являлась одной из первых теорий о взаимозависимости поведения производителя и размещения предприятия. Таким образом, на теоретическом уровне деятельность Хотеллинга способствовала появлению большого количества исследований на тему ресурсов, стоимости товаров и конкуренции в абстрактных регионах.

Литература

1. Галерея экономистов. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_new-life.pl?type=in&links=./in/hotelling/biogr/hotelling_b2.txt&img=bio.jpg&name=hotelling. (дата обращения: 17.02.2020).

2. Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75.
3. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.
4. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35021776>. (дата обращения: 17.02.2020).
5. Кулькова В. Ю. Направления развития региональных теорий в контексте исследования различий социально-экономического развития территории // Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 11. С. 61–72.
6. Региональная экономика. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/documents/2018/vvedenie_v_regionalnuyu_ekonomiku.pdf. (дата обращения: 07.03.2020).
7. Решиев С. С. Основные направления развития и подходы в теории региональной экономики в развитых западных странах // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 33. С. 58–68.
8. Эрроу Кеннет Джозеф. URL: <https://www.hse.ru/org/persons/25339955>. (дата обращения: 27.02.2020).
9. Accounting Information. URL: <https://www.accountingin.com/accounting-historians-journal/volume-1-numbers-1-4/john-bennett-canning/>. (дата обращения: 17.02.2020).
10. American mathematical society. URL: https://www.ams.org/home/2018_searchresults?q=hotelling#gsc.tab=0&gsc.q=hotelling&gsc.page=1. (дата обращения: 18.02.2020).
11. Ars administrandi. URL: http://ars-administrandi.com/article/Animitsa_Denisova_2015_1.pdf. (дата обращения: 27.02.2020).
12. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Edward-Hastings-Chamberlin>. (дата обращения: 07.03.2020).
13. Hotelling H. Demand functions with limited budgets // *Econometrica*. 1935. N 1. P. 66–78.
14. Hotelling H. Edgeworth's taxation paradox and the nature of demand and supply functions // *The journal of political economy*. 1932. N 5. P. 577–616.
15. Hotelling H. Stability in Competition // *The Economic Journal*. 1929. N 153. P. 41–57.
16. Hotelling H. The economics of exhaustible resources // *The journal of political economy*. 1931. N 2. P. 131–175.
17. Hotelling H. The General welfare in relation to problems of taxation and of railway and utility rates // *Econometrica*. 1938. N 3. P. 242–269.
18. Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern transdisciplinary regionology: the goal and the objectives // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences (Prepublication)*. 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803>. (дата обращения: 10.02.2020).
19. MacTutor History of Mathematics archive. URL: <http://mathshistory.st-andrews.ac.uk/Biographies/Hotelling.html>. (дата обращения: 19.02.2020).
20. National academy of sciences. URL: <http://www.nasonline.org/publications/biographical-memoirs/memoir-pdfs/hotelling-harold.pdf>. (дата обращения: 20.02.2020).
21. Social Networks and Archival Context. URL: <https://snaccooperative.org/ark:/99166/w6vd86dm>. (дата обращения: 21.02.2020).
22. Stanford University. URL: https://www.stanford.edu/search/?q=hotelling&search_type=web&submit=. (дата обращения: 01.03.2020).
23. The Independent Institute. URL: https://www.independent.org/aboutus/person_detail.asp?id=2725. (дата обращения: 21.02.2020).
24. University of North Carolina. URL: <https://www.unc.edu/search/?term=hotelling>. (дата обращения: 22.02.2020).

ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ НИСИДЫ КИТАРО О ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯПОНИИ¹

Аннотация. Рассматриваются идеи японского философа Нисиды Китаро о пространстве в трактовке регионоведов Адачи Акиры и Татимото Нарифуми. Описывается подход к изучению региона с точки зрения концепции «логики места» Нисиды.

Ключевые слова: региональные исследования, Япония, Нисида Китаро, Татимото Нарифуми, Адачи Акира.

E. Kremnyov, V. Ananyev

Irkutsk State University, Irkutsk

UNDERSTANDING NISHIDA KITARO'S CONCEPTS CONCERNING THE SPACE IN THE CONTEXT OF MODERN REGIONAL STUDIES IN JAPAN

Abstract. The publication aims at considering the ideas of a Japanese philosopher Nishida Kitaro concerning the space as understood by the regional studies researchers Adachi Akira and Tachimoto Narifumi. An approach to studying regions from the point of Nishida's concept of "the logic of the place" is described.

Keywords: regional studies, Japan, Nishida Kitaro, Tachimoto Narifumi, Adachi Akira.

Основой методологии региональных исследований – трансдисциплинарных по своей сути [Кремнёв, Лесниковская, 2019] – во всех странах остаются методы наук, объектом изучения которых могут становиться регионы, а потому японские ученые активно применяют методологию географии, истории, этнологии, экономики, политологии, социологии, культурологии и т. д. [山本博之, 2012]. Несмотря на то что сами японские регионоведы нередко указывают источником региональных исследований западные науки – regional studies, regional science [Кузнецова, Карачева, 2018] и др., в Японии продолжают попытки индигенизации теории и методологии региональных исследований². Внедрение такого рода идей имеет разную степень интенсивности: от постановки проблемы и поисков собственных методов без выхода за рамки позитивистской науки до попыток теоретико-методологического переворота на основе традиционных философско-мировоззренческих концепций.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

² Научные исследования такого рода регулярно появляются и в других странах, например в Китае. Примером могут служить докторские диссертации подобной проблематики, в частности «Историческое развитие подходов к изучению индигенизации социологии и пересмотр теории» [李宗克, 2013].

Специфику японских подходов применения сугубо японских концепций к изучению регионов, связанную с картиной мира и традиционным мировоззрением японцев, демонстрирует в своих работах Адати Акира (1952–2012), доктор сельскохозяйственных наук, доцент факультета филологии Университета Хоккайдо, затем – профессор отделения исследований Азии и Африки Киотоского университета, получивший известность за работы в сфере культурной антропологии, в частности, как разработчик «теории сети акторов» – от проблем южноазиатских агрокультур он перешел к изучению проблем общества и культуры в целом. В своем обзоре книги «Проблемы и методы региональных исследований. Опыт социокультурно-экологической динамики» он обращается к осмыслению региональных исследований в трактовке Татимото Нарифуми (立本成文, род. в 1940 г.), специалиста по Юго-Восточной Азии (в частности, Малайзии), во время написания указанной книги – сотрудника Центра исследований ЮВА Киотоского университета, в 1998–2002 гг. директора Центра, позже – профессора факультета международных отношений и отделения международных наук о человеке магистратуры университета Тюбу, с 2007 г. директора НИИ глобальной экологии, в 2014–2018 гг. директора Национального института гуманитарных наук. Адати Акира указывает, что региональные исследования (地域研究) в понимании г-на Татимото – это отрасль, объектом которой выступает регион, а целью – описание уникальной логики региона как единого целого и представление о нем как об уникальной мировой единице (固有な世界単位). Другими словами, «регион» в этой трактовке понимается как единое целое, состоящее из неразрывно связанных систем – биологической, ресурсной, производственной, исторической, а указанное единство – как синергия экологической, социальной, культурной и других систем (а также как социокультурно-экологическая динамика). Этот подход не рассматривает регион как нечто отдельное, независимое, но исходит из предпосылки, что он взаимосвязан со всем миром. Базой для выбора векторов регионального развития должны быть специфические свойства региона, а одновременное существование бесчисленного множества непохожих друг на друга территорий будет проистекать из связей между регионами и взаимного признания ими уникальности друг друга [足立明, 1998].

Как полагает Адати Акира, «теория существования» и «теория признания/опознания», приводимые в работе Татимото Нарифуми, базируются на взглядах Нисиды Китаро (西田幾多郎, 1870–1945), известного своими попытками синтеза японской философской традиции и западной мысли [Скворцова, 2018] и в числе других проблем онтологии изучавшего подходы к осмыслению пространства [Карелова, 2018]. Адати Акира, указывая на связь идей Татимото со взглядами Нисиды, отмечает в первую очередь так называемую логику места, или «логику басё» (場所論, 場所の

論理), а также дзэнские воззрения философа¹. Это проявляется в использовании Татимото таких идей, как «единство в себе абсолютных противоположностей» (絶対矛盾の自己同一), «вразброс, но вместе» (バラバラでいっしょ), «наслоение лицевой стороны и изнанки» (柄と地の重なり合い) и т. д. Адати Акира пишет, что хотя в списке цитируемых г-ном Татимото работ имя самого Нисиды не встречается, в нем есть имена учеников Нисиды и авторов, которые критически восприняли его идеи [足立明, 1998].

В частности, обращаясь к ранее упомянутому понятию «мировая единица», можно увидеть, что в ней отражается онтология человека и региона (人と地域の存在論), основанная на философских представлениях Нисиды: «Мировой единицей является место (басё 場所), в котором находятся вместе все сущности, включая человека. Само место (басё) увидеть невозможно ... существование в двойном мире видимого места (тогоро) и невидимого с этого тогоро места (басё)» [立本成文, 1996].

Кроме того, в русле данной онтологии в книге Татимото описываются методы, позволяющие охватить регион (или мировую единицу). Способом описания региона как единого целого, позволяющим «ощутить» невидимое место (басё) с места нахождения (тогоро) и увидеть все то, что следует видеть в мировой единице, Татимото называет полевые исследования (臨地研究法). При этом подчеркивается, что регионовед во время полевых исследований занимает не столько современную «научную» точку зрения, подробно анализируя и детализируя объекты на основе их субъективного разделения, сколько такую точку зрения и такую позицию, при которой он, различая объекты и фокусируясь на чем-то одном, не упускает из виду все остальное. Для целостного понимания динамики места в регионе необходимо уловить «энергию», «дух» (気) места через отношения людей между собой и отношения человека с местом, а также стремиться к пониманию динамики (общих тенденций во взаимодействии

¹ В философии Нисиды излагается концепция «места» (басё) как модель процесса изучения объекта и как пространственная схема деятельности сознания. «Логика места» Нисиды включает в себе идею, что ядром познания является не субъект, познающий место, а предикат, определяемый как «превосходящее место универсальности» и который «в логике Нисида определяет и пространственно превосходит субъект как свою собственную партикуляризацию» [Карелова, 2018, с. 76-77]. Кроме того, с точки зрения региональных исследований философия Нисиды полна и других концепций осмысления пространства. Примером может послужить пространственное представление истории: «Свое оригинальное видение истории Нисида представил, в частности, в форме концепции “исторического тела”... подход к истории не как к чисто временному, но и пространственному явлению, позволил Нисида обосновать теорию уникальных и в то же время не изолированных друг от друга культурно-исторических тел, которую часто неадекватно воспринимали как апологию национальной исключительности... Нисида Китаро вводит понятие исторического пространства наряду с физическим пространством и пространством психической деятельности» [Карелова, 2018, с. 78].

движений и сил), создаваемой не только экологической структурой, но и явлениями, к которым имеет отношение человек, – теми вещами, которые он производит и изменяет [足立明, 1998].

Такое представление о полевых исследованиях (хотя в книге Татимото об этом прямо не говорится) основывается на идеях, характерных для философии Нисиды, таких как «логика басё», «чистый опыт» (純粹經驗), «активная интуиция / интуиция действия» (行為の直感). Например, в философии Нисиды «опыт» (經驗) понимается следующим образом: конкретный «опыт», выражающийся в форме «я повествую» (私が語る), на самом деле является проявлением формы «мир повествует» (世界が語る). Другими словами, во время любования горами, покрытыми красной осенней листвой, эти горы не являются объектом, а человек не является субъектом, поскольку на самом деле он «повествует, став горами». Таким образом, постулируется необходимость радикальной трансформации мышления от «логики субъекта» (主語的論理), в частности логики познающего, к «логике предиката» (述語的論理), в контексте региональных исследований – логике региона, и дальнейшего преобразования – от «мышления [по модели] “субъект/предикат”» (主語|述語の思考) к «самоограничению места (басё)» (場所の自己限定), т. е. к отказу от дуализма субъекта и предиката, исследователя и региона, что есть выход на уровень формирования истории реальности (現実の歴史形成) [足立明, 1998]. Этот уровень укладывается в концепции Нисиды о культурно-историческом теле и историческом пространстве.

Такова точка соприкосновения японской философии и региональных исследований на уровне теории и методологии последних. Несмотря на то что подобные подходы не укладываются в классические западные представления о принципах научного исследования, поиски собственно японских подходов к изучению регионов представляются японским регионоведом важной задачей. Кроме того, эти процессы являются частью общей тенденции индигенизации науки, фиксируемой в странах Восточной Азии и Южно-Азиатского региона.

Литература

Карелова Л. Б. Пространство и время в философии Нисида Китаро // Японские исследования. 2018. № 1. С. 71–79.

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3 (50). С. 65–75.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзard и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

Скворцова Е. Л. Японская культура в воззрениях Нисиды Китаро // *Философские науки*. 2018. № 8. С 46–66.

山本博之. [総特集にあたって] 新しい地域研究をめざして // *地域研究方法論*. 2012 年 12 巻 2 号. P. 6–15.

足立明. 立本成文著 『地域研究の問題と方法——社会文化生態力学の試み』 // *ソシオロジ*. 1998. 43 (2). P. 91–101.

立本成文. *地域研究の問題と方法 — 社会文化生態力学の試み*. 京都: 京都大学学術出版会, 1996. 364 ページ.

李宗克. *社会学本土化论题的历史演进与理论反思: 博士学位论文*. 专业名称: 社会学. 上海: 华东理工大学, 2013. 132 页.

УДК 001

О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

МЕСТО РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ В СИСТЕМЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.)¹

Аннотация. Анализируются ключевые работы американских специалистов-регионоведов, посвященные изучению места региональной науки в системе научного знания. Основное внимание уделено подходам классиков американской школы региональных исследований второй половины XX в. – У. Айзарда, У. Алонсо и Э. Иссермана. Автор описывает проблемные точки региональной науки, а также ее вклад в экономические, географические и социологические исследования в США.

Ключевые слова: региональная наука, региональный анализ, региональная экономика, регион, У. Айзард, междисциплинарность, пространственное измерение.

O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF REGIONAL SCIENCE IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE (BASED ON THE AMERICAN SCIENTISTS' PAPERS OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY)

Abstract. The article analyses American regional scientists' key works that study the role of regional science in the system of scientific knowledge. The special emphasis is given to W. Isard, W. Alonso, and A. Isserman papers as they are considered the classical authors of American regional school in the second half of the XX century. The author describes the problems of regional science and its contribution to American economic, geographical, and sociological research.

Keywords: regional science, regional analysis, regional economics, region, W. Isard, interdisciplinarity, space dimension.

¹ *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».*

В рамках исторического времени и в сравнении с фундаментальными науками региональную науку (regional science) можно считать молодой областью. Тем не менее региональные исследования в настоящее время выступают в качестве одного из перспективных направлений научно-практической деятельности в связи с тем, что комплексность и системность знаний в рамках данного направления позволяет анализировать региональные проблемы с разных сторон и получать более достоверную информацию, апробированную с учетом использования методов различных наук [Кремнёв, Макеева, 2017, с. 19].

Считается, что региональная наука зародилась в США, а история ее формирования тесно связана с именем выдающегося американского экономиста и специалиста в области региональных исследований *Уолтера Айзарда* (1919–2010), которого по праву называют основателем данного научного направления¹. Однако ошибочным было бы полагать, что в процессе становления региональной науки в США ученые не сталкивались с трудностями и определенным противостоянием со стороны представителей других наук. Целью данной статьи является анализ некоторых основополагающих работ американских специалистов второй половины XX в. по проблемам и перспективам развития региональной науки.

Примечательно, что с момента своего возникновения региональная наука являлась научным направлением, тесно связанным с другими. На первом собрании Ассоциации региональной науки цель новой организации была определена следующим образом: стимулировать обмен идеями и продвигать исследования, в фокусе внимания которых находится регион и которые используют инструменты, методы и теоретическую базу региональной науки совместно с концепциями, процедурами и аналитическими приемами различных социальных и других наук. Многие ученые утверждают, что региональная наука позаимствовала многое из других дисциплин и поддерживает тесные контакты со смежными областями научного знания, среди которых в первую очередь можно выделить экономику, географию, социологию, демографию и городское планирование.

Прежде всего поясним, что понимает под региональной наукой У. Айзард. В одной из первых работ «Введение в региональную науку» (Introduction to Regional Science) Айзард приводит 13 определений региональной науки, однако, по мнению ученого, «такое разнообразие определений указывает на то, что ни одно из них не может считаться лучшим или наиболее полным. После изучения основополагающих научных трудов каждый исследователь должен синтезировать свое собственное определение» [Isard, 1975]. Тем не менее при анализе всех определений пред-

¹ Подробнее о деятельности У. Айзарда можно прочесть в статьях [Кремнёв, Лесниковская, 2019; Kremnyov, Lesnikovskaya, 2019; Кузнецова, Карачева, 2019; 2018].

ставляется возможным вывести общие черты – все они делают акцент на междисциплинарности новой науки.

Региональная наука объединяет экономистов, географов, планировщиков, архитекторов, инженеров, экологов, социологов, политологов, психологов, юристов и т. д., представителей всех отраслей знания, считающих необходимым изучение регионального контекста при решении профессиональных задач.

Как пишет Айзард, «в двух словах, региональная наука как академическая дисциплина занимается тщательным и терпеливым изучением социальных проблем в региональном или пространственном измерении, применяя при этом различные комбинации аналитических и эмпирических методов». Другими словами, региональная наука занимается изучением проблем в пространственном измерении [Hansen, 1976].

В более поздней работе Айзарда «История региональной науки и Международной ассоциации региональной науки» находим следующие размышления. Ученый подчеркивает, что все еще рассматривает региональную науку как область социальной науки, которая сосредотачивает внимание на «пространствах и системах пространств, регионах и системах регионов, размещении и системах размещений». Ключевыми концептами науки являются измерения – физические, экономические, политические, социальные и культурные. Основные объекты включают транспортировку и коммуникации, перемещение населения и товаров, использование земли, воды и других ресурсов, а также охрану окружающей среды в целом. В перечень явлений, которым стоит уделять пристальное внимание при изучении региона, автор включает численность населения и особенности его распределения, доход и его распределение по классам, занятость населения (в целом и по видам деятельности), различные городские и сельские модели, административные единицы и иерархические структуры. Сущность региональной науки составляют изменения – рост и упадок – и проекция. Большая роль отводится комплексному анализу взаимозависимостей и взаимосвязей, а также управлению конфликтами [Isard, 2003].

Айзард постоянно заостряет внимание на том, что региональная наука имеет важные междисциплинарные аспекты. Будучи сравнительно новой областью научного исследования, она базируется на концептах, методах и приемах существующих социальных наук. Тем не менее представляется чрезвычайно важным, что, по мнению исследователя, региональная наука превратилась в нечто большее, чем просто междисциплинарное занятие. Она приобрела свое ядро и целостность, которые выходят за рамки простого добавления региональных элементов существующих социальных наук, и, следовательно, региональная наука изобретает свои методы и техники.

Ученый приводит несколько аргументов в поддержку данного тезиса. Во-первых, региональную науку можно рассматривать как способ обращения с общественными единицами, которые имеют пространственные измерения. Примечательно то, что структуру и функции данных единиц уже имеющиеся в арсенале ученых дисциплины описать полностью не в состоянии.

Во-вторых, по мнению Айзарда, невозможно согласиться с достаточно узкой трактовкой региональной науки У. Алонсо, по мнению которого, данную область можно рассматривать как совокупность черт, цель и подход которых содержат по крайней мере один ряд параметров, которыми не обладают другие дисциплины.

Айзард подчеркивает, что региональная наука прежде всего относится к социальным наукам, так как она занимается изучением человека и пространственных форм, которые принимает его постоянное взаимодействие с окружающей средой и адаптация к ней. В фокусе внимания региональной науки находятся поведение человека и социальные институты. Айзард поясняет, в чем отличие региональной науки от географии: она гораздо больше сосредоточена на передовом научном анализе социальных процессов, уделяя значительно меньше внимания пространственным деталям и связанным с ними физическим и биологическим элементам.

С другой стороны, региональную науку можно рассматривать как область исследования, которая, по словам социолога и демографа *Винсента Уитни*, ставит своей целью развитие межрегиональных структур, выражающих «все виды правильных связей друг с другом, функционируя тем самым как целостная и самодостаточная закрытая система» [Whitney, 1957, p. 27].

Как объясняет Айзард, социологи утверждают, что существуют территории (area) разного размера, отличающиеся от других не только по физическим характеристикам, но также и совокупной общественной организацией.

Термин «регион» (region) ни в коем случае не является синонимом термина «территория» (area). Региональная единица не может стать меньше определенного размера, заданного самой маленькой территорией, которая не в состоянии поддерживать отличительную социальную организацию. В то же время она не может превысить максимальный размер территории, в пределах которой может поддерживаться отдельная социальная организация. Каждый регион будет демонстрировать отличительные функции, в то время как набор этих функций напрямую зависит от характеристик социальной и культурной организации региона и косвенно отражает ограничивающие факторы и положительные возможности физической базы. В модернизированном обществе отношения между регионами, безусловно, носят характер взаимозависимости, а следовательно, в сферу интересов социологов входит изучение процессов коммуникации, коммуникационных механизмов, мобильности и миграции.

Тем не менее, как считает Уитни, социологи не попытались сформировать общую структуру, которая бы включала все межрегиональные связи и могла бы измерить с достаточной степенью точности объем межрегиональных обменов всех типов. Кроме того, по мнению специалиста, ученые в этой области не обладают достаточной квалификацией для того, чтобы справиться с подобной всеобъемлющей задачей. Социология как дисциплина должна быть ограничена своим собственным специализированным подходом. В таком случае эта наука, как и любая другая социальная наука, может внести ощутимый вклад в развитие межрегиональной модели, которая демонстрирует все виды связей в правильных взаимоотношениях регионов друг с другом, т. е. является целостной и самодостаточной закрытой системой. Развить подобную модель в одиночку социология не в состоянии. Вполне обоснованно, что это как раз и является целью региональной науки. Как пишет Уитни, стоит осознавать, что задача никогда не будет выполнена полностью [Whitney, 1957, p. 26–27].

По Айзарду, каждая наука обладает «уникальным ключевым направлением специализации», которому недостает некоторых важных деталей, именно эти детали может предоставить региональная наука. Так, у экономики недостаточно возможностей для проведения глубокого анализа процессов, связанных с влиянием пространства и физического окружения на поведение человека и модели использования земли, в то же время чисто пространственное теоретизирование, будь то статическое или динамическое, обычно исключено из исследований по географии. В социологии, как и в экономике, физическая среда и пространственный элемент находятся на периферии, а при анализе ключевых вопросов и проблем политической науки регион лишь изредка рассматривается как живой организм. Антропология не глубоко рассматривает взаимозависимые экономические, социальные и политические структуры региона [Isserman, 1995].

Айзард считает, что новая наука отличается от других тем, что в первую очередь применяет подходы, использующиеся в экономике, к исследованию географических проблем. Такой подход ученого вполне логичен, если принять во внимание, что к моменту появления региональной науки Айзард уже являлся выдающимся экономистом, прошедшим обучение в Гарварде.

Ученый задается вопросом: что же представляет собой *область* региональной науки, если выбирать из основных тем исследований в социальных науках? В отличие от экономики, антропологии и политологии региональная наука, во многом как география, рассматривает в качестве основного направления исследований позиционный и пространственный анализ, в ходе которого изучаются изменения в конфигурации поверхности и наделенность земли ресурсами. В отличие от географии, антропологии и политологии региональная наука, во многом как экономика и в

меньшей степени как социология, видит основную область применения в методологии, которая включает в себя: 1) построение теоретических моделей различной степени абстракции, базирующихся на интуитивных гипотезах или гипотезах, выдвинутых на основе ранее накопленного и обработанного эмпирического материала, и 2) тестирование этих моделей на предмет статистической достоверности материалов, уточнение и переформулирование моделей в свете полученных результатов и непрерывный ряд проведения новых тестов и переструктурирования моделей [Там же].

Тем не менее Айзард надеялся, что региональная наука разовьется в нечто большее, чем применение экономических знаний при рассмотрении географических вопросов. Он отмечает, что добавление объектов исследования региональной экономики, региональной социологии и региональной географии не будет способствовать пониманию сути региона. Приверженность же стандартным областям исследования, принятым в социальных науках, может исключить возможность идентификации самых базовых матриц взаимодействия в этом живом, динамичном организме. Следовательно, необходимы новые методы – регион имеет свою «суть», которую можно обнаружить только с использованием специально созданных для регионального анализа инструментов, гипотез, моделей и технологий обработки данных. Естественно, в некоторой степени они могут включать переформулировку и синтез существующих концепций и материалов других социальных наук, однако с развитием регионального анализа их количество должно уменьшаться.

Так, гравитационная модель, описанная в первом выпуске *Журнала региональной науки* астрофизиком Джоном Стюартом (1894–1972) и экономистом-географом Уильямом Уорнцом (1922–1988) в 1958 г., стала рассматриваться в качестве первого примера исследования, которое нельзя отнести к какой-либо из существующих наук, но которое все же еще не является междисциплинарным и может быть названо региональной наукой [Stewart, 1958].

Айзард неоднократно говорит о «сущности» региона и трактует регион как «живой организм». Естественно, возникает вопрос о том, что такое регион в понимании региональной науки. *Регион* у Айзарда выступает в качестве первичного инструмента науки. Он исчезает, когда «мы погружаемся в чистое пространственное теоретизирование, и появляется вновь как концепт, который необходимо принять для подтверждения наших доктрин». Айзард предполагает, что существуют иерархии теорий и регионов, «каждая из них становится более обобщенной по мере обобщения проблемы, это происходит до тех пор, пока специализированные теории в каждом ряду иерархии не синтезируются в одну общую системную теорию». Таким образом, научная проблема определяет выбор наиболее подходящего иерархического набора регионов. Например, реги-

он, будучи живым организмом, обязательно меняется с течением времени, но если цель исследования заключается в проведении сравнительного статического анализа, достаточно будет разграничить значимые регионы только для ряда ключевых лет [Isserman, 1995].

Следовательно, если придерживаться этого подхода к сути региона, регион определяется исследовательской проблемой. Регион не является объектом исследования, им служит выдвинутая теория. Айзард признает значение физической среды и накопления прошлых воздействий на культуры и институты на протяжении всей истории, однако он утверждает, что только фанатик может говорить, что «изучение всей совокупности этих прямых и непрямых скрытых смыслов является сферой регионального анализа или региональной науки». Ученый считает, что региональная наука отличается от других наук тем, что в ней большая роль отводится абстрактному пространственному теоретизированию и рассматриваются проблемы, для решения которых важным является пространственный или региональный фокус [Там же].

Эндрю Иссерман (1947–2010), один из выдающихся американских представителей региональной науки, специалист в области городского и регионального планирования, считает, что в начале своего пути в региональной науке Айзард использует лишь абстрактные термины при обсуждении пространственных или региональных проблем. Он не делает отсылки к социальным проблемам реального мира или к основным направлениям деятельности, таким как транспортировка, экономическое развитие или рациональное использование ресурсов.

И все же регион для Айзарда является живым организмом. По мнению Иссермана, подход Айзарда к роли региона в научной лаборатории вызывает аналогию с лабораторными кроликами. Ученый может расчленив кролика для проведения опытов, разные части тела будут использованы для разных опытов в зависимости от того, что представляет наибольший интерес – глаз, пищеварительный тракт или селезенка. Другими словами, научная проблема определяет роль кролика. Если цель исследования – анализ только нескольких клеток селезенки, лишь небольшая часть сущности кролика обнаруживается при анализе. Клетки могут быть живыми, но живой организм целиком и его сущность не находятся в фокусе изучения. Подобным образом лишь части региона изучаются региональной наукой. Наступит тот день, когда полученные теоретические знания станут достаточно обобщенными или холистическими для того, чтобы целый кролик стал объектом исследования, но до этого момента кролик – это только кусочки для анализа [Isserman, 1995].

Приведем слова самого Айзарда в подтверждение: «Я хочу рассматривать регион как органичное целое, сложно взаимодействующее с другими региональными организмами и воплощающее запутанную сеть вза-

имосвязей. В то же время необходимо признать, что наши региональные теории и аналитическая структура не в состоянии описать или даже сделать набросок этого лабиринта взаимоотношений. Для всех форм региональных теорий и анализа есть одна характерная черта – использование части целого в качестве концептуальных или действующих единиц и недостаточное обобщение. Даже те, кто склонен рассматривать региональное хозяйство, региональную культуру или региональную среду как самые мелкие общие знаменатели для анализа, и те, кто отказывается разьединять регион на более мелкие части, анализируют только часть многогранного регионального комплекса» [Цит. по: Isserman, 1995, p. 255].

Айзард пишет о «разрезании региона слоями» на большие сектора, такие как народное хозяйство или социальная организация; или на маленькие сектора, например частную фирму или семью. Важно осознавать, что любой способ «нарезания», каким бы ни был размер секторов, предполагает наличие отдельной теории или концепции структуры. В свою очередь, каждая содержательная теория или концептуальная база относится к одному или нескольким наборам секторов. Ученый показывает, как модели «затраты – выпуск», анализ промышленного комплекса, линейное программирование, модели гравитации и эконометрические модели разными способами отображают релевантную региональную структуру. Подобным же образом существуют различные способы представить структуры общества, культуры региона, его политико-административного устройства или физической инфраструктуры [Isserman, 1995].

Теперь обратимся к работам других американских специалистов в области региональных исследований. Прежде всего рассмотрим, какова, по их мнению, роль региона в региональной науке. Много критических замечаний и рассуждений о кризисе региональной науки в конце XX в. можно обнаружить в работах Э. Иссермана. По мнению ученого, «региональная наука все еще не нашла свои регионы». Как поясняет автор, во многих случаях у региона нет даже своего местоположения. Это просто объект, из которого извлекают куски. Его никто не видел [Там же].

Отметим, что в начале своего научного пути специалисты в области региональной науки надеялись установить более тесные связи между регионом и наукой. Так, на второй встрече Ассоциации региональной науки экономист *Моррис Гарнси* (1906–1992) говорит о том, что географ обладает такими преимуществами в своей работе, как возможность начинать исследование с самого региона, а следовательно, вполне вероятно, что появятся методы и приемы, которые будут представлять значительную ценность для регионального анализа. Кстати, по мнению этого автора, региональная наука – это отрасль научной дисциплины, которая занимается анализом пространственных групп (areal groupings) физических, биологических или общественных явлений на поверхности земли [Garnsey, 1956].

На третьей встрече экономист *Джозеф Фишер* перечисляет несколько преимуществ исследований, центром которых является регион. Краеугольный камень региональной науки легко может быть понятен большинству людей, вещи, о которых эта наука говорит, знакомы людям по их непосредственному опыту. Это означает, что большое количество эзотерических и, казалось бы, далеких от понимания результатов исследований могут быть не только понятны неспециалистам, но и привлекать их интерес, если в них содержатся региональные элементы [Fisher, 1957].

В понимании профессора экономики *Эдгара Гувера* специалисты в области региональной науки – это люди, которые склонны оценивать достоинства различных регионов по таким критериям, как места для жизни, места для работы и др., и использовать знания о других регионах, чтобы стараться улучшить условия в своем [Hoover, 1963].

В представлении Иссермана, в середине 90-х гг. XX в. уже мало упоминается идея Айзарда об абстрактной иерархии теорий и иерархии регионов. Многие ученые, например специалист в городской и региональной экономике и географии *Роджер Болтон* и экономист *Энн Маркусен*, призывают ввести регион в региональную науку. Болтон критикует региональную науку за слишком большую абстрактность и утверждает, что региональная наука слишком часто занимается такими абстрактными моделями мест, что невозможно прочувствовать настоящее место – какое-то сообщество, используя инструмент региональной науки. Места (places) в региональной науке – это практически все, что угодно, кроме реальных мест, реальных сообществ в их естественном, историческом и культурном окружении. Если у ученых нет понимания мест, у них нет понимания пространственных отношений – сетей, потоков, уравновешивающих сил, которые соединяют места [Bolton, 1992; Markusen, 1987].

Отметим, что подобные рассуждения встречались и раньше. Так, профессор географии *Престон Джеймс* еще в 1958 г. на заседании Ассоциации региональной науки говорил о том, что географы выполняют свою привычную функцию «лишения людей иллюзий» – они настаивают на том, что регионы – это реальные места, где реально существующие люди живут и работают, а транспортировка осуществляется по настоящим дорогам, а не по прямым линиям на диаграмме или стрелкам-указателям в алгебраических формулах. Ученый признает, что применение статистического метода в экономической географии предоставляет громадные возможности. Однако Джеймс считает, что географы слишком долго «копаются» в этой области, возможно, используя неправильные инструменты. Специалисты-регионоведы не должны пренебрежительно относиться к концепциям касательно регионов методов регионального анализа, сформулированным географами [James, 1958].

Как видим, одним из серьезных оснований для критики региональной науки, по мнению Иссермана, является то, что изучение региона не стало основным компонентом региональной науки. Исключение представляет только область региональной экономики. «Вместо того, чтобы выбрать предмет науки в качестве предмета исследования, региональная наука отвернулась от реальных регионов» [Isserman, 1995, p. 273].

Итак, с одной стороны, такие крепкие связи региональной науки с другими областями исследований являлись и являются постоянным стимулом к развитию, но с другой стороны, ставят под сомнение необходимость существования отдельной научной дисциплины. Так, Эндрю Иссерман заявлял, что «региональная наука никогда не была наукой или дисциплиной» [Isserman, 1995, p. 249]. Тем не менее отметим, что подобное утверждение не помешало автору опубликовать большое количество работ, посвященных проблемам региональной науки.

Рассмотрим подробнее аргументы, которые приводит ученый. Он пишет, что большая часть того, что можно посчитать наукой в региональной науке, представляет собой тестирование методов измерения: например, измеряет ли коэффициент местоположения экспорт, точно ли модель «затраты – выпуск» описывает отраслевые изменения, генерируют ли методы, не связанные с проведением опросов, точные региональные коэффициенты покупок. Подобная проверка методологических гипотез обычно неубедительна, статьи такого рода в избытке встречаются в журналах по вопросам региональной науки.

По словам Иссермана, в настоящее время проверка гипотез касательно местоположения промышленного производства, миграции или регионального роста с помощью регрессионных тестов является вполне частым явлением. Однако утверждение, что подобные действия можно назвать наукой, весьма спорно [Isserman, 1995].

Еще один выдающийся американский экономист, ученик Айзарда, занимающийся проблемами региональной науки, Уильям Алонсо (1933–1999) под *предметом* региональной науки понимает «пространство как единство территории и расстояния», *цель* региональной науки – исследование или поиск законов широкого применения, *основной метод* – системный анализ или «определение структурных единиц системы и отношений, которые объединяют эти единицы в систему» [Rodwin, 1958].

Однако американский специалист по городскому планированию Ллойд Родвин (1919–1999) замечает, что практически ни один доклад из первых трех томов материалов Ассоциации региональной науки не соответствует требованиям системного подхода, выдвинутым Алонсо. Наоборот, большинство работ написано в русле только той области науки, в которой специализируется автор. Кроме того, по мнению Родвина, системный подход, предложенный Алонсо и Стивенсом, в действительности

лишь отражает методологическую тенденцию или моду, существующую во многих науках. Без сомнения, данный подход не является уникальной инновацией региональной науки. *Предмет* региональной науки носит достаточно комплексный характер – включает в себя исследования по региональной экономике, региональной социологии, региональной истории, региональной политической науке, региональной географии и др. Следовательно, можно прийти к выводу, что, если региональная наука не является, как предполагает экономист *Бенджамин Стивенс*, «претендентом на скипетр и мантию среди социальных наук», ее легко ошибочно принять за «воинственного, хотя пока еще слабого, агрессора с империалистическим потенциалом» [Stevens, 1958, p. 15].

Родвин также комментирует тяготение региональной науки к обладанию статусом *науки*. Стараясь избежать излишней категоричности, он тем не менее высказывает предположение, что подобное стремление может быть объяснено простым желанием получить почетный титул «Наука». По его мнению, такой подход к названию несколько сомнителен, так как некоторые менее научные области исследования, например политология (political science) и домоводство (domestic science), содержат слово «наука» в названии, что не ставит их автоматически в ряд фундаментальных наук [Rodwin, 1958].

Перед Стивенсом стояла трудная задача описания *границ и отличительных черт* региональной науки. Взяв в качестве предмета исследования местоположение и транспортирование, он смог показать некоторые отличия подходов географов и экологов. Гораздо большую сложность представляла задача продемонстрировать отличия подхода, используемого в региональной науке, от подходов региональной экономики, ведь именно из этой науки были заимствованы модели «затраты – выпуск», линейного программирования и теория сбалансированности [Stevens, 1958].

Родвин признает, что экономисты достигли успеха в определении минимальной стоимости транспортировки товаров и оптимального местоположения производства. Однако, по его мнению, разработка этих двух проблем никогда не заканчивалась появлением единой эффективной модели. Представляется возможным согласиться, что именно в этом заключается значительный вклад региональной науки. Тем не менее этот аргумент является достаточно спорным. Не стоит забывать, что и Айзард и Стивенс были прежде всего квалифицированными региональными экономистами, следовательно, гораздо более обоснованно считать это научное достижение результатом развития существующих аналитических методов и подходов в экономике.

Таким образом, Родвин приходит к выводу, что зачастую кажется весьма затруднительным сформулировать четкие отличия специалиста в области региональной науки от регионального экономиста. При таких

обстоятельствах скептически настроенные ученые могут высказывать сомнения по поводу того, действительно ли региональная наука имеет свои особенности, отличающие ее от традиционных отраслей социальной науки в целом. Автор выдвигает предположение, что региональной наукой следует считать *междисциплинарную* социальную науку, в фокусе которой находится регион. В таком случае подобный подход можно сравнить с тем, как формулируются отличия, например, биофизики. Именно при таком подходе есть возможность четко обозначить уникальный *вклад* региональной науки – используя ключевые концепции социальных наук и системные методы, изучать региональные проблемы. Результатом проведения подобного рода исследований может стать интеграция мало взаимодействующих друг с другом социальных наук или даже появление новой сводной специализации [Rodwin, 1958].

Э. Иссерман также пытается ответить на вопрос о том, чем занимаются специалисты по региональной науке. В статье 1995 г. он отмечает, что в мире есть всего около дюжины высших учебных заведений, где предлагаются программы на получение степени по региональной науке. Соответственно, можно согласиться с основателем и первым директором Регионального исследовательского института при Университете Западной Виргинии Уильямом Мирником, что большинство регионоведов имеет «двойную идентичность». Они получают теоретическую подготовку и строят академическую карьеру не по региональной науке, а на факультетах экономики, географии, городского планирования и смежных отраслей [Miernyk, 1976].

Следовательно, из-за так называемой двойной идентичности сложно определить, чем занимаются специалисты-регионоведы и каковы их вторые сущности. Иссерман говорит о возможности использования различных критериев, начиная с «родословной» (ученая степень по региональной науке) и заканчивая критерием, берущим за основу деятельность (членство в ассоциациях региональной науки, участие в заседаниях по региональной науке, наличие публикаций в журналах по региональной науке) [Isserman, 1995].

Еще один вопрос, представляющий серьезное поле для дискуссий: можно ли считать региональную науку академической дисциплиной? По мнению Иссермана, предсказание Айзарда о том, что региональная наука получит широкое признание до начала 2000-х гг., не сбылось. Айзард предполагал, что академические программы по региональной науке возникнут из программ по географии. Он предлагал добавить к учебному плану по географии курсы по линейным и нелинейным системам, пространственной, региональной и межрегиональной теории, региональному и межрегиональному социальному учету, современной статистике, экономической теории, социологии, а также современной теории местоположения и моделям гравитации и вероятности [Isard, 1960].

Однако многие посчитали, что такой обширный перечень превысит возможности любого человека усваивать материал. Следовательно, было бы невозможно осуществлять подготовку специалиста по обеим отраслям – географии и региональной науке, принимая во внимание предельно допустимые объемы каждой докторской программы. Вследствие этого кафедрам пришлось бы предлагать две различные программы, в результате чего любая кафедра распалась бы на две, так как ни одна из группировок не приняла бы кафедру по другой специализации. Кроме того, Айзард предлагал, чтобы сектора социальной науки, которые являются теоретическими и предполагают построение моделей, передовые статистические приемы и всеобъемлющие статистические базы, ориентированные на общую теорию, рассматривались как отдельное поле – региональная наука.

По мнению Родвина, необходимость выделения региональной науки в отдельную дисциплину объясняется тем, что социальные науки не уделяют пространству должного внимания, а географы не обладают в достаточной степени аналитическими навыками. Однако, если предположить, что социологи начнут проводить более системные пространственные исследования, а география станет более аналитической, не превратится ли тогда региональная наука просто в обобщенное название для междисциплинарных региональных исследований? [Rodwin, 1959].

Можно привести слова многих исследователей, которые резко критиковали идею выделения региональной науки в отдельную дисциплину. Так, *Моррис Гарнси* рассматривал региональную науку как «синтез частей ряда социальных наук» [Garnsey, 1956]. *Томас Смит* говорил, что многие географы применяли методологию и теоретические конструкты, сходные с имеющимися в региональной науке [Smith, 1957]. *Дэниэл Прайс* утверждал, что «региональная наука не является блестящим новым методом» [Price, 1956]. Ллойд Родвин считал, что системный подход региональной науки был «методологической тенденцией или модой во многих науках», а региональная наука сама не породила каких-либо значительных идей или эффективных инструментов, оказавших сильное влияние на социальные науки [Rodwin, 1959]. Позднее *Уильям Мирник* сказал, что региональная наука регрессирует в региональную экономику и что даже Айзард отказался от холистического подхода, который он и его сподвижники поддерживали в начале деятельности Ассоциации региональной науки [Miernyk, 1982].

Таким образом, Иссерман приходит к выводу, что региональная наука не является отдельной академической дисциплиной. Он поясняет, что наиболее верным воплощением идеи Айзарда был бы «географ-специалист в количественной, теоретической или математической географии, которого зачастую сложно отличить от специалиста по региональной науке». Однако, имея в качестве базы экономические достижения 1950-х

гг., интерес к изучению пространства, увлечение наукой и настойчивое желание заниматься синтезом и общей теорией, региональная наука могла продвинуться в своих исследованиях лишь до известных пределов. В представлении Иссермана, региональная наука превратилась в «продуктивную, изобретательную, международную, междисциплинарную, выдающуюся команду людей, умеющих приспособливаться, брать взаймы и синтезировать» [Isserman, 1995, p. 272].

Итак, как видим, в конце XX в., спустя почти пятидесятилетие с момента своего возникновения региональная наука все еще представляет собой предмет для оживленных дискуссий американских экономистов, географов, специалистов в области региональных исследований. Нет единого мнения о необходимости выделения региональной науки в отдельную науку и академическую дисциплину. Нет четких критериев, на основе которых ученого можно считать специалистом в области региональных исследований. Данная научная область подвергается критике за размытые границы, чрезмерную увлеченность абстрактными моделями и игнорирование существующих регионов и их проблем. Тем не менее, несмотря на достаточно резкую критику в адрес региональной науки, американские ученые признают ее междисциплинарный характер и большой потенциал для дальнейших исследований в различных областях – экономике, географии, социологии и др. Кроме того, каким бы ни был подход специалистов к сути региональной науки, все сходится во мнении о значительном вкладе, который внесли специалисты в области региональных исследований в развитие многих гуманитарных наук.

Литература

Кремнёв Е. В., Макеева С. Б. Развитие магистратуры регионоведческого направления в России в условиях расширяющегося межрегионального российско-китайского сотрудничества (на примере магистратуры «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР») // Вестник Университета Российской академии образования. Издательство Университет РАО (Москва). 2017. № 1. С. 19–24.

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35021776>. (дата обращения: 17.02.20).

Bolton R. «Place Prosperity vs. People Prosperity» Revisited: An Old issue with a New Angle // Urban Studies. 1992. N 29. P. 185–203.

Fisher J. L. Potential Contributions of Regional Science to the Field of Economics // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1957. N 3. P. 17–23.

- Garnsey M. E. The Dimensions of Regional Science // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1956. N 2. P. 27–39.
- Hansen N. M. and Quigley John M. An Introduction to Regional Science by Walter Isard // Land Economics. 1976. Vol. 52. N 3. P. 407–413.
- Hoover E. M. Whence Regional Scientists? // Papers of the Regional Science Association. 1963. N 11. P. 7–13.
- Isard W. The Scope and Nature of Regional Science // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1960. N 6. P. 9–31.
- Isard W. Introduction to Regional Science. Englewood Cliffs, NJ. : Prentice-Hall. 1975. 506 p.
- Isard W. History of Regional Science and the Regional Science Association International. Berlin: Springer. 2003. 273 p.
- Isserman A. M. The History, Status, and Future of Regional Science: An American Perspective // International Regional Science Review. 1995. N 17 (3). P. 249–296.
- James P. E. Discussion: The Core and Boundaries of Regional Science. // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1958. N 4. P. 23–26.
- Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern transdisciplinary regionology: the goal and the objectives // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences (Prepublication). 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803>. (дата обращения: 10.02.2020).
- Markusen A. Regions: the Economics and Politics of Territory. Totowa, NJ. : Roman and Littlefield. 1987. 304 p.
- Miernyk W. H. The Realism and Relevance of Regional Science // Review of Regional Studies. 1976. N 6 (1). P. 1–10.
- Miernyk W. H. Regional Economics to rRegional Science: Evolution or Odyssey? // Review of Regional Studies. 1982. N 12(2). P. 1–8.
- Price D. O. Discussion: The Nature and Scope of Regional Science // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1956. N 2. P. 44–45.
- Rodwin L. Discussion: the Core and Boundaries of Regional Science // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1958. N 4. P. 14–17.
- Rodwin L. Regional Science: Quo Vadis? // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1959. N 5. P. 3–20.
- Smith T. R. Potential Contributions of Regional Science to the Field of Geography // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1957. N 3. P. 13–15.
- Stevens B. H. An Interregional Linear Programming Model // Journal of Regional Science. 1958. N 1. P. 60–98.
- Stewart J. Q. and William Warntz. Physics of Population Distribution // Journal of Regional Science. 1958. N 1. P. 99–123.
- Whitney V. H. Potential Contribution of Regional Science to the Field of Sociology // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1957. N 3. P. 24–28.

Л. А. Лебединцева, М. И. Баркова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНОЕ И КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ТРЕБОВАНИЯ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ КАПИТАЛУ¹

Аннотация. Рассматриваются две основные взаимосвязанные между собой категории: человеческий капитал и предпринимательство. Спецификой авторского подхода является анализ воззрений сначала среди экономистов, затем – в среде экономических социологов. Определены не только основные характерные черты двух базовых понятий, но также прослежено различие в понимании человеческого капитала в зависимости от типа предпринимательской деятельности: социального или коммерческого предпринимательства.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальное предпринимательство, коммерческое предпринимательство.

L. Lebedintseva, M. Barkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

SOCIAL AND COMMERCIAL ENTREPRENEURSHIP: REQUIREMENTS FOR HUMAN CAPITAL

Abstract. The article covers two main interrelated categories: human capital and entrepreneurship. The peculiarity of the authors' approach is the analysis of views among economists first, and then – among economic sociologists. The authors will define not only the main typical traits of the two basic concepts, but will also trace the difference in understanding human capital depending on the type of entrepreneurship: social or commercial.

Keywords: human capital; social entrepreneurship; commercial entrepreneurship.

Изначально категория «человеческий капитал» появляется в экономической науке. В качестве экономической категории человеческий капитал был предложен для оценки вложений работника при выходе на рынок труда: вложения в образование, профессиональную подготовку и поиск работы с учетом трудовой миграции, а также издержки приобретения навыков, формируемых во вне рыночной среде. Мы можем заметить, что характерной особенностью экономического подхода является так называемый затратный подход, логика которого может быть раскрыта через экономический закон рыночного равновесия «затраты = результатам». На рубеже 50–60-х гг. XX в. теория человеческого капитала оформилась как самостоятельный раздел экономического анализа благодаря работам Т. Шульца и Г. Бэкера, в дальнейшем была развита в исследованиях Й. Бен-Пората, М. Блауга, Э. Лэзера, Р. Лэйарда, Дж. Минцера и др. Экономический закон рыночного равновесия применялся и в теории человеческого капитала в рамках неоклассического направления к таким сферам,

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”».

как образование, здравоохранение, миграция, проблемы брака и семьи, преступности, расовой дискриминации и другие.

С позиций экономического подхода понятие человеческого капитала может быть определено как запас способностей, знаний, навыков и мотиваций, воплощенных в человеке. Его накопление осуществляется аналогично физическому или финансовому капиталу: необходимо отвлечение средств от текущего потребления для генерации доходов в будущем. Категория «человеческий капитал» неоднократно подвергалась критике, была названа удачной метафорой, а не экономической категорией в строгом понимании этого слова. Вместе с тем экономические проявления человеческого капитала, признаки инвестиционного процесса и цикла в его использовании подтверждают экономическую состоятельность этой категории [Зикунова, 2016, с. 29–33]. Недостатком экономического подхода в целом и к человеческому капиталу в частности является отнесение затрат на образование, здравоохранение, культуру, человека к расходной части, хотя и с уточнением, что это расходы социального характера. В рамках экономической социологии анализ базируется на иных принципах: затраты на обозначенные сферы деятельности относят к вложениям или социальным инвестициям, отдача от которых не может быть монетаризована сиюминутно или в краткосрочной перспективе, требует длительного периода времени и проявляется в повышении уровня социального, духовного и т. д. развития как общества, так и отдельных индивидов.

В отношении категории «предпринимательство» многие аспекты процесса создания предприятия, такие как необходимость инноваций, рисков и координации ресурсов, будут общими для социальных и коммерческих предпринимателей [Schumpeter, 1934]. В этом ключе два вида предпринимательской деятельности могут опираться на аналогичный резерв предпринимательских талантов. В равной степени создавая ценность, социальный и коммерческий виды предпринимательства различаются по основной цели деятельности. Социальные предприниматели выявляют возможности, возникающие в результате «забытых проблем в обществе, связанных с положительными побочными эффектами», которые не включены ни в рыночные потребности, ни в государственные программы и/или решения [Santos, 2012, p. 342]. Реализуя эти возможности, социальные предприниматели создают «социальное благосостояние» [Mair, Marti, 2006; Typology of Social, 2009]. Финансовая жизнеспособность предприятия выступает при этом ограничивающим фактором. Коммерческие предприниматели максимизируют «частное благосостояние», создавая стоимость, в то же время присваивая остаточную часть себе [Santos, 2012]. Поскольку цели и способы создания стоимости различаются для социальных и коммерческих предпринимателей, им, возможно, придется полагаться на разные навыки и способности; подразумевая, что два типа предпринимателей не могут быть привлечены из одного и того же кадрового резерва.

Человеческий капитал важен для всех предпринимателей при выборе сферы деятельности на рынке труда между оплачиваемой занятостью и созданием рискованных предприятий. Согласно Беккеру, принято различать общий человеческий капитал, который может быть использован в самых разных профессиях и отраслях, и конкретный (специальный) человеческий капитал, для которого производная стоимость специфична в зависимости от контекста (например, работы или рода занятий). Мы утверждаем, что при оценке решения стать предпринимателем важно учитывать, как сочетается специфический и общий человеческий капитал. Предполагаем, что их значимость будет различной в социальном и коммерческом предпринимательстве, потому что они преследуют разные цели, и это приводит к различиям в деятельности.

Наше изучение тематики опирается на проведенное С. Эстрином, Т. Мицкевичем и У. Стефаном изучения человеческого капитала в социальном и коммерческом предпринимательстве. Они отмечают, что оба типа предпринимателей будут полагаться на предпринимательские навыки и знания [Estrin, Mickiewicz, Stephan, 2016]. Однако для социального предпринимательства могут потребоваться другие, подчас дополнительные возможности, в частности, те, которые могут привести к положительным внешним эффектам. Следовательно, общий человеческий капитал, который связан с более разнообразной когнитивной перспективой, может иметь относительно большее значение для деятельности социальных предпринимателей. Это потому, что сфера их целей шире, а их деятельность более сложна; используя рыночные стратегии, они также стремятся создать стоимость, которая не отражается в прямых рыночных сделках. Таким образом, им необходимо одновременно уделять внимание потенциально противоречивой социальной и экономической логике на своем предприятии, а также развивать возможности для взаимодействия с широким кругом заинтересованных сторон. Кроме того, их действия, возможно, должны быть тесно связаны с местными сообществами, чтобы мобилизовать ресурсы и стимулировать более широкое социальное воздействие.

Для того чтобы объяснить вовлеченность в социальное предпринимательство, утверждают, что необходимо учитывать как мотивационные аспекты, так и теорию человеческого капитала [Estrin, Mickiewicz, Stephan, 2016]. Существующая литература по социальному предпринимательству акцентирует внимание на важности ценностей и просоциальной мотивации людей как детерминанте социального предпринимательства, например [Venturing for Others ... , 2012; Стратегия социологической ... , 2020]. Конкретные навыки и более широкие способности, необходимые для воздействия на эти ценности, рассматривались редко, лишь отдельными авторами [Vacc, Hartog, Hoogendoorn, 2014]. Тем не менее профессиональный выбор социального предпринимательства не обязательно

определяется исключительно ценностями: индивид, характеризуемый ценностями, которые относятся к другим, может следовать коммерческому проекту и реализовывать свои ценности вне этого проекта, например через благотворительность [Estrin, Mickiewicz, Stephan, 2016]. Выбор участия в социальном предпринимательстве будет зависеть от человеческого капитала индивида, позволяющего выявить и сформировать относительно сложное предприятие, которое отличается совместным предложением коммерческой продукции и положительными внешними эффектами. Кроме того, характеристики человеческого капитала, которые повышают индивидуальные способности к реализации положительных внешних эффектов, могут также быть побуждающими людей искать эти возможности: например, социализирующее воздействие образования. Ценности будут влиять на когнитивную бдительность человека, и в свою очередь эти ценности будут зависеть от восприятия: что мы можем заметить и понять. Это приводит нас к гипотезе о взаимоотношениях как между конкретным, так и общим человеческим капиталом и вступлением в коммерческую деятельность / социальное предпринимательство, с учетом повышения способностей (как это обычно обсуждается в экономических подходах) и влияния на формирование мотивации (как это упоминается в психологических подходах) человеческого капитала.

Влияние этих факторов будет смягчаться аспектами институционального контекста. Как утверждают Эстрин и соавторы, при рассмотрении различий в склонности к социальному и коммерческому предпринимательству в разных странах баланс доходов от человеческого капитала в различных профессиях зависит от институциональных характеристик конкретной страны [Estrin, Mickiewicz, Stephan, 2016]. Д. Норт подчеркивает важность институтов поддержки рынка для экономических показателей, и с тех пор институциональные экономисты отмечали важность правовых норм как фундаментального аспекта институтов [North, 1990]. Слабые правовые нормы увеличивают риск экспроприации предпринимательской прибыли в большей степени, чем доходов от наемной работы, сдвигая баланс стимулов к последнему [Estrin, Mickiewicz, Stephan, 2013]. Следовательно, как коммерческие, так и социальные предприниматели чаще встречаются в обществах с сильными институтами конституционного уровня; а обращение к различным формам предпринимательства и различным типам человеческого капитала может быть чувствительным к институциональным условиям, и это относится к социальному и коммерческому предпринимательству. Эстрин и соавторы впервые предпринимая попытку разобраться в этих сложных межстрановых различиях путем изучения роли, которую национальные учреждения могут играть в смягчении воздействия характеристик человеческого капитала на индивидуальном уровне на различные формы предпринимательства. В частности,

они исследуют, оказывают ли правовые нормы сдерживающее влияние на то, как различные типы человеческого капитала поддерживают предпринимательство, сравнивая его социальные и коммерческие формы [Estrin, Mickiewicz, Stephan, 2016]. Понимание роли человеческого капитала в предпринимательстве расширяется благодаря новому рассмотрению эффектов социализации общего человеческого капитала наряду с устоявшимися характеристиками человеческого капитала. Анализ человеческого капитала в связи с социальным предпринимательством подчеркивает более широкое понимание, а именно необходимость признать неоднородность среди предпринимателей, их предпочтения и различную отдачу, которую они ищут при исследовании воздействия человеческого капитала. В целом вопрос о том, как человеческий капитал влияет на предпринимательскую деятельность, изучен недостаточно, и на сегодняшний день результаты противоречивы.

В Западной Европе в качестве цели социальной политики приняли создание благоприятных условий для развития социального бизнеса, поскольку утверждается, что такие фирмы способствуют социальной сплоченности, занятости и сокращению неравенства. Политический интерес к социальному предпринимательству проистекает из сомнений по поводу того, каких результатов можно достичь в отношении социальных целей, исходя из коммерческой мотивации и скептицизма по поводу эффективности бюрократического и централизованного политического вмешательства. В отличие от вмешательства государства социальное предпринимательство создает высокоцентрализованные способы действий, ориентированные на решение социальных проблем на местном уровне. Таким образом, социальные вмешательства дифференцированы, опираются на местные знания, конкурируют и подвергаются постоянному инновационному давлению. Исследованная теоретическая основа также подчеркивает характеристики совместного предложения бизнес-модели социального предприятия и коммерческой логики в сочетании с акцентом на реализацию положительных внешних эффектов, которые могут сделать социальное предпринимательство превосходным способом действия по сравнению с благотворительной деятельностью гражданского общества, по крайней мере для некоторых категорий социальных проблем.

Литература

Стратегия социологической диагностики человеческого капитала на основе ценностей: потенциал сетевого подхода (на примере изучения научно-образовательных центров) / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. И. Ярмач, Е. А. Камышина, И. Ши // Эффективность труда и качество трудовой жизни XXI века : сб. науч. ст. / под ред. Р. В. Карапетяна. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 112–123.

Зикунова И. В. Предпринимательство и человеческий капитал в экономической системе: вопросы методологии исследования // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7, № 1. С. 29–33.

Bacq S., Hartog C., Hoogendoorn B. Beyond the Moral Portrayal of Social Entrepreneurs: an Empirical Approach to Who They Are and What Drives Them // Journal of Business Ethics. 2014. P. 1–16.

Estrin S., Mickiewicz T., Stephan U. Entrepreneurship, Social Capital, and Institutions: Social and Commercial Entrepreneurship Across Nations // Entrepreneurial Theory and Practice. 2013. N 37. P. 479–504.

Estrin S., Mickiewicz T., Stephan U. Human Capital in Social and Commercial Entrepreneurship // Journal of Business Venturing. 2016. N 31. P. 449–467.

Mair J., Marti I. Social Entrepreneurship Research: a Source of Explanation, Prediction, and Delight // Journal of World Business. 2006. N 41. P. 36–44.

Venturing for Others with Heart and Head: How Compassion Encourages Social Entrepreneurship / T. L. Miller, M. G. Grimes, J. S. McMullen, T. J. Vogus // Academic Management Review. 2012. N 37(4). P. 616–640.

North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.

Santos F. M. A Positive Theory of Social Entrepreneurship // Journal of Business Ethics. 2012. Vol. 111, N 3. P. 335–351.

Schumpeter J. A. The Theory of Economic Development: an Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle. Transaction publishers, NewBrunswick, N. J., 1934.

A Typology of Social Entrepreneurs: Motives, Search Processes and Ethical Challenges / S. A. Zahra, E. Gedajlovic, D. O. Neubaum, J. M. Shulman // Journal of Business Venturing. 2009. N 24(5). P. 519–532.

УДК 338.264

Е. В. Лесниковская

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ БЛИЗОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Аннотация. Рассматривается концепт территориальной близости (proximity) в зарубежных работах по региональному развитию. Анализируются основные тренды в современном мире, актуализирующие концепт территориальной близости, и описываются главные подходы к ее изучению. Аргументируется, что все большее распространение в современной литературе получает критический подход к изучению территориальной близости.

Ключевые слова: территориальная близость, географическая близость, региональное развитие, регионоведение.

E. Lesnikovskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE CONCEPT OF TERRITORIAL PROXIMITY IN FOREIGN REGIONAL STUDIES

Abstract. The article covers the concept of territorial proximity in foreign works on regional development. The author analyses the main trends in the world that make the concept relevant and describes the main approaches to territorial proximity. The article argues that the critical approach to territorial proximity has been gaining popularity in scholarly works. The author provides their definition of territorial proximity.

Keywords: territorial proximity, geographic proximity, regional development, regional studies.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трандисциплинарной регионологии».

В современном мире наблюдаются две противоположные тенденции, связанные со значимостью территориальной близости. С одной стороны, формируется информационное общество, развивается тренд виртуализации услуг (государственные услуги онлайн, финансовые услуги онлайн, онлайн-образование, телемедицина, электронная коммерция и т. д.). В таком контексте привязка к территории заметно ослабевает, значимость территориальной близости, казалось бы, нивелируется. С другой стороны, в инновационном, стратегическом региональном развитии фактор территориальной близости неизменно играет важнейшую роль: концепции научно-технических парков, инновационных городов, инновационных кластеров основываются прежде всего на территориальной близости. В этом свете концепт территориальной близости приобретает особую актуальность.

Развитие новейших социологических теорий и концепций регионального развития (среди них теория социального капитала, теория малых связей, теория социального доверия, концепция неявного знания, теория территориального капитала) также акцентирует внимание на значимости территориальной близости. В отдельный ряд можно выделить тенденции, связанные с обустройством пространства, с приданием ему «концептуального веса». К таковым отнесем новые подходы к формированию эффективного городского пространства, новую урбанистику – создание умных городов, оптимизацию транспортных связей, переосмысление общественных пространств. Современные урбанистические подходы выделяют территориальную близость как важную смысловую единицу.

В свете вышеописанных объективных трендов и научного интереса можно констатировать, что назрела необходимость развития методологических подходов к изучению территориальной близости в современных условиях.

В зарубежной (англоязычной) литературе по региональному развитию для обозначения территориальной близости в контексте регионального развития принято использование термина *proximity*. Начало формирования современной теоретико-методологической базы территориальной близости относится к 1990-м гг. Впервые данный концепт получил развитие в рамках так называемой французской школы [Kirat, Lung; Torre, Gilly], сосредоточившейся на изучении инновационной среды (*innovative milieu*). В рамках указанной школы использовались два понятия близости: географическая близость (*geographical proximity*) и организационная близость (*organizational proximity*). На пересечении этих двух понятий и располагается территориальная близость, которая определяется как «сложное взаимодействие между производственными и пространственными отношениями, с неотъемлемой взаимосвязью между ними» [Torre, Wallet, 2014, p. 14]¹. Этому пониманию мы будем в общих чертах следовать в нашей статье.

¹ “...complex interplay between productive relations and spatial relations and their being inextricably linked” – авт. перевод.

Необходимо отметить, что англоязычный термин *proximity*, изначально связанный с физическим расстоянием, используется для разных типов взаимодействий. В зарубежной литературе представлены классификации типов близости: так, например, выделяют географическую, социальную, институциональную, организационную и когнитивную [Boschma, 2006, p. 63]. Более дифференцированный подход предлагают J. Knoben и L. Oerlemans: они используют термин «географическая близость», который включает в себя понятия «пространственная близость», «локальная близость», «территориальная близость», «физическая близость». Географическая близость отделена методологически от не-пространственной близости, к которой авторы относят организационную, институциональную, социальную, культурную, технологическую и когнитивную близость [Knoben, Oerlemans, 2006, p. 74]. При этом географическая близость занимает далеко не главную позицию в условной иерархии подобных типов взаимодействий. Как отмечают A. Torre и F. Wallet, географическая близость играет неявную роль. С аналитической точки зрения необходимо дифференцировать ее от негеографической близости, однако она может быть заменена другими видами близости (организационной, институциональной, когнитивной и т. д.) [Torre, Wallet, 2014]. Полагаем, что подобная трактовка допустима в контексте процессов коллективного обучения, развития инноваций, формирования экономических связей. Тем не менее в области регионоведения и региональных исследований, на наш взгляд, нецелесообразно методологически подменять близость, имеющую в своей основе территориальный фактор, на конфигурации социальных и социально-экономических взаимодействий, не базирующихся на территории. Представляется, что при этом происходит «размытие» термина.

Следует отметить, что хотя территориальная близость получила некоторое внимание с точки зрения изучения институционального контекста (так, R. Boschma рассматривает институциональную близость как самостоятельный тип), заметно, что и такой ракурс рассмотрения часто смещается в сторону прежде всего оценки эффективности взаимодействий в сфере экономики знания и инноваций. Роль территориальной близости в выстраивании эффективных экономических контактов оценивается весьма высоко. Как указывают A. Malmberg и P. Maskell, географическая близость позволяет акторам постоянно наблюдать друг за другом, что почти не требует финансовых ресурсов и специальных усилий [Malmberg, Maskell, 2002, p. 439]. Территориальная близость представляется как потенциальное пространство организации креативного процесса, передачи так называемого неявного (М. Поланьи), некодифицированного знания.

Вместе с тем необходимо отметить, что явление территориальной близости в контексте обучения и распространения инноваций может иметь и негативные последствия. Так, R. A. Boschma пишет, что террито-

риальная близость может создать своего рода замкнутое пространство (*lock-in*), не способствующее развитию инноваций [Boschma, 2005, p. 62]. Исследователь настаивает на необходимости соблюдения определенного баланса: территориальная близость не должна быть слишком «тесной». Мысль о соблюдении баланса поддерживается также авторами J. Knoben и L. Oerlemans. Как они отмечают, баланс должен заключаться в разумном сочетании и учете разных типов близости – так, географическая близость сама по себе мало полезна без социальной и организационной близости [Knoben, Oerlemans, 2006, p. 74]. По мнению A. Torre и F. Wallet, зачастую преимущества территориальной близости ошибочно принимаются за сам процесс пространственной агломерации, обусловленной экономическими факторами: клиенты тянутся к фирмам, а фирмы – к клиентам [Torre, Wallet, 2014]. Очевидно, что данные явления необходимо методологически разделять.

Действительно, территориальная близость представляется эффективной, если рассматривается как доступное преимущество, которое можно свободно использовать. Пространство этой близости не должно быть обязательным для акторов, пользующихся ее преимуществами. Географическая близость сама по себе нейтральна, однако может быть «активизирована или мобилизована действиями экономических и социальных акторов, таких как фирмы, лаборатории и учреждения»¹ [Там же, 2014]. Территориальная близость в этом случае предстает как одна из опций эффективного стратегического регионального развития.

Идея о предотвращении ситуации, в которой территориальная близость сдерживала бы инновации и коллективное обучение, перекликается с идеями Р. Флориды о разнообразии (культурном, социальном, профессиональном, этническом) как о необходимой предпосылке развития территории. В своих всемирно известных работах, в частности *The Rise of the Creative Class*, Р. Флорида приписывает экономический успех Кремниевой долины, а также агломерации Сан-Франциско социокультурному и этническому разнообразию, которое там наблюдается [Florida, 2003]. Таким образом, нивелируется возможный негативный эффект того, что территориальная близость может создавать «замкнутость», ограничивать свободный поток идей. Выход, предлагаемый R. Boschma, заключается в том, чтобы создать «географический кластер с базой общих знаний, состоящей из разных, но комплементарных ресурсов» [Boschma, 2006, p. 64]. В этом смысле необходим баланс из местных и дистальных (глобальных) ресурсов. Считаем, что данную мысль можно экстраполировать на сферу регионального развития в целом. Подобная модель уже активно используется рядом регионов, позиционирующих себя на мировом рынке. Особенно наглядно это выражено, например, в случае туристических зон: с исполь-

¹ “...Geographical proximity is neutral in essence but it can be motivated or mobilized by the actions of economic and social actors” – авт. перевод.

зованием эндогенных ресурсов их продвижение и экономическое развитие нацелено на связи с международным сообществом.

Таким образом, можно заключить, что в зарубежной литературе по региональному развитию уверенно формируется критический подход к территориальной близости. Происходит деконструирование ее как смыслового конструкта, все большее внимание получает не только оценка преимуществ, предоставляемых территориальной близостью, но и ее возможные негативные последствия.

Литература

Boschma R. A. Proximity and Innovation: a Critical Assessment // *Regional Studies*. 2005. Vol. 39, N 1. P. 61–74.

Florida F. *The Rise of the Creative Class*. Tandem Library, 2003. 434 p.

Kirat T., Lung Y. Innovation and Proximity. Territories as Loci of Collective Learning Processes // *European Urban and Regional Studies*. 1999. No 6. P. 27–38.

Knoeben J., Oerlemans L. Proximity and Inter-organizational Collaboration: a Literature Review // *International Journal of Management Reviews*. 2006. DOI: 10.1111/j.1468–2370.2006.00121.x

Malmberg A., Maskell P. The elusive concept of localization economies: towards a knowledge-based theory of spatial clustering // *Environment and Planning A* 34. P. 429–449.

Torre A., Gilly J. On the analytical dimension of proximity dynamics // *Regional studies*. 2000. Vol. 34, N 2. P. 169–180.

Torre A., Wallet F. Introduction. The role of proximity relations in regional and territorial development processes. *Regional development and proximity relations*. New Horizons in Regional Science, Edward Elgar, London, 2014. 375 p.

УДК 338:91(4)(091)

Е. В. Лесниковская

Иркутский государственный университет, Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЕВРОПЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА¹

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью региона как субъекта глобальных экономических, политических и социокультурных отношений. За последнее столетие концепт региона, концепт территории претерпевают значительную трансформацию, имеет место смена парадигм региональных исследований. В силу исторических причин Европа всегда была в авангарде продвижения и развития регионального знания, и основные парадигмы, анализируемые в статье, возникли именно в этом регионе мира. Целью статьи является анализ трансформации парадигм региональных исследований в Европе в русле трансдисциплинарного подхода и оценка продуктивности использования каждой из указанных парадигм применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Автор

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

опирается на материалы европейских исследований. Предпринимается попытка анализа динамики изменения восприятия региона (понимаемого здесь в широком смысле как часть территории) как ключевого понятия региональных исследований. Представлена авторская интерпретация концепта региона как пространства – субъекта глобальной конкуренции, участвующего в глобализационно-дезинтеграционных процессах и конструирующего все виды капитала, задействующие возможности территориальной близости. Результаты проведенного автором анализа могут быть применены в разработке стратегий регионального развития.

Ключевые слова: региональные исследования, регион, территория, региональное развитие, географический детерминизм, POSSIBILITY, хронологическая концепция, Азиатско-Тихоокеанский регион.

E. Lesnikovskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF PARADIGMS OF REGIONAL RESEARCH IN EUROPE IN THE CONTEXT OF ASIA PACIFIC STUDIES

Abstract. The relevance of the topic of the research is caused by the growing role of a region as a subject of global political, economic and socio-cultural relations. For the last century, the concept of a region and the concept of a territory have undergone significant transformation, and the paradigm of regional research has shifted. Due to historical reasons, Europe has always been in the forefront of promotion and development of regional knowledge, and the main paradigms analyzed in the article appeared in Europe. The purpose of the article is to analyze the transformation of paradigms of regional research in Europe in the framework of transdisciplinary approach and to assess the efficiency of using each of the paradigms in Asia Pacific Region research. The author build the study on European research. The article attempts to analyze the dynamics of changes in the perception of a region (which is understood in a broad sense – as a part of territory) as the key concept of regional studies. The authors provide their own interpretation of a region as space-subject of global competition that takes part in globalization-disintegration processes and constructs all kinds of capital related to territorial proximity. The results of the analysis provided can be used in formulation of regional development strategies.

Keywords: regional studies, region, territory, regional development, geographical determinism, possibility, chorological approach, Asia Pacific region.

Как известно, регионоведение как область знания и академическая дисциплина сформировалось во второй половине XX в., однако ключевые понятия территориальных исследований, такие как «регион» и «территория», описывались и анализировались на протяжении столетий широким рядом географических дисциплин.

Основной смысловой единицей регионоведения является регион, наиболее часто определяемый как часть территории, выделяемой по общности ряда признаков. Таким образом, базовым ключевым понятием региональных исследований можно считать территорию. Региональные исследования, начавшись с описания новых и известных территорий, к сегодняшнему времени эволюционировали до расширенного понимания региона как социального конструкта, как локализации территориального и реляционного капитала, как места реализации обучения и трансфера знаний и технологий. При этом Европа всегда была в авангарде продвижения и развития регионального знания. Такая мотивация объясняется как исследованиями в эпоху великих географических открытий, так и тем, что именно Европа явилась центром зарождения геополитики, местом зарождения пространственной экономики; также Европа характеризуется интенсивностью военных, социоэкономических и социокультурных потря-

сений в первой половине XX в., а позже процессами формирования единого европейского пространства и актуализацией новых концепций региональной политики.

В целом исторически территория исследуется с точки зрения широкого ряда аспектов: физического, экономического, социально-политического, геополитического, культурного и т. д. Представляется целесообразным разделить региональные исследования на три крупных блока: географический детерминизм – POSSИБИЛИЗМ, хронологическая концепция, современная региональная парадигма. Данное разделение основывается на смене парадигмы региона и, соответственно, смене ключевых концептов региональных исследований. В рамках парадигмы географического детерминизма – POSSИБИЛИЗМА регион выступает как данность и ресурс, а центральными концептами выступают «территория» и «человек». В рамках хронологической парадигмы регион рассматривается как организованное пространство, как структура, а ключевыми концептами можно назвать архитектуру связей в пространстве и организацию физического и ментального пространства. В рамках современной региональной парадигмы регион является единицей глобальной конкуренции и субъектом развития, а центральными понятиями становятся «знание», «развитие», «инновации». Рассмотрим указанные парадигмы более подробно и проанализируем использование данных подходов применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону как в ключе теоретических изысканий, так и в прикладном аспекте (прежде всего региональном управлении).

Первый блок (преимущественно с XIX в. до середины XX в.) характеризуется проявлением пристального внимания к территории с точки зрения ее значимости для жизни человека, социума, государства. При этом природа, географические условия расцениваются как определяющие для жизни человека и сообщества. Такая парадигма получила название географического детерминизма. Идеи географического детерминизма берут начало в работах Ш. -Л. Монтескье, развиты Ф. Ратцелем, К. Риттером и др. и обусловили формирование ранних теорий новой науки – геополитики (Ф. Ратцель, К. Шмитт, Х. Маккиндер и др.). В контексте доминирования парадигмы географического детерминизма формируется такая дисциплина, как антропогеография (Ф. Ратцель). Идея влияния природы на человека, связанные с конкретной территорией возможности и ограничения, определяющие направление развития рода занятий, характера формирования общества и социокультурного кода, стали концептуальной основой региональных исследований того времени. С другой стороны, та же идея доминировала и в парадигме POSSИБИЛИЗМА, однако сторонники POSSИБИЛИЗМА делали акцент не на ограничениях, налагаемых на человека природной средой, а напротив, на возможностях (фр. *possibilite* – возможность), предоставляемых ею. Так, школа POSSИБИЛИЗМА Видаля де ла

Блаша акцентирует внимание на активной природе взаимодействия человека с окружающей средой, творческом использовании человеком географических условий. В отличие от географического детерминизма, в центре которого оставались территория, пространство, школа географического POSSИБИЛИЗМА признает человека с его волей и способностями в качестве активного субъекта преобразования природной среды.

Парадигма географического детерминизма и POSSИБИЛИЗМА ярко проявилась в применении к исследованиям АТР. На наш взгляд, основной предпосылкой продуктивности применения данной парадигмы в отношении АТР является собственно общий, регионообразующий для АТР признак – побережье Тихого океана (the Pacific Rim). Выделение АТР в качестве региона беспрецедентно по включению большого числа государств и субрегионов со значительной разницей в социально-экономическом уровне, разнообразием историко-культурного наследия, подчас радикально различающимися политическими системами и идеологическими ориентирами. Таким образом, основание выделения региона является географически детерминированным. Сам по себе океан выступает метафорой мощи и выражением «силы обмена и движения» [Dirlik, p. 16].

Другим фактором распространенности детерминистской парадигмы в АТР выступают суровые физико-географические условия, в отличие от сравнительно мягких условий Европы, под которые вынуждено подстраиваться население этих мест. В силу этого Европейский регион вскоре начал рассматриваться с позиций POSSИБИЛИЗМА, тогда как Азия все еще представляется регионом, детерминированным суровостью физико-географической среды.

Весьма ярким примером использования парадигмы детерминизма – POSSИБИЛИЗМА является исследование города-государства Сингапур. Как отмечает В. Сэвэдж, построение Сингапура основывается на двух западных идеях – детерминизме и POSSИБИЛИЗМЕ. В случае Сингапура ландшафт, место видятся как вместилище национальной идентичности. Географы Сингапура часто используют концепты «место», «ландшафт», «природа» в качестве концептуальной основы регионального анализа [Savage, 2006, p. 12]. Специфика Сингапура как города-государства, глобального города, города-острова, города-сада, уникального примера городского ландшафта создает множественные, многоуровневые пути концептуальных уровней регионального анализа [Там же, p. 11–12]. Трансформация и развитие Сингапура – яркий пример взаимодействия человека и окружающей среды: географическое расположение Сингапура определило его роль в торговле между Южной и Восточной Азией, однако именно трансформация его человеком в город-сад способствовала достижению и закреплению его как мирового торгового и финансового центра.

В первой половине XX в. формируется и получает развитие хорологическая (гр. *хорос* – пространство) концепция. Опираясь на кантовскую классификацию наук, основоположник хорологического подхода А. Геттнер формулирует его основные принципы. Согласно А. Геттнеру, географическая наука призвана изучать пространства, в которых размещены явления, а также причинно-следственную связь между данными пространствами и существующими в них явлениями. А. Геттнер искал нишу для географии: подобно тому, как история изучает исторические события и ход исторического времени, объектом географии видятся пространства. К заслугам А. Геттнера можно отнести попытку обосновать единство географической науки, разделить границы естественных наук, «защитить» границы географии от других частных наук, привлечь внимание научной общественности к проблемам и общему кризисному состоянию географической науки в то время. Другой видный представитель хорологического подхода, Ж. Готтман, критически переосмысливает доминировавшие в то время идеи значимости размера территории, необходимости завоевания новых пространств для развития государств. По его мнению, принципиальное значение имеет не жизненное пространство, а коммуникации, организация пространства, культурный и духовный потенциал местности, региона, государства. Особое внимание уделяется исследованию культурного измерения пространства. Ж. Готтман основал иконографический подход, суть которого заключается в том, что с течением времени пространство развивает свою «иконаграфию» – набор символов и культурных архетипов. Данный символический набор играет важнейшую роль в организации территории, региона, пространства. Именно выкристаллизованная культура архетипов, мифов, сказаний, табу предстает фактором, организующим социальное, экономическое и особенно политическое пространство местности [Gottmann, 1952, p. 214].

В дальнейшем хорологический подход «размылся», при этом большая часть идей была унаследована школой пространственного анализа. Необходимо отметить, что формирование и развитие школы пространственного анализа происходило в контексте «количественной революции» в науке, популяризации математических и геометрических моделей, применения вычислительной техники. Доминировала идеология неопозитивизма, объективной науки. Основой для формирования и развития школы пространственного анализа послужили такие теории организации пространства, как теория центральных мест В. Кристаллера, теория размещения производства А. Леша, теория размещения сельскохозяйственного производства И. фон Тюнена. В рамках школы пространственного анализа изучаются принципы размещения производств и принципы расселения, территориальная организация, математическое моделирование пространственных взаимосвязей и взаимодействий. Наиболее видные представите-

ли европейской школы пространственного анализа – П. Хаггет и Д. Харви. П. Хаггет предпринял попытку синтеза географических знаний путем интеграции различных подходов к географии: как науке о ландшафтах; как науке, изучающей взаимодействие человека и природной среды; как науке о размещении, использующей преимущественно геометрические модели. Применяя принципы общей теории систем и метод моделирования, П. Хаггет внес значительный вклад в развитие метода анализа региональных систем и территориальных структур. Другой представитель школы пространственного анализа, Д. Харви, привлек идеи и принципы социальной философии к географическому анализу. Д. Харви отмечает, что, занимаясь проблемами пространственного размещения, географы не уделяют внимания неизбежным социальным последствиям такого размещения, а они зачастую связаны с увеличением социально-экономического расслоения и ростом социальной несправедливости [Харви, 2019, с. 11]. Расширение предметного поля пространственного анализа приводит к тому, что акцент перемещается с возможностей, предопределенных территорией (а также ограничений, накладываемых ею), и взаимодействия человека с природой в этом ключе, обоюдной трансформации на вопросы управления территорией, т. е. парадигма передвигается к современному восприятию территории как объекта управления, объекта развития.

Применительно к анализу Азиатско-Тихоокеанского региона хорологический подход представляется довольно продуктивным. «Сердцевинной» АТР выступает сложная система взаимодействий – экономических прежде всего, – размещенная в пространстве. Как отмечает А. Дирлик, АТР формируется не только траекториями движения капитала, людей и т. д., но также структурируется противостоянием Востока и Запада, внешнего (западного) и внутреннего (локального), противостоянием между Севером и Югом и верхним и нижним уровнями иерархии акторов [Wesley-Smith, Goss, 2010, p. 3]. Таким образом, Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой богатейший и сложнейший объект изучения с позиций хорологического подхода.

По сей день актуальным и продуктивным остается применение идей Ж. Готтмана к анализу городов АТР. Результаты его анализа паттернов развития столичных городов оказались эффективны при планировании и развитии крупных городов, мегаполисов Юго-Восточной Азии. Так, например, они были использованы при управлении развитием японского мегаполиса Токайдо, причем Ж. Готтман лично привлекался для экспертного комментария по планам его развития [Sorensen].

На современном этапе глобализационные процессы актуализировали понимание региона как основной территориальной единицы глобальной экономики [O'Brien, Leichenko, 2010]. Регионы воспринимаются как участники мировой экономической конкуренции. Изменилось региональ-

ное управление: акцент сместился на эндогенный потенциал региона. В то время как концептуальной основой классической парадигмы регионального управления выступали теории производственного размещения, концептуальной основой современной парадигмы становятся теории «обучающегося региона» (*learning region theories*) [Bachtler]. Соответственно, ключевыми параметрами становятся инновационная среда, кластеры, сети взаимодействий. Целью же региональной политики выступает повышение конкурентоспособности региона.

Наиболее активно современные европейские региональные исследования развиваются в русле теории территориального капитала. Понятие территориального капитала (*territorial capital*) было впервые введено Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Согласно основоположнику теории территориального капитала Р. Камани, территория конструирует конкурентные преимущества не только являясь основой для компаний, находящихся в этом регионе, но и благодаря той роли, которую она играет в процессах накопления и передачи знаний, информации, актов коллективного обучения, «интерпретативных кодов» [Camagni, p. 3].

Концепт «территория» рассматривается Р. Камани в нескольких аспектах: как система локализованных технологических связей, направленных вовне; как система экономических и социальных отношений, составляющих «отношенческий» (*relational*, термин, введенный самим Р. Камани) или социальный капитал; как система управления, основывающаяся на взаимодействии местной администрации и частных акторов [Там же]. В таком свете территория становится многоаспектным, «объемным» концептом, выступающим основным импульсом формирования современной парадигмы регионального развития. Такие преимущества региона, как инновационная среда, кластеры, сети взаимодействий, обретают твердую, физическую основу именно в виде территории. Движение от восприятия территории как пассивного объекта освоения и управления к восприятию ее как сложной, многофакторной, политически, социально и культурно обусловленной системы отношений предполагает изменение вектора в сторону проактивной политики развития, базирующейся на стратегическом планировании.

В современной теории территориального капитала его значимость определяется двумя основными факторами. Во-первых, в условиях риска и неопределенности, вызванных модернизационными и глобализационными процессами, территория содержит в себе потенциал снижения рисков, создания социального доверия и устойчивых политических, экономических и социальных взаимосвязей. Во-вторых, на сегодняшний день большее значение для эффективности производства и экономического благополучия имеет так называемое неявное знание (термин М. Полани) – атрибут человеческого капитала, навыки, знания, чем кодифицированное

(например, промышленные технологии). В свою очередь, именно неявное знание глубоко укоренено в территориальности и неразрывно связано с территориальной близостью и локальными взаимодействиями [Samagni].

Значимость территориального капитала особенно высока в контексте присущей современному миру неопределенности. Отметим, что активный интерес исследователей к вопросам территориальной близости (*proximity*) – одного из ключевых понятий территориального капитала – начал проявляться в Европе в 1990-е гг. (так, например, экономическое значение территориальной близости активно изучалось европейской исследовательской группой Proximity Dynamics (Bellet, Colletis, Lung, Gilly, Torre). В этот же период времени актуализируется и набирает популярность концепция общества риска (У. Бек, Э. Гидденс), определяющая современное общество как вынужденное реагировать на вызовы неопределенности, создаваемой технологическим прогрессом и модернизацией в широком смысле. Таким образом, территориальная близость, а также формируемый во многом на ее основе территориальный капитал начинают рассматриваться как ресурс, позволяющий значительно снизить риски, связанные с социальными и экономическими взаимодействиями.

Другим важнейшим фактором, определяющим роль территориального капитала, выступает его влияние на способность региона формировать и поддерживать конкурентное преимущество в условиях глобализированной экономики. Как указывает исследователь европейской региональной политики Р. Бachtler, целью современной региональной политики является повышение конкурентоспособности посредством развития предпринимательства, инноваций, навыков и умений [Bachtler]. В то же время именно эти «рычаги» повышения конкурентоспособности тесно связаны с локализованным трансфером знаний, территориально обусловленным коллективным обучением и тем социальным доверием и сложившимися связями (по Р. Камани, «отношенческим капиталом»), которые могут сложиться в результате регулярного взаимодействия близко расположенных компаний, индустрий, местным сообществом и местными властями.

Полагаем, что определенные тенденции современного регионально-го развития особенно ярко проявляются именно в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Немаловажно помнить, что во многих динамично развивающихся и развитых странах АТР преобладает так называемая восточноазиатская модель национальной инновационной системы. Очевидно, что в данных странах нет развитой, многовековой, фундаментальной университетской науки, как в Европе. При этом указанные страны ориентируются на высокотехнологичные индустрии и инновационное производство. Именно поэтому важнейшим ресурсом для них становятся эндогенный потенциал региона и преимущества пространственной близости.

Таким образом, выделяются три крупнейшие парадигмы региональных исследований в Европе: парадигма географического детерминизма –

поссибилизма, хорологическая (пространственная) парадигма и современная парадигма региона, в рамках которой регион рассматривается как единица глобальной конкуренции. Видение региона (территории) как *данности*, налагающей ограничения для жизни и деятельности человека, с одной стороны, и предоставляющей возможности, с другой стороны, постепенно трансформируется в представление о регионе как *пространстве*, *вещающем в себя* географические явления и локализирующем причинно-следственные связи между этими явлениями. От парадигмы *вещающего пространства* происходит переход в сторону *моделируемого* пространства, региона, выступающего объектом управления, и, наконец, на сегодняшний день регион предстает *субъектом* глобальной конкуренции, *участвующим* в глобализационно-дезинтеграционных процессах и *конструирующим все* виды капитала, задействующие возможности территориальной близости.

Литература

- Харви Д. Социальная справедливость и город. М. : Нов. лит. обозрение, 2019. 440 с.
- Bachtler J. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm? URL: http://www.eprc.strath.ac.uk/eprc/documents/PDF_files/R46PoliciesandStrategiesforRegionalDevelopment.pdf (дата обращения 20.03.20).
- Camagni R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? URL: http://www.yorku.ca/ishd/LED/CD.SP/Links%20BQ/B5_Territorial%20competitiveness_camagni.pdf (дата обращения 05.02.20).
- Dirlik A. Asia Pacific Studies in an age of global modernity // Remaking Area Studies: Teaching and Learning Across Asia and the Pacific. Honolulu: University of Hawaii Press, 2010. P. 5–23.
- Gottmann J. La politique des Etats et leur geographie. Paris: Armand Colin, 1952. 225 p.
- O'Brien K. L., Leichenko R. M. Double exposure: assessing the impacts of climate change within the context of economic globalization // Global Environmental Change. 2010. N 10. P. 221–232.
- Savage V. Human Geography: Singapore perspectives // Jimbum Chiri/Human Geography. 2006. N 58 (6). P. 8–24.
- Sorensen A. Megalopolitan development and the transformation of rural Japan: sustainability implications of extended metropolitan regions in Asia // Human Settlement Development. Vol. 1 / ed. S. Sassen. Eloss Publishers Co. Ltd, Oxford. P. 186–206.
- Wesley-Smith T., Goss J. D. Reshaping Area Studies in an era of globalization // Remaking Area Studies: Teaching and Learning Across Asia and the Pacific. Honolulu: University of Hawaii Press, 2010. 243 p.

李敏 (南昌)

江西财经大学工商管理学院

谢碧君 (南昌)

江西财经大学现代经济管理学院

平级同事关系与工作绩效：基于人际信任的中介作用

摘要：关系是把一个功利性动机与根植于儒家传统伦理结合起来的复杂的文化现象。本文基于行动结构理论探讨平级同事关系对人际信任和工作绩效的影响，检验了人际信任在平级同事关系和工作绩效之间的中介作用。本文发现同事关系对工作绩效的直接影响较少，而是通过同事之间人际信任大大增强其对工作绩效的影响。研究表明，在组织中依然重视关系，关系是信任产生的基础。通过三个主变量的子维度进行分析，发现能力、品德信任在同事关系作用机理发挥着较重要的影响，而私交信任的影响力及影响范围很有限。表明组织运作中，其依赖主要因素是能力和品德，这与一般对偶关系不同。

关键词：关系；平级关系；人际信任；工作绩效；能力；品德；私交信任；作用机制；自我报告；实证研究；组织运营。

Li Min

Jiangxi University of Finance and Economics, Nanchang

Xie Bijun

Modern Economics & Management College of JUFU, Nanchang

PEER COLLEAGUE RELATIONSHIP AND JOB PERFORMANCE: BASED ON THE MEDIATING EFFECT OF INTERPERSONAL TRUST

Abstract. Guanxi is a complex cultural phenomenon that combines utilitarian motive with traditional Confucian ethics. Based on Structural Theory of Action, this paper discusses the influence of peer colleague relationship on interpersonal trust and job performance, and examines the mediating effect of interpersonal trust between peer colleague relationship and job performance. In this paper, it is found that the relationship between colleagues has less direct influence on work performance, but through interpersonal trust between colleagues greatly enhances its influence. Research shows that relationships are still valued in organizations, and relationships are the basis of trust. Through three main variables in the dimensions of analysis, empirical analysis shows that ability, moral trust play important influence in colleagues relationship mechanism, while personal trust has a limited impact, which indicates that in organization operation, it main depends on ability and integrity that is different from general dual relationship.

Keywords: Guanxi; peer colleague relationship; interpersonal trust; Job performance; ability; integrity; personal trust; mechanism of action; self-report; empirical study; organization operation.

Ли Минь

Цзяньский финансово-экономический университет, Наньчан

Се Бицзюнь

Колледж современной экономики и менеджмента

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОЛЛЕГАМИ И КАЧЕСТВО РАБОТЫ: РЕГУЛИРУЮЩИЙ ЭФФЕКТ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. Гуаньси – это сложный культурный феномен, сочетающий утилитарный мотив с традиционно конфуцианской этикой. Основываясь на структурной теории действия, авторы статьи рассматривают влияние отношений между коллегами на межличностное доверие и качество работы и исследуют регулирующий эффект межличностного доверия в связке «отношения между коллегами – качество работы». Выявлено, что отношения между коллегами имеют менее прямое влияние на качество работы, однако это влияние возрастает благодаря межличностному доверию. Исследование показывает, что личные отношения все еще ценятся в организациях и являются основой доверия. Эмпирический анализ с использованием трех основных переменных выявил, что способности и моральное доверие играют важную роль в механизме взаимоотношений между коллегами, в то время как личное доверие имеет ограниченное

влияние. Это означает, что деятельность организации зависит от способностей и целостности, отличающихся от обычных дуальных отношений.

Ключевые слова: гуаньси, отношения между коллегами, межличностное доверие, качество работы, способности, целостность, личное доверие, механизм действия, самоотчет, эмпирическое исследование, деятельность организации.

引言

在中国，关系是处理中国高度个人化问题和不可明确表述的社会秩序的弹性机制。⁰中国人心目中的“人”不是一个独特的、孤立的实体，而是生活在各种人际关系之间的实体。这种“自我”与他人有密切联系，“自我”的社会需求只能在与他人的关系中、在与社会规范的一致中得到满足。⁰Burt⁰在行动结构论（Structural Theory of Action）中指出行动者在特定的社会结构中，行动者只能在所属社会结构的限制追求自身的利益。相比较于西方国家，中国是个高度社会化的社会，更倾向于在大我中体现自我。王询⁰认为在中国这样一个特殊主义盛行的语境中，组织内部人际关系密度大，人际关系对组织运行效率的影响更大。在现今中国组织中，家国同构管理理念依然是当今组织普遍的管理思想，基本上所有的组织都有浓厚的“家”色彩，员工之间强调亲情，强调员工无私奉献，注重人际和谐。另外，随着工业化发展与社会人口流动性增加，通过人际交往所建立的关系日益重要，因此“自己人”的核心范围也渐渐延展到家族以外的个人或团体组织，例如同学关系、同事关系，这方面研究急需加强。⁰现有研究更多关注上下级关系，而对同级同事关系关注较少。

在同一组织通过员工互动形成的关系、信任是组织中最常见行为。本文以平级同事关系构念考量中国文化中的相关因素，并且结合场域特征来探讨其内涵及作用机制，即在一组织中，有“准家”内涵的成员关系，其与组织中个体工作绩效的关联，探讨人际信任在同事关系与个体工作绩效的中介效果。

一、理论拓展与研究假设

1. 平级同事关系概念与测度

平级同事关系，即是职务相同或相近的在同一职业群体中工作，并以职业活动为媒介的相互交往，是职业群体中的一种交往形态。平级同事，属于强连带（Strong Ties）关联，强连带关系通常代表者行动者彼此之间具有频繁的互动，并且信息同质性高。关系对于中国人来说意义重大。中国人之关系取向，在日常生活中最富有动力的特征是‘关系中心’或‘关系决定论’。⁰现有研究对关系的界定共同之处有两点，一是关系是儒家伦理的体现，是一种伦理规范；二是关系包含功利化内容。概而言之，关系是建立在特殊联系之上、蕴含着潜在利益的一种紧密的人际关系。结合现有关系研究，本文将平级同事关系界定为：在同一组织中职务相同或相近的，同事之间的私人关系，是传统角色规范、个体经济计算的反

映，它通过不明确的规则约束和激励交往者的行为，是同事在组织环境中所采取的交往策略。

现有对关系成分研究有多种结论，杨国枢^[6]提出关系成分包括情感、工具和义务性。Kipnis⁰通过田野调查，提出关系包含感情、互惠、面子。姜定宇⁰通过实证研究得出，关系分为人际情感、角色义务和利益关系。Xiao-Ping Chen等⁰通过实证研究，得出中国企业亲密的同事关系是种混合型关系，包含情感和工具两种成分。除 Xiao-Ping Chen、姜定宇、史江涛等少数研究外，其余的研究只考虑大文化环境，没有将研究对象归入不同场域中讨论。华人在不同情境中关系处理方式会不同，而关系双方会选择并启动不同的角色关系来应付不同情境的需要。⁰刘嘉庆等⁰认为，在不同的生活处境下，采用不同关系潜在维度具有研究价值。中国是个泛家族社会，一个人从工作开始，就对这个工作单位有着较强的依附感，这组织就如一个延伸的家庭。当下社会，关系功利化、理性化已成为共识，⁰在这个准家中，也不例外。同时中国人非常注重面子，同事之间要互给面子，唯恐撕破面子大家不好相处。王晓霞等⁰认为，构成中国人际关系结构的一个重要因子是“面子”，它具体地调整着中国社会人际关系的方向和程度，成为中国人际关系的一个最基本的“调节器”。李敏⁰提出同事关系包含着情感、利益、义务和面子四要素，并指出同事关系反映出中国阴阳文化的特点，关系就是这四要素之间的平衡。本文运用李敏⁰同事关系研究结论。

对于“关系”的测量，由于学者们关注的焦点不同，存在多种维度划分，相应的测量量表也有着较大差异。黄光国⁰将关系成分划分为情感性和工具性。杨宜音⁰根据杨中芳⁰将中国人际关系成分划分为既定成分和交往成分的观点，采用个案研究方法，获得了农村与城市人关系分类及其解释的实证数据。她的研究发现，城市与农村被研究者的关系状况都呈现出差序格局特征，体现出关系的两个维度：先赋性（既定成分）与交往性。Kipnis⁰通过在中国两年的田野调查，确认了关系的三个构成维度：感情、互惠、面子，而且他认为感情是其中最为重要的。Park等⁰也提出了这三维度是关系的必要组成的观点。Lee等⁰依照这三个维度对关系进行了衡量。姜定宇⁰以杨国枢⁰与杨中芳⁰的理论为基础，对关系构念予以操作化，提出了相应的三个维度（人际情感、角色义务、利益关系）测量量表。对于关系维度划分存在多种不同观点，这反映出关系内涵的丰富性。作为组织的一员，同事之间由于工作身份、交往会产生一定程度情感性、义务性，同时包含着各自经济利益，为了保证这种合作，同事之间互给面子是不可缺的。借鉴李敏（2016）^[4]的研究，本文从情感、义务、工具性和面子测量同事关系。

2. 人际信任概念及测量

人际信任是指组织内员工之间、组织内员工与外界人员的信任，本文组织内员工信任是指发生在同级员工之间，员工与上司之间的人际信任；⁰是一种在人际交往中对交往对象的一种预期及信念；⁰是建立在对方行为积极预期基础之上，信任者愿意与对方维持一种关系，并接受由于这种关系带来的风险。中国人的信任特征是特殊信任，人们只信任那些与自己有私人关系的人，而不信任外人，普遍信任在中国是十分缺乏的。福山⁰（Fukuyama）曾将中国文化归结为低信任度文化。但在熟人之间有高度的人际信任。在同一组织中，因为道德高尚，业务能力强而得到同事的赞誉是一种普遍现象。中国组织制度的适用有着较大的弹性，而中国人有着事不关己，高高挂起的心态，这种情况下，往往考虑彼此的私交来运用制度。Whitley⁰对华人企业中的信任行为进行研究，发现中国人很少采用以制度为基础的（institutionally-based）信任建构方式。我国的人际信任的特殊性是我国文化和现实反映。

关于我国人际信任维度的研究，刘颖⁰在两次大规模调查研究（范围覆盖全国9省市19个城市40企业共1263个有效样本）和两次经验研究（范围覆盖5省19家企业共920个有效样本）的基础上，得出我国企业员工人际信任的四维结构模型，这四个维度分别是：关系信任、个性品质信任、胜任信任、公开性信任。徐碧祥⁰认为我国文化背景下的组织内部人际信任主要由以下三个维度构成：能力信任、品德信任和关系信任，并通过经验研究论证了此三个维度的存在。虽然不同的划分标准导致了不同的分类结果，但所有的维度最终都可以归结为认知和情感两大维度。⁰根据上文的分析，本文借鉴徐碧祥的研究结论，平级同事人际信任包括私交和普适性的能力、道德信任。由于信任涉及范围宽泛，据于本文研究目的，本文人际信任指组织内平级同事之间的信任。

3. 工作绩效概念及测量

企业效能（effectiveness）来自员工的工作绩效。绩效就是完成任务的结果，与产出、成果或成就同义，绩效应该与任务完成情况、目标完成情况、结果及产出等同起来的观点在许多心理学的文献中受到了置疑。现在学界普遍接受了绩效的行为观点，即“绩效是行为”。⁰但对于工作是一种行为的定义不尽相同。Borman等⁰提出了绩效的二维模型，认为行为绩效包括任务绩效和关系绩效两方面，其中，任务绩效指所规定的行为或与特定的工作熟练有关的行为；关系绩效指自发的行为或与非特定的工作熟练有关的行为。雇员帮助同事、与同事合作、接受组织目标以及认同组织文化等这些行为并不是工作的正式组成部分，不是组织正式报酬的范围，但是，许多学者发现，在绩效评估的过程中，管理人员非常重视关系绩效。⁰Van Scotter等⁰对关系绩效进行研究，提出工作绩效划分为三个维度：任务绩效、人际促进和工作奉献三个维度。关系绩效包括人际促进任

务绩效是指对组织目标的实现有贡献的工作结果，是工作角色内行为；人际促进指鼓舞同事士气，关心同事、鼓励同事合作、建立和改善彼此工作、私人关系等社会因素；工作奉献强调自律、无私奉献、主动工作行为。如努力工作，不计报酬，不计个人得失、遵守组织规章制度等。

中国人做人做事绑在一起，意即你在做事时，你想构建你良好的人际圈子，反过来，做人好是想做事得到支持，同时，你平常的为人影响对方与你的合作。儒家经典中指出，“做人”是在人际关系中进行自我修养，成为一个完善的人。彭泗清⁰指出，“做人”包含两个基本要素：一个是道德发展上的涵义，犹如自我修养，另一个则是社会适应上的涵义—做人要完成社会角色，能够恰当的表现自己，成为适应社会现实，为他人所接纳的人。做人涉及伦理、权力、人情、利益多种因素，⁰如果你只是能力很强，但不会为人，是不会得到很多人认可的。据此，本文运用 Van Scotter 等学者⁰的研究，工作绩效维度包括任务绩效、工作奉献和人际促进。

4. 同事关系与工作绩效

现有研究表明关系对工作绩效的直接的影晌。Weitz 等⁰发现，在各种各样的语境中和组织间交换，个人的人际关系对经济结果的实现有促进作用。Standifird 等⁰运用交易成本理论对关系与营销效率的关联作用进行了研究，结果表明关系有利于减少环境、行为的不确定性和机会主义，关系对促使相对市场和科层组织来说，有较多的优势，可使资产专用性发挥最优效果。韩巍⁰认为关系作为中国人际间的一个重要的交互作用方式，强化了人际间的信任、义务及责任感，降低了交易成本，还帮助人们分享了重要的商业信息，形成了牢固的交易网络等；但有时也是“非生产性的，低效率的”，尤其重要的是，它往往破坏了市场交换的基本规则—公平性。即短期内，对个体是正营销效率的，在长期从整个市场来看，对营销效率的作用是负的。洪晨桓⁰研究指出知觉“关系”程度对人际利他行为有正向显著影响，此则代表双方遵守互惠原则之下，同侪间的利他行为易发生在知觉“关系”程度高的组织成员身上；亦即关系的运作本身具有资源与信息获取、降低风险等益处，所以，关系与绩效存有正向关系。这些研究结论的不一致性，原因主要是研究视角和研究概念的差异。

中国是个高集体主义文化的社会，同时，也是个泛家族社会，这影响着组织管理的模式和组织成员之间的关系。一个人从出生开始，就归属于某个极具凝聚力的组织，这组织就如一个延伸的家庭。中国人非常注重感情上的依附、和谐，尽量避免彼此之间的排斥，并且在同一组织中，大家会拥有一种共同的身份，按照彼此身份要求，进行同事间的合作。但另一方面不可否认的事实，关系带有强烈的功利色彩，同事之间交换强调资源交换的理性关系，在交换过程遵循个人利益最大化原则”。同事关系中包括中面子，面子指的是个体在某种关系语境中具有肯定印象，它是个体通过履行被其他人认可的社会规则而获得的。⁰中国有句俗语，打人不

打脸，骂人不揭短。这话也表明面子对中国人的重要性。因为面子在社会生活中如此重要，因此组织成员都互相保护彼此的面子。⁰在中国社会，爱面子，有时是虚荣，或是表面上的认可，都会鼓励人们采取合作的社会规则，满足同一组织的其他人的要求，这些行为的结果是组织内冲突减少，同事之间关系更为和谐。根据上述研究与分析，本文提出假设 1：

H1：同事关系对工作绩效有正向影响。

5. 同事关系与人际信任

中国社会是个低信任社会，在这种社会中，人们往往不信任组织之外的人，而只相信组织之内的人。现代流行一段话：两人说真说话，三人说笑话，四人说胡话，五人说假话。由此彼此之间的关系，成为信任的一个有力保障。在彼此熟悉的社会关系中，人际约束是主要的维持信任机制。关系就如一个门槛，假设你没有这门槛，没有人愿意与你做生意，假如我们都不认识，如何相信你。⁰彭泗清⁰以中国大陆为取样范围，探讨了信任建立机制，发现关系运作是建立和发展人际信任的主要方法，在长期合作关系中，情感性的关系运作方法较受重视，而在一次性交往中，工具性的关系运作方法较受重视。Jacobs⁰提出，可靠性与关系的亲密度成正比。在他看来，关系的亲密度又由关系基础与感情所决定，因此可以说关系基础与感情是影响信任的重要因素。杨音直⁰关于“自己人”的研究揭示了中国人对外人的信任是通过拟亲化和个人之间心理情感的亲密认同这样两个将外人变为自己人的过程来建立的。“自己人”身份的获得是外人获取信任的一个重要条件；但是，当拟亲化中的血缘亲情与交往中的亲密认同出现分离时，则心理情感上的亲密认同就成为相互信任和“自己人”身份的独立的心理内核。在中国“自己人”是个伸缩性相当大的概念，它既包括亲人，也包括后天由于关系的亲近而成为“自己人”。所有这些研究结果都表明，中国人对他人的信任，虽然从外观形式上看，基本上是一种“关系本位”取向的信任—依据人与人之间先天的血缘联系与后天的归属关系而得以形成和建立；但是，实质上起作用的主要不是关系本身，而是关系中所包含的双方之间心理情感上的亲密认同，它能够增强交往双方的义务感和责任心，为双方的相互信任提供保证。并且人际信任的大小与情感关系密切程度成正相关。⁰Farh 等⁰研究发现亲戚、以前的邻居这两类关系与对上司的信任显著相关，亲戚、同乡、同学这三类关系与联系信任显著相关。按照杨国枢⁰、黄光国⁰的关系研究，亲戚和以前邻居这两类关系的成分更多的是情感性和义务性关系。这表明关系情感性和义务性对个体间信任的重要影响。Lee 等⁰对 128 家香港企业的研究结果验证了情感性关系对销售人员信任有显著正向作用，互惠关系对信任有负向作用。作者在访谈中了解到，同事之间的工具性交换由于公平、交往预期清晰，也容易建立信任。如某个员工借钱炒股，但本钱太少，找同事借了一些钱，写上借条，谈妥利息，利息没有在借条上写明白，担心日后打官司不利，这是

放高利贷，政府不允许，到一定时间，借款人按期将利息还入贷方。还了几个月后，由于资金链紧张，借款人没能继续还贷，但表示，一并将利息计算成本金。不多入，又开始还钱，结果贷方认为借款人可以信任。并且中国人很看重面子，在现实生活中，越有面子的人，越容易获得信任。根据以上分析，本文提出以下假设 2：

H2：同事关系对人际信任具有正向影响。

6. 人际信任概念工作绩效

人际信任是预测员工对整个组织满意度的重要变量，会影响组织公民行为，对个体的任务绩效有影响。企业在分配组织报酬时，按照绩效和贡献已经是个主要原则。另一方面，中国是个具有集体主义倾向的社会，在这个社会中，推崇的是集体价值观，在这种文化的影响下，中国人在往往考虑人际和谐的需要。根据以上分析，提出假设 3：

H3：人际信任对工作绩效有正向影响。

根据 Baron 等⁰的解释，中介变量（mediator）是自变量对因变量发生影响的中介，是自变量对因变量产生影响的实质性的、内在的原因，通俗地讲，就是自变量通过中介变量对因变量产生作用。同事关系对员工工作绩效的影响，信任是以关系为载体，存在于关系中的社会资本，因此信任与关系是密切相关的。中国人对外人不信任，中国人对“自己人”却具有很强的信任倾向。同事人际信任会增添员工的责任感，将组织的发展壮大视为己任，从而努力工作提高工作绩效。根据以上研究提出假设 4：

H4：人际信任在员工关系与工作绩效之间起着中介作用。

三、研究方法

1. 变量概念及测量

根据同事关系的界定，从情感、义务、工具性和面子四个方面来测量同事关系。情感性关系是一种主要为满足关爱、温情、安全感和归属感等情感方面需要的长久而稳定的关系。工具性关系是“一种以利益得失来计算交往动机，强调资源交换的理性关系，每次交换均可视为独立事件，社会交往中以公平为法则”。是交往者彼此的角色所规定的，以社会伦理为交往准则，具有长期导向性的关系；⁰面子是在根本上是一种由于个人表现出来的形象类型而导致的能不能被他人看得起的心理和行为。⁰李敏⁰根据姜定宇⁰、杨国枢⁰、Lee⁰的研究为基础，构建了同事关系测量量表，并进行了检验，形成了平级同事关系测量量表，见表1。

表1 平级同事关系测量量表

维度	测量条款	条款来源
情感性关系	Q1-1 我与大多数平级同事是可以深入交流的伙伴关系	姜定宇, 2005
	Q1-2 我会与大部分平级同事分享彼此的感受	

	Q1-3 我与大部分平级同事情感上是紧密相联的	Lee 等, 2005
	Q1-4 我与大部分平级同事彼此分享情绪, 不论高兴还是悲伤	
	Q1-5 我与大部分平级同事互相欣赏	
工具性 关系	Q2-1 我与大部分平级同事的关系是基于实质利益的	姜定宇, 2005
	Q2-2 我与大部分平级同事共事的原因, 无非是因为会得到好处	
	Q2-3 对大部分平级同事的帮助程度, 要看他(她)的回报而定	
	Q2-4 平级同事之间应该讲求互利, 除非有好处, 否则, 不需要为同事多做什么	
	Q2-5 我与大部分平级同事的关系主要是为了获得某些物质利益	黄光国, 1988; 杨国枢, 1993
	Q2-6 我与大部分平级同事之间的交往总会计算得很清楚	
义务性 关系	Q3-1 我觉得我有照顾平级同事的义务	姜定宇, 2005
	Q3-2 当平级同事生活遭遇困难时, 作为他的同事, 我有义务帮助他度过	
	Q3-3 对于发生在我平级同事身上的事情, 我觉得自己有责任去关心	
	Q3-4 作为平级同事, 要尽到与自己身份相符的义务与责任	
面子	Q4-1 我和大多数平级同事都很关心面子	Lee 等, 2005
	Q4-2 受到平级同事的尊重越多, 就会越有面子	
	Q4-3 大多数平级同事之间会互相给面子	

人际信任包含品德信任、能力信任和关系信任三个子域, 参照现有研究形成人际信任测量量表, 见表 2。

表 2 人际信任测量量表

维度	测量条款	条款来源
品德信任	Q5-1 我认为大多数平级同事具有可靠的工作道德	Jarvenpaa, Knoll, Leidner, 1998
	Q5-2 我相信大多数平级同事会努力做到公平对待每个人	
	Q5-3 我相信大多数平级同事会对工作认真负责	
	Q5-4 我认为大部分平级同事在工作中有过言行不一致	
	Q5-5 我认可大多数平级同事的工作价值观	
能力信任	Q6-1 我相信我的大多数同事具备完成工作所需的知识	Mayer, Davis & Schoorman, 1995
	Q6-2 我认为我大多数平级同事所承担的工作是成功的	
	Q6-3 我对大多数平级同事的工作技能有信心	
	Q6-4 我认为大多数平级同事能够胜任他们各自的工作	
	Q6-5 我相信大部分的同事能够完成他们的工作	

	Q6-6 我相信大多数平级同事有提高本部门绩效的能力	
关系信任	Q7-1 我可以借一大笔钱给平级同事, 且不立字据	彭泗清, 1998
	Q7-2 我把自己的隐私告诉平级同事	
	Q7-3 我能把重要的事情托付给我的平级同事	
	Q7-4 我能请平级同事帮我保管财物	
	Q7-5 我能与大多数平级同事长期合作做某件事情	
	Q7-6 我能将对我与平级同事都认识的熟人的不满告诉同事	

作绩效包括工作奉献、任务绩效和人际促进三个子维度, 其测量条款见表3。

表3 工作绩效测量条款

维度	测量条款	条款来源
工作奉献	Q8-1 我主动承担富有挑战性的工作	Van Scotter 等, 1996
	Q8-2 我主动解决工作中存在问题	
	Q8-3 我坚持克服困难以便完成任务	
	Q8-4 我加班工作以便准时完成任务	
任务绩效	Q9-1 我严格遵守单位规章制度	
	Q9-2 我按质量标准完成工作	
	Q9-3 我在规定的时间内完成工作任务	
	Q9-4 我按上级要求完成工作任务	
	Q9-5 我的工作达到预期标准	
人际促进	Q10-1 我与同事之间的关系融洽	
	Q10-2 我主动给其他同事提供帮助	
	Q10-3 我在工作上同其他同事合作	
	Q10-4 我公平地对待同事	
	Q10-5 我对同事关心体贴	

2. 样本描述性统计

样本调查从2009年9月初开始到2009年11月结束, 历时两个多月。共对江西南昌、抚州、广东广州、中山等21家企业发放了调查问卷750份, 本文作者借用企业朋友关系, 亲自到企业调研, 明确这是平级同事的问卷, 现场回收, 回收了662份, 通过筛选最终得到有效问卷611份。样本描述性统计见表4。

表 4 样本描述性统计 (N=611)

性别	男	327	缺失值 6	月收入	1000 以下	63	缺失值 3
	女	278			6	1000-2000	
年龄	30 岁以下	178	21		2000-4000	144	
	30-45 岁	305			4000-6000	30	
	46 岁以上	107			6000 以上	17	
学历	高中或中专以下	283	5	工作年限	3 年以内	261	2
	大专	168			4-6	127	
	本科	129			7-10	138	
	研究生	26			10-15	35	
职位	普通职员	364	6	企业性质	15 年以上	48	15
	基层经理	102			国有企业	147	
	中层经理	111			民营企业	166	
	高层经理	28			外资企业	117	
部门	生产部门	160	8	企业规模	中外合资企业	19	21
	研发部门	34			股份制	147	
	管理部门	140			100 人以下	152	
	销售部门	89			100-500	227	
	其他部门	180			500-2000	167	
					2000 人以上	44	

3. 信效度检验

本研究采用探索性因子分析和验证性分析的统计方法进行数据分析, 根据因子分析统计方法的要求, 分析的数据要求是服从正态分布, 为此, 有必要对问卷中各变量测量条款的均值、标准差、偏态和峰度等描述性统计量进行分析, 各测量条款的偏度绝对值都在0.19-1.74之间 (小于标准值3), 峰度绝对值都在0.11-3.58 (小于标准值10), 表明测量数据基本服从正态分布。

通过探索性因子分析 (EFA) 以Cronbach's α 系数检验量变内部一致性, 同时考察了各个测量表的因子建构信度 (CR), 当CR大于0.7时, 表明该变量具有较好建构信度。在内容效度检验方面, 本研究所采用的量表基本上借鉴现有的较为成熟的量表编制而成, 所参考的在前期经验研究中已为相关专家所认可, 同时, 根据本研究的目的和具体的环境特点, 如中国文化的特点、企业的性质等, 笔者在现有的量表的基础进行了

一定的调整，并通过向专家请教和员工访谈等方式对设计量表进行了补充，再经过小样本测试，据此可以认为本研究所采用的量表具有较好的内容效度。对于收敛效度，本文采用平均方差提取值（AVE）来衡量，当 AVE 值大于 0.5 时，表示收敛效度好。如表 5 所示，各因子 AVE 值都大于 0.5，建构信度都大于 0.7，表明同事关系量表具有较好的收敛效度。对于区分效度，学界普遍接受的标准是：一个良好的问卷结构要求维度与总测验的相关在 0.30–0.80 之间，各维度之间的相关在 0.10–0.60 之间。如表 6 除任务绩效、人际促进与工作绩效的相关系数大于 0.8 之外，其他的因子相关系数数值都合乎量表区分的标准。

表 5 变量信度与收敛效度评价

潜变量	测量指标	建构信度 (CR)	Cronbach's α	AVE
同事关系	情感	0.87	0.84	0.57
	义务	0.92	0.88	0.65
	工具性	0.84	0.77	0.56
	面子	0.86	0.81	0.67
$c^2/df = 3.29$, GFI=0.99, AGFI=0.95, RMSEA=0.563, NFI=0.93, IFI=0.92, CFI=0.92				
人际信任	品德	0.84	0.82	0.57
	能力	0.87	0.86	0.54
	关系信任	0.86	0.80	0.51
$c^2/df = 6.78$, GFI=0.92, AGFI=0.94, RMSEA=0.097, NFI=0.95, IFI=0.95, CFI=0.91				
工作绩效	任务绩效	0.88	0.91	0.65
	工作奉献	0.86	0.90	0.55
	人际促进	0.85	0.87	0.54
$c^2/df = 3.91$, GFI=0.91, AGFI=0.96, RMSEA=0.069, NFI=0.97, IFI=0.97, CFI=0.93				

表 6 变量区分效度检验

	项目数	均值	标准差	情感性关系	工具性关系	义务性关系	面子	关系
情感性关系	5	3.87	0.75	(0.84)				
工具性关系	6	1.83	0.83	0.10 (***)	(0.88)			
义务性关系	4	4.01	0.67	0.38 (***)	0.01	(0.77)		
面子	3	3.28	0.98	0.10	0.29	-0.03	(0.81)	

				(**)	(***)	(*)		
关系	18	3.25	0.49	0.63 (***)	0.61 (***)	0.51 (***)	0.66 (***)	(0.82)
	项目 数	均值	标准 差	品德信 任	能力信 任	关系信 任	人际信 任	
品德信任	4	3.99	0.67	(0.82)				
能力信任	6	3.86	0.69	0.57 (***)	(0.86)			
关系信任	6	2.82	0.85	0.05 (*)	0.06 (*)	(0.80)		
人际信任	16	3.56	0.51	0.72 (***)	0.74 (***)	0.61 (***)	(0.80)	
	项目 数	均值	标准 差	工作奉 献	任务绩 效	人际促 进	工作绩 效	
工作奉献	4	4.13	0.71	(0.90)				
任务绩效	5	4.26	0.59	0.48 (***)	(0.91)			
人际促进	5	4.27	0.62	0.45 (***)	0.67 (***)	(0.87)		
工作绩效	14	4.22	0.53	0.80 (***)	0.84 (***)	0.84 (***)	(0.91)	

注：1)***表示在0.01水平上显著（双尾检验），**表示在0.05水平显著（双尾检验），*表示在0.1水平显著（双尾检验），对角线上括号中为变量的内部一致性系数。

4. 人口统计变量对同事关系的影响分析和检验

本研究对不同的人口统计特征与关系总体进行了独立样本T检验和单因素方差分析，各种数据的结果综合整理于表7。发现员工关系在职位、部门、工作年限和企业性质等方面存在显著差异。采用Tamhane法对均值进行分析，发现职位为基层经理的员工其义务性关系要高于普通员工，这可能说明员工职位越高，其义务性会更强。工作年限对关系有显著性差异影响（ $F=3.48$ ， $P=0.008$ ），表明工作时间越长，员工关系会处理更好。企业性质对员工的关系的影响有显著性差异（ $F=5.52$ ， $P=0.000$ ）。按样本所属企业性质进行两两分类比较研究。发现民营企业与外资企业、股份制企业与外资企业在关系方面存在显著差异，这说明企业性质对员工关系产生显著影响。Grainger等⁰的研究结论：即不同性质的企业其员工人际关系有着较大差异性。企业性质对员工关系存在显著差异影响的原因，是因为不同性质的企业由于其文化差异，运行机制的不同，这些中观环境对员工关系有着深刻影响。员工所在的具体工作部门对员工关系的影响有显著性差异（ $F=13.82$ ， $P=0.000$ ）。部门之间的工作职责不同，由于职责不同，会对同事之间的关系产生深刻影响。这反映不同的网络结构其彼此之间的人际关系会有差异。

表7 人口统计变量对同事关系的影响分析

人口统计变量		同事关系 均值 标准差	人口统计变量	同事关系 均值 标准差	
性别	男	3.27 0.50	部门	生产部门	3.38 0.45
	女	3.21 0.46		研发部门	3.46 0.48
	T值	1.18		管理部门	3.26 0.43
	p (双尾)	0.277		销售部门	3.30 0.41
				其他部门	3.04 0.53
				F值	13.82
				p	0.000
年龄	30岁以下	3.18 0.48	月收入	1000元以下	3.08 0.54
	31-45岁	3.25 0.48		1000-2000元	3.26 0.50
	46岁以上	3.30 0.48		2000-4000元	3.26 0.44
	F值	2.29		4000-6000元	3.27 0.35
	p	0.102		6000元以上	3.43 0.44
				F值	2.57
				p	0.107
学历	高中(含)以下	3.21 0.56	工作年限	3年以内	3.20 0.51
	大专	3.29 0.42		4-6年	3.18 0.51
	本科	3.26 0.41		7-10年	3.36 0.43
	研究生(含)以上	3.26 0.40		10-15年	3.31 0.44
	F值	0.99		15年以上	3.31 0.36
	p	0.395		F值	3.48
				p	0.008
职位	普通职员	3.20 0.52	企业性质	国有企业	3.28 0.43
	基层经理	3.25 0.43		民营企业	3.21 0.49
	中层经理	3.36 0.41		外资企业	3.39 0.46
	高层经理	3.39 0.46		中外合资企业	3.26 0.42
	F值	3.94		股份制	3.12 0.54
	p	0.008		F值	5.52
				p	0.000
			企业规模	100人以下	3.23 0.50
				100-500人	3.24 0.55
				500-2000人	3.31 0.38
				2000人以上	3.13 0.48
				F值	1.18
				p	0.319

5. 假设检验与结果分析

(1) 人际信任在同事关系与工作绩效之间的中介作用检验

按照Baron等⁹的理论观点,对人际信任的中介效应进行检验。考虑工作绩效还可能受到其他因素的影响,本文考虑企业因素主要有企业规模,企业性质,个人因素主要有性别、岗位、部门不同、学历等因素。加入控

制变量后进行层次分析。见表8模型1，工作绩效对同事关系的回归系数 $\beta = .087$ ($p < 0.1$) 验证假设1，模型2人际信任对同事关系回归系数 $\beta = .302$ ($P = 0.000$)，表明同事关系对人际信任有着显著的正向影响，验证假设2，模型3因变量工作绩效对人际信任的回归系数 $\beta = .503$ ，($p < 0.01$)，验证假设3。模型4因变量同时对自变量和中介变量回归，工作绩效对同事关系标准化回归系数为 $-.074$ ，不显著，工作绩效对人际信任的标准化回归系数为 $.525$ ($p < 0.01$)。中介变量的回归系数显著，且自变量的回归系数不显著，由此可推知人际信任在同事关系对工作绩效的影响过程中，起到完全中介作用，验证假设4。表明同事之间的人际信任可以增强同事关系对其工作绩效的影响。

表8 工作绩效对同事关系、人际信任层次分析结果 (N=611)

	工作绩效	人际信任	工作绩效	
	模型 1	模型 2	模型 3	模型 4
性别	-.073	-.038	-.061	-.054
年龄	.146***	-.018*	.150***	.151***
学历	.056	.070*	.016	.017
职位	-.006	-.012	-.011	-.004
部门	-.031	-.001	-.015	-.024
企业性质	-.004	-.029	.014	.011
工作时间	-.055*	.005	-.061***	-.060***
企业行业	.0001	-.014	.016	.009
企业规模	-.014	.056*	-.039	-.042
同事关系	0.087*	.302		-.074
人际信任			.503***	.525***
F	2.72	9.86	20.08	16.56
R2	.049***	.156***	.252***	.257***

注：***表示 $p < 0.01$ ，**表示 $p < 0.05$ ，*表示 $p < 0.1$ 。

(2) 人际信任各维度中介作用探讨

同事关系、人际信任和工作绩效都是多维度潜变量，为更清楚探究各维度之间的关联，本文运用以上方法探讨人际信任各维度的中介作用。具体见表9。

表9 同事关系、人际信任、工作绩效回归分析

同事关系	人际信任			工作绩效		
	品德信任	能力信任	私交信任	工作奉献	任务绩效	人际促进
情感性	0.29***	0.09*	0.24***	.039*	.232***	.215***

义务性	0.33***	0.31***	0.38***	0.30***	0.25***	0.30***
工具性	-0.05	-0.09*	0.17*	-0.10*	-.135*	-0.22***
面子	-0.07*	-0.038	0.142***	-0.08*	0.09*	-.084
人际信任	工作奉献		任务绩效		人际促进	
品德信任	0.31***		0.30***		0.38***	
能力信任	0.28***		0.39***		0.28***	
私交信任	0.18***		0.08*		0.08*	

按照上文检验人际信任中介效应方法，检验人际信任子维度中介效应，结果见表10。

表10 人际信任子维度的中介效应

自变量	因变量	中介变量	中介效应	自变量	因变量	中介变量	中介效应
关系	工作绩效	人际信任	完全				
情感性关系	工作奉献	品德信任	完全	情感性关系	工作奉献	能力信任	部分
情感性关系	任务绩效	品德信任	部分	情感性关系	任务绩效	能力信任	部分
情感性关系	人际促进	品德信任	部分	情感性关系	人际促进	能力信任	部分
义务性关系	工作奉献	品德信任	部分	义务性关系	工作奉献	能力信任	部分
义务性关系	任务绩效	品德信任	部分	义务性关系	任务绩效	能力信任	部分
义务性关系	人际促进	品德信任	部分	义务性关系	人际促进	能力信任	部分
面子	工作奉献	品德信任	完全	工具性关系	工作奉献	能力信任	完全
面子	任务绩效	品德信任	部分	工具性关系	任务绩效	能力信任	部分
情感性关系	工作奉献	关系信任	完全	工具性关系	人际促进	能力信任	部分

注：表格人际信任各子维度中介作用检验是按照以上方法得出的，如有一个条件不符合，即不考虑中介作用检验。

从二阶因子数据分析人际信任在同事关系和工作绩效之间有着完全中介作用。但一阶因子的数据分析来看，品德信任在情感性、义务性与工作绩效子维度都有部分或完成中介作用。品德信任与工具性关系回归系数不显著；品德信任有助于改善面子对工作奉献和任务绩效的影响，但对面子对人际促进没有提升影响，这反映了同事之间的面子更多是虚的，形式上的。能力信任在情感性、义务性、工具性与工作绩效各子维度之间都具

部分或完成中介作用。这表明同事之间在能力方面的认可很重要。关系信任在情感性与工作奉献之间具有完成中介作用，表明私交有助于提升工作主动性，在其他维度之间，没有中介作用。从以上分析得出，组织内同事之间能力信任的重要性，其次是品德信任，而私交信任影响较少。这反映了组织运行的基础是员工能力、品德。

五、结论与讨论

1. 研究结论

(1) 同事关系对工作绩效的影响

同事关系对工作绩效具有正向预测作用，从相关系数来判断，属于弱显著 ($p < 0.1$)，且回归系数较小，系数值为0.087。本文研究结论发现，平级同事之间的关系对其工作绩效的影响不如现有文献研究所得出的结论：关系对员工绩效影响大。⁰通过同事关系和工作绩效一阶因子的回归分析，发现，情感性和义务性各自对人际信任和工作绩效子维度的影响较大，工具性和面子对人际信任和工作绩效子维度的影响较少，或是不具备统计上的意义。

(2) 人际信任对工作绩效的影响

从二阶因子数据分析得出，品德信任和能力信任对工作绩效的影响较大，相比较关系信任预测能力更弱。这反映出同一组织中，普适性人际信任发挥着非常大的影响，也显示出私交信任在一个陌生人语境中的萎缩。

(3) 同事关系对人际信任的影响

情感性关系、义务性关系、工具性关系和面子对关系信任都具有正向的影响。相比之下，义务对关系信任的解释力最强，情感次之，工具性关系解释最弱。这或许反映了中国人“伦理”意识，在中国首先根据彼此身份来决定各自的行为，再衡量彼此之间的感情，验证了在华人中做决策要遵循“尊尊法则”和“亲亲法则”的处事方式。⁰工具性关系对关系信任具有正向的预测的作用，这可能反映了公平的交易行为有助于彼此私交的加深，因为工具性关系遵循的是一种公平的交易法则，这种公平的交易行为造成两不欠的实况，彼此都不欠对方的人情，在中国人情大过债，并有着“亲兄弟，明算帐”这一说法，本文的研究结论反映了国人对经济理性的认可。中国人一方面说“水至清则无鱼，人至察则无徒”，但一方面又不想欠人情帐，本文的研究验证了中国人的这种心理。综上所述，在关系影响人际信任的过程中，相比之下，义务性关系有着更强的解释力，这反映了国人在判断人的行为过程首先是按照身份的要求，然后再考虑情感、工具性和面子的要求。这体现出国人“名不正，言不顺”的思维判断方式，这可能反映了中国人际之间最重要的成分是义务，其次才是感情。

(4) 人际信任的中介作用

通过人际信任的中介，同事关系预测工作绩效的影响力大大增强。在本研究中，三个主变量都有着二阶因子，根据层次分析的结果，发现：能力信任和品德信任具有较强较大范围的中介作用，而私交信任的中介能力非常有局限性。这种研究结论反映出同事之间希望通过自己的能力、品德去推动事情的发展。本文发现了同事关系对工作绩效的某些影响路径，本文研究丰富了“关系”作用模式的理论构建。

（5）部门、职位差异对同事关系产生影响

部门、职位等不同，不同级别、类型的同事之间关系具有差异性，部门越高，职位越高，其情感性、义务性更强。这反映不同的网络结构其彼此之间的人际关系差异。

2. 启示

我国特定的文化背景决定了关系成为人际信任形成的重要决定因素，因此组织要为组织成员提供更多的沟通与交流的机会，增进员工间的相互了解，进而通过彼此关系，特别是情感和义务性关系的增进达到促进组织内部人际信任的目的。

本研究表明同事关系通过人际信任，进而影响工作绩效。从同事关系更具体的作用路径来看，主要通过品德信任、能力信任强化关系对绩效的影响。为此，要在企业中大力倡导能力至上、品德为重的工作作风，这样可以更好地保障组织绩效的实现。本研究发现关系信任在关系与工作绩效之间的中介效应不强，但关系信任对工作奉献、任务绩效具有促进作用，为此，要重视组织中这种私交信任的作用，给关系信任以引导，促使其为绩效提供有力支撑。

在同一网络中的不同位置，其同事关系组织具有差异性。根据本文研究结论，在管理中要有针对性运用强化这些因素。

3. 研究局限性

本文对所有变量的测量均是采用了员工自我报告（self-report）这一测量方法，这可能会导致共同方法偏差（common method bias）。因子分析结果及变量间的相关系数显示，调查数据的可信度较高，研究结果是可靠的。虽然采用主观评价的方法并不少见，但在以后的研究中，在测量上采用自我报告和同事报告或根据组织中的考核情况相结合的办法，以降低数据产生系统偏差的可能性，或是采用纵向研究（longitudinal study）进行分析。

参考文献

- Alston J., Wa. Guanxi and Inwa: Managerial Principles in Japan, China, and Korea. *Business Horizons*, 1989, vol. 32, no. 2, pp. 26-31.
- Bond M. H. 中国人的心理. 邹海燕译. 北京: 新华出版社, 1990.
- Burt R. S. *Toward A Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perception and Action*. New York, Academic Press. 1982.

- 王询. 文化传统与经济组织. 大连: 东北财经大学出版社, 2007.
- 宝贡敏, Shi Jiangtao. 中国文化背景下的“关系”研究述评. 心理科学, 2008, 31(4): 1018-1020.
- 杨国枢. 中国人的心理与行为: 本土化研究. 北京: 中国人民大学出版社, 2004: P. 86-120.
- Kipnis A. B. *Producing guanxi*. Durham, NC, Duke University Press, 1997.
- 姜定宇. 华人部属与主管关系、主管忠诚、及其后续结果: 一项两阶段研究. 台湾: 台湾大学, 2005.
- Xiao-Ping Chen, Siqing Peng. Guanxi Dynamics: Shiftsin the Closeness of Ties Between Chinese Coworkers. *Management and Organization Review*, 2008, vol. 4, no. 1. pp. 63-80.
- Yang C. F. The conceptualization of interpersonal relationships and interpersonal liking. *KS Yang. (Eds.) Indigenous Psychological Research in Chinese Societies. Vol. 12*. Taipei, KueiKuan-Publishing Co., 1999, 9.
- 刘嘉庆, 区永东, 吕晓薇, 蒋毅. 华人人际关系的概念化——针对中国香港地区大学生的实证研究. 心理学报, 2005, 37(1).
- 徐晓军. 徐晓军: 内核-外围: 传统乡土社会关系结构的变动——以鄂东乡村艾滋病社会关系重构为例. <http://www.sachina.edu.cn/Htmldata/article/2009/03/1826.html>, 2009-3-2/13:48.
- 王晓霞, 乐国安. 当代中国人际关系的文化传承. 南开学报, 2000, (3).
- 李敏. 同事关系对个体工作绩效的影响: 基于中国情境的实证研究. 苏州大学学报: 哲学社会科学版, 2016, (2).
- 黄光国. 华人社会中的脸面与沟通行动. 载于黄光国主编. 面子: 中国人的权力游戏. 北京: 中国人民大学出版社, 2004, 63-87.
- 杨宜音. “自己人”: 一项有关中国人关系分类的个案研究. 本土心理学研究, 2001, (13): 277-322.
- 杨中芳. 人际关系与人际情感的构念化. 本土心理学研究, 1999, vol. 12, pp. 105-180.
- Park S. H., Luo Y. D. Guanxi and organizational dynamics: Organizational networking in Chinese firms. *Strategic Management Journal*, 2001, vol. 22, no. 5, pp. 455-477.
- Lee D. Y., Dawes P. L. Guanxi: Trust and Long-term Orientation in Chinese Business Markets. *Journal of International Marketing*, 2005, vol. 13, no. 2, pp. 28-56.
- 杨国枢(1993a). 中国人的社会取向: 社会互动的观点. 载于杨国枢、余安邦主编: 中国人的心理与行为——理念与方法篇. 台北: 桂冠, pp. 87-142.
- Costigan R. D., Ilter S. S., Berman J. J. A Multi-dimensional study of trust in organizations. *Journal of Managerial Issues*, 1998, vol. 10, no. 3, pp. 303-317.
- 彭泗清. 信任的建立机制: 关系运作与法制手段. 社会学研究, 1999, vol. 2, pp. 55-68.
- 福山. 社会美德与创造经济繁荣. 翻译者: 彭志华. 海口: 海南出版社, 2001.
- Whitley R. D. The Social Construction of Business Systems in East Asia. *Organization Studies*, 1991, vol. 12, no. 1, pp. 1-28.
- 刘颖. 企业员工组织信任的内容结构及相关问题的研究. 广州: 暨南大学, 2007.
- 徐碧祥. 员工信任对其知识整合与共享意愿的作用机制研究. 杭州: 浙江大学, 2007.
- 史江涛. 员工关系、沟通对其知识共享与知识整合作用的机制研究. 杭州: 浙江大学, 2007.
- 仲理峰, 时勘. 绩效管理的几个基本问题. 南开管理评论, 2002, 5(3): P. 15-19.
- Motowildo S. J. A Theory of Individual Differences in Task and Contextual Performance. *Human Performance*, 1997, vol. 10, no. 2, pp. 71-83.
- 韩翼. 雇员工作绩效结构模型构建与实证研究. 华中科技大学, 2006.
- James R., Van Scotter, Stephan J Motowidlo. Interpersonal facilitation and job dedication as separate facets of contextual performance. *Journal of applied psychology*, 1996, vol. 81, no. 5, pp. 525-531.
- 彭泗清. 中国人“做人”的概念分析. 本土心理学研究, 1993.
- 道格拉斯. C. 诺思. 制度、制度变迁与经济绩效. 刘守英译. 上海: 三联书店, 1994.

Weitz B. A., Jap S. D. Relationship marketing and distribution channels. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 1995, vol. 23, no. 4, pp. 305–320.

Standifird S. S., Marshall R. S. The transaction cost advantage of guanxi-based business practices. *Journal of World Business*, 2000, vol. 35, no. 1, pp. 21–42.

张含宇, 韩巍. 谈关系营销的非普遍意义. 商业时代, 2006(Кузнецова3): 34–35.

洪晨桓. 华人“关系”量表之发展 – 内部顾客观点. 台湾: 国立东华大学, 2008.

Jacobs J. B. The Concept of Guanxi and Local Politics in a Rural Chinese Cultural Setting. S. L. Greenblatt R. W. Wilson A. A. Wilson (eds.). *Social interaction in Chinese Society*. New York, Praeger, 1979, pp. 209–236.

Farh L. L., Tsui A. S., Xin K. R. The influence of relational demography and guanxi: The Chinese case. *Organization Science*, 1998, vol. 9, no. 4, pp. 471–487.

Hwang Kwang-Kuo. Face and favor: the Chinese Power Game. *American Journal of Sociology*, 1987, vol. 9, no. 4.

Baron R. M., Kenny D. A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, vol. 51, no. 6, pp. 1173–1182.

李敏, 李良智. 关系治理研究述评. 当代财经, 2012, vol. 12, pp. 86–91.

翟学伟. 中国人行动逻辑. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.

Grainger S. The privatisation of China's SOE: How is it affecting the production of guanxi? *International Journal of Management and Enterprise Development*, 2011, vol. 10, no. 2/3, pp. 156–172.

УДК 94

Е. М. Османов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

ВЗЛЕТ И КРАХ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1906–1917 гг.)

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение одного из самых плодотворных периодов российско-японского сотрудничества, в годы которого стороны, пережив перипетии войны, вышли на путь политического, экономического и культурного сотрудничества. Апофеозом этого сотрудничества стало заключение в 1916 г. военно-политического соглашения, оформившего по сути военно-политический союз двух стран. Однако последовавшие Февральская, а затем Октябрьская революции в России полностью перечеркнули успехи, достигнутые после Русско-японской войны.

Ключевые слова: русско-японские отношения, военно-политическое сотрудничество, военно-политический союз.

E. Osmanov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

THE RISE AND FALL OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS (1906–1917)

Abstract. The purpose of the article is to consider one of the most fruitful periods of Russian-Japanese cooperation, during which the parties, having survived the vicissitudes of the war, took the path of political, economic and cultural cooperation. The apotheosis of this cooperation was the conclusion in 1916 of a military-political agreement that formed, in fact, a military-political Union of the two countries. However, the subsequent February and then October revolutions in Russia completely negated the successes achieved after the Russian-Japanese war.

Keywords: Russian-Japanese relations; military-political cooperation; military-political Union.

Официально установленные в середине XIX столетия, к рубежу XIX–XX вв. российско-японские отношения достигли существенного напряжения. Основной их составляющей оказалась борьба за влияние на Дальнем Востоке, и в первую очередь в Корее и Китае. Апогеем этого стала Русско-японская война 1904–1905 гг., обернувшаяся первым крупным конфликтом XX в. Победа Японии в войне укрепила ее положение в регионе и поставила страну в один ряд с великими европейскими державами. Россия, в свою очередь, потеряла статус одной из крупнейших морских держав, утратив практически все достигнутые в Тихоокеанском регионе позиции [Османов, 2005, с. 4].

Собственно история этого военного конфликта хорошо известна. Между тем менее исследован период, начавшийся после окончания войны и завершившийся крахом Российской империи. Именно в течение 1906–1917 гг. противоречия между недавними противниками поступательно отходят на второй план, а японо-российские отношения достигают уровня двустороннего партнерства.

К сожалению, данный, весьма интересный период, который стал одним из важнейших этапов отношений между нашими странами и самым дружественным за всю историю двусторонних взаимоотношений, остается малоизвестным. Тому есть рациональное объяснение. Поскольку большинство соглашений, заключенных в это время, содержали дополнительные секретные протоколы, обнародованные только после 1917 г., и ввиду резкого ухудшения отношений двух стран с конца 1917 г. советская историография старалась избегать упоминания о позитивных сторонах российско-японского сотрудничества. В Японии интерес к этой теме также оказался довольно слабым.

Между тем к сближению сторон после войны толкали обстоятельства политического характера: с российской стороны – опасение повторного нападения Японии, с японской – ухудшение отношений с США и Великобританией. То есть это был некий «брак по расчету», в котором каждая из сторон рассчитывала добиться своих целей. В Европе уже шло формирование блоков и союзов для участия в войне за передел сфер влияния в мире. Поскольку на тот момент времени интересы Японии и России совпадали как между собой, так и с интересами Великобритании, в двусторонних отношениях наметилось некоторое потепление [Османов, 2006, с. 123–124].

Однако, если в первые годы после окончания войны характер двусторонних связей определялся сложным политическим сюжетом, то уже к 1912 г., а особенно к началу Первой мировой войны, между Россией и Японией складываются весьма тесные и дружественные отношения, принявшие в 1916 г. облик военно-политического союза, о чем ярко свидетельствуют отдельные рассматриваемые ниже страницы и эпизоды.

Итак, стремление Японии к нормализации отношений с Россией было обусловлено усилением американо-японских разногласий, вызванных стремлением Вашингтона под предлогом «интернационализации» Маньчжурии превратить Северо-Восточный Китай в международную колонию с преобладанием американского капитала. Отказ Японии пойти на уступки США в 1906–07 гг. привел к обострению японо-американских отношений. В частности, были введены серьезные ограничения для японских эмигрантов в Америке, и принят закон, ограничивавший въезд японцев на территорию США. Подписание в 1908 г. соглашения «Рут-Такахира» (高平・ルート協定), в соответствии с которым Вашингтон признавал права Японии в Маньчжурии, а японское правительство соглашалось с американской политикой «открытых дверей» в Китае, привело к временной разрядке японо-американских противоречий. Однако уже в 1909 г. президент У. Тафт отказался признавать «особые права» Японии в Китае и поставил задачу «выкурить Японию из Северо-Восточной Азии» [Пестушко, 2003, с. 27].

Данные события отразились и на существовавшем с 1902 г. англо-японском союзе. Хотя Великобритания и была заинтересована в сохранении союза с Японией, который являлся гарантом английских интересов на Дальнем Востоке, ей совсем не хотелось портить отношения с США и способствовать эскалации напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поэтому отношение к Великобритании в Японии также изменилось.

Новая страница российско-японских отношений была открыта с подачи одного из известнейших политических деятелей Японии эпохи Мэйдзи, председателя тайного совета гэнро маршала Ямагаты Аритомо (山縣有朋) (1838–1922), который еще летом 1906 г. заявил, что именно японо-российское сближение должно было стать реальным противодействием США на Дальнем Востоке [Dickinson, 1999, p. 142]. При этом и Россия, и Япония стремились к проведению скоординированной политики, направленной на совместную защиту своих интересов в Маньчжурии. Россия рассчитывала посредством урегулирования отношений с Японией добиться сохранения на ближайшие годы мира в своих дальневосточных владениях и вернуться к активной европейской политике. Известный политический деятель Ито Хиробуми (伊藤博文) также призывал пойти на сближение с Россией.

Однако курс на улучшение отношений с Японией в России не был однозначным. На этот счет высказывались диаметрально противоположные мнения. За улучшение отношений с Токио выступали член Государственного совета С. Ю. Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф (до 1907 г.), министр иностранных дел А. П. Извольский (в 1907–1910 гг.), министр внутренних дел П. Н. Дурново (в 1905–1906 гг.), посол России в США Р. Р. Розен, министр финансов В. Н. Коковцев (1904–1914 гг.). Крупная леволиберальная Конституционно-демократическая партия в

целом не считала Японию потенциальным противником России и также рассматривала возможность сближения.

К реваншу за поражение призывали приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, член Государственного совета А. Н. Куропаткин, военный министр В. А. Сухомлинов (1909–1915 гг.), губернатор Амурской области А. М. Валуев. Из политических организаций за продолжение конфронтации с Японией выступали правые партии, в числе которых «Русская монархическая партия», «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела». Их представители считали, что отношения России и Японии ни при каких условиях не могут стать дружественными, поскольку соседство сфер влияния двух стран в Северо-Восточном Китае является перманентным стимулом к новой войне.

Тем не менее уже в начале 1906 г. между Россией и Японией начались переговоры о заключении соглашения по общеполитическим вопросам. Их первым значимым результатом стало заключение 28 июля 1907 г. двустороннего соглашения в сфере рыболовства и торговли, а 30 июля 1907 г. в Санкт-Петербурге состоялось подписание соглашения по общеполитическим вопросам, известного в японской историографии как первое русско-японское соглашение (第一次日露協約) [1908, с. 64].

С российской стороны документ был подписан Александром Петровичем Извольским, с японской – Мотоно Итиро (本野一郎) (1862–1918). Цель данного соглашения заключалась в выработке курса совместной политики в Северо-Восточном Китае. Дополнительный (секретный) протокол содержал статьи, по которым Южная Маньчжурия объявлялась сферой влияния Японии, а Северная Маньчжурия – сферой влияния России. Согласно второй статье секретного договора Россия обязывалась не чинить препятствий развитию отношений между Японией и Кореей, а по третьей статье Япония признавала наличие специальных интересов России во Внешней Монголии.

Первый шаг к сближению был встречен весьма негативно в России. Правительство упрекали в уступчивости Японии в ущерб государственным интересам России, но как бы то ни было, первый камень в фундамент российско-японского сближения был заложен.

29 марта 1908 г. состоялось подписание акта о разграничении Сахалина в соответствии с условием Портсмутского договора. Данный, далеко не лицеприятный для России, факт был подан российской прессой как свидетельство установившихся хороших отношений. «После взаимных тостов за здоровье Их Императорского Величества Государя Императора и микадо председатель японской комиссии генерал-майор Осима в длинной речи высказал, что совместная работа комиссии в течение почти двух лет прошли настолько дружно и с таким единодушием, что, несомненно, послужат в будущем залогом дальнейшей прочной дружбы двух соседних

дружественных наций, и что по возвращении в Японию он сочтет долгом отметить то широкое гостеприимство, которое было оказано их комиссии во Владивостоке»¹.

Еще один любопытный факт, свидетельствующий о позитивных двусторонних отношениях, связан со смертью Н. П. Линевича, занимавшего с марта 1905 г. должность главнокомандующего вооруженными силами на Дальнем Востоке. Так, японское правительство, узнав о последовавшей в апреле 1908 г. смерти Линевича, поручило военному министру Тэраути Масатакэ (寺内正毅) (1852–1919) отправить военному агенту в Петербурге полковнику Хатино телеграмму следующего содержания: «Получив печальную весть о смерти генерала Линевича, прошу вас лично посетить семью покойного и выразить ей мое искреннее соболезнование, а также присутствовать на похоронах в качестве представителя от всей японской армии и возложить от имени армии венок на гроб генерала»².

Следующим этапом на пути укрепления отношений стало соглашение, заключенное теми же лицами 4 июля 1910 г. в Санкт-Петербурге (второе русско-японское соглашение – 第二次日露協約). Фактически оно было обращено против присутствия третьих держав в Китае. Непосредственным поводом к заключению соглашения послужило выступление в 1909 г. государственного секретаря США Нокса с планом «коммерческой нейтрализации» железных дорог в Маньчжурии, который был направлен в первую очередь против интересов России и Японии и имел целью облегчить проникновение американского капитала в Северо-Восточный Китай. Поэтому договор содержал обязательство обеих сторон оказывать друг другу содействие в развитии железных дорог в Маньчжурии.

В секретной части Россия и Япония обязывались не нарушать «специальных интересов» друг друга в их сферах влияния в Маньчжурии, установленных соглашением 1907 г., не противодействовать дальнейшему укреплению этих интересов, воздерживаться от политической активности в сфере специальных интересов другой стороны, консультироваться о совместных мерах защиты в случае угрозы их интересам в Маньчжурии [Сборник договоров и других документов ... , 1927, с. 176–177].

В августе 1911 г. Россия и Япония обменялись телеграммами следующего содержания: «От всего сердца благодарю Ваше Величество за чувства, выраженные по поводу соглашения, которое столь счастливо установилось на почве взаимных уступок касательно некоторых вопросов, оставшихся до сих пор неразрешенными между нашими правительствами. Вполне разделяю те чувства, которые окончательное разрешение спорных вопросов внушило Вашему Величеству. Я вижу в мере, которую

¹ Новое время. 1908. 30 марта.

² Там же. 17 апр.

Вы приняли, приказав передать Моему правительству пароход «Ангара», новое доказательство и один из самых могущественных залогов соединяющей нас взаимной дружбы»¹.

«Я весьма счастлив установившимися между нашими правительствами в духе искренней предупредительности окончательными соглашениями по некоторым вопросам, оставшимся до сих пор неразрешенными, и мне особенно приятно сообщить Вашему Величеству, что, по моему приказанию, пароход «Ангара» будет передан русскому правительству, как знак чувств неизменной дружбы, которые я сохраняю к Вам. Я убежден, что Вашему Императорскому Величеству будет угодно разделить мою уверенность, что окончательное разрешение всех спорных вопросов будет способствовать дальнейшему упрочению добрых отношений, существующих между нашими государствами»².

Последующему укреплению двусторонних отношений и проведению согласованной политики в Восточной Азии во многом способствовала складывавшаяся в регионе ситуация. В результате набиравшей силу революции в Китае находившаяся в российской сфере влияния Внешняя Монголия заявила о своем выходе из Китая. Данный факт способствовал росту и во Внутренней Монголии требований независимости. В этих условиях в январе 1912 г. Япония выступила с предложением к России заключить соглашение, предусматривавшее раздел Внутренней Монголии.

В результате переговоров 8 июля 1912 г. в Петербурге министром иностранных дел С. Д. Сазоновым со стороны России и Мотоно Итиро со стороны Японии была подписана секретная конвенция (известная как третье русско-японское соглашение (第三次日露協約)). Согласно этому документу, Внутренняя Монголия была разделена по пекинскому меридиану на восточную (японскую) и западную (российскую) сферы влияния. Конвенция подтверждала взаимные обязательства России и Японии не нарушать «специальных интересов» друг друга в их сферах влияния³.

Таким образом, за шесть с небольшим лет, прошедших после окончания войны, Россия и Япония восстановили отношения, сняли существовавшие противоречия в плане проведения политики в регионе и вышли на уровень равноправного партнерства. Данная ситуация в немалой степени способствовала тому, что начиная с 1913 г. многие японские политические деятели стали говорить о дальнейшем развитии достигнутых соглашений. Речь шла о заключении нового политического соглашения, призванного оформить союзные отношения между двумя странами.

Так, осенью 1913 г. известный политической деятель Танака Гиити (田中義一) (1864–1929), занимавший в то время пост главы Бюро по во-

¹ Новое время. 1911. 16 авг.

² Там же.

³ Там же.

енным делам при Министерстве армии, направил российскому военному агенту в Токио В. К. Самойлову записку, в которой говорил о необходимости «...откровенно и без ошибок обменяться взглядами между Японией и Россией в целях дальнейшего укрепления дружественных связей»¹. Следует добавить, что между Самойловым и Танакой, принадлежавшим к немногочисленной, но довольно влиятельной прорусской фракции японских военных и политиков, сложились весьма дружеские отношения. Поэтому, исходя из «союзнического долга», Танака делился с Самойловым даже секретной информацией. Так, в начале 1914 г. Танака передал Самойлову планы военного министерства о выпуске оружия и боеприпасов на 1914–15 гг., на что Самойлов ответил, что он отказывается от их передачи в Петербург, ибо это может негативно повлиять на двусторонние отношения.

Сторонником русско-японского военно-политического союза был и Кацура Таро (桂太郎) (1848–1913), занимавший в 1912–1913 гг. кресло премьер-министра Японии. Кацура неоднократно сообщал послу России Н. А. Малевскому-Малевицу (в 1906–1916 гг.) о необходимости усиления связей двух стран и подчеркивал, что обеим странам следует объединить усилия для защиты своих позиций в Китае. «Пока Япония и Россия вместе в Китае – к нам никто не сунется»².

Окума Сигэнобу (大隈重信) (1838–1922), занявший премьерское кресло в апреле 1914 г., также выражал явное стремление к заключению союзного договора. Однако в отличие от Кацуры Окума считал, что союз должен быть не двусторонний, а четырехсторонний, с участием Великобритании и Франции.

Но в целом, несмотря на разногласия в деталях, японцы были готовы развивать отношения с Петербургом. В мае 1914 г. в Мукдене (Шэньян) произошла встреча российского военного министра В. А. Сухомлинова с генерал-губернатором Квантунской области Фукусима Ясумасой (福島安正) (1852–1919), (известным своей поездкой по Сибири в 90-е гг. XIX в.), на которой были предварительно оговорены условия будущего союза.

К августу 1914 г. МИД Японии был подготовлен окончательный проект договора, который 5 августа был передан на рассмотрение российской стороны. Российская сторона отклонила проект на том основании, что он не давал России практически никаких выгод, поскольку оказание Японией военной помощи российской стороне, равно как и соблюдение нейтралитета японским правительством, предусматривались лишь в случае войны на Дальнем Востоке. В то же время договор гарантировал Японии нейтралитет и оказание военной помощи с российской стороны в случае войны Японии с Китаем или Соединенными Штатами.

¹ Новое время. 1911. 16 авг.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7843. Л. 117.

Несмотря на отказ подписать договор на предложенных условиях, и в Токио и в Петербурге понимали, что так или иначе соглашение будет заключено в ближайшее время.

В то же время ряд японских (равно как и российских) политических деятелей высказывались против сотрудничества с Петербургом. Одной из таких одиозных фигур был министр земледелия и торговли Оура Канэтакэ (大浦兼武) (1850–1918).

Выступая в июле 1914 г. перед бизнесменами в Фукусиме, он заявил о «неизбежности второй войны Японии с Россией» и отметил, что такое мнение у него сложилось по результатам поездки в Россию годом ранее. Его сильно беспокоила военная программа России, которая, как он считал, была направлена исключительно против Японии. Некоторые из отрывков выступления Оуры были опубликованы в газете «Тюо Симбун» (中央新聞). Понимая, что его мнение отличается от официальной позиции Токио и может стоить ему должности, Оура предпринял несколько любопытных шагов. Во-первых, он попытался задержать, а затем уничтожить весь тираж газеты с компрометирующей его статьей, а когда это не удалось, через ту же газету попытался дать опровержение, заявив, что речь шла лишь о военном усилении двух стран и никакого призыва к военной конфронтации с Россией в его выступлении не было. Тем не менее информация стала достоянием общественности. Оура получил серьезное предупреждение, а послу России в Японии было направлено письмо, в котором министр иностранных дел Японии просил Н. А. Малевского-Малевича не придавать значения такого рода информации, являющейся всего лишь выдумкой безответственных газет.

Начало Первой мировой войны оказало значительное влияние на российско-японские отношения. 23 августа 1914 г. Япония вступила в войну на стороне Антанты. Война значительно ускорила процесс подготовки союзного договора. В декабре 1915 г. в Японию с визитом посетил великий князь Георгий Михайлович Романов. Официально целью этой поездки было поздравление императора со вступлением на престол. Однако находившемуся в составе делегации главе дальневосточного отдела МИД Козакову были даны четкие инструкции о начале переговоров о союзе с Японией. В начале 1916 г. Козаков не единожды встречался с министром иностранных дел Японии Исии Кикудзиро (石井菊次郎) (1866–1945), генерал губернатором Кореи Тэраути Масатакэ (寺内正毅), маршалом Ямагатой Аритомо (山縣有朋). Но из-за возникших между Японией и Россией разногласий по условиям будущего союзного договора переговорный процесс затянулся до июля 1916 г.

Основным камнем преткновения был вопрос о передаче Россией Японии части КВЖД (от Харбина до Чанчуня (Куанченцзы)), на чем особенно настаивал японский посол Мотоно Итиро. Тем не менее 3 июля

1916 г. между Японией и Россией было принято соглашение (четвертое русско-японское соглашение – 第四次日露協約). Как и предыдущие, документ был подписан в России, с японской стороны свою подпись поставил Мотоно Итиро, с российской – С. Д. Сазонов.

Документ состоял из двух частей – основной и секретной. В основной части договора обеими сторонами провозглашалось обязательство не участвовать в какой-либо политической комбинации, направленной против одной из сторон, а в случае угрозы их территориальным правам или особым интересам на Дальнем Востоке договориться об общих мерах защиты [Сборник договоров ... , 1925, с. 191–192].

Секретная часть, подписанная сроком на пять лет, предусматривала меры, которые будет необходимо принять, чтобы не допустить установления в Китае политического господства какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии. Секретная часть договора предусматривала подписание военной конвенции между Японией и Россией [Там же, с. 191–192].

Посол Японии Мотоно Итиро, который вскоре после подписания договора был назначен министром иностранных дел Японии, на прощальном обеде по случаю отъезда на родину высказал свое мнение о состоянии русско-японских отношений: «Россия выиграла от соглашения с Японией, так как у нее освободился миллион солдат. Россия получила возможность приобрести у Японии горные и полевые орудия, 800 тыс. винтовок и порох... Япония также выиграла от этого соглашения, так как до этого она имела у себя под боком русскую угрозу» [Пестушко, 2007, с. 99].

В Японии заключение русско-японского соглашения было воспринято как очевидная заслуга японских дипломатов, а 20 июля в парке Уэно (Токио) под руководством Тэраути Масатакэ состоялось мероприятие в честь союзного договора. Заключение такого документа должно было положить начало абсолютно новому этапу двусторонних отношений.

Однако возлагаемым на него надеждам сбываться не удалось. Поражение на фронтах, поступательно усиливавшаяся политическая нестабильность и, как следствие Февральская, а затем Октябрьская революции положили конец японо-российской дружбе. Но сам процесс сворачивания отношений продолжался еще длительное время.

Япония уже 15 марта 1917 г. официально признала новое правительство в России и достаточно деликатно и сочувственно воспринимала происходящее. Тем не менее связанные с Россией финансово-промышленные круги Японии испытывали серьезную обеспокоенность. Это обстоятельство сказалось на решении синдиката ряда японских банков временно прекратить переговоры о новых российских займах. Постепенно приостановился и без того незначительный торговый обмен между двумя странами.

Японцы пытались понять, что ожидает Россию и строили свои догадки исходя из анализа новых российских политических деятелей. Так, газета «Токё Нити Нити Симбун» (東京日日新聞) в одном из мартовских выпусков поместила статью, посвященную председателю Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко, который был назван человеком, обладающим реальной политической силой. В статье отмечалось, что «лучший друг рабочих» по духу близок к простому народу: «...имеет склонность к выпивке, курит, а также никогда не посещает дорогих столичных ресторанов»¹.

Газета «Хоти Симбун» (報知新聞) посвятила статью личности другого российского политика – А. Ф. Керенского. Японцев возмущал факт, что возглавивший военное министерство Керенский не имел никакого отношения к армии. Он «не следит за собой... и внешне напоминает куклу, одетую в военную униформу»².

Таким образом, в первой половине 1917 г. стало очевидно, что российско-японские отношения развиваются не по сценарию, предусмотренному соглашением 1916 г. «Возлагаемые на японо-российский союз надежды развеялись... возникла неуверенность в возврате предоставленных России займов» [平間洋一, 1998, с. 12].

Несмотря на очевидные сложности, Временное правительство заверило Токио, что будет продолжать выполнение своих союзнических обязательств. Однако ситуация ухудшалась. Уже к осени 1917 г. с Дальнего Востока в Петроград стали поступать донесения о наличии в регионе достаточно большого числа японских агентов тайной полиции и офицеров, которые прибывали туда под видом торговцев или старателей [Шулатов, 2008, с. 54].

В Японии возникли серьезные опасения по поводу возможности заключения Россией сепаратного мира с Германией, что явилось бы прямым нарушением союзнического договора. Поэтому, несмотря на то что японо-российские переговоры по военным поставкам Русской армии продолжались и после Февральской революции, на переговорах японская сторона выдвинула новые условия: разоружение фортов Владивостокской крепости и ликвидация военно-морской базы во Владивостоке [Григорцевич, 1965, с. 529]. Более того, Япония не скрывала, что, если Россия прекратит войну, заключив сепаратный мир с Германией, она оставляет за собой свободу действия на Дальнем Востоке.

Поэтому заключение сепаратного мира 3 марта 1918 г. (Брестского мира) по сути своей было ударом в спину союзников, в том числе и Японии. Токийские русофилы разделились на противников (Мотоно) и явных либо тайных сторонников (Тэраути, Танака) вооруженного вмешательства во внутрироссийские дела.

¹ Токё нити нити симбун. 1917. 17 марта

² Хоти Симбун. 1917. 24 апр.

Все это способствовало росту негативного отношения к Японии в российских эшелонах власти и усилению критики в ее адрес. В российской прессе развернулась откровенная антияпонская кампания, а Токио постепенно наращивал военное присутствие у российских границ.

Таким образом, если после февральских событий российско-японские отношения дали трещину, то к осени 1917 г. они вступили в стадию подготовки к вооруженному конфликту, начало которого не заставило долго ждать.

Это тем более печально, поскольку в России еще за два года до описываемых событий будущее российско-японских отношений представлялось совершенно иным: «...Всеисцеляющее время многому научило оба народа. Узнав друг друга ближе, Россия и Япония выяснили, что в будущем им не о чем спорить... Кончится война, жизнь войдет в нормальное русло, и оба государства, вступившие в новый период истории своих взаимоотношений, успешно пойдут вперед по пути дальнейшего осуществления своих национальных задач... Лишь в единении возможно разрешать выдвигаемые жизнью текущие вопросы и назревающие дальневосточные проблемы» [Куртеев, 1916, с. 118–120].

Хотя обеим странам не удалось реализовать условия подписанного в 1916 г. союзного договора, уже сам факт заключения военно-политического союза между Японией и Россией всего через 10 лет после завершения Русско-японской войны указывал на обоюдное стремление Санкт-Петербурга и Токио направить двусторонние отношения в мирное русло. И этот исторический пример можно считать весьма показательным и почетным для сегодняшних отношений России и Японии.

Литература

Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965. 608 с.

Куртеев К. К. Русско-японский товарообмен и экономическое сближение // Записки Приамурского отдела Императорского Общества Востоковедения. Хабаровск, 1916. С. 112–126.

Османов Е. М. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 2005. 474 с.

Османов Е. М. Прошлое и настоящее русско-японских отношений (анализ факторов, сдерживающих установление теплых и взаимовыгодных двусторонних связей) // Вопросы японоведения. СПб., 2006. С. 120–127.

Пестушко Ю. С. Недолгий альянс: русско-японский союзный договор 1916 г. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 97–111.

Пестушко Ю. С. Японо-российские отношения в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Хабаровск, 2003.

Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / сост. Э. Д. Гримм. М., 1927. 219 с.

Шулатов А. Я. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск ; М., 2008. 320 с.

Dickinson F. War and National Reinvention. Japan in the Great War, 1914–1919. Cambridge (Massachusetts) and London, 1999. 363 p.

韓国条約類纂. 統監府編纂, 1908.

平間洋一. 第一次世界大戦と日本海軍. 外交と軍事との連接, 慶應義塾大学出版会, 1998.

П. В. Перлин, В. В. Яковлев

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ»: КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА БАЛКАНАХ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Рассматриваются некоторые процессы, связанные с расширением экономического и политического влияния Китая на Западных Балканах – в регионе, соседствующем с ЕС, но отличающемся менее, чем в ЕС, развитой экономикой, менее строгими правилами ведения бизнеса и более высоким уровнем коррупции. В этих условиях инициатива Китая «Один пояс – один путь» встречает значительную поддержку со стороны местных властей и в целом одобрительное отношение населения. Однако уже сейчас и в ЕС, и в самих странах, на которые направлена экспансия Китая, звучат голоса, предупреждающие об опасности долгового закабаления, усиления коррупции и захвата национальной собственности в результате участия в программах инициативы.

Ключевые слова: Китай, Западные Балканы, ЕС, экспансия, «Один пояс – один путь», «мягкая сила».

P. Perlin, V. Jakovlev

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

ONE BELT, ONE ROAD INITIATIVE: CHINESE EXPANSION IN THE BALKANS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article deals with some aspects of expansion of China's economic and political influence in Western Balkans bordering the EU. This region's characteristic traits are lower (comparing with the EU) economic development level, less rigid business practices and higher corruption level. Under the circumstances, China's Belt and Road initiative meets with the inviting and welcoming reception of the local authorities and general approval of the general public. However, recently both in the EU and the Western Balkan countries raise voices of concerned citizens and politicians warning of the dangers caused by indebtedness, corruption and loss of state properties as a result of participation in the BRI programs.

Keywords: China; Western Balkans; EU; expansion; Belt and Road initiative; soft power.

В современной геополитике все большее внимание уделяется широко освещаемому в средствах массовой информации глобальному проекту «Один пояс – один путь» (далее – ОПОП). В иноязычных материалах китайский термин *идай шу* (一带一路, «один пояс – один путь») очень часто переводят как Belt and Road initiative (BRI – «инициатива пояса и пути»), и представляется, не случайно в таком переводе опускается повторенное в оригинале дважды слово «один», несущее идею единства, общности, объединения и в итоге подчинения [Байду]. Этот термин, отсылающий к исторически значимому феномену Великого шелкового пути, как нельзя лучше отражает идею культурно-идеологической гегемонии, в новейшее время трансформировавшуюся в концепцию «мягкой силы» (см. [Най Дж., 2006; Нье, 2012; 2013; 2008] и др.), широко используемую руководством Китайской Народной Республики для расширения сферы своего влияния и рынков сбыта. Учитывая источник инициативы, нельзя не

понять, под чьим именно руководством предполагается предлагаемое объединение. Факты реализации данной инициативы полностью подтверждают такое прочтение. И это тоже традиция: исторически владыке Китая следовало распространять свою благую силу (дэ) как на ханьцев, так и на «варваров четырех сторон света» [Кривохиж, 2012].

Сам термин «Один пояс – один путь» появился после того, как в сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул две инициативы по сотрудничеству в рамках строительства «Экономического пояса нового Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века». Суть ее декларируется как поиск, формирование и продвижение новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двухсторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействий с участием Китая. В духе исторического Шелкового пути «Один пояс – один путь» призван способствовать выработке новых механизмов экономического партнерства, экономическому процветанию стран-участниц, укреплению культурных связей между разными цивилизациями, содействовать мирным [Официальный сайт ...]. Процесс развития инициативы не останавливается и во время пандемии. Только за первые четыре месяца 2020 г. китайские предприятия инвестировали 4,2 млрд долл. США в 52 страны – участницы инициативы ОПОП (на 11,7 % больше по сравнению с тем же периодом 2019 г.).

Как же в целом позиционируют китайские идеологи инициативу ОПОП, представляя ее международной общественности? Профессор Института международных отношений и ведущий научный сотрудник Центра изучения Европейского союза при Китайском народном университете Ван Ивэй пишет: «Сотрудничество Китая и Евросоюза в рамках “инициативы пояса и пути” не должно рассматриваться в терминах геополитики. Китай никогда не называл ОПОП “геополитической стратегией”. Китайцы не рассматривают мир с точки зрения геополитики. Наши мыслительные паттерны акцентируют гармонию и сотрудничество. Более того, концепция “взаимосвязанности” также является противоположностью геополитике. ОПОП помог нам перестать рассматривать факты в геополитической перспективе – именно потому, что ОПОП базируется на всеобъемлющей взаимосвязанности стран во всем мире и в основе своей предполагает экономическое сотрудничество» [Xhambazi, 2020]. В другой своей работе, оценивающей отношение Японии к данной инициативе, Ван Ивэй отмечает: «...[Япония] не имеет собственной стратегии, не обладает независимостью. Однако Япония не привыкла к мысли о лидирующей роли Китая, но надеется, что Америка будет по-прежнему мировым лидером. Европа также придерживается подобной позиции, но Япония – в большей степени, тем более что Америка приняла выдвинутую Японией Индо-Тихоокеанскую стратегию, что придало Японии уверенности в своих силах. Действительно, относительно инициативы ОПОП Япония опасается

потери заморских рынков, беспокоится о давлении со стороны Китая, принявшего на себя активную, лидирующую, направляющую роль» [Yiwei, 2020]. После этого пассажа не остается сомнений в том, какую роль отводит Китай себе в осуществлении «объединения» лежащих на его «единственном» пути стран.

Одной из важных опорных территорий реализации этого проекта являются Западные Балканы, ближайший сосед стран Евросоюза. В России, а до недавнего времени и в Европе, не слишком подробно освещалась реализация программ ОПОП на Балканах, а ведь именно этот регион в силу географических и исторических особенностей (на протяжении сотен лет эта территория была с точки зрения крупных держав «ничейной территорией», претензии на которую предъявляла в разные эпохи и Римская, и Османская империи, и Австро-Венгрия, и социалистический лагерь) может послужить барометром геополитических процессов в Европе. Именно Западные Балканы, со всех сторон окруженные странами Евросоюза, становятся опорной базой новой экспансии Китая вглубь Европы. Собственно к Западным Балканам относятся пять стран на юго-востоке этого региона: Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия и Черногория. Китай в рамках ОПОП собирается построить новый Шелковый путь, который пройдет по суше и морю, посредством финансирования множества инфраструктурных проектов.

Профессор Восточно-Китайского педагогического университета Лу Ган, занимающийся проблемами ОПОП с 2016 г., пишет в своей статье «Геополитическое столкновение цивилизаций на Балканах и консолидация рынка в рамках инициативы “Один пояс – один путь”»: «...Инициатива “Один пояс – один путь” является великим социальным экспериментом, он касается не только экономики и торговли, но также и политики, культуры и региональных цивилизационных [процессов]. Исторически Балканы были горячей точкой столкновения различных культур, и одной из важнейших причин этих столкновений было то, что географическое положение определило роль Балкан в культурной фрагментации и столкновении цивилизаций. По мере продвижения инициативы “Один пояс – один путь” вглубь Балкан будут обязательно затронуты чувствительные вопросы культуры и жизненного уклада этого региона. Вопрос о том, каким образом можно избежать опасности для инициативы “Один пояс – один путь” и превратить “пороховую бочку Европы” в регион мира и благополучия, является поистине достойным внимания. После завершения начального этапа инфраструктурного проекта необходимо сместить акцент на формирование общебалканского рынка в рамках инициативы “Один пояс – один путь”, поскольку рыночная экономическая модель больше соответствует способу производства на данном этапе развития региона, обладающего большим нераскрытым потенциалом. Китай, пришедший на Балканы, ни в коем случае не затевает новой геополитиче-

ской игры, но от всего сердца надеется на сотрудничество с балканскими странами, а также со странами Америки и Европы, чтобы совместными усилиями устранить причины для столкновения цивилизаций и тем самым построить лучший мир» [陆钢, 2020].

Описывая план экономического «связывания» иностранных рынков, нацеленного на установление их экономической, а в конечном счете и политической зависимости от Пекина, китайские пропагандисты постоянно заявляют о полном отсутствии политических целей, о гармонии сотрудничества и совместного процветания. Проникновение Китая на Балканы (характер этого проникновения фактически сравним с колониальным завоеванием) – процесс сравнительно новый в том смысле, что ранее китайцы нацеливались (более или менее успешно) на соседние территории (например, Тибет, Вьетнам), которые считались «временно утраченными» (как ныне описываются китайскими идеологами земли к северу от Амура), теперь же экспансия охватывает географически удаленные регионы, не имеющие ни морской, ни сухопутной границы с Китаем. И для внешнего обоснования такой экспансии китайские пропагандисты часто прибегают к дискурсу, сближающему в глазах аудитории судьбу и историю китайского народа и народа страны, избранной для проникновения. Как подчеркивает профессор Лу Ган в упомянутой выше статье, «Китай и Балканский регион имеют сходную судьбу, на протяжении истории [оба они] подвергались вторжению и порабощению со стороны великих мировых держав; среди народов существует языковое разнообразие; они ощущают взаимную приязнь; между ними налажены довольно хорошие контакты...» [Там же].

По-прежнему для Китая важны «традиционные права» на те или иные территории – не случайно в своих материалах китайские авторы называют Европу «терминалом Великого шелкового пути» [Yiwei, 2020]. Именно приоритет транспортной (и энергетической) составляющей экономики прослеживается в истории проникновения китайского капитала на Балканы. Например, в 2009 г. контрольный пакет акций греческого порта Пирей был приобретен китайской транспортной компанией COSCO, третьей в мире по объему перевозок, и уже в 2016 г. ей принадлежало 66 % акций [Silvia Amaro, 2019]. В 2018 г. китайская компания Luxury Real Estate приобрела контрольный пакет акций (75 %) хорватского порта Задар, также китайские компании инвестируют строительные проекты на территории Черногории, Сербии и Албании, причем значительную часть работ берут на себя именно китайские компании, привозя с собой не только строительную технику и материалы, но и рабочую силу. После подписания в 2018 г. соглашения с Китаем об инвестициях в экономику Сербии на сумму более 3 млрд евро министр экономики этой страны Синиша Мали пообещал, что страна станет «крупнейшим индустриальным парком

Китая в Европе». А в 2019 г. Босния утвердила планы займа у Китая на сумму 600 млн евро на постройку угольной электростанции «Тузла 7». И подобные примеры можно продолжить.

Когда мы говорим о «проникновении», речь идет не только и не столько о физическом присутствии граждан КНР, об анклавах (так называемых Чайна-таунах), где компактно проживают выходцы из Китая и где превалирует китайский язык, их уклад жизни, бизнес. Проникновение идет прежде всего экономическое, но наряду с ним происходит и идеологическая обработка местных жителей в лучших традициях «мягкой силы» с участием языковых школ (Институт Конфуция), медицинских и культурных центров. Но эта тема выходит за рамки данного очерка в силу своей обширности, представляется небезынтересным рассмотреть ее в отдельной работе, посвященной применению «мягкой силы» в ее чистом виде, т. е. ориентированной прежде всего не на экономические интересы, а на заинтересованность целевых аудиторий в культуре и истории Китая.

При этом последние два года европейские политики стали все активнее говорить об опасности китайского проникновения на Европейский континент. Так, в отчете Мюнхенской конференции по безопасности упоминается, что Евросоюз должен обратить внимание на риск того, что балканские страны становятся жертвой китайской «дипломатии долговых ловушек» (*debt-trap diplomacy* – термин, используемый для критики внешней политики китайского правительства, собственно, и возникший в связи с этой политикой) по мере того, как их долг Пекину растет [Munich Security Report, 2019]. По соотношению долга Китаю к общей внешней задолженности страны лидирует Черногория: здесь он достигает 39 %. Заем в 809 млн евро на строительство первого участка автомагистрали до Сербии повысил задолженность Черногории до 80 % по отношению к ВВП страны, что очень похоже на ту самую «дипломатию долговых ловушек». Македония, еще одна страна – выходец из бывшей Югославии, находится на втором месте по относительному долгу Китаю, пятая часть ее внешнего долга – займы китайских банков. За ней идут Босния и Герцеговина и Сербия, они должны Китаю соответственно 14 и 12 % от общего внешнего государственного долга [Dimitrov, 2019].

В разделе доклада Мюнхенской конференции, посвященном Балканам, под названием «Западные Балканы: с такими друзьями...» говорится: «Новым игроком в этом регионе стал Китай. Все государства западных Балкан, за исключением Косова, включились в китайскую инициативу “Один пояс – один путь” в формате 16+1. Они приветствуют остро необходимую помощь, торговлю и потоки инвестиций, которые стабильно увеличиваются и в некоторых случаях создают конкуренцию экономическому влиянию ЕС, который подозревает, что Китай использует свой экономический вес в политических целях. Китайское участие создает угрозу

для этого региона в виде долга, потому что большая часть инвестиций приходит туда в виде кредитов» [Munich Security Report, 2019].

ЕС лишь недавно начал осознавать опасность происходящих там событий. В начале 2018 г. Еврокомиссия приняла новую стратегию, в которой расширение сотрудничества с этим регионом названо «геостратегической инвестицией». ЕС запустил серию проектов в рамках конкуренции с Китаем. И результаты этого противодействия становятся заметны. В частности, как страны, граничащие с регионом и по экономическому укладу близкие странам Западных Балкан, но входящие в Евросоюз, денонсируют ранее заключенные соглашения: так, Румыния решает не допустить «Хуавэй» к развертыванию сетей 5G в стране по причине того, что компания не соответствует критериям безопасности (компании, контролируемые иностранными правительствами, с непрозрачной структурой владения, в прошлом нарушавшие корпоративную этику, и компании из стран, не имеющих независимой от государства судебной системы) [Barberá, 2020]. В этой же стране отказались от планов строительства китайцами ядерного реактора [Necsutu, 2020]. Есть вероятность того, что этот процесс получит свое продолжение.

В заключение следует кратко упомянуть о ряде процессов, протекающих в сфере туризма, который для Балкан является важной составляющей экономики. В них также находит свое отражение общая стратегия ОПОП, хотя и в меньшем масштабе, и не с таким экономическим размахом, но не менее однозначно. Это также интересная отдельная тема для изучения, которая дает представление о стратегиях захвата рынка на коротком временном промежутке.

Основные дестинации китайских туристов на Балканах – Хорватия и Сербия, за три года (2017–2019) посещение этих стран китайскими организованными туристами выросло почти вдвое. В Черногории, Боснии и Герцеговине также наблюдается рост турпотока, Македония, Албания и Болгария пока находятся на последних местах по этому показателю среди балканских стран. В рамках саммита глав правительств стран Центральной и Восточной Европы и Китая (проходил в ноябре 2016 г. в Риге в формате 16+1) Сербия заключила с КНР соглашение о введении с января 2017 г. взаимного безвизового режима. С этого момента китайские турфирмы начали предлагать китайским туристам групповые маршруты по странам бывшей Югославии, включавшие в основном объекты на территории Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Президент Сербии Вучич включился в кампанию по продвижению своей страны как важной туристической дестинации. Ввиду сравнительно невысоких цен и интереса китайцев среднего и старшего возраста к Югославии и Иосипу Броз Тито популярность этих маршрутов росла до самого начала пандемии текущего года. В 2019 г. только Сербию посетили 145 тыс. китайских ту-

ристов (на 40 % больше, чем в 2018-м), в 2020 г. ожидался рост этого показателя на 30 %. Последние группы китайских туристов въезжали в Сербию в феврале этого года.

Примечательно, что за эти два с небольшим года в организации китайского туризма на Балканах уже наблюдались тенденции, общие для поведения китайских бизнесменов на любых зарубежных рынках услуг. На первом этапе представители китайских турфирм отправляются в самостоятельные поездки или поездки в составе групп, знакомятся с маршрутами, особенностями организации проживания, транспорта и питания, при необходимости открываются китайские рестораны, ориентированные на прием китайских тургрупп (как известно, массовый китайский турист за границей питается в основном или исключительно в китайских ресторанах. И трудно сказать, действительно ли так сильна в туристах любовь к национальной кухне, поскольку качество пищи в таких ресторанах находится ниже всякой критики, или же организаторы процесса свято следуют принципу, отраженному в китайской поговорке «вода с жирком не должна утекать со двора», – турфирмы стараются и за границей приобретать товары и услуги у своих соотечественников). На втором этапе в принимающие фирмы устраиваются на работу граждане Китая, проживающие в данной стране или специально присланные из Китая – «для упрощения коммуникации и решения оперативных вопросов». В то же время один-два раза проехавшие по стандартному маршруту турлидеры (без которых не обходится ни одна из китайских тургрупп, выезжающих за рубеж) отказываются под разными предлогами от услуг местных гидов и проводят экскурсии сами. Это экономит отправляющей стороне примерно 2 тыс. евро с каждой группы. Третий этап входа китайских турфирм на туристический рынок Балкан откладывается ввиду введения ограничений на перемещения людей по земному шару, однако при нормализации ситуации он непременно наступит – и откроются китайские отели, китайские транспортные компании, китайские сувенирные магазины... То есть все то, что мы видели в России 2010-х гг. и видим сейчас. Технологии отработаны.

Итак, в настоящее время мы стали свидетелями начального этапа реализации на Западных Балканах инициативы ОПОП. Пока рано рассуждать о каких-то решающих результатах, которые позволили бы с уверенностью сказать, что китайская стратегия увенчалась успехом. Наряду с массивными инвестициями китайских компаний в экономики стран, в силу исторических причин не имеющих надежных механизмов противодействия экономическому закабалению страны, мы наблюдаем процесс противодействия этим процессам со стороны стран ЕС, обеспокоенных приближением Китая к своим границам. Особенность китайских инвестиций состоит еще и в том, что китайцы, например, не слишком (в отличие от инвесторов из ЕС) беспокоятся о прозрачных и основанных на рыноч-

ных механизмах процедурах закупок. Китайские проекты, связанные с инфраструктурой и строительством фабрик, например, в Сербии, использовались президентом Вучичем в качестве козыря его последней предвыборной кампании. А в процессе журналистского расследования в 2015 г. были опубликованы данные о том, что часть работ на сумму в 75 млн долл. по проекту транспортного коридора Черногория – Сербия была поручена трем фирмам, аффилированным с правящей партией Сербии, не имеющим опыта в строительстве. Коррупция и использование китайского (в основном государственного) капитала правительственными структурами стран Западных Балкан, безусловно, беспокоит Евросоюз, чьи инвестиции всегда были прочно увязаны с требованиями демократических преобразований, как их понимают в ЕС. Китай же не предъявляет к заемщикам подобных требований. Время покажет, как будут развиваться события в дальнейшем, но уже сейчас можно сказать, что Европе будет крайне сложно преградить путь экспансии Китая. Им уже создана обширная «промежуточная база» на Балканах, и работы по ее расширению продолжают. И, конечно же, требуется возможно более подробное осмысление и освещение процессов, связанных с наращиванием китайского присутствия, в противном случае у стран Европы может не оказаться средств не только для того, чтобы остановить его, но даже и для того, чтобы ограничить его приемлемыми масштабами и формами.

Литература

Кривохиж С. В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13, Востоковедение и африканистика. 2012. Вып. 3. С. 103–112.

Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск. М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с.

Байду онлайн-энциклопедия. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%80%E5%B8%A6%E4%B8%80%E8%B7%AF/1313242> (дата обращения: 09.09.2020).

Официальный сайт инициативы ОПОП. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/info/Index.jsp?cat_id=10001 (дата обращения: 09.09.2020).

Silvia Amaro. China bought most of Greece's main port and now it wants to make it the biggest in Europe. URL: <https://www.cnn.com/2019/11/15/china-wants-to-turn-greece-piraeus-port-into-europe-biggest.html> (дата обращения: 09.09.2020).

Barberá Marcel Gascón. Romanian Conditions for 5G Race Would Rule out Huawei. URL: <https://balkaninsight.com/2020/08/05/romanian-conditions-for-5g-race-would-rule-out-huawei/> (дата обращения: 09.09.2020).

Dimitrov Martin. China's Influence in Balkans Poses Risks, Report Warns. URL: <https://balkaninsight.com/2019/02/11/chinas-influence-in-balkans-poses-risks-report-warns/> (дата обращения: 14.09.2020).

Munich Security Report 2019 The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces?. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/MunichSecurityReport2019.pdf> (дата обращения: 12.09.2020).

Necsutu Madalin. Romania Cancels Deal With China to Build Nuclear Reactors [Электронный ресурс]. URL: <https://balkaninsight.com/2020/05/27/romania-cancels-deal-with-china-to-build-nuclear-reactors/> (дата обращения: 09.09.2020).

Nye J. S. China and Soft Power // South African Journal of International Affairs. 2012. Vol. 19, N 2. P. 151–155. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10220461.2012.706889> (дата обращения: 09.09.2020).

Nye J. S. Soft Power and Beijing Olympics. 2008 URL: http://www.realclearworld.com/articles/2008/08/soft_power_and_beijing_olympic.html (дата обращения: 15.09.2020).

Nye J. S. What China and Russia don't get about soft power. 2013. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power> (дата обращения: 15.09.2020).

Xhambazi Visar. China Buying Balkans Influence, Competing with West. URL: <https://balkaninsight.com/2020/01/28/chinabuying-balkans-influence-competing-with-west/> (дата обращения: 09.09.2020).

Yiwei W. China and Europe: BRI and the 17+1 Initiative, Valdai Discussion Club 2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/china-and-europe-bri-and-the-17-1-initiative/> (дата обращения: 15.08.2020).

陆钢. 巴尔干地缘文明断层与“一带一路”市场整合 《社会科学》2020年第1期 – 2020年04月01日). URL: <http://sass.cn/109006/57173.aspx> (дата обращения: 09.09.2020).

王义桅. 冷嘲热讽, 日本高官竟问“一带一什么来着”. URL: https://www.guancha.cn/WangYiWei/2017_12_20_439854.shtml (дата обращения: 09.09.2020).

УДК 327

В. Ф. Печерица

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

К ВОПРОСУ ОБ «ОСОБЕННОСТИ» И «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ» СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Аннотация. Анализируется гегемонистская политика одного из крупнейших и влиятельных государств в мире – США, обосновываемая «особенностью» и «исключительностью» Америки. Используя тезис о своей «особенности» и «исключительности», Вашингтон навязывает всему остальному миру, по его убеждению, единственно «правильную» и необходимую политику развития стран и народов. Автор на многочисленных примерах разоблачает лживость и двуличие такой политики, отмечает ее неприятие большинством стран мира. Статья адресована специалистам-международникам и тем, кто изучает место и роль США в современном мире.

Ключевые слова: США, «американская исключительность», гегемонизм в международных отношениях.

V. Pecheritsa

Far Eastern Federal University, Vladivostok

ON “PARTICULARITY” AND “EXCEPTIONALISM” OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Abstract. The article analyzes the hegemonic policy of the largest and most influential state in the world – the United States, supported under the justified concept of “peculiarity” and exclusivity of America. Using this term, Washington imposes its only “correct” and necessary policy for the development of countries and peoples. Showing numerous examples, the author exposes the deceit and duplicity of such a policy, its rejection by most countries of the world. The article is intended for specialists in foreign affairs and those who study the place and role of the United States in the contemporary world.

Keywords: USA, American exceptionalism, hegemonism in international relations.

Неповторимы и исключительны бывают многие страны. Одни отличаются географическим ландшафтом, богатой природой, размерами своей

территории и населения, другие богаты историей и культурой. Такое разнообразие стран и народов нормально, оно подчеркивает их особенности, делает мир многоликим. Многими странами восхищается остальной мир. Если заглянуть в мировую историю, таких стран, заслуживших уважение и доверие, было и есть немного. Например, до сегодняшнего дня люди высоко ценят и уважают Китай, который за пятитысячелетнюю историю подарил миру много открытий и достижений (фарфор, компас, бумагу, порох и многое другое). Своим изящным искусством восхищает Древняя Греция, люди преклонялись перед Римской империей. Оставил глубокий след в мировой истории и русский народ, не раз спасавший человечество от гибели. Так было в XIII в., когда Русь преградила путь в Европу монгольским завоевателям и спасла христианский мир от покорения. Потом последовал 1812 г., когда второй раз в истории Россия спасла Европу от порабощения. И, наконец, народы мира отдают дань уважения и выражают признательность советскому народу за победу над фашистской Германией в 1945 г. Помощь и спасение другим нациям Россия дает и сегодня. Подтверждением тому является ее бескорыстная политика в Сирии. Что это? Добро и исключительность русской нации? Ее великая миссия? Вероятно, но Россия, как и Китай, не претендует на «исключительность». У наших народов и их руководителей высокое чувство ответственности не только за себя, но и за судьбу других стран.

Однако были и остаются «исключительные» государства, которые присвоили себе право быть выше других, диктовать свои условия. В первой половине XX в. на такую роль претендовали фашистская Германия, Италия и Япония. Во второй половине XX в. роль лидера мира пытались оспаривать Соединенные Штаты Америки. Возможно, неправильно ставить эти страны в один ряд: цели и средства достижения у них разные, но их объединяют претензии на мировое господство и «исключительность», какими бы благими лозунгами или идеалами они ни прикрывались.

После Второй мировой войны, обогатившись на военных поставках в другие страны и помощи разрушенной Европе, США превращаются в могущественную экономическую и военную сверхдержаву. Меняются их внешнеполитические доктрины и стратегии. Отказываясь от политики изоляционизма, Америка резко увеличивает внешнеполитическую активность, переходя от континентальной экспансии к политике интервенционизма, а позже и к политике глобального экспансионизма [Гарбузов, 2020]. Такой переход увязывался с идеями американского лидерства и с теорией глобального доминирования. В последние три десятилетия (после краха мирового социализма и развала СССР) сами понятия «американской исключительности» и «особой миссии США» превратились в главный идейный инструмент внешнеполитического воздействия в мощном арсенале Государственного департамента США.

«Вмонтированная» во все внешнеполитические доктрины США идея американского лидерства перекечевала через их границы, распространяясь по всему земному шару, способствуя формированию идейных основ экспансионистской внешней политики этой всепроникающей неформальной империи современного мира [Там же].

Став сверхмощной державой, США проводят политику гегемона. Они развязывают холодную войну против своего главного конкурента – Союза Советских Социалистических Республик. Не имея реальных возможностей побороть СССР в ядерной войне, США делают ставки на идеологическую войну и экономическое давление. Претендуя на глобальное руководство миром, США отстаивают свои особые интересы в мировой экономике и финансах путем создания так называемых справедливых международных правил. Для этих целей они создают Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирную торговую организацию. В этих международных финансовых и торговых структурах они установили удобный для себя механизм распределения прибыли. Они стали получать самую большую долю от этого сотрудничества. Используя «кнут и пряник» в виде «мягкого режимного маневра», США быстро завоевали себе доступ к мировому рынку, став на нем монополистом. Применяя разные приемы дипломатии, а иногда и подкуп отдельных стран, США добились больших возможностей сотрудничества и признания «авторитета» у других наций. Такая политика «мягкого режимного маневра», пишет китайский аналитик Цзинь Цаньчжун, в каком-то отношении спасла от накопления больших международных противоречий, смягчила их обострение и укрепила стабильность гегемонистской системы [Цзинь, 2007].

Начиная с середины XX в., руководство США навязывает свою волю, свою модель миропорядка другим народам, и делается это под лозунгом добра и справедливости, во имя свобод и демократии.

На идеологическом уровне такая политика нашла свое выражение в доктрине «мондиализма» (от фр. *monde* – мир). Сущность этой доктрины сводится к провозглашению полной и неизбежной планетарной интеграции под американским контролем. Одновременно в рамках консервативного крыла политической элиты США возник и получил широкое распространение «диспенсациализм» (от лат. *despensatio* – промысел, замысел, заповедь), обосновывающий в мессианском духе неизбежность господства либерализма над всеми остальными проектами развития человечества. Духовной основой этой доктрины стало пуританство, пустившее корни сначала в Новой Англии, потом распространившееся по всем Штатам. Оно стало основой духовных и поведенческих особенностей многих американцев и их лидеров. Неслучайно все президенты, вступая в должность, дают клятву перед Библией. То есть «американская исключитель-

ность» облекается в религиозную оболочку и претендует на легитимность на пуританско-протестантской основе.

В последние годы новая американская элита под руководством Трампа несколько скорректировала такую политику в сторону изоляционизма, но главное сегодня остается прежним – господство Америки в мире. Как и прежде, все подчинено внутренним интересам США, прежде всего интересам правящего класса, в авангарде которого находятся финансовые круги и могущественный военно-промышленный комплекс.

Действительно, в таких сложных нынешних условиях руководители Америки больше заботятся о собственных делах и личных амбициях. Что происходит в других странах, их меньше всего волнует, а если и волнует, то через призму собственной безопасности. Не случайно из США в эти трудные для всего мира времена раздаются циничные заявления о больших и неопытных азиатах (китайцах). Не случайно с Запада продолжают провокации в адрес Китая, его друзей и партнеров, в том числе и в адрес России. Сыплются обвинения в том, что Китай виновен в возникновении этой глобальной эпидемии, он заразил весь мир и США COVID-19.

Но так думают не все американцы. «Недостатки американского общества» и «непродуманность приоритетов» становятся совершенно очевидными, потому что правительство продолжает тратить сотни миллиардов на оружие, в то время как медицинские работники лечат пациентов с COVID-19 в условиях нехватки средств индивидуальной защиты», – пишет американский писатель Дэвид Массиотра. Порочность американского здравоохранения признает даже такой апологет американской демократии и символ ее богатства и могущества, как Билл Гейтс [Обозреватель Salon ... , 2020]. После вспышки пандемии Билл Гейтс неоднократно публично выражал недовольство мерами по предотвращению распространения вируса и контролю со стороны США. Он подчеркивает, что возможности обнаружения и отслеживания вирусов в Азии намного выше, чем в Соединенных Штатах.

В эффективности принятия мер по ограничению распространения COVID-19 США серьезно отстают не только от Азии и России, но и от своих европейских партнеров и союзников. Количество летальных исходов от этой эпидемии в США в разы превышает европейские показатели. В ЕС ежедневное число вновь подтвержденных случаев инфицирования остается стабильным с середины мая и составляет примерно 5 тыс. чел. Притом что население ЕС на 35 % больше, чем США. Полное фиаско Америки в сдерживании коронавируса становится очевидным. Более того, расширение охвата тестирования на коронавирус в США на самом деле замедляется, а уровень заражения растет, опровергая бессмысленные заявления администрации Трампа о том, что увеличение тестов ведет к росту инфекций [Американская исключительность ... , 2020]. «Это не “ис-

ключительность”, а отставание Америки», – с горечью признает Дэвид Массиотра. «США являются “исключительными” среди развитых стран с точки зрения неспособности “компетентно, дисциплинированно и добросовестно” реагировать на пандемию» [Обозреватель Salon ... , 2020]. В стране продолжает расти число заболевших коронавирусом, а больницы в целом ряде штатов, например в Аризоне, Техасе, Миссисипи и Флориде, перегружены. Более того, все больше американцев страдают от экономических последствий пандемии, в то время как Япония, Исландия, Новая Зеландия, Италия, Германия и другие развитые страны постепенно возвращаются к нормальной жизни. Возвращаются к привычной жизни Россия и КНР [Там же]. В Китае к концу июля 2020 г. промышленное производство выросло более чем на 50 % по сравнению с 2019 г.

По мнению Массиотры, за десятилетия пренебрежения институтами и инфраструктурой общественного здравоохранения и избрание «некомпетентного и непоследовательного» лидера «незаменимая нация» – США – расплачивается не только экономическим развитием, но и человеческими жизнями [Там же]. По прогнозам аналитиков, число жертв к концу 2020 г. в США может достичь более 200 тыс. чел. Это почти сравнимо с потерянными Америкой во Второй мировой войне (225 тыс. чел.). О какой «исключительности» США может идти речь? Пандемия COVID-19 окончательно разрушила представления людей мира, а значит, и части собственного населения об «американской исключительности». Она «заставила американцев столкнуться с жестокой правдой: США не так уж исключительны, как они думают, и единственная в мире сверхдержава нуждается в небольшом смирении перед лицом современных вызовов» [Пандемия COVID-19 ...].

Сомнения в исключительности своей нации терзают многих американцев, однако основная их часть до последнего времени продолжает верить в избранность своей страны. Первый мощный удар по «американской исключительности» и престижу Америки нанесла война во Вьетнаме, когда США с позором и унижением потерпели в ней поражение.

«“Американская исключительность” объявлялась мертвой много раз с войны во Вьетнаме до глобальной войны с терроризмом, тем не менее ей удалось продержаться в течение этих сложных периодов», – отмечает Ури Фридман. «За последние годы коронавирусный кризис COVID-19 представляет самую большую угрозу для веры в то, что США мало чему могут научиться у остального мира», – подчеркивает он. У. Фридман призывает руководство США учиться на собственных ошибках. «Учиться – это значит признавать возможности для совершенствования и совершенствоваться, особенно в борьбе с современными угрозами, такими как пандемия, с которыми США не имеют опыта борьбы в качестве сверхдержавы» [Там же]. В подобной манере сегодня рассуждают все больше амери-

канцев. «С приходом пандемии коронавируса идея американской исключительности, с помощью которой на протяжении долгого времени оправдывались многие спорные шаги Вашингтона, показала свою иллюзорность и пагубность», – пишет Дэниел Ларисон 30 апреля в статье для The American Conservative. Ларисон отмечает, что в сердце американской исключительности лежит американское высокомерие, вызванное убежденностью, что США лучше остального мира. И благодаря этому превосходству, уверены сторонники идеи американской исключительности, Вашингтон имеет как право, так и обязанность брать на себя непропорциональную роль в международных делах [Пандемия показала ...].

«Пандемия коронавируса – это проклятие. Она также должна стать возможностью для США понять наконец, что они не посланцы Божьи. Из нынешних страданий и утрат могут появиться смирение и понимание ограниченности собственных сил», – заявил президент Института Куинси Эндрю Бацевич [Там же].

Если не в борьбе с коронавирусом, то, может быть, в экономике США остаются «исключительной» страной и мировым лидером. Но и здесь они все больше теряют свои позиции в мире. Если в 1980 г. на долю США приходилось более 24 % [ВВП США] мирового ВВП, то в 2020 г. только около 17 % [Всемирный банк ...].

По выпуску многих видов промышленной продукции США уже потеряли лидирующее положение. Это происходит в автомобильной промышленности, приборостроении, судостроении, производстве компьютеров и другой технологически сложной продукции. Не показывают положительных результатов и попытки администрации Трампа переместить промышленное производство из Азии, в первую очередь из Китая, в США. Государственный долг США постоянно увеличивается, превысив \$23 трлн долл. Могущественный американский доллар, когда-то обеспеченный золотом, уже не «приводит в трепет» другие нации, он теряет свои позиции по сравнению с евро, юанем и другими валютами. Ввиду ограниченных финансовых резервов США и агрессивных фискальных мер после наступления коронавирусного кризиса разница в чистых сбережениях и текущих счетах американцев продолжает смещаться в пользу Европы и Азии, оказывая сильное понижающее давление на доллар [Американская исключительность ...]. Аналитики предсказывают дальнейшее падение доллара. К концу 2020-х гг. XXI в. оно станет необратимым. Падение переоцененного доллара основано на быстром усилении макроэкономических дисбалансов и постепенной утрате его глобального лидерства. Дефицит федерального бюджета продолжает расти, достигнув \$863 млрд только в июне, что сопоставимо с дефицитом в \$984 млрд за весь 2019 г. [Там же].

США теряют позиции и в других сферах, этому способствуют не только общемировые тенденции, но и неэффективная, часто безграмотная и противоречивая политика руководства, что отчетливо проявляется на

фоне стремления страны к деглобализации, ослаблению связей и торговому протекционизму. В этих условиях все больше теряют США роль и статус мирового гегемона, что начинают осознавать даже в Вашингтоне. Не случайно Д. Трамп вынуждает сокращать количество военного контингента в Европе, выводит часть своих войск из Афганистана, призывает союзников по НАТО больше самим финансировать военные расходы. Однако это не означает, что трамповская Америка прощается со своей «исключительностью», со статусом авангарда мира. Под лозунгом «империи добра» администрация Трампа вынуждена менять тактику, но в стратегии она продолжает политику гегемонизма. В Вашингтоне вновь становится популярна концепция America First. Ее цель – возродить Америку, вернуть ей былое величие. Опасность такого курса отмечает известный китайский аналитик Цзинь Кай. Он пишет, что «ограниченность и узость мышления одной нации может манипулировать мировоззрением другой и приводить к «исключительности» в восприятии всего мира. Политические элиты в США считают, что доминирующая сила или соперничество по-прежнему являются основными противоречиями в мире» [Kai Jin].

Между тем авторитет Америки в глобальном управлении, в том числе и среди ее союзников, в последние годы падает. Этому способствуют и безответственные шаги самой администрации Вашингтона. Д. Трамп заявил о выходе США из ряда влиятельных международных организаций, участвующих в глобальном управлении: ВОЗ, Парижского соглашения по климату и др. Еще раньше Вашингтон заявил о выходе из ЮНЕСКО, сокращении взноса в ООН. Вместе с тем в предвыборной риторике двух кандидатов (Д. Трампа и Дж. Байдена) тема «исключительности» Америки не только не затихает, но и поднимается с новой силой. Так, в предвыборной платформе Республиканской партии «ключевыми» являются разделы «Восстановления “американской мечты”», «Великие американские семьи» и другие. В последнем разделе – «Возрождение Америки» – республиканцы провозглашают себя «партией мира с позиции силы», утверждая, что «“американская исключительность” обеспечивает уникальные лидирующие позиции в мире». Они высказываются за «расширенную координацию действий с союзниками по НАТО» и «применение совместных с союзниками санкций в отношении России» [100 дней до выборов ...]. Одновременно Вашингтон выступил и за обновленную политику с позиции силы в отношении КНР.

Не менее воинственная риторика звучит с предвыборной платформы демократов, которые, как и прежде, придерживаются «исключительности» и превосходство Америки в мире. Как известно, такая политика усилилась после принятия в 2010 г. Б. Обамой Новой стратегии безопасности США. Присвоив себе право руководить миром, США продолжают вмешиваться в дела других суверенных государств. В последние годы они это делают крайне агрессивно и грубо. В летнем послании президента Д. Трампа Конгрессу США содержится подтверждение «пропагандист-

ской машины», запущенной администрацией США для обоснования своей «исключительности» [Обосновать свою ...]. Соединенные Штаты искренне считают, что только их геостратегические цели являются приоритетными для всего мира. Это проявляется в том числе в сфере «защиты прав человека, свободы и демократии». В этой политике США уже давно используют двойные стандарты. О чем свидетельствует доклад Д. Трампа «Стратегический подход Соединенных Штатов в отношении Китайской Народной Республики», представленный Конгрессу [Там же]. Этот документ – попытка переложить ответственность на Китай за непростую ситуацию с распространением коронавируса в США.

Роберт Малли, президент аналитического центра International Crisis Group, координатор Белого дома по Ближнему Востоку, пишет: «Когда продвигают права человека в Соединенных Штатах Америки, американское руководство, как правило, испытывает «разрыв в доверии», т. е. проблему непоследовательности в словах и делах. Сегодня «разрыв в доверии» превратился в «пропасть в доверии», а права человека, похоже, стали своего рода валютой транзакций» [漠视民众生命].

Под лозунгом защиты прав человека Вашингтон активно и неприкрыто вмешивается во внутренние дела КНР, о чем свидетельствуют последние события в Гонконге, который с 1997 г. является неотъемлемой частью КНР. США при поддержке Великобритании пытаются лишить эти территории КНР торговых и экономических преференций.

Гонконгская проблема все больше становится поводом для противостояния между США и КНР. США ввели визовые ограничения и экономические санкции должностных лиц КНР и Гонконга, которые прямо или косвенно причастны к подрыву автономии Гонконга и ограничению свободы на острове. Американские власти заявляют, что Гонконг уже не сохраняет высокую степень автономии от Китая и Вашингтон пересмотрит подход к принципу «одна страна, две системы». Существует вероятность того, что в Гонконге будут введены дополнительные ограничения в сфере торговли [Шилов, 2020].

Одновременно на фоне ситуации в Гонконге на рассмотрение Конгресса США внесен законопроект, предоставляющий американскому президенту право признать независимость Тибетского автономного района от КНР, принять его в качестве отдельного, независимого государства. Документы отправлены на рассмотрение в Комитет по иностранным делам Палаты представителей [Волков, 2020]. Вашингтон давно и последовательно ведет подрывную работу против Тибета. США постоянно используют тибетскую ситуацию в своих агрессивных интересах с целью отколоть его от КНР. Уже много лет ведется агрессивная пропагандистская кампания вокруг положения в Синьцзяне [Крутиков, 2020]. Американское

руководство упрекает Пекин за «репрессивную политику центральных властей Китая по отношению к уйгурам и несоблюдение прав человека».

Не только в Китае, России, но практически во всех регионах, где остаются интересы США, присутствует «американская исключительность». На такую гегемонистскую политику США не могут не реагировать другие страны. Причем их реакция различна. Одни, находясь под экономическим и военным давлением Вашингтона, продолжают робко следовать в фарватере американской политики, другие самодостаточные страны, такие как Россия и Китай, противодействуют гегемонизму Америки. Пересмотреть свою воинственную позицию по отношению к остальному миру не раз призывало Вашингтон руководство СССР. О сдерживании и взаимовыгодном сотрудничестве с США говорил еще И. В. Сталин, когда те, пользуясь монополией на ядерное оружие, в 1945 г. бомбили Хиросиму и Нагасаки. Ядерный баланс с СССР в 50–80-е гг. несколько ослабил давление идеологов и практиков «американской исключительности». Сформированная модель биполярного мира и конфронтация двух сверхдержав (США – СССР) не переросли в прямое столкновение благодаря сдерживающей роли ядерного оружия и созданному механизму конфронтационного регулирования. Однако на рубеже 80–90-х гг. XX в., когда прекратила существование мировая система социализма и распался СССР, а США остались единственной сверхдержавой, идеология «исключительности» и «уникальности» не только вновь возродилась в сознании руководства этой страны, но и укрепилась в сознании американцев. Как идеологема во внешней политике Вашингтона, «американская исключительность» в качестве политической «дубинки» продолжает размахивать над головами народов, и все это сопровождается «добродетелью» и мирными намерениями Америки. Подтверждением этой «исключительности» являются созданные Вашингтоном более 800 военных баз в разных частях мира и напрасные расходы в 6,4 трлн долл. на различные войны после 11 сентября 2001 г.

Непримирение несдержанного американского лидерства демонстрирует современная Россия. Ее президент В. В. Путин не раз призывал США к сдерживанию и предлагал сотрудничество. Об этом он говорил в своей речи на Мюнхенской конференции в 2007 г., призывая США и весь западный мир отказаться от политики «исключительности» и превосходства [Выступление и дискуссия ...]. По мнению Путина, в современном мире доминирование фактора силы и однополярная модель неприемлемы и невозможны. Это неизбежно подпитывает желания ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения. «И не только потому, что при единоличном лидерстве ... не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной

базы современной цивилизации», – говорит Президент России [Там же]. Эту мысль Президент России развил в 2013 г. на страницах американской газеты The New York Times. Он напрямую обратился к американскому народу с предостережением в отношении удара Пентагона по Сирии. «Очень опасно вдохновлять людей на то, чтобы они считали себя исключительными, какая бы мотивация ни была», – подытожил Путин, усомнившись в целесообразности действий Президента США Барака Обамы, пытавшегося подчеркнуть исключительность американской нации [Обозреватель Salon ...].

К сдерживанию Америки не раз призывало и китайское руководство. «Не увлекайтесь санкциями!» – предупреждал Б. Обаму лидер КНР Си Цзиньпин [РИА-новости].

Современная политика США, построенная на чувствах национально-го эгоизма и «исключительности», губительна для страны, она не усиливает, а ослабляет Америку. США все больше теряют лидирующие позиции не только в мировых финансах и экономике, но и в науке и образовании. Ослабленная Америка уже не может по-прежнему руководить миром, навязывать свою волю другим народам. Политика гегемонизма уходит в прошлое, в сегодняшних реалиях она неуместна и непродуктивна. Даже союзники США по НАТО начинают понимать это. Меняется и общественное сознание в самой Америке.

Сегодня многие американцы испытывают пораженческие чувства, страдания, смущение и даже стыд, когда видят, что их уровень жизни ниже по сравнению с европейским: немцев, французов, шведов, австрийцев и других. Когда они наблюдают, что число случаев заражения коронавирусом растет, а в других странах уменьшается. Непокоримая убежденность в «исключительности» своей нации заметно снижается. Многие в США начинают осознавать, что особая роль Америки была не реальной, а воображаемой и иллюзорной. И это оставалось возможным только в определенные периоды истории, из которых Америка должна извлекать уроки. Действительно, многие годы американские лидеры, ослепленные внутренними и внешними победами, гордились «просвещенным руководством» остальным миром, часто пренебрегая актуальными проблемами собственной страны. Кроме того, во имя такого руководства и такой помощи разрушены многие страны.

«Американская исключительность» была и осталась иллюзией и сказкой, которой лидеры США оправдывали свою гегемонистскую политику. Такая политика навязывалась другим странам и отвлекала от защиты собственной страны [Пандемия показала ...].

Но вера в то, что США являются незаменимой нацией, что без них не может быть решен ни один вопрос, постепенно угасает. Пример с ко-

ронавирусом убедительно продемонстрировал, что и без «лидерства» Белого дома, другие страны успешно справляются с вызовами и угрозами.

Америка – великая страна, но не исключительна, ей есть чем гордиться. Однако это не наделяет ее правом диктовать волю другим народам. Величие нации не в гегемонизме, а в добродетели и особой ответственности за себя и судьбу мира.

Литература

ВВП США по годам: 1980–2020. URL: <http://global-finances.ru/vvp-ssha-po-godam/> (дата обращения: 12.08.2020).

Всемирный банк оценил грядущее падение мирового ВВП в 2020 году в 5,2% // Интерфакс. 2020. 8 июня. URL: <https://www.interfax.ru/business/712355> (дата обращения: 12.08.2020).

Волков К. Конгресс США рассмотрит законопроект о признании независимости Тибета // Российская газета. 27.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/27/kongress-ssha-rassmotrit-zakonoproekt-o-priznanii-nezavisimosti-tibeta.html> (дата обращения: 11.07.2020).

Гарбузов В. Н. Американская исключительность. Краткая история одного уникального общества // Независимая газета. 2020. 15 июня. URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-06-15/7_7885_society.html (дата обращения: 07.08.2020).

Крутиков Е. Как США пытаются разорвать Китай на десятки удельных княжеств // Взгляд. 2020. 31 мая. URL: <https://vz.ru/world/2020/5/31/1042151.html> (дата обращения: 11.07.2020).

Пандемия COVID-19 разрушает представление об американской исключительности: специальный репортаж // Russian News Cn. 2020-07-04. URL: http://russian.news.cn/2020-07/04/c_139188476.htm (дата обращения: 09.08.2020).

Пандемия показала лживость «исключительности» США – American Conservative // ИА REGNUM. 2020. 30 апр. URL: <https://regnum.ru/news/2934295.html> (дата обращения: 09.08.2020).

Обозреватель Salon призвал не перекладывать вину «американской исключительности» на Путина // RT. 2020. 27 июля. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-07-27/Obozrevatel-Salon-prizval-ne-perekladivat> (дата обращения: 07.08.2020).

«Обосновать свою исключительность»: с чем связаны новые обвинения США в адрес Китая // RT. 2020. 22 мая. URL: <https://russian.rt.com/world/article/748413-ssha-kitai-obvneniya-podhod-strategiya> (дата обращения: 09.08.2020).

РИА-Новости. 29.12.2016. URL: <https://ria.ru/20161229/1484948993.html> (дата обращения: 07.08.2020).

Цзинь Цаньчжун. Почему США стали непобедимы? // Народный форум. 2007. № 1. С. 6.

Шиллов В. Трамп пригрозил китайским чиновникам санкциями из-за Гонконга // Российская газета. 2020. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2020/05/29/tramp-prigrozil-kitajskim-chinovnikam-sankciiami-iz-za-gonkonga.html> (дата обращения: 11.07.2020).

Kai Jin. China's "Common Destiny" vs. "America First" // The Diplomat. May 07, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/chinas-common-destiny-vs-america-first/> (дата обращения: 07.08.2020).

漠视民众生命 背离人道主义大搞“双重标准”疫情扯下“美式人权”遮羞布 (环球热点) // 《人民日报海外版》(2020年07月23日第06版)。

Art Silverblatt

School of Communications
Webster University, Webster

MEDIA LITERACY AND CRITICAL THINKING IN THE USA

Abstract. The article deals with media literacy and critical thinking. The ability to develop a critical distance from the messages being conveyed through the channels of mass communication is of vital importance. However, the value of Media Literacy education extends beyond media analysis, furnishing critical thinking skills for people who are in danger of losing the ability to come to independent conclusions based on the systematic assessment of evidence. It should be emphasized that the discipline of Media Literacy is essentially apolitical. Media Literacy educators teach people how to think, not what to think. The discipline of Media Literacy furnishes individuals with the skills to develop an independence of thought so necessary to the survival of democracy.

Keywords: media literacy, critical thinking, media literacy strategies; mass media; USA.

Арт Силверблатт

Институт коммуникаций
Вебстерский университет, Вебстер

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В США

Аннотация. Рассматриваются медиаграмотность и критическое мышление. Способность развивать критическую дистанцию от сообщений, передаваемых посредством массмедиа, чрезвычайно важна. Тем не менее ценность обучения медиаграмотности простирается за пределы анализа медиа, предоставляя навыки критического мышления людям, рискующим утратить способность выводить независимые суждения, основываясь на систематической оценке доказательств. Необходимо подчеркнуть, что дисциплина «Медиаграмотность» по существу аполитична. Преподаватели медиаграмотности обучают людей тому, как думать, а не что думать. Обучение медиаграмотности снабжает индивидуумов навыками развития независимости мышления, что так необходимо для выживания демократии.

Ключевые слова: медиаграмотность, критическое мышление, стратегии медиаграмотности, массмедиа, США.

One of the most dispiriting developments of the Donald Trump era has been the assault on critical thinking skills throughout American culture.

Our digital media culture is characterized by Microcasting, in which programming is tailored to an individual's particular interests and expectations. As a result, individuals have become habituated to living in Alternative Realities. People inhabit realities of their own choosing, selecting information that reinforces their own preexisting worldviews. For instance, many young people have chosen to immerse themselves in Augmented Reality platforms that provide a more engaging, attractive, and accepting worldview than what they must encounter offline, in "real life." Consequently, communicators are no longer judged on who is most *truthful*, but rather who is the most *persuasive* storyteller.

The administration of U. S. President Trump administration has normalized lying as a legitimate form of political discourse. Trump insider Kelly Ann Conway first coined the term "Alternative Facts," which describes the rejection of fact and logic, in favor of emotional appeals—most notably fear, anger, and envy. President Trump regards lying (or "Truthful Hyperbole") as an innocent

form of exaggeration – and a very effective form of promotion.” (Ref) According to the *Washington Post*, the president was guilty of 9014 “false or misleading claims” during his first year in office—nearly six per day [Analysis/President Trump has made 9014 False or Misleading claims...].

It is within this cultural environment that Media Literacy has emerged as an essential area of study. Media Literacy is a critical thinking skill that is applied to the source of most of our information—the channels of mass communication. Media Literacy educators teach people *how* to think, not *what* to think. Thus, the criteria for determining the validity of media literacy analysis is based upon: 1) The systematic application of media literacy methodologies; and 2) Interpretations supported by concrete examples (e. g. films, television episodes, social media).

Disinformation Campaigns

As an example, media literacy analysis can provide insight into our understanding of *Disinformation Campaigns*. Disinformation refers a propaganda technique, in which alternative narratives are constructed in order to promote the ideological interests of a specific group. This dangerous technique was developed during the Nazi era, was refined by the American advertising industry, and is now a central feature of our geopolitical landscape.

The following media literacy strategies enable individuals to: 1) detect the appearance of alternative narratives; 2) trace the disinformation network of media placement; and 3) assess how the placement of stories influences public attitudes and behaviors.

* *Function*

Identifying the *Function*, or purpose of a media presentation focuses on the following question: Does the media communicator want you to think or behave in a particular way as a result of receiving the information?

A body of information (BOI) operates on the basis of *Manifest Functions* – surface reasons behind the promulgation of particular information in the media. But in addition, a BOI may contain *Latent Functions*, in which a media communicator’s intention is beneath the surface and not immediately obvious to the audience. Indeed, at times, the Manifest Functions of a media presentation may be *subordinate* to its Latent purposes.

A disinformation campaign typically fulfills one of the following Manifest Functions:

- Installing a favorable narrative
- Influencing Policies and Events

But in addition, the promulgation of Alternative Narratives can fulfill the following Latent (i. e. under the surface) Functions:

- Diverting public attention
- Undermining faith in the media as societal watchdog

- Destabilizing democratic systems of government
- Accelerating the loss of individuals' critical faculties

Thus, by considering *why* an agent would compose and distribute a particular false narrative, one can begin to better understand the purposes behind a Disinformation Campaign.

- ***Media Communicator***

Identifying the *source* of a media narrative can furnish considerable perspective into the messages contained in a media presentation. However, discovering who is responsible for financing, producing, and disseminating a media presentation can present a challenge for members of the audience. In interpersonal communications, the communicator and audience are in direct and immediate contact. In contrast, in mass communications, the media communicator is separated both in time and space from their audience and, therefore, is largely unknown to the audience. Moreover, although we generally assume that the person in front of a camera or microphone is the person who is responsible for what is being said, this performer is very often instructed about what to say by someone who is unseen by the audience. Consequently, it can therefore require additional research to uncover who is responsible for the information that you receive.

In addition to this visible Media Communicator, several other important levels of Media Communicator should be considered:

- The *Producers* of a media presentation: the writers, directors, and technicians who decide on the presentation of content.
- The *Media Organization* in which the media presentation appears—that is, the television network, newspaper, or Internet site.
- *Financial Backers* of the media organization and/or the media presentation itself.

Applying the following questions related to the media communicator(s) responsible for financing, producing, and disseminating a Disinformation Campaign can furnish perspective into this propaganda technique:

Performer(s)

- *What are the demographic characteristics of the media communicator(s)?*
- *How do these characteristics affect the content and outlook of the media production?*
- *What is the Performer's expertise with regard to the content and messages?*

Producer(s)

- *What are the producers' responsibilities with regard to the media presentation?*
- *What is the influence of this "storyteller" on the narrative?*

– *Do the narrative structure or production techniques in the presentation provide insight into media messages?*

Media Organization

– *Who owns the media organization?*

– *What is the mission of the media organization?*

– *Does the organization promote a consistent ideological point of view?*

Financial Backers

– *Who is responsible for providing the resources to the organization/program?*

– *Why do the Financial Backers make this commitment to the organization/program?*

Content Verification

This strategy refers to measures that track the emergence of a narrative thread into the media landscape, as well as examining the truthfulness of information. Discovering the origin of a narrative is a relative simple search process. In addition, a number of *Verification Sites* are available that check the veracity of statements made in the media, such as *Fact Check*, *Media Matters*, *Open Secrets*, *Politifact*, *ProPublica*, *Snopes*, *The Sunlight Foundation*, and *Washington Post Fact Checker*

Of course, it is vitally important to apply media literacy strategies to these sources of content validation. To illustrate, although the *Washington Post* (the media organization behind the *Washington Post Fact Checker*) is often accused of a left-center bias, its checks are excellent and sourced. However, this site does fact check conservative claims more than liberal ones.¹

As a conclusion the ability to develop a critical distance from the messages being conveyed through the channels of mass communication is of vital importance in our mass-mediated environment. To be sure, media literacy analysis can broaden our understanding of false narratives such as the Ukrainian interference in the 2016 U. S. presidential election and the influence of the Bidens in the affairs of that country.

But beyond media analysis, media literacy instruction enhances critical thinking in *other* disciplines as well. According to Renee Hobbs and Richard Frost,

The first large scale empirical study measuring the acquisition of media literacy skills in the United States concluded that incorporating media message analysis into secondary level English language arts curriculum... improved students' reading, viewing and listening comprehension of print, audio and video texts, message analysis and interpretation, and writing skills. [Hobbs & Frost 2003].

And in this way, the ultimate contribution of the discipline of Media Literacy is furnishing individuals with the thinking skills that are so critical to the survival of democratic societies.

References

Analysis/President Trump has made 9014 False or Misleading claims over 773 days. *Washington Post*, 2019, March 3.

Hobbs Renee, Richard Frost. Instructional Practices in Media Literacy and Their Impact on Students' Learning. *New Jersey Journal of Communication*, 1999, vol. 6, no. 2, pp. 123–148. Available at: <http://interact.uoregon.edu/MediaLit/mlr/readings/articles/hobbs/instrpractice.html>> (date of access: 31 July 2003).

УДК 331.103

Е. В. Страшко

Севастопольский государственный университет, Севастополь

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА ИННОВАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ФИРМЫ И ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА¹

Аннотация. Рассматривается постановка целей в качестве компоненты создания инновационной продукции (услуги). В связи с этим устанавливаются основные взаимосвязи целей участников создания инновационной продукции в разрезе теорий человеческого капитала и теории фирмы. Выявляется, что цели собственника человеческого капитала и цели производителя не всегда однонаправленны и даже имеют различные векторы. Однако при условии производства высокотехнологичной продукции (услуг) и получения синергетического эффекта цели каждого из участников процесса производства должны иметь общее направление, сходное с направлением целей конечного потребителя данной продукции.

Ключевые слова: теория человеческого капитала, теория фирмы, инновационная экономика, собственник капитала, человеческие ресурсы.

E. Strashko

Sevastopol State University, Sevastopol

GOAL SETTING IN THE PROCESS OF PRODUCING INNOVATIVE PRODUCTS FROM THE STANDPOINT OF THE THEORY OF THE FIRM AND HUMAN CAPITAL THEORY

Abstract. The purpose of the article is to consider goal setting as the main component of creating innovative products (services). In this regard, the main relationships between the goals of participants in the creation of innovative products in the context of human capital theory and the theory of the firm are established. The article reveals that the goals of the owner of human capital and the goals of the producer are not always unidirectional, but even have different vectors. However, in the case of production of high-tech products (services), the direction of the goals of each of the participants in the production process should have a General direction similar to the direction of the goals of the end user of this product.

Keywords: theory of human capital, theory of the firm, innovative economy, owner of capital, human resources.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”».

Человек как собственник разного рода капитала с позиций различных теорий и подходов рассматривается по-разному. Целью статьи выступает попытка рассмотреть целеполагание человека как собственника капитала с позиций теории человеческого капитала Т. Шульца и Г. Беккера и предпринимателя – производителя, использующего человеческий ресурс для производства инновационной продукции (услуги), в рамках теории фирмы.

Одним из перспективных направлений развития экономической науки и достижением западной экономической мысли второй половины XX и XXI вв. стала теория человеческого капитала.

Человеческий капитал определяется как стратегический ресурс его собственника, прирост которого направлен на получение доходов в будущем. Собственник человеческого капитала в рамках данной теории преследует свои личные цели с учетом затрат времени и инвестиций в его накопление и применение.

Представим целеполагание индивида с позиций теории человеческого капитала.

Задолго до появления современной теории человеческого капитала А. Смит писал: «Человека, изучившего с затратой большого труда и времени какую-либо из профессий... можно сравнить с дорогой машиной». Этот труд «возместит ему... все расходы на обучение, с обычной, по меньшей мере, прибылью на капитал...» [Смит, 1962, с. 279]. К. Маркс в своих работах подчеркивает, что развитие физических, умственных и творческих созидательных сил человека есть «действительное богатство», «главная производительная сила общества» [Маркс, Энгельс, 1974, с. 118].

Основные положения современной теории человеческого капитала были обоснованы известными американскими экономистами Т. Шульцем и Г. Беккером.

В теории доказано, что система образования – такая сфера деятельности, где финансовый капитал превращается в человеческий, т. е. финансовые затраты на образование превращаются в такие последствия развития интеллекта, культуры человека, которые являются определенным вознаграждением, прибылью как для самого человека, так и для всего общества. Более того, финансирование образования является самым выгодным вложением капитала.

Г. Беккер указывал, что способности человека «...развиваются посредством определенных видов деятельности, которые имеют атрибуты инвестиций» [Becker, 1962, с. 62]. К таким видам инвестиционной деятельности он относил школьное образование, обучение на рабочем месте, укрепление и охрану здоровья, растущий запас информации относительно экономики. Посредством этих видов деятельности формируются группы человеческих способностей, которые могут получать капитальную оценку

и применяться как человеческий капитал. Затраты на его формирование представляют собой инвестиции, поскольку они обладают всеми необходимыми признаками: инвестор жертвует частью дохода и времени сегодня ради получения более высокого дохода завтра.

Накопление и развитие человеческого капитала, как и физического – это сложный инвестиционный процесс.

Также человеческий капитал (ЧК) способен повышать эффективность хозяйственной деятельности, и доход от его применения может принимать как денежную, так и неденежную формы. Экономистов в большей степени интересует экономический эффект.

Следовательно, целью человека, решившего инвестировать в свой ЧК, является повышение его (личной) эффективности, выраженной прежде всего в денежном эквиваленте, удовлетворении своих потребностей (с физиологической точки зрения). Наглядно это можно представить в виде схемы (рис. 1).

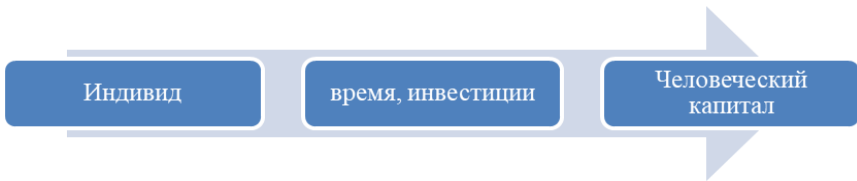

Рис. 1. Упрощенная схема формирования человеческого капитала

Человеческий капитал без его применения не имеет экономической эффективности. А применить его возможно только в результате обмена. В хозяйственной деятельности ЧК выступает в качестве ресурса, необходимого для производства товаров (услуг). Причем значимость и ценность ЧК в большей степени чувствительны именно в сфере услуг.

В рыночной экономике центральной фигурой выступает предприниматель и его предприятие (организация). Рассмотрим целеполагание экономического субъекта с позиций теории фирмы.

Предприниматель в своей деятельности призван обеспечить необходимую комбинацию или необходимое сочетание личной выгоды с общественной пользой в целях получения прибыли. Именно это – ключевое требование к предпринимателю.

Предприниматель как индивид является обладателем не только собственного человеческого, но и физического капитала. Сложность и искусство предпринимательства заключается в том, чтобы эффективно сформировать и использовать имеющиеся ресурсы (капитал). В классической экономической теории ресурсы предприятия – это имеющиеся в наличии средства, обеспечивающие осуществление предпринимательской деятель-

ности. Они используются и в конце концов потребляются субъектом для достижения поставленных целей. В теории фирмы все ресурсы разделяют на природные, материальные, трудовые, финансовые, информационные [Кончакова, Чугунова, 2017, с. 50].

Ресурсы важно приобрести максимально выгодно, сравнивая альтернативные возможности выбора конкретного ресурса по качеству и цене. Приобретенные и использованные ресурсы выступают как издержки предприятия. В свою очередь, продукцию (услуги) надо реализовать и получить доход, достаточный для возмещения использованного капитала, выплаты заработной платы персоналу и дивидендов собственникам.

С позиций субъекта предпринимательской деятельности, ориентированных на выработку определенной продукции (услуг), экономическими ресурсами являются те источники, которые конкретно необходимы для осуществления поставленных целей и решения хозяйственных задач.

На пути к инновационной экономике предпринимателям ставится принципиально новая задача – производить высокотехнологичную продукцию (услуги) с высокой добавленной стоимостью.

Как следствие этого, меняется и подход к подбору ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности. Структура инновационного бизнеса представлена на рис. 2.

Рис. 2. Структура инновационного бизнеса

При производстве товаров (услуг) с высокой добавленной стоимостью человеческие ресурсы имеют еще более важное и стратегическое значение.

Инновационной деятельностью должно заниматься каждое предприятие, если оно стремится работать прибыльно на конкурентном рынке.

Инновации продуцирует человек с высоким интеллектуальным капиталом, который является собственностью самого индивида. Собственник этого капитала ставит своей целью «продать его (капитал) подороже» и получить доход более или равный оценке своего ЧК.

В свою очередь, доход предпринимателя-инноватора образуется из двух источников. Во-первых, новые товары образуют новый рынок, про-

даются по более высоким ценам по сравнению с товарами-аналогами, вытесняемыми или замещаемыми на рынке. Новые товары имеют престижно, и покупатели соглашаются платить более высокую цену. К примеру, можно сравнить цены на новейшие марки автомобилей, бытовой техники и т. д. Быть лидером в обновлении ассортимента на рынке любого товара выгодно, получая соответствующий инновационный доход.

Во-вторых, технологические и факторные инновации приносят дополнительный доход, так как новые технологии снижают индивидуальные издержки ниже средних по отрасли. Продажа товаров по средней рыночной цене позволяет предпринимателям-инноваторам получать избыточный (монопольный) доход до тех пор, пока не появится более совершенная техника и технология [Роль человеческого капитала ... , 2019, с. 110].

Таким образом, предприниматель заинтересован в сотрудниках, обладающих высоким уровнем развития человеческого капитала и потенциала, которые способны обучаться в течение всего жизненного цикла как продукции (услуги), так и всего предприятия.

Неэффективный предприниматель наносит обществу социальный и экономический ущерб. И если социальный ущерб от неэффективных предприятий невелик, то в экономическом плане банкротство есть способ излечения и избавления экономики от «больных» неэффективных предприятий. Персонал и часть средств переходят на другие, более эффективные предприятия в прогрессирующих отраслях хозяйства.

В таких условиях одним из важнейших факторов эффективности и конкурентоспособности на рынке выступает время.

Целью предпринимателя-инноватора будет применение человеческого капитала высокого качества *своевременно*, т. е. раньше, чем он появится у конкурентов.

Значит ли это, что для предпринимателя это отразится в более высоких издержках? Безусловно, в краткосрочном периоде норма отдачи инвестиций на человеческий капитал в случае его найма будет выше, чем этот же показатель в долгосрочном периоде.

Устойчивость экономического и финансового положения фирмы обеспечивает поддержание высокой надежности, прибыльности капитала и получение дивидендов не меньше среднего уровня в данной отрасли бизнеса.

Эта задача ставится прежде всего людям, которые управляют капиталом от имени собственников, т. е. менеджерам, способным управлять издержками, балансировать бюджет, прогнозировать ситуацию на рынке, учитывать внутренние и внешние факторы. То есть способность к бизнесу воплощается в величине собственного и контролируемого капитала. Качественные оценки учитывают достигнутую прибыльность используемого капитала, устойчивость и конкурентоспособность фирмы.

Менеджер любого уровня должен работать в единой команде, обеспечивая свой вклад в реализацию целей и стратегии компаний.

Результаты деятельности экономически независимого частного предприятия определяются степенью ответственности за свои действия как руководителей, так и рядовых работников. Ответственность повышается, если работники ощущают себя реальными собственниками своего предприятия, которых привлекают к процессам выработки целей и принятия управленческих решений. Система участия работников в управлении, прибылях и собственности предприятия позволяет интегрировать цели работников, работодателей и собственников и обеспечить высокую мотивацию и активность персонала в решении возникающих проблем [Кончакова, Чугунова, 2017, с. 48].

В современной социальной среде уже произошло удовлетворение базовых потребностей человека, связанных с его выживанием и физической безопасностью. Мотивация сегодня становится главным социальным аспектом деятельности человека. Люди все больше ставят своей целью самостоятельную деятельность, самовыражение. Реализация этих целей может проявляться через получение большей самостоятельности в процессе труда в рамках ее организационной структуры. Недооценка этих целей и желаний приведет к снижению интереса к работе, к снижению производительности, уходу с работы в поисках возможности для самореализации и творчества. Следует отметить, что такое поведение свойственно наиболее способным и перспективным сотрудникам, как правило, имеющим высокий уровень ЧК.

Следовательно, в инновационном бизнесе при постановке целей предприятию необходимо считаться с целями (желаниями) собственника ЧК, который используется в качестве экономического ресурса.

Такой подход побуждает участников производства инновационной продукции работать с большой отдачей и добиваться высокой эффективности, поскольку их материальное благополучие будет напрямую зависеть от их собственных усилий.

Необходимо отметить, что цели собственника ЧК и предпринимателя (производителя) должны лежать в одном направлении и учитывать цели конечного потребителя. Только в таком случае инновационный продукт (услуга) будет реализован в рамках жизненного цикла, состоятся товарно-денежные отношения посредством обмена на конечном рынке. Наглядно данное утверждение можно представить на рис. 3.

Прежде чем работодатель примет на работу объект рынка труда (пока представленный как трудовой потенциал), он оценивает вероятный вклад потенциального работника в создание дохода предприятия, и, как следствие, в этом случае потенциальный работник становится объектом планирования предприятия, а значит, включен в достижение цели.

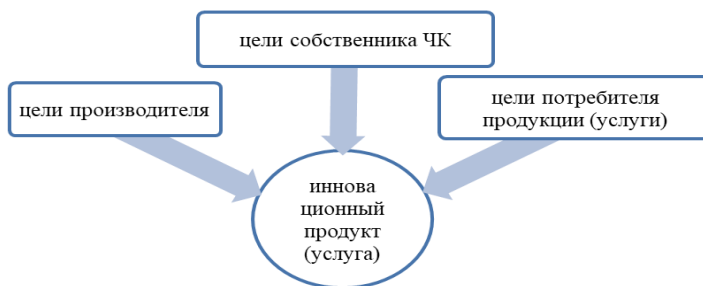

Рис. 3. Цели участников создания инновационного продукта

Обращаясь к теории ЧК, необходимо отметить, что большое внимание Г. Беккер уделяет понятию подготовки на рабочем месте как особой формы обучения. Беккер различает общую и специальную подготовку на рабочем месте, что, на наш взгляд, имеет большое теоретическое значение.

Специальная подготовка наделяет работников знаниями и навыками, представляющими интерес лишь для той фирмы, где они были получены, предельная полезность работника для других фирм не возрастет.

Отдачу в виде более высокой прибыли будет получать фирма, и она же будет вынуждена брать на себя все издержки такой подготовки, так как ни один работник не станет платить за нее, если он не получает от этого никаких выгод. В данной ситуации для фирмы всегда есть риск потерять вложенные средства в случае увольнения работника.

Более предусмотрительные фирмы, учитывая данный риск, понимают, что его величина во многом зависит от заработной платы, т. е. дохода собственника человеческого капитала. Таким образом, возникает необходимость делиться с работниками частью прибыли, предоставляя заработную плату выше, чем та, которую работники могли бы получать, работая у конкурентов.

Для собственника ЧК такая подготовка имеет двойной эффект: первый – увеличение (развитие) собственного ЧК, второй – более высокую его стоимость (доходность).

Общее обучение предполагает получение работником таких знаний и навыков, которые могут быть им использованы не только на данном предприятии, но и на других. То есть после прохождения обучения производительность труда работника возрастает и не меняется в зависимости от места работы.

Общая подготовка несет одинаковую полезность как для фирмы, где она была получена, так и для других фирм потенциальных работодателей. Предельный продукт труда, таким образом, возрастал бы в равной степени для всех фирм, но фирмы, проводившие подготовку, не получали бы от

этого никакой отдачи. А работник как собственник человеческого капитала, получающий общую подготовку, готов платить за нее, поскольку она повышает общую ценность и стоимость накопленного ЧК, и будет рассматривать такое обучение в качестве инвестиций.

Следовательно, именно обучающийся, а не фирмы, будут нести издержки по общей подготовке, и именно ему будет доставаться отдача от нее.

Значит, в данном случае цели собственника ЧК (работника) и предпринимателя не будут идентичными.

В заключение можно сделать вывод. Если цели инновационного предпринимателя совпадают либо имеют одинаковый вектор с целями собственника ЧК как основного и стратегического фактора производства, то их взаимодействие приведет к синергетическому эффекту и будет содействовать росту производительности труда, эффективности производства и тем самым влиять на рост зарплаток (доходов) данного человека. Наиболее отчетливо это можно наблюдать в долгосрочном периоде, поскольку накопление знаний, навыков, здоровья имеет форму запаса.

В обратном случае несовпадение этих целей приведет к снижению мотивации собственника ЧК, с одной стороны, следствием чего станет потеря стратегического ресурса для предпринимателя, дополнительные издержки на поиск либо обучение нового сотрудника. Характер обучения нового собственника ЧК, в свою очередь, также имеет принципиальное значение для обеих сторон – участников бизнес-процесса. Целью общей подготовки для собственника ЧК является увеличение своих знаний, навыков и умений, способных повысить конкурентоспособность его на рынке труда, с учетом дополнительных издержек. Если же предприниматель проводит специальное обучение сотрудника, то можно утверждать, что он ставит своей целью повышение конкурентоспособности своей продукции (услуги), что также потребует от него дополнительных издержек.

Итак, экономические эффекты от использования ЧК участниками производственной деятельности зависят от:

- 1) направления целей данных экономических субъектов;
- 2) вида деятельности в направлении – реализации поставленных целей;
- 3) стратегии участников с позиций фактора времени;
- 4) объектов планирования и целеполагания;
- 5) характера издержек на достижение поставленных целей.

Литература

Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. Supplement. 1962. № 70.

Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии // Соч. Т. 49. 2-е изд. М. : Политиздат, 1974.

Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэкгиз, 1962. 492 с.

Кончакова Л. Н., Чугунова С. В. Человеческий капитал и инвестиции в человеческий капитал предприятия // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-i-investitsii-v-chelovecheskiy-kapital-predpriyatiya> (дата обращения: 23.03.2020).

Роль человеческого капитала в сфере науки, технологий и инноваций / Д. Абузярова, В. Белоусова, Ж. Краюшкина, Ю. Лонщикова, Е. Никифорова, Н. Чичканов // Форсайт. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chelovecheskogo-kapitala-v-sfere-nauki-tehnologiy-i-innovatsiy> (дата обращения: 02.04.2020).

УДК 159.99

Т. А. Терехова, Е. Л. Трофимова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА¹

Аннотация. Этнопсихологическую модель экономического самоопределения предпринимателя авторы отнесли к сложным системам специфического класса со встроенным метауровнем. Метауровень представлен как единство личностной, лингвокультурологической, социально-экономической и предметно-деятельностной метасистем, в которое включена система экономического самоопределения предпринимателя, содержащая иерархию пяти основных макроуровней: метасистемного, системного, субсистемного, компонентного и элементного.

Ключевые слова: экономическое самоопределение предпринимателя, метасистемный, системный, субсистемный, компонентный, элементный уровни.

T. Terekhova, L. Trofimova

Irkutsk State University, Irkutsk

ETHNO-PSYCHOLOGICAL MODEL OF ECONOMIC SELF-DETERMINATION OF A SMALL BUSINESS ENTREPRENEUR

Abstract. The authors attributed the ethno-psychological model of economic self-determination of an entrepreneur to complex systems of a specific class with a built-in meta-level. The meta-level is represented as a unity of personal, linguistic and cultural, socio-economic and subject-activity meta-systems, which includes a system of economic self-determination of the entrepreneur, which contains a hierarchy of five main macro-levels: metasytem, system, subsystem, component and element.

Keywords: economic self-determination of the entrepreneur, metasytem, system, subsystem, component, element levels.

Целью настоящей статьи является обоснование и структурно-функциональный анализ этнопсихологической модели экономического самоопределения предпринимателей (ЭСП) малого бизнеса. Решается задача установления и обоснования междисциплинарных связей экономики, лингвистики и психологии с использованием опыта отечественной и зарубежной экономической психологии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ «Этнопсихологические характеристики экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса», проект № 19-013-00430 А.

Структурно-уровневая организация ЭСП

С учетом междисциплинарного подхода авторами по отношению к исследованию ЭСП конструктивно реализован метасистемный подход А. В. Карпова, что, с одной стороны, свидетельствует о его значительных эвристических возможностях, а с другой стороны, открывает новые перспективы для изучения экономического самоопределения. Объективная необходимость применения метасистемного подхода обусловлена тем, что этот подход дает возможность во всей полноте раскрыть специфику ЭСП, самоопределения как системы со встроенным метасистемным уровнем [Карпов, 2011].

По сути метасистемный уровень системы ЭСП представляет собой единство личностной, лингвокультурологической, социально-экономической и предметно-деятельностной метасистем, в которые система ЭСП будет включена. Метасистемы системы ЭСП ортогональны друг другу (т. е. существует статистическая или качественная независимость между составляющими их показателями (параметрами)) и одновременно находятся во взаимосвязи друг с другом, а также они соответствуют объективной реальности, т. е. имеют онтологический статус.

Личностная метасистема является онтологически представленной в системе ЭСП, поскольку самоопределение выступает одним из центральных компонентов личности.

Лингвокультурологическая метасистема представляет компоненты языковой картины мира и этнической культуры, обуславливающие мышление и деятельность человека, в том числе в экономическом аспекте.

Социально-экономическая метасистема есть онтологическая данность ЭСП, так как предпринимательство, с одной стороны, является особым видом экономической деятельности, связанной с созданием собственного дела, предприятия, направленной на получение выгоды, с другой стороны, зависит от социальной среды и способствует вертикальной социальной мобильности личности, т. е. личностной инициативе и самостоятельности [Структурно-уровневая организация ... , 2019].

Результаты большого числа исследований показывают, что ЭСП связано с наиболее значимыми мотивами профессиональной деятельности предпринимателя – достижением материального благополучия, личной независимости, самостоятельности и возможности реализовать свои способности в работе. Таким образом, предметно-деятельностная также является онтологически представленной метасистемой системы ЭСП [Карпов, 1998, с. 222].

Метасистемный уровень интегрирует различные сферы, обуславливающие деятельность предпринимателя. Поэтому каждая выделенная метасистема, будучи системной конструкцией, обеспечивает сочетание самостоятельности и скоординированности с другими метасистемами в проявлении

экономического самоопределения предпринимателя. Все метасистемы метауровня – личностная, лингвокультурологическая, социально-экономическая, предметно-деятельностная – имеют умеренную вариативность.

Система ЭСП как система со встроенным метауровнем содержит иерархию пяти основных макроуровней: метасистемного, системного, субсистемного, компонентного и элементного, которые характеризуют все качественное своеобразие системы ЭСП.

Системный уровень – это онтологическая представленность целостности и объективности существования субъекта экономического самоопределения. Системным качеством ЭСП является непрерывность его существования. Целевая детерминация для системы ЭСП выступает ее системообразующим фактором и связана со спецификой предпринимательской деятельности через субсистемы.

Субсистемный уровень содержит субсистемы – единицы анализа, отвечающие за функциональные проявления системы ЭСП. Каждая субсистема включает в себя различные гетерогенные компоненты, которые, объединяясь, обеспечивают ее качественную и функциональную единообразность. Впервые выделены и описаны двенадцать субсистем, не рассматриваемых ранее в исследованиях экономического самоопределения (основные субъектные характеристики предпринимателя, экономический оптимизм, привлекательность предпринимательской деятельности в условиях нравственно-нормативных и социально-экономических установок, жизненные ценности в контексте саморазвития, стратегии экономического сознания и поведения, этническая гиперидентичность и интолерантность, экономическая рациональность, собственность как базовая ценность предпринимателя, конкурентоспособность, управленческие умения при условии профессиональной активности во временной перспективе, здоровье, достижение прибыли), отражающих специфику экономического самоопределения предпринимателя в ее личностной, лингвокультурологической, предметно-деятельностной и социально-экономической соотнесенности [Терехова, Трофимова, 2019]. Субсистемный уровень ЭСП имеет лабильную иерархическую организацию.

Представленные субсистемы неоднородны. Субсистемы – носители смыслов, способствующие достижению целей предпринимательской деятельности, могут быть условно названы как «ядерные» (основные субъектные характеристики предпринимателя, собственность, экономическая рациональность, прибыль, конкурентоспособность).

Субсистемы – носители энергии для реализации целей предпринимательской деятельности могут быть условно названы «периферийными» (экономический оптимизм, привлекательность предпринимательской деятельности, жизненные ценности в контексте саморазвития, этническая гиперидентичность и интолерантность, здоровье, стратегии экономиче-

ского сознания и поведения, управленческие умения при условии профессиональной активности во временной перспективе).

«Периферийные» подсистемы, объединяясь с «ядерными», образуют подсистемы иного качества, которые определяют предпринимательскую специфичность, направленную на реализацию экономической рациональности.

Встает вопрос: насколько подсистемы взаимосвязаны между собой?

Все указанные «ядерные» подсистемы находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. С помощью корреляционного анализа установлено, что компоненты практически всех подсистем имеют значимую устойчивую взаимосвязь с компонентами первой «ядерной» подсистемы «Основные субъектные характеристики предпринимателя». В то же время подсистема «Здоровье» имеет значимые положительные связи с подсистемами «Основные субъектные характеристики предпринимателя», «Жизненные ценности в контексте саморазвития» и «Конкурентоспособность», которые связаны в свою очередь с другими подсистемами системы ЭСП. Поэтому подсистема «Здоровье» также является важной составляющей системы ЭСП и может быть в нее включена.

На примере первой «ядерной» подсистемы «Основные субъектные характеристики предпринимателя» рассмотрим сущностную структуру компонентного и элементного уровней системы ЭСП. Предварительно разведем понятия «субъект», «личность», «субъектность».

Большинство авторов (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, В. А. Петровский, С. Л. Рубинштейн) представляют субъект как высший уровень развития личности. Так, А. Г. Асмолов видит субъектность как высшее проявление личности. Е. А. Сергиенко указывает на существование своеобразия и дифференциации понятий «субъект» и «личность». Она отмечает, что носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. Личность способна реализовать свою субъектную позицию. «Субъектность» как характеристику человека можно описать совокупностью взаимосвязанных переменных (компонентов).

Основные субъектные характеристики предпринимателя включают оценку качества жизни: психическое и физическое здоровье; компетентность и интернальность в экономическом пространстве жизнедеятельности; ориентацию на высокий уровень самообеспечения; преобразующую активность по отношению к экономическому контексту; конкурентоспособность; саморегуляцию (или самоконтроль).

Таким образом, компонентный уровень представляет сложные, комплексные, гетерогенные образования, имеющие собственную структуру. Один и тот же компонент может быть включен в различные подсистемы, в рамках которых он приобретает качественно новые свойства. Этот уро-

вень, так же как и субсистемный, обладает внутренней иерархией, т. е. компоненты могут входить друг в друга. При этом каждый компонент состоит из элементов, входящих в систему ЭСП. Однако элементы уже утрачивают качественную определенность целого – системы ЭСП, но имеют тенденцию становиться компонентами. Они являются онтологической базой и исходным материалом для построения всех вышележащих уровней. Элементы обладают «двойственной принадлежностью», т. е. они могут одновременно быть элементами системы ЭСП и элементами метасистем, в которые включено ЭСП (личностной, лингвокультурологической, предметно-деятельностной и социально-экономической).

Оптимизационные характеристики структурного строения ЭСП

Другими важными параметрами при исследовании систем являются характеристики их структурного строения: интегрированность, дифференцированность, организованность. Оценка данных показателей открывает возможность исследования двух основополагающих системогенетических принципов – прогрессирующей интеграции компонентов системы и их нарастающей дифференциации. Для определения структурных характеристик системы были использованы индексы структурной организации системы: индекс когеренции системы (ИКС), индекс дивергенции системы (ИДС), индекс организованности системы (ИОС) [Карпов, 1998, с. 297].

В таблице приведены значения указанных индексов для системы ЭСП на общей выборке.

Таблица

Индексы структурной организации системы

ИКС	ИДС	ИОС	Количество внутрисистемных связей разной силы		
			Сильные $p < 0,01$	Средние $0,05 > p > 0,01$	Слабые $0,10 > p > 0,05$
96	18	114	23	8	3

В статье А. В. Карпова «Системогенетические закономерности в развитии метакогнитивных образований личности» показано, что практически в любых устойчивых системах с однозначно оцениваемыми параметрами ИКС соотносится с ИДС как 3 к 1 [Карпов, 2011, с. 19].

Полученные данные означают, что силы, работающие на интеграцию системы ЭСП, в 5 раз превышают силы дифференциации, и это говорит об относительной стабильности системы ЭСП. С одной стороны, это может быть связано с большим количеством функциональных возможностей ЭСП. С другой стороны, это ставит под вопрос возможности системы к гибкой адаптации в изменяющихся условиях среды.

Выводы

Описанная этнопсихологическая модель ЭСП является системой специфического класса – со встроенным метасистемным уровнем.

В целом структурно-уровневая организация ЭСП включает пять уровней: метасистемный, системный, субсистемный, компонентный, элементный, интегрированных в целостную иерархию.

Метасистемный уровень содержит четыре онтологически представленные метасистемы – личностную, лингвокультурологическую, социально-экономическую и предметно-деятельностную.

Системный уровень – это субъект экономического самоопределения, транслирующий целостность и объективность системы ЭСП.

Субсистемный уровень имеет особое значение в структуре ЭСП, потому что системный уровень не позволяет конкретизировать экономические образования относительно специфики предпринимательской деятельности, а компонентный уровень не позволяет строить теоретические обобщения значимой прогностической силы. Субсистемный уровень в наибольшей степени сензитивен к содержанию и структуре системы ЭСП, отражает особенности метасистемного уровня и влияние находящегося рядом системного и компонентного уровней.

Анализ субсистем позволяет найти в них следы компонентов и элементов системы ЭСП, а также метасистемное влияние. Таким образом, исследования субсистемного уровня дают возможность делать выводы обо всех структурных уровнях системы ЭСП.

Литература

- Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. М. : Юристъ, 1998. 440 с.
- Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М. : РАО, 2011. 1088 с.
- Карпов А. В. Системогенетические закономерности в развитии метакогнитивных образований личности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : сб. науч. тр. V Всерос. науч.-практ. конф. Ярославль, 23–24 нояб. 2011 г., / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 15–23. URL: http://yspu.org/images/0/0a/Карпов_А.В.pdf.
- Структурно-уровневая организация экономического самоопределения предпринимателя / Т. А. Терехова, Е. Л. Трофимова, Н. В. Терехова, С. А. Попов // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч. практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 27–30 июня 2019 г. / отв. ред. : А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 609 с.
- Терехова Т. А., Трофимова Е. Л. Экономическое самоопределение предпринимателя в контексте метасистемного подхода // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 30. С. 68–82. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.68>.

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация. Рассматриваются японо-американские военно-политические взаимоотношения в области противоракетной обороны. Ориентация Японии на создание собственной системы ПРО и усилия, предпринимаемые ею в этом направлении, вписываются в стратегию США по строительству региональной и глобальной систем ПРО. Одним из недавних событий, вызвавших негативную реакцию в Москве и Пекине, стало решение Японии о приобретении американских комплексов Aegis Ashore.

Ключевые слова: японо-американский союз, противоракетная оборона, комплексы Aegis Ashore, глобальная система ПРО.

E. Ukhanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

US-JAPAN MISSILE DEFENSE COOPERATION

Abstract. The purpose of this article is to look into the United States of America and Japan's military and political relations in the field of anti-missile defense. Japan's efforts to build a national AMD system are encapsulated within the US strategy of establishing a regional and global AMD systems. One of the recent and controversial (at least from Russian and Chinese points of view) developments is the acquisition of American Aegis Ashore systems by Japan.

Keywords: US-Japan military alliance, anti-missile defense, Aegis Ashore, global AMD.

Строительство национальной системы противоракетной обороны является для Японии практически единственным способом укрепить собственную безопасность, не выходя за рамки общей логики и бюджетных ограничений национальной оборонной политики. Принятие Японией на вооружение наступательных средств невозможно по ряду причин, главной из которых выступает сохраняющийся поныне конституционный запрет на угрозу или применение вооруженной силы как средства разрешения международных споров. По этим причинам равнозначным элементом стратегии Токио по сдерживанию наиболее актуальной северокорейской угрозы (наличие и совершенствование ракетно-ядерного потенциала) становится, помимо укрепления связей с Вашингтоном и Сеулом, развитие ПРО.

Консультации между Японией и США о совместной разработке национальной системы противоракетной обороны в Японии продолжались с 1993 г., в практическую фазу исследования вступили после сообщений о возобновлении КНДР ядерной программы в октябре 2002 г. В 2004 г. началось оборудование японских эсминцев с комплексом Aegis противоракетами Standard Missile-3, модификация комплексов Patriot до возможности оснащения их управляемыми ракетами класса «земля – воздух» Patriot Advanced Capabilities-3, а также обеспечение совместимости системы ПРО с системой BADGE (Base Air Defense Ground Environment).

В 2007 г. первые пусковые установки РАС-3 были размещены на базе Воздушных сил самообороны (ССО) в г. Сайтаме к северу от Токио.

Действующая концепция японской ПРО основывается на постоянном отслеживании запусков ракет и двухступенчатой системе перехвата. На первом этапе корабли Морских ССО, оснащенные Aegis и противоракетами SM-3, сбивают ракету на средней части траектории ее полета. В случае неудачного перехвата наземные установки РАС-3 уничтожают ракету противника в терминальной фазе ее полета.

Серия испытаний ракетного и ядерного оружия Пхеньяном способствовала активизации японо-американских консультаций в области ПРО и ускорению принятия в декабре 2017 г. решения Токио о покупке у США двух наземных стационарных систем Aegis Ashore производства Lockheed Martin [Japan approves]. Подобные системы уже установлены в Румынии и Польше, и развертывание Aegis Ashore должно по плану стать третьим рубежом ПРО Японии. Введение данных систем в эксплуатацию планируется на 2023–2024 гг., что должно, по мнению экспертов, также помочь противостоять угрозе со стороны Китая, поскольку Aegis Ashore может осуществлять перехват крылатых ракет большой дальности [Satoh, 2017; Karako, 2018]. По расчетам японского правительства, две системы Aegis Ashore способны обеспечить защиту всех японских островов при относительно малой стоимости (по сравнению с ТНААД, размещенных в Республике Корея). Кроме того, на выбор Aegis Ashore повлияли японские инвестиции в разработку американской ракеты SM-3 Block IIА, которой и предполагается оснащать Aegis Ashore, а также потенциал использования этих систем в целях противовоздушной обороны в целом. Для размещения Aegis Ashore были выбраны префектуры Акита и Ямагути, в которых Министерство обороны начало разъяснительную работу среди местного населения. Однако префектуральные власти в июле 2018 г. объявили о недостаточности принятых Минобороны мер, и подготовка к размещению Aegis Ashore была отложена, но в конце октября исследования на местности возобновились.

Планы Токио вызвали негативную реакцию со стороны Москвы и Пекина, несмотря на специально данные японским МИД пояснения о том, что новые установки Aegis Ashore размещаются исключительно в целях самообороны и будут управляться Японией, в отличие от комплекса ТНААД в Южной Корее, которым распоряжаются США. Опасения соседних государств вызваны возможностью оснащения Aegis Ashore ударными крылатыми ракетами средней (что запрещает ДРСМД) и большой дальности («Томагавк»). Последние могли бы быть использованы для уничтожения северокорейской ракеты до ее пуска, что премьер С. Абэ уже определил как сугубо оборонительное действие в условиях отсутствия приемлемой альтернативы. Согласно неподтвержденным сообщениям, в рядах правящей ЛДП разрабатывался документ, который бы поз-

волил начать исследования в области управляемых ракет большой дальности [Japan eyes]. 30 июля 2018 г. Минобороны Японии объявило о своем решении разместить на будущих Aegis Ashore новейшие радиолокационные станции производства Lockheed Martin [陸上]. Как стало известно в конце октября 2018 г., ВС США в Японии назначено новое командование американского подразделения ПРО в Японии, дислоцированного в г. Сагамихаре [U. S. launches]. Одной из предполагаемых задач подразделения, несмотря на заявления об исключительно японском управлении новыми комплексами, станет координация с японскими ССО эксплуатации комплекса Aegis Ashore. Таким образом, фактически у США будет доступ к информации с японских РЛС дальнего слежения за ракетными пусками, потенциально угрожающими континентальной территории США, что позволит им сократить расходы на строительство собственных дорогостоящих систем слежения в Тихоокеанском регионе. По мнению российского МИД, Aegis Ashore станет очередным шагом на пути создания, согласно планам администрации Д. Трампа, глобальной системы ПРО США [Комментарий].

Основной текущей задачей морских и наземных комплексов тактической ПРО Японии является поддержание готовности самостоятельно отследить и по возможности сбить ракеты КНДР. Для этого в распоряжении Сил самообороны имеются станции слежения за ракетными пусками, также информация поступает от РЛС военных баз США в Японии.

Морские ССО Японии располагают шестью современными эскадренными миноносцами с управляемым ракетным оружием. Четыре из них относятся к классу «Конго» (в строю с 1990-х гг.), два корабля класса «Атаго» (2000-е гг.). Новейший эсминец класса «Мая» был спущен на воду в 2018 г., спуск второго произведен в 2019 г., оба корабля вступят в строй в 2020 и 2021 г. соответственно. Кроме Aegis последней версии (Baseline J7), эти корабли оснащаются системой обмена данными Cooperative engagement capabilities, что вкупе с возможностью перехвата баллистических ракет ближнего и среднего радиуса действия с помощью ракет SM-3 Block II расширяет их возможности ПРО. В сентябре 2018 г. стало известно о планах Японии вооружить новые эсминцы противоракетами SM-6, способными наносить удары по надводным целям. Таким образом, новые корабли будут обладать большими, по сравнению с нынешними, возможностями ПРО и могут стать ключевым элементом противовоздушной обороны Японии. Кроме того, улучшенная версия Aegis и Cooperative engagement capabilities позволят японским кораблям при необходимости оперативно интегрироваться в морскую ПРО США.

Министерством обороны Японии разрабатывается программа внедрения Интегрированной ПРО и ПВО, которая обеспечит возможность перехвата ракет посредством одновременного использования кораблей, оснащенных Aegis, авиационных комплексов радиобнаружения и наве-

дения, радиолокационных станций и сопутствующих систем. Усовершенствование систем ПРО Японии рассматривается как неотъемлемая часть укрепления японо-американского военного сотрудничества в рамках союза, поскольку предоставляет возможности большей интеграции на оперативном уровне. Планы обеих сторон в области ПРО были зафиксированы в Руководящих принципах японо-американского оборонного сотрудничества 2015 г. Согласно документу, Силы самообороны Японии и Вооруженные силы США намерены укреплять совокупный потенциал сдерживания любых угроз с воздуха, расширяя сотрудничество по обмену информацией в режиме реального времени в целях раннего обнаружения пусков (в том числе баллистических) ракет. По идее, в случае ракетной атаки на Японию Силы самообороны страны должны предпринять ответные меры, а ВС США отводятся функции поддержки.

19 ноября 2018 г. Управление военного сотрудничества Минобороны США объявило об утверждении планов поставки в Японию новейших противоракет. Речь идет о восьми ракетах SM-3 Block IB и тринадцати ракетах SM-3 Block IIА на общую сумму в 561 млн долл. Последняя модификация ракет семейства SM совместима с установками вертикального пуска Mark 41, которыми оснащены эсминцы с Aegis и которые планируется установить на Aegis Ashore.

Сегодня Япония располагает собственным лицензионным производством противоракет PAC-3, основными исполнителями госзаказа в этой области являются Mitsubishi Heavy Industries (традиционно занимается разработкой носовых конусов ракет), Ishikawajima-Harima Heavy Industries (ракетные двигатели), Fuji Heavy Industries (инфракрасные радары). В 2018 г. появились сообщения о планах Минобороны Японии начать разработку ударной гиперзвуковой ракеты, для чего в бюджет на следующий год были заложены первые средства в размере 57 млн долл. Это говорит о том, что ракетная программа рассматривается в Токио не только с сугубо оборонительной, но с наступательной точки зрения. Вероятно, здесь также следует ожидать участия США.

Каналы сотрудничества и совместных разработок в области ПРО между Японией и США налажены давно. Решение о ключевом проекте – совместной разработке противоракет SM-3 Block IIА для системы Aegis было принято в 2005 г., в 2011 г. стороны договорились уже об условиях возможного трансфера ракет в третьи страны. В 2017 г. у берегов Гавайев начались японо-американские испытания, включавшие в себя перехват цели (баллистической ракеты) противоракетой SM-3 Block IIА, выпущенной с американского корабля, оснащенного системой Aegis. Испытания были признаны успешными, и Япония объявила о планах принять SM-3 Block IIА на вооружение в 2022 г., разместив их на своих кораблях.

Занимавший до октября 2018 г. пост министра обороны Ицунори Онодэра заявлял, что с помощью этих противоракет Япония получит возможность сбивать баллистические ракеты КНДР, летящие в сторону Гуама, который является американской территорией [The Latest]. Это заявление в очередной раз поднимает вопрос о легитимности действий Японии в рамках коллективной самообороны. Когда в августе 2017 г. КНДР заявила, что планирует запуск баллистических ракет в направлении Гуама, Минобороны Японии приказало развернуть комплексы ПВО РАС-3 в префектурах Коти, Симанэ и Хиросима. Немедленно возникли споры о том, возможно ли квалифицировать подобную атаку на союзника в качестве достаточного условия для применения права на коллективную самооборону. Так или иначе, в теории японские корабли с Aegis могут быть отправлены в зону Тихого океана. А по заявлениям некоторых японских официальных лиц, использование комплексов Aegis Ashore для перехвата, например, северокорейской ракеты, пущенной по Гуаму, однозначно будет оправданно с точки зрения японского законодательства.

В Японии ПРО уже не рассматривается как запасной план на случай провала американских сил сдерживания (как это было примерно до начала 2010-х гг.), но как самостоятельный и значимый элемент оборонной стратегии, который должен обеспечить безопасность государства от реальных и потенциальных угроз.

Таким образом, оборонная политика Японии на текущем этапе диктуется необходимостью обеспечить безопасность государства в обстановке сохраняющейся региональной напряженности.

Несмотря на критику соседних государств и возникающие внутренние проблемы, Токио не откажется от своих планов по укреплению собственного оборонного потенциала, в первую очередь систем ПРО.

Интересы и угрозы безопасности США и Японии в регионе совпадают, поэтому стороны продолжают совместные разработки в области ПРО. Это означает, что с точки зрения технологий и функционала американские и японские комплексы ПРО будут практически идентичны. Таким образом, японская ПРО фактически интегрируется в региональную и, соответственно, глобальную систему ПРО США, что, в свою очередь, может спровоцировать снижение стратегической стабильности в регионе.

Литература

Комментарий заместителя министра иностранных дел России С. А. Рябкова в связи с развертыванием в Японии системы ПРО. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3013131 (дата обращения: 13.03.2020).

Japan Approves New Missile Defense System. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/nhknewsline/backstories/japanapprovesnewmissile/>. (дата обращения: 13.03.2020).

Japan eyes developing land-attack cruise missile against N. Korea. URL: <http://www.atimes.com/article/japan-eyes-developing-land-attack-cruise-missile-n-korea/>. (дата обращения: 13.03.2020).

The Latest: Japan says it could shoot down NKorean missile. URL: <https://apnews.com/3f911ed5d0614f4fa9a8c6e0c3a4d293>. (дата обращения: 13.03.2020).

Karako T. Shield of the Pacific. Washington : Center for Strategic and International Studies, 2018. 7 p.

Satoh Y. U. S. extended deterrence and Japan's security. L. A. : Center for Global Security Research, 2017. 75 p.

U. S. launches new missile defense command in Japan. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/29/national/u-s-launching-new-missile-defense-command-japan/#.XAftBNv7TIV>. (дата обращения: 13.03.2020).

陸上配備型イージス・システム（イージス・アショア）の構成品選定結果について. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/meeting/aegis-ashore/30a_1.pdf. (дата обращения: 13.03.2020).

УДК 323(520)(091)

И. В. Шалина, О. А. Клянкина, Е. В. Кремнёв

Иркутский государственный университет, Иркутск

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯПОНИИ ЭПОХИ МЭЙДЗИ¹

Аннотация. Исследуются внутривнутриполитические процессы, имевшие место в Японии конца XIX – начала XX в., во времена «просвещенного правления» Мэйдзи. Проведенные в этот период преобразования глубоко затронули все стороны жизни японского общества: политику, экономику, идеологию, социальную сферу, территориальное устройство, образование, язык и культуру. Отмечается, что процесс реализации реформ эпохи Мэйдзи, включая принятие Конституции, оказал значительное влияние на мировоззрение и социальное восприятие японского общества, развитие научного, в том числе регионоведческого, знания, а также изменил статус Японии на международной арене.

Ключевые слова: Япония, реставрация Мэйдзи, император, Конституция.

I. Shalina, O. Kleyankina, E. Kremnyov

Irkutsk State University, Irkutsk

INTERNAL POLITICAL EVOLUTIONARY PROCESSES IN JAPAN MEIJI ERA

Abstract. The purpose of the article is to examine the internal political processes that took place in Japan in the late XIX – early XX centuries, during the "enlightened rule" of Meiji. The transformations that took place during this period profoundly affected all aspects of Japanese society: politics, economy, ideology, social sphere, territorial structure, education, language and culture. The Meiji reform process, including the adoption of the Constitution, had a significant impact on the Outlook and social perception of Japanese society, on the development of scientific knowledge including knowledge about regions, as well as changing Japan's status on the international arena.

Keywords: Japan, Meiji restoration, emperor, Constitution.

В эпоху «просвещенного правления» Мэйдзи (1868–1912 гг.) Японии удалось за короткий срок превратиться из замкнутого феодального государства с аграрной экономикой в передовую индустриальную страну

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

Азии, уверенно вошедшую в цивилизованный мир. Проведенные в этот период преобразования глубоко затронули все стороны жизни японского общества: политику, экономику, идеологию, социальную сферу, территориальное устройство, образование, науку, язык и культуру. Обратной стороной прогресса эпохи Мэйдзи стали планы масштабной колониальной экспансии и рост японского милитаризма – тенденции, достигшие своего пика в годы Второй мировой войны.

Этот период всеобъемлющих перемен в японском обществе известен как Мэйдзи исин – «обновление Мэйдзи» (также революция, реставрация). Интерес ученых к изучению данного периода в истории Японии не ослабевает с годами. В последнее время вышли в свет новые работы отечественных и зарубежных авторов, приуроченные к 150-летию революции Мэйдзи [Япония: 150 лет ... , 2018]. Из всего многообразия эволюционных процессов второй половины XIX в. в рамках данного исследования рассмотрим внутривластные изменения, обратившись к институту императорской власти и конституции.

На закате эпохи Эдо (1603–1868 гг.) военно-феодалная система сёгуната в Японии переживала глубокий внутренний кризис. Страна представляла собой закрытое от внешнего мира, технологически отсталое аграрное государство с полунатуральной экономикой и жесткой сословной иерархией, состоящее из раздробленных княжеств (основной принцип управления – «разделяй и властвуй»). Не существовало общей для всех идентичности [Мещеряков, 2018, с. 352], не было единой японской нации, сосуществовало множество уездных культур [Стрельцов, 2018].

Власть принадлежала самурайской династии дома Токугава, получившей от императора титул сёгуна еще в начале XVII столетия. Токугава «позиционировали себя в качестве защитника императорской династии» [Мещеряков, 2018, с. 353], «поддерживали императорский двор, используя духовный авторитет императора для легитимизации собственного правления» [Сила-Новицкая, 1990].

Характерными чертами японской императорской династии были сакральность власти и политическая пассивность [Лих, 2014, с. 61]. Формально император имел статус верховного правителя, сёгун – главнокомандующего. Фактически в условиях дуализма власти страной управляли военные, руководствуясь сводом законов. Император же был изолирован от общества и не влиял на ход событий в стране, но почитался как сын неба и живой потомок богини Аматаэрасу, что было удобным для управления сознанием населения посредством религии.

Согласно официальной концепции, император «препоручил» политическую власть сёгуну. Столица и ставка правительства сёгуната (бакуфу) находились в Токио (Эдо), тогда как императорский двор располагался в Киото. Расходы на содержание императорского двора были сопо-

ставимы с доходами владетельных князей-даймё или даже уступали им [Сила-Новицкая, 1990]. Таким образом, своеобразие положения императора заключалось в сохранении его культурного и сакрального статуса с одновременной утратой политического влияния и экономической зависимости от сёгуната.

Жесткая сословная иерархия традиционного японского общества (воины-самураи, крестьяне, ремесленники, купцы) предполагала строгое соблюдение предписанного порядка во всех аспектах жизни. Вместе с тем внутри иерархических групп постепенно формировалась неоднородность, вызванная несоответствием формального статуса сословий их действительной роли в социально-экономическом положении государства. Так, купечество находилось на нижней ступени сословной лестницы как наиболее «недооцененная» производительная сила. Фактически же к середине XIX в. активно формировались финансово-торговые дома – успешные предвестники «союза иены и меча» [Норман]. Слияние феодалов и купечества через браки и институт усыновления стирало грани, признавая тем самым растущее влияние «презренного сословия».

С 1639 по 1854 г. проводилась политика Сакоку Сэйсаку [Шалина, 2006, с. 14], закрывшая Японию для внешнего мира более чем на два столетия. Последующее насильственное «открытие» страны под давлением западных держав при отсутствии в Японии регулярной армии угрожало потерей независимости и серьезно подорвало авторитет сёгуната.

На фоне зреющего недовольства правительством, в условиях разнобоя общественно-политических сил и сословных устремлений постепенно оформлялась идея создания централизованного государства в форме монархии. Все это создавало почву для реставрации института императорской власти, «давно уже бывшей на задворках политической истории Японии» [Совастеев, 1995, с. 53].

Начало реформ Мэйдзи ознаменовало превращение императорской власти в главный политический институт. Для успешного воплощения задуманных коренных преобразований стране требовалась мобилизующая идеология и патриотизм населения. В поисках вдохновляющей национальной идеи создатели Мэйдзи исин обратились к синтоистской доктрине божественного происхождения японцев, выраженного в личности императора. Восприятие небесного статуса тэнно и особого места Японии как «страны богов», сформированное воспитанием многих поколений, подчеркивало уникальность и самобытный характер всей нации.

От лица императора прозвучала «Высочайшая клятва в пяти статьях» как манифест грядущих перемен. Лидеры Мэйдзи сформировали новый образ императора, придав ему больше публичности, сделав его не только идолом, но и кумиром современников. Это способствовало развитию «гражданской добродетели», лояльности и преданности императору и

государству, что сыграло важную роль в укреплении национального единства и становлении идентичности японской нации.

Стоит отметить, что к моменту вступления в сан императору Муцухито было всего 15 лет. Для ведения государственных дел в помощь юному правителю был сформирован Совет старейшин (гэнро), в который вошли лучшие представители новой политической элиты [Кантур, 2015, с. 253]. В более поздний период Мэйдзи в Японии Кабинет министров (Найкаку) также выполнял консультативную функцию.

Вместе с тем императорские полномочия не предполагали реального участия в управлении государством. Прямые обязанности императора относились главным образом к сфере религии, церемониала и культуры. Император Муцухито много путешествовал по стране, таким образом, каждый японец мог увидеть живое «воплощенное божество», глубже проникаясь ощущением собственной исключительности.

С отменой сёгуната и реализацией концепции единства ритуала и управления император совместил в себе статус верховного правителя и главнокомандующего (в сакральном понимании – бог, правитель и военачальник в одном лице). Именно в период Мэйдзи в Японии была создана регулярная армия и юридически (через Конституцию) закреплено прямое подчинение армии императору [Ильин, 2010, с. 123]. В дальнейшем это заложило основы будущих милитаристских устремлений.

В 1889 г. была принята Конституция Японии, над текстом которой работал один из ведущих лидеров Мэйдзи Ито Хиробуми. Первоначальное знакомство Ито с политическими системами США и стран Европы состоялось в 1871 г. в составе делегации Ивакура. Позднее (в 1882–1883 г.) Ито направился в Европу для консультаций у наиболее авторитетных западных ученых в области конституционализма [Мак-Клейн, 2011, С. 285]. Посетив ряд европейских столиц, в качестве модели конституционного строя Хиробуми выбрал Пруссию, которая, как и Япония, находилась в стадии становления, формируясь на базе объединения полуавтономных регионов.

Всесторонне изучив вопрос, Ито убедился, что Японии предназначен «особый путь к модернизации и международному признанию». Вернувшись в Токио, при написании Конституции он сохранил «основополагающие принципы», согласованные ранее с Большим государственным советом: верховная власть должна принадлежать монарху; императору гарантировалось право назначать высших чиновников; исполнительную власть следует передать кабинету министров, ответственному перед императором и независимому от парламента; власть двухпалатного парламента (нижняя палата избирается народом) должна быть ограничена. Подготовка же самого текста Конституции заняла еще несколько лет.

Согласно Конституции император является «божественным и неприкосновенным». Он выступает источником суверенитета, концентрируя в своих руках все ветви – исполнительную, законодательную и судебную. Как и в «цивилизованных» странах, император должен принимать решения в сфере государственного управления, опираясь на Конституцию. Однако в отличие от Европы, где божественность монарха базируется на правовых нормах, в Японии небесный статус императора определяется в первую очередь морально-этическими соображениями. Японцы должны почитать императора как живого бога в силу внутреннего убеждения, на основе особого мировосприятия и мироощущения, обретаемых в результате длительного процесса воспитания.

Изменение статуса императора и целенаправленная политика императорского двора по модернизации страны изменили облик Японии: западная наука и регионоведческое знание о развитии других стран были поставлены на службу империи. Создавались школы и вузы с привлечением иностранных специалистов, усваивались технические достижения Запада. Значительная часть общества была настроена весьма традиционалистски, поэтому власть пыталась совместить два разновекторных направления: внедрение инноваций и сохранение традиций.

В целом политическая модель Мэйдзи основывалась в большей степени на традиционных японских ценностях, чем на стремлении внедрить принципы политического устройства западных стран. Примеры подобного адаптивного заимствования мы наблюдаем и в новейшей истории Японии. Так, формирование уникальной корпоративной культуры японских фирм, с одной стороны, уходит корнями в средневековые Уставы купеческих семей; с другой стороны, вобрало в себя лучший опыт американского менеджмента 50-х гг. XX в. [Шалина, 2014].

Таким образом, преобразование института императорской власти и принятие первой Конституции Японии в эпоху Мэйдзи создало совершенно новый облик политического устройства страны, что, в свою очередь, оказало значительное влияние на мировоззрение и социальное восприятие японского общества, а также изменило статус Японии на международной арене.

Литература

- Ильин А. П. Мэйдзи исин и создание регулярной армии Японии // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2010. № 5. С. 116–127
- Кантур Р. А. Институт гэнро в системе органов государственно-политической власти Японии эпохи Мэйдзи // Ежегодник Японии. 2015. С. 253–262
- Лих М. А. Институт монархии в Японии, его особенности // Вестник МИЭП. 2014. № 2 (15). С. 56–62
- Мак-Клейн Д. Л. Япония. От сегуната Токугавы – в XXI век / пер. с англ. Е. А. Красулина. М. : Астрель : АСТ, 2011. 895 с.
- Мещеряков А. Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Японии 2018. Т. 47. М., 2018. С. 357

Норман Г. Становление капиталистической Японии: Экономические и политические проблемы периода Мэйдзи. URL: https://royallib.com/read/norman_gerbert/stanovlenie_kapitalisticheskoy_yaponii.html#236123 (дата обращения: 20.02.2020).

Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 206 с.

Совастеев В. В. Политическая мысль Японии накануне переворота Мэйдзи. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1995. С. 55.

История Японии : учебник / под ред. Д. В. Стрельцова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2018. 592 с.

Шалина И. В. Японская модель корпоративной культуры // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 311–318

Шалина И. В. Первые японцы в России в конце XVII–XVIII вв. и начало русско-японского межкультурного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Улан-Удэ, 2006. С. 14

Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные 150-й годовщине революции Мэйдзи. СПб. : Art-xpress, 2018. 849 с.

УДК 327.82

О. А. Шурыгина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

В. В. Калинина

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЯПОНИИ

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к определению термина «научная дипломатия», а также основные направления политики продвижения научной дипломатии на примере Японии. Освещаются главные положения концепции научной дипломатии, разработанной Советом по научно-технической политике Японии. Приводятся примеры правительственных программ, целью которых является синергия между наукой и дипломатией для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Ключевые слова: научная дипломатия, научное сотрудничество, внешняя политика.

O. Shurygina

Far Eastern Federal University, Vladivostok

V. Kalinina

Irkutsk State University, Irkutsk

ON SCIENCE DIPLOMACY IN JAPAN

Abstract. The article deals with the term «science diplomacy» and the main policy directions for promoting science diplomacy in Japan. The authors highlight the main points of the concept of science diplomacy, developed by the Council for Science and Technology Policy of Japan. There are some examples of government programs aimed at generating synergy between science diplomacy for resolving the global issues facing mankind.

Keywords: science diplomacy, science collaboration, foreign policy.

Термин «научная дипломатия» (НД) в последнее время занимает заметное место в политике. Многие страны используют его для обозначения целого ряда вопросов и мероприятий в своей деятельности. Сторонники этого термина утверждают, что НД связывает внешнюю политику, науку

и инновации, наводит мосты между отдельными сообществами экспертов, преобразует существующее разделение труда между акторами и сферами политики и, следовательно, носит преобразующий характер. Однако стоит отметить, что до сих пор недостаточно исследовано, что подразумевают под этим словосочетанием различные политические акторы и действительно ли научная дипломатия изменяет сложившиеся установки в международных делах и научно-технической политике.

Научная дипломатия – это, можно сказать, новый термин, который появился в конце 1990-х гг. в США после того, как доклады экспертов рекомендовали более эффективно интегрировать научные знания в политику Госдепартамента США. Примерно в 2005 г. этот термин стал более популярным как универсальная фраза и как концепция внешнего участия страны в организации научно-технической деятельности, международной деятельности по решению глобальных проблем и, наконец, укреплению потенциала «мягкой силы». В то же время под НД понимается развитие двусторонних и многосторонних отношений, укрепление национальных инновационных систем и содействие экономическому росту. В 2010 г. британское Королевское общество и Американская ассоциация содействия развитию науки совместно опубликовали доклад, в котором было выделено следующее: 1) НД относится к науке и научным советам в целом и дипломатическим службам в частности; 2) дипломатия в интересах науки охватывает внешнеполитическую деятельность, направленную на содействие международному научному сотрудничеству, обмен исследователями и продвижению отечественных инноваций; 3) НД определяет совместную научную деятельность, которая может способствовать укреплению межгосударственных отношений [The Royal Society ... , 2010].

Важно отметить разницу между преднамеренным использованием термина НД, который отражал явление недавнего прошлого, и деятельностью, которая квалифицировалась бы как НД, но является более древней. В качестве примеров последней можно привести инициативы дипломатии «второго трека» в Европейской организации ядерных исследований (CERN) или политику, проводимую администрацией США в 1970-х гг. Явное использование термина НД распространилось среди государств – членов ЕС, по крайней мере за последнее десятилетие. Несколько стран, например Великобритания, Франция и Германия, были одними из первых в мире, кто включился в концепцию НД путем создания научно-инновационных сетей, аванпостов для национальных научно-технических служб за рубежом и направления консультантов по научно-техническим вопросам за рубеж. Комиссия участвовала в обсуждении международного аспекта Европейского научно-технического сектора, но только в последнее время начала использовать термин «научная дипломатия». Когда Карлос Моedas в 2014 г. стал комиссаром по исследованиям, науке и иннова-

циям, он подчеркнул важность НД и потенциальные выгоды для всей Европы. В частности, он упомянул о «мягкой силе» в научно-техническом секторе для улучшения внешних отношений ЕС. Однако интеграция науки во внешнеполитическую повестку ЕС в стратегическом документе 2016 г. «Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности Европейского союза» [European Union Global Strategy ... , 2016] упоминается только вскользь.

Из этого краткого обзора становится ясно, что НД является весьма разнообразной и очень фрагментированной областью политики, охватывающей несколько уровней. НД как термин неоднозначен или, даже скорее, нечеток и в зависимости от пользователя может иметь целый спектр значений. Представляется вероятным предположить, что НД, таким образом, становится частью демаркационной линии между различными сообществами и акторами, которые стремятся интерпретировать этот термин в своих собственных интересах.

В своей статье мы рассмотрим основные направления политики продвижения НД на примере Японии.

Научно-техническая инфраструктура Японии в настоящее время сталкивается со многими проблемами. Население страны сокращается, что неизбежно приведет к снижению экономического роста и, следовательно, к уменьшению как объема инвестиций в науку, так и числа людей, работающих на местах. Кроме того, стоит отметить значительные успехи стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), особенно Китая, в области науки и техники за последние несколько лет. А это может привести к тому, что в нашем современном глобальном мире Япония потеряет свое относительное влияние в науке.

На этом фоне в Японии возрос интерес к НД. Для политиков и ученых одна из главных задач НД – использовать растущую научную базу за пределами страны, включая исследовательские центры и человеческие ресурсы. Международную мобильность человеческих ресурсов для науки иногда называют *brain circulation* / «утечкой мозгов», которая движет современной мировой наукой. Япония не может позволить себе выпасть из исследовательской сети, созданной этой «утечкой мозгов». Таким образом, еще одна важная задача японской НД – оставаться одним из критических пунктов в этой глобальной сети. Однако Япония слишком медленно открывает себя остальному миру в сравнении с другими «догоняющими» странами, такими как Южная Корея. Используя НД, Япония может расширить объем международного сотрудничества в области исследований с динамичными странами по всему миру и оживить свою инновационную систему.

В 2008 г. концепция НД была обнародована в докладе Совета по научно-технической политике Японии «На пути к укреплению научно-технической дипломатии»: НД определяется как любые шаги, предпри-

нимаемые для того, чтобы связать науку и технику с внешней политикой для достижения их взаимного развития и использовать дипломатию для дальнейшего развития науки и техники и содействовать усилиям по использованию науки и техники в дипломатических целях [Council for Science and ... , 2008]. В документе также описываются основные направления политики продвижения НД:

- создание систем, в которых Япония и ее партнеры могут пользоваться взаимной выгодой,
- создание синергии между наукой и дипломатией для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством,
- развитие «человеческих ресурсов», поддерживающих НД,
- расширение международного присутствия Японии.

В данном докладе также говорится о том, что НД Японии придает большое значение укреплению:

- научно-технического сотрудничества с развивающимися странами для решения глобальных проблем,
- научно-технического сотрудничества с использованием передовой науки и техники Японии,
- основ для развития НД.

Концепция НД, изложенная выше, в то время привлекла внимание общественности, поскольку назрела необходимость демонстрации лидерства в серии важных международных встреч, которые проводились в 2008 г.: в Японии состоялся саммит «Большой восьмерки», встречи на уровне министров, IV Токийская международная конференция по развитию Африки. В разгар ускоряющегося роста стран с развивающейся экономикой пришло время Японии максимально использовать науку в качестве «мягкой силы».

Так, после официального оформления концепции НД Япония приняла ряд важных мер по укреплению научно-технического сотрудничества с динамично развивающимися странами по всему миру. Эти меры заключаются в попытке содействовать:

- совместным исследованиям с развивающимися странами с целью решения глобальных проблем, а также созданию потенциала в этих странах,
- исследовательскому сотрудничеству в области передовых технологий с технологически развитыми странами,
- сотрудничеству на основе равноправного партнерства со странами Восточной Азии в контексте восточноазиатского научно-инновационного пространства.

Одной из программ научно-исследовательского сотрудничества Японии с развивающимися странами по глобальным вопросам является правительственная программа SATREPS (Science and Technology Research Partnership for Sustainable Development / Научно-техническое исследова-

тельское партнерство в интересах устойчивого развития), которая подразумевает сотрудничество двух правительственных учреждений Японии: Японского агентства по науке и технике (JST) и Японского агентства международного сотрудничества (JICA). Ожидается, что проекты SATREPS приведут к результатам с потенциалом практического использования и расширят исследовательский потенциал в развивающихся странах по всему миру. Некоторые из глобальных проблем не могут быть решены какой-либо отдельной страной или регионом, действующими самостоятельно, поэтому участие международного сообщества имеет важное значение. Для решения этих вопросов SATREPS работает в рамках международных проектов, развивая партнерские отношения между исследователями Японии и развивающихся стран. Например, в 2019 г. в рамках программы SATREPS шла работа над такими проектами, как «Создание центра передового опыта по изучению загрязнения отходами из пластика морской среды Юго-Восточной Азии», «Модель устойчивого развития сообщества в гармонии с природой в Национальном парке озера Малави (объект всемирного природного наследия)»¹.

Примером научно-исследовательского сотрудничества в области передовых технологий с технологически развитыми странами является стратегическая международная совместная программа SICP (Strategic International Cooperative Program), образованная в 2003 г., которая оказывает интенсивную поддержку главным образом развитым странам с относительно небольшими международными исследовательскими проектами. В дополнение к SICP Японское агентство по науке и технике запустило новую программу для финансирования сравнительно крупных международных совместных исследовательских проектов – SICORP. Например, в рамках этой программы исследовательская группа в 2019 г. провела крупномасштабное исследование нейронной функции и разработала технологию, позволяющую манипулировать нервной деятельностью без введения волоконной оптики².

Как уже упоминалось, одной из политических целей японской НД является укрепление внутренней системы НИОКР путем интеграции иностранных ресурсов НИОКР. Инициатива правительства Японии по созданию научно-инновационного пространства в Восточной Азии, направленная на повышение потенциала НИОКР и решение общих проблем в регионе, является одной из таких попыток, а совместная исследовательская программа e-ASIA³ представляет основную часть инициативы.

e-ASIA – это предложение Японии о разработке и поддержке совместных исследовательских проектов в Восточной Азии на многосторон-

¹ URL: <https://www.jst.go.jp/global/english/>

² URL: <https://www.jst.go.jp/inter/english/>

³ URL: <https://www.the-easia.org/jrp/>

ней основе. Потенциальными участниками программы являются государственные финансирующие учреждения, в том числе правительственные органы стран, участвующих в ежегодном Восточноазиатском саммите. Многонациональное научно-исследовательское сотрудничество предназначено для управления системой соответствующих фондов, при которой поддержка со стороны каждого министерства или ведомства будет направляться национальным университетам или исследовательским институтам в каждой стране.

Эта многонациональная программа сотрудничества в области исследований является многоцелевой. Содействие многосторонним совместным исследованиям в таких областях, как наука о жизни, экологически чистые технологии и предотвращение стихийных бедствий, способствует решению общих региональных проблем. Ожидается, что улучшение научно-технического потенциала окажет положительное влияние на дальнейшее развитие региона, который находится в центре глобального экономического роста. С дипломатической точки зрения Япония может рассчитывать на активную роль в укреплении взаимного доверия и выгод между странами региона.

Итак, правительство Японии разработало программу, которая напрямую связана с его дипломатической стратегией и может привести к интеграции японской системы НИОКР с другими странами в растущей научной базе. Однако у японской НД все еще есть некоторые проблемы. По-прежнему отсутствует взаимосвязь между политикой в области науки и техники и внешней политикой. Несмотря на то что многие программы, такие как SATREPS и e-ASIA, помогают преодолеть это разобщение, они не используются в полной мере в качестве решения дипломатических вопросов, таких как экономическая дипломатия или безопасность ресурсов. Точно так же люди со стороны науки не могут использовать дипломатию для укрепления японской системы исследований и разработок.

Другая трудность заключается в том, что большинство японских политических лидеров не считают науку полезным инструментом внешней политики. Даже если это и не так, то они редко упоминают об этом на международных форумах.

Еще один важный момент, который нужно учитывать, говоря о НД в Японии: японские исследователи не хотят публиковать свои статьи на английском языке и представлять их на международных конференциях. Сведения базы данных аффилиаций ученых и взаимоотношений между научными учреждениями Nature Index (2018 г.) показывают, что правительство добилось определенного прогресса в достижении этих целей, хотя результаты неоднозначны. Только около половины работ, опубликованных японскими исследователями, подготовлено в международном соавторстве, в то время как в Великобритании и Германии примерно три

четверти. Однако число международных партнерств с участием японских исследователей возросло с 2012 г. более чем на 65 %. Соединенные Штаты остаются наиболее частым партнером Японии в производстве высококачественных статей по четырем обширным научным категориям, хотя общий показатель сотрудничества пары за тот же период снизился на 4,7 %.

Данные Nature Index подтверждают, что показатель сотрудничества Японии и Китая вырос на 41 %, что делает Китай третьим фаворитом сотрудничества Японии после Германии. Китайские и японские исследователи работают в проектах по изучению факторов риска рака и гепатита В и С и мер контроля. Приоритетными областями сотрудничества между двумя странами в Nature Index оставались физика и химия.

Самым очевидным препятствием для расширения международного сотрудничества Японии является языковой барьер. У большинства старшего поколения серьезные проблемы с английским языком, особенно в гуманитарных и социальных науках. Исследователи отмечают, что хотя молодое поколение постепенно приобретает навыки общения на английском языке, по сравнению с населением других стран Восточной Азии или стран Юго-Восточной Азии они все еще слишком изолированы.

Литература

Council for Science and Technology Policy. Toward the Reinforcement of Science and Technology Diplomacy. 2008. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/doc/s_and_t_diplomacy/20080519_tow_the_reinforcement_of.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

European Union Global Strategy. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. URL: <https://fmp.msu.ru/anthology/multilateral-organisations/item/1755-shared-vision-common-action-a-stronger-europe-a-global-strategy-for-the-european-union-s-foreign-and-security-policy> (дата обращения: 20.12.2019).

The Royal Society. New frontiers in science diplomacy London. 2010. URL: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf. (дата обращения: 20.12.2019).

В. Е. Ярмак

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Е. А. Камышина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

С. В. Панов

Военно-морская академия, Санкт-Петербург

Научный руководитель – П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

БАЗОВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Аннотация. Проводится анализ понятия «человеческий капитал», представленного в базовых социологических теориях, а также эволюции и исторических аспектов развития этого понятия в социологической науке. Рассмотрен вклад авторов различных социологических концепций в развитие теории человеческого капитала, а также методов эмпирических исследований этого феномена. Проанализированы составляющие человеческого капитала, которые становятся основаниями для построения современных эмпирических методик социологического исследования человеческого капитала. Сделаны обобщающие выводы относительно значимости социологических концепций для развития междисциплинарного подхода в современной теории человеческого капитала, показаны некоторые актуальные направления развития социологической теории человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, теория человеческого капитала, составляющие человеческого капитала.

V. Yarmak

Saint Petersburg State University, St. Petersburg

E. Kamyshina

St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI”
named after V. I. Ulyanova (Lenina), St. Petersburg

S. Panov

Naval Academy, St. Petersburg
Research supervisor: P. Deryugin (Saint-Petersburg)

Saint Petersburg University,

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

BASIC SOCIOLOGICAL CONCEPTS OF HUMAN CAPITAL: CRITICAL ANALYSIS²

Abstract. The article analyzes the concept of “human capital” in the key basic theories of human capital and its historical development. The contribution of sociological concepts, principles and methods of analysis for

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”».

² Implemented with the support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the scientific project №19-29-07443/19.

the development of the theory of human capital is considered. Also analyzed are the components of the Cheka that are used in the interests of the study of human capital and conclusions are drawn regarding their significance for the development of the theory.

Keywords: human capital, human potential, theory of human capital, components of human capital.

Человеческий капитал (ЧК) индивида, организации, региона или страны в целом – это важный фактор социально-экономического воспроизводства любого общества. Такая постановка вопроса актуальна и для РФ. Человеческий капитал россиян исследователями рассматривается как один из центральных факторов стимулирования и роста экономики, влияющий на активное и поступательное развитие страны. Прежде всего активные преобразования проектируются в таких сферах развития российского общества, как: 1) создание интегрированных образовательных структур, которые направлены на достижение высокого уровня экономических показателей, 2) активная и инициативная деятельность населения в сфере развития собственного потенциала, 3) технический и информационный прорыв, который обеспечивает устойчивый рост экономических показателей. Знания и навыки, здоровье и компетенции россиян справедливо оцениваются в ряде научных исследований как один из ведущих потенциалов развития страны, а сам человек и его таланты признаются фактическим локомотивом постиндустриального общества, основой его поступательного развития. Как подчеркивается в ряде исследований, будущее экономической и социальной стабильности страны зависит от того, насколько принятые меры по формированию современного человеческого капитала будут нацелены на использование конкурентных преимуществ россиян. Поэтому неслучайно концепция человеческого капитала и проблема его эффективного формирования и использования на сегодняшний день является одним из актуальных направлений исследований и обсуждения в российском социологическом дискурсе.

Несмотря на то что концепция человеческого капитала исследуется чаще в дискурсе экономических наук, при принятии государственных решений стоит учитывать и социальные аспекты человеческого капитала, а также применять социологические методы для его измерения. Опираясь на обширную теоретическую историю развития рассматриваемых концепций, стоит заметить, что понятие «человеческий капитал» на протяжении долгого времени принимало различные значения, вследствие чего на сегодняшний день под человеческим капиталом понимаются личностные показатели индивидов, которые влияют на его поведение и принятие решений. Личностные показатели характеризуют физические, интеллектуальные и социальные возможности индивида, связанные с трудовой (в том числе и учебной) деятельностью. Значительная часть исследований развития человеческого капитала базируется на представлении индивида как особого капитала, который выступает в качестве объекта экономической

активности и в том случае, если вложенные в него инвестиции начинают приносить материальный доход. Анализируя обширную теоретическую базу данных изучения ЧК с позиции инвестиционного подхода, можно утверждать, что изучение человеческого капитала с помощью категорий, которыми апеллирует социология как наука, также имеет важное и стратегическое значение для принятия государственных и политических решений. Так, например, на основе последних социологических исследований можно сделать вывод о том, что такая социальная категория, как «ценности», играет существенную роль в определении целей и мотивов человеческой деятельности, в выборе стратегий поведения индивида и, следовательно, может конвертироваться в человеческий капитал. Таким образом, различие взглядов на проблематику человеческого капитала в экономических и социологических науках основано на методологическом подходе способов определения, формирования и измерения человеческого капитала.

Значительная часть исследований, посвященных развитию человеческого капитала, базируются на неоклассической экономической теории. Основной категорией данной теории является «полезность» индивида, которая распространяется на его труд и результаты этой трудовой деятельности, в то время как в социологии эта категория является только лишь частью широкого определения человеческого капитала.

Отправной точкой в развитии современной теории человеческого капитала и началом формирования инвестиционного подхода к рассмотрению ЧК можно считать 1960–1970-е гг. При переходе к постиндустриальному обществу особо важными оказались новые формы собственности и осознание того, что нематериальные факторы производства важны для технологического развития страны. Именно в этот период ценности индивида и его знания были обозначены как конкурентоспособный фактор экономического роста, но при этом центральной категорией являлись только лишь знания и полученные навыки. Становление классической теории ЧК, в которой индивид является ключевым фактором производства, связано с представителями Чикагской школы Г. Беккером, Т. Шульцем и Я. Минсером. Согласно их теории, индивид накапливает свои знания и навыки в первую очередь, потому что стремится максимизировать свою полезность для общества за счет полученного образования. Под инвестициями сторонники этой теории понимали любые вложения в индивида, способствующие улучшению его навыков, которые в первую очередь должны были быть использованы в повышении экономических возможностей индивидов. И в первую очередь это касалось инвестиций в образование, в то время как инвестиции в здоровье индивидов (что также является важной составляющей ЧК), по мнению авторов, имеют значение только лишь для неразвитых стран [Becker, 1964; Mincer, 1994; Shultz, 1968].

Особое место в этой теории занимает разделение человеческого капитала на общий и специфический. В первом случае речь идет об универсальных знаниях и навыках, которые индивид смог бы применить в процессе своей трудовой деятельности, во втором случае рассматриваются знания, компетенции и навыки, полученные в ходе дополнительного образования и направленные на использование в конкретной профессиональной области. Действительно, отражение этой теории мы можем найти в современном российском обществе. Так, например, на сегодняшний день для успешного решения задач по реализации «человеческого капитала» предусматривается модернизация реализуемой государственной политики в области образования: создаются системы образования, ориентированные на формирование и развитие предпочтительно специфических навыков, необходимых для инновационной деятельности; среди выпускников вузов проводится стимулирование получения навыков инновационного и социального предпринимательства; формируется система стимулирования инновационной и предпринимательской активности молодежи, а также происходит формирование культуры инноваций в обществе и повышение престижа инновационной деятельности. Но при этом все же первостепенной задачей модернизации государственной политики в сфере образования является формирование той системы ценностей, которая будет способствовать развитию человеческого капитала, – системы, в которой ценностью выступает необходимость овладения навыками непрерывного образования в течение всей жизни, а не только лишь получение высшего образования как конечной цели. Это непростоая задача, поскольку ценности человека меняются (трансформируются) на протяжении жизни в зависимости от ряда факторов.

Однако, так как центральным местом классической теории ЧК являются инвестиции в образование, которые впоследствии «возвращаются» к индивиду в материальном эквиваленте, мы склонны утверждать, что для рассмотрения ЧК с позиции социологического подхода этого недостаточно. Современная концепция развития человеческого капитала является закономерным результатом исторического развития общества, в котором уже поменялись роль и место ценностей в жизни индивида. И на сегодняшний день человеческий капитал включает в себя не только интеллектуальный капитал индивида, а в том числе физический и социальный капиталы. Именно эти категории человеческого капитала могут быть рассмотрены с применением методологии социологического подхода.

Особое место для понимания роли капитала индивида в формировании человеческого капитала через призму социологии имеет позиция основоположника «кембриджской» школы – А. Маршалла, согласно утверждениям которого знания индивида являются важным двигателем производства, но не основной его составляющей. Также А. Маршалл вводит в

понятие человеческого капитала такую категорию, как «общая способность» индивида – личные качества индивида, знания, здоровье, которые формируют общую черту производительности [Маршалл, 1993]. Далее ориентация на изучение человеческого капитала через призму ценностей индивидов находит свое место в работах Л. Эдвидсона и М. Мэлоуна. Согласно их точке зрения, человеческий капитал – это не только совокупность знаний и навыков, а также моральные и материальные ценности индивида. Подтверждением этой позиции служит и утверждение С. Фишера, в котором человеческий капитал трактуется как мера воплощенной в человеке способности приносить доход, и эта мера в свою очередь включает такие категории, как «врожденные качества индивида», «талант» и «приобретенные образование и квалификация». Также немаловажна позиция Э. Тоффлера, который под человеческим капиталом подразумевает умственные способности как «символический капитал» – знания, которые в отличие от традиционных форм капитала неисчерпаемы и одновременно доступны бесконечному числу индивидов без ограничений. Также, говоря о возможности применения социологического подхода к изучению человеческого капитала, следует привести позицию Дж. Милля, который считает, что сам индивид не является капиталом, индивид служит целью, ради которой богатство существует [Милль, 1980]. Но его приобретенные способности, выступающие только как средство и реализующиеся только посредством труда, с полным основанием можно отнести к категории капитала.

Разработанная Пьером Бурдье концепция капиталов также нашла свое отражение в развитии теории человеческого капитала, подтверждением чему может быть его суждение, согласно которому все действия индивидов, даже свободные от интересов и не имеющие явной цели, направлены на максимизацию материальных и символических выгод [Бурдье, 2005, с. 62].

Концепция Бурдье, на наш взгляд, может выступать в качестве расширенной версии человеческого капитала, поскольку, помимо нематериальных ресурсов, индивид располагает экономическим капиталом, который выражается в материальном благе. Культурный капитал, согласно Бурдье, существует в трех видах: инкорпорированном, объективированном и институционализированном. По сути эти три вида и являются человеческим капиталом, так как выражены во врожденных и приобретенных навыках, академической квалификации и знаниях, которые могут конвертироваться в экономический капитал и приносить материальный эквивалент.

Еще одной важной категорией теории социолога является социальный капитал – форма капитала, которая определяется Бурдье как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализи-

рованных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе». Социальное положение каждого контактирующего определяется объемом и качеством его капитала. Объем капитала является количественной характеристикой социальных отношений, а его качество определяется композицией экономического, культурного и социального капиталов. Таким образом, мы можем устновить, что социальные отношения также способны выступать в качестве инвестиции в индивида и его человеческий капитал. Подтверждение этого тезиса можно проследить в работах Дж. Коулмана и его теории социального выбора. Согласно Коулману социальный капитал наряду с другими капиталами способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Необходимость включения социального капитала в концепцию человеческого капитала связана с его способностью влиять на отношения среди индивидов, что впоследствии облегчает их какую-либо деятельность. Проблема включения социального капитала в концепцию ЧК обусловлена его измерением. Если физический капитал полностью измеряем в очевидных материальных формах, а человеческий капитал проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом, то с социальным капиталом ситуация иная, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Но при этом, так же как физический и человеческий капиталы, социальный капитал облегчает производственную деятельность индивида – а значит, может и должен быть включен в концепцию человеческого капитала.

Таким образом, анализ базовых концепций человеческого капитала показывает, что наиболее устойчиво учеными различных научных школ и научных направлений основанием человеческого капитала определяется уровень знаний индивидов. Такую точку зрения разделяют как отечественные, так и зарубежные социологи. Справедливость этой точки зрения не вызывает сомнений. Наряду с этим в современных условиях сами по себе полученные знания далеко не всегда становятся мотиваторами и инструментами реализации человеческого капитала. Прежде всего это положение подтверждается многочисленными эмпирическими данными и результатами прикладных социологических исследований, что востребует своего дальнейшего теоретического объяснения и обоснования. Очевидно и другое. Человеческий потенциал индивида в условиях постиндустриального общества выражается в том числе в здоровье, талантах, компетенциях, социальных связях личности и пр., которые способны конвертироваться в человеческий капитал. По этой причине рассмотрение ЧК только лишь как результат инвестиционного подхода, без учета многочисленных иных факторов формирования ЧК, остается неполным и требует новых горизонтов теоретического анализа.

Литература

- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60–74.
- Маршалл А. Принципы экономической науки. М. : Прогресс, 1993. 594 с.
- Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. 1. М. : Прогресс, 1980. 498 с.
- Becker Gary S. Human Capital. N. Y. : Columbia University Press, 1964. 187 p.
- Mincer J. The Production of Human Capital and The Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme // Journal of Labor Economics. 1997. Vol. 15, N 1. P. 526–547.
- Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. Vol. 6.

УДК 316.4

О. В. Ярмак, П. П. Дерюгин

Севастопольский государственный университет, Севастополь

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИИ КАК ТЕРРИТОРИИ РОСТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЕВРАЗИЙСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ¹

Аннотация. Рассматриваются первые итоги процесса создания научно-образовательных центров мирового уровня в рамках национального проекта «Наука» в 2019 г. Подчеркивается, что традиции формирования человеческого капитала в России имеют исторические корни с ориентацией на евразийскую стратегию. В условиях разбалансировки мировой экономики важно не только формирование эффективного человеческого капитала, но его сохранение как одного из составляющих национального богатства страны.

Ключевые слова: научно-образовательные центры, человеческий капитал, сетевой подход.

O. Yarmak, P. Deryugin

Sevastopol State University, Sevastopol

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTERS OF RUSSIA AS A TERRITORY OF HUMAN CAPITAL GROWTH: REGIONAL FEATURES AND THE EURASIAN DIRECTION

Abstract. The purpose of the article is to consider the first results of the process of creating world-class scientific and educational centers in the framework of the national project “Science” in 2019. It is emphasized that the traditions of the formation of human capital in Russia have historical roots with a focus on the Eurasian strategy. Given the imbalance in the world economy, not only the formation of effective human capita is important, but also its preservation of human capital as one of the components of the country's national wealth.

Keywords: scientific and educational centers, human capital, network approach.

Все развитие человечества – это, по сути, процесс расширения диапазона выбора, и целью этого процесса являлось развитие человека. Таким образом, человеческое развитие – это одновременно и процесс, и ре-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”».

зультат формирования человеческого капитала. Это развитие индивидов через наращивание человеческого потенциала, осуществляемое ради людей, путем совершенствования качества и уровня жизни.

Нобелевский лауреат, экономист Саймон Кузнец выделил уровень накопленного национального человеческого капитала в качестве первичного фактора его формирования и считал, что существует некое пороговое значение накопленного национального человеческого капитала, без достижения которого переход к следующему технологическому укладу экономики невозможен. То есть общество может перейти на новую стадию или этап формирования национального человеческого капитала при условии накопления определенного уровня национальных богатств, включающих не только человеческий капитал, но и физический, финансовый и природный капиталы.

Вследствие научной революции у человечества появилась именно такая возможность: человеческий капитал может формироваться с учетом всех накопленных, приобретенных умений на протяжении жизни всего человечества. Человеческий капитал при этом должен перестать быть только лишь экономической категорией, а должен стать социальным понятием и феноменом, формирующим новые сети человеческого сотрудничества.

Считаем, что современный экономический и эпидемиологический кризисы, связанные между собой, активизируют новые формы формирования человеческого капитала россиян. Поэтому роль человека, его ценностных ориентаций, новых компетенций и умений в формировании эффективной экономики страны сейчас велика.

Новый общественный договор, который сейчас создается между наукой, бизнесом и обществом, в современных мировых условиях формирования новых социальных институтов, в частности института виртуального взаимодействия в сфере образования, делового общения, коммуникаций, откроет экономические возможности для молодежи. Процесс создания рабочих мест для новых участников рынка труда всегда протекал медленно, для многих молодых людей это зачастую было барьером на пути трудоустройства. Сегодняшний российский опыт онлайн-интеграции, которая сейчас формирует новые связи, отношения, установки и ценностные ориентиры, в первую очередь в молодежной среде, свидетельствует о наличии широкого спектра возможностей для молодых людей в плане развития своих компетенций, поиска работы по найму или занятия индивидуальным предпринимательством.

Конечно, традиционные формы поддержки молодежи, такие как программы субсидирования, предоставление грантов на развитие стартапов, научных исследований, программы поддержки предпринимательства, поддержки выпускников, наставничество, производственные практики, стажировки и иные формы профессиональной подготовки, остаются акту-

альными и необходимыми. Однако имеющиеся эмпирические данные свидетельствуют о том, что их воздействие неоднородно, а экономическая эффективность зависит от характеристик и структуры самих программ и условий, в которых они осуществляются.

Социальное развитие всегда было обусловлено рядом факторов, среди которых не последнее место занимают культурно-исторические традиции. Ценность развития человеческого капитала укоренена в наших национальных традициях, а в нашей культуре – от социального опыта до форм его трансляции – формирование человеческого капитала связано со сложившимися историческими образцами. В этой связи изучение форм развития человеческого капитала в России необходимо осуществлять, исходя из традиционности и некой консервативности нашего общества. Одной из таких исторических традиций является ориентированность российского общества на евразийскую стратегию. В рамках этой евразийской направленности в России уже проводился ряд реформ – от реформ Александра II до преобразований С. Ю. Витте и П. А. Столыпина.

Имеющийся российский человеческий капитал, технологическая модернизация производства, переход на инновационный тип развития экономики являются основой будущего экономического роста и реальной альтернативой сырьевой специализации страны. Россия обладает практически неограниченными природно-территориальным потенциалом, потенциалами экономического и социального роста, но эти ресурсы остаются во многом нереализованными по причинам отрыва возможностей человеческого капитала россиян от капиталов экономических и социальных. Согласно Указу Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ в ближайшие годы в России будут созданы научно-образовательные центры мирового уровня, в которых предполагается интеграция университетского потенциала, потенциала науки и бизнеса.

Согласно требованиям современности и решениям государственной политики РФ именно университеты должны стать центрами формирования региональной среды – фактически местом создания и формирования человеческого капитала. Регионы, в которых расположены опорные университеты, для НОЦев становятся драйверами развития своих территорий, что дает возможность формировать центры прорыва в стратегически значимых регионах РФ. В этой связи создание научно-образовательных центров в рамках нацпроекта «Наука» является фактором стимулирования региональных экономик, что позволит получать результаты мирового уровня для форсированного развития всей страны.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 12.03.2020).

Условием функционирования таких центров является создание когнитивной карты компетенций руководителей научно-исследовательских проектов и конструкторских лабораторий, которые будут реализовываться на базе НОЦ. Ожидается, что к 2024 г. должны быть подготовлены не менее 4 тысяч управленцев для НОЦ, что закроет потребности образовательных и научных организаций, промышленных партнеров НОЦ в высококвалифицированных кадрах и управленцах среднего звена. Увеличение доли молодых ученых к 2024 г. должно достигнуть 50,1 % от числа всех российских исследователей. При этом, по данным Росстата, с 2010 г. доля ученых в возрасте до 39 лет составила 35,5 % от числа всех исследователей, в 2016 г. – уже 43,3 %, в 2017 г. – 43,9 % и на этом же уровне сохранилась в 2018 г.¹. Таким образом, НОЦы должны не только обеспечить рывок региональных экономик и достичь результатов мирового уровня, но и внести определяющий вклад в дело подготовки нового класса управленцев в области науки, образования и инноваций.

В обсуждении методологических подходов к организации подготовки и формирования человеческого капитала в научно-образовательных центрах авторский коллектив исходит из гипотетического предположения о том, что в системе ценностей студентов и молодых исследователей должны превалировать ориентации на деловые качества человека как составляющие человеческого капитала. В частности, по мере обучения в университетах, тем более в опорных для НОЦ, человеческий капитал должен формироваться с учетом качеств, обеспечивающих рост прибылей и доходов. Рост внимания и признания важности деловых качеств личности, с нашей точки зрения, будет свидетельствовать о позитивном влиянии образовательного процесса на подготовку молодого специалиста как будущего руководителя и управленца.

Авторский коллектив предлагает к реализации методику диагностики личностных качеств как эталонов для подражания в сравнении с реальными ценностями студентов и молодых исследователей. Считаем, что в ценностной структуре должны превалировать ориентации на деловые качества как составляющие эффективного человеческого капитала. Среди индикаторов личностных качеств, которые характеризуют коллективистские и коммуникационные компетенции, должны присутствовать характеристики, важные в деловой сфере. Для обработки материалов используется программный продукт, специально созданный для настоящего исследования [Ценностно-целевая ... , 2016; Два методических подхода ... , 2018]. Компьютерное моделирование ценностных сетей позволяет визуализировать и изучать ценностный потенциал сети в зависимости от ряда характеристик респондентов: демографических – возраст и пол, статус-

¹ www.ноц.рф/centers (дата обращения: 12.03.2020).

ных – уровень образования, место проживания, наличие опыта управленческой работы, приобретенных – ценностный капитал, данных от рождения – происхождение, семья, уровень ее материального положения.

В соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации и подписанным Президентом РФ Указом «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» НОЦы рассматриваются локомотивами развития российских регионов. Предполагается, что в НОЦах будут готовиться конкурентоспособные специалисты, которые могут кардинально влиять на социально-экономическую ситуацию в российских регионах благодаря новым подходам к формированию компетенций сотрудников, управлению человеческим капиталом организаций и предприятий реального сектора экономики. В значительной степени успешность этого процесса будет зависеть от того, насколько адекватно оцениваются навыки студенчества, насколько целостна его ценностная структура, оценена эффективность человеческого капитала еще в процессе обучения.

Методологические основания предлагаемой диагностики человеческого капитала преимущественно нацеливаются на обращение социальной составляющей этого феномена. Именно ее анализу в научных исследованиях уделяется пристальное внимание, в частности, процессу создания смыслов и сути превращения человеческого потенциала в капитал. На наш взгляд, применение экономической категории «капитал» к человеку и его деятельности необходимо связывать с пониманием особого рода социальных отношений. Капитал как отношение становится особой формой социального взаимодействия, в результате которого возникает что-то новое. Ученые-экономисты под этим новым подразумевают прибыль и доход. В этой связи наше понимание человеческого капитала находится в разрезе особой социальной силы, результатом которой является создание эффективной модели нового специалиста и управленца, обладающего новыми ценностными и когнитивными характеристиками, приобретенными инновативными и онлайн-компетенциями.

Наряду с этим, на наш взгляд, на данном этапе построение комплексной методики диагностики человеческого капитала возможно на основе изучения ценностей людей. В настоящем случае исходим из того, что базовым элементом структуры человеческого капитала являются многогранные отношения человека – к самому себе, к объектам взаимодействия в процессе трудовой деятельности, к внешней среде, к результатам труда, которые и определяют его ценности. Именно на основании отношения людей к фактам самопознания и к фактам окружающей действительности выстраивается иерархия социальных взаимодействий и определяются поведенческие стратегии и коммуникации. Ценностные отношения людей выступают системообразующим основанием человеческого

капитала. Позицию о роли ценностей людей в формировании капиталов неоднократно высказывали классики социологии – М. Вебер, Г. Зиммель, А. Маршалл (1890) и мн. др. На роль ценностей в становлении человеческого капитала обращают внимание и современные исследователи.

Собственно, поэтому изучение ценностей представителей студенчества составляет основу эмпирической модели нашего исследования. Исходя из предположения о том, что в системе ценностей студентов должны превалировать ориентации на деловые качества как базовую составляющую эффективного человеческого капитала, мы рассматриваем их как особые значимые ценности. Признание важности ценности деловых качеств личности по мере обучения студентов будет свидетельствовать о позитивном влиянии учебного процесса на подготовку молодого специалиста как будущего руководителя и управленца.

Анализируя первые итоги реализации Указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в 2019 г., отметим, что в прошлом году создано 7 из 16 научных центров мирового уровня, в том числе 4 математических и 3 геномных. В течении первого года функционирования пилотной волны научно-образовательных центров мирового уровня были организованы тюменский Западно-Сибирский НОЦ, НОЦ «Кузбасс» в Кемеровской области, Нижегородский НОЦ «ТехНОплатформа 20.35», НОЦ «Инновационные решения в АПК» в Белгороде и НОЦ «Рациональное недропользование» в Перми.

Представители научно-образовательных центров первой волны сформулировали научно-исследовательские положения своей работы в регионах: определена специфика каждого НОЦ, описан инновационный цикл, сформулирована ориентированность на молодежь, осуществлено включение в общероссийские и международные научные и деловые цепочки сотрудничества.

В Западно-Сибирском НОЦ (г. Тюмень):

- осуществлена экспертная работа над программой НОЦ;
- начата работа Центра комплексного развития компетенций руководителей научных, научно-технических проектов и лабораторий;
- выделены ресурсы областного бюджета на поддержку создания лабораторного комплекса по биобезопасности, что является ключевым направлением данного НОЦ;
- Правительством Тюменской области принято решение о запуске открытого конкурса региональных мегагрантов на реализацию проектов ведущих ученых;
- ТюмГУ стал базовой площадкой для совместного НОЦ Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В НОЦ вошли 10 вузов региона, крупные научно-исследовательские инсти-

туты и центры, в том числе из Москвы и Санкт-Петербурга, а также компании реального сектора экономики: ООО «УГМК-Агро», ООО «Синергия» и ООО «2050. ДИДЖИТАЛ».

В НОЦ «Кузбасс» (Кемеровская область):

– осуществлена оценка реализуемых проектов в разрезе федеральной и мировой повестки, обсуждены вопросы сотрудничества Минобрнауки и НОЦ «Кузбасс»;

– открыт Центр развития компетенций НОЦ «Кузбасс»;

– презентованы проекты по культивированию лекарственных растений, разработке технологии получения сухого меда, антигололедных реагентов, технологии получения биоразлагаемых упаковочных материалов, реализуемые совместно с индустриальными партнерами – компаниями «Артлайф» и «Кузбасский бройлер»;

– подписано соглашение о сотрудничестве Кузбасса и Японии по вопросам реализации научно-технических и инновационных проектов, направленных на снижение экологической нагрузки при добыче угля и развитие угольной энергетики, в рамках которого прорабатываются перспективные международного сотрудничества.

В Нижегородском НОЦ «ТехНОплатформа 20.35»:

– осуществлена проработка ключевых проектов и основных направлений деятельности НОЦ – инновационные производства, компоненты и материалы; интеллектуальные транспортные системы; высокотехнологичная персонализированная медицина и медицинское приборостроение; экология и ликвидация накопленного экологического ущерба;

– открыт завод «Оргхим» в Малайзии, запущен завод по производству сырья для аддитивных технологий «Русполимет», создано математическое отделение РФЯЦ-ВНИИЭФ «Саров» в Университете Лобачевского.

В НОЦ «Инновационные решения в АПК» (г. Белгород):

– определены направления научных исследований НОЦ: биотехнологии, селекционно-генетические исследования, клеточные технологии и геновая инженерия, цифровая трансформация АПК и ресурсосберегающие технологии, технологии продуктов функционального, здорового питания, хранение и переработка сельскохозяйственной продукции;

– определены ключевые проекты НОЦ: «Микробиологический синтез линейки незаменимых аминокислот», «Микробиологическая трансформация (ферментация) шротов», «Разработка микробиологических удобрений для управления ростом и развитием растений (“Умные удобрения”)), «Отечественные породы свиней», «Отечественные высокопродуктивные мясные кроссы бройлерного типа», «Белгородская сирень», «Цифровая трансформация АПК Белгородской области и агропромышленный инжиниринг».

В НОЦ «Рациональное недропользование» (г. Пермь):

– определены направления работы НОЦ: твердые полезные ископаемые, углеводороды, химические технологии, энергетическое машиностроение, экология и безопасность, цифровизация и роботизация;

– определены партнеры НОЦ: более 50 крупнейших российских, в том числе пермских – НПО «Аэросфера», холдинг «Росгеология», компания «Пермгеологодобыча», ОАО «Пермгеолнеруд».

Ожидаемые результаты нашего исследовательского проекта и их значимость определяется целями создаваемых НОЦ – важностью подготовки специалистов, повышения уровня жизни граждан в регионах, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации, в конечном итоге – повышения конкурентоспособности России в мире за счет ее человеческого потенциала и обеспечения на этой основе прорывного научно-технологического и социально-экономического развития страны. Научная новизна нашего исследования состоит в анализе современного опыта России, свидетельствующего, что синтез науки, образования и производства является основой концептуальной модели стимулирования человеческого капитала россиян и обеспечения конкурентоспособности России в мировом пространстве.

Литература

Ценностно-целевая рефлексия как основание диагностики организационной культуры в стратегии сетевого подхода / П. П. Дерюгин, А. С. Шиляева, М. В. Сивоконь, С. В. Рассказов // Дискурс. 2016. № 3. С. 99–110.

Два методических подхода к диагностике ценностей в современных корпорациях / П. П. Дерюгин, С. В. Рассказов, Л. А. Лебединцева, М. В. Сивоконь // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения : сб. материалов Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, Россия, 13–14 апр. 2018 г. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 158–161.

Капелюшников Р. И. Концепция человеческого капитала. Критика современной буржуазной политической экономии. М. : Наука, 1977. 287 с.

РАЗДЕЛ IV

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРАХ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УДК 327

З. З. Бахтуридзе, С. Н. Погодин

Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Рассмотрено влияние гендерного фактора на обучение студентов (международные отношения, регионоведение). Актуальность обусловлена феминизацией университетского образования и ростом профессионального интереса женщин к сфере регионоведения. Для эффективного функционирования «общества знаний» необходимо активно привлекать интеллектуальный капитал как мужчин, так и женщин. Университеты не только должны быть «фабриками знаний», но и формировать гендерную культуру студенчества.

Ключевые слова: феминизация образования, международные отношения, общество знаний, интеллектуальный капитал, гендерная культура.

Z. Bahturidze, S. Pogodin

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg

TRAINING OF SPECIALISTS IN THE AREA OF REGIONAL STUDIES AND INTERNATIONAL RELATIONS: GENDER MEASUREMENT

Abstract. The influence of the gender factor on student learning (international relations, regional studies) is considered. The relevance is due to the feminization of university education and the growing professional interest of women in the field of regional studies. For its effective functioning of the “knowledge society” it is necessary to actively attract intellectual capital, both men and women. Universities should not only be “factories of knowledge”, but also form a gender culture of students.

Keywords: gender studies, feminization of university education, international relations, knowledge society, intellectual capital, gender culture.

В условиях формирования «общества знаний» [К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО, 2005] на одно из первых мест выходит сфера образования. При этом важно подчеркнуть, что качественные характеристики университетского образования во многом определяются гендерным фактором, а именно меняющимся статусом женщины в современном образовательном процессе. Во-первых, значительно возрастает

количество девушек-студенток как в мире в целом, так и в российских университетах, во-вторых, заметно выросло число женщин-преподавателей. В основе гендерной проблематики лежат социально и культурно детерминированные различия в поведении и статусных позициях женщин и мужчин, а также пути достижения гендерного паритета в политической и социально-экономической жизни современного общества. Наряду с термином «гендер» распространено понятие «феминизм», но термином «феминизм» определяются сугубо женские социально-экономические проблемы общества.

Гендерная тематика охватывает социально-политические и экономические роли как женщин, так и мужчин. В современной международной практике термин «гендер» стал одним из наиболее употребляемых почти во всех международных правовых документах ООН и других международных организаций. Первая Всемирная конференция ООН (1975 г.) по положению женщин дала толчок к разработке исследовательских тем по гендерной и феминистской тематике. Например, Ассоциация международных исследований (ISA) ввела специальную награду для пишущих по гендерной тематике в контексте международных отношений.

Гендерные исследования, которые проводились в последние десятилетия российскими обществоведами, способствовали корректировке законодательной, управленческой, информационно-образовательной политики государства. Значимость гендерных исследований состоит в том, что дается целостный взгляд на мир посредством междисциплинарного анализа, что позволяет комплексно подойти к практической реализации принципа гендерного паритета в современном социуме. Касательно сферы университетского образования нужно отметить, что формирование начал гендерной культуры способствует развитию у студентов навыков, необходимых для толерантного и взаимовыгодного профессионального роста после окончания обучения и выхода на первые ступени карьерной лестницы [Агамова, Аллахвердян, 2009].

К гендерным проблемам в последние годы обратились многие западные и российские ученые. В частности, гендерные проблемы международных отношений освещалась в работах С. М. Виноградовой Н. А. Васильевой [2013]. А президент Американской ассоциации международных исследований Дж. Тикнер и Дж. Тру рассматривают гендерные проблемы и их исследования в исторической ретроспективе за прошедшие 100 лет, акцентируя внимание на влиянии гендерного фактора на современные международные отношения и мировую политику [Tickner, True, 2018].

Необходимо проанализировать карьерные возможности девушек-студенток в профессиях, связанных с регионоведением и международными отношениями. Это важно исследовать, так как, с одной стороны, происходит феминизация высшего образования в сфере международных от-

ношений, а с другой стороны, консервативный гендерный подход сохраняется в структурах российских внешнеполитических ведомств и международных организациях. Однако сохранение привилегированного положения мужчин в этих областях деятельности может негативно сказаться на решении амбициозных планов российского руководства по прорыву в «цифровую экономику» и в целом по использованию достижений четвертой научно-технологической революции.

Очевидным является факт, что развитие демократии и гуманизма в общественных отношениях невозможно без гендерного равенства, что означает учет прав как мужчин, так и женщин. Поэтому гендерная проблематика должна стать важной частью воспитательного и образовательного процесса в российских университетах. Современные требования к подготовке будущих специалистов нашли отражение в Федеральном законе «Об образовании»¹. Особо нужно подчеркнуть, что формирующееся «общество знаний» требует от современных специалистов умения быть «креативным классом», что означает способность генерировать и реализовывать инновации во всех сферах общественной жизни. Поэтому возрастают требования к университетам как «фабрикам знаний», где следует особое внимание уделить подготовке специалистов, способных усвоить новые профессионально значимые компетенции с учетом изменений гендерного соотношения в структуре трудовых ресурсов.

По мнению Дж. Мертос, теория международных отношений значительно идейно обогатилась благодаря включению гендерного подхода при анализе международных отношений и мировой политики. Поэтому автор справедливо делает вывод, что феминизм и гендерные исследования вносят в область изучения международных отношений вклад – как в методологию, так и в критический анализ перспектив развития глобального социума. Поэтому столь важно включать эти исследования в университетское образование [Mertus, 2007].

В методологическом плане гендерный подход к изучению международных отношений позволил по-новому, с учетом изменившихся в XXI в. научно-технологических и социально-экономических условий, взглянуть на изменение статусно-ролевых позиций женщин и мужчин в развивающемся «обществе знаний», где на первый план выходит ценность интеллектуального капитала, не имеющего половых характеристик. В современных условиях женщины демонстрируют свою успешность в овладении различными видами профессиональной деятельности, и по большому счету становится все более очевидным тот факт, что женщины не менее

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.06.2018)». URL: <https://fzakon.ru/laws/federalnyy-zakon-ot-29.12.2012-n-273-fz/> (дата обращения: 14.03.2020)

успешно, чем мужчины, способны в том числе заниматься наукой, технологиями, математикой и пр. [Dai, 2012].

Формирование навыков гендерной культуры должно стать органической частью общего процесса подготовки специалистов в области регионоведения и международных отношений, потому что именно от этой составляющей будут зависеть такие важные параметры деятельности выпускника, как межличностное взаимодействие в трудовом коллективе, прагматичное построение схемы продвижения по карьерной лестнице и пр. Нельзя не согласиться с тем, что «полоролевой подход в профессиональном образовании, учитывающий лишь особенности биологического пола, при котором декларировалась половая дифференциация, сейчас рассматривается не только как устаревший, но и как негуманный» [Формирование гендерной культуры ... , 2009].

В 2015 г. в ходе проведения круглого стола по теме «Ответственность за достижение фактического равенства женщин и девочек» возникли дискуссии, которые легли в основу новых задач ООН к 2030 г. по гендерной тематике [Ответственность за достижение ... , 2015]. Очевидно, нужно признать наличие гендерного фактора во всех социальных процессах. К сожалению, гендерный состав международных организаций и характер международного экономического управления показывают приоритет мужского начала, что не способствует эффективности их функционирования. Позитивные изменения в этом вопросе наметились в ООН [System-wide strategy ...].

Следует подчеркнуть, что положение женщин в современной политике и экономике пока еще далеко от гармоничного баланса с положением мужчин. Как отмечает западная исследовательница К. Фатторе, даже в рамках транснациональных организаций исследователей международных отношений ситуация далека от гендерного паритета. Так, в ходе опросов было выяснено, что за 10 лет с 2006 г. положение улучшилось, однако проблемы остались. Например, исследование 2015 г. выявило сохраняющуюся озабоченность по поводу напряженности между семейными обязанностями и академической средой, структурную дискриминацию, а также ситуацию «обратной дискриминации» в отношении мужчин [Fattore, 2015].

Таким образом, приведенные гендерные исследования свидетельствуют о том, что в системе международных организаций для женщин сохраняется проблема гендерного неравенства в сфере трудоустройства и продвижения по карьерной лестнице. В то же время стало очевидным фактом, что в системе университетского образования наметилась устойчивая тенденция к феминизации, в частности в тех областях, где готовятся специалисты для международных организаций и дипломатии. Это стало характерным явлением и для российских университетов. Следовательно,

можно выделить следующий комплекс возникающих проблем. Во-первых, это «ножницы» между спросом и предложением, потому что во внешнеполитические ведомства и международные организации активно берут выпускников-юношей, но не девушек. Однако формально участие женщин в дипломатической сфере поощряется на самом высоком уровне, по словам В. В. Путина, «по-прежнему в подборе дипломатических кадров незаслуженно слабое внимание уделяется женщинам. <...> Между тем не номенклатурный отбор «по старинке», а сама современная действительность успела вырастить в России немало число квалифицированных женщин-госслужащих. И надо понимать, что отсутствие (в отличие от многих других стран) так называемого «слабого» пола в российской дипломатии может стать слабым местом нашей внешнеполитической службы»¹. Ю. Н. Коджарова утверждает, что «сегодня девушки составляют примерно треть выпускников вузов, участвующих в конкурсе, ежегодно проводимом кадровой службой МИД. В результате доля женщин среди дипломатов поднялась в последние годы до 15 %. Однако многие пришедшие на работу в МИД девушки отмечают недоверчивое к ним отношение и явное предпочтение в продвижении по служебной лестнице мужского персонала» [Коджарова, 2011].

Во-вторых, профессиональные предпочтения для студентов-юношей создают напряженные межличностные отношения в студенческих группах. Поэтому для университетов необходимо разработать соответствующие перспективные планы по расширению спектра потенциальных рабочих мест для выпускников университетов; для достижения гендерной толерантности студентов нужно в системе подготовки реформировать многие устоявшиеся подходы.

Инновационная составляющая личностного и профессионального становления будущего специалиста является важнейшей в условиях «цифровой революции». Как отмечает российский исследователь Л. В. Абдалина, в студенте необходимо развивать «стремление к преобразованиям, изменениям в мире вещей, людей, явлений. Важно сориентировать на личностную активность в освоении новых форм обучения: разработка авторских проектов, подготовка самостоятельных научно-исследовательских работ, участие в конкурсных программах и т. д.» [Абдалина, 2013].

Как подчеркивает западный эксперт в области образования К. Сомервилль, современное поколение студентов должно не только руководствоваться в своих исследовательских проектах и выпускных работах узкопрофессиональными проблемами, но и воспитывать в себе гендерную

¹ Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном совещании в МИДе с участием глав дипломатических миссий за рубежом 12.07.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21674> (дата обращения: 14.03.2020).

культуру, что означает понимание культурной, политической, исторической и экономической значимости гендерного паритета в перспективе реализации целей устойчивого развития до 2030 г. (ООН) [Opinion: The future ... , 2017].

Для будущего специалиста в сфере регионоведения и международных отношений очень важна активность в публичной сфере – участие в дискуссионных клубах, молодежных объединениях, волонтерских группах. Так, например, проведение в нашей стране крупных международных форумов, спортивных мероприятий сопряжено с необходимостью решения сложных логистических задач, где студенты-волонтеры оказывают профессионально ориентированную помощь (знание языков, гендерная культура общения и пр.). Данная практика студенческой политической активности может способствовать и становлению политической карьеры, чему многочисленные примеры можно найти в биографиях западных политиков и дипломатов.

Обозначенные тенденции проявляются и в Высшей школе международных отношений (ВШМО) Гуманитарного института Политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург). В ВШМО ведется подготовка бакалавров и магистров по направлению «Зарубежное регионоведение». Обучающиеся получают широкий спектр знаний в области международных отношений, дипломатии, мировой политики и экономики, международной торговли и сотрудничества. Студенты изучают языки регионов специализации, культуру, историю, современные социально-политические системы выбранного региона. Характерно, что устойчивой тенденцией является все более возрастающий интерес к изучению Китая (КНР) и китайского языка, соответственно, профиль КНР по востребованности значительно опережает профили по изучению западных стран. Представляется интересным отметить тот факт, что, по данным прошлого года, доля девушек (85 %) превышает количество юношей в 4 раза. Это важно еще и в связи с тем, что фактически «превалирование “мужской” точки зрения как в науке, так и в практике международных отношений является основным препятствием для выработки новых концепций и инструментов регулирования процессов, протекающих в мировой политике» [Коджарова, 2011].

В международном научном сообществе не утихают споры о ответственности механизмов превентивной дипломатии ООН. Известно, что именно дипломатические методы включают в себя многофакторные сложные и длительные переговоры с целью уйти от силовых методов решения международных проблем. Как отмечает российский исследователь Т. В. Зонova, в психологической литературе часто встречается утверждение «о том, что именно женщины обладают качествами, способствующими предотвращению конфликтов, снятию напряженности, урегулирова-

нию споров», однако «конкретные примеры женщин, занимавших высокие посты в дипломатии, свидетельствуют об обратном, потому что жесткость, непримиримость, бескомпромиссность женщин-политиков объясняется тем, что, будучи в явном меньшинстве, женщины вынуждены постоянно доказывать свою «мужественность», право на пребывание на дипломатическом посту» [Зонова, 2004].

В сфере международных отношений женщинам весьма сложно преодолевать сложившиеся веками стереотипы политического реализма, где на первый план выходит фактор силы. Поэтому понятие гендерного паритета, которое отстаивает руководство ООН, нуждается в наполнении реальным содержанием, когда ценностные ориентиры в международных отношениях будут определяться не борьбой за властное господство той или иной державы, а солидарным движением к мирному сосуществованию и устойчивому развитию.

В заключение отметим, что, во-первых, гендерные проблемы являются проблемами взаимоотношений мужчин и женщин в социально-экономической и политической сферах, а потому гендерные исследования не должны подменяться феминистскими теориями, потому что это разные предметные области; во-вторых, феминизация университетской студенческой среды, особенно в сфере международной специализации, требует активной работы преподавателей и руководства по поиску новых сфер применения знаний молодых специалистов; в-третьих, сами студенты в стремлении к карьерному росту не должны замыкаться исключительно на государственных служебных структурах, а находить себе профессиональное применение в многообразной международной жизни (неправительственные организации, спортивные организации, народная дипломатия и пр.); в-четвертых, развитие гендерной культуры в студенческой среде должно способствовать формированию объективных предпосылок для интеллектуального прорыва российской науки в условиях четвертой научно-технологической революции.

Литература

Абдалина Л. В. Психологические проблемы реализации инновационных технологий в образовании // Вестник Воронежского государственного технического университета 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-innovatsionnogo-potentsiala-lichnosti-sovremennogo-spetsialista> (дата обращения: 05.03.2020).

Агамова Н. С., Аллаhverдян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской). 2009. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/ag-al01v.htm> (дата обращения: 07.03.2020).

Виноградова С. М., Васильева Н. А. Пространство и время в гендерном измерении // Вестник СПбГУ. Серия 6. Вып. 4. 2013. С. 110–117.

Зонова Т. В. Новые проблемы дипломатии. Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004. С. 467–494.

К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж : ЮНЕСКО, 2005. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 07.03.2020).

Коджарова Ю. Н. Гендерные аспекты современного образования в сфере международных отношений // Вестник МГИМО Университета. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-sovremennogo-obrazovaniya-v-sfere-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 05.03.2020).

Ответственность за достижение фактического равенства женщин и девочек: круглый стол министров ЭКОСОС. 2015 г. URL: <http://www.unwomen.org/en/csw> (дата обращения: 10.03.2020).

Формирование гендерной культуры будущего специалиста в образовательном процессе. URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-gendernoi-kultury-budushchego-spetsialista-v-obrazovatelnom-protseesse-vuza#ixzz5Lsa4LD3g> (дата обращения: 10.03.2020).

Dai W. Women! Embrace your inner geek. 2012. URL: <http://edition.cnn.com/2012/03/07/business/weili-dai-women-geeks> (дата обращения: 12.03.2020).

Fattore Christina. Nevertheless, She Persisted: Women's Experiences and Perceptions within the International Studies Association // International Studies Perspectives, eky006, URL: <https://doi.org/10.1093/isp/eky006>. (дата обращения: 12.03.2020).

Mertus Julie; Teaching Gender in International Relations, International Studies Perspectives, Volume 8, Issue 3, 1 August 2007. P. 323–325. URL: <https://academic.oup.com/isp/article-abstract/8/3/323/1803203?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 14.03.2020).

Opinion: The future of global development: 5 trends graduate students should know By Claire Somerville. 21 October 2017. URL: <https://www.devex.com/news/opinion-the-future-of-global-development-5-trends-graduate-students-should-know-91189> (дата обращения: 14.03.2020).

System-wide strategy on gender parity. URL: <http://www.unwomen.org/en/how-we-work/gender-parity-in-the-united-nations>. (дата обращения: 14.03.2020).

Tickner J. Ann, True Jacqui. A Century of International Relations Feminism: From World War I Women's Peace Pragmatism to the Women, Peace and Security Agenda // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, Iss. 2, 1 June. P. 221–233. URL: https://www.researchgate.net/publication/321343644_A_Century_of_International_Relations_Feminism_From_World_War_One_Women's_Peace_Pragmatism_to_the_Women_Peace_and_Security_Agenda (дата обращения: 14.03.2020).

УДК 316.776

О. Ю. Вербицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

И. А. Савченко

Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЮ

Аннотация. Исследуется проблема развития навыков критического мышления как одного из значимых факторов формирования навыков кросс-культурной компетенции студентов. Цель авторов заключается в том, чтобы акцентировать внимание на важности понимания иноязычных культурных особенностей и способствовать воспитанию толерантного отношения к ним.

Ключевые слова: критическое мышление, иностранный язык, культурная среда, кросс-культурная компетенция, лингвострановедение.

**TOWARDS THE PROBLEM OF CRITICAL THINKING DEVELOPMENT WHEN TEACHING
CULTURE-THROUGH-THE-LANGUAGE**

Abstract. This article is devoted to the problem of critical thinking development as being one of the significant factors of students' cross-cultural competence skills formation. The authors' goal is to focus the attention on the importance of understanding of some foreign cultures' peculiarities and to contribute to a cultivation of a tolerant attitude to them.

Keywords: critical thinking; foreign language; cultural milieu; cross-cultural competence; Culture-Studies-Through-The-Language.

Несмотря на множество современных интерпретаций термина «критическое мышление», это понятие имеет такой же достойный возраст, как и понятие «мышление». Обратимся к Декарту, по мнению которого для того, чтобы четко выражать свои собственные мысли, необходимо уметь обнаружить то, в чем «логически возможно сомневаться». Или к Сократу, согласно методу которого для того, чтобы обнаружить истинную природу явления, необходимо уметь задавать вопросы, т. е. опять же уметь сомневаться и, основываясь на собственных суждениях, давать логически аргументированную характеристику явления.

В современном понимании «критическое мышление» – это анализ, синтез, концептуализация и оценивание информации, полученной или созданной посредством наблюдения, опыта, умозаключения, убеждения или общения, выступающие как «ключ» к действию или убеждению. При базовом анализе критическое мышление основывается на универсальных интеллектуальных ценностях и не является культурно обусловленным. Критическое мышление не может быть ограничено одной областью знаний или одной дисциплиной, так как основывается на универсальных элементах мышления, таких как наблюдательность, оценивание, интерпретация, анализ; соответственно, критическое мышление включает в себя множественность типов мышления: научное и математическое, философское и культурологическое.

Одной из ожидаемых целей при обучении студентов ряду дисциплин, к примеру таких как «Этнология», «Обычай и традиции народов мира», «Психология в туристской деятельности» и «Лингвострановедение», является формирование кросс-культурной компетенции [Ruben, 1989], понимаемой как интегральное образование, включающее в себя языковую (лингвистическую) компетенцию, т. е. овладение языковыми средствами в соответствии со сферами общения и умение оперировать ими в коммуникативных целях, и социокультурную компетенцию (включающую социолингвистическую), т. е. знания о социокультурной специфике страны/стран изучаемого языка, умения строить свое речевое и не-

речевое поведение адекватно этой специфике, умения адекватно понимать и интерпретировать лингвокультурные факты. При сформированной кросс-культурной компетенции обучающиеся способны к успешной коммуникации с представителями другой культуры. Критическое мышление при сформированных навыках кросс-культурной коммуникации выступает как одно из условий эффективного коммуникативного взаимодействия, обуславливая понимание поведения других и их способов мышления и умение выразить свою точку зрения ясно и четко, оставаясь «настолько гибким, насколько это возможно, и настолько прозрачным, насколько это необходимо» [Санникова, 2020].

Основным методом критического анализа, который дает возможность объединить названные подходы при изучении ряда предметов, лингвострановедения в частности, является кросс-культурный.

Обратимся к примеру обучения критическому анализу при изучении культурных ценностей в лингвострановедении. Необходимо отметить, что лингвострановедение как учебная дисциплина вуза направлена на анализ лингвистических средств с целью исследования этнических и культурных феноменов, в первую очередь таких как фоновые знания, характерные для говорящих на изучаемом языке и обеспечивающие эффективное речевое взаимодействие; безэквивалентная лексика; особенности невербальных средств общения и сферы их употребления; языковая афористика и фразеология, которые рассматриваются с точки зрения отражения в них культуры и национальных особенностей людей, говорящих на данном иностранном языке [Верещагин, 1973].

При обучении критическому мышлению при изучении лингвострановедения знание и понимание феноменов культуры, таких как культурные ценности (к примеру, прямолинейность американцев, уважение к старшим в азиатских культурах), играют значительную роль. Таким образом, при сформированности навыка критического анализа обучающийся становится способным воспринимать систему ценностей, норм поведения, менталитет людей страны изучаемого языка, а также чувствовать уважение к культуре, образу жизни, религии людей страны изучаемого языка. Безусловно, проникновение исходной культурной среды в иноязычную и последующий процесс гибридизации происходит через понимание своей собственной культуры.

Согласно известному тезису Конфуция «Я услышал и забыл. Я увидел и запомнил. Я сделал и понял» и таксономии образовательных целей при обучении, предложенной Бенджамином Блумом в 1956 г., обучение критическому мышлению происходит в шесть этапов: знание – понимание – применение – анализ – синтез – оценка. Очевидно, что навыки критического мышления начинают формироваться на третьем этапе обучения, при правильном применении полученных знаний, определяющих эффективность акта коммуникации.

Формирование ценностей «иной» культурной среды обеспечивает способность и готовность обучающегося к успешной коммуникации с представителями другой культуры, что является необходимым фактором при построении межкультурной коммуникации в условиях современного многообразия культур и обострения социальных процессов.

Литература

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973.

Санникова С. В. Современный контекст непрерывного иноязычного образования. URL: [http://yamal-obr.ru/articles/sovremenniy-kontekst-nepreerivnogo-inoayaz/](http://yamal-obr.ru/articles/sovremenniy-kontekst-nepreerivnogo-inoazychno-inoayaz/). (дата обращения: 19.03.2020).

Ruben D. Brent. The Study of Cross-cultural Competence: Traditions and Contemporary Issues International Journal of Intercultural Relations. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0147176789900114>. (дата обращения: 02.03.2020).

УДК 802.0:378.015.3

Yu. Dyundik, O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

ONE METHOD OF DEVELOPING CRITICAL THINKING: NEWS ANALYSIS WITH STUDENTS OF REGIONAL STUDIES AND TRANSLATION SPECIALIZATION

...all knowledge exists in and through critical thought
(Richard Paul, 1990)

Abstract. This paper gives an example how to develop critical thinking skill among students of regional studies and translation specialization. As critical thinking is one of the essential thinking skills, it enables students to improve their skill and ability of analyzing, criticizing, comparing, questioning, evaluating and reflecting. This skill is an indispensable tool for students to adapt and function successfully in this rapidly-changing society, so the author shares experience how to develop it analyzing news from modern Mass Media.

Keywords: critical thinking, regional studies and translation, news, analysis, discussion.

Ю. Б. Дюндик, О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

АНАЛИЗ НОВОСТЕЙ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОФИЛЯМ, СВЯЗАННЫМ С РЕГИОНОВЕДЕЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ И ПЕРЕВОДОМ¹

Аннотация. Уделяется внимание одному из способов развития и совершенствования навыков критического мышления. На сегодняшний день умения анализировать, критически оценивать, сравнивать,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» / *The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00040 "The history and methodology of Asia Pacific Area Studies in the framework of modern transdisciplinary regionology"*.

ставить правильные вопросы, размышлять являются приоритетными задачами всего курса обучения, подготовки студентов в целом и студентов, обучающихся по профилям, связанным с регионоведческими исследованиями, и переводом в частности. Анализ новостей, представленных в современных массмедиа, рассматривается как эффективный путь развития и совершенствования навыков критического мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, регионоведческие исследования и перевод, новости, анализ, дискуссия.

We often talk of knowledge as though it could be divorced from thinking, as though it could be gathered up by one person and given to another in the form of a collection of sentences. When we talk in this way, we forget that knowledge, by its very nature, depends on thought. Knowledge is produced by thought, analyzed by thought, comprehended by thought, organized, evaluated, maintained, and transformed by thought. Knowledge exists, properly speaking, only in minds that have comprehended and justified it through thought. And when we say *think* we mean *think critically* [Paul, 1990].

Every day, every moment we have to face a multicultural world of today, and especially it concerns those students whose major is regional studies and translation as they are supposed to be able to cope and work successfully with people of different cultures. The only way to succeed and become effective is to be able to think widely, evaluate information from different sources, create your own opinion and support it with arguments, which requires a well-developed ability to consider everything critically. There exists a wide range of both foreign [Клуэстер, 2001; Chaffee, 2012; Paul, 1990; Paul, Elder, 2007] and domestic researches [Климова, 2012; Кузнецова, Дюндик, 2019; Туласынова, 2010; Тягло, Воропай, 1999; Федоров, 2007] devoted to ways of critical thinking development. In this paper we would like to share our experience of critical thinking development using news as a source of information and introducing it into teaching and studying process.

Richard W. Paul [1990] speaks of seven interdependent traits of mind we need to cultivate in students so that they become strong critical thinkers: 1) *Intellectual Humility*: Awareness of the limits of one's knowledge, including sensitivity to circumstances in which one's native egocentrism is likely to function self-deceptively; sensitivity to bias and prejudice in, and limitations of one's viewpoint; 2) *Intellectual Courage*: The willingness to face and assess fairly ideas, beliefs, or viewpoints to which we have not given a serious hearing, regardless of our strong negative reactions to them; 3) *Intellectual Empathy*: Recognizing the need to imaginatively put oneself in the place of others to genuinely understand them; 4) *Intellectual Good Faith (Integrity)*: Recognition of the need to be true to one's own thinking, to be consistent in the intellectual standards one applies, to hold one's self to the same rigorous standards of evidence and proof to which one holds one's antagonists; 5) *Intellectual Perseverance*: Willingness to pursue intellectual insights and truths despite difficulties, obstacles, and frustrations; 6) *Faith in Reason*: Confidence that in the long run one's own higher interests and those of humankind at large will be served best

by giving the freest play to reason, by encouraging people to come to their own conclusions by developing their own rational faculties; 7) *Intellectual Sense of Justice*: Willingness to entertain all viewpoints sympathetically and to assess them with the same intellectual standards, without reference to one's own feelings or vested interests, or the feelings or vested interests of one's friends, community, or nation.

Teaching English as a foreign language seems to be a great opportunity to develop critical thinking skill which is considered to be the key skill in the 21st century on the basis of the principles mentioned above, as absolutely different topics can be discussed from absolutely different points of view.

News is a special source of information which presents (burning) information of immediate interest theoretically not containing the speaker's interpretation and evaluation. The news is supposed to describe some event and is characterized by factuality, impartiality and comprehensiveness [Hodkinson, 2013, p. 159]. But, the analysis shows, the information presented often conveys an opinion, warped judgment and interpretation. It depends on many reasons, for example, necessity to reach definite goals in a definite country, to enlarge the number of news addressees, to preserve their interest and many others. So, the information is interpreted twice: first by the speaker/writer, then by the listener / reader.

Students of regional studies and translation specialization have to acquire the ability to think critically as they regularly deal with more than one language and culture, they constantly have to compare the information they get with the information they already have and the better they do it – the more successful they are.

So, once a week the group gets the task to prepare some authentic information on definite topics (studied according to the curriculum), such as politics, economics, crime and punishment, ecology and social problems. It is necessary to point out that such work requires a high level of language proficiency, hence we mostly practice this work with graduate students. It is very important to follow some certain principles when choosing the news. First of all it is the source of information – it should be a qualitative paper in a printed or web version. The language itself in such a source is qualitative as well, which is good for enlarging students' vocabulary and grammar and makes students more observant of / sensitive to their own language; the style is usually unemotional; no pejorative words and jargonisms and so on. Secondly, it must be a piece of news presented not just in a couple of sentences, but preferably a kind of analytical article, hence it must be disputable so that the students have an opportunity to discuss it. As students study two or more languages (but English is compulsory), they are advised to analyze the same piece of news from different sources – e. g. American, British, Chinese/Japanese/Korean newspapers.

While looking for some news which meets the criterion mentioned above, a student has to deal with a great amount of information in detail, so it is very

important for language practice and for broadening their outlook because, as we know, such topics as, for example, politics and economics are usually of little interest for young people if they don't major in them. So, the task for a student is to present a piece of news so that it is interesting for groupmates to listen to and discuss. Before analysing a piece of news, a student will have to work with the article vocabulary – look up new/unknown words or some new meanings of the words they know; sometimes to understand the general idea of the text, they need to find some additional information or the certain background of the situation. Although the article can be not that difficult from the point of view of its vocabulary, it will be necessary to read it several times attentively to follow the author's logic, his/her attitude to the problem. Moreover, thinking the article and its idea over and analyzing it critically requires much preparatory work. A student has to point out the key idea of the information presented, it means differentiate information as more and less important (supporting/secondary). Then a student prepares to present information in summary which also requires ability to reduce it to the most relevant. The idea is that a student conveys the information not mindlessly, but after definite analytical work. It is very good to try to analyze information from the point of view of lexis and grammar chosen by the author. For example, such words as *supposedly*, *allegedly*, *reportedly* directly convey information about how much the author is sure about the information he gives, how convincing it is and how much the reader can rely on it (e. g. *It was more than a friendship. Some were angry that the left had allegedly taken money from the late Hugo Chávez* [American Thinker, https://www.americanthinker.com/blog/2020/03/a_ray_of_hope_in_uruguay.html]).

News presentation consists of some stages.

1. Before group presentation, it is necessary to introduce new / unknown words to the group. A student chooses the way how to do it: words can be written on the black/whiteboard, handed out on pieces of paper and in many other ways.

2. The news information itself. It begins with the source of information, the author and where it was published (we consider it absolutely necessary for further discussion). Students can use any method of news presentation – using some multimedia, supportive video / audio files, other people's commentaries. It is very good if a student is able to present the piece of news from different sources, giving both parts' vision of the problem.

3. The student gives his own opinion on the problem / news, based on definite principles of critical thinking. The opinion should be reasoned and well founded, with supportive facts and experts' opinions.

4. Discussion: a student can either ask the group some questions based on the information or simply ask the group what they think about the news. Anyway, it must be an active discussion, where different points of view can be given and discussed.

In this studying situation a teacher is just a person who can accurately give the right direction to students, but most work is fulfilled by students themselves. So, analyzing news is a great opportunity for a teacher to develop and up-grade students' skill of critical thinking.

References

Дюндик Ю. Б., Кузнецова О. В. Совершенствование навыков критического мышления посредством анализа новостного контента современных СМИ: из опыта работы // Гуманитарные науки и образование. 2019. Т. 10, № 2. С. 57–62.

Климова Т. В. Способы формирования критического мышления студента // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2 (138). С. 78–85.

Кластер Д. Что такое критическое мышление? // Перемена, 2001. № 4. С. 34–40.

Кузнецова О. В., Дюндик Ю. Б. Из опыта формирования критического мышления у студентов, обучающихся на профилях, связанных с регионоведческими исследованиями // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 4А. С. 317–329.

Туласынова Н. Ю. Развитие критического мышления студентов в процессе обучения иностранному языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. Якутск, 2010. 22 с.

Тягло А. В., Воропай Т. С. Критическое мышление: Проблема мирового образования XXI века. Харьков : Ун-т внутр. дел, 1999. 285 с.

Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М. : МОУ ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 616 с.

Chaffee J. Thinking Critically: Tenth edition. USA: Wadsworth Cengage Learning, 2012. 596 p.

Hodkinson, P. Media, Culture and Society: an Introduction. L. : SAGE Publications, 2013. 274 p.

Paul R. W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World. USA : Sonoma State University Rohnert Park, 1990.

Paul R., Elder L. Critical Thinking. Concepts and Tools. USA : Foundation for Critical Thinking Press, 2007. 23 p.

УДК 372.881.1

Т. В. Иоффе

Омский государственный педагогический университет, Омск

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (на примере поэтической антологии «Шицзин»)

Аннотация. Поднимается проблема интегрированного обучения в современной системе вузовского образования. На примере поэтической антологии «Шицзин» в качестве интегратора представлена идея междисциплинарных блоков с целью формирования взаимосвязи между текстовым и языковым материалом, сближения предметных знаний и развития системного мышления. Определено, что данная форма обучения позволяет вести не только учебную, но и научно-исследовательскую деятельность.

Ключевые слова: интеграция, синхронический подход, метапредметные компетенции, предметные знания.

**INTEGRATED APPROACH TO TEACHING LINGUISTIC
DISCIPLINES IN A LANGUAGE UNIVERSITY
(on the example of the anthology of poetry *Shijing*)**

Abstract: The article raises the issue of integrated teaching in present-day system of tertiary education. Based on anthology of *Shijing* poetry, it highlights the idea of interdisciplinary blocks in order to form the relationship between textual and linguistic sides, as well as to converge disciplines and to build systematic thinking. It is determined that this form of training allows to conduct not only educational, but also research activities.

Keywords: integration, synchronic approach, interdisciplinary competencies, subject knowledge.

На сегодняшний день проблема интегрированного обучения в разных предметных областях по-прежнему является актуальной, что подтверждается большим количеством исследований (А. Т. Галактионова, С. В. Омельченко, С. М. Арефьева, В. Г. Иванов, Л. Н. Будаева и др.). В работах указанных ученых исследуются общетеоретические проблемы интегрированного обучения и предлагаются конкретные практические решения.

В отношении китайского языка данная проблема рассматривается в основном с точки зрения создания поликультурной среды с включением «китайского компонента» в рабочие программы основных учебных предметов и во внеурочную деятельность обучающихся, что действительно приводит к интеграции изучения языка, культуры, истории, быта России и Китая (например, в ГБОУ СОШ № 547 «Балтийская жемчужина» г. Санкт-Петербурга, которая является инновационной площадкой по теме «Разработка и апробация современной методической модели преподавания китайского языка для начального общего образования в условиях реализации федеральных государственных стандартов») [ГБОУ СОШ № 547, 2020].

Экспериментальные исследования в области комплексного обучения в вузах, проведенные в Китае, в частности в провинции Гуандун, показали, что интегрированные курсы имеют ряд преимуществ:

- интегрированная учебная программа раздвигает границы между дисциплинами;
- интегрированные курсы сокращают количество изучаемых дисциплин, что позволяет увеличить время для самостоятельной работы;
- интегрированные курсы способствует развитию практических способностей студентов [Интегрированные курсы, 2020].

Тем не менее различные обучающие семинары и методические классы, проводимые в Китае и в России для иностранных преподавателей (Пекинский лингвистический университет, Классы и Институты Конфуция в России) под интегрированным обучением в основном представляют 汉语综合课程 или 汉语综合课, в рамках которых происходит комплексное обучение всем аспектам речевой деятельности, разным лингвистическим аспектам китайского языка (лексика, грамматика, письмо и др.) и культурным традициям (вырезки, плетение, каллиграфия и др.) с одновременной органи-

зацией внеурочных общекультурных мероприятий, как правило не связанных с содержанием программы организуемых семинаров или курсов.

Современные образовательные цели предполагают изучение иностранного языка не только как лингвистической системы, но и как средства межкультурного общения, а также инструмента познания лингвокультуры с целью формирования метапредметных компетенций и системного мышления. Поэтому интегрированные курсы при обучении китайскому языку в вузах актуальны и применимы к таким языковым дисциплинам, как «Литература», «История языка», «Лингвострановедение», «Аналитическое чтение», «Стилистика», «Практическая фонетика», «Практика речи» и др.

В зависимости от уровня обучения соотношение интегрирующей (ведущей) и вспомогательных дисциплин меняется, но всегда носит взаимонаправленный, метапредметный характер, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Интегрирующие и вспомогательные дисциплины

Интегрирующая (ведущая) дисциплина	Вспомогательные дисциплины
Лингвострановедение Китая	«История Китая», «Литература», «Практика устной и письменной речи»
Аналитическое чтение на китайском языке	«Стилистика», «Литература», «Лексикология»
Литература Китая	«Иероглифика», «История языка», «Фонетика», «Стилистика», «Аналитическое чтение», «Лексикология»

Рассмотрим возможности интеграции на примере интегрирующей дисциплины «Литература Китая» (архаический период, поэтическая антология «Шицзин») с участием вспомогательных дисциплин, указанных в табл. 1.

Литература и история Китая

Поэтическая антология «Шицзин», будучи первым в истории Китая литературным поэтическим памятником, является источником сведений о древнем быте, тяжелом крестьянском труде, социальном неравенстве, выражении недовольства, духовных представлениях, обычаях, символике, ритуальных и одических песнопениях, о выражении человеческих чувств. Понимание исторических и социальных реалий в значительной степени обеспечивается за счет комментариев к произведению. Например, из комментария А. А. Штукина к «Малой оде» II 1, 8: «Приказ от царя был Нань Чжуну вручен, чтоб дальний Шофан был стеной укреплен...» [Шицзин, с. 31] – следует, что попытки укрепиться стенами от вторжения кочевников с северо-запада, завершившиеся через несколько веков постройкой Великой стены, были предприняты еще в эпоху создания «Шицзина».

Кроме того, из этого же фрагмента следует информация об успешных походах полководца Нань Жуна против северных варваров – гунну, об императоре – сыне неба, об украшении воинских штандартов расшитыми змеями, драконами и черепахами.

Литература, лексикология и теоретическая грамматика

Тексты «Шицзина» содержат большое количество лексем, представляющих такие лексические пласты китайского языка, как историзмы и архаизмы: например, 嗣 sì передавать, наследовать; 佩 pèi подвеска, украшение из яшмы на парадном поясе.

Кроме того, тексты «Шицзина» дают наглядное представление о таких типологических характеристиках древнего китайского языка, как одноморфемное, изолирующее и аморфное. Примерами данных утверждений могут служить фрагменты из «Малых од»: 父母生我 (*отец и мать породили меня*; II, V, 8), 白驹食我场苗 (*белый жеребенок щиплет траву на моем поле*; II, IV, 2), 谁谓尔无牛 (*кто скажет, что у тебя нет быков*; II, IV, 6). Приведенные фрагменты состоят только из одноморфемных лексем, не содержат служебных грамматических элементов и демонстрируют признаки изоляции с синтаксической точки зрения.

Литература и фонетика

Тексты поэтической антологии «Шицзин» могут быть представлены не только в современной китайской транскрипции *пиньинь*, но и в реконструированной древнекитайской транскрипции, что позволяет оценить значительность фонетических изменений, имевших место в китайском языке. В качестве примера можно привести фрагмент фонетической реконструкции первой песни «Шицзина» из части «Нравы царств»: 《关雎》 «Гуань-цзюй» (табл. 2).

Таблица 2

Фонетическая реконструкция фрагмента песни «Гуань-цзюй»
по модели С. А. Старостина [Старостин, 2016, с. 21]

Иероглифическая запись	Пиньинь	Фонетическая реконструкция по модели С. А. Старостина
关关雎鸠	Guān guān jū jiū	k ^w ra:n k ^w ra:n te ^h a kru

Кроме того, с позиции исторической фонетики можно объяснить отсутствие строгой рифмы в конфуцианском каноническом трактате при его прочтении через нормы современного китайского языка.

Литература, иероглифика и история китайского языка

Понимание текстов как древних произведений, так и современных в значительной степени зависит от знания этимологических значений клю-

чевых знаков и иных графем китайского языка, в том числе редко встречающихся в современном китайском языке. Иероглифический корпус «Шицзина» содержит богатый материал для работы с иероглификой именно в синхроническом аспекте. Для иллюстрации приведем фрагмент из «Малых од» II, IV, 2: 毋金玉尔音 (без твоих «нефритовых» слов). Морфемный анализ показал, что ключевой знак № 71 毋 используется в значениях «без», «не иметь», а словосочетание 金玉 (золотая яшма) является метафорой, описывающей ценность и красоту слов, что, в свою очередь, передано при помощи архаичной морфемы 尔 (ты, твой) и морфемы 音, употребляемой в эпистолярном стиле в значениях «весточка», «письмо» или в значении «Ваши слова» для выражения уважительного отношения к высказыванию, особенно в сочетании с морфемой 玉.

Во фрагменте песни из «Нравов царств» I, I, 1 在河之洲 (на речном острове) иероглиф 河 мог быть употреблен как в основном значении «река», так и применительно к главной реке Хуанхэ. Иероглиф 洲 употребляется в исходном значении «остров», а иероглиф 之 применяется в качестве форманта атрибутивного словосочетания. Но в тексте этой же песни иероглиф 之 употребляется и как местоимение третьего лица. Например, во фрагменте 左右采之 (слева и справа их соберем) иероглиф 之 используется в значениях «это», «его», «их».

Благодаря синхроническому подходу к изучению иероглифического материала «Шицзина» обеспечивается понимание структуры и семантики таких ключевых терминов, как 经、风、雅、颂、赋、比、兴 и др. Например, термин 诗 «ши», поэзия, вошел в оборот примерно в VIII в. до н. э. В его графический состав входят элемент 讠 янь, речь, и элемент 寺 сы, храм. Возможно, что этимологически иероглиф «ши» означал ритуальное действие, сопровождавшееся музыкой, пением и танцем во время жертвоприношений [Титаренко, 2008, с. 30].

Кроме того, тексты поэтической антологии «Шицзин» являются источником сведений о древнекитайских местоимениях, вопросительных словах, частицах и других частях речи. Например, во фрагменте песни из «Нравов царств» I, VII, 17 子宁不来 (неужели ты не приедешь) иероглиф 子 используется как форма вежливого обращения к мужчине и в значении личного местоимения второго лица, а иероглиф 宁 – в качестве форманта риторического вопроса.

Выявление исторических корней тех или иных явлений приводит к пониманию и объяснению языковых фактов современного китайского языка и установлению взаимосвязи между текстовым материалом и языком, на котором он изложен.

Литература и стилистика

В текстах «Шицзина» можно выделить большое количество изобразительных средств (главным образом это сравнения, метафоры, гиперболы и др.) и фигур речи, таких как параллелизм, парные конструкции, повторы, редупликация, а также фонетических приемов, риторических вопросов, иносказаний, перифраз, устойчивых выражений, вошедших в китайский язык как афоризмы или 诗经名言名句. Примером последнего может служить фрагмент II, VIII, 10 из «Малых од» 何草不黄 (*какая же трава не желтеет*). Что касается сравнений, то можно утверждать, что стилистические сравнительные конструкции формируют стилистическую специфику всей песенной антологии «Шицзин»: например, 一日不见, 如三月兮 (*не виделась один лишь день, а кажется, будто три месяца*) или 妻子好合, 如鼓瑟琴 (*согласие между женами и детьми – словно гармония гуслей «сэ» и цитры «цин»*); II, I, 2). А песня «Белый жеребенок» («Малые оды» II, IV, 2) – это пример иносказательного выражения безответной тоски по любимому человеку.

Вышесказанное позволяет представить стилистическое оформление текста «Шицзина» как важнейшую особенность, обеспечивающую его «...узорчатость – внешнее, стилистическое совершенство» [Титаренко, 2008, с. 29].

Таким образом, представленные корреляции интегрирующей дисциплины «Литература Китая» (архаический период на примере поэтической антологии «Шицзин») обеспечивают комплексный подход к изучению текста произведения, при котором последний выполняет не только функцию иллюстрирующего инструмента, но и становится источником дополнительных системных знаний.

Подобный интегрированный подход обеспечивает горизонтальные связи между различными дисциплинами, а также способствует формированию целостной языковой личности, поскольку позволяет вести как учебную, так и проектно-исследовательскую деятельность.

Литература

ГБОУ СОШ № 547. Образовательный портал «Китайский язык». Инновационная деятельность. URL: <https://sites.google.com/school547.ru/laboratory> (дата обращения: 10.03.2020).

Старостин Г. С. Древнекитайская поэтическая антология «Шицзин» и проблема лингвофилологического комментирования // Шаги/Steps: Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. 2016. Т. 2, № 2–3. С. 7–40.

Титаренко М. Л. Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / М. Л. Титаренко [и др.] ; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2006. Т. 3 : Литература. Язык и письменность. 855 с.

Интегрированные курсы. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%BB%BC%E5%90%88%E8%AF%BE%E7%A8%8B> (дата обращения: 10.03.2020).

«Шицзин: Книга песен и гимнов» / пер. с кит. и коммент. А. А. Штукина. URL: <https://www.rulit.me/books/shiczin-read-517260-1.html> (дата обращения: 10.03.2020).

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «КИТАЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Аннотация. Рассматриваются учебное пособие по лингвострановедению «Китай: история и современность» (в двух частях), дается его характеристика с точки зрения культуросообразных подходов и современных лингводидактических тенденций. Анализируется формат заданий пособия, представлена авторская методика обучения. Учебное пособие призвано подготовить обучающихся к различным интеллектуальным соревнованиям по китайскому языку и культуре Китая, а также может использоваться при обучении лингвострановедению Китая в вузах.

Ключевые слова: учебные материалы, лингвострановедение Китая, Всероссийская олимпиада школьников, китайский язык.

V. Kruglov

Institute of Asian and African Studies, MSU, Moscow

THE TEXTBOOK “CHINA: HISTORY AND MODERNITY” IN THE LIGHT OF MODERN LINGUODIDACTIC TRENDS

Abstract. The article discusses the textbook on linguo-cultural studies "China: History and Modernity" (in two parts). The characteristics of the textbook are given in the light of cultural approaches and modern linguodidactic trends. Our study analyzes the format of tasks in the textbook and presents the author's methodology. The textbook is intended to prepare students for various intellectual competitions in the Chinese language and culture of China, and can also be used in teaching linguo-cultural studies of China in universities.

Keywords: textbooks, linguo-cultural studies of China, The All-Russian Olympiad, Chinese language.

В настоящее время большое внимание на занятиях по иностранному языку уделяется лингвострановедению – одному из фундаментальных в лингводидактической науке подходов, в котором реализована связь языка и культуры в рамках единого лингвообразовательного пространства.

Как отмечает Е. Г. Тарева, «несмотря на то, что в самом названии термин “культура” не находит своего выражения, в идеологии данного подхода язык и культура неотделимы; страноведческие факты сочетаются с языковыми явлениями; последние выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для них (культурной) действительностью» [Межкультурное иноязычное ... , 2014, с. 16]. В лингвострановедческом подходе «лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка (по-другому – накопительная), проявляющаяся в способности языка не просто передавать некоторое сообщение, но и отражать, фиксировать и сохранять информацию о постигнутой человеком действительности, и проводится аккультурация адресата» [Верещагин, 1990, с. 37]. Помимо того что при лингвострановедческом подходе обучающийся постигает исторические, географические, культурные и этнические особенности страны изучаемого языка, он также

овладевает лексикой с национальной-культурной семантикой, которая включает логоэпистемы, безэквивалентную лексику (иначе – лакуны) и культурно-философские ядерные понятия [Филиппова, 2002].

В ходе обучения при использовании лингвострановедческого подхода у обучающегося формируется способность проводить анализ языковых явлений, ориентируясь на их страноведческую маркированность, а также, опираясь на этот анализ, выстраивать собственную стратегию речевого поведения. В данном исследовании мы предлагаем познакомиться с учебным пособием, спроектированным в соответствии с принципами лингвострановедческого подхода.

Учебное пособие «Китай: история и современность» предназначено для обучающихся старших классов профильной школы, где китайский изучается как первый или второй иностранный язык. Также пособие может использоваться в языковых и неязыковых вузах на 2–3-х курсах бакалавриата в рамках дисциплины (или аспекта) «Лингвострановедение Китая».

Учебный материал, включенный в пособие, соответствует 5-му уровню владения китайским языком [Гурулева, 2018, с. 57]. В структуре учебного пособия 50 однотипных блоков, каждый из которых включает три уровня сложности лингвострановедческих заданий: части А, В, С.

В каждом блоке в части А представлены 10 тестовых вопросов на знание географических, исторических и культурных реалий Китая. Формат заданий соответствует лингвострановедческим вопросам Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку (далее – ВсОШ). Часть вопросов была взята из опубликованных вариантов прошлых лет ВсОШ с интернет-ресурса <http://vos.olimpiada.ru>, ввиду того что некоторые вопросы повторяются в олимпиадах разных лет, поэтому в процессе подготовки к ВсОШ необходимо хорошо владеть лингвострановедческим материалом, знание которого уже некогда проверялось. Условно весь тематический базис ВсОШ можно разделить на несколько блоков: социально-политическое развитие Китая; философия и религия; география; история; население, этнический состав; достопримечательности; спорт; традиции, обычаи; праздники; язык и литература.

На рис. 1 приводится статистика по частотности вопросов каждого условного тематического блока, вычисленная на основе анализа различных этапов Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку с 2015 по 2020 г. Как видно из диаграммы, наиболее частотными тематическими блоками являются «История», «География» и «Достопримечательности», на вопросы из этих блоков рекомендуется делать акцент при подготовке к части «Лингвострановедение». Из практики подготовки вызывают наибольшее затруднение вопросы по тематике «Спорт», «Праздники» и «Язык и литература». В учебном пособии мы намеренно включаем большой процент таких заданий.

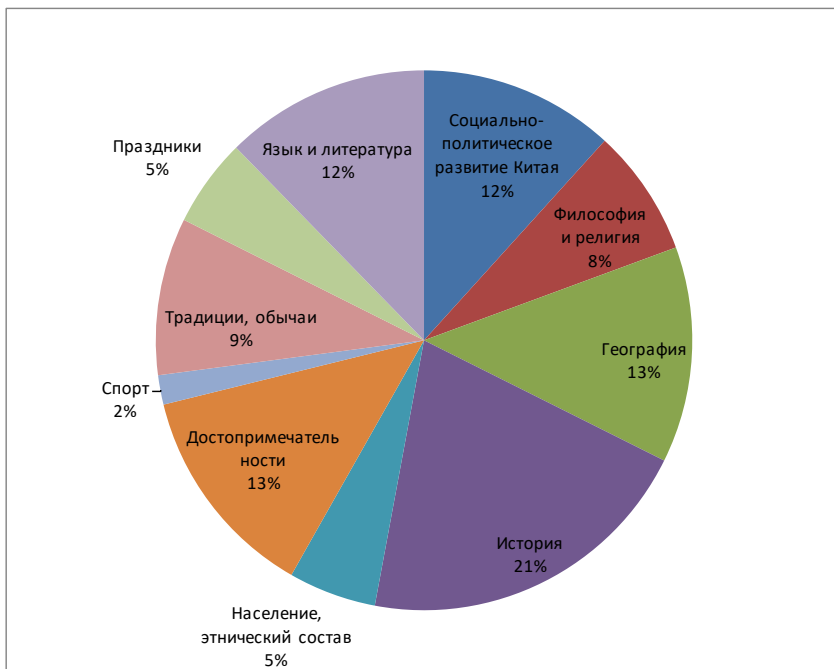

Рис. Частотность вопросов каждой тематики в лингвострановедческом тесте ВcОШ на основе анализа олимпиад прошлых лет (2015–2020 гг.)

При составлении части А эти статистические данные учитывались, чтобы максимально приблизить задания к олимпиадному уровню. Также стоит отметить, что в рамках вышеуказанных тематических блоков были составлены задания частей В и С.

Часть В состоит из заданий различного формата. Первым представлено задание на сопоставление лингвострановедческих реалий Китая, где требуется соотнести различные культурные, географические, литературные и исторические факты. Это может быть соотнесение литературных произведений и авторов, исторических персонажей и их дат жизни либо правления, достопримечательностей и городов их нахождения. Подразумевается, что в процессе выполнения и проверки этих заданий преподаватель обсуждает с обучающимися логические цепочки сопоставляемых объектов, так как в большинстве своем они находятся в рамках одного тематического блока. Далее идут четыре задания на определение истинности высказывания. В заданиях подобного типа приводятся как правильные, так и неправильные лингвострановедческие утверждения. С точки зрения методики размещение в учебных пособиях неправильных приме-

ров недопустимо, однако задания на определение истинности высказывания побуждают обучающихся к критическому мышлению на китайском языке, анализу лингвострановедческого материала. Со стороны преподавателя задания с нерелевантной лингвострановедческой информацией должны обсуждаться, а обучающиеся должны исправлять содержание этих заданий на достоверное. Например, в неверном утверждении 兵马俑位于今福建省厦门市 первое исправление должно касаться верного месторасположения Терракотовой армии – 陕西省西安市临潼区秦始皇陵以东 1.5 千米处的兵马俑坑内, а второе исправление – того, что не существует провинции 福州, а есть 福建省, а 福州 – административный центр этой провинции. Последними в части В даны шесть заданий на заполнение пропусков. Этот формат проверяет комплексное знание лингвострановедческих реалий Китая и умение восстанавливать информацию по контексту. Все задания выверены на недопущение многозначности при заполнении пропусков. Преподаватель при проверке заданий данного формата может расширять лингвострановедческие рамки вопроса и побуждать обучающихся к дискуссии. Решение заданий подобного формата демонстрирует высокий уровень владения лингвострановедческой информацией.

Часть С состоит из вопросов с открытым ответом, где обучающиеся могут продемонстрировать не только высокий уровень лингвострановедческих знаний, но и сформированность умений письма [Масловец, 2017].

Также в часть С был помещен интерактивный раздел, где обучающимся предлагается посмотреть видео и выполнить задания к нему. Цель включения видеоматериалов в первую очередь состоит в обучающей функции. Подборка видео осуществлялась с полным учетом тем лингвострановедческой части ВСОШ. Более того, значительная часть видеоматериалов была апробирована в ходе подготовки сборной Москвы к ВСОШ по китайскому языку, и данный формат интеракции продемонстрировал свою высокую актуальность и полезность для успешного выступления на конкурсе. Преподаватель может творчески подходить к контролю выполнения этого задания и использовать этот формат для моделирования олимпиадного ток-шоу, в ходе которого будут проверяться знания содержания видеоматериалов. В интерактивный раздел были включены как короткие видео, так и кинофильмы, небольшие сериалы и видеолекции. Задания этого раздела, как правило, нацелены на проверку сформированности навыков письма. Чередование материала тоже проходит градуально: в каждом десяти блоках (например, с 1 по 10) есть и короткие видео, и фильм, и части сериала, и познавательные видеолекции.

Многоуровневая система, спроектированная в учебном пособии, способствует формированию культурной и межкультурной компетенций 6-го уровня владения китайским языком [Гурулева, 2018, с. 167–168]

Таким образом, в учебном пособии создана комплексная система подготовки к одной из самых сложных частей Всероссийской олимпиады школьников – лингвострановедению. Пособие разработано в ходе подготовки московских обучающихся к интеллектуальным соревнованиям по китайскому языку и работы со студентами 2–3-х курсов бакалавриата ИСАА МГУ и МГИМО в рамках аспекта «Лингвострановедение Китая».

Литература

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

Гурулева Т. Л. Компетенции владения китайским языком. Результаты сопоставительного лингводидактического исследования. М.: Издат. дом ВКН, 2018. 228 с.

Масловец О. А. Основы обучения китайскому языку в вузе и в школе: теория и практика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Издательский дом ВКН, 2017. 264 с.

Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики: коллект. монография / Е. Г. Тарева, А. В. Анненкова, Е. С. Дикова, А. А. Казанцева, Е. М. Казанцева, О. А. Колмакова, Ю. Ф. Маметова, Г. А. Проскурина; под ред. Е. Г. Таревой. М.: Логос, 2014. 232 с.

Филиппова Н. В. Методика обучения национально-маркированной лексике на основе межкультурного подхода в языковом вузе (на материале художественной литературы Германии): дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2002. 227 с.

УДК 811.581+372.881.1

李紀彤 (臺北)

政治大學

「吧」語法功能探究與韓國學習者教學語法建議

摘要: 本研究主要內容可分為：語法功能探究、教學語法建議。第一步試圖整理各相關語法專著對「吧」的語法功能解說。歸納發現「吧」依據在句中的出現位置可分為「句中型」和「句尾型」。而經過語意的分析，發現「句尾型」的語法功能可分為「命令」和「徵詢」兩類。

第二步統整韓語「命令」和「徵詢」的相關語法形式。進一步將「吧」與韓語相關語法形式進行對比分析，發現「吧」無論是「命令」還是「徵詢」功能，皆須依賴句尾的語法成分才能充分表達出來。

第三步則藉由以上的整理，為韓國學習者歸納「吧」的教學語法。

關鍵詞: 華語語法、韓語語法、功能語法、對比分析、教學語法、語氣詞、篇章語法、句法學、語意學、認知語言學

Lee Chi-Tung

Chengchi University, Taipei

PARTICLE "BA (吧)" GRAMMAR FUNCTION AND THE SUGGESTIONS FOR KOREAN LEARNERS' TEACHING GRAMMAR

Abstract. The study can be divided into: "grammatical function exploration" and "the suggestions of teaching grammar". The first step is to try to sort out the grammatical functions of 吧 ba in various works on grammar. Thus 吧 ba can be divided into two classes: "sentence middle type" and "sentence end type", according

to the position in the sentence. After semantic analysis, the grammatical functions of “sentence middle type” can be divided into “command” and “consultation”. The second step is to unify the related grammatical forms of “command” and “consultation” with Korean. Further comparing and analyzing the related grammatical forms of 吧 ba and Korean, it is found that whether the particle has “command” or “consultation” function, it must rely on the grammatical component of the sentence final position to be fully expressed. The third step is to summarize teaching grammar for Korean learners through the arrangement described above.

Keywords: Chinese particles, Chinese grammar, Korean grammar, functional grammar, comparative analysis, teaching grammar, modal particles, text grammar, syntax, semantics, cognitive linguistics.

Ли Цзи-гун

Университет Чжэнчжи, Тайбэй

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЧАСТИЦЫ «ВА (吧)» И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ОБУЧЕНИЮ КОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ ГРАММАТИКЕ

Аннотация. Данное исследование можно подразделить на «исследование грамматической функции» и «предложения по обучению грамматике». Прежде всего была предпринята попытка классифицировать грамматические функции 吧 ba в различных работах по грамматике, затем провести сравнительный анализ такого рода грамматических форм в китайском и корейском языках и, наконец, вынести на обсуждение метод обучения грамматике корейских студентов посредством приведенной в статье схемы.

Ключевые слова: китайские частицы, китайская грамматика, корейская грамматика, функциональная грамматика, сравнительный анализ, обучение грамматике, модальные частицы, текстовая грамматика, синтаксис, семантика, когнитивная лингвистика.

一、緒論

華語的語法研究向來不是簡單的課題，尤其是語氣詞方面的研究。由於語氣詞在華語的語法、語用上具有一定特殊性，因此歷來已有許多研究者提出不少理論，試圖整理出語氣詞的使用規則。其中「吧」的語法功能探究，歷來各家學者分類方式不一，說明也不盡相同。因此從華語教學的角度而言，需要一個具代表性的分類與語法功能整理，才能幫助學生掌握此語氣詞的使用概念。

以韓國華語學習者的立場來看，韓語本身雖然沒有與「吧」完全對應的語法形式，但與其相似的語法形式種類卻相當多樣。針對韓國華語學習者，若能在教學時重視兩種語言在「吧」相似性，亦能幫助學生理解其語義及使用時機。

二、正文

1 「吧」語法功能理論回顧

1. 1 呂叔湘[1980]對「吧」的功能解釋

近年有關「吧」語法功能的探討，以呂叔湘的整理最早。呂叔湘將「吧」的語法功能歸納為五類。其中著重說明「吧」於祈使句、疑問句的語法作用。呂叔湘認為「吧」若出現於祈使句，常表示命令、請求、建議等語氣。例如：「幫幫我的忙吧」若出現於疑問句，則通常帶有揣測的意味。例如：「這座房子是新蓋的吧？」

針對呂叔湘對「吧」語法功能的分析，可整理如下表所示：

表 1 呂叔湘[1980]對「吧」語法功能的解釋

句型結構	語法作用	例句
祈使句末	表示命令、請求、建議等語氣。	快點走吧！
疑問句末	帶有揣測的意味。	你就是李師傅吧？
用於「好、行、可以」等動詞後面	表示同意，是一種應答語。	好吧，就這麼辦。
句中停頓處	用於舉例或交替假設。	就說廢舊物資回收這一項吧，上個月就累積了上萬元。
用於「V 就 V」後面	表示「無關緊要」。	丟了就丟了吧，我另外給你一個。

1. 2 劉月華[1996]對「吧」的功能解釋

劉月華將「吧」語法功能分為四類。特別的是，劉月華於疑問句和祈使句的「吧」各細分了兩類不同的重要功能。疑問句的「吧」不僅具有表達揣測的功能，若將「吧」置於特指疑問句或肯定疑問句後，則有催促聽者回答的功能。例如：「你說咱們該怎麼辦吧？」、「你這個人，今天到底走不走吧？」

祈使句的「吧」分別有請求和命令的功能。當祈使句「吧」表示請求功能時，多半帶有「請」、「讓」、「叫」等表示使役的動詞。例如：「老師，讓我去吧！」而表示命令功能的「吧」則往往能緩和命令語氣，或帶有勸告意味。例如：「你好好聽聽大家的意見吧！」

陳述句中的「吧」除了表示同意以外，有時還包含「勉強」或「無可奈何」的語氣。例如：「既然你說我非去不可，那我就去吧。」表示同意的「吧」若出現於「好、行、可以」等表示肯定的動詞後方，則當作應答語使用。

若「吧」出現於句中停頓處，劉月華不僅認為具有舉例或交替假設的功能，有時表示「滿不在乎」。換言之，劉月華將呂叔湘「吧」的「V 就 V」結構功能置於此類之下。

針對劉月華對「吧」語法功能的分析，可整理如下表所示：

表 2 劉月華[1996]對「吧」語法功能的解釋

句型結構	語法作用	例句
祈使句末	表示請求。	老師，讓我去吧！
	表示命令。	你好好聽聽大家的意見吧！
疑問句末	表示揣測。	這座樓可能是你們的宿舍吧？
	表示催促。	你說咱們該怎麼辦吧？
陳述句末	表示同意。	好吧，咱們現在就去。
	表示「勉強」或「無可奈何」。	既然你說我非去不可，那我就去吧。

句中停頓處	用於舉例或交替假設。	就拿英語來說吧，不下苦功夫是學不好的。
	表示「滿不在乎」。	丟了就丟了吧，再買一個就是了。

1.3 侯學超[1998]對「吧」的功能解釋

侯學超將「吧」語法功能分為三類，其中侯學超認為較重要的是表示揣測和祈使句中的請求和命令功能。而針對「吧」出現在句中的結構，侯學超將其歸納為同一類別並分別解釋。

然而，針對揣測功能方面的解釋，侯學超認為「吧」出現於是非問句時，不僅帶有揣測意味，也具有詢問功能。例如：「你是他的關門弟子吧？」另外，侯學超認為「吧」雖不能直接出現於特指問句，但特定動詞如「說」、「講」後方為特指問句時，「吧」則可以出現。例如：「你說明天誰去廣州吧？」不過與劉月華等人看法不同的地方是，侯學超認為此句型的「吧」仍為揣測功能。

針對侯學超對「吧」語法功能的分析，可整理如下表所示：

表3 侯學超[1998]對「吧」語法功能的解釋

句型結構	語法作用	例句
疑問句末	表示揣測。	你是他的關門弟子吧？ (是非問句)
		你說明天誰去廣州吧？ (特指問句)
祈使句末	表示請求、催促、命令、勸告等。	芳芳，別拿糖了，起來吧。
出現於句中	表示肯定、同意。	行吧，就明天下午去。
	舉例話題。	以杭州本地人說吧，他們只喝綠茶。
	對兩難的請況進行選擇。	家裡練吧，活動不開；出去練吧，風沙又太大。
	表示讓步。	就算你的意見全對吧，也要給他們思考的空間哪。
	表示「不介意」或「不滿意」。	吃了就吃了吧，下次再買嘛。

1.4 李科第[2001]對「吧」的功能解釋

李科第將「吧」語法功能分為四類。與上述學者分類不同的是，李科第認為陳述句末的「吧」具有表示肯定、估計或揣度的語氣。例如：「經過仔細調查，你心底明白了吧！」而疑問句末的「吧」，表示疑問兼揣測。換言之，疑問句末的「吧」較肯定句的「吧」有疑問的功能。

針對李科第對「吧」語法功能的分析，可整理如下表所示：

表 4 李科第[2001]對「吧」語法功能的解釋

句型結構	語法作用	例句
祈使句末	表示請求、命令、商量、建議等。	以前的問題，你們還是先考慮考慮吧。
疑問句末	表示疑問兼揣測。	您就是農業專家高教授吧？我們等你很久了。
陳述句末	表示肯定、估計或揣度等。	經過仔細調查，你心底明白了吧！
句中停頓處	表示停頓語氣。	搞寫作要一絲不苟，即使是一個標點吧，也不能馬虎。

1. 5 屈承熹[2010]對「吧」的功能解釋

屈承熹從篇章語法的角度解釋句末「吧」的語法功能，認為「吧」由於表示說話者對自己所說的話不具有一定的把握，因此於虛詞中的功能為「遲疑虛詞」。屈承熹進而將「吧」語法功能分為三類。表示說話者意見的陳述句中的「吧」為委婉徵求同意，例如：「這幅畫不錯吧？」祈使句中的「吧」為委婉的建議，例如：「你好好兒念書吧！」而含有敘述過去發生的動詞的陳述句中，「吧」為語氣緩和的問句。例如：「你去看醫生了吧？」

根據屈承熹的分析，「吧」的語法功能具有轉化原句，使其具有遲疑的語氣。例如原表達肯定意見的「這幅畫不錯。」加上了「吧」，間接表達了說話者對意見的不確定性。祈使句「你好好兒念書！」本有強烈命令的語氣，若加上了「吧」反而弱化了原句的強迫性。

針對屈承熹對「吧」語法功能的分析，可整理如下表所示：

表 5 屈承熹[2010]對「吧」語法功能的解釋

句型結構	語法作用	例句
祈使句末	表示委婉的建議。	你好好兒念書吧！
表示說話者意見的陳述句末	表示委婉徵求同意。	這幅畫不錯吧？
表示已然性的陳述句末	表示徵詢事實答案的揣度。	你去看醫生了吧？

1. 6 「吧」的語法功能歸納整理

綜合各家學者對「吧」語法功能的歸納，可看出「吧」的出現位置有「句末型」和「句中型」兩種。其中又以「句末型」的語法功能歸納最具一致性，於祈使句中的「吧」帶有「委婉建議」的語氣；於陳述句後方，表示疑問語氣的「吧」則帶有「徵詢答覆」的語氣。

而針對劉月華等人和侯學超對特指疑問句尾「吧」的歸類，由於句義實際上為催促對方回答，因此該類不應歸為「疑問句」而為「祈使句」。李科第因為認為疑問句末的「吧」較肯定句的「吧」有疑問的功能，所以將二類分別解釋的看法，由於語義皆帶有揣測意味，因此也有修正空間。另外，屈承熹將陳述句後方的「吧」細分為二類，其二類原義事實上均為說話者向聽話者尋求答覆的語氣，因此語法功能的差別不大。

針對「句中型」和表示「同意、肯定」的「吧」語法功能的解說，雖然各家看法不同，但倘若觀察各項例句，不難看出其語法功能不具獨立性，需根據上下文才能判斷出其表示「讓步」或是「假設」。甚至省略也不影響其語意。所以，「句中型」的「吧」其實僅為表示停頓語氣的虛詞。另一方面，「句末型」中的祈使句「吧」則明顯具有弱化命令語氣的功能，而於陳述句後方的「吧」則擁有將陳述句轉化為疑問句的重要功能。因此「句末型」的「吧」實質上帶有具體語法功能，是不得任意省略的。

據此，我們可以將「吧」的具體語法功能歸納如下：

表 6 句末型「吧」語法功能的分類

句型結構	語法作用	例句
祈使句末	弱化命令語氣。(命令功能)	你明天就過來學校吧！
陳述句後	轉化為疑問句，帶有揣測、詢問的語氣。(徵詢功能)	下星期幾乎天天都會下雨吧？

2 韓語相關語法形式的對比分析

韓語語法中，雖然沒有和華語「吧」完全相同的語法形式，但表達命令和徵詢功能的相關語法形式仍然存在。本段參考 Beak[1999]和韓國國語院[2005]的語法解說，依據「吧」的「命令功能」與「徵詢功能」的分類方式，其相關語法形式有以下類別。

2. 1 命令功能的相關語法形式

2. 1. 1 -(으)십시오, -자, -(으)시지요, -아/어/여요: 向聽者提出「共同行動」的邀請或勸誘

在韓語中，-(으)십시오, -자, -(으)시지요, -아/어/여요等語法形式用來表達向聽者提出「共同行動」的請求，一般用於口語。此類語法形式與華語「一起……吧」的句型相似。例句的對比分析如下表所示：

表 7 「共同行動」語法形式的對比分析[Beak, 1999: 19、360]

語法形式	例句
-(으)십시오	좀더 기다려 봅시다 . 稍微 等 看 吧 (我們)再稍微等看看吧。)
-자	몸과 마음을 깨끗이 하자 . 身和 心 乾淨地 做 吧 (讓(我們的)身心保持純淨吧。)
-(으)시지요	말씀을 낮추 시지요 . 話 放低 吧 (我們)別說敬語吧。)
-아/어/여요	가요 . 去 吧 (一起)去吧。)

從以上的例句中可以看出，雖然例句中並未明確寫出主詞「我們」和副詞「一起」，但是它們語法形式使得語境中皆能表達出共同行動的意涵。這樣的特點與華語「吧」的命令功能相似。

2.1. 2 -(으)세요, -아/어/여요: 向聽者表示「請求」

-(으)세요, -아/어/여요等語法形式在韓語中用於表示「請求」，即說話者要求聽者執行某一行動。此類語法形式雖用於口語，但同時含有對聽者表示尊重的功能，與華語「吧」委婉表達命令的功能相似。例句的對比分析可如下表所示：

表 8 「請求」語法形式的對比分析[Beak, 1999: 20、360]

語法形式	例句
-(으)세요	똑바로 가다가 네거리에서 좌회전 하세요 . 直直 去 路口 在 左轉 做 吧 (請)直走後在路口左轉吧。)
-아/어/여요	가요 . 去 吧 (請)去吧。)

觀察以上句子，雖然例句中沒有出現表示「請求」的動詞，但其語法形式已帶有向聽者表示請求的意涵。另一方面，「-아/어/여요」雖然兼有表示「共同行動」和「請求」的功能，但根據其語調的不同，其代表的語用功能也有所差異。

表 9 「-아/어/여요」語用功能差異比較[Beak, 1999: 360]

語用功能	例句	說明
共同行動	 가요. 去吧 ((一起)去吧。)	語調平緩，向聽者表示「共同行動」。
請求	 가요. 去吧 ((請)去吧。)	語調先起後降，向聽者表示「請求」。

2. 2 徵詢功能的相關語法形式

2. 2. 1 -지(요)?：向聽者確認已知的事實

在韓語中，-지(요)可以用於陳述句、疑問句、祈使句等多種句型。然而此語法形式用於疑問句時，多半用來向聽者確認說話者或聽者已知的事實，亦可表示揣測。此與華語「吧」向聽者「尋求答覆」的功能相似。

表 10 「徵詢」語法形式的對比分析[Beak, 1999: 406]

句型結構	例句	說明
陳述句	 같이 가지요. 一起去 (一起去。)	語調下降，向聽者陳述事實。
疑問句	 같이 가지요? 一起去吧 (一起去吧?)	語調上揚，向聽者「徵詢答覆」。

從以上的例句中，可以看出同樣的語法形式，由於句型結構和語調的不同，而有語意上的差異。然而此語法形式僅有在疑問句時，與華語「吧」的「徵詢」功能相似。

綜合本段韓語中與華語「吧」相似的語法形式，可以看出不管韓語要表達的是命令功能或徵詢功能，都必須仰賴語尾的語法成分才能表達出語意。這樣的現象恰好也反映出韓語的黏著語語法特性。

3 韓國學習者教學語法建議

比較華語的「吧」語法形式與韓語相似功能的語法後，我們可以發現「吧」於句末的功能主要能分為「命令功能」和「徵詢功能」兩種，其中命令功能又可分為「共同行動」和「請求」兩種。因此在教學上也可以將「吧」的語法分為兩階段來教學。

3. 1 「命令功能」教學語法

在華語裡「吧」的命令功能的教學可以分成「共同行動」和「請求」兩項不同語用功能來教學。而在華語，兩者的差異主要表現在句子的人稱不同。表示「共同行動」的句子，人稱使用「我們」；而表示「請求」的句子，人稱使用「你」或「你們」。必要時可於句首加上「請」使請求的語氣更委婉。

表 11 命令功能的語法示例

功能	人稱	例句
共同行動	我們	「我們」明天去看電影吧！
請求	你、你們	「你們」別再遲到了吧！ 請「你」讓我過去吧。

然而，由於「吧」本身已有弱化命令語氣的功能，因此命令功能的句子不能再加上「一定」、「絕對」等表示必然的副詞。

表 12 命令功能的偏誤示例

功能	例句
共同行動	*我們明天「一定」去看電影吧！
請求	*你們「千萬」別再遲到了吧！ *請你「絕對」要讓我過去吧。

3. 2 「徵詢功能」教學語法

「吧」的徵詢功能相對較為簡單。於肯定句後加上「吧」，多半能形成具徵詢功能的疑問句。

表 13 命令功能的語法示例

功能	肯定句	例句
徵詢	明年的冬天也會下雪。	明年的冬天也會下雪「吧」？
	這件事情沒那麼複雜。	這件事情沒那麼複雜吧？

另外，由於上述語句本身具有徵詢功能，因此加上「應該」、「可能」等表示揣測的副詞後，可使疑問的語氣更為明顯。

表 14 命令功能的語法示例(續)

功能	例句
徵詢	明年的冬天「應該」也會下雪？
	這件事情「可能」沒那麼複雜吧？

三、結論

藉由觀察各學者對「吧」語法功能理論，我們可以發現各學者對「句中型」的「吧」看法不一。然而綜合其所列舉的例句，「吧」必須仰賴句中其它語法成分才能表達其意義。例如呂叔湘將「就說廢舊物資回收這一項吧，上個月就累積了上萬元」句中的「吧」解釋為「表示舉例或交替假設」。實際上句中的「就說」才真正具有表達「舉例」的語法功能。因此句中型「吧」僅為表示停頓語氣的虛詞，不具實質語法功能。

另一方面，句末型的「吧」依據其語法功能大致能分為兩類，一為「命令功能」，二為「徵詢功能」。命令功能的「吧」可將原祈使句的命令語氣弱化，變得較為委婉。而徵詢功能的「吧」附於陳述句後可將原陳述句轉為疑問句，同時帶有揣測、詢問的功能。由於句末型的「吧」具有實質語法功能，因此是不可以任意省略的。

最後歸納「吧」的教學語法，除了將「吧」分為「命令」、「徵詢」兩大功能來教學，亦可依人稱對象不同，將命令功能的「吧」分為「共同行動」和「請求」兩階段來教學。

參考文獻

- 呂叔湘. 現代漢語八百詞. 北京: 商務印書館, 1980
李科第. 漢語虛詞辭典. 昆明: 雲南人民出版社, 2001
侯學超. 現代漢語虛詞詞典. 北京: 北京大學出版社, 1998.
屈承熹. 漢語功能篇章語法: 從認知、功能到篇章結構. 臺北: 文鶴出版社, 2010
鄧守信. 對外漢語教學語法. 臺北: 文鶴出版社, 2008
鄧守信. 當代中文語法點全集. 臺北: 聯經出版社, 2018
劉月華、潘文娛、故鞏. 實用現代漢語語法. 臺北: 師大書苑, 1996
국립국어원. 외국인을 위한 한국어 문법. 서울: 커뮤니케이션북스, 2005
김지연. 문말어기사 ‘吧’의 의미 분석. 중국학보, 71, 37 - 59, 2015
백봉자. 외국어로서의 한국어 문법 사진. 서울: 하우, 1999.

УДК 372.881.1

姜威 (鄂木斯克)

鄂木斯克国立师范大学

对外汉语教学及课堂管理

摘要: 对外汉语教学中的教学信念，可宽泛的理解为教学看法。理念或思想也是教师对第二语言的基本看法，核心理念或指导思想。汉语作为第二语言的教学新念，就是教师对汉语教学方方面面问题的理解和认识。如，对外汉语教学的目标，教学方法，课堂管理，教材选用及教案设计安排，对汉语中的字、词、语法及如何教学，对学生自我管理能力和如何学习，对教材选用及如何使用，对课堂操作及如何管理，对学生的语言偏误等等的真实看法，对外汉语教学和课堂管理学的关系。

关键词: 教学目的; 汉字教学; 选课; 课堂管理学的定义; 管理内容; 管理过程; 教学效率; 教学原则; 调动学生积极性; 课堂管理学案例分析; 寄语。

Jiang Wei

Omsk Pedagogical University, Omsk

TEACHING CHINESE AS A FOREIGN LANGUAGE AND CLASSROOM MANAGEMENT

Abstract. Teaching beliefs in teaching Chinese as a foreign language can be broadly interpreted as teaching ideas. Ideas or thoughts are also teachers' basic views, core ideas or guiding ideologies on second language. The belief in teaching Chinese as a second language is the teacher's understanding and understanding of all aspects of Chinese teaching; for example, the goals of teaching Chinese as a foreign language, teaching methods, classroom management, selection of textbooks, and design of lesson plans, the use of Chinese characters, words, grammar, and how to do it, the ability of students to manage themselves and how to learn, the selection and use of textbooks. Real views on classroom operations and how to manage them, and students' language bias.

Keywords: teaching purpose, Chinese character teaching, course selection, definition of classroom management, management content, management process, teaching efficiency, teaching principles, motivation of students, case analysis of classroom management, message.

Цзян Вэй

Омский педагогический университет, Омск

ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО И ЭФФЕКТИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЯ

Аннотация. Взгляды на преподавание в обучении китайскому языку как иностранному можно широко интерпретировать как идеи преподавания. Идеи или мысли являются также базовыми убеждениями, корневыми идеями или идеологиями учителей на предмет преподавания второго языка. Воззрения на обучение китайскому как иностранному представляют собой понимание учителем всех аспектов преподавания китайского: например, целей обучения китайскому как иностранному, методов обучения, координации деятельности обучающихся во время занятия, выбора учебников, составления плана урока, использования иероглифов, слов, грамматики, способности студентов к самоуправлению и обучению, управлению учебным процессом на уроке, языковым особенностям студентов.

Ключевые слова: цель обучения, обучение китайским иероглифам, выбор курса, определение координации деятельности обучающихся, содержание управления, процесс управления, эффективность обучения, принципы обучения, мотивация студентов, кейс-анализ координации деятельности обучающихся во время учебного занятия, сообщение.

中国是一个具有几千年文化历史的古国，他有着丰厚的文化底蕴。要想学好和教好任何一种语言，首先必须要了解这种语言的历史及文化，汉语也不例外。那么怎样才能教好汉语及学好汉语呢。

汉语作为第二语言的教学理念，就是教师对汉语教学方方面面问题的理解和认识，所为对外汉语教学目标，即汉语作为第二语言的国际化，语和文的并进发展。教学方法，就是先语后文即先学说汉语。然后在接受汉语的文字及汉语的语言环境。作到先易后难，最后语和文并进。教材是对外汉语教学的工具，怎么样去扩展教材和灵活运用教材。课堂管理学也不过就是管理的过程，课堂管理的如何直接影响教学原则和教学的效率，在对外汉语教学中，精选课程并进行巧妙的设计安排，是影响教学效率的直接因素，每一位对外汉语教学成功教师的背后都有一本成功的教案，也就是说这三者是相辅相成，缺一不可。

对外汉语教学中，汉字教学很重要。有很多人认为汉字难学，其实汉字并不难学，而且很有意思。汉字教学要从汉字的趣味性和汉字的构字

型入手。如，老王：你幸福吗？老张：我姓福。老王：你为啥幸福？老张：我爸爸姓福。老王：你满足吗？老张：我满族。

对学生来说如何学习汉语，背诵学习法（理解和熟读），以学生为主体。对老师来说如何教好汉语，对教材的使用要做到演讲形式（讲故事的形式），精讲多练，强调口语的重要性，调动学生学习的积极性，使学生掌握学习技巧和考试多样化（课堂操作及管理）。对学生的语言偏误进行耐心指导，使学生树立良好的学习态度，这就是对外汉语教学中疑难点分析和吸取其精华，为今后的对外汉语教学发展奠定基础。

对外汉语教学和课堂管理学有着密切的关系，他们是相辅相成。课堂管理学有五个层面的意义。

课堂管理学的本质不仅是一种结果（实现教学目标），而且是一种过程（运用策略）；课堂管理的目标在于遵循一定的规则，提高教学效率和促进学生发展实现教学目标；课堂管理的方式要求必须遵循一定的原则，而这个规则反映了教学的教育理念和教育哲学观，符合教育的原则；课堂管理的范围涵盖了影响教学的诸因素及其之间的关系，如，师生之间关系教室环境，教学中所发生的一切活动等；课堂管理中的决策应由教师与学生共同参与决定。

课堂教学与课堂管理的关系：课堂管理始终围绕课堂教学发展，其最终目的是教学目标的达成即提高教学质量，促进学生的发展；有时很难区分课堂手段和课堂管理手段；对教学内容的有效组织和艺术加工，可以使一些学生难以理解的教学内容在加上“糖衣”以后为学生所理解和接受，并为有效课堂管理奠定良好的基础。

有效的课堂管理：影响因素，有人的方面即教师与学生；物的方面即物质设备；课堂管理与课堂中发生的其他行为有着本质的区别；课堂管理以课堂作为看问题的基点和视角，一切行为始终与课堂相联系，并通过处理课堂矛盾，寻找调动学生行为为积极性的策略使课堂健康发展。

课堂管理学主要内容：建立课堂秩序规则，课堂问题行为，师生冲突，文化冲突。

建立课堂秩序规则：什么是课堂规则，维持良好的课堂计划是“任何系统的教学技术基础”。良好的课堂规则被认为是教师有效教学的一个必要条件。

课堂规划：学生进行课堂活动的一种要求，是以实现教学目标，促进学生发展为宗旨，适当地、积极地处理影响课堂教学的诸因素为前提。教师和学生共同参与制定的一套有系统的规则。

有效课堂规则的要求：学生能专心于课堂活动；学生能自我管理；能表现出良好的人际关系。

影响课堂规则建立的要素：国家的教育法律、法规、政策；本校的办学思想和办学特色；教师的教育理念；学生的需求。

建立课堂规则时教师应有的认识：大多数学生都喜欢学习，即使他们假装不想学习；大多数学生都真心喜爱学习及和蔼可亲而乐意帮助他们的老师，大多数学生对学校都具有正确的态度（虽然有时候他们假装对学校不具好感），大多数学生也想要有位成人督导他们学习，几乎所有学生都希望教室中有公平而合理规定，并希望能确实执行，大多数学生讨厌在教室中捣蛋的人，但他们可能会注意这些人，哄堂大笑，结果反而会增长这些人的不良行为，所有父母都希望子女好喝学习，大多数父母都大力支持教师，大多数有子女在校的成人都认为教师的工作是有意义的。课堂规则的制定，点名，出入教室，上课，收发作业，活动。

注意的问题，明确、合理、可行，不可一次规定太多，5-10条为宜，每一条规则，表明一件具体行为，常规内容必须以书面形式呈现，文字不得含糊。学生可以讨论规则，也可以提出修改建议。学期一开始就制定课堂规则，以后可以修改。课堂规则和校规应分别制定不宜重复。有效的规则是，描述清晰，正面措辞简短扼要数目不多。

上课了，白老师走进教室，开始了她的第一堂汉语教学。她兴致勃勃，自信满满地走上讲台，向学生们问好“Good morning”学生们以各自喜欢的方式，舒服地坐在椅子上，没有一个人站起来，只是参差不齐地回答她：“Good morning”。

白老师开始用英文教介绍自己，从她的姓名说齐：“我的名字叫白翔，大家以后叫我白老师。那么，我名字中的‘翔’字是什么意思呢？我来

告诉你们——”过了15分钟，有的学生开始小声说话，有的人不断转动身体改变坐姿，有的东张西望。白老师想，学生们大概希望知道讲课的内容，于是她开始介绍这个学期的教学计划和内容。

这个学期我们要从拼音开始学起，汉语拼音是汉字的发音符号，分成声母和韵母。一个汉字只有一个音节，大部份音节由一个声母和一个云母。然后我们要学汉字。白老师想把她的教学计划详细地告诉学生们，可说了不到5分钟，一个学生打断了她说的话：“白老师上汉语课用不用带笔？”另一个学生也马上跟着问：“用不用带纸？”

白老师愣住了，完全没有想到学生会问这样的问题，学生上课带笔和纸是天经地义的事，用得着问吗？还没等白老师缓过神来，学生的问题一个接着一个：“有问题用不用举手？”“分组活动，我想跟保罗一组可以吗？”“有多少次作业，不写作业扣费吗？”“迟到扣分吗？汉语课是选修课，有没有考试”。

对于这些没有想到的问题，白老师一时不知道如何回答。

课堂问题行为：课堂行为的类型，按严重性递减划分，攻击他人，品德不良，反抗权威，课堂干扰，游手好闲。按问题主体分，个别学生行为活动过度，注意力不集中，行为不守秩序冲动行为。群体学生的问题行为，不团结，不能坚持行为标准和工作程序对成员的消极影响。班级认可

违规行为。有分心工作阻塞的倾向。低道德的，敌对的，抵抗的或消极行为，不能对环境的变化做出调整。按严重程度划分，严重破坏性行为，中等程度的问题行为。

课堂问题行为产生的原因：教师方面的因素，教师的教学方式，教师的个性特征，教师的课堂管理策略，善于维持课堂秩序的老师，能一心二用，教学顺畅且能激励学生，作业富有变化且具挑战性。学生方面的因素，寻求注意，争取权力报复（对他人的）压力与挫折感，学生性别差异，学生的年龄特点，学生的性格差异。环境因素，班级人数多少，班级座位安排教室的空间大小，照明通风温度等。教室外因素，噪音，课表安排不当，临近中午或放学等。

午休后上课的铃声已经响了，谢老师看到学生们还在三三两两地说话嬉闹传纸条，还有几个学生在教室里走来走去，跟本没注意到要上课了，谢老师打开她的讲义和课本准备讲课，可是学生们还没有安静下来，于是，大声说：“安静上课了！”但是她的声音被淹没在学生的嬉笑声中。她清了清嗓子扯开嗓门儿大喊：“安静！不要讲话！”好不容易教室里渐渐静下来。谢老师看了看墙上的时钟，五分钟过去了她意识等必须马上开始上课，否则这节课的教学内容可能没法完成。

按照教学计划，谢老师在这节课要讲授表示方位的句型，即，-----在----（左边/右边/前边/后边/上边/下边/旁边），还要安排三项小组活动来练习和巩固这个句型。在讲解完这个句型的用法之后，谢老师把学生分为5组，并发给每组一些图片（书、笔、水杯、手机、电脑）。让一个学生变化图片的位置，另一个学生根据图片位置提问，其他学生回答，学生们按照要求开始做这项练习。看起来，学生们很喜欢这个活动，也很投入。10分钟后，谢老师要学生回到自己的座位上，准备开始下一个。

请大家回到自己座位上。谢老师大声向学生发出指令。没有学生理睬她，还在继续摆弄着图片说笑着，谢老师提高了嗓门：“请安静回到自己的座位上！”“有几个学生停止了说话，走回自己座位上，可是大部份还在说话。谢老师非常着急，这节课剩下的时间不多了，可她还有两个小组活动要完成。她敲着黑板，第三次发出指令：不要说话了，马上回到自己座位上。大部份学生坐到自己座位上了，只有 Jack 还在摆弄图片，跟邻桌闲聊。”Jack 请你回到你的座位上！”

他假装没听见，一动没动。谢老师走到他身旁：“你听见没有？我让你回到你的座位上！”“他没理睬。谢老师觉得她的权威受到了挑战，而且是在全班同学面前向她挑战。她忍无可忍了，掀起他的衣领要把他拉回到他的座位上。他也不示弱，一边把谢老师的手推开，一边说：“Don't touch me!””前后左右的同学也跟着喊起来：“Don't touch ! Don't t ouch!” 谢老师的课没法上下去了。

事后，他把谢老师“碰”他的事告诉了父母，父母觉得他们的孩子在学校受到老师的欺负，第二天找到学校要求处理此事。校长找他和其他的学生调查此事，也找谢老师询问此事。谢老师委屈极了，她维持课堂秩序，为的是使教学可以顺利完成，却被诬告诬告是“碰”学生，她心里非常苦恼。

师生冲突的实质（所为冲突）。一般是指活动的参与者之间反对或阻止对方意图的比较自觉的行动。它是教学活动中心的一个基本的互动形态。在人际关系中，‘冲突’是指在一方的行为妨碍了他方需求的满足或双方的价值观念不协调的情况下，发生于两人（或两人以上）直接的“交战”或“互撞”。

冲突是一切人际交往的一部分，教师与学生的冲突是不可避免的，而且可能时常发生。

师生冲突的二重性：危害性，课堂教学中的师生冲突会严重影响课堂教学的顺利进行课堂教学中的冲突影响师生的身心健康，引发社会问题和法律问题。正面积极的作用，师生冲突有助于建立和谐师生关系，缓解压力有助于培养学生的独立意识。师生冲突的根源：权威与专制，教师过分使用权力对学生的负面影响，反抗教师，撒谎逃避，归罪于他人揭发，期望胜利，

痛恨失败，顺从假装，缺乏创新精神。

有效解决师生冲突的重要方式—沟通。确定问题，提出各种解决问题的方案，决定方法规定如何执行此方法，评价结果。

这一天，刘老师走进教室，刚准备开始上课，这位来自英国的学生Mark就站了起来，对刘老师，更确切的说是向全班同学宣布：“我不喜欢汉语。”刘老师用不太流利的英语问他：“你为什么不学习中文？”他说：“我以前从来没学过中文，是我爸妈硬逼着我来学中文的，你最好告诉我爸妈，就说我跟不上课，让我改学西班牙语吧。”刘老师听罢，非常耐心地向他解释学习中文的重要性和意义，并提出每天下午为他补习一个小时中文课，他没在说什么就开始上课了，当然由于没有一点中文基础，他在课堂上的参与程度和表现是可想而知。

一天，刘老师刚刚带领学生朗读了一段课文，他突然大声喊道：“Hey, teacher I hate Chinese,”刘老师没有理会他，继续她的课堂教学。见没有引起老师的注意，他又趁机大喊一声：“Hey, teacher, I hate you”.刘老师还是装作没听见他在喊什么，继续上她的课。这时候，他有点儿气急败坏，开始向讲台上扔东西，用脚踢旁边同学的桌椅，并把旁边同学的中文书一把抢过来狠狠地摔在地上。这时候课堂上同学们开始骚动，课程无法继续，一些学生开始抱怨，为什么刘老师能够容忍他对她的不敬。见课堂有些失控，刘老师走到他身边，小声提醒他要注意遵守课堂纪律，不要再捣乱，不然的话就要叫他坐在教室门口的桌椅上听课。他说：“我才不去

外面听你的课，你最好把我转到西班牙文班上去上课。”刘老师也没在搭理他，就又继续上课。

这时候，他变得变本加厉，连续三次站起来大喊大叫，向刘老师示威：“老师，我恨中文！老师，我恨你！”见老师还是不理他，他突然站起来，又开始大喊起来，这时候，刘老师已经忍无可忍，控制不住自己的情绪，口中一边用中文大喊：“给我滚！”一边冲到他跟前，一把揪住他的胳膊往外拽。瘦小的刘老师也不知从哪儿来的这么大劲头，意然连拽带搽地把将近一米八的他强拽出教室。第二天，刘老师被叫到校长办公室，被告知她两个星期不能上课，因为她前一天拽搽他的行为被几位学生录了像，他母亲不依不饶把刘老师告到了学区，要求学区出面解决，不然的话就要对学区提出法律起诉。

文化冲突是汉语教学中的“敏感问题”。“敏感问题”的内容，一般说来，汉语中的“敏感问题”多是跟中国的国家利益密切相关的，即国际关系中的敏感问题。也有一些跟公共权力部门敏感问题有关的，例如“非典”和“禽流感”中相关部门的失职行为，公共服务的水平，由于师生基本上都具备个人隐私方面的意识，所以个人敏感问题一般不会成为汉语教学中的“敏感问题”“大多数是跟中国国家多形象密切相关。

不同国家的留学生在汉语教学中会出现不同的“敏感问题”。日本留学生，中日战争，包括南京大屠杀问题、钓鱼岛归属问题、参拜靖国神社问题、右翼历史教课书问题。台湾问题等都有可能成为“敏感问题”。韩国留学生，高句骊历史问题。文化遗产争夺问题，朝鲜战争问题等有可能成为“敏感问题”。美国和一些欧洲国家的留学生，意识形态问题，人权问题，台湾和西藏独立问题，宗教自由问题，中国军力问题，中国在海外的政策等都会成为“敏感问题”。

汉语教学中“敏感问题”产生的原因：一般是因为文化定势，文化迁移，行为规范和道德观念的不同，留学生所在国家媒体及汉语教学的误导。对历史问题的不同解释。

汉语教学中“敏感问题”的应对策略，增强师生的跨国文化意识，克服文化定势和文化迁移的不利影响，树立中国文化主体意识，不要造成中国文化的缺失。设身处地、将心比心、史实为证、讲解历史、文化认同、拉近距离、与时俱进、发展眼光、宽容胸怀、诙谐幽默。

如何避免对外汉语教学中的文化禁忌：性别禁忌、种族禁忌、残障禁忌、外型问题、智力方面的残障。注重课堂管理学的案例分析练习。如何建立课堂秩序规则是很关键的，课堂秩序规则制定的是否精细完整直接影响课堂教学的效率。一定避免课堂上行为问题（师生冲突，文化冲突）。在对外汉语教学中要做好有效的课堂管理。对外汉语教学中学生需要管理。为了正向的社会发展与学习进步，学生在校的学习不能没有管理。教师是进行课堂管理最重要灵魂人物。

课堂管理最好的方式是教师以身作则。教师个人的言行标准是最好的示范，其效果是惊人的。如，和蔼可亲，谦恭有礼，学生都会模仿。

课堂管理与教学是相辅相成的，二者缺一不可。学生有权在一个温暖关怀的环境中学习，而教师也有权在一个不受干扰的情境中施教。

预防性的课堂管理：改进教学、指定课堂规则、安排环境。

支持性的课堂管理：熟悉学生的姓名、运用肢体语言传递信息、运用声音的变化提醒学生、运用走动、接近和停住、真诚赞赏每一位学生、随时发现、调整座位、在沉闷的学习中善于用幽默、移开诱惑物体。纠正性课堂管理：说理、强化、示范、消弱、惩罚。

参考文献

- 杜萍，《有效课堂管理：方法与策略》教育科学出版社 2008 年
Du Ping "Effective Classroom Management: Methods and Strategies" Education press. 2008.
- 冯胜利、刘乐宁、朱永平、阎玲等《汉语教师职业技能指导手册》北京语言大学出版社，2018 年
Feng Sheng li, Liu Le n ing, Zhu Yong ping, Yan ling, etc. "Guidebook for professional Skills of Chinese Teachers" Beijing Language and Culture University press 2018.
- 刘美如、吕丽娜，《智在沟通----国际汉语课堂教学与管理案例及分析》北京大学出版社，2016 年。
Liu Mei ru LU Lina . "Smart Communication--Cases and Analysis of International Chinese Classroom--Teaching and Management" Peking University Press 2017.
- 陆俭明，马真，《汉语教师应有的素质与基本功》外语教学与研究出版社，2017 年，
Lu Jianming, Ma Zhen, "Quality and Basic Skills of Chinese Teaching" Foreign Language Teaching and Research Press, 2016.
- 朱永，《国际汉语教学案例与分析，修订版》高等教育出版社，2015
Zhu Yong, "Case and Analysis of International Chinese Teaching (Revised Edition)" Higher Education Press. 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аббас Али, аспирант Классического университета Центрального Китая, г. Ухань / **Abbas Ali**, Phd student, Central China Normal University, Wuhan, e-mail: alinagriccnu@gmail.com.

Баркова Мария Ивановна, студентка факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: L734671@bk.ru.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, доктор политических наук, профессор Высшей школы международных отношений. Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, e-mail: zeinabb1000@list.ru.

Благодер Юлия Гариевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, e-mail: blagoder_1@mail.ru.

Бояркина Анна Владимировна, кандидат политических наук, доцент Академического департамента английского языка Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, e-mail: aboyarkina@gmail.com.

Бурляй Ян Анастасьевич, Чрезвычайный и полномочный посол, профессор Московского государственного лингвистического университета, директор Центра ибероамериканских программ МГЛУ, e-mail: embaru@yandex.ru

Ван Бум Джейсон Кронбах, кандидат теологических наук, преподаватель иудаики факультета теологии и религиоведения Тартуского университета / **Van Boom Jason Cronbach**, PhD Theology, Lecturer in Jewish Studies, Doctoral candidate in University of Tartu, School of Theology and Religious Studies, e-mail: jasonvanboom@gmail.com.

Васильева Наталья Алексеевна, доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: n52basil@gmail.com.

Вербицкая Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: overbitskaia@gmail.com.

Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН, e-mail: veailan@yahoo.com.

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН, e-mail: voropaev@vokitai.ru.

Гринфилд Джошуа Бенджамин, аспирант МТИ факультета устного и письменного перевода Гуандунского университета иностранных языков / **Greenfield Joshua Benjamin**, Guangdong University of Foreign Studies, Department of Interpreting and Translation, MTI postgraduate student, e-mail: Jgreenfield970@outlook.com.

Гурдов Батыр, аспирант Классического университета Центрального Китая, г. Ухань / **Gurdiv Batyr**, Phd student, Central China Normal University, Wuhan, e-mail: batyrgurdow@mail.ru.

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета, e-mail: dazishen@mail.ru.

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ), e-mail: ppp1@rambler.ru.

Домашевская Дарья Михайловна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: dasmina_16@mail.ru.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, отдел истории Востока, e-mail: altanus@mail.ru

Дюндик Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: dyular@mail.ru.

Ефременко Яна Юрьевна, доктор (PhD, филология) по специальности «Китайская лингвистика и филология», преподаватель русского языка как иностранного кафедры русского языка Хэйлунцзянского университета, e-mail: yanaliuyuan@mail.ru.

Жихарева Татьяна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета, e-mail: t.zhikhareva2014@yandex.ru.

Иванов Кирилл Андреевич, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: allshallwillgood@gmail.com.

Иоффе Татьяна Владимировна, доцент кафедры восточных языков Омского государственного педагогического университета, e-mail: 6125293055@mail.ru.

Калинина Виталия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: vitaliya1@yandex.ru.

Калихман Аркадий Давидович, доктор физико-математических наук, заслуженный путешественник России, ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», e-mail: inba@irk.ru.

Калихман Татьяна Петровна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории картографии, геоинформатики и

дистанционных методов Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru.

Камышина Елена Александровна, аспирант и ассистент кафедры социологии и политологии гуманитарного факультета СПбГЭТУ, e-mail: Kamyshina.elena@gmail.com.

Карачева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, аспирант Педагогического университета Центрального Китая г. Ухань, e-mail: ns_karacheva@mail.ru.

Кеворкян Константин Эрвантович, председатель АНО «Крымский центр истории и культуры»

Клеянкина Ольга Александровна, магистр зарубежного регионоведения, профиль «Регионоведение и этнология стран АТР» (научный руководитель: И. В. Шалина, кандидат исторических наук), Институт филологии иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Коробко Виолетта Олеговна, магистрант Института филологии иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (научный руководитель: О. В. Кузнецова, кандидат филологических наук), e-mail: violetta.korobko@mail.ru.

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: kremnyov2005@mail.ru.

Круглов Владислав Владиславович, директор Центра языков стран Европы и Азии Школы ЦПМ (г. Москва), главный тренер сборной Москвы к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку, преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» ИСАА МГУ, e-mail: cpr.chinderp@yandex.ru.

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: kuznetsova1@mail.ru.

Курдюмов Владимир Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, e-mail: vkplans@gmail.com.

Лазаревска Ольга, доктор наук (PhD), преподаватель Канадского центра изучения языка и культуры / **Lazarevska Olga**, PhD, TESL Instructor Canadian Centre for Language and Culture Studies, e-mail: olga.irk.ru@gmail.com.

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии факультета

социологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: llebedintseva879@gmail.com.

Лесниковская Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: elesnikovskaya@gmail.com.

Ли Жуй, доктор наук (PhD) в области философии, преподаватель Нанкинского педагогического колледжа коррекционного образования / 李瑞, 汉语言文字学博士, 南京特殊教育师范学院, 讲师, e-mail: wojaoliruia@126.com.

Ли Минь, доктор наук (PhD) в области менеджмента, профессор Цзянсийского финансово-экономического университета / 李敏, 管理学博士, 江西财经大学 教授, e-mail: Limin197110@163.com.

Ли Ци-тун, аспирант (MA) Университета Чжэнчжи, Тайбэй / 李紀彤, 研究生國立政治大學, e-mail: 105161001@nccu.edu.tw.

Малыгин Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор. Департамент зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики, профессор-исследователь, e-mail: vmalyavin@hse.ru.

Озерникова Татьяна Георгиевна, доктор экономических наук, профессор-исследователь научно-учебной лаборатории социальной психологии и межкультурных исследований факультета психологии Иркутского государственного университета, e-mail: ozernikova@mail.ru.

Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: osmanov1979@mail.ru.

Панов Станислав Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Военно-морская академия.

Перлин Петр Валерьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, e-mail: prof. pecheritsa@gmail.com.

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений. Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, e-mail: pogodin56@mail.ru.

Пруцких Андрей Александрович, кандидат филологических наук, декан Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, e-mail: proutskikh@yahoo.com.

Пруцких Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета, e-mail: pruta@mail.ru

Савченко Ирина Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной

коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД РФ, e-mail: teosmaco@rambler.ru.

Се Бицзюнь, магистр менеджмента, ассистент Института современной экономики и менеджмента, Цзянсийский финансово-экономический университет / 谢碧君, 管理学硕士, 江西财经大学现代经济管理学院 助教.

Серебrenникова Евгения Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: serebr_ef_76@mail.ru.

Сильверблатт Арт, доктор наук (PhD) в области философии, заслуженный профессор Института коммуникации Университета Вебстера / **Silverblatt Art**, Phd, Emeritus Professor, School of Communications Webster University , e-mail: asilverblatt81@gmail.com.

Стефановская Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru.

Страшко Екатерина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры Социальных коммуникации Севастопольского государственного университета, e-mail: katuashko@mail.ru.

Терехова Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: zabnata@yandex.ru.

Терехова Татьяна Александровна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Иркутского государственного университета, e-mail: terehovata@mail.ru.

Титова Мария Алексеевна, младший научный сотрудник отдела «Наследие Рерихов» филиала Государственного музея искусства народов Востока «Музей Рерихов», e-mail: dogaru@inbox.ru.

Трофимова Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Иркутского государственного университета, e-mail: trofimova-bgu@mail.ru.

Уханова Эркелей Владимировна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: erkeley9@mail.ru.

Хамаева Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, лаосского и тайского языков Московского государственного института международных отношений (университета), e-mail: hamaeva2003@mail.ru.

Хо Ольга Александровна, доктор наук (PhD, Хэйлунцзянский университет, КНР) по специальности «Китайская филология», e-mail: khaalga@gmail.com.

Цзэн Сяньфэй, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Гуманитарного института Цзянсийского финансово-

экономического университета / **曾献飞**, 博士、副教授, 江西财经大学人文学院副院长, e-mail: 87540462@qq.com.

Цзян Вэй, старший преподаватель Омского государственного педагогического университета / **姜威**, 教师, 鄂木斯克国立师范大学, e-mail: jiangwej@yandex.ru.

Чжан Ли, магистр инженерных наук, доцент Цзянсийского профессионально-технического института электромеханики / **张莉**, 工程硕士, 副教授, 江西机电职业技术学院, e-mail: 398123100@qq.com.

Чжу Юлунь, доктор наук (PhD) в области филологии, Цзянсийский финансово-экономический университет / **朱佑伦**, 文学博士, 江西财经大学, e-mail: 0411011@163.com.

Чэнь Сяомэй, Цзянсийский финансово-экономический университет, учебный отдел / **陈晓梅**, 江西财经大学教务处.

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: i_v_s2000@mail.ru.

Шахуд Зиад, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: Ziad.sh@gmail.com.

Шишмарева Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: taniyashi72@yandex.ru.

Шошин Александр Алексеевич, магистр лингвистики, аспирант Иркутского государственного университета (научный руководитель: Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор), e-mail: shoshin. irgiredmet@gmail.com.

Шурыгина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета, e-mail: olga-saiko@mail.ru.

Яковлев Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, e-mail: nii.region@mail.ru.

Ярмак Вероника Евгеньевна, магистрант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель: профессор, доктор социологических наук, Дерюгин Павел Петрович), e-mail: veronika_arkhipenko@mail.ru.

Ярмак Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Социальные коммуникации» Севастопольского государственного университета, e-mail: olga_yarmak@inbox.ru.

РАЗДЕЛ I. СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА,
КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Васильева Н. А. Шахуд З. К вопросу о роли политической герменевтики в международных отношениях	4
Воропаев Н. Н. Структура и семантика прецедентных имен китайскоязычного культурного пространства	8
Greenfield J. B. A Brief Overview Of The History Of Linguistics In China / Гринфилд Дж. Б. Краткий обзор истории лингвистики в Китае (на англ. яз.)	22
Домашевская Д. М. На правах послесловия к «Словарю этимологий базовых знаков китайской письменности»	30
耶夫列民科·娅娜. 俄罗斯人视角下的《文心雕龙·章句》研究与翻译 / Ефременко Я. Ю. Проблемы изучения и перевода главы «Чжан Цзюй» трактата «Вэнь синь дяо лун» на русский язык	41
Жихарева Т. Ю. Символика пространства и времени в китайской поэзии эпохи Тан как составляющая мироощущения китайской культурной общности	49
Лазаревска О. В. Анализ интердискурсивной природы политического дискурса на примере публикаций в англоязычных СМИ	61
李瑞. «左传» “子之耻也大不列于诸侯矣” 断句考 / Ли Жуй. Членение фразы «子之耻也大不列于诸侯矣» в памятнике исторической прозы «Цзо чжуань» (на кит. яз.)	67
Хамасева Е. А. К вопросу об указательной категории иероглифов в классификации Сюй Шэня	72
霍·奥丽佳. 汉俄心理活动动词句型模式分析 / Хо О. А. Сравнительный анализ структурных схем предложений с глаголами психологического действия русского и китайского языков	75
张莉. 自然语言处理的历史、现状与未来 / Чжан Ли. История, современное состояние и перспективы обработки естественного языка	83
Шишмарева Т. Е. К вопросу о шестеричной парадигме базовых знаков китайской письменности	86
Шишмарева Т. Е. Из опыта построения этимологической модели в рамках проекта «Этимологии базовых знаков китайской письменности»	93
Шошин А. А., Серебrenникова Е. Ф. Основания моделирования медийного дискурса эмпатии: механизмы, жанры, контексты порождения ...	96

РАЗДЕЛ II. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Благодар Ю. Г. Первые публикации о Китае на страницах «Вестника Императорского Русского географического общества»	106
Бояркина А. В. Взаимосвязь марксизма и традиционной культуры Китая	110
Дробышев Ю. И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых европейских источниках	119
Курдюмов В. А. Китайский язык и проблемы философской онтологии	127
Малявин В. В. Проблема перевода и толкования текстов в культурологической перспективе	135
Пруцких А. А., Пруцких Т. А. Стереотипы в китайской лингвокультуре	152
Терехова Н. В. Язык описания древнекитайского толкового словаря «Шо вэнь цзе цзы»	160
Терехова Н. В., Терехова Т. А., Озерникова Т. Г. Стратегии достижения богатства в традиционном Китае	173
Титова М. А. Опыт атрибуции статуэтки Куй-сина из фонда наследия Рерихов Государственного музея Востока	180
曾献飞, 陈晓梅. 《长恨歌》中的两个字音考 / Цзэн Сяньфэй, Чэнь Сяомэй. К вопросу о двойном чтении иероглифов в поэме «Вечная печаль»	190
朱佑伦. 箫衍清商曲辞创作对吴声西曲的学习与发展 / Чжу Юлунь. «Песни на мелодии Цин и Шан» Сяо Яня и вклад их автора в изучение и развитие «Песен местности У» и «Западных песен»	195

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Abbas Ali Diffusion of culture in the 21st century cultural relations between China and Pakistan / Аббас А. Распространение культуры в XXI в.: культурные отношения между Китаем и Пакистаном (на англ. яз.)	200
Бурлай Я. А. Некоторые аспекты налаживания транстихоокеанских связей между Россией и Латинской Америкой	207
Van Boom J. C. Yuri Lotman's semiosphere and Asia-Pacific / Ван Бум Дж. С. Семиосфера Юрия Лотмана и Азиатско-Тихоокеанский регион (на англ. яз.)	211
Верченко А. Л. Поддержка Советским Союзом антияпонского сопротивления на Северо-Востоке Китая в 1931–1945 гг. и победа во Второй мировой войне	220
Gurdov B., Karacheva N. S. Towards the China's foreign policy peculiarities from 1978 till nowadays in the context of development of the Asian-Pacific region / Гурдов Б., Карачева Н. С. Особенности внешней	

политики Китая с 1978 г. по настоящее время в контексте развития Азиатско-Тихоокеанского региона	230
Дацышен В. Г. Восточная Сибирь в советско-китайских отношениях в 1980-е гг.	236
Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Камышина Е. А., Ярмак О. В. Человеческий капитал корпорации в ценностном измерении: опыт сетевой диагностики	253
Иванов К. А., Кремнёв Е. В., Стефановская С. В. Основная проблематика и методологические подходы Австралийско-новозеландской секции Международной ассоциации региональной науки (ANZRS AI)	261
Калихман А. Д., Калихман Т. П. Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения	266
Камышина Е. А., Ярмак В. Е., Кеворкян К. Э. Формирование человеческого капитала в современном российском обществе: роль семьи	284
Карачева Н. С. Мультидисциплинарный подход региональной науки У. Айзарда: недостаток или достоинство?	288
Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад региональных экономистов в становление американской региональной науки (на примере деятельности Г. Хотеллинга)	295
Кремнёв Е. В., Ананьев В. В. Осмысление концепций Нисиды Китаро о пространстве в контексте современных региональных исследований в Японии	303
Кузнецова О. В. Место региональной науки в системе интегрированного научного знания (на примере работ американских ученых второй половины XX в.).....	307
Лебединцева Л. А., Баркова М. И. Социальное и коммерческое предпринимательство: требования к человеческому капиталу	322
Лесниковская Е. В. К вопросу о концепте территориальной близости в зарубежных региональных исследованиях	327
Лесниковская Е. В. Трансформация парадигм региональных исследований в Европе в контексте изучения Азиатско-Тихоокеанского региона	331
李敏, 谢碧君. 平级同事关系与工作绩效：基于人际信任的中介作用 / Ли Минь, Се Бицзюнь. Отношения с коллегами и качество работы: регулирующий эффект межличностного доверия	340
Османов Е. М. Взлет и крах российско-японских отношений (1906–1917 гг.)	358
Перлин П. В., Яковлев В. В. Инициатива «пояса и пути»: китайская экспансия на Балканах, проблемы и перспективы	369
Печерица В. Ф. К вопросу об «особенности» и «исключительности» Соединенных Штатов Америки	377
Silverblatt A. Media Literacy and Critical Thinking in the USA / Сильверблатт А. Медиаграмотность и критическое мышление в США ...	388

Страшко Е. В. Целеполагание в процессе производства инновационной продукции с позиций теории фирмы и теории человеческого капитала	392
Терехова Т. А., Трофимова Е. Л. Этнопсихологическая модель экономического самоопределения предпринимателя малого бизнеса	400
Уханова Э. В. Японо-американское сотрудничество в области противоракетной обороны	406
Шалина И. В., Клеянкина О. А., Кремнёв Е. В. Внутриполитические эволюционные процессы в Японии эпохи Мэйдзи	411
Шурыгина О. А., Калинин В. В. К вопросу о научной дипломатии в Японии	416
Ярмак В. Е., Камышина Е. А., Панов С. В. Базовые социологические концепции человеческого капитала: критический анализ	423
Ярмак О. В., Дерюгин П. П. Научно-образовательные центры России как территории роста человеческого капитала: региональные особенности и евразийская направленность	429

РАЗДЕЛ IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРАХ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Бахтуридзе З. З., Погодин С. Н. Подготовка специалистов в области регионоведения и международных отношений: гендерное измерение	437
Вербицкая О. Ю., Савченко И. А. К проблеме развития навыков критического мышления при обучении лингвострановедению	444
Dyundik Yu., Kuznetsova O. One method of developing critical thinking: News analysis with students of regional studies and translation specialization / Дюндик Ю. Б., Кузнецова О. В. Анализ новостей как один из способов развития критического мышления у студентов, обучающихся на профилях, связанных с регионоведческими исследованиями и переводом	447
Иоффе Т. В. Интегрированный подход к преподаванию лингвистических дисциплин в языковом вузе (на примере поэтической антологии «Шицзин»)	451
Круглов В. В. Учебное пособие «Китай: история и современность» в свете современных лингводидактических тенденций	457
李紀彤. 「吧」語法功能探究與韓國學習者教學語法建議 / Ли Цзи-тун. Грамматическая функция частицы 吧 и предложения по обучению корейских студентов грамматике	461
姜威. 对外汉语教学及课堂管理 / Цзян Вэй. Преподавание китайского языка как иностранного и эффективная координация деятельности обучающихся во время занятия	470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	478

Научное издание

IV ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ**

Материалы
Международной научной конференции
Иркутск, 7–9 декабря 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1867-4

Редактор В. В. Попова

Подписано в печать 06.11.2020. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 29,4. Усл. печ. л. 30,5. Тираж 100 экз. Заказ 119

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
e-mail: izdat@lawinstitut.ru